This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 862,921

~~N 2018~~

Гос. Школа

I.

II.

Pa. R-135

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

8
К58
Kozmin, Nikolai Konstantinovich.

Н. К. Козминъ.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

РУССКАГО РОМАНТИЗМА.

Н. А. Полевой, какъ выразитель литературныхъ направленій современной ему эпохи.

СПб. Гарнизонной Мужской классической гимназіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

891.79
К897 яск

Печатается по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. 12-го мая 1903 года.

Деканъ *С. Платоновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Журналистика	1
Романъ	67
Теорія драмы	181
Критическіе пріемы	263
Сужденія о классической и романтической литературахъ	315
Приложенія	465
Указатель именъ	564

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Когда литературный документъ богатъ и когда умѣешь объяснить его, то найдешь въ немъ не только психологію души, но и психологію вѣка», писалъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, знаменитый французскій критикъ во введеніи къ одному изъ капитальнѣйшихъ своихъ сочиненій. Дѣйствительно, на страницахъ исторіи можно встрѣтить имена, носители которыхъ, обладая отзывчивой и впечатлительной натурой и чуткимъ умомъ, быстро схватывающимъ современныя ему вѣянія и не менѣе быстро перерабатывающимъ жизненныя впечатлѣнія, умѣли уловить и навсегда «задержать» моментъ въ процессѣ развитія общественнаго сознанія. Такимъ образомъ создавались произведенія, какъ чуткій барометръ отражавшія малѣйшія уклоненія и видоизмѣненія въ міровоззрѣніи народа, жившаго въ ту или иную эпоху. Авторы были иногда первоклассными геніями, снискавшими себѣ міровую извѣстность; были и просто талантливыми людьми, надѣленными самыми разносторонними способностями. Для внимательнаго изслѣдователя равно важны тѣ и другіе. Если драгоцѣнно твореніе, въ которомъ геніальная идея облекается въ дивную внѣшнюю форму, въ которомъ отчетливо проявляется могучая личность поэта или

мыслителя, не менѣе интересны труды умныхъ людей, «стоящихъ въ просвѣщеніи наравнѣ со своимъ вѣкомъ». Изученіе этихъ трудовъ даетъ подчасъ возможность подробно анализировать «почву», безъ ознакомленія съ которой непонятно возникновеніе на ней самыхъ изумительныхъ созданій въ области науки и искусства. Анализъ «почвы» особенно важенъ въ историческіе періоды, отличающіеся неясностью и неопредѣленностью, но приводящіе къ яснымъ и вполнѣ опредѣленнымъ послѣдствіямъ. Такимъ періодомъ въ исторіи русской литературы являются двадцатые и начало тридцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія, ознаменованные движеніемъ, которое названо романтическимъ; и лучшимъ показателемъ этого движенія служитъ литературная дѣятельность Николая Алексѣевича Полевого.

Мы далеки отъ мысли окончательно порѣшить вопросъ о русскомъ романтизмѣ; отбросивъ это намѣреніе, мы задались только цѣлью характеризовать вкусы и взгляды писателя, извѣстнаго, какъ наиболѣе романтическаго... Послѣ ряда подобныхъ изысканій, произведенныхъ относительно другихъ писателей той же эпохи, быть можетъ, выяснится, наконецъ, и само до сихъ поръ точно не опредѣленное понятіе.

Литературная дѣятельность Полевого распадается надвое: ея первая половина, представляющая собою полный расцвѣтъ способностей Николая Алексѣевича, совпадаетъ со временемъ изданія *Московскаго Телеграфа* (1825—1834); вторая, начинающаяся со дня запрещенія журнала, есть печальная картина увяданія таланта, сломленнаго житейскими невзгодами. Наше вниманіе обращено на наиболѣе выдающіяся сочиненія Полевого, относящіяся къ тѣмъ годамъ его жизни, когда онъ, увлекаемый желаніемъ добра для соотe-

чественниковъ и исполненный самыхъ благородныхъ стремленій, не щадилъ силъ духовныхъ и физическихъ, работая въ самыхъ разностороннихъ областяхъ. Онъ интересуетъ насъ, какъ журналистъ, въ теченіе девяти лѣтъ высоко державшій свое знамя; какъ беллетристъ, пытавшійся примѣнить на практикѣ свои умныя теоретическія сужденія о томъ или другомъ литературномъ жанрѣ; какъ шеллингистъ, впитавшій въ себя нѣмецкую философію изъ сочиненій Кузена; какъ критикъ, устанавливающій лучшіе, чѣмъ прежде, пріемы изслѣдованія. При разрѣшеніи возникающихъ вопросовъ намъ, естественно, приходилось отчасти затрагивать явленія западно-европейской, преимущественно французской, и русской словесности, чтобы точнѣе выяснить иноземныя вліянія и опредѣлить мѣсто, занимаемое Полевымъ въ ряду его современниковъ. Мы умышленно не касались его драматическихъ произведеній, написанныхъ послѣ 1834-го года, не отличающихся достоинствами другихъ его сочиненій и послужившихъ уже предметомъ одной юбилейной статьи (1896 г.); не касались и историческихъ трудовъ, не входящихъ въ область нашей спеціальности и отчасти оцѣненныхъ въ статьяхъ К. Н. Бестужева-Рюмина и въ изслѣдованіи П. Н. Милюкова. Въ приложеніяхъ мы сочли не лишнимъ напечатать библіографію сочиненій Полевого и литературы о немъ, а также матеріалы для его біографіи. Нѣкоторыя допущенныя нами въ настоящей книгѣ «повторенія» вызваны тѣмъ планомъ, который лежитъ въ основѣ нашихъ изысканій.

Большая часть печатаемыхъ очерковъ была помѣщена въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣ-*

щенія, Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ и *Русской Старинѣ.*

Заканчивая нашу работу, съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаемъ покойныхъ академиковъ И. Н. Жданова и Л. Н. Майкова, цѣнными совѣтами разрѣшавшихъ наши сомнѣнія и добрымъ, сердечнымъ отношеніемъ оказавшихъ намъ большую нравственную поддержку; считаемъ также своею обязанностью выразить признательность Историко-Филологическому Факультету С.-Петербургскаго Университета и всѣмъ нашимъ знакомымъ, оказавшимъ намъ содѣйствіе къ выполненію поставленной нами задачи.

Приложенный къ книгѣ указатель составленъ П. Г. Васенкомъ, которому приносимъ искреннюю благодарность.

ЖУРНАЛИСТИКА.

СПБ. РАЗНИ... ОЙ ЛЕНСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
КЛАССИЧ.
ГИМНАЗІИ.

I.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ:

иностранная журналистика и литература.

«Московскій журнализмъ убьетъ петербургскій», писалъ Пушкинъ въ своихъ «возраженіяхъ на книгу Радищева». «Московская критика съ честью отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать наряду съ лучшими статьями англійскихъ *Reviews*». Переходя далѣе къ *Московскому Телеграфу*, Пушкинъ, не всегда относившійся безпристрастно къ этому журналу (или, вѣрнѣе, его редактору), хотя и признаетъ его «предпріятіемъ чисто-торговымъ», но въ то же время невольно восклицаетъ: «какая смышленость въ выборѣ переводныхъ статей! какая оборотливость въ сужденіяхъ!»

Признаніе превосходства московскаго журнализма, похвальный отзывъ объ англійскихъ *Reviews*, упоминаніе о «смышленыхъ» переводахъ *Московскаго Телеграфа*—все это вѣрныя, мѣткія мысли, находившія себѣ подтвержденіе въ дѣйствительности. Достоинство московской журналистики, въ частности *Московскаго Телеграфа*, поддерживалось, какъ участіемъ и сотрудничествомъ нашихъ первоклассныхъ литературныхъ талантовъ, такъ и вліяніемъ иностранной журналистики и литературы. Перейдемъ къ выясненію этого вліянія.

Родоначальницей *Обозрѣній* является Англія: здѣсь этотъ журнальный типъ получаетъ свое развитіе и начинаетъ привлекать вниманіе журналистовъ и литераторовъ другихъ странъ.

«Извѣстны двѣ партіи, давно раздѣляющія политиковъ Англіи на *виговъ* и *тори*; сіи партіи находятъ себѣ поборниковъ въ разныхъ журналахъ, жарко спорятъ и пишутъ. Нѣсколько жур-

*

наловъ держатъ нейтралитетъ; есть и другія частныя измѣненія. Политическое направленіе отзывается въ литературномъ духѣ почти каждаго англійскаго журнала... Изъ всѣхъ заслужившихъ болѣе другихъ славы и уваженія должно почесть первымъ извѣстное *Эдинбургское Обозрѣніе* [1]) (*The Edinburgh Review*). Оно выходитъ въ Эдинбургѣ, черезъ три мѣсяца, книжками листовъ въ 15. Его началъ Джеффери [2]) съ товарищами въ 1804 г. Въ 1817 году расходилось его 12.000 экземпляровъ; теперь расходится болѣе 15.000. Въ обществѣ, издающемъ журналъ сей, всегда участвовали главнѣйшіе виги, и нынѣ участвуютъ (т. е. въ 1827 г.) въ немъ Брумъ, Макинтошъ и многіе славные писатели Англіи. Книжки состоятъ изъ большихъ рецензій и, рѣдко, статей о политикѣ, политической экономіи и т. п.—Книгъ въ рецензіи входитъ немного, но разнообразіе выбора и особенный образъ критики, особенный способъ писать статьи о книгахъ, раздвигая объемъ воззрѣнія на сущность предмета и удаляя подробности, даетъ журналу великую важность. Полное собраніе *Эдинбургскаго Обозрѣнія* драгоцѣнно, и первые годы его донынѣ нѣсколько разъ были перепечатаны. Журналъ страшенъ своимъ ученымъ критическимъ трибуналомъ, и его не могло уронить даже грозное перо Байрона [3]), когда издатели отозвались невыгодно о первыхъ сочиненіяхъ поэта. Направленіе *Эдинбургскаго Обозрѣнія* обращено было прежде явно къ сторонѣ виговъ или конституціонной: но со времени принятія должности главнаго редактора Макъ-Колокомъ, извѣстнымъ сочиненіями своими о политической экономіи, журналъ въ политикѣ сдѣлался умѣреннѣе».

«Джеффери, человѣкъ неуступчивый, вспыльчивый, самъ былъ причиною появленія сильнаго литературно-политическаго противника. *The Quarterly Review* составился въ 1812 году, когда одинъ изъ сотрудниковъ *Edinburgh Review* Джиффордъ поссорился съ Эдинбургскою редакціею и рѣшился основать отдѣльный жур-

---

[1]) Журналъ возникъ въ 1773 г., подъ названіемъ: *Edinburgh Magazine and Review*; первый номеръ собственно *Edinburgh Review* вышелъ 10 октября 1802 г. („Histoire de la presse en Angleterre" par Cucheval-Clarigny. Paris. 1857).

[2]) Франсисъ Джеффри былъ редакторомъ *Review* въ теченіе 27 лѣтъ.

[3]) Разумѣется знаменитая сатира: „Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели". О составѣ сотрудниковъ Кларинньи говоритъ, что никогда не было такого соединенія талантовъ, посвятившихъ себя одному дѣлу.

налъ, совершенно предавшійся партіи *тори*, или аристократической [1]). Сей журналъ съ тѣхъ поръ выходитъ въ Лондонѣ, огромными книжками, также четыре раза въ годъ, и вообще въ расположеніи и образѣ статей совершенно сходенъ съ своимъ родоначальникомъ *Обозрѣніемъ Эдинбургскимъ*: однѣ рецензіи составляютъ и здѣсь всю сущность [2]). Джиффорда смѣнилъ въ редакціи Колериджъ, извѣстный врагъ Байрона и странный поэтъ. Нынѣ главный редакторъ, зять В. Скотта, Локкардъ. Вмѣстѣ съ нимъ работаютъ придворный поэтъ Сутей, Крокеръ, Мильмансъ и многіе другіе извѣстные люди. Критика и голосъ сего изданія уважаются въ Англіи, хотя иногда аристократизмъ дѣйствуетъ сильно на издателей [3]). Все старое, все феодальное находитъ себѣ сильную защиту въ *Quarterly Review*, для котораго слова: иностранное и новое—синонимы худого и негоднаго».

«На такомъ же точно планѣ и расположеніи, какъ *Эдинбургское* и *Лондонское Обозрѣнія*, основалось въ 1824 году, по всѣмъ догадкамъ подъ покровительствомъ Каннинга, совершенный противникъ того и другого журнала, *Вестминстерское Обозрѣніе* (*Westminster Review*), къ которому присовокупились сильные реформаторы англійской политики и литературы: Бентамъ, Милль, Боурингъ, Пласъ и проч. Самъ Каннингъ писалъ по нѣскольку статей въ годъ для сего журнала, и потому статьи политическаго содержанія въ семъ журналѣ почитались англича-

---

[1]) Основаніе *Quarterly Review* было вызвано едва ли не ссорой В. Скотта съ редакціей *Эдинбургскаго Обозрѣнія*. Знаменитый романистъ былъ склоненъ думать, что подобный журнальный органъ можетъ вредно вліять на умы и что необходимо основать журналъ по тому же плану, но съ прямо противоположнымъ направленіемъ. Журналъ въ духѣ тори было предрѣшено издавать еще въ 1808 г. В. Скоттъ отклонилъ отъ себя предложенное ему редакторство, но предложивъ все съ своей стороны возможное для содѣйствія новому журналу. Бывшій сотрудникъ *Эдинбургскаго Обозрѣнія* становится сотрудникомъ *Трехмѣсячнаго Обозрѣнія*. (Клариньи, стр. 291—292).

[2]) Главное мѣсто между статьями принадлежитъ критикѣ литературной.

[3]) Антагонизмъ *Эдинбургскаго* и *Трехмѣсячнаго Обозрѣній*, призывавшій подъ то или другое знамя всѣхъ выдающихся писателей, сообразно ихъ взглядамъ, долженъ былъ подорвать всѣ періодическія изданія того же рода, ибо публика сдѣлалась къ послѣднимъ равнодушна. Оба *Обозрѣнія* такимъ образомъ одни владычествовали въ тогдашней журналистикѣ (Клариньи, стр. 305).

нами почти полуоффиціальными» [1]). Громадная популярность англійской прессы не могла пройти безслѣдно для прессы обще-европейской. Увлеченные типомъ *Review* нѣмецкіе и французскіе журналисты стараются подражать англійскимъ.

«Стараніе подражать англійскимъ *Обозрѣніямъ* оказалось въ Германіи уже за нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ давно (и также по четыре книжки въ годъ) издаются *Вѣнскія Лѣтописи Литературы* и *Лейпцигскій Гермесъ*. Во Франціи титулъ: *Обозрѣніе* (*Revue*=*Review*) давно уже сдѣлался весьма употребительнымъ: такъ, напримѣръ, въ Парижѣ издаются: *Американское Обозрѣніе*, *Британское Обозрѣніе*, *Протестантское Обозрѣніе*, *Энциклопедическое Обозрѣніе;* въ первомъ заключаются единственно статьи объ Америкѣ [2]); во второмъ единственно выборъ статей изъ англійскихъ журналовъ и книгъ [3]). *Энциклопедическое* Обозрѣніе (*Revue encyclopédique*) очень извѣстно въ Россіи, и мы не почитаемъ нужнымъ объяснять, что оно только по названію походитъ на *Обозрѣнія* англійскія. Но появленіе журналовъ французскихъ, которые были бы образованы совершенно по образцу англійскихъ *Обозрѣній*, должно отнести рѣшительно къ нынѣшнему только году» (1828). Такими *Обозрѣніями* являются: *Revue trimestrielle* и *Revue française*. «Если можно судить по оглавленію, то, кажется, что въ *Обозрѣніи Французскомъ* [4]) преимущественное мѣсто займетъ политика: важные

---

[1]) Редакція журнала была вручена Боурингу, который обладалъ энциклопедическими свѣдѣніями и отличался неистощимою плодовитостью; кромѣ того Боурингъ былъ замѣчательный популяризаторъ. Направленіе *Вестминстерскаго Обозрѣнія* было либеральное. Такъ, *Обозрѣніе* возставало противъ права первородства, требовало равноправности католиковъ и евреевъ, провозглашало уничтоженіе податей и т. д. Одно время были прекращены публикаціи объ его выходѣ, такъ какъ его направленіе противорѣчило господствующимъ понятіямъ. Впрочемъ это длилось лишь нѣсколько мѣсяцевъ. *Вестминстерское Обозрѣніе*, послѣ ухода Боуринга, присоединилось къ журналу: *Foreign Quarterly Review* и выходило подъ двумя заглавіями. Впослѣдствіи оно получило вновь свое старое имя.

[2]) Такихъ журналовъ въ Германіи, сколько намъ извѣстно, издается два: *Columbus*, *Amerikanische Miscellen*, изд. Рединг, въ Гамбургѣ; *Atlantis*, изд. Ривинусъ, тамъ же. Прим. изд. М. Т.

[3]) Въ Германіи такихъ выборовъ нѣсколько. Лучшіе суть: *British Chronicle*, изд. Мейеръ, и *Britania, oder neue englischen Miscellen*, изд. Гермесъ; оба въ Стутгартѣ. Прим. изд. М. Т.

[4]) Основателями *Revue française* (1828 — 1830) были: Гизо, Ремюза, де-Брольи и др. Журналъ былъ посвященъ вопросамъ философіи, исторіи, литературной критики и изслѣдованіямъ научнымъ; сотрудники его,

вопросы современные, о которыхъ говорятъ издатели въ программѣ, разумѣется, суть тѣ вопросы, которыми заняты теперь всѣ умы во Франціи. Статья: «Состояніе Франціи», была перепечатана въ *Журналѣ Преній*: это не что иное, какъ грозное нападеніе публициста Гизо на бывшаго тогда министра Виллеля. Другія статьи относятся къ современной исторіи Греціи, Франціи и Англіи. Въ *Трехмѣсячномъ Обозрѣніи* [1]) разнообразія гораздо болѣе, и хотя *Журналъ Преній*, расхваливъ *Французское Обозрѣніе*, ни слова не сказалъ донынѣ о *Трехмѣсячномъ*, но причины этого довольно понятны, и потому можно надѣяться, что если первое изъ нихъ болѣе важно и занимательно будетъ для французовъ, то второе, вѣроятно, болѣе представитъ общей занимательности и важности».

Приведенный очеркъ развитія журнальнаго типа *Обозрѣній* заимствованъ изъ статей, посвященныхъ тому же вопросу и помѣщенныхъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1827 и 1828 годовъ [2]). Эти статьи указываютъ на то вниманіе, съ которымъ слѣдилъ русскій журналъ за европейскими періодическими изданіями, и даютъ сразу чувствовать, что должна существовать связь между *Телеграфомъ* и иностранной прессой. И дѣйствительно, по внимательномъ изученіи журнала Полевого, становится яснымъ вліяніе на него, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, сначала французскихъ, а затѣмъ англійскихъ *Обозрѣній*, и другихъ газетъ и журналовъ.

Представляя въ первомъ номерѣ *Московскаго Телеграфа* за 1825 г. подписчикамъ планъ своего изданія, Полевой писалъ:

хотя и указывали на свое отличіе отъ людей 1789 г., были продолжателями ихъ дѣла; они задумали привести общество къ сознанію болѣе возвышенныхъ принциповъ, болѣе возвышенныхъ чувствъ и необходимости болѣе прочныхъ основъ. *Revue française* тѣсно соединено съ *Le Globe*: у нихъ одна цѣль, одна точка отправленія, однѣ идеи и часто одни и тѣ же сотрудники. Значеніе этого органа было чрезвычайно важно для своего времени, какъ по талантамъ, такъ по авторитету редакторовъ. *Hatin*. Bibliographie de la presse périodique française. Paris. 1866 (p. 363).

[1]) *Трехмѣсячное Обозрѣніе*, или *Revue trimestrielle* было основано по плану англійскаго *Quarterly Review*. О немъ упоминается въ „Bibliographie de la presse“ Гатена: *Revue trimestrielle*, 1829, 4 vol., in 8°.

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 17, стр. 55; 1828, № 7, стр. 374—381.

«мы избираемъ лучшія французскія и нѣмецкія періодическія изданія: *Revue encyclopédique*, *Bulletin universel*, *Journal des débats*, *Allgemeines Repertorium*, *Галльскія*, *Іенскія*, *Геттингенскія и Лейпцигскія Ученыя Вѣдомости*, *Изиду*, и проч. и проч.» [1]).

Изъ этого перечня видно, что Полевой въ началѣ изданія *Телеграфа* еще не былъ знакомъ съ англійской журналистикой и что прежде всего онъ упоминаетъ о *Revue encyclopédique*. *Revue encyclopédique*, писалъ Бѣлинскій, «служила для него и сокровищницею новыхъ идей и нерѣдко снабжала его статьями, которыя ему стоило только передѣлывать и придѣлывать къ чему было ему нужно» [2]). Слова критика были справедливы: *Московскій Телеграфъ* напоминалъ указанное *Обозрѣніе* и по внѣшней формѣ, и по содержанію статей.

Revue encyclopédique—журналъ, издававшійся извѣстнымъ публицистомъ и политикомъ Жюльеномъ [3]) съ 1819 по 1833 г. и посвященный главнымъ образомъ критикѣ лучшихъ произведеній литературы, науки и искусства. Какъ говоритъ само заглавіе, *Revue* отличалось большой разносторонностью содержанія и заключало въ себѣ извѣстія о всѣхъ только-что вышедшихъ новинкахъ: на ряду съ критическими этюдами, въ немъ помѣщались и стихотворенія, и извѣстія о книгахъ, французскихъ и не французскихъ, и извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ европейской общественной жизни. *Revue encyclopédique* пользовалось заслуженнымъ уваженіемъ, ибо въ числѣ редакторовъ его были выдающіеся современные писатели; оно стало приходить въ нѣкоторый упадокъ только послѣ 1830 года, когда сенсимонизмъ охватилъ умы его новыхъ заправилъ [4]).

Въ подтвержденіе приведенныхъ выше словъ Бѣлинскаго сопоставимъ содержаніе двухъ наудачу выбранныхъ номеровъ *Эн-*

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 1, стр. 90.

[2]) Полное собраніе сочиненій. Спб. 1901, т. IV, стр. 266.

[3]) Жюльенъ (Jullien de Paris, 1775—1848) во время директоріи редактировалъ *L'Orateur plébeien*, газету чисто республиканскую; Бонапартъ поручилъ ему редактированіе органа: *Le Courrier de l'armée d'Italie*; онъ, вмѣстѣ съ другими, основалъ *L'Indépendant* (La Grande Encyclopédie, t. 21, p. 295). Сотрудниками его по *Энциклопедическому Обозрѣнію* были между прочимъ: Дежерандо, Ласепедъ, Лемерсье, Ноде и др.

[4]) Описаніе редакціи *Revue encyclopédique* помѣщено въ *Московскомъ Телеграфѣ*, 1831, № 21, стр. 14—15.

циклопедическаго Обозрѣнія (за май 1827 г.) и *Московскаго Телеграфа* (за первую половину сентября 1825 г.).

Указанная книжка *Обозрѣнія*, какъ и каждый номеръ этого журнала, распадается на четыре части. Въ первой, озаглавленной «Mémoires, notices, lettres et mélanges» помѣщены статьи о положеніи Греціи въ началѣ 1827 года, извѣстіе о морнскомъ департаментѣ и стихотвореніе — элегія. Вторая часть «Analyses d'ouvrages» заключаетъ въ себѣ разборы произведеній по отдѣламъ наукъ физическихъ, нравственныхъ и политическихъ и по отдѣлу литературному. Здѣсь встрѣчаются разборы записокъ о путяхъ сообщенія, желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ; далѣе разборъ «философіи войны» маркиза де Шамбрэ, отчетъ объ уголовномъ судопроизводствѣ во Франціи за 1825 г.; краткое содержаніе исторіи итальянской литературы профессора Сальфи и критика китайскаго романа: «Двѣ двоюродныхъ сестры» въ переводѣ Абеля Ремюза. Въ отдѣлѣ «Bulletin bibliographique» напечатаны извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ: американскихъ, азіатскихъ, европейскихъ, въ частности: русскихъ, шведскихъ, датскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ. Затѣмъ дѣлаются сообщенія о французскихъ книгахъ, относящихся къ физикѣ, нравственности, литературѣ и искусству. Въ послѣднемъ отдѣлѣ: «Nouvelles scientifiques et littéraires» излагаются американскія и европейскія новости о театрахъ, новыхъ обществахъ, академіяхъ, общественномъ устройствѣ. 17-ая книжка *Московскаго Телеграфа* также подраздѣлена на четыре части. Въ первой: «Науки и искусства»—говорится о переходѣ Наполеона черезъ С. Бернардъ, о путешествіи Бюллока въ Мексику, о торговлѣ «ганзеатическихъ» городовъ съ Востокомъ черезъ Россію въ XIII вѣкѣ. Во второй: «Изящная словесность»—напечатаны письмо Гете, стихи Пушкина: «Если жизнь тебя обманетъ», стихи Волкова («Къ Москвѣ») и басня С. Нечаева («Ссора»). Третья часть: «Критика и библіографія» — содержитъ статью: «О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ Крылова» (Пушкина), рецензію Шези о Шлегелевомъ переводѣ «Бхагаватъ-Гиты», библіографію русскую и иностранную (датскую и французскую) и французскія извѣстія о русской литературѣ. Въ четвертой части: «Извѣстія и смѣсь» —трактуется о Геттингенскомъ университетѣ и объ изданіи Гиландера Ибнъ-Эль-Варди».

Нельзя не замѣтить сходства въ характерѣ этихъ двухъ журналовъ. На это сходство было указано въ самомъ *Revue encyclo-*

pédique. Помѣщаемъ здѣсь отрывокъ изъ *Revue* въ переводѣ *Московскаго Телеграфа* (1827, № 4, смѣсь) [1]).

«*Московскій Телеграфъ* началъ свое поприще съ 1825 года, и, кажется, ему назначено быть однимъ изъ лучшихъ русскихъ журналовъ. Бѣглый обзоръ двухъ послѣднихъ книжекъ онаго, полученныхъ въ Парижѣ и за сообщеніе которыхъ мы обязаны Дирекціи *Всеобщаго Бюллетеня Наукъ*, покажетъ занимательность и разнообразіе, замѣчаемыя въ семъ журналѣ. Онъ раздѣляется на четыре части: «Науки и искусства», «Изящную словесность», «Критику и библіографію», «Новости и смѣсь». Первая и вторая части походятъ на наше отдѣленіе: «Записки и извѣстія»; въ нихъ заключаются оригинальныя статьи о наукахъ, литературѣ и искусствахъ. Нѣсколько страницъ второй части исключительно посвящаются поэзіи. Третья представляетъ, въ меньшемъ объемѣ, наши два отдѣленія: «Разборы» и «Библіографическій бюллетень»: въ ней помѣщаются критическія и основательныя извѣстія о нѣсколькихъ сочиненіяхъ русскихъ и иностранныхъ. Четвертая часть соотвѣтствуетъ нашему отдѣленію «Ученыхъ и литературныхъ новостей»; впрочемъ въ ней желательно видѣть расположеніе и выборъ болѣе строгіе, болѣе удовлетворительные» [2]).

Слова главнаго сотрудника *Revue encyclopédique* только подтверждаютъ тотъ выводъ, который можно сдѣлать на основаніи сопоставленія приведенныхъ выше оглавленій. Общая часть двухъ журналовъ еще болѣе расширилась, когда отдѣлъ «Критика и библіографія», распадающійся на два отдѣла въ *Revue*, былъ и въ *Телеграфѣ* подраздѣленъ на двѣ особыя части: критику, представляющую подобіе «Analyses d'ouvrages», и «Библіографію», помѣщаемую съ 1826 года отдѣльно и сходную съ «Bulletin bibliographique».

Правда, было и различіе между *Телеграфомъ* и *Revue*: въ первомъ былъ большой отдѣлъ беллетристики, чего не было въ послѣднемъ. Но причины подобнаго явленія заключаются въ тѣхъ историческихъ условіяхъ жизни, благодаря которымъ умственные интересы тогдашняго общества не стояли на высокой ступени развитія. «Публика требуетъ отъ журналистовъ», писалъ Поле-

---

[1]) Ср. *Revue encyclopédique*, t. 32, p. 118 (1826, octobre).

[2]) Статья написана Е. Геро, котораго, при посредничествѣ А. И. Тургенева, князь П. А. Вяземскій хотѣлъ привлечь къ сотрудничеству въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Ср. „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ". Спб. 1899, т. III, стр. 166—167.

вой: «пестроты, разнообразія газетнаго, антикритики, сказокъ, стиховъ, мелочей. Она хочетъ играть журнальными книжками, а не читать ихъ» [1]).

Статьи, выбираемыя для *Московскаго Телеграфа* изъ *Revue encyclopédique*, не имѣютъ строго опредѣленнаго содержанія. Онѣ касаются всевозможныхъ вопросовъ, относятся къ разнымъ отраслямъ науки, искусства, иногда даже представляютъ собою просто извѣстія о положеніи той или другой страны, того или другого учрежденія. Если въ нихъ можно найти чисто литературныя критики, какъ «Замѣчанія о хорошихъ и дурныхъ нововведеніяхъ въ драматическую поэзію» или «Сужденіе классика о романахъ В. Гюго», то, съ другой стороны, здѣсь же помѣщаются «Взгляды на событія въ Греціи», обозрѣнія различныхъ путешествій, трактаты «О сущности политической экономіи» [2]).

Талантливыя мысли, разсыпанныя въ изобиліи въ произведеніяхъ знатоковъ своего дѣла, знакомили подписчиковъ *Московскаго Телеграфа* съ развитіемъ западно-европейскаго просвѣщенія.

Кромѣ *Revue encyclopédique*, во Франціи существовало еще другое *Revue*, о которомъ сказано выше — *Revue française*. Изъ него также выбирались подходящія вещи для журнала Полевого. Такимъ образомъ были переведены статьи подъ заглавіями: «Histoire de Russie et de Pierre le Grand, par M. comte de Ségur», «Histoire de la conquête de Grenade», «Записки маршала Сенъ-Сира» и т. д. Благодаря этому журналу появились критическіе и историко-литературные этюды, дававшіе отпоръ ложно-классическимъ пріемамъ и распространявшіе новыя, романтическія идеи. Разборъ «Гернани» давалъ наглядное представленіе о піесѣ Виктора Гюго, а разсужденіе де-Брольи [3]): «Нынѣшнее состояніе драматическаго искусства во Франціи», написанное по поводу перевода «Отелло» А. де-Виньи, заключало въ себѣ

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 6, стр. 251.

[2]) На особенное значеніе *Revue encyclopédique* для Полевого указывалъ кромѣ Бѣлинскаго, еще Булгаринъ. „Н. А. Полевой взялъ за образецъ *Revue encyclopédique*“, писалъ онъ: „но не могъ исполнить своего предпріятія“ въ такомъ видѣ и объемѣ, потому что не имѣлъ ни матеріальныхъ средствъ французскаго журнала, ни такихъ сотрудниковъ“ (*Сѣверная Пчела*, 1840, № 65).

[3]) Де-Брольи (A. C. duc de Broglie) жилъ съ 1785 по 1870 г.

новые взгляды на драматическія произведенія. Это разсужденіе было впослѣдствіи помѣщено Гизо въ его сборникѣ: «Shakespeare et son temps» [1]).

Хотя въ двухъ-трехъ мѣстахъ *Московскаго Телеграфа* за два первые года его изданія и встрѣчаются ссылки на англійскіе журналы [2]), однако съ большой вѣроятностью можно предположить, что непосредственное знакомство съ ними Полевого относится не ранѣе, какъ къ 1827-му году, когда и стали появляться переводы статей изъ различныхъ *Reviews*. Съ англійской же прессой Полевой познакомился черезъ *Revue britannique*, журналъ, въ которомъ помѣщались избранныя статьи изъ лучшихъ англійскихъ и американскихъ періодическихъ изданій, а также и нѣкоторыя оригинальныя сочиненія [3]). Объ этомъ говоритъ самъ издатель *Телеграфа*: «Таково наше небреженіе къ литературамъ нѣмецкой, англійской и другимъ, кромѣ французской. Пока французы не показали намъ Кузена, философія германская была удѣломъ весьма немногихъ; пока *Revue britannique* не стало знакомить насъ съ англійскими *Reviews*, мы не знали знаменитыхъ англійскихъ журналовъ; безъ Дефоконпре долго бы еще не видать намъ В. Скотта, безъ Пишо долго бы не знать намъ Байрона. Что дѣлать! Такова сила привычки, таковы слѣдствія направленія, которое, почти съ начала прошлаго вѣка, впрягло насъ

---

[1]) У насъ подъ руками находится книга Гизо, изданная въ 1852 г. Изъ нея мы узнали о принадлежности упомянутой статьи де-Брольи. Гизо говоритъ: „Вслѣдъ за этюдомъ о жизни и сочиненіяхъ Шекспира я помѣщаю въ этомъ томѣ мои примѣчанія къ главнымъ его произведеніямъ и одинъ этюдъ „Объ Отелло и драматическомъ искусствѣ во Франціи въ 1830 г.“, который де-Брольи помѣстилъ въ это время во *Французскомъ Обозрѣніи* и который онъ уполномочилъ меня воспроизвести здѣсь“ (IV).

[2]) См. *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 1: „Смерть лорда Байрона“; № 22: „Статистическія замѣчанія касательно англійской торговли и т. д.“.

[3]) Съ 1840 года редакторомъ *Британскаго Обозрѣнія* является извѣстный знатокъ англійской литературы, лично посѣтившій Англію, авторъ книги „Voyage en Angleterre“—Амедей Пишо. См. *Hatin*. Bibliographie de la presse, p. 568. *P. Larousse*. Grand dictionnaire universel, t. 12, p. 945. Ср. „Письмо изъ Дрездена“ А. И. Тургенева. *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 1, стр. 92.

въ торжественную колесницу французскихъ литературъ, модъ и проч.» [1]).

Изъ самаго *Revue britannique* почерпались разнородныя статьи, трактовавшія то о Лондонѣ, Парижѣ и Эдинбургѣ [2]), то объ обществахъ страхованія жизни [3]) и т. д. Несмотря на такое разнообразіе, всѣ указанные очерки и замѣтки отличались занимательностью содержанія и вносили жизнь въ *Московскій Телеграфъ*. Еще больше занимательности и жизни внесли въ журналъ сами *Reviews*. Важное значеніе послѣднихъ не ускользнуло отъ вниманія Полевого. «Ни французскіе, ни нѣмецкіе журналы», пишетъ онъ: «не могутъ быть такими хорошими источниками для русскаго журналиста, какъ англійскіе журналы». «Теперь вездѣ оказывается англоманія; неужели мы ограничимся только модами англійскими, и откажемся отъ пользъ, какія пристрастіе ко всему англійскому можетъ намъ доставить? Ученыя занятія англичанъ, литература, критика англійская могутъ подарить читателей нашихъ сокровищами, которыхъ не найдемъ мы ни въ Германіи, ни во Франціи» [4]).

Полевой указываетъ въ той же статьѣ, что вліяніе англійскихъ журналовъ настолько же сильно, насколько сильно вліяніе поэзіи Байрона и романовъ Вальтера Скотта, что французы и нѣмцы стали подражать Англіи изданіями своихъ *Обозрѣній*, перенимая иногда даже наружную форму англійскихъ книгъ и газетъ; Полевой приглашаетъ и другихъ журналистовъ русскихъ знакомить публику съ «богатствомъ литературы англійской» и пишетъ слѣдующія глубокознаменательныя строки: «Будемъ же менѣе сочинять, когда еще можемъ находить что-нибудь такое для перевода, чего не можемъ сочинить сами: правило это, не касаясь изящныхъ искусствъ, можетъ быть полезно для положительныхъ свѣдѣній» [5]).

Вліяніе англійскихъ *Обозрѣній*, какъ это было съ другими иностранными журналами, отразилось и на внѣшней, и на внутренней сторонѣ *Московскаго Телеграфа*. Что касается внѣшней стороны, то вліяніе выразилось въ оглавленіи статей наверху каждой страницы, чему примѣръ подало *Edinburgh Review*. «На-

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 17, стр. 89.

[2]) Тамъ же, 1832, №№ 17, 18.

[3]) Тамъ же, 1828, № 9.

[4]) Тамъ же, 1828, № 6, стр. 251—254.

[5]) Тамъ же.

верху страницъ *(Edinburgh Review)* означается—читаемъ въ только-что цитованномъ отрывкѣ—въ чемъ состоитъ сущность каждой статьи (этотъ порядокъ, облегчающій вниманіе читателя, мы завели съ новаго (1828) года и въ *Телеграфѣ*)» [1]).

Содержаніе переведенныхъ съ англійскаго статей двояко: это или критическія статьи собственно литературныя, или статьи, касающіяся разныхъ практическихъ вопросовъ по государственному и частному хозяйству: торговлѣ, промышленности и т. д. «Правда, политическіе современные вопросы входятъ въ число существенныхъ принадлежностей (англійскихъ *Обозрѣній*); правда, что въ Англіи политическія партіи сражаются между собою въ извѣстныхъ направленіяхъ, хотя и съ одною цѣлью, въ журналахъ; но тотъ ошибется, кто станетъ думать, что одна борьба политическихъ мнѣній составляетъ душу англійскаго *Review*» [2]).

Критическія статьи *Reviews* имѣютъ свои характерныя особенности.

«Англійскія *Обозрѣнія* состоятъ только изъ критическихъ разборовъ книгъ. Образъ и расположеніе разборовъ сихъ доставляетъ рецензентамъ средства излагать свои мысли, представлять соображенія предметовъ такъ, что собственно разборъ книгъ составляетъ самую малую часть ихъ статей. Исключивъ изъ статьи *Обозрѣнія*, что говорится о разбираемой книгѣ собственно, вы найдете превосходную диссертацію о какомъ-нибудь любопытномъ, занимательномъ предметѣ» [3]).

Къ числу литературныхъ очерковъ, заимствованныхъ изъ *Reviews*, принадлежатъ такіе, какъ очеркъ жизни и сочиненій Жанъ-Поля Рихтера или разборъ сочиненій Макіавеля. Какъ первый, такъ особенно послѣдній написаны не только съ знаніемъ дѣла, но и съ сохраненіемъ изящнаго, увлекательнаго стиля [4]). Этюдъ о Макіавелѣ былъ приписанъ издателемъ *Московскаго Телеграфа* извѣстному англійскому историку Вилльяму Роско (W. Roscoe) [5]), автору біографій Медичи [6]), хотя былъ написанъ знаменитымъ Маколеемъ. Рецензія на римскую исторію Нибура,

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 6.

[2]) Тамъ же, 1828, № 6.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же. 1828, № 14; 1828, №№ 5, 6.

[5]) Роско жилъ съ 1753 по 1831 г.

[6]) Изъ *Reviews* же былъ заимствованъ разборъ книги К. Горста: „О демонологіи и вѣдьмахъ", В. Скотта.—*Московскій Телеграфъ*, 1830, №№ 19, 20.

помѣщенная въ *Foreign-Quarterly Review*, даетъ оцѣнку знаменитаго труда, столь интересовавшаго какъ ученыхъ, такъ и вообще образованный классъ [1]). Оцѣнивая статьи, посвященныя политической экономіи, торговлѣ и промышленности, Полевой говоритъ: «Практическая жизнь общества начинаетъ у насъ быстро развиваться, а ни въ одной землѣ практическая жизнь не доведена до такого совершенства, какъ въ Англіи. Обращаясь къ журналамъ, скажемъ, что отвлеченныя изслѣдованія германцевъ, блестящее разнообразіе французовъ не могутъ намъ быть, въ настоящемъ положеніи нашемъ, полезнѣе практическихъ свѣдѣній, какія найдемъ у англичанъ» [2]).

Подобныя статьи трактовали о производствѣ тонкой шерсти въ Европѣ, о бумажныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ, о послѣднихъ переломахъ въ англійской торговлѣ и промышленности, объ уменьшеніи золота и серебра въ то время, о положеніи финансовъ во Франціи; иной разъ дѣлались сравненія промышленности Англіи съ промышленностью Франціи [3]), иной разъ попадались такія статьи, какъ статья: «Объ огнедышащихъ горахъ» [4]).

Полевой очень увлекался англійской прессой: онъ называлъ ее «непочатымъ рудникомъ», хотѣлъ почерпать матеріалы для своего журнала «преимущественно» въ англійской литературѣ, излагалъ содержаніе *Edinburgh Review* и отмѣчалъ курсивомъ заглавія тѣхъ очерковъ, которые заслуживали, по его мнѣнію, перевода на русскій языкъ.

Кромѣ *Обозрѣній*, можно насчитать значительное число западно-европейскихъ журналовъ, которые были извѣстны издателю *Московскаго Телеграфа* и изъ которыхъ онъ почерпалъ самыя разнородныя свѣдѣнія.

Литературныя статьи, критическіе очерки, извѣстія и оцѣнка новыхъ произведеній Французской романтической школы заимствовались преимущественно изъ *Le Globe* и *Le Catholique*.

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, №№ 8, 9.

[2]) Тамъ же, 1828, № 6, стр. 251—254.

[3]) Изъ *Quarterly Review*, *Foreign-Quarterly Review*, *Edinburgh Review*. см. тамъ же, 1827, №№ 20, 21, 23; 1830, №№ 11, 12, 13; 1828, №№ 12, 16, 18; 1831, № 5 и т. д.

[4]) *Westminster Review*, см. тамъ же, 1828, №№ 3, 4.

Le Globe [1])—одинъ изъ видныхъ органовъ новой школы въ борьбѣ съ ложно-классическими теоріями, касался вопросовъ литературы и философіи и съ большимъ жаромъ проводилъ свои излюбленныя романтическія идеи. Съ теченіемъ времени, впрочемъ, *Le Globe* затронулъ область политики и сталъ проводникомъ и распространителемъ сенсимонизма.

Помѣщавшіеся въ *Московскомъ Телеграфѣ* отзывы о «парижскихъ театрахъ» съ помѣткой «съ франц.» были переводы рецензій *Le Globe*. Здѣсь разбирались піесы Виктора Гюго, Александра Дюма [2]) и обоихъ Арно [3]), разбирались остроумно и талантливо; такъ что читающая русская публика могла ознакомиться и съ содержаніемъ произведеній новѣйшихъ драматурговъ, и съ пріемами новѣйшей критики. Попадались въ *Le Globe* и описанія путешествій, которыя привлекали вниманіе Полевого. Къ нимъ относятся: «Письма изъ Корсики», «Обозрѣніе Африки» и др. [4]). Наконецъ, изъ *Le Globe* же переведено Полевымъ такое обстоятельное изслѣдованіе, какъ: «Ulysse-Homère, ou du véritable auteur de l'Iliade» [5]).

Le Catholique [6]) снабжалъ *Московскій Телеграфъ* статьями своего издателя барона Экштейна. Баронъ [7]), пылкій полемистъ,

---

[1]) *Le Globe* издавался съ 1824 по 1831. Основателями его были П. Леру и М. Дюбуа; въ числѣ сотрудниковъ насчитываютъ: Жуффруа, Дамирона, Вите, Дюшателя, Ремюза, Ампера и др.

[2]) Разобраны піесы А. Дюма: „Стокгольмъ, Парижъ и Фонтенебло", „Генрихъ III и его дворъ"; Люсьена Арно: „Густавъ-Адольфъ", „Катерина Медичи"; Арно-отца: „Пертинаксъ, или преторіане".

[3]) Оба Арно, отецъ и сынъ, писали драматическія произведенія. Отецъ (Antoine-Vincent Arnault) жилъ съ 1766 по 1834 г. Лучшей его трагедіей считается „Les Vénitiens" (1798), гдѣ находятъ и драматическія положенія и сильныя мысли, и хорошій стиль.—Арно сынъ (Emile-Lucien) жилъ съ 1787 по 1863 г.; его піесы, часто приписываемыя его отцу, имѣли большой успѣхъ, благодаря талантливому выполненію Тальмы.

[4]) *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 16; 1830, № 19.

[5]) Тамъ же, 1831, №№ 4, 5.

[6]) *Le Catholique* издавался періодически съ 1826 по 1830 годъ и касался всѣхъ отраслей знанія.

[7]) Баронъ Фердинандъ Экштейнъ былъ послѣдователь теорій Бональда и де-Местра, сводилъ все къ католицизму, что и отразилось на заглавіи его журнала. Онъ жилъ съ 1790 по 1861 г., участвовалъ во многихъ изданіяхъ и оставилъ книгу: «De l'Espagne, considérations sur son passé, son présent et son avenir". Ср. „Письмо изъ Дрездена" А. И. Тургенева. *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 1, стр. 91—92.

обладающій живымъ умомъ и многочисленными и многосторонними знаніями, представлялъ собою скорѣе не самостоятельнаго работника, а популяризатора. Свой идеалъ онъ видѣлъ, кажется, въ братьяхъ Шлегеляхъ: подобно имъ онъ занимался драмой, подобно имъ интересовался Востокомъ. Его популярные этюды не были безполезны для образованія нашего общества, ибо въ нихъ отчетливо указывались достоинства Шекспировой драмы, разбирались трагедіи Гете, сообщались теоретическія свѣдѣнія о драмѣ древнихъ и новыхъ народовъ и отмѣчались особенности арабской и индійской литературъ [1]). Все это было ново, свѣжо, изложено въ легкой формѣ, что особенно способствовало быстрому усвоенію тѣхъ литературныхъ воззрѣній, которыя были бы, пожалуй, слишкомъ затруднительны для русскаго читателя того времени, будучи изложены въ болѣе научномъ видѣ.

Изъ другихъ французскихъ журналовъ, обращавшихъ на себя вниманіе Полевого, можно назвать: *Bulletin des sciences historiques, Bibliothèque universelle, Journal des débats, Journal des savants, Journal asiatique, Gazette de France, Le National, La Quotidienne* и *Journal grammatical.* Это были лучшія періодическія изданія, которыя пользовались заслуженными успѣхомъ и популярностью въ Западной Европѣ, но которыя, къ сожалѣнію, до временъ Полевого, кажется, едва были извѣстны русскимъ и по наслышкѣ.

Содержаніе переведенныхъ изъ нихъ статей было чрезвычайно разнообразно, хотя съ преобладаніемъ литературныхъ произведеній. Послѣ *Revue encyclopédique* наиболѣе другихъ интересовалъ Полевого *Bulletin*, изданіе Ферюссака. «Долго *R. E.* — читаемъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* — былъ одинъ въ своемъ родѣ; но теперь, и славу, и вліяніе, и прибыль отбиваетъ у него *Bulletin universel* [2]), издаваемый Ферюссакомъ. Планъ сего послѣдняго журнала еще обширнѣе; онъ назначается или обѣщаетъ быть полною энциклопедіею всѣхъ наукъ, и даже мнѣній» [3]). Изъ него переведены: «Мнѣнія Наполеона о воспитаніи и должностяхъ

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, №№ 7, 11; 1829, №№ 7, 9, 12; 1831, №№ 13, 14, 19, 20, 21, 24.

[2]) *Bulletin universel des sciences et de l'industrie*, 1824—1831. Онъ имѣлъ восемь отдѣловъ: математическій, естественный, медицинскій, технологическій, земледѣльческій и экономическій, географическій, историческій и военный. *Hatin.* Bibliographie, p. 575.

[3]) *Московскій Телеграфъ*, 1831, № 21, стр. 17.

исторіографа и придворнаго поэта» и «Замѣчанія Шамполліона на сочиненіе г. Гульянова» [1]). *Женевская Всеобщая Библіотека* [2]), по словамъ Полевого, «почти вся составляется изъ журналовъ англійскихъ»; она «очень занимательна» и «принесла много пользы Европѣ». Такое разсужденіе, какъ: «Классицизмъ и романтизмъ» А. Пиктета [3]), гдѣ дается опредѣленіе романтизма и устанавливаются соотношенія между идеей и формой, оправдываетъ вполнѣ мнѣніе издателя *Телеграфа*.

Journal des savants и *Journal des débats* считались лучшими изданіями во Франціи. Первый отличался своей разносторонностью, чистотою стиля, точностью и глубиною изысканій, онъ поддерживалъ въ обществѣ хорошій вкусъ. Находясь подъ покровительствомъ правительства, имѣя въ числѣ сотрудниковъ лучшихъ писателей своей эпохи, *Journal des savants* обнималъ всѣ отрасли знанія, за исключеніемъ политики и слишкомъ современныхъ вопросовъ [4]). Переведенныя изъ него въ *Московскомъ Телеграфѣ* статьи касаются восточной и классической литературъ. Особенно любопытными представляются: «Филебъ, или разговоръ Платона о высочайшемъ благѣ», разсужденіе де-Саси «О древнѣйшей арабской рукописи» и «Hoa-Tsian. chinese court-ship»—статья Абель Ремюза [5]).

Journal des débats—историческій по преимуществу. Серьез-

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1831, № 16; 1827, № 4.

[2]) Изданіе съ 1816 года носило заглавіе: *Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et arts*. Въ немъ три отдѣла: литература, науки и искусство, земледѣліе. Такъ какъ это изданіе было впослѣдствіи чисто литературнымъ, то та же редакція стала издавать *Archives des sciences physiques et naturelles*. „Она была начата", говоритъ Полевой: „единственно для того, чтобы знакомить съ англійскими журналами, и съ 1796 по 1815 годъ состояла рѣшительно изъ однихъ переводовъ съ англійскаго, называясь *Британскою Библіотекою*. Съ 1815 года въ ней стали помѣщать переводы съ нѣмецкаго и проч. Но едва ли это улучшило сей журналъ, хотя названіе дано ему и громче прежняго—*Bibliothèque universelle*". Тамъ же, 1828, № 6, стр. 252.

[3]) Тамъ же, 1828, №№ 17, 24.

[4]) *Journal des savants* (1665—1864 и д.) новой серіей сталъ выходить съ 1816 г. Въ немъ три отдѣла: 1) критика французскихъ и иностранныхъ произведеній, 2) разсужденія и мемуары по литературнымъ вопросамъ и научнымъ открытіямъ, 3) литературныя новости. Его редакторами числились: Дано, Рейнаръ, Абель Ремюза, Жюльенъ, Рошетъ, Кузенъ, Сильвестръ де-Саси и др.

[5]) *Московскій Телеграфъ*, 1826, №№ 1, 2, 18.

ность его редакторовъ завоевала ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди органовъ французской прессы [1]). Помѣщенный въ журналѣ Полевого разборъ сочиненія Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта» представляетъ интересный и занимательный очеркъ [2]).

Свѣдѣнія о Востокѣ и восточной литературѣ, свѣдѣнія, которыя побудили Полевого впослѣдствіи заинтересоваться азіатскими народностями, онъ могъ получать въ трудахъ Шлегелей, Экштейна, Ремюза [3]) и Клапрота [4]). Кромѣ того, въ Парижѣ издавался еще спеціальный *Journal asiatique* [5]), изъ него заимствованы статьи: «Штатъ индійскаго идола», «Историческія изслѣдованія о законодательствѣ Мугамеда» [6]) и др. Кажется, до времени *Телеграфа* восточная литература, уже достаточно разрабатываемая на Западѣ, была вполнѣ невѣдомой областью для русскихъ читателей, и, какъ бы ни смѣялись надъ увлеченіемъ Полевого санскритомъ, въ этомъ отношеніи заслуга его едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Извѣстія о новостяхъ политическихъ, научныхъ и литературныхъ получались редакторомъ *Телеграфа* еще изъ многихъ органовъ западно-европейской прессы, кромѣ приведенныхъ выше; но заимствованія изъ нихъ носятъ болѣе случайный характеръ, хотя и свидѣтельствуютъ о знакомствѣ съ ними Полевого. Къ такимъ органамъ изъ англійскихъ журналовъ принадлежатъ *The Monthly Magazine* и *Blackwood's Magazine*.

Характеристики политическаго положенія какой-либо страны,

---

[1]) *Journal des débats et décrets*, или *Journal des débats politiques et littéraires* носилъ одно время названіе *Journal de l'empire* (1814—15 г.) и издавался съ 1814 года. Редакторы его: Шатобріанъ, Вильменъ, Нодье; позднѣе де-Саси, Жирарденъ, Жюль Жаненъ и др.

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1827, №№ 14, 16; 1828, №№ 3, 4. Очеркъ о сочиненіи В. Скотта взятъ изъ *Journal des debats*.

[3]) Ремюза (Жанъ-Пьеръ-Абель, 1788—1832), знаменитый оріенталистъ, профессоръ „Collège de France" (1814), членъ академіи (1816), вмѣстѣ съ Клапротомъ, былъ однимъ изъ основателей Азіатскаго Общества (1822), а затѣмъ его президентомъ (1829).

[4]) Клапротъ (Генрихъ—Юлій, 1783—1835), оріенталистъ, нѣмецъ по происхожденію, былъ въ Петербургѣ, участвовалъ въ Головкинской экспедиціи въ Китай, ѣздилъ на Кавказъ; затѣмъ онъ жилъ во Франціи, а впослѣдствіи профессорствовалъ въ Берлинѣ.

[5]) *Journal asiatique*, ou recueil de mémoires, d'extraits et de notices relatifs à l'histoire, à la philosophie, aux langues et à la littérature des peuples orientaux. 1822.

[6]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 3; 1832, № 1.

*

общественной жизни и развитія наукъ—вотъ каковы статьи изъ перваго журнала, изъ котораго въ письмахъ графа Пеккіо публика узнавала о тогдашнемъ состояніи Греціи, а въ письмахъ англичанина—о парижскихъ обществахъ и новой французской литературѣ [1]). «Обозрѣніе Молдавіи и Валахіи»—очеркъ, взятый изъ второго *Магазина*, пользовавшагося и въ Англіи солидной репутаціей [2]).

Gazette de France [3]), запрещенная во времена имперіи и получившая право голоса во времена реставраціи, когда она выступила сторонницей королевской партіи; *Journal général de la littérature étrangère* [4]), извѣщавшій о множествѣ новыхъ появившихся трудовъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ присоединеніемъ короткой, но точной ихъ оцѣнки; *Le National* [5]) провозвѣстникъ политическихъ новостей и перемѣнъ; наконецъ, *La Quotidienne* [6]), *Le Furet* (1830, № 13) и даже *Journal grammatical et didactique de la langue française* [7]), своимъ названіемъ указывающій на характеръ своего содержанія,—даютъ ясное понятіе о томъ живомъ, разностороннемъ интересѣ, съ какимъ Полевой слѣдилъ за французской наукой, литературой, политикой.

Такъ изъ этихъ періодическихъ изданій заимствована статья:

---

[1]) Мы полагаемъ, что полное заглавіе этого журнала было *New Monthly Magazine*, который появился въ свѣтъ впервые въ 1820 году и издателемъ котораго былъ неистощимый романистъ тогдашняго времени Гаррисонъ Энсвортъ (Harrison Ainsworth). (См. *Московскій Телеграфъ*. 1827, №№ 16, 10; 1828, № 16).

[2]) *Blackwood's Magazine* основанъ въ 1817. Основателемъ его былъ книгоиздатель, умный и талантливый критикъ Блеквудъ, сторонникъ *тори*. Онъ, вмѣстѣ съ Вальтеромъ Скоттомъ, Локкартомъ, Симомъ и другими, выступилъ противъ *Edinburgh Review*. Борьба двухъ журналовъ привлекала всеобщее вниманіе (Клариньи, стр. 252—253). См. *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 14, стр. 515.

[3]) *Gazette de France* изд. съ 1797—1848 г., съ нѣкоторыми измѣненіями въ направленіи.

[4]) Этотъ журналъ издавался съ 1801 по 1830.

[5]) *Le National* имѣлъ редакторами Тьера, Минье и Карреля; онъ издавался съ 1830 по 1851 г. и во времена Луи Филиппа былъ наиболѣе виднымъ органомъ антидинастической оппозиціи. Впослѣдствіи, по смерти Карреля, въ него проникъ республиканскій духъ.

[6]) Издавался съ 1815 по 1847; направленіе королевской партіи.

[7]) *Le Furet*, journal de l'industrie et du commerce, sciences, littérature, arts, théâtres—выходилъ въ 1827 г.—*Journal grammatical* издавался М. Марлемъ съ 1826 по 1840 г.

«Мысли Байрона о самомъ себѣ» [1]), затѣмъ довольно подробныя и мѣткія характеристики политическихъ дѣятелей: Гизо, Тьера, Бертена-де-Во, Дюпена-старшаго [2]) и др.

Переводя на русскій языкъ различныя статьи и упоминая о разныхъ журналахъ, Полевой часто дѣлаетъ и оцѣнку тѣхъ и другихъ. *Le National*, по его мнѣнію, «отличается рѣзкою правдою во всѣхъ важныхъ случаяхъ и умѣетъ высказывать ее умно и благородно. Арманъ Каррель, главный редакторъ сего журнала, человѣкъ съ необыкновенными дарованіями» [3]). Изданіе грамматическаго журнала во Франціи наводитъ Полевого на мысль завести подобный же журналъ въ Россіи. «Право, не худо бы и у насъ на Руси издавать журналъ подобнаго содержанія. Богъ знаетъ, полюбитъ ли и поддержитъ ли его публика, и на вопросъ такого рода, кажется, скорѣе можно отвѣчать: нѣтъ. Но если для французовъ грамматическій журналъ надобенъ, то для насъ онъ былъ бы вдесятеро полезнѣе». Но, совѣтуя завести журналъ на подобіе журнала Марля, Полевой совѣтуетъ русскимъ изслѣдователямъ итти другой дорогой, такъ какъ «философическія воззрѣнія» Марля на грамматику кажутся ему уморой [4]).

Нѣмецкая журналистика, повидимому, наименѣе коснулась *Московскаго Телеграфа* [5]). Особенно популярнымъ журнальнымъ типомъ во времена Полевого былъ типъ ученыхъ и литературныхъ *Вѣдомостей*, или *Anzeigen*, издававшихся въ разныхъ городахъ Германіи. Существовали *Вѣдомости Геттингенскія*, *Іенскія*, *Лейпцигскія*. *Галльскія* и др. Многія изъ нихъ стали издаваться еще съ половины восемнадцатаго столѣтія. На нихъ-то, какъ на свои источники въ области иностранной литературы, указывалъ, между прочимъ, Полевой въ первой выпущенной имъ книжкѣ журнала [6]). Ссылки на *Вѣдомости* въ довольно обильномъ количе-

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1826, № 10 (*Gazette de France*).

[2]) Тамъ же, 1833, № 4.

[3]) Тамъ же, 1833, № 4.

[4]) Тамъ же, 1828, № 4.

[5]) Этотъ странный фактъ можетъ быть объясненъ тѣмъ обстоятельствомъ, что во французскихъ и англійскихъ періодическихъ изданіяхъ Полевой находилъ болѣе подходящаго матеріала для своего журнала.

[6]) См. *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 1, стр. 90. Ср. тамъ же, 1828, № 16, стр. 598—604.

ствѣ попадаются на страницахъ *Телеграфа* за первые два года, причемъ чаще всего упоминаются такъ называемыя *Геттингенскія Ученыя Вѣдомости* и *Лейпцигскія*, носящія еще другое наименованіе: *Лейпцигская Литературная Газета*. Иногда проскользнетъ ссылка и на *Галльскія Вѣдомости* или какое-либо другое періодическое изданіе—но послѣднее является довольно рѣдкимъ фактомъ. Заимствованныя изъ этихъ изданій статьи заключаютъ въ себѣ критику на литературные и научные труды, разнаго рода извѣстія, географическія, археологическія и иныя сообщенія. Въ *Геттингенскихъ Вѣдомостяхъ* [1]) говорилось и о датскомъ переводѣ Семундовой Эдды и объ исторіи монголовъ со временъ Чингизъ-хана, и о географическихъ и этнографическихъ свѣдѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ во время путешествія Росса, Парри и Франклина въ полярныя страны, и о важныхъ наблюденіяхъ касательно появленія кометъ [2]). Извѣстіе Френа о словарѣ сирійскаго языка, очеркъ Зейфарта, посвященный египетскимъ древностямъ въ Римѣ и пр.—вотъ предметы статей, взятыхъ изъ *Лейпцигской Газеты* [3]). Въ *Московскомъ Телеграфѣ* за 1826 г. (№ 4) находимъ также довольно большую статью о грамматическихъ и лингвистическихъ вопросахъ и ссылку на *Галльскія Ученыя Вѣдомости* [4]).

При изданіи *Московскаго Вѣстника*, Пушкинъ ставилъ Погодину въ ошибку слишкомъ серьезное направленіе журнала: для избѣжанія подобнаго недостатка онъ считалъ необходимымъ расширить отдѣлъ беллетристики. «Въ немъ *(Московскомъ Вѣстникѣ)* слишкомъ мало вздору», писалъ поэтъ: «Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для *Ураніи*? Давайте ее въ *Вѣстникъ*. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенною частію журнала, какъ моды у *Телеграфа*. У насъ не то, что въ Европѣ — повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ» [5]).

---

[1]) *Goettingische Anzeigen der gelehrten Sachen* встрѣчаются съ 1753 г. (по экз. Имп. Пуб. Библ.).

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, №№ 15; 12; 5, 6; 1826, № 7.

[3]) *Leipziger Litteratur-Zeitung* встрѣчается съ 1735 г.—Тамъ же, 1826, №№ 7, 24.

[4]) *Wöchentliche Hallische Anzeigen* встрѣчаются съ 1736 г.

[5]) Письмо М. П. Погодину отъ 31-го августа 1827 г.

Важное значеніе беллетристики въ русскомъ журналѣ сознавалъ и Полевой, помѣстившій въ *Московскомъ Телеграфѣ* не мало романовъ, повѣстей, стиховъ. Но при этомъ онъ руководствовался еще особыми соображеніями, которыя были высказаны въ слѣдующей формѣ: «У насъ, едва начавшихъ писать и учиться, дѣтей въ литературѣ, возможно ли это (помѣщеніе исключительно русскихъ произведеній)? И вмѣсто того, чтобы, предположивъ изданіе изъ одного Русскаго, наполнять его по большей части ученическою прозою и поэзіею, не лучше ли сдѣлать рамы обширнѣе и передавать читателямъ не одно Русское, но просто — все, что изящнаго, пріятнаго и полезнаго найдется и въ отечественной и во всѣхъ древнихъ и новыхъ литературахъ? Сколько еще намъ неизвѣстнаго, любопытнаго, такого, что необходимо знать должно европейскому человѣку! Литературы: англійская, испанская, итальянская, восточная, знакомы намъ почти столько же, какъ языкъ ирокезцевъ — и нѣмецкая вполнѣ ли намъ извѣстна?» [1]).

Большинство беллетристическихъ произведеній, помѣщенныхъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*, принадлежало французскимъ авторамъ: второе мѣсто занимали литературы англійская и нѣмецкая, и изрѣдка попадались вещи изъ литературъ: польской, классической,—наконецъ, восточной. Итальянской и испанской—посвящены только нѣсколько критическихъ статей.

Телеграфъ былъ проповѣдникомъ романтизма; представителемъ его во Франціи былъ Викторъ Гюго — слѣдовательно онъ и тѣ писатели, которые группируются вокругъ него, а отчасти и тѣ, которые подготовили эту школу, и должны явиться излюбленными писателями Полевого, со свойственной ему чуткостью присматривавшагося къ литературному движенію на Западѣ.

Едва вышелъ въ Парижѣ знаменитый романъ Гюго «Notre Dame de Paris», какъ онъ былъ признанъ «выходящимъ изъ ряда обыкновеннаго», и отрывки изъ него были предложены въ русскомъ переводѣ читателямъ *Телеграфа* [2]). Въ этихъ отрывкахъ были изображены сцены, гдѣ центральной фигурой является Людовикъ XI. Извѣстно, на основаніи словъ И. И. Панаева, какое впечатлѣніе произвели эти отрывки.

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 1: „Письмо къ N. N.".

[2]) Тамъ же, 1831, №№ 14, 15.

Повѣсти Альфреда де Виньи [1]), Бенжамена Констана [2]), Шарля Нодье [3]), Проспера Мериме [4]), Евгенія Сю [5]), Бальзака [6]) и другихъ представителей романтической партіи находили мѣсто на страницахъ журнала Полевого. Въ этихъ повѣстяхъ раскрывался новый, еще невѣдомый міръ для русскаго человѣка; въ нихъ представлялось широкое поприще для работы ума и чувства, и онѣ имѣли, несомнѣнно, большое воспитательное вліяніе на тогдашнее общество.

Изъ писателей періода до-романтическаго попадается имя Жанлисъ [7]), изъ Шатобріана переведено не беллетристическое произведеніе [8]); изъ авторовъ менѣе крупныхъ, хотя и примкнувшихъ къ романтической школѣ, назовемъ Жюля Жанена [9]) и Виктора Дюканжа [10]).

Не одни романы и повѣсти помѣщались въ *Московскомъ Телеграфѣ*; издатель его интересовался еще драмой и лирикой, съ которыми хотѣлъ знакомить своихъ подписчиковъ.

Если Полевой и не переводилъ лучшихъ драмъ В. Гюго, А. де Виньи и А. Дюма, то, какъ мы уже отмѣтили выше, старался изложить ихъ содержаніе и сдѣлать имъ надлежащую оцѣнку. И такъ какъ въ сужденіяхъ своихъ Полевой намѣренъ былъ (что онъ высказалъ въ первой выпущенной имъ книжкѣ журнала) «руководствоваться совѣтами почтенныхъ особъ, знающихъ основательно свое дѣло», онъ и прибѣгалъ къ содѣйствію театральныхъ критиковъ *Le Globe* и *Revue encyclopédique*. «Разборы, взятые изъ *Глобуса*»—объ Омировой «Иліадѣ», о театральныхъ піесахъ В. Гюго, Арно [11]), Дюсиса, о Веберовомъ «Оберонѣ» — читаемъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* [12]).

---

[1]) Повѣсти изъ романа „Стелло“ (1832, 1833).

[2]) „Адольфъ“ (1831).

[3]) „Серафина“ (1833).

[4]) „Взятіе редута“ (1830).

[5]) „Наваринская битва“ (1833).

[6]) Отрывокъ изъ романа „Médecin de campagne“ (1833).

[7]) „Замокъ Коппетъ въ 1807 г.», повѣсть (1831) [Говорится о Сталь].

[8]) „Мысли Шатобріана объ исторіи и историкахъ“ (1831).

[9]) „Гофманъ и Паганини“, „Литературныя признанія“ (1833).

[10]) „Парижская дѣвушка 1832 г.“ (1833).

[11]) *Московскій Телеграфъ*, 1830, №№ 14, 20—21.

[12]) Тамъ же, 1833, № 1, стр. 163. Кромѣ упомянутыхъ произведеній, разобраны еще такія, какъ „Царь Димитрій“ Леона Галеви (1830); комедіямъ Скриба посвящена цѣлая статья (1828); о введеніи къ переводу „Отелло“ А. де-Виньи см. тамъ же, 1830, № 24.

Что касается лирическихъ стихотвореній, то выборъ останавливался преимущественно на лирикѣ Ламартина [1]); въ одномъ мѣстѣ есть упоминаніе о Шенье [2]), хотя переводовъ изъ него, повидимому, не встрѣчается.

Замѣтивъ, что въ *Московскомъ Телеграфѣ*, кромѣ упомянутыхъ выше писателей, есть замѣтки о Полѣ Лакруа, Скрибѣ, Барбье, Пикарѣ, Непомюсенѣ Лемерсье, и отрывки изъ ихъ произведеній, можно прійти къ заключенію о разнообразіи того литературнаго матеріала, какой впервые явился въ русскомъ журналѣ.

Имена трехъ англійскихъ поэтовъ гремѣли въ Англіи въ началѣ нынѣшняго вѣка; на нихъ обратила свое вниманіе вся Европа, ихъ вліянію подчинились многіе литературные таланты, не говорить о нихъ, разъ разговоръ шелъ о литературѣ, казалось невозможнымъ — и о нихъ говорили какъ издатель, такъ и сотрудники *Московскаго Телеграфа*. Эти три писателя: Шекспиръ, Байронъ и Вальтеръ Скоттъ.

Взглядъ на драму измѣнился съ господствомъ новой романтической школы; Шекспиръ былъ признанъ не «невѣжественнымъ дикаремъ», а геніальнымъ драматургомъ, произведенія котораго представляли собою верхъ искусства. Особенно родственные Полевому французы откликнулись на запросы современности: Гюго упоминалъ о Шекспирѣ въ своемъ знаменитомъ «Préface de Cromwel», Виньи перевелъ его драму: «Отелло».

Извѣстно, что Полевой перевелъ «Гамлета» и относился съ благоговѣніемъ къ памяти англійскаго генія; это отразилось и на его журналѣ. Лучшимъ переводчикомъ, или, вѣрнѣе, однимъ изъ лучшихъ былъ М. П. Вронченко [3]), переводившій для *Телеграфа* отрывки изъ «Гамлета», «Макбета» и «Лира» [4]).

---

[1]) Переведены: „Вечеръ“ (1825), „Уныніе“ (1826), „Счастливецъ“ (1826). „Байскій заливъ“, „Элегія“ (1826), „Озеро“, „Къ Эльвирѣ“ (1825).

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 2.

[3]) М. П. Вронченко (1801—1855), военный по службѣ, переводилъ Шекспира, Байрона и Гете.

[4]) *Московскій Телеграфъ*, 1827, 1832, 1833. Кромѣ того „Макбетъ“ былъ переводимъ А. Г. Ротчевымъ (1829, № 16), а „Лиръ“—В. Якимовымъ (1832, № 5).

О значеніи Шекспира много говорили различные литературные критики, которые писали о драмѣ и статьи которыхъ помѣщались въ *Телеграфѣ*.

Байронъ, кумиръ двадцатыхъ годовъ, увлекшій за собою современное ему поколѣніе и тѣсно связанный съ лучшими моментами въ жизни русской литературы, изъ-за вліянія котораго на Пушкина много спорилъ Полевой съ Веневитиновымъ и другими, былъ непремѣннымъ поэтомъ, котораго переводили въ журналѣ Полевого. Отрывки изъ «Манфреда», «Донъ-Жуана», «Абидосской невѣсты», переводы «Ночи въ Венеціи» и «Сна» постоянно помѣщались въ отдѣлѣ стиховъ и художественной прозы [1]).

Мѣсто Байрона въ исторіи литературы хорошо выясняется въ разборахъ Нодье и англичанина Газлитта, напечатанныхъ Полевымъ еще въ 1828 г. (*Московскій Телеграфъ*, №№ 19, 20).

Романы же Вальтера Скотта, въ духѣ которыхъ писалъ Полевой, не могли также не заинтересовать его, такъ какъ онъ слѣдилъ за развитіемъ историческаго романа во Франціи, Германіи и Италіи. Отдѣльныя мѣста изъ «Вудстока», «Клоринды» [2]) и др., въ русскомъ переводѣ, какъ любопытныя новинки, предлагались читающему и любознательному классу русскаго общества. Вальтеръ Скоттъ казался настолько занимателенъ, что переводили выдержки изъ «Исторіи Наполеона» и даже его трактаты о земледѣлѣ и лѣсоводствѣ [3]).

Оцѣнку этого писателя пытался сдѣлать, между прочимъ, самъ Полевой въ статьѣ: «О романахъ В. Гюго и вообще о новѣйшихъ романахъ» [4]); на ту же тему помѣщена была статья: «Вальтеръ Скоттъ и его сочиненія» [5]) и многія другія.

Кромѣ этихъ трехъ поэтовъ, всецѣло принадлежащихъ общеромантическому движенію, Полевой не забывалъ и другихъ, какъ болѣе старыхъ, такъ и новѣйшихъ.

---

[1]) Переводы М. Вронченка: изъ „Манфреда“ (1827), „Сонъ“ (1827); переводы Н. А. Маркевича: отрывокъ изъ поэмы Байрона „Донъ-Жуанъ“ (1829), „Ночь въ Венеціи“ (1828).

Переводъ Ив. Козлова: „Абидосская невѣста“ (1825, № 19).

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1826, 1829. Также: 1825 (Эдинбургская темница); 1830 и др.

[3]) Исторія Наполеона (1827, 1828); „О пользѣ обрабатыванія безплодныхъ земель“ и др. (1829, 1833).

[4]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, №№ 1—3.

[5]) Тамъ же, 1826, № 19; см. также 1829, № 14.

Изъ Мильтона переводится начало первой пѣсни «Потеряннаго Рая» [1]); возвышенно-лирическія, полныя меланхоліи «Ночныя думы» (Night thought) Юнга были хорошо переложены на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Ночныя мысли о жизни, смерти и безсмертіи» [2]); произведенія Гораса Смита и Фенимора Купера завлекали, какъ произведенія послѣдователей Вальтера Скотта [3]); не менѣе плѣнительными являлись такія вещи, какъ поэма Томаса Мура «The loves of the Angels», замѣчательная по восточному колориту и живописи картинъ [4]), и романы Вашингтона Ирвинга [5]). Изрѣдка, на страницахъ *Телеграфа* можно замѣтить имена Кэмбеля. Роберта Соути и другихъ болѣе или менѣе крупныхъ представителей англійской литературы [6]).

Нѣмецкой литературѣ отведено также не малое мѣсто въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Прежде всего и тѣснѣе всего, примыкаютъ къ французской романтической литературѣ произведенія Шиллера и Гете, которые не ограничивали своего вліянія предѣлами отечества. Драмы Шиллера переводились Барантомъ; Бенжаменъ Констанъ писалъ размышленія по поводу «Валленштейна»; «Фаустъ» Гете не разъ былъ переведенъ на французскій языкъ. Естественно, что и Полевой сталъ печатать переводы и переложенія изъ обоихъ поэтовъ.

Отдѣльныя дѣйствія и монологи изъ «Вильгельма Телля», «Мессинской невѣсты», «Донъ-Карлоса», «Ифигеніи въ Тавридѣ»; лирическія стихотворенія, въ родѣ: «Стонъ Цереры», «Рыбакъ» и др. знакомили съ лучшими нѣмецкими писателями далеко не

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1831 (пер. М. Вронченка).

[2]) Тамъ же, 1829 (пер. М. Вронченка).

[3]) Г. Смитъ: Отрывокъ изъ романа „Brambletge House“ (1828), „Кораблекрушеніе“ (1828).

Ф. Куперъ: „Пѣнитель моря“ (1831), „Прогулка по берегамъ Рейна“ (1833); *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 24.

[4]) Тамъ же, 1828, № 17 (пер. П. Габбе); разборъ „Эпикурейца“ Мура, помѣщенный въ № 13, 1833, принадлежитъ извѣстному Вильмену; „Гимнъ Богу“ Мура—въ № 22, 1827 (пер. И. П. Бороздны).

[5]) „Вольферъ-Вебберъ“ (1826); „Безголовый мертвецъ“ (1826); „Заколдованный домъ“ (1827); „Аннета Деларбръ“ (1828); „Принцъ Ахмедъ“ (1832).

[6]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 1 и др.

развитое общество [1]). Жанъ Поль [2]), которому посвящена довольно большая статья изъ англійскаго *Обозрѣнія*, Гофманъ [3]), интересовавшій своими сказочными и фантастичными разсказами и повѣстями о художникахъ и позднѣйшее поколѣніе, Тикъ [4]), примыкавшій къ нѣмецкимъ романтикамъ времени Шлегелей, наконецъ, сами Шлегели [5]) — вотъ авторы, сочиненія и критику которыхъ можно встрѣтить въ разбираемомъ нами журналѣ.

Не были забыты Полевымъ и романисты-историки: Цшокке, Фанъ-деръ-Фельде и Блюменгагенъ [6]). Ихъ повѣсти разбросаны въ разныхъ мѣстахъ *Московскаго Телеграфа*, за разные годы.

Отрывочные очерки разсматриваютъ дѣятельность Гердера, Шеллинга, Новалиса, Бёрнса и другихъ.

Изъ другихъ литературъ небольшіе этюды касаются греческихъ и римскихъ писателей, польскихъ, шведскихъ, итальянскихъ, испанскихъ и отчасти восточныхъ произведеній.

Отрывки изъ поэмъ Гомера, оды Горація, элегіи Проперція и

---

[1]) Переводы Колачевскаго (ум. въ 1888 г.): два первыя дѣйствія изъ „Донъ-Карлоса“ (1829), „Стонъ Цереры“ (1829); переводъ А. Г. Ротчева: монологъ изъ трилогіи „Вильгельмъ Телль“ (1829); переводъ К. Н. Батюшкова: отрывокъ изъ „Мессинской невѣсты“ (1828); переводъ М. Н. Лихонина: монологъ изъ трагедіи „Ифигенія въ Тавридѣ“ (1829).

Изъ Шиллера еще переведены: „Закрытый истуканъ“ и др. (1826), и изъ Гете: „Безвѣтріе“ (1831) и „Рыбакъ“ (1831).

[2]) Напечатаны: „Полиметры“ (1827), „На кончину“ (1827) и „Уничтоженіе“ (видѣніе) [1829].

[3]) Напечатаны: „Бѣлое привидѣніе“ (1825), „Ботаникъ“ (1826), „Очарованный бумажникъ“ (1829), „Домовой песочникъ“ (1830), „Майоратъ“ (1830), „Золотой горшокъ“ (1831), „Черты изъ жизни Кота Мурра“ (1831), „Жизнь трехъ друзей“ (1832).

[4]) „Примѣчательная и музыкальная жизнь художника Іосифа Берлингера“ (пер. С. Шевырева, 1826, № 9).

[5]) А. В. *Шлегель*: „О драматической поэзіи и теоріи изящнаго“—1826, №№ 3—4; „Отрывки изъ курса теоріи и исторіи изящныхъ художествъ“—1831, № 12.—Фр. *Шлегель*—1830, № 15 и др.

[6]) *Цшокке*: „Разбитая кружка“ (1825), „Флоретта, или первая любовь Генриха IV“ (1827), „Будинскій паша“ (1829), „Повѣсть Іосифа Бонапарте“ (1826).—*Фанъ-деръ-Фельде*: „Патрицій“ (1830).—*Блюменгагенъ*: „Графъ Такельбергъ, или рыцарь съ серпомъ“ (1828 и д.). Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются рецензіи на произведенія этихъ авторовъ (1830, 1833).

Тибулла [1]) отчего-то полюбились Полевому. Не менѣе ихъ занималъ его и Мицкевичъ: переведены «Аккерманскія степи», «Курганъ Марили», «Повѣсть Вайделота», «Фарисъ», а также критическая статья къ полному собранію сочиненій [2]).

Переводныя рецензіи, помѣщаемыя Полевымъ, говорятъ и о Тегнеровой «Фритіофъ сагѣ», и о «Божественной комедіи» Данта, и о Камоэнсѣ, и о переводѣ «Магабхараты» [3]).

Подробный перечень и анализъ критическихъ статей, разсѣянныхъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*, не входилъ въ нашу задачу, такъ какъ этотъ вопросъ отчасти затронутъ при опредѣленіи первоисточниковъ, которые отразились на критическихъ воззрѣніяхъ Полевого. Здѣсь же коснемся еще историческихъ очерковъ, принадлежащихъ иностраннымъ знатокамъ, и рецензій на выдающіяся сочиненія по этому предмету.

Помѣщаются выдержки изъ историческихъ сочиненій Шиллера [4]), Баранта [5]), Кине [6]), Геерена [7]), Мишле [8]); есть критическіе этюды о Нибурѣ (1829) и Мишо (1831). Кромѣ того переводятся для *Телеграфа* главы изъ «Исторіи Шотландіи» и «Исторіи Наполеона» Вальтера Скотта (1828) и «Обозрѣнія исторіи Египта» Шамполліона младшаго (1834).

Любя и разработывая исторію, Полевой хотѣлъ дать возможность русскимъ читателямъ, хотя въ переводѣ, и въ отрывкахъ, прочитать сочиненія наиболѣе талантливыхъ и выдающихся европейскихъ историковъ.

---

[1]) *Гомеръ*: „Щитъ Ахиллесовъ“ (отрывокъ изъ „Иліады“ въ переводѣ Н. Н. Гнѣдича) [1829]; отрывокъ изъ „Ватрахоміомахіи“ въ переводѣ Вилламова (1826). *Горацій*: „Къ Эрмію“, „Къ Помпею Вару“, „Примиреніе“, „Къ кораблю“ (1826, 1829, 1830) — переводы В. Орлова (ум. въ 1860 г.); *Проперцій*: „Къ Цинтіи“ (1826); *Тибуллъ*: „Къ Неэрѣ“ (1829).

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 3—„Аккерманскія степи“, пер. Ив. Козлова; см. также 1828, 1829 и др.

[3]) „Die Frithiofs Saga“—1828, № 20; „Divina comedia“ Данта—1828, № 21. „Камоэнсъ“—1831, № 24; „Магабхарата“—1831, № 24 (ст. Экштейна).

[4]) „Осада Антверпена“ (1833).

[5]) „Изъ исторіи герцоговъ Бургундскихъ“ (1825).

[6]) „О природѣ и исторіи и т. д.“ (Изъ „De la Grèce moderne“. — *Московскій Телеграфъ*, 1832).

[7]) „О торговлѣ и сношеніяхъ народовъ Средней Азіи“ (Изъ „Ideen über die Politik“.—Тамъ же, 1826).

[8]) „Взглядъ на римскую исторію“ (1832).

Приведенное описаніе литературнаго матеріала *Московскаго Телеграфа* имѣетъ цѣлью наглядно показать, что̀ давало русской публикѣ это періодическое изданіе и какое громадное значеніе оно должно было имѣть для той эпохи, когда русское журнальное дѣло едва зарождалось и не представляло собою рѣшительно ничего выдающагося. Чѣмъ скуднѣе и бѣднѣе пресса двадцатыхъ годовъ, тѣмъ ярче и рельефнѣе на тускломъ и блѣдномъ фонѣ выдѣляется журналъ Полевого. *Московскій Телеграфъ* былъ въ то же время и своеобразнымъ вѣстникомъ Европы, разнося по Россіи живыя и оригинальныя идеи Запада и благотворно вліяя на развитіе общественнаго чувства и ума.

Для лучшаго выясненія отношеній *Московскаго Телеграфа* къ западно-европейской прессѣ, надо привести отзывы о журналѣ Полевого французскихъ и нѣмецкихъ органовъ печати; эти отзывы тѣмъ любопытнѣе, что у себя на родинѣ, какъ самъ Полевой, такъ и его журналъ подвергались сплошному огульному осужденію, вызванному оскорбленнымъ самолюбіемъ и завистью тогдашнихъ литераторовъ и журналистовъ, которые не могли спокойно смотрѣть на блестящій, вполнѣ заслуженный успѣхъ *Московскаго Телеграфа*.

Личныя симпатіи и антипатіи, дружба и вражда часто играютъ и въ настоящее время видную роль при произнесеніи литературныхъ приговоровъ; еще большее значеніе имѣли они въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Даже въ отзывахъ о *Телеграфѣ* иностранцевъ можно, съ достаточной вѣроятностью, видѣть отраженіе отношеній къ Полевому его соотечественниковъ.

Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы французъ или нѣмецъ, живущіе за тысячи верстъ отъ Россіи и часто занятые исключительно своимъ дѣломъ, имѣли возможность внимательно приглядываться къ только что зарождавшейся тогда русской журналистикѣ; даже при сильномъ интересѣ иноземцевъ къ Россіи естественно думать, что всѣ свѣдѣнія о болѣе или менѣе крупныхъ русскихъ литературныхъ явленіяхъ доставлялись за границу самими же русскими.

«Мы, жители Сѣвера», говорится въ *Московскомъ Телеграфѣ* [1]):

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 1: „Письмо къ N. N.“.

«сосѣди Азіи и посредники Европы въ исторіи, статистикѣ и географіи полусвѣта; отъ насъ ждутъ ученые люди точныхъ и правильныхъ свѣдѣній о сѣверной литературѣ и исторіи—и ждутъ нетерпѣливо. Посмотрите, какъ недостаточны понятія ихъ, даже объ насъ самихъ, и какъ они вызываютъ насъ на трудъ полезный и славный. Недавно Піатобріанъ просилъ Московское Общество исторіи и древностей о мѣнѣ свѣдѣній; издатель *Всеобщаго Бюллетеня* Ферюссакъ приглашалъ русскихъ ученыхъ къ участію въ его обширномъ предпріятіи; академіи и ученыя общества французскія и нѣмецкія задаютъ вопросы касательно Россіи и Сѣвера: а ученые перепечатываютъ наши книги. Русскій журналистъ, не связанный однообразіемъ журнала, можетъ выполнять требованія иностранцевъ, представляя имъ результаты ученыхъ трудовъ и изысканій нашихъ, указывая имъ ошибки, наводя ихъ на путь истинный, которымъ пойдетъ трудолюбіе нѣмца и догадливость француза».

Такими посредниками между русской и французской журналистикой могли быть Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій [1]) и Яковъ Николаевичъ Толстой [2]), изъ которыхъ первый былъ въ хорошихъ сношеніяхъ съ редакторами *Revue encyclopédique*, а второй, живя въ Парижѣ, доставлялъ въ *Московскій Телеграфъ* статьи о новостяхъ французской общественной жизни и литературы.

Изъ отзывовъ о *Телеграфѣ* французовъ намъ извѣстенъ чрезвычайно благопріятный отзывъ *Revue encyclopédique*. Защищаясь противъ нападокъ со стороны своихъ соотечественниковъ, Полевой перевелъ одну рецензію *Revue*, посвященную характеристикѣ его журнала, отрывки изъ которой приведены выше и выдержки изъ которой теперь продолжимъ. Въ 18 № *Московскаго Телеграфа* 1825 г. былъ помѣщенъ разборъ русскихъ ба-

---

[1]) С. Д. Полторацкій (1803—1884) пользовался въ Парижѣ большою популярностью. Такъ, о немъ вышла особая брошюра: „Notice sur M-r Serge Poltoratzky, bibliophile et bibliographe Russe“ etc. (Paris. 1854). Въ *Revue encyclopédique* встрѣчаются статьи о русской и французской литературахъ съ подписью: „S. P. de Moscou“ (*Библіографическія Записки*, 1892, № 1).

[2]) Я. Н. Толстой (1791—1867), бывшій гвардіи штабсъ-капитанъ, а затѣмъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, былъ агентомъ въ Парижѣ. Его статьи въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1827, №№ 17, 18; 1828, № 5. О немъ см. *Русскую Старину* 1899, №№ 9, 10.

Кромѣ нихъ, сношенія съ иностранцами могли имѣть хорошій знакомый Пушкина, С. А. Соболевскій и А. И. Тургеневъ.

сенъ И. А. Крылова [1]), заимствованный изъ *Revue*. Благодаря за переводъ статьи, сотрудникъ *Revue* пишетъ: «Здѣсь мы прямо отъ своего лица должны благодарить издателя за переводъ нашего разбора русскихъ басенъ Крылова, помѣщеннаго въ іюньской книжкѣ *Revue encyclopédique* 1825 года: переводъ явился черезъ два мѣсяца послѣ выхода подлинника. Но, если должно вѣрить нѣкоторымъ другимъ русскимъ журналамъ, эта поспѣшность, столь лестная для насъ, не позволила переводчику довольно позаботиться о слогѣ своего перевода.

Сѣверная Пчела [2]), издаваемая Г. Булгаринымъ, даже посвятила цѣлую колонну своего 125 № для указанія на одну ошибку, незначительную, гдѣ слово «сто» замѣнено словомъ «пять», въ слѣдующей цитатѣ изъ Лафонтена: «une ample comédie à cent actes divers», а не «en cent actes divers», какъ въ свою очередь пишутъ издатели *Пчелы*. Чтобы они, впрочемъ, ни заключали о сихъ литературныхъ небрежностяхъ или, можетъ быть, типографическихъ опечаткахъ, издатель *Московскаго Телеграфа* достойнымъ образомъ выполнилъ обязанность журналиста, представивъ своимъ читателямъ важнѣйшія сочиненія, относящіяся къ иностранному изданію басенъ Крылова, которое должно возбуждать живое участіе народной славы. Онъ обѣщаетъ намъ (и мы ожидаемъ съ большимъ нетерпѣніемъ) собственное свое сужденіе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ авторитетъ русскихъ критиковъ не можетъ не придавать много вѣсу». *Revue* вполнѣ безпристрастно относилось и къ обличеніямъ своихъ соотечественниковъ, если послѣдніе, дѣйствительно, не были правы. «Двѣ послѣднія страницы сего второго отдѣленія посвящены, также какъ и въ предыдущей книжкѣ, показанію нѣкоторыхъ ошибокъ французскихъ журналистовъ [3]) въ ихъ статьяхъ о Россіи. Подобные упреки, безпрестанно возобновляющіеся у иностранцевъ противъ

---

[1]) Статья Ф. Сальфи о Крыловѣ при изданіи басенъ Крылова во французскомъ переводѣ въ Парижѣ, при участіи графа Орлова.

[2]) Въ приведенномъ № *Сѣверной Пчелы* помѣщенъ слѣдующій разсказъ по поводу опечатки *Телеграфа*, изъ-за которой слово „cent“ было переведено словомъ: „пять“. Одинъ купецъ, платя по векселю, писанному по-французски, хотѣлъ вмѣсто должныхъ ста рублей заплатить пять. Онъ упорно путалъ слова „cent“ и „cinq“ и въ доказательство своей правоты ссылался на переводъ слова „cent“ въ 18 № *Московскаго Телеграфа*.

[3]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 17 „Извѣстія о Россіи и русской литературѣ, помѣщаемыя во французскихъ журналахъ“.

насъ, должны были бы послужить къ предостереженію нашихъ писателей отъ этой довѣрчивости и легкости, которая заставляетъ ихъ, безъ всякихъ пособій, судить о предметахъ, недовольно ими обдуманныхъ. Сношенія между народами и средства повѣрки сдѣлались столь незатруднительны, что читатели не могутъ уже почитать удовлетворительными извѣстія неполныя, которыми, за неимѣніемъ лучшаго, довольствовались въ продолженіе столѣтій. Пора также, очень пора авторамъ и критикамъ оставить нелѣпыя требованія на всеобъемлющую ученость и заняться, съ большею пользою, частностями. Хорошо знаютъ только то, что хорошо изучали; а въ наше время, какое знаніе не требуетъ цѣлой жизни и всѣхъ размышленій человѣка».

Заключая свои сужденія о *Московскомъ Телеграфѣ*, *Revue* дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія.

«При быстромъ и постепенномъ ходѣ наукъ съ нѣсколькихъ годовъ, періодическія сочиненія уже оказали великія заслуги; но они могутъ оказать оныя еще болѣе, замѣтивъ точку, отъ которой начнутъ свой путь, и направляя наши изслѣдованія къ цѣли, какую дѣйствительно должно предполагать себѣ. Если изящная словесность и науки не могутъ процвѣтать вмѣстѣ, ограничимся однимъ полезнымъ и не станемъ на бездѣлки тратить времени, котораго не достаетъ намъ на досуги болѣе возвышенные. Смотря съ этой точки зрѣнія, мы упрекнемъ издателей *Телеграфа* за то, что четвертное отдѣленіе и прибавленіе они занимаютъ пересказами, дневною хроникою или старыми анекдотами: тутъ приличнѣе могли бы помѣщаться абрисы нравовъ или новости, благопріятныя для успѣховъ наукъ и промышленности. Что касается до полемическихъ статей, къ которымъ они обѣщали, было, остаться чуждыми, мы отсылаемъ авторовъ оныхъ къ баснѣ [1]), помѣщен-

---

[1]) Приводимъ эту басню, подписанную буквами „С. Н.“(ечаевъ).

Ссоры.

У шавки съ пуделемъ дошло до драки,—
Добро бъ за кость, а такъ, изъ пустяковъ;
Но въ наши времена, не только что собаки,
И человѣкъ за вздоръ поссориться готовъ:
Дивиться нечему!.. Косматыхъ два героя
Терзались до того, что выбились изъ силъ;
И каждый, наконецъ, на миръ согласенъ былъ;
Но зрители ихъ боя,

ной въ № 17 и нравоученіе которой мы позволили себѣ нѣсколько развить... Не сомнѣваемся, что пространство мѣста, посвящаемое нами извѣстію о *Московскомъ Телеграфѣ*, показывая участіе, какое принимаемъ мы въ семъ новомъ литературномъ предпріятіи, побудитъ издателей принять съ благой стороны наши замѣчанія. Мы желали бы войти съ ними въ сношенія обмѣномъ изданія ихъ на наше; это дало бы намъ возможность съ своей стороны дѣлать у нихъ выгодные займы для пополненія нашихъ картинъ сравнительнаго просвѣщенія» [1]).

Въ другомъ № *Revue encyclopédique* и за другой годъ встрѣ-

Дворняшки подлыя, до мировой
Никакъ бойцовъ не допускали,
И, веселясь чужой бѣдой,
На раны новыя ихъ визгомъ подстрекали.
Титаны нѣкогда съ Олимпомъ воевали
Безъ отдыха три дня:
Не мало продолжалась
И нашихъ рыцарей задорная война.
Не вѣдаю, за кѣмъ побѣды честь осталась;
Одно дошло по слухамъ до меня,
Что безпримѣрная отвага
Съ обѣихъ пролилась сторонъ;
Однако жъ по суду всего ареопага
Явился наравнѣ смѣшонъ
И тотъ, кто побѣдилъ, и тотъ, кто побѣжденъ.
Затѣйники бумажныхъ преній!
Вы не бываете умнѣй
Когда въ пылу такихъ сраженій
Не видите, что вы съ бранчивостью своей
Потѣхой для однихъ безсмысленныхъ судей.

Еще до этого, въ № 17 *Московскаго Телеграфа* читаемъ слѣдующее заявленіе Полевого, на которое намекаетъ *Revue*, говоря о желаніи издателя *Телеграфа* остаться чуждымъ полемикѣ: „Въ самомъ началѣ *Телеграфа* я изложилъ мои мысли о критикѣ. Я сказалъ, что истинный критикъ, чувствующій собственное свое достоинство, трудящійся для пользы литературы, не для забавы охотниковъ до журнальныхъ ссоръ, не долженъ вмѣшиваться въ мелочныя апелляціи страстей авторскихъ; что довольно нѣсколькихъ словъ и правота его заяснѣетъ во мракѣ чужого пустословія: сказалъ—и такъ поступилъ". „Лучше время, убиваемое литературною перекличкою, употребить на усовершенствованіе журнала. Пусть тотъ, у кого антикритики необходимы для наполненія тощихъ листовъ, дорожитъ ими. Я отъ нихъ отказываюсь рѣшительно" (Еще особенное прибавленіе къ *Московскому Телеграфу*).

[1]) *Revue encyclopédique*, t. 32, p. 118 (1826, octobre).

чаются также похвальные отзывы о *Московскомъ Телеграфѣ*. По мнѣнію *Revue*, прежніе русскіе журналы постепенно теряютъ свое значеніе, которое они пріобрѣли, было, благодаря содѣйствію такихъ лицъ, какъ покойный Карамзинъ, а *Московскій Телеграфъ* оспариваетъ у нихъ вліяніе, и послѣднее перейдетъ непремѣнно къ нему, если другія періодическія изданія, оставивъ попытки разрабатывать вообще область наукъ и литературы, не ограничатъ свою дѣятельность какою-нибудь спеціальностью. Организованный въ большей мѣрѣ по плану *Revue*, *Телеграфъ* — первый изъ русскихъ журналовъ и привлекаетъ разнообразіемъ содержанія вниманіе публики; ему, также какъ *Revue* во Франціи, предстоитъ блестящая будущность въ Россіи, и соперничающіе журналы уступятъ ему первенство. Любопытство читателей должно быть возбуждено занимательностью статей *Телеграфа*, который будетъ пользоваться все возрастающимъ успѣхомъ, въ особенности, если перестанетъ полемизировать съ другими изданіями [1]).

Московскій Телеграфъ, въ свою очередь, откликался съ благодарностью на радушный пріемъ французовъ. Помѣстивъ въ переводѣ первую изъ приведенныхъ статей *Revue*, Полевой могъ съ полнымъ правомъ сказать: «Положимъ, что иностранный критикъ и ошибается; но все же издателю *Телеграфа* позволено радоваться своей удачѣ, сравнивая того, кто его хвалитъ, съ тѣмъ, кто его бранитъ. Впрочемъ, тутъ не одно дѣло личности, а дѣло общаго участія для русской литературы. Ею занимаются въ чужихъ краяхъ не по однимъ блестящимъ отраслямъ поэзіи, но слѣдуютъ за нею во всѣхъ явленіяхъ ея: вотъ главное и что заслуживаетъ вниманіе. Издатель *Телеграфа* благодаритъ г-на Геро за предложеніе, заключающее его обозрѣніе: съ своей стороны онъ радъ будетъ содѣйствовать по возможности сближенію сношеній, желаемыхъ французскимъ журналистомъ, и надѣется, что они болѣе и болѣе распространятся, и собственно не единственно для его выгоды, но и для общей пользы. Журналы — ближайшіе и вѣрнѣйшіе сводчики литературные: изъ статьи, здѣсь приведенной, видно, что *Сѣверная Пчела* извѣстна редакціи *Revue encyclopédique;* желательно, чтобы и другія русскія повременныя изданія доходили до нея и чтобы такимъ образомъ получили они, а съ ними и наша словесность, право гражданства въ общей лите-

---

[1]) *Revue encyclopédique*, t. 34, p. 419 (1827, mai).

ратурѣ просвѣщеннаго міра» [1]). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Для всякаго просвѣщеннаго и любящаго свое отечество россіянина пріятно видѣть, съ какою ревностью иностранцы начинаютъ заниматься пріобрѣтеніемъ точныхъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ и стараются познакомиться съ нашею литературою. Многіе иностранные журналы постоянно посвящаютъ сему предмету особенныя отдѣленія въ изданіяхъ своихъ.—Изъ числа таковыхъ *Revue encyclopédique*, одно изъ лучшихъ періодическихъ изданій въ Европѣ, отличается болѣе прочихъ, въ общемъ смыслѣ, удовлетворительными свѣдѣніями, точными сужденіями и отсутствіемъ предубѣжденій въ статьяхъ своихъ о Россіи, ибо считаетъ въ числѣ сотрудниковъ людей, которымъ отечество и литература наша извѣстны по достовѣрнымъ источникамъ, а не по наслышкѣ, или изъ сочиненій, наполненныхъ грубыми и невѣжественными ошибками и извѣстіями, чрезъ посредство коихъ единственно Европа долгое время знакомилась съ Россіей» [2]).

Но если во Франціи *Телеграфу* былъ оказанъ очень хорошій пріемъ, то не такъ обстояло дѣло въ Германіи. Отголосокъ ли ожесточенныхъ нападокъ на *Телеграфъ* русскихъ журналовъ перелетѣлъ за предѣлы Россіи или какой-нибудь изъ русскихъ литераторовъ, озлобленныхъ противъ Полевого (въ родѣ А. Ѳ. Воейкова, кстати и жившаго одно время въ Дерптѣ) тиснулъ статейку въ нѣмецкой газетѣ, но только въ *Wiener Zeitschrift für Kunst, Litteratur, Theater und Mode* (№ 21, 1829) [3]) былъ помѣщенъ далеко не безпристрастный и не благопріятный отзывъ о Полевомъ и его журналѣ. Необходимость существованія посредниковъ между нѣмецкой и русской прессой, а также раздраженный характеръ рецензіи заставляютъ предполагать въ авторѣ русскаго. Къ такому выводу склонялся, повидимому, и самъ Полевой. «Литературные лазутчики говорятъ,— читаемъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* [4]),—что будто одна рука писала и нѣмецкій оригиналъ статьи о *Телеграфѣ*, за которую съ такою жалостливою поспѣшностью уцѣпилась *Галатея* (гдѣ впервые она была напечатана),

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 4.

[2]) Тамъ же, 1827, № 19, стр. 182.

[3]) Этой газеты нѣтъ въ столичныхъ библіотекахъ, почему выдержку заимствуемъ изъ *Галатеи* 1829, № 11.

[4]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 9, стр. 144—145.

и русскій переводъ сей статейки. Можетъ быть! Мало ли есть людей, которые сочиняютъ чужія мазурки и кропаютъ въ то же время статейки для русскихъ и нѣмецкихъ журналовъ» [1]).

Изъ *Галатеи* рецензія была перепечатана въ 10 № *Славянина* (1829), употреблявшаго всѣ усилія, чтобы хоть чѣмъ-нибудь подорвать кредитъ Полевого въ глазахъ его соотечественниковъ. Любопытно то, что похвальныя статьи о *Телеграфѣ*, написанныя Геро, прошли безслѣдно, тогда какъ бранчивая статья нѣмецкаго изданія удостоилась помѣщенія въ нѣсколькихъ журналахъ. Оправдались слова Полевого, сказанныя имъ, при переводѣ первой статьи изъ *Revue:* «Издателю *Московскаго Телеграфа* можно и должно было бы ожидать помѣщенія сей статьи (Геро) въ постороннемъ изданіи, но—таить нечего, ожиданіе было бы тщетное; неблагопріятный отзывъ иностранца о *Телеграфѣ*, вѣроятно, нашелъ бы себѣ эхо многократное, но одобрительный пропалъ бы безъ вѣсти» [2]).

Приводимъ отзывъ *Zeitschrift* въ переводѣ издателя *Галатеи* [3]).

«Уже объявлено о двухъ новыхъ литературныхъ журналахъ на 1829 годъ. Одинъ изъ нихъ будетъ издаваться въ С-Петербургѣ г. Олинымъ, довольно извѣстнымъ поэтомъ и переводчикомъ. Каждые 14 дней предположено выдавать по книжкѣ отъ 5 до 6 листовъ. О другомъ, подъ названіемъ: *Галатея*, объявилъ г. Раичъ, переводчикъ «Торквата Тасса». Онъ будетъ появляться еженедѣльно книжками въ 3 листа и заключать въ себѣ, подобно *Вѣнской Газетѣ*, статьи по части изящныхъ искусствъ, литературы, театра и модъ».

«Оба сіи журнала для г. Полевого, издателя *Телеграфа*, какъ «бѣльмо на глазу», потому что при нихъ также будутъ прилагаемы модныя картинки. Но особенно раздраженъ онъ на г. Олина,

---

[1]) Однимъ изъ посредниковъ между русской и заграничной журналистикой былъ нѣкто Н. И. Борхардтъ (*Московскій Телеграфъ*, 1827, № 24, стр. 180), но только не онъ писалъ упомянутую рецензію. На это есть указаніе въ самомъ *Телеграфѣ* (1829, № 9): „Н. И. Борхардтъ, будучи корреспондентомъ многихъ нѣмецкихъ газетъ и журналовъ, просилъ насъ извѣстить публику, что статья о *Телеграфѣ*, переведенная въ *Галатею* изъ *Вѣнскаго Моднаго Журнала*, писана не имъ, но доставлена къ издателю упомянутаго нѣмецкаго журнала изъ Москвы отъ посторонней особы".

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 4, стр. 159.

[3]) *Галатея*, 1829, № 11.

ибо сей имѣлъ дерзость объявить, что будетъ выдавать модныя картинки ранѣе всѣхъ русскихъ журналовъ и слѣдовательно ранѣе *Телеграфа*,—дерзость, тѣмъ менѣе простительную въ глазахъ *Телеграфа*, что онъ самъ, въ противоположность всѣмъ настоящимъ телеграфамъ, запаздываетъ обыкновенно съ своими извѣстіями и книжками двумя и тремя мѣсяцами; такъ, напримѣръ, случается не рѣдко, что книжка, которой слѣдовало бы выйти въ маѣ, проглядываетъ у него на свѣтъ Божій не прежде августа. Отъ этого-то излилъ онъ всю желчь своего негодованія на объявленіе о семъ журналѣ и старался, какъ бы литературою, умертвить его еще до вступленія на поприще міра и, какъ говоритъ Шиллеръ, въ враждебную жизнь. Жаль только, что при всемъ остроуміи, употребленномъ г. Полевымъ къ осмѣянію сего журнала, въ самомъ его объявленіи всякій безпристрастный могъ замѣтить, отъ чего собственно illae lacrimae. Удивительно, какъ еще до сихъ поръ такъ мало голосовъ явилось противъ ежедневно возвышающейся заносчивости и очевиднаго пристрастія въ критикахъ сего журналиста, который, не принадлежа собственно къ ученому званію, обо всемъ берется знать лучше другихъ, обо всемъ судитъ и рядитъ, а самъ между тѣмъ часто дѣлаетъ грубѣйшія ошибки, особливо противъ логики и хронологіи, а иные утверждаютъ, даже противъ грамматики. Вотъ почему недавно издатель *Русскаго Инвалида* обнаружилъ съ своей стороны подозрѣніе: не промоталъ ли г. Полевой (напечатавшій предъ тѣмъ рѣчь о невещественномъ капиталѣ) свой собственный невещественный капиталъ».

Помѣстивъ подобную статью на страницахъ своего журнала, Раичъ не удержался, чтобы не присоединить своихъ замѣчаній къ отзывамъ *Zeitschrift*.

«Добился, или дописался, наконецъ, издатель *Московскаго Телеграфа*—читаемъ въ *Галатеѣ*—до Геростратовской славы въ ученомъ мірѣ. Молва объ его журнальныхъ подвигахъ откликнулась за рубежемъ Россіи, и теперь, къ сожалѣнію, не только у насъ, но и вездѣ знаютъ уже, что такое г. Полевой въ литературѣ и къ какимъ созвѣздіямъ слѣдуетъ отнести его *Московскій Телеграфъ*, блуждающій по горизонту русской словесности . «Такой отзывъ иностраннаго журнала не дѣлаетъ чести г. издателю *Московскаго Телеграфа;* но онъ не дѣлаетъ чести и русской литературѣ, потому что *Телеграфъ* есть журналъ русскій, а г. Полевой — человѣкъ русскій. Вслѣдствіе сего мы долгомъ счи-

таемъ снова обратиться къ *Московскому Телеграфу*, но не съ упрекомъ, а съ просьбой и увѣщаніемъ. Мы просимъ его, ради возстановленія доброй славы нашей журналистики, перемѣнить свое предосудительное литературное поведеніе, отказаться отъ неприличной журнальной назойливости, предпочитать общую пользу нашего просвѣщенія жалкимъ выгодамъ мелочного эгоизма; просимъ его быть скромнѣе и безпристрастнѣе въ своихъ критическихъ толкованіяхъ и пересудахъ, а болѣе всего помнить, что въ глазахъ мыслящаго: перстъ указательный и рѣшительная отвага всегда суть болѣе отрицательные, чѣмъ положительные признаки премудрости».

Дерзкая выходка *Галатеи* вызвала рѣзкій отвѣтъ Полевого, несмотря на его искреннее желаніе не вступать въ полемическія распри.

«Знаете ли вы, г. Раичъ-Амфитеатровъ», писалъ онъ [1]): «что вы ошиблись въ разсчетѣ, безъ толку, безъ познаній, при одномъ невѣжествѣ и желаніи браниться, начавъ войну съ другими журналами? Васъ обличаютъ и будутъ обличать на каждомъ шагу, ибо съ такими литераторами, какъ вы и ваши сотрудники, правда, стыдно состязаться, но побѣждать васъ такъ же легко, какъ пугать индѣйскаго пѣтуха. Замѣчу вамъ еще, что литературная война занимательна тогда только, когда въ обѣихъ воюющихъ сторонахъ видѣнъ умъ, острота и благонамѣренность. Вы же не смыслите сказать ни одного остраго слова, спотыкаетесь на каждомъ шагу, безпрестанно оказываете полное, всяческое незнаніе и смѣшите людей единственно на свой счетъ. Неужели вамъ пріятно играть столь жалкую роль? Уймитесь! Издатели *Дамскаго Журнала* и *Славянина* могутъ служить вамъ примѣромъ, что безсмысленная брань не возвышаетъ, а роняетъ журналъ. Впрочемъ, попытайте еще силъ своихъ, если вамъ хочется получить нѣсколько новыхъ уроковъ.

До новой галиматейной клеветы, прощайте».

Излишняя неумѣренность въ словахъ Полевого вполнѣ объясняется вышеизложенными нападками нѣмецкаго журнала на *Московскій Телеграфъ*, который вполнѣ незаслуженно сдѣлался мишенью для всевозможныхъ нареканій. Будучи первымъ журналомъ своей эпохи, имѣя талантливыхъ русскихъ сотрудниковъ и сообщая наиболѣе интересные факты изъ европейской науки и

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 12, стр. 536—537.

литературы, за чѣмъ онъ зорко слѣдилъ, *Московскій Телеграфъ* заслуживалъ полной признательности своихъ современниковъ, и потому съ большимъ удовольствіемъ изслѣдователь литературы останавливается на справедливомъ отзывѣ *Revue encyclopédique*, теряющемся среди злобныхъ нападеній на Полевого русскихъ журналистовъ, подстрекаемыхъ часто некрасивыми страстями: корыстью и завистью.

Потомство справедливѣе отнеслось къ замѣчательному періодическому изданію двадцатыхъ годовъ; когда замолкли партійные счеты, отчетливѣе и яснѣе должна была сдѣлаться оцѣнка.

«Въ немъ (*Московскомъ Телеграфѣ*) было много силы, энергіи, жару, стремленія, безпокойства, тревожности, онъ неусыпно слѣдилъ за всѣми движеніями умственнаго развитія въ Европѣ и тотчасъ передавалъ ихъ такъ, какъ они отражались въ его понятіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ все въ немъ было неопредѣленно, часто смутно, а иногда и противорѣчиво. Это давало полную возможность придираться къ нему людямъ, стоявшимъ внѣ умственнаго движенія своей эпохи. И они не шутя считали себя неизмѣримо выше Полевого, и съ важностью ловили и высчитывали его обмолвки, промахи, ошибки, не понимая, что ихъ преимущество надъ нимъ состояло только въ томъ, что они спали, а онъ жилъ и дѣйствовалъ: кто спитъ, тотъ, разумѣется, не грѣшитъ, особенно если спитъ такъ крѣпко, что и во снѣ ничего не видитъ» [1])...

Слова эти сказаны однимъ изъ чуткихъ русскихъ критиковъ, который призналъ за *Московскимъ Телеграфомъ* право на званіе «рѣшительно лучшаго журнала въ Россіи отъ начала журналистики».

---

[1]) Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1862, ч. 12, стр. 178.

II.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ:

русская литература и журналистика.

Приступая къ изданію *Московскаго Телеграфа*, Полевой сознавалъ, что «достоинство журнала» зависитъ отъ «уваженія къ нему пишущей публики». «Ученическая проза и поэзія», наводнявшая періодическія изданія двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, не давала возможности составить высокое мнѣніе о русскихъ литераторахъ: къ послѣднимъ необходимо было внимательно приглядѣться и для успѣха новаго предпріятія выбрать и привлечь къ участію лучшія силы. Полевой такъ и сдѣлалъ. Живой и разносторонней программой журнала онъ заинтересовалъ многихъ лицъ, надѣленныхъ умомъ и талантомъ, иногда молодыхъ, еще не вполнѣ установившихся, но полныхъ жизни и энергіи, а черезъ своего ближайшаго сотрудника князя П. А. Вяземскаго завязалъ сношенія съ писателями такъ называемаго пушкинскаго кружка, глава котораго въ самомъ первомъ номерѣ *Московскаго Телеграфа* помѣстилъ свою изящную піесу «Телѣга жизни» [1]). Этимъ стихотвореніемъ открывался обширный отдѣлъ лирики. Первое мѣсто занимали, конечно, творенія самого великаго поэта: то нѣжныя элегіи, то страстныя цыганскія пѣсни, то хлесткія эпиграммы, бичующія «журнальныхъ пріятелей»... [2]) Около Пушкина группировались его знакомые, сверстники—dii minores блестящей плеяды, сотоварищи по Царскосельскому лицею; наконецъ, родственники—всѣ они слали плоды своего поэтическаго досуга Полевому. От-

---

[1]) Здѣсь мы не касаемся выясненія неровныхъ отношеній къ Полевому великаго поэта и его друзей и знакомыхъ; этотъ вопросъ мы разсчитываемъ поднять впослѣдствіи въ подробной біографіи издателя *Московскаго Телеграфа*.

[2]) „Журнальнымъ пріятелямъ", „Ex ungue leonem", „Стихи въ альбомъ", „Цыганская пѣсня" (М. Т. 1825); „Элегія" (1826); „Эпиграммы" („Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій" и „Какъ сатирой безымянной") [1829].

рывки изъ поэмъ Е. А. Баратынскаго (1800—1845), его колкія стихотворныя шутки и меланхолическіе стансы [1]; исполненныя буйнаго порыва и задорной отваги созданія Н. М. Языкова (1803—1846) [2]; оригинальныя вещи И. И. Козлова (1784 — 1840) [3]; куплеты А. Д. Илличевскаго [4]; посланія В. К. Кюхельбекера (1797—1846) [5] и Василія Львовича Пушкина (1770—1830) [6]; переложенія, сентиментально грустныя и на случай написанныя піесы В. А. Жуковскаго [7]; «Цвѣты, выбранные изъ греческой антологіи», Д. В. Дашкова (1788—1839) [8]; юмористическіе наброски и поэтическія характеристики князя П. А. Вяземскаго (1792—1878) [9]— можно было встрѣтить чуть не въ каждой книжкѣ *Московскаго Телеграфа* за первые четыре года его существованія.

Во время сближенія Полевого съ пушкинскимъ кружкомъ, въ Москвѣ былъ открытъ великосвѣтскій салонъ, сдѣлавшійся центромъ умственнаго и литературнаго движенія. Хозяйка этого салона кн. З. А. Волконская (1792—1862), блестяще образованная, вращавшаяся въ высшихъ слояхъ общества и находившаяся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ членами царской фамиліи, потрясенная кончиной Александра I-го и императрицы Елизаветы Алексѣевны, оплакала ихъ утрату въ двухъ элегіяхъ, которыя вручила для напечатанія молодому и начинающему журналисту [10].

---

[1]) „Веселье и горе", „Финляндія" (1825); „Эпиграмма", „Совѣтъ", „Д. Давыдову" (1826); „Отрывокъ изъ поэмы", „Къ ***" (1827); „Стансы" (1828).

[2]) „Поэтъ", „Прощаніе" (1826); „А. Н. Вульфу" (1827).

[3]) „Стансы" (1827).

[4]) А. Д. Илличевскій (1801—1837), товарищъ Пушкина по лицею, впослѣдствіи довольно извѣстный стихотворецъ, авторъ „Опытовъ въ антологическомъ родѣ", напечаталъ свое произведеніе „Куплеты" (1827).

[5]) „Грибоѣдову" (1825).

[6]) „Посланіе къ...", „На кончину ***", „Умирающій лѣнивецъ" (1827); „Къ А. С. Пушкину" (1829).

[7]) „Лалла Рукъ", „Къ *** (посланіе Перовскому)", „Къ портрету Гете", „Воспоминаніе", „Обѣты" (1827); „На миръ съ Персіею" (1828).

[8]) Ярый карамзинистъ, полемизировавшій съ Шишковымъ, основатель и одинъ изъ главныхъ дѣятелей Арзамаса, напечаталъ „Цвѣты изъ греческой антологіи" (1827—1828).

[9]) „Графинѣ ***, на смерть ея родителя", „Пиши пропало" (1825); „Запретная роза", „Коляска", „Эпиграмма" (1826); „Е. А. К.", „Эпизодическій отрывокъ изъ путешествія въ стихахъ", „Выдержка", „Къ Илличевскому", „Байронъ", „Теперь мнѣ недосугъ" (1827); „Быль" (1828).

[10]) „Александру I", „На кончину императрицы Елизаветы Алексѣевны" (1826).

Курсъ Полевого постепенно повышался; изъ лица, мало кому извѣстнаго, онъ сдѣлался популярнымъ; повидимому ему наперерывъ стали предлагать свои услуги самые разнородные дѣятели на поприщѣ отечественной словесности. Въ числѣ лириковъ было не мало полузабытыхъ нынче, но пользовавшихся вниманіемъ читающаго класса въ эпоху двадцатыхъ годовъ. Таковы талантливый романистъ А. Ѳ. Вельтманъ [1]) и Ѳ. Н. Глинка (1788—1880), бывшій адъютантомъ Милорадовича и напечатавшій «Письма русскаго офицера о Польшѣ, австрійскихъ владѣніяхъ, Пруссіи и Франціи» (1815—1816); послѣдній чувствовалъ наклонность къ поэзіи и сдѣлался авторомъ духовныхъ стихотвореній, сюжеты которыхъ заимствовалъ изъ библейскихъ сказаній или псалмовъ царя Давида [2]).— Не безъ литературнаго имени былъ и В. И. Карлгофъ (1766—1841), сначала военный, потомъ чиновникъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и помощникъ попечителя Кіевскаго и Одесскаго округовъ; повѣствователь, по характеру своего дарованія, онъ ощущалъ иногда потребность въ небольшихъ піесахъ выражать настроеніе своихъ мыслей и чувствъ [3]).—Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть Н. А. Маркевича (1804—1860), владѣльца значительнаго архива, гдѣ было «особенно много матеріаловъ» о южной части Россіи; онъ любилъ подражать украинскимъ напѣвамъ и мелодіямъ и знакомить московскихъ жителей съ преданіями и повѣрьями, распространенными въ Полтавской губерніи [4]).—Поэтъ и новеллистъ К. П. Масальскій (1802—1861), помимо историческихъ романовъ, отъ времени до времени создавалъ стихотворные экспромты и перелагалъ мѣрною рѣчью испанскіе мотивы; а зажиточный помѣщикъ Рязанской губерніи, ученикъ масонской ложи, молодой чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ С. Д. Нечаевъ (1792—1860), еще не думавшій тогда о министерскомъ постѣ и западно-русскихъ уніатахъ, сближеніемъ

---

[1]) „Мегеммедъ“, „Александръ Великій“ (1829); „Зороастръ“ (1830); „Эскандеръ“ (1831).

[2]) „Мечта“, „Изъ пророка Исаіи“, „Къ звѣздѣ“, „Ловители“, „Вѣчность“, „Услада“, „Луна и кенкеты“, „Нѣчто о происхожденіи человѣка“ (1826); „Моленіе“, „Псаломъ 34-й“, „Къ XII-му году“, „Звѣзда“, „Зависть“ (1829).

[3]) „Путешественникъ и дитя“ (1829), „Красота сѣвера“ (1830), „А. А. Козловой“ (1828).

[4]) „Веллино“, „Къ Инезѣ“ (1826); „Украинскія мелодіи“ (подражаніе ирландскимъ мелодіямъ Томаса Мура), „Гетманство“, „Мѣдный быкъ“ (1829); „Вѣдьма“, „Украинскія ночи“, „Василекъ“, „Русалки“ (1830); „Иванъ Купала“ (1831).

которыхъ съ православною церковью онъ былъ очень озабоченъ на закатѣ своей жизни, сочинялъ и выпускалъ въ свѣтъ посланія, эпиграммы и иногда басни [1].—Несомнѣнно болѣе крупной величиной, чѣмъ Нечаевъ, должно считать Н. Ф. Павлова (1803—1864). «Необыкновенно живой умъ, быстрота пониманія, убѣдительная сила изящнаго слова и твердые литературные пріемы при тонкомъ критическомъ талантѣ выдвигали его изъ ряда современниковъ» [2]. Кромѣ повѣстей, возбуждавшихъ любопытство многихъ, онъ съ ранней молодости, пристрастился къ стихотворству; нѣкоторые его романсы даже были положены на музыку Верстовскимъ и Глинкой [3].—Нѣсколько слабѣе была лирика барона Е. Ф. Розена (1800—1860), признававшаго преобладаніе въ ней нѣмецкаго элемента и ставившаго ее ниже своихъ историческихъ драмъ: «Россіи и Баторія», «Осады Пскова» и др., въ которыхъ онъ усматривалъ «народные оттѣнки и окраски» [4].—Свое настроеніе и впечатлѣнія, вынесенныя изъ продолжительныхъ путешествій по Кавказу и Востоку, въ рядѣ піесъ выражалъ В. Г. Тепляковъ (1804—1842), питомецъ Московскаго благороднаго пансіона, участникъ въ дѣлѣ декабристовъ и хорошій знакомый нашихъ первоклассныхъ поэтовъ [5].—Въ той же области лирики выступили еще историкъ-дилетантъ и довольно просвѣщенный человѣкъ, пользовавшійся расположеніемъ И. И. Дмитріева, Мерзлякова и Каченовскаго—Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ (1795—1849) [6]; любитель Шекспира и Шиллера М. Н. Лихонинъ (ум. въ 1864 г.) [7]; членъ литературно-театральнаго комитета, сотрудникъ многихъ газетъ и журналовъ и большой неудачникъ въ жизни

---

[1]) *Масальскій, К. П.*: „Въ альбомъ незнакомой дѣвицы", „Размышленіе" (съ испанскаго; соч. Лопеца де Веги) [1829]; „Новая тетива" (съ испанскаго) [1830].—*Нечаевъ, С. Д.*: „Умирающій пѣвецъ", „Эпиграмма", „Къ Я -у" (1825).

[2]) Отзывъ П. И. Бартенева.

[3]) „Пѣснь Магометанина" (1825); „Элегія" (1826); „А. Дмитріевой" (1828); „На отъѣздъ въ Италію княгини З. А. Волконской", „Червонецъ" (1829).

[4]) „Дѣва горъ", „Картина жизни", „Спящая Переславна", „Греческая героиня", „Тоска по юности", „Къ пѣвцу Эды", „Мой идеалъ" (1826); „Видѣніе Тасса" (1828); „Лилія" (1829).

[5]) „Кавказъ" (1829) и др.

[6]) „Эпитафія Карамзину" (1826).

[7]) „Разговоръ на гробѣ поэта", „Голосъ матери съ того свѣта" (1829).

А. Г. Ротчевъ (1810—1873) [1]); поклонникъ Державина, переводчикъ, плодовитѣйшій и бездарный сочинитель В. Н. Олинъ (ум. послѣ 1839 г.) [2]); авторъ «Арфы стихогласной» и перелагатель на рускій языкъ иностранныхъ драмъ А. Г. Волковъ (1775—1833) [3]) и цѣлая группа малоизвѣстныхъ писателей, въ родѣ: Башилова, Колачевскаго, Мансурова, Тростина, Федорова [4]) и др.

Отдѣлъ эпоса въ *Московскомъ Телеграфѣ* самъ собою распадается на три части: въ одной—интересны романы, повѣсти; въ другой—поэмы; въ третьей—басни. И. И. Лажечниковъ (1794—1869) выступаетъ передъ публикой со своимъ первымъ поэтическимъ дѣтищемъ—занимательнымъ, исполненнымъ жизни романомъ «Послѣдній новикъ» [5]); А. А. Марлинскій (1795—1837)—со своими повѣстями, въ которыхъ ярко проявились и его крупный талантъ, и не менѣе крупные недостатки, способность легко набросать вѣрную и мастерскую картину и надѣлать массу натяжекъ, погрѣшить противъ правды исторической и общечеловѣческой [6]).—Здѣсь А. Ѳ. Вельтманъ (1800—1870) предается порывамъ нѣсколько распущеннаго воображенія, поражаетъ сложностью и невѣроятностью описываемыхъ происшествій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣньемъ подмѣтить поэзію древне-русскихъ преданій [7]); В. И. Даль (1801—1872) обнаруживаетъ не малыя свѣдѣнія по этнографіи въ любопытномъ разсказѣ о молдавскихъ цыганахъ [8]); В. А. Ушаковъ (ум. въ 1838 г.), герой Бородина, литераторъ съ «обширными свѣдѣніями и большой начитанностью», возвышается до созданія художественнаго произведенія «Киргизъ-Кайсакъ», съ которымъ даже не могутъ итти въ сравненіе позже имъ вы-

---

[1]) „Разбитіе Сеннахерима", „Поэзія", „Къ Жуковскому", „Мелодія" (1826); „Видѣніе Іоанна", „Арфа" (1829); „Стансы", „Два ворона" (1830); „Душа юноши" (1831).

[2]) „Кубокъ", „Къ Аглаѣ", „Къ Лаисѣ" (1825).

[3]) „Древнее кладбище", „Къ Москвѣ", „Древняя обитель" (1825); „Къ воинамъ", „Къ Дмитріеву" (1829).

[4]) „Н. Н. Голицыну", „Семейный разговоръ" (1826).

[5]) Отрывки изъ романа „Послѣдній новикъ", ч. II, гл. I (1830).

[6]) „Страшное гаданье", „Андрей, князь Переяславскій" (1831); „Аммалатъ Бекъ" (1832); „Отрывокъ изъ несочиненнаго еще сочиненія" (1834).

[7]) Отрывокъ изъ сказанія „Мстиславъ, князь Тмутараканскій" (1831); отрывокъ изъ романа „Семейство Холмскихъ", отрывокъ изъ новаго романа „Кощей Безсмертный" (1832).

[8]) „Цыганка" (1830).

пущенные, скучные и вялые «Досуги инвалида» [1]... Нерѣдко попадаются то повѣсти П. И. Сумарокова, родившагося въ глухомъ уголкѣ восточной Россіи (1800) и еще въ молодыхъ годахъ заявившаго себя въ Москвѣ «пріятнымъ разсказчикомъ былей и небылицъ, почерпаемыхъ изъ міра русской, преимущественно провинціальной жизни» [2]); то не дурные по стилю, но чуждые оригинальности и совсѣмъ не отражающіе духа извѣстной эпохи историческіе романы К. П. Масальскаго [3]); то сибирскіе разсказы И. Т. Калашникова [4]): то небольшія вещицы Карлгофа [5]) и нѣкоего Суворова [6]).

Содержаніе поэмъ берется изъ историческаго прошлаго русскаго и иноземныхъ народовъ. «Страна могилъ, развалинъ и воспоминаній» вдохновила сына извѣстнаго основателя школы колонновожатыхъ—А. Н. Муравьева (1806—1874), впослѣдствіи много потрудившагося надъ разъясненіемъ вопросовъ догматическаго богословія. Въ молодости онъ пытался сдѣлаться трагикомъ и повѣствователемъ: въ его стихотворныхъ отрывкахъ представлена, между прочимъ, кончина Данта, послѣ долгихъ скитаній пріютившагося у Равеннскаго владѣтеля Гвидо Полента и въ предсмертныя минуты заклинавшаго своего друга не выдавать его праха Флоренціи: кромѣ того, Муравьева привлекала эпоха Владиміра Святого: въ «Хорахъ Перуну» происходитъ діалогъ между жрецомъ и толпами язычниковъ, не желающихъ сверженія «священнаго кумира» [7]). Та же тема и въ «Днѣпровскомъ берегѣ» другого, теперь совсѣмъ забытаго писателя Елагина [8]).—На ряду съ вполнѣ самостоятельной работой возникаетъ стремленіе къ переложеніямъ съ одного нарѣчія на другое. Е. П. Гребенка (род. въ 1812, ум. въ началѣ 50-хъ годовъ), будучи девятнадцати лѣтъ отъ роду, въ годъ выхода изъ Нѣжинскаго лицея, перевелъ на малороссійскій языкъ часть «Полтавы» Пушкина [9]).

---

[1]) „Киргизъ-Кайсакъ“ (1829).

[2]) Отрывки изъ повѣсти „Свѣтлана“ (1826); „Кокетство и любовь“ (1829); „Предубѣжденіе“ (1830); „Кольцо и записка“ (1831).

[3]) Отрывокъ изъ историческаго романа „Стрѣльцы“ (1831).

[4]) Отрывокъ изъ романа „Дочь купца Жолобова“ (1831).

[5]) „Разсказъ на бивакѣ, истинное происшествіе“ (1829).

[6]) „Александръ и Геростратъ“ (1828).

[7]) „Смерть Данта“, „Хоры Перуну“ (1827).

[8]) „Днѣпровскій берегъ“ (отрывокъ изъ романтической поэмы „Владиміръ Великій“) [1829].

[9]) „Опытъ перевода „Полтавы“, поэмы Пушкина“, на малороссійскій языкъ (1831).

Что касается басенъ, то ихъ въ журналѣ Полевого весьма немного; въ числѣ авторовъ нельзя не назвать знаменитаго И. А. Крылова [1]).

Въ обширномъ отдѣлѣ критики и библіографіи видную роль игралъ Пушкинъ, энергично отстаивавшій книгу Сталь «Десятилѣтнее изгнаніе» отъ нападокъ *Сына Отечества*, привѣтствовавшій французскій переводъ басенъ Крылова, сжато, но мѣтко охарактеризовавшій Ломоносова и высказавшій остроумныя соображенія о русскомъ языкѣ [2]).—Цѣлый рядъ бѣглыхъ очерковъ принадлежитъ князю П. А. Вяземскому, который слѣдилъ за появленіемъ новинокъ въ русской и иностранныхъ литературахъ. По его собственному признанію, иной номеръ *Телеграфа* былъ наполовину написанъ имъ или наполненъ доставленными имъ матеріалами. Часто проставляя подъ рецензіями вполнѣ свое имя, иногда скрываясь подъ псевдонимами: Асмодей, А. М., Журнальный сыщикъ или Г.-Р.-К. (Григорій Римскій-Корсаковъ), Вяземскій находилъ досугъ подвергать разсмотрѣнію поэмы Пушкина, Козлова, сочиненія Жуковскаго, разсказывать анекдоты изъ жизни литераторовъ XVIII вѣка, разсуждать о злоупотребленіи словъ, знакомить общество съ иностранной прессой, съ лучшими поэтическими созданіями французской изящной словесности, съ дѣятельностью актера Тальмы, съ сонетами Мицкевича. Живая форма изложенія служила приманкой для читателя [3]).—Одинъ изъ просвѣ-

---

[1]) *Крыловъ, И. А.*: „Бѣлка“ (1830); *Нечаевъ, С. Д.*: „Ссоры“ (1825); *Сумароковъ, П. П.*: „Фіалка и шапка“ (1826).

Въ вышеприведенномъ отдѣлѣ изящной словесности опущены беллетристическія произведенія „Новаго живописца общества и литературы“.

[2]) „О г-жѣ Сталь и о г. А. М—вѣ“, „О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова“ (1825).

[3]) „Жуковскій—Пушкинъ о новой піитикѣ басенъ“, „Чернецъ“, соч. Ив. Козлова; „О разборѣ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона“, „Письмо изъ Парижа“, „Письмо въ Парижъ“ (1825); „Выдержки изъ записной книжки“ (1826, 1827), „Сочиненія Жуковскаго“ (1826); „О злоупотребленіи словъ“, „Извѣстіе о Тальмѣ“, „Журналистика“ (?), „Сонеты Адама Мицкевича“, *„Астраханская Флора. —Литературный Музеумъ.—Сѣверные Цвѣты“*; „Довольно ли шести мѣсяцевъ, чтобы узнать государство? или замѣчанія на книгу г-на Ансело: „Шесть мѣсяцевъ въ Россіи“. Писано Я. Т.....ъ (письмо изъ Парижа къ С. Д. П.); „Стихотворенія Д. Глѣбова“, „Гречанка“ неизвѣстнаго и „Аннибалъ“, драм. поэма Д. Струйскаго; „Отрывокъ изъ біографіи Каннинга“; „Цыганы“, поэма Пушкина (1827) и др.

щеннѣйшихъ и гуманныхъ русскихъ дѣятелей первой половины истекшаго столѣтія, долго путешествовавшій по Западной Европѣ, посѣщавшій различные архивы и нашедшій много цѣнныхъ документовъ и рукописныхъ матеріаловъ, А. И. Тургеневъ (1784—1845), при посредничествѣ князя Вяземскаго, препровождалъ Полевому части своего дневника, веденнаго во время заграничныхъ поѣздокъ. Его «Письма изъ Дрездена», подписанныя иниціалами Э. А. (Эолова Арфа), заключали любопытныя свѣдѣнія о парижскихъ періодическихъ изданіяхъ, объ «Исторіи Наполеона» и романахъ Вальтера Скотта, о типографической дѣятельности нѣмцевъ, объ итальянской оперѣ и спектакляхъ въ Дрезденѣ; его возраженіе на статью *Лейпцигской Ученой Газеты*, посвященную Карамзину, представляетъ собою горячую апологію исторіографа отъ неправильно взводимыхъ на него обвиненій [1]).—Рецензентами *Московскаго Телеграфа* были Е. А. Баратынскій, разобравшій «Тавриду» А. Н. Муравьева; князь В. Ѳ. Одоевскій (1803—1869), дававшій отчеты о московскихъ концертахъ, музыкѣ и выказавшій талантъ юмориста, и А. А. Марлинскій, «съ фонаремъ исторіи» разглядывавшій «тропинки, по коимъ романтизмъ вторгался въ Европу» [2]).—Часто помѣщалъ статьи братъ издателя Кс. А. Полевой, человѣкъ не глупый и не безъ знаній: онъ никогда не упускалъ случая поговорить о стихахъ Дельвига, повѣстяхъ Погодина, вновь вышедшихъ альманахахъ, поднять нѣкоторые вопросы по теоріи поэзіи; наиболѣе ему удались этюдъ о «Душенькѣ» Богдановича, разсужденіе объ основныхъ законахъ драматическаго искусства и трагедіи «Ермакъ» [3]) и др.—Театральные фель-

---

[1]) „Письма изъ Дрездена", „Иностранная переписка" (извлеченіе), „Споръ въ нѣмецкихъ журналахъ объ „Исторіи государства россійскаго" (1827).

[2]) *Е. А. Баратынскій*: „Таврида" А. Муравьева (1827); *В. Ѳ. Одоевскій*: „Московскія новости. Петровскій театръ"; „Итальянскій театръ"; „Три пѣсни" (новая кантата—слова В. А. Жуковскаго, музыка А. Н. Верстовскаго); „Современные нравы: Разговоръ двухъ пріятелей (?)"; „Разговоръ подъ Новинскимъ"; „Антикритика: отзывъ г-ну Гречу и отвѣтъ г-на У. У. г-ну П. (1825);—*А. А. Марлинскій*: „Клятва при Гробѣ Господнемъ", или „О романахъ и романтизмѣ" (1833).

[3]) „Полтава", поэма А. Пушкина; „Стихотворенія барона Дельвига"; „Черная немочь", повѣсть М. Погодина; „Constantinople et le Bosphore de Thrace, pendant les années 1812, 1813 et 1814, et pendant l'année 1826, avec un atlas, par M. le comte Andreossy" (1829); „Взглядъ на два обозрѣнія русской словесности 1829 г., помѣщенныя въ *Денницѣ* и *Сѣвер-*

тоны были въ вѣдѣніи В. А. Ушакова въ виду его любви къ сценѣ и знакомства съ величайшими артистами Германіи и Франціи: піесы переводныя, преимущественно Шиллера, Мольера, и комедіи Грибоѣдова, Фонвизина нашли себѣ добросовѣстнаго, хотя иногда и заблуждавшагося оцѣнщика [1]).—Пиша на подобныя же темы, М. Н. Лихонинъ по временамъ замѣщалъ Ушакова [2]).—Изъ лицъ, носившихъ ученое званіе, можно указать на И. И. Давыдова (1794—1863), И. Я. Кронеберга (1788—1838) и М П. Розберга. Первые двое печатали рѣчи и выдержки изъ сочиненій; послѣдній выпустилъ въ свѣтъ весьма изящно и дѣльно изложенную диссертацію о главныхъ отличительныхъ чертахъ греческой и римской литературы,—диссертацію, уже предвѣщавшую дальнѣйшіе успѣхи автора, въ 1835 г. сдѣлавшагося дерптскимъ

ныхъ Цвѣтахъ; „Брошюрки Кронеберга“ (1830); „Ермакъ“, трагедія Ал. Хомякова; „Душенька“ Богдановича; „Краткій курсъ словесности“ Вас. Плаксина; „О фабрикахъ“; „Путешествіе г-на Беллинсгаузена“ (1832); „Объ изученіи исторіи“, разборъ разсужденія Владиміра Цыха; „Жизнь Наполеона Бонапарте“, сочиненіе сира Вальтера Скотта; „Система россійской словесности“, составленная профессоромъ Ив. Давыдовымъ; „О направленіяхъ и партіяхъ въ литературѣ“, отвѣтъ Катенину (1833); „О сочиненіяхъ Гете, изданныхъ послѣ его смерти“; „О новомъ направленіи въ русской словесности“ (1834).

[1]) „Разбойники“ Шиллера; „Еще антикритика: отвѣтъ на отвѣтъ г-на С. Аксакова“; „День паденія Миссолунги“, мелодрама; „О московскихъ концертахъ“; „Молодость Генриха V-го“, комедія; „Тщеславный“, комедія; „Бенефисъ г-жи Ворониной-Ивановой“; „Обріева собака“, драма; „Рауль, Синяя Борода“, балетъ; „Коварство и Любовь“, трагедія; „Инеса де Кастро, или тайный бракъ“, балетъ; „Недоросль“, комедія; „Московскій русскій театръ“ (о дебютахъ г-жи Божановской и г-на Аѳанасьева); „Гамлетъ“, трагедія; „Школа мужей“, комедія; „Вильгельмъ Телль“, трагедія Шиллера; „Горбуны въ модной лавкѣ“, водевиль; „Смерть Каласа“, драма; „Свадьба Фигаро“, комедія; „Крымскіе сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражанія Ивана Козлова“; „Днѣпровская русалка“, опера; „Для любви все возможно“, комедія (1829); „Іосифъ Прекрасный“; „Внучатный племянникъ“, комедія; „Скупой“, комедія Мольера, въ переводѣ С. Т. Аксакова; „О московскихъ концертахъ и зрѣлищахъ во время великаго поста“; „Димитрій Самозванецъ“, историческій романъ Ѳ. Булгарина; „Каневскій замокъ“, С. Гощинскаго; „Аристофанъ, или Всадники“, соч. А. А. Шаховского; „Ельфрида“, трагедія, вновь передѣланная Поморскимъ; „Горе отъ ума“ (бенефисъ Н. Рѣпиной); „Донъ Жуанъ“, опера (1830).

[2]) „Разбойники“, „Мессинская невѣста“—трагедіи Шиллера; „Замѣчанія на статью о стихотвореніяхъ барона Дельвига“ (антикритика) [1829].

профессоромъ [1]). Изученіе русскаго народнаго творчества вызвало появленіе «Догадокъ объ исторіи русскихъ сказокъ» ревностнаго карамзиниста М. Н. Макарова (1789—1847), сообщенія котораго, къ сожалѣнію, не отличались точностью [2]) —Извѣстія библіографическія были богаты и разнообразны, главнымъ образомъ, благодаря содѣйствію знатока этого дѣла С. Д. Полторацкаго (1803—1884), между прочимъ, отмѣчавшаго невѣрность заграничныхъ статей о Россіи, на которыя указывалъ и основатель *Отечественныхъ Записокъ* П. П. Свиньинъ (1788—1839), жаловавшійся на легкій способъ составлять въ Парижѣ книги объ его родинѣ [3]). Матеріалы, необходимые для образованія словаря харьковскихъ литераторовъ, присылалъ статистикъ П. И. Кеппенъ (1793—1864), авторъ брошюры «О выгодахъ и правахъ россійскихъ писателей» [4]).

Хорошо составленъ былъ историческій отдѣлъ *Телеграфа*. М. П. Погодинъ (1800—1875) излагалъ свои соображенія относительно собственныхъ именъ, значащихся въ договорахъ Олега и Игоря съ греками [5]); Н. Г. Устряловъ (1805—1870) начиналъ переводить съ нѣмецкаго повѣсть Бера о Димитріи Самозванцѣ, снабжая ее своими примѣчаніями [6]); П. М. Строевъ (1796—1876) доказывалъ, что исторія безъ статистики—«невѣрное зеркало бытія и дѣятельности народовъ»; рисовалъ статистико-финансовую картину Сибири въ 1698—1700 годахъ и, пользуясь старопечат-

---

[1]) *П. И. Давыдовъ*: „Рѣчь о занятіяхъ общества любителей россійской словесности“ (1830); *И. Я. Кронебергъ*: „Объ историческихъ трагедіяхъ Шекспира и Гетевомъ „Фаустѣ“ (1830); *М. П. Розбергъ*: „О главныхъ отличительныхъ чертахъ греческой и римской словесности“ (1825).

[2]) „Догадки объ исторіи русскихъ сказокъ“ (1830).

[3]) *С. Д. Полторацкій*: „Нѣсколько словъ о статьѣ, помѣщенной въ № 21 *Сѣвернаго Архива*“; „Опроверженіе извѣстія о Серальской библіотекѣ“ (1825); „Библіографическій вопросъ. Отечественныя извѣстія“; „О невѣрности статей о Россіи, помѣщаемыхъ въ иностранныхъ журналахъ“ (1827); „Смѣсь“ (библіографическая замѣтка); „Дополненія и поправки къ исторіи русскихъ газетъ и журналовъ“ (1828).—*П. П. Свиньинъ*: „Легкій способъ составлять въ Парижѣ книги о Россіи“ (1827).

[4]) „О выгодахъ и правахъ россійскихъ писателей“ (1826); „О составленіи словаря харьковскихъ писателей“ (письмо къ издателю *Московскаго Телеграфа*) [1828].

[5]) „Нѣсколько словъ о договорахъ Олеговомъ и Игоревомъ съ греками“ (1825).

[6]) „Явленіе Димитрія Самозванца“ (отрывокъ изъ Беровой „Лѣтописи московской“) [1831].

ными книгами изъ библіотеки графа Ѳ. А. Толстого, разсуждалъ о началѣ Кіево-Печерской типографіи [1]).—Много новыхъ данныхъ было въ сообщеніяхъ И. П. Сахарова (1807—1863), издававшаго различные документы конца XVI и XVII столѣтій: наказы царей, грамоты московскихъ патріарховъ, челобитныя гражданъ; имъ же была опубликована роспись «ревнителей просвѣщенія», родившихся или жившихъ въ Тульской губерніи [2]).—Уроженецъ послѣдней, любитель исторіи Н. А. Андреевъ «изслѣдовалъ всѣ тогда извѣстные археографическіе доводы о царѣ Симеонѣ Бекбулатовичѣ», а И. Ѳ. Афремовъ, бывшій въ сороковыхъ годахъ инспекторомъ Тульскаго кадетскаго корпуса, пытался распутать противорѣчія лѣтописей, упоминавшихъ о происхожденіи литовскаго великаго князя Гедимина [3]).—В. Н. Берхъ (1781—1834), служившій по морскому вѣдомству и написавшій цѣлый рядъ жизнеописаній и историческихъ изысканій, предоставлялъ въ распоряженіе редакціи акты и бумаги, трактовавшіе о населеніи Азовской губерніи и изобрѣтеніи подводныхъ судовъ при Петрѣ Великомъ или выяснявшіе участіе Ломоносова въ проектѣ—назначить комиссію къ сѣверному полюсу [4]).—Нѣсколько копій съ грамотъ великаго князя Василія Іоанновича были обнародованы В. Н. Бартеневымъ [5]).—Смутное время очень занимало М. Н. Макарова, знав-

---

[1]) „Статистико-финансовая картина Сибири въ 1698—1700 годахъ"; „О началѣ Кіево-Печерской типографіи" (1825).

[2]) „Письмо къ издателю *Московскаго Телеграфа* съ приложеніемъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича"; „Извѣстія о нѣсколькихъ древнихъ и неизвѣстныхъ грамотахъ"; „Двѣ грамоты отъ московскаго патріарха Іоакима къ Іосифу, архіепископу Коломенскому и Каширскому, писанныя въ 1675 г." (1830); „Объ источникахъ, изъ коихъ взято уложеніе царя Алексѣя Михайловича"; „Писцовая книга тульскаго посада 1625 и 1685 годовъ"; „Извѣстія о нѣсколькихъ древнихъ и донынѣ бывшихъ неизвѣстными грамотахъ"; „Грамота царя Алексѣя Михайловича, данная Бѣлевскому Преображенскому монастырю въ 1658 году" (1831); „Роспись писателямъ, родившимся или жившимъ въ Тульской губерніи" (1833).

[3]) *Н. А. Андреевъ*: „Поправки грамотъ, напечатанныхъ въ № 8 *Московскаго Телеграфа* 1830 г. (изслѣдованіе о царѣ Симеонѣ Бекбулатовичѣ)" [1831]; „Извѣстіе о рукописи XVII вѣка" (1832).—*И. Ѳ. Афремовъ*: „Письмо къ издателю" (объ исторіи) [1833].

[4]) „Табель, составленная ландратомъ Азовской губерніи Александромъ Кикинымъ въ 1709 году и скрѣпленная Иваномъ Чашниковымъ"; „Объ изобрѣтеніи подводныхъ судовъ въ Россіи въ 1719 г.", копія съ бумагъ адмиралтействъ-коллегіи (1825); „Письмо къ Н. П." (антикритика) [1826]; „Дополненіе къ жизнеописанію Ломоносова" (1828).

[5]) „Грамоты великаго князя Василія Іоанновича" и др. (1832).

шаго отдаленныхъ родственниковъ Козьмы Минина и нѣсколько принадлежавшихъ ему селеній, и нѣкоего И. Воронова, предполагавшаго, что могила Авраамія Палицына находится въ Соловкахъ; подвиги русскихъ подъ Нарвою привлекли вниманіе Я. И. де-Санглена [1]).—Не только Россія, но и Китай бывалъ предметомъ обсужденія. Серьезные, почти не устарѣвшіе до сихъ поръ труды отца Іакинѳа [въ мірѣ Никиты Бичурина (1777—1853)], вызвавшіе лестный отзывъ Клапрота, положили начало изученію небесной имперіи, открывая путь для работъ другихъ синологовъ. Не могли и въ обществѣ пройти, не произведя впечатлѣнія, оригинальныя статьи о взглядахъ китайцевъ на происхожденіе физическихъ и нравственныхъ законовъ, объ ихъ земледѣльческомъ календарѣ и мн. др. [2]).

Значительный отдѣлъ *Телеграфа* заполнялся описаніями разныхъ мѣстностей. Авторы, путешественники, посѣтившіе дальніе края, или постоянные жители какой-либо губерніи, съ любовью къ дѣлу и охотой разсказывали о томъ, что видѣли и нашли наиболѣе замѣчательнаго, часто дѣлая небольшія историческія справки.—Дрезденъ и его окрестности были осмотрѣны В. А. Жуковскимъ, съ обычнымъ талантомъ изложившимъ свои впечатлѣнія: поэтъ ѣздилъ въ Мейссенъ, всходилъ на высокія башни, любовался величественной готической архитектурой, живописью Кранаха и Альбрехта Дюрера, зелеными берегами Эльбы, приглядывался къ жителямъ, обѣдалъ въ Тарантскомъ трактирѣ и, смотря на горы Саксонской Швейцаріи, съ помощью воображенія переносился въ милую свою родину [3]).—Парижъ съ его бурною публичною жизнью поразилъ воспѣтаго Пушкинымъ Я. Н. Толстого (1791—1867). Этотъ литераторъ «млѣлъ отъ ужаса при видѣ дѣвицы Марсъ въ образѣ бѣшеной женщины» въ піесѣ Emilio ou la folle, и отдавалъ должное французскому театру и палатѣ депутатовъ, гдѣ министры произносятъ наизусть пылкія и выразительныя рѣчи, вы-

---

[1]) *М. Н. Макаровъ*: „Мои вѣсти о Козьмѣ Мининѣ“ (1833).—*И. Вороновъ*: „Нѣчто объ Ав. Палицынѣ“ (1833).

[2]) „Ся-сяо-чженъ, или земледѣльческій календарь китайцевъ“ (1830); „Отвѣтъ г-ну Клапроту на замѣчанія касательно книгъ, изданныхъ о. Іакинѳомъ Бичуринымъ и относящихся къ исторіи монголовъ“ (1831); „Изображеніе перваго начала, или о происхожденіи физическихъ и нравственныхъ законовъ“ (1832); „Путешествія и новѣйшія наблюденія въ Китаѣ, Маниллѣ и Индо-китайскомъ архипелагѣ“, Петра Добеля (рецензія) [1833].

[3]) „Отрывки изъ письма о Саксоніи“ (1827).

зывая краснорѣчивые отвѣты членовъ противной партіи. Въ Сорбоннѣ нашего соотечественника плѣнилъ блестящимъ краснорѣчіемъ Вильменъ, заставлявшій слушателя забывать окружающую дѣйствительность и мечтать объ Аѳинахъ, объ аттическомъ портикѣ и велерѣчивомъ мудрецѣ, говорящемъ при рукоплесканіяхъ восторженной толпы [1]).—Въ путевыхъ запискахъ К. Петрова и И. П. Яковенка, побывавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ, говорится о состояніи Греціи и Трансильваніи. Письма изъ Турціи флотскаго офицера Н. Соковнина заключаютъ въ себѣ подробныя сообщенія о смотрѣ русскихъ судовъ, сдѣланномъ султаномъ Махмудомъ II, о морскихъ торжествахъ въ праздничные дни, о поѣздкѣ въ Константинополь, который, съ вершины башни Сераскировой, рисуется «наподобіе узорчатаго ковра» и вмѣстѣ съ «живописнымъ прибрежіемъ Азіи», «философской картиной моря», «прикрытаго чисто-лазурнымъ куполомъ полъ-неба», «представляетъ такіе предметы, на которые нельзя было насмотрѣться вдоволь» [2]).—Извѣстія объ иноземныхъ странахъ чередовались съ извѣстіями объ азіатской и европейской Россіи. Благодаря любви Н. А. Полевого къ Сибири, послѣдней посвящено нѣсколько статей. Вице-губернаторомъ И. П. Пестовымъ былъ составленъ отчетъ о статистико-географическомъ положеніи Енисейской губерніи, въ которомъ, послѣ небольшого историческаго введенія, перечислялись зданія главнаго города, доходы и расходы, разныя достопримѣчательности; замѣчанія о земледѣліи въ Камчаткѣ были писаны Я. Забѣлой, отлично освѣдомленнымъ относительно развитія тамошняго огородничества, хлѣбопашества, промышленности и знакомымъ съ характеромъ обитателей полуострова [3]).—Уральскіе анекдоты собирались В. Племянниковымъ, изучавшимъ также нравы оренбургскихъ поселянъ [4]).—Но самымъ лучшимъ знатокомъ Сибири, авторомъ ея

---

[1]) „Отрывки писемъ изъ Парижа“ (1827, 1828).

[2]) *К. Петровъ*: „Нѣсколько словъ о нынѣшней Греціи“ (1831).—*И. П. Яковенко*: „Замѣчанія о Трансильваніи“ (1829).—*Н. Соковнинъ*: „Письма въ Петербургъ изъ лагеря Функиляръ Силеси и изъ Буюкдере“ (1833, 1834). Ср. „Царьградъ“ (Письмо Мишо въ Парижъ) [1832].

[3]) *И. П. Пестовъ*: „Енисейскъ“ (отрывокъ изъ статистическо-географическаго описанія Енисейской губерніи) [1831].—*Я. Забѣла*: „Замѣчанія о земледѣліи въ Камчаткѣ“ (1832); „Нѣсколько замѣчаній о Камчаткѣ“ (1833).

[4]) „Нравы и обычаи бузулуцкихъ поселянъ“ (1830); „Нѣсколько словъ объ Уральскѣ“ (1831).

«Историческаго обозрѣнія», былъ П. А. Словцовъ (1767—1843), преподаватель Тобольской семинаріи, а затѣмъ визитаторъ мѣстныхъ училищъ, имѣвшій не мало заслугъ въ дѣлѣ общественнаго образованія, стихотворецъ и переводчикъ. Его перу принадлежатъ очерки о Тобольскѣ, разсмотрѣнномъ во всевозможныхъ отношеніяхъ, и небольшія изысканія въ области древней географіи Востока [1]).—Кавказъ обрисованъ участвовавшимъ въ турецкой кампаніи 1829 года археологомъ П. А. Мухановымъ (1798—1871), однимъ офицеромъ Херсонскаго полка и неизвѣстнымъ чиновникомъ, назначеннымъ на службу въ Грузію. Мухановъ касается прошлаго только что покоренной страны—взятія Ганжи, которую отчаянно защищалъ ханъ Джеватъ съ пятнадцати-тысячнымъ войскомъ отъ главнокомандующаго князя Циціанова; даетъ біографическія свѣдѣнія о путешественникѣ, членѣ академіи А. Гильденштедтѣ (1745—1781): разсказываетъ о своихъ прогулкахъ по «очаровательнымъ прибрежіямъ» Куры, объ удивительномъ Красномъ мостѣ, перекинутомъ черезъ рѣку Храмъ, и сожалѣетъ, что мѣста, «могущія сдѣлать славу ученому», остались необслѣдованными [2]).—Гори, древняя столица Карталиніи, дикая природа Кавказа, бытъ и нравы черкесовъ, народныя преданія—предметы описаній двухъ другихъ путешественниковъ [3]). —Не была забыта южная и средняя Россія. Прелестные виды Крыма недурно обрисованы А. Левашовымъ [4]). Въ «Странникѣ» и отдѣльныхъ главахъ «Начертанія древней исторіи Бессарабіи» А. Ѳ. Вельтмана шла рѣчь о нечистоплотномъ Кишиневѣ и о «древнихъ укрѣпленіяхъ, подъ названіемъ Траянова вала, существующихъ въ Бессарабіи»; въ «Прогулкѣ за Днѣпромъ» большого поклонника Сталь—Петра Габбе «разбросаны черты его путешествія» преимущественно по Волынской губерніи: авторъ

---

[1]) „Повтореніе о Серикѣ" (1827); „Письма изъ Сибири" (1826, 1827, 1830): „Тобольскъ въ разныхъ отношеніяхъ" (отрывокъ изъ рукописи: „Прогулки вокругъ Тобольска въ 1830 году"): „О великихъ" (объ истинномъ величіи) [1831]; „О положеніи древняго Ѳарсиса" (1833). Ср. „Изъ писемъ къ брату по Вятской губерніи" (1830).

[2]) „Взятіе Ганжи" (отрывокъ изъ рукописи „Поѣздка въ Грузію и Карабахъ"), „Красный мостъ. Воспоминаніе о Гильденштедтѣ" (1825).

[3]) *Херсонецъ*: „Гори, древняя столица Карталиніи" (1833).—*Неизвѣстный*: „Поѣздка въ Грузію. I. Дорога до Владикавказа (1833).

[4]) „Прогулка на Чатыръ-Дагъ" (1829): „Кизиль-Коба и Яни—Сала" (1830).

посѣтилъ массу мѣстечекъ, деревень и городовъ, записывалъ народныя повѣрья о крестьянкѣ, обращенной въ камень, о чортѣ, грозившемъ скалою запрудить Горынь-рѣку, видѣлъ въ Дерманьскомъ монастырѣ книги и могилу Мелетія Смотрицкаго, въ Кременецкомъ лицеѣ—богатую библіотеку, осмотрѣлъ достопримѣчательности знаменитой Почаевской обители [1]).—С. Д. Нечаевъ велъ «Путевыя записки о юго-восточной Россіи» и сообщалъ подробныя свѣдѣнія о Куликовомъ полѣ, гдѣ проектировалось построить храмъ и поставить памятникъ; Н. Пецъ-Галуховскій критиковалъ сочиненія, трактующія о Малороссіи [2]).—Довольно живо представлена Н. А. Андреевымъ Софіевка, дивный садъ графа С. Ф. Потоцкаго близъ Умани въ Кіевской губерніи; тѣмъ же лицомъ набросанъ бѣглый очеркъ о городскомъ устройствѣ Курска [3]). —Преподаватель Судженскаго училища Дмитрюковъ заготовилъ статистическія данныя для характеристики обычаевъ разныхъ классовъ населенія своего уѣзда, озаглавивъ свой трудъ: «Матеріалы для этнографіи Россіи»; О. Гандуринъ обозрѣвалъ недалеко отъ Владиміра Шереметевское село Иваново, а И. И. Лажечниковъ—подмосковныя деревни, въ одной изъ которыхъ, Ратмирахъ, «крестьяне рыли землю и нашли серебряныя вещи съ разноцвѣтными каменьями, служившія украшеніемъ богатымъ воинамъ» и относящіяся къ эпохѣ татарщины [4]).

Естествознаніе и математика были въ числѣ тѣхъ наукъ, которыя лишь изрѣдка затрагивались въ *Московскомъ Телеграфѣ*, но все-таки статьи по этимъ отраслямъ знанія могутъ образовать особый отдѣлъ. Обладавшій недюжинными способностями курскій купецъ-астрономъ Ѳ. А. Семеновъ (род. въ 1794 г.), своими познаніями удивлявшій профессоровъ Московскаго универси-

---

[1]) *А. Ѳ. Вельтманъ*: „О древнихъ укрѣпленіяхъ, подъ названіемъ Траянова вала, существующихъ въ Бессарабіи“ (1828); отрывокъ изъ рукописи „Странникъ“, или „Путешествіе по географическимъ картамъ“ (1830).—*П. Габбе* „Прогулка за Днѣпромъ“ (1827).

[2]) *С. Д. Нечаевъ*: „Отечественныя извѣстія“ (1825); „Отрывки изъ путевыхъ записокъ о юго-восточной Россіи“ (1826).—*Н. Пецъ-Галуховскій*: „Малороссійская деревня“, Ив. Кулжинскаго (рецензія) [1827].

[3]) Н. А. Андреевъ: „Софіевка“, „Курскъ“ (1833).

[4]) *Дмитрюковъ*: „Нравы, обычаи и образъ жизни въ Судженскомъ уѣздѣ Курской губерніи“ (1831).—*О. Гандуринъ*: „Обозрѣніе села Иванова“ (графа Шереметева, Владимірской губерніи) [1828].—*И. И. Лажечниковъ*: „Археологическое извѣстіе объ окрестностяхъ подмосковнаго села Новлянскаго“ (1828).

тета, извѣщалъ о результатахъ наблюденій надъ небесными явленіями и вычислилъ время затменій въ 1833 году [1]).—Интересная глава изъ сочиненія профессора физіологіи и перваго русскаго философа-шеллингиста Д. М. Велланскаго (1774—1847) есть сводъ догадокъ и гипотезъ о солнцѣ; докторъ медицины, многими поступками въ теченіе своей жизни обнаружившій необычайную любовь къ своей спеціальности, И. И. Ястребцовъ (род. въ 1776 г.) во «Введеніи въ географію и исторію» занялся изученіемъ недѣлимыхъ и органовъ ихъ,—мнѣній о происхожденіи и преобразованіи веществъ земной планеты, и авторитетно утверждалъ, что въ первоначальномъ воспитаніи дѣтей очень важны «натуральныя науки» [2]).—Академикъ Генрихъ Гессъ (1802—1850), нѣкогда служившій врачомъ въ Иркутскѣ, и нѣкто А. Комаровъ разбирали вновь выходившія сочиненія по химіи; І. Г. Новосельскій—сочиненія по ботаникѣ; о врачебной методологіи писалъ врачъ П. Г. Высоцкій; замѣчанія на отчеты о засѣданіяхъ физико-медицинскаго общества дѣлалъ профессоръ Р. Гр. Гейманъ (1802—1865); публичныя лекціи обсуждалъ докторъ Масловичъ [3]). —Извѣстный историкъ русской литературы А. Д. Галаховъ (1807—1892) выступалъ въ роли рецензента по своей тогдашней спеціальности: естествознанію и ариѳметикѣ, раздѣляя свои обязанности съ другимъ, самымъ важнымъ и плодовитымъ критикомъ въ указанной области М. А. Максимовичемъ (1804—1873), при-

---

[1]) „О затменіяхъ луны и солнца въ 1833 г., которыя видимы будутъ въ Россіи"; „О небесномъ явленіи въ Курскѣ" (1832).

[2]) *Д. М. Велланскій*: „Солнце" (отрывокъ изъ новаго сочиненія) [1831]. —*И. И. Ястребцовъ*: отрывки изъ ненапечатаннаго сочиненія „Введеніе въ географію и исторію" (1829, 1831); „О недѣлимыхъ и органахъ ихъ"; „О умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста" (1830); „Отрывки изъ ненапечатаннаго сочиненія о геологіи" (1831); „Замѣчаніе на мнѣніе г-на Шевырева о признакѣ совершенства въ изящныхъ искусствахъ и во всякомъ образованіи человѣческомъ" (пробная лекція) [1833].

[3]) *Генрихъ Гессъ*: „Взглядъ на книгу: „Начальныя основанія химіи, изданныя Н. Щегловымъ" (1831); „Начальныя основанія всеобщей химіи", по системѣ Тенара составленныя І. Варвинскимъ (1832).—*А. Комаровъ*: „Разборъ книги: „Начальныя основанія всеобщей химіи", составленныя по системѣ Тенара І. Варвинскимъ (1832).—*І. Г. Новосельскій*: „Хозяйственная ботаника" Н. Щеглова (1825). -*П. Г. Высоцкій*: „О врачебной методологіи" (1828).— *Р. Г. Гейманъ*. „Замѣчанія на отчетъ о засѣданіи физико-медицинскаго общества, бывшемъ 5 ноября 1828 года" (антикритика) [1829].—*Масловичъ*: „Критическій разборъ письма г. Усова и лекціи г. профессора Соколова (1830).

думавшимъ себѣ псевдонимъ изъ обратнаго начертанія начальныхъ буквъ своего имени и фамиліи (W. W.) [1]).

Публика оказала «лестный пріемъ» *Телеграфу*; «извѣстнѣйшіе литераторы удостоили» издателя одобрительными «отзывами и сообщеніемъ статей пріятныхъ, полезныхъ, занимательныхъ». «Но кто изъ людей можетъ угодить *всѣмъ?*» съ грустью писалъ Полевой: «Съ удивительнымъ ожесточеніемъ вооружились на меня многіе наши журналисты и нѣкоторые изъ людей, получившихъ уже журнальную осѣдлость. Приговоры мои книгамъ возмутили нѣсколько литераторовъ, и они вступились за себя и за друзей своихъ... Упорное молчаніе не утишаетъ моихъ противниковъ. И то ли еще? Послѣднія нападенія ихъ уже смѣшиваются съ побѣдными восклицаніями: «Мы побѣдили: онъ молчитъ — онъ соглашается, что мы правы!» Ссылаясь на неопровергнутыя мною статьи, они то совѣтуютъ мнѣ поучиться у другихъ журналистовъ, печатающихъ антикритики, то поучиться грамматикѣ, то возглашаютъ, что мое невѣжество доказано и подтверждено моимъ молчаніемъ» [2]). Слова Полевого вполнѣ совпадали съ дѣйствительностью: въ нихъ не было преувеличеній и сгущенія красокъ. Русскія періодическія изданія, дѣйствительно, предприняли походъ противъ *Московскаго Телеграфа*; ополченіе было грозное и задалось не-

---

[1]) *А. Д. Галиховъ*: „Краткое начертаніе естественной исторіи животныхъ", профессора А. Ловецкаго; „Краткая ариѳметика" (1833).—*М. А. Максимовичъ*: „Земледѣльческая химія", сочиненіе профессора Павлова (1825); „Словарь родовыхъ именъ растеній", составленный Ив. Мартыновымъ; „Краткое начертаніе естественной исторіи животныхъ", изданное докторомъ медицины А. Ловецкимъ; „Патологическая анатомія важнѣйшихъ частей тѣла человѣческаго", соч. М. Бэйлли, переводъ Н. Костомарова; „Разсужденіе о семействахъ крестовидныхъ растеній", соч. Декандоля, переводъ П. Троцкаго (1826); „Физіологія растеній" въ переводѣ С. Колядина; „Врачебныя записки", издаваемыя Д. М. Маркусомъ"; „Способъ знать время безъ часовъ"; „Начальныя основанія химіи", А. Іовскаго; „Рекритика химіи г-на Іовскаго" (1827); „Описаніе Линнеевой системы", составленное П. Шварцомъ; „Существенныя правила плодопеременнаго сельскаго хозяйства", изложенныя Д. П. Шелеховымъ; „Начальныя основанія ботаники", П. Горянинова; „Основанія теоретической ботаники", П. Перелыгина; „Легкій способъ распознавать дико-растущія растенія на поляхъ московскихъ"; „Московская флора", изданная И. Двигубскимъ" (1828); „Опытъ естественной исторіи", И. Двигубскаго (1829); „Руководство къ физикѣ", Н. Щеглова (1830).

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 13, „Особенное прибавленіе", стр. 2, 6.

премѣнною и неуклонною цѣлью уничтожить ненавистнаго врага и уронить его репутацію въ общественномъ мнѣніи. Для достиженія этой цѣли не брезговали никакими средствами. Въ *Славянинѣ* А. Ѳ. Воейкова была напечатана чрезвычайно интересная для характеристики пріемовъ тогдашней полемики статья: «Вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею изъ журнальныхъ листовъ, для издателя *Московскаго Телеграфа*» [1]). Здѣсь были собраны и сгруппированы выдержки изъ самыхъ ѣдкихъ и недоброжелательныхъ отзывовъ о журналѣ Полевого за четыре года его существованія (1825—1828).

Непріязнью вѣетъ отъ рецензій *Вѣстника Европы*. Маститый М. Т. Каченовскій, съ обычнымъ авторитетомъ, счелъ необходимымъ высказать свое мнѣніе и выразилъ свое недоумѣніе по поводу того, что «издатель *Телеграфа* хочетъ положить границы литературной самоувѣренности другихъ, а самъ произноситъ рѣшительные приговоры» «піесамъ, никогда не игранным, книгамъ несуществующимъ», «не упоминаетъ въ числѣ русскихъ прозаиковъ Батюшкова, потому что на его имя *нельзя нынѣ сдѣлать спекуляціи*» [2]). Сотрудники поддерживали своего редактора. «Сужденія многихъ людей о словесности», читаемъ въ статьѣ М. А. Дмитріева: «можно сравнить съ зрительною трубкою, у которой одно стекло увеличиваетъ, а другое уменьшаетъ предметы. Появится ли произведеніе ихъ пріятеля или автора, превозносимаго въ его приходѣ: они наводятъ на него увеличительное стекло; странности кажутся имъ смѣлыми новостями, незнаніе языка — силою и живостью, перемѣшанность частей—разнообразіемъ, грубыя плоскости — умомъ; они ахаютъ, удивляются, восхищаются; очередной писецъ громоздитъ статейку, изъ которой кидаетъ во всѣхъ противниковъ кумира загадочными фразами, похожими на знаки Телеграфа. Совсѣмъ напротивъ бываетъ, когда авторъ другого прихода осмѣлится разобрать права ихъ кліента на славу: они оборачиваютъ свою трубку другимъ концомъ, уменьшающимъ противника; кричатъ, сердятся, и, не имѣя силы опровергнуть его доказательства, придираются къ прежнимъ его произведеніямъ, судятъ о нихъ по правиламъ своего изобрѣтенія и, закидавши его словами, трубятъ побѣду, увѣряютъ, что не оставили ни одного слова безъ опроверженія. А что же дѣлаютъ читатели? Чи-

---

[1]) *Славянинъ*, 1829, ч. 10, гл. 5, стр. 388—404; 436—445; ч. 11, гл. 5, стр. 53—64.

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 16, „Особенное прибавленіе“, стр. 1.

тели зѣваютъ, засыпаютъ — и, стало быть, не спорятъ. Если мнѣ не вѣрятъ, то пусть просмотрятъ всѣ книжки *Московскаго Телеграфа*». Здѣсь «непосвященный въ высокія тайны русской просодіи» рецензентъ признаетъ «неслыханнымъ» самый «обыкновенный шестистопный, или александрійскій стихъ женскаго окончанія» и пишетъ періодами, напоминающими стиль Троицкаго лѣтописца.

Въ боевое положеніе по отношенію къ *Телеграфу* сталъ и *Сынъ Отечества*. «Забавно то», писалъ придравшійся къ одному выраженію Н. И. Гречъ, что Полевой «называетъ *списокъ* актеровъ *афишкою*: когда въ афишкахъ печатались списки? Такъ и адресъ-календарь афишка?» Человѣкъ недоучившійся, которому не мѣшаетъ «заглядывать» въ лексиконъ всякій разъ, когда слышитъ непонятное для него слово, не можетъ никогда дойти до постояннаго «признанія хорошаго за хорошее и дурного за дурное» и способенъ судить о тѣхъ книгахъ, которыхъ «не только не читалъ, но даже не видѣлъ»—раздраженно замѣчали О. М. Сомовъ и С. Усовъ, подхватывая на лету сужденія своего принципала. «Посмотри на логику добраго нашего издателя *Телеграфа*», говорилъ г. Д. Р. К., покровительственно совѣтующій послѣднему «учиться и не судить рѣшительно и колко о предметахъ, выходящихъ изъ круга его занятій и способностей» [1]). Приблизительно тѣ же указанія дѣлались гг. П.(инскимъ) и Ж. К., взволнованными якобы «ничтожными привязками», мнимымъ безсмысліемъ противника, который не знаетъ грамматики и не умѣетъ «наблюдать за выборомъ и слогомъ повѣстей» [2]). И даже Д. В. Веневитинова охватывало сомнѣніе, не вызывается ли иногда хвала, воздаваемая Пушкину, желаніемъ получить отъ него стиховъ [3]).

Отъ *Сына Отечества* не отставали *Сѣверный Архивъ* и *Сѣверная Пчела*, гдѣ позволялъ себѣ всевозможныя, подчасъ непристойныя выходки Ѳ. В. Булгаринъ. «Мы живемъ въ такія времена», утверждалъ онъ: «что насъ трудно увѣрить, будто-бы, написавъ нѣсколько незамѣтныхъ въ литературѣ статей и начавъ учиться языкамъ и читать книги весьма недавно, можно достичь такой

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 13, „Особенное прибавленіе“, стр. 50, 63.

[2]) Тамъ же, стр. 16, 25, 34.

[3]) Тамъ же, № 15, стр. 2.

степени учености, чтобы судить обо всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ познаній, философіи древней и новой, исторіи, физическихъ наукахъ, филологіи, астрономіи, краснорѣчіи, поэзіи, изящныхъ искусствахъ и пр. Все это однако-же обѣщано въ программѣ *Московскаго Телеграфа*, и всему сдѣланы попытки, хотя не весьма удачныя...» Для того, чтобы «отличиться на поприщѣ литературы», «потребны долговременное ученіе и опытность. Самъ Ломоносовъ, геній своего времени, не прямо изъ рыбачьей хижины шагнулъ въ храмъ славы, но медленно прошелъ путемъ наукъ и не началъ своего поприща полемикою и произнесеніемъ рѣшительныхъ приговоровъ о предметахъ, недовольно ему извѣстныхъ». «Нѣтъ, напрасно Полевой старается вводить въ заблужденіе публику, ложно изъясняя причины, заставившія всѣ журналы вооружиться противу него. Истинныя причины сего общаго недовольства суть: самонадѣянность и несправедливость въ сужденіяхъ о книгахъ и писателяхъ, рѣзкій, рѣшительный тонъ, неосновательныя свѣдѣнія въ наукахъ, о которыхъ онъ взялся судить, духъ партіи и пристрастіе къ приговорамъ, незнаніе русскаго языка и грамматики».—Въ *Сѣверной Пчелѣ* дѣлается издѣвательскій перечень неточно переведенныхъ словъ въ отрывкѣ изъ «Исторіи герцоговъ Бургундскихъ» съ слѣдующей припиской: «Вотъ немногіе образчики знаній и искусства того журналиста, который къ другимъ примѣняетъ эмблему рака. Да будетъ же ракъ девизомъ сего поборника просвѣщенія» [1]). Не могутъ не вызвать осужденія, съ точки зрѣнія г. Ертова, безпрестанныя нападки на русскихъ и одобренія иностранцевъ [2]).

Дамскій Журналъ поспѣшилъ, въ свою очередь, занять боевую позицію. Князь П. И. Шаликовъ «до смерти разсердился» на «скучный педантизмъ» и «несносную самоувѣренность», не признавалъ за «Диктаторомъ талантовъ, искусствъ, чувствъ и мнѣній» права «почитать себя непогрѣшимымъ» и находить нелѣпости у другихъ. «Любить истину—похвально», восклицалъ онъ: «стараться о чистотѣ языка—дѣльно; изгонять нововводимыя безъ нужды слова: напр., оперетки, погодка и пр. — тоже дѣльно; но ненавидѣть *чувствительность*, но вооружаться противъ *чувствительности*— мы душевно не совѣтуемъ *Телеграфу*. Это невольное движеніе не

---

[1]) *Сѣверная Пчела*, 1825, № 132: „Созвѣздіе рака". Ср. *Славянинъ*, ч. 11, гл. 5, стр. 53 и слѣд.

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 15, „Особенное прибавленіе", стр 11.

есть знакъ души доброй и добраго сердца. Чувствительность есть лучшій даръ для человѣка; чувствительность *прощаетъ грубіяну и невѣждѣ*, чувствительность—мать мира и спокойствія». Теорія, однако, расходилась съ практикой: восторженные поклонники чувствительности доказали на дѣлѣ свою способность обращаться въ «грубіяновъ», въ непозволительномъ тонѣ отзываясь о своемъ противникѣ, надѣленномъ кличками «глупца первой гильдіи», а «писца—третьей». Этотъ купецъ-поэтъ, по имени Меркулъ, «старается переувѣрить весь свѣтъ», крича всюду о своей честности, а самъ «въ стихахъ не можетъ не обмѣрить» читателей «хоть мыслью, хоть стопой»; онъ дерзнулъ выступить въ роли *журналиста безъ просвѣщенія.*

Гнавши водку для желудка,
Гнать писателей онъ сталъ;
И—хоть не догналъ разсудка,
Здравый смыслъ онъ потерялъ;
Издаетъ журналъ безъ толку,
Но съ расчетомъ подлъ иль грубъ;
Прежде глупъ былъ втихомолку,
А теперь публично глупъ.

Новый журналистъ сдѣлался предметомъ «пѣснопѣній» досужихъ піитъ.

Свѣтильникъ нашихъ дней!
Мой *золотой* журналъ подъ властію твоей!
Какъ прежде, продолжай съ блистательною славой
Завѣдывать его недремлющей управой,
Несчастной совѣстью, какъ прежде, торговать,
И обоюдный судъ писателямъ давать.
Безтрепетной рукой вноси въ него страницы,
Гдѣ многимъ кажутся пустыя небылицы,
Высокопарный бредъ и площадная брань,
Которой принесенъ разсудокъ бѣдный въ дань,
Въ которой истины правдивой
Не слышенъ гласъ краснорѣчивый;
Вноси ихъ кучами и прозы и стиховъ.

Кумиры «Бомбайской Каланчи»—«наглая дерзость», «безстыдная ложь», «криводушіе»; стиль ея окрещенъ «темной-тьмой», а направленіе названо «санскритскимъ». «Каланча» дерзко заявила свои права на чужую собственность, и «притязала» себѣ модныя картинки, всегда принадлежавшія *Дамскому Журналу.*—Возгорѣвшаяся полемика изображена въ видѣ нападенія на стаю пѣв-

чихъ птицъ неученаго, простого попугая, старавшагося своимъ свистомъ заглушить пріятное пѣніе.

Такъ точно самохвалъ иной,
Какъ попугай нашъ *полевой*,
Кричитъ да свищетъ безъ умолку,—
А что въ немъ толку? [1])

Въ *Атенеѣ* и *Благонамѣренномъ* замѣтно полное единомысліе съ *Дамскимъ Журналомъ*. В. П. Андреевъ, не безъ ироніи, указывалъ, что Полевой «занялся таможеннымъ осмотромъ другихъ журналовъ» и считалъ своею священною обязанностью доказать, насколько *Вѣстникъ Европы* уклоняется отъ объявленной программы. — *Московскій Телеграфъ*, писалъ А. Е. Измайловъ, «обязанъ, кажется, сообщать намъ одно только новое. Что, если бы какой-нибудь дѣйствительный телеграфъ увѣдомилъ насъ нынѣ о вшествіи Генриха IV въ Парижъ»? Или: «Прочитавъ статью: «Сборъ на балъ» [2]), всякій долженъ догадаться, что Лизанька съ маменькой только-что пріѣхали изъ степной деревни и собираются на такой балъ, за входъ на который платятъ не болѣе двухъ рублей мѣдью. Какой сборъ! какой разговоръ! Впрочемъ, у всякаго свой кругъ знакомства».

Затаенное недоброжелательство сквозитъ въ рецензіи *Московскаго Вѣстника*: «Обозрѣніе русскихъ журналовъ въ 1827 году». «*Телеграфъ*—напечатано здѣсь—есть явленіе весьма замѣчательное въ современной исторіи нашей литературы. Рѣшительно можно сказать, что въ немъ, болѣе нежели въ какомъ-либо другомъ журналѣ, какъ въ вогнутомъ зеркалѣ, каррикатурно отражаются всѣ хорошія стороны и всѣ возможные недостатки нашего общества... Изъ высшихъ взглядовъ *Телеграфа* на науки самъ собою опредѣляется характеръ его мыслей. Вездѣ вы видите какое-то неясное безпокойство объ одномъ всеобщемъ началѣ, безотчетное желаніе дать во всемъ себѣ отчетъ, безсильное стремленіе къ неопредѣленнымъ, общимъ идеямъ, въ какой-то міръ пустоты абсолютной, проистекающее не изъ внутренняго убѣжденія, не отъ богатства силъ и знаній, не отъ чтенія идеалистовъ—философовъ,— но пріобрѣтенное по невѣрнымъ слухамъ о германскихъ теорі-

---

[1]) *Дамскій Журналъ*, 1827, № 8; ср. тамъ же, 1827, № 6; 1828, №№ 5, 13, 17; 1829, №№ 2, 12, 15, 19.

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 6, „Прибавленіе“: „Первый выѣздъ на балъ“.

яхъ»... Въ этомъ нельзя не признать проявленіе ума, который, «безъ благороднаго скептицизма, послѣдовавши за вѣкомъ, остается при однихъ пустыхъ словахъ, при общихъ мѣстахъ, при слѣпой увѣренности, что ни къ чему негодно все старое, отъ котораго онъ самъ не могъ освободиться,—и потому представляетъ собою жалкое безсиліе обнять все вдругъ и пеструю смѣсь старыхъ предразсудковъ съ новыми предубѣжденіями»... Но было бы несправедливымъ закрыть глаза на достоинства новаго періодическаго изданія». Несмотря на всѣ несовершенства, *Телеграфъ* есть лучшій журналъ въ Россіи и болѣе соотвѣтствующій общему назначенію журнала... Онъ имѣетъ неотъемлемое право на признательность публики. Явившись въ то самое время, когда задремали всѣ журналисты въ непростительной недѣятельности и отучили публику отъ чтенія, когда во всѣхъ находилась потребность сообщаться со всѣмъ новымъ, говорить и судить обо всемъ, онъ весьма удачно пособилъ сему недостатку, въ любителяхъ чтенія поддержалъ сію благородную охоту, пріохотилъ новыхъ читателей, возбудилъ въ нихъ участіе ко всему современному въ литературѣ, желаніемъ мыслить пробудилъ въ другихъ это благородное желаніе, навелъ страхъ на тѣхъ мелкихъ писателей, которые прежде безнаказанно печатали все безъ разбора; наконецъ, показавъ другимъ журналистамъ примѣръ въ неутомимомъ трудолюбіи, въ смышленной расторопности, однимъ словомъ во всемъ искусствѣ журналиста, проложилъ путь другимъ, приготовилъ читателей для журнала, болѣе совершеннаго по образу мыслей, и тѣмъ принесъ (хотя отрицательно) много пользы просвѣщенію отечественному. По всѣмъ правамъ онъ заслуживаетъ, чтобы имя его означило новую эпоху въ исторіи русскаго журнализма, какъ журнала критическаго и современнаго... Все идетъ къ совершенству; можетъ быть и *Телеграфъ* послѣдуетъ сему общему закону всего существующаго. Но по нашему предположенію, усовершенствованіе сего журнала должно возвѣститься тѣмъ, что онъ, великодушно откинувъ первую смѣлую половину своего прежняго эпиграфа: man kann, was man will, скромно и благоразумно ограничится второю: man will, was man kann» [1]). — Недавніе сотрудники *Телеграфа* переходили во враждебный лагерь. М. П. Погодинъ настаивалъ на томъ, что Полевой не умѣетъ согласовать свои общія неопредѣленныя идеи съ тѣмъ, что видитъ передъ

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, ч. 8, № 5, стр. 61—105.

собою, и поражаетъ пустотою выраженій, многословіемъ, риторикой; П. М. Строевъ насмѣхался надъ случайной спутанностью хронологіи и услужливо предлагалъ свою помощь для избѣжанія анахронизмовъ.

Литературная Газета была гораздо невоздержнѣе *Московскаго Вѣстника* въ своихъ нападкахъ на Полевого, на котораго смотрѣли свысока, принимая во вниманіе его «низкое» происхожденіе.

Что пользы въ томъ, что ты рѣчистъ,
Что корчишь важную осанку?
Историкъ ты и *журналистъ*,
Панегиристъ и пародистъ,
Ты все... и все ты *наизнанку*!
Безсильный врагъ, ты тупо жалишь:
Раздолье, смѣхъ твоимъ врагамъ;
Бездушный другъ, ты глупо хвалишь:
Бѣда и страхъ твоимъ друзьямъ [1]).

Въ приведенныхъ стихахъ изливалась безсильная злоба, положительно ослѣплявшая лицъ, принимавшихъ участіе въ полемикѣ. «Развѣ не смѣшили насъ», писали они: «первые опыты одного журналиста, не умѣвшаго (и понынѣ еще не совсѣмъ умѣющаго) сладить съ періодомъ русскимъ и объявившаго себя впослѣдствіи филологомъ и полиглотомъ, и археологомъ, и критикомъ, и глубокимъ *мыслителемъ*, и основательнымъ знатокомъ наукъ точныхъ, и тонкимъ цѣнителемъ искусствъ изящныхъ? Развѣ не находили въ немъ *друзья журналисты* мишурныхъ познаній, сбивчивости въ понятіяхъ, недостатка логики и проч., и проч. Это не помѣшало ему однако же отъ *попытокъ журнальной заносчивости* перешагнуть прямо на поприще историка» [2]). Глумились и надъ замедленіемъ въ выпускѣ номеровъ *Телеграфа*, и надъ ихъ содержаніемъ. Въ отдѣлѣ «Смѣсь» напечатаны слѣдующія замѣтки. «*Молва* извѣщаетъ о появленіи запоздалыхъ книжекъ *Московскаго Телеграфа*, какъ о рѣдкихъ и необычайныхъ явленіяхъ въ природѣ, напр. о паденіи тяжелыхъ аэролитовъ и т. п. Сего 1831 г., февраля 11 дня, въ девять часовъ утра вышелъ 20 № *Московскаго Телеграфа* за октябрь мѣсяцъ 1830 года». «Издатель объявилъ со свойственною ему скромностью, что журналъ его и впредь хуже не будетъ. На сіе *Молва* тотчасъ ему

---

[1]) *Литературная Газета*, 1831, ч. III, № 24, стр. 194.
[2]) Тамъ же, 1830, ч. II, № 65, стр. 236—237.

замѣтила, что и г. издатель невозможнаго сдѣлать не можетъ. А мы, съ своей стороны, замѣтимъ *Молвѣ*, что шутка ея остроумна, но не совсѣмъ справедлива. Издатель *Телеграфа* первымъ номеромъ своего журнала на нынѣшній годъ доказалъ, что для него и невозможное возможно» [1]). Но даже крайнее пристрастіе не допускало исключительнаго осужденія и брани: среди язвительныхъ, колкихъ возгласовъ, порой слышится какъ бы вынужденное сдержанное одобреніе. «Журналъ Полевого», говорили суровые судьи: «несмотря на неправильность языка, которою обезображена большая часть статей его, на неправильность мыслей, обезображивающую большую часть литературныхъ сужденій, въ немъ разглашаемыхъ, на зыбкость мнѣній, столь же необходимыхъ въ книгѣ, какъ и въ человѣкѣ, журналъ его все еще лучшій у насъ. Хотя зеркало и тусклое, нечистое, худо шлифованное, но все онъ болѣе прочихъ журналовъ нашихъ отражаетъ движенія Европейской умственной дѣятельности» [2]).

Приведя выдержки изъ *Литературной Газеты*, можно было бы закончить обзоръ рецензій, авторы которыхъ ожесточенно преслѣдовали Полевого. Но въ полемической литературѣ за 1826 г. появилась любопытная книжка «Анти-телеграфъ», однимъ заглавіемъ указывающая на свое ближайшее отношеніе къ темѣ нашего очерка. Сочинившій книжку, довольно извѣстный стихотворецъ и водевилистъ, А. И. Писаревъ приступалъ къ своему оправданію, «дорожа мнѣніемъ людей образованныхъ, которые не всегда знаютъ, на чьей сторонѣ справедливость, безъ сличенія статей, разсѣянныхъ по журналамъ; онъ посвящалъ свое произведеніе всѣмъ писателямъ, на которыхъ нападалъ Полевой, «верховный парнасскій судья», «безплодный рецензентъ—самоучка», «самородный геній, не производящій ничего» и «кидающійся подъ ноги» всѣмъ, «смѣло идущимъ своею дорогой». «Журналы», заявляетъ Писаревъ: «изобрѣтенные для скорѣйшаго сообщенія и размѣна новыхъ познаній, скоро сдѣлались орудіями вражды личной и отголосками партій... Надѣясь на соединенныя силы своихъ сотоварищей, новый редакторъ издалъ программу, которая удивила всѣхъ; но съ перваго номера, прочіе сотрудники отказались участвовать въ *Телеграфѣ* за помѣщеніе статей безъ ихъ согласія. И г. Полевой остался одинъ для изданія журнала», который

---

[1]) *Литературная Газета*, 1831, ч. III, № 5, стр. 42; № 12, стр. 100.
[2]) Тамъ же, 1830, ч. I, № 8, стр. 62.

по задачамъ своимъ «требовалъ бы соединенныхъ трудовъ цѣлой академіи ученыхъ». Поэтому въ *Телеграфѣ* нѣтъ многихъ сочиненій, «обѣщанныхъ программою», а напечатанныя — «обработаны наскоро, ошибочно, или, лучше сказать, вовсе не обработаны». Сужденія самого Полевого—легковѣсны и вызвали заслуженныя нареканія. «Обѣщая въ одной книжкѣ дополнить *послѣ* свои доказательства: увѣряя въ слѣдующей, что они уже дополнены: нигдѣ не подкрѣпляя словъ своихъ очевидностью, онъ долго сражался со своими противниками, и теперь еще многіе увѣрены, что онъ остался побѣдителемъ». А въ дѣйствительности, *Телеграфъ* вполнѣ достоинъ названія «вздорный»: издатель этого «всеобъемлющаго журнала» взялся не за свое дѣло и имѣетъ много подписчиковъ только «по бѣдности нашей словесности» [1]).

Въ невыносимо тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ приходилось работать Полевому: онъ старался способствовать развитію и просвѣщенію общества; чрезмѣрно трудясь, часто выбивался изъ силъ—и, вмѣсто одобренія, встрѣтилъ одни порицанія. Выводимый изъ себя, онъ писалъ иногда антикритики: но къ его чести надо сказать, что полемическій задоръ не былъ свойственъ складу его ума и характера. Какъ ни страдало его самолюбіе, какъ ни больно было думать, что можетъ найтись читатель, который на слово повѣритъ ожесточеннымъ врагамъ,—сознаніе своей правоты и пользы, приносимой тѣмъ предпріятіемъ, на которое онъ затратилъ свои лучшія силы, умиротворяло Полевого. «Не могу и не хочу», говорилъ онъ: «отражать тѣ изъ-за угловъ брошенные каменья, которыми пестрились разные журналы, тѣ намеки, которыми старались поражать меня мои противники: оружіе, недостойное благородныхъ, возвышающихъ душу и сердце занятій литературныхъ! Оставляю безъ вниманія и путешественника къ Шалагскому мысу, который, награждая пузырями историка и поэта, наградилъ ими и какого-то журналиста; ни слова о томъ журналистѣ, который заставлялъ мышей строить телеграфы и въ названіи *полевыхъ* цыганъ показывалъ большою буквою, въ кого онъ мѣтитъ... Я увѣренъ, что они сами внутренно сознаются и въ неприличіи, и въ ничтожности подобныхъ выходокъ» [2]).

---

[1]) „Анти-телеграфъ, или отраженіе несправедливыхъ нападеній г. Полевого". М. 1826 (passim).

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 13, „Особенное прибавленіе", стр. 7.

РОМАНЪ.

I.

КЛЯТВА ПРИ ГРОБѢ ГОСПОДНЕМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

В. Скоттъ и его послѣдователи.—Переводы историческихъ романовъ въ Россіи.—Русскій историческій романъ до В. Скотта. — Русскій историческій романъ послѣ В. Скотта.

Вальтеру Скотту выпало на долю быть основателемъ историческаго романа и играть видную роль въ возникавшихъ въ его время новыхъ литературныхъ теченіяхъ—въ судьбахъ романтизма.

Имѣя самъ предшественниковъ, будучи до нѣкоторой степени подготовленъ къ развитію романа произведеніями хотя и посредственныхъ, но все же имѣвшихъ свое историческое значеніе писателей, въ родѣ Гораса Вальполя и Анны Радклифъ, Скоттъ, въ свою очередь, создалъ цѣлую школу послѣдователей.

Безцвѣтный до него историческій романъ преобразился и принялъ неузнаваемый видъ. Крупное природное дарованіе и непосредственное знакомство съ шотландской народной поэзіей дали ему возможность замѣтить слабыя стороны предшественниковъ и восполнить ихъ недостатки.

Выставленіе на первое мѣсто историческаго элемента въ ущербъ любовной интригѣ, получившей второстепенное значеніе; художественная обрисовка не отдѣльныхъ личностей, но типовъ, воплощавшихъ въ себѣ тотъ или иной классъ общества; прекрасное драматическое дѣйствіе, представляемое въ борьбѣ норманновъ съ саксами; отчетливая характеристика народа и сохраненіе мѣстнаго колорита — вотъ отличительныя черты романовъ Вальтера Скотта [1]). Если прибавить къ этому, что подобные романы

---

[1]) *L. Maigron.* Le roman historique à l'époque romantique. Paris, 1898, pp. 85—86.

появлялись въ эпоху романтическаго броженія европейскихъ литературъ, то станетъ понятнымъ и достаточно выясненнымъ ихъ колоссальный успѣхъ.

Италія, Германія, Франція испытали на себѣ силу вліянія Вальтера Скотта. А. Манцони положилъ начало историческому роману въ Италіи. Романъ «Обрученные» (I promessi sposi) былъ данью Вальтеру Скотту, хотя въ то же время и не былъ лишенъ самостоятельности. Это прекрасное произведеніе, переведенное на нѣмецкій, французскій и русскій языки, отражало въ себѣ и мастерство художника, и вѣрность историка и значительно превосходило другіе итальянскіе романы. Розини, д'Азеліо, Гросси, Канту были менѣе талантливыми писателями, слѣдовавшими за Манцони.

Въ Германіи, гдѣ сильное умственное движеніе пробудилось еще въ XVIII столѣтіи, гдѣ въ трудахъ Лессинга, Виланда, Гердера уже подготовлялась почва для научнаго изслѣдованія народной жизни, гдѣ явилось драматическое твореніе Гете «Гецъ фонъ Берлихингенъ», которому приписывается даже возможность вліянія на романы самого Скотта, сторонниковъ послѣдняго можно насчитать довольно много [1]). Главнѣйшимъ изъ нѣмецкихъ романистовъ-историковъ считается Ф. Рефусъ, популярнѣйшимъ— Шпиндлеръ, а около нихъ собирается толпа приверженцевъ той же школы: Цшокке, Фанъ-деръ-Фельде, Блюменгагенъ, Вилибальдъ Алексисъ, разсказчица Каролина Пихлеръ и другіе. Историческіе сюжеты стали любимой темой упомянутыхъ авторовъ, плодовитость которыхъ доходила до громадныхъ размѣровъ, но которые не всегда могли похвалиться художественностью выполненія [2]).

Не меньшее значеніе имѣли романы Вальтера Скотта и для французской литературы, чутко откликавшейся на запросы современности. Еще до появленія англійскаго историческаго романа въ его окончательно опредѣлившейся формѣ, во Франціи существовали извѣстныя литературныя направленія, подготовлявшія почву для усвоенія чужеземнаго вліянія и начинающіяся еще съ семнадцатаго столѣтія. Въ этихъ направленіяхъ уже видны раз-

---

[1]) Въ Германіи, какъ и въ Англіи, авторы историческихъ романовъ существовали и до В. Скотта, какъ напримѣръ, *А. Мейснеръ* (1753—1807).

[2]) Слѣды увлеченія В. Скоттомъ замѣтны и въ датской литературѣ, гдѣ особенною извѣстностью пользовался *І. Гаухъ* (1790—1872).

розненные элементы позднѣйшаго историческаго романа [1]). Тѣмъ не менѣе Вальтеръ Скоттъ оказалъ сильное вліяніе и на французскую литературу. Его произведенія стали появляться въ періодъ нѣкоторой реакціи противъ разсудочности XVIII вѣка, когда снова мечтательность и сила чувства пріобрѣли особое значеніе, когда разочарованность въ надеждахъ, неосуществленныхъ послѣ Великой Революціи, побуждала обращать вниманіе на старину въ идеализованномъ видѣ. Газеты и журналы наперерывъ привѣтствовали В. Скотта, въ честь его сочинялись стихи, издавались переводы его произведеній, смерть его была національной скорбью Франціи [2]). Масса послѣдователей, талантливыхъ и бездарныхъ, наводнявшихъ книжныя лавки историческими романами, составила опредѣленную группу романистовъ-историковъ.

Плохое знаніе исторіи и отсутствіе талантовъ ослабило на время вліяніе В. Скотта, хотя, впрочемъ, даже въ произведеніяхъ такихъ писателей, какъ Dinocourt, Sismondi, Musset-Pathay и Bonnelier, уже болѣе естественности, болѣе живости въ разсказахъ и гибкости діалога [3]).

Но, вотъ, въ 1826 году издается «Cinq-Mars» А. де Виньи, и въ немъ полагаются прочныя основы французскому историческому роману [4]). Соединяя въ себѣ крупныя достоинства англійскаго романа, прокладывая дорогу для дальнѣйшаго развитія этого литературнаго вида, «Cinq-Mars», какъ и всякій первый опытъ, не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, въ родѣ: неудачной обрисовки простого народа, выставленія на первый планъ историческихъ дѣятелей и односторонней характеристики Ришелье, въ чемъ сказалось враждебное отношеніе аристократа-автора къ подрывателямъ значенія дворянства [5]). Среди довольно посредственныхъ послѣдователей Виньи (Mortonval, Barginet) рѣзко вы-

---

[1]) Мэгронъ различаетъ три главныя направленія въ развитіи историческаго романа во Франціи: „Le courant idéaliste, le courant réaliste“ и „le courant pittoresque“. См. *Maigron*, pp. 1—72.

[2]) „Le roman historique“, pp. 99—133: „Historique du succès de W. Scott en France“.

[3]) Тамъ же, pp. 235—252.

[4]) Тамъ же, p. 254: „Vigny fut le premier à s'apercevoir que le plus sûr moyen de réussir dans un genre est de cultiver ce genre pour lui même“; или p. 266: „Vigny mérite d'être salué comme un des fondateurs en France, non pas simplement du roman historique, mais du roman moderne tel que nous le verrons définitivement organisé par Balzac“.

[5]) Тамъ же, pp. 272, 310.

дѣляются двое: Вите, авторъ «Les Barricades» и «Les Etats de Blois [1]), и Бальзакъ, авторъ «Les Chouans».

Наконецъ, въ «Chronique de Charles IX» Мериме, по мнѣнію новѣйшей критики, можно видѣть расцвѣтъ историческаго романа, удовлетворяющаго очень строгимъ требованіямъ [2]). Отчетливо отражая эпоху, «Chronique de Charles IX» была чужда пристрастныхъ взглядовъ «Cinq-Mars»'а, и сюжетъ ея болѣе историческій, чѣмъ сюжетъ «Les Chouans».

Будучи всегда точенъ и наблюдателенъ, Мериме сдержанъ во внѣшней живописи, во внѣшней обрисовкѣ лицъ и предметовъ. Эта живопись внѣшняго колорита не была усвоена позднѣйшими авторами и послужила одною изъ причинъ упадка историческаго романа, начинающагося со времени «Notre Dame de Paris» Виктора Гюго. Характеристика французскихъ нравовъ XV столѣтія не была главною цѣлью Гюго; въ «Notre Dame» мало бытовыхъ чертъ въ діалогѣ толпы; дѣйствующія лица—не всегда типы, и, что самое главное, замѣчается излишество во внѣшнемъ описаніи предметовъ [3]). Чрезмѣрное развитіе фантазіи, вредное даже для такого таланта, какъ талантъ Гюго, еще вреднѣе отозвалось на произведеніяхъ менѣе даровитыхъ писателей. Внѣшняя живопись ослабляла анализъ и характеристику нравовъ, чѣмъ наносила смертельный ударъ историческому элементу; на первомъ мѣстѣ снова явилась интрига. Необузданность фантазіи произвела излишества и въ самой интригѣ, породила мелодраматизмъ, перешла въ необузданность чувствъ: въ романѣ стали обычными непристойныя сцены. Поль Лакруа, Ф. Сулье и Е. Сю подорвали былую славу историческаго романа, а въ «Isabel de Bavière» Дюма наступило полное его разложеніе [4]).

Увлеченіе типомъ историческаго романа, распространившагося въ Европѣ, не могло не отразиться и на Россіи. Здѣсь приходится считаться съ двумя явленіями: во-первыхъ, съ переводами рома-

---

[1]) „Le roman historique", p. 278: „Or, qu' est-ce que „les Barricades" et „les Etats de Blois", si non un roman historique découpé en tableaux et mis en scènes"?

[2]) Тамъ же, p. 312: „La Chronique marque l'apogée du roman historique".

[3]) Тамъ же, pp. 332—353: „Notre Dame de Paris". Также, p. 342: „L'observation des moeurs est insuffisante et la description surabonde: des deux couleurs locales, l'intérieure manque ou à peu près, et l'extérieure y est trop généreusement prodiguée".

[4]) Тамъ же, pp. 353—386: „De Notre Dame de Paris à Isabel de Bavière".

новъ Вальтера Скотта и его послѣдователей; во-вторыхъ, съ тѣми оригинальными произведеніями въ этомъ духѣ, которыя развились у насъ въ началѣ прошлаго столѣтія.

Переводная литература означеннаго времени представляла собой явленіе, по меньшей мѣрѣ, замѣчательное [1]). Въ самомъ дѣлѣ, если внимательно разсмотрѣть тѣ романы, которые массами расходились въ обществѣ, то бо́льшая часть изъ нихъ окажется переводными и значительная—историческаго характера. Простыя статистическія свѣдѣнія, простой пересмотръ росписей эпохи 20-хъ, 30-хъ годовъ, указывая на характеръ беллетристики и на число изданій, наводятъ на серьезную мысль объ умственныхъ потребностяхъ тогдашняго общества. Разверните смирдинскую роспись... Цѣлая вереница переводныхъ романовъ Вальтера Скотта бросится невольно въ глаза. До 25—30 романовъ (мы беремъ цифру приблизительно) послѣдняго существовали на русскомъ языкѣ, въ отдѣльныхъ изданіяхъ, къ 1830 году [2]). А сколько еще переводовъ Скотта заключаютъ въ себѣ повременныя изданія этихъ годовъ! Одна многочисленность переводовъ говоритъ сама за себя, какъ за явленіе не случайное. Возникаетъ увлеченіе В. Скоттомъ, повидимому, въ Москвѣ, гдѣ еще въ 1821 году переведенъ «Бѣглецъ» и на долю которой изъ 23 переводовъ выпадаетъ 18.

Не одни произведенія родоначальника и главы историческаго романа привлекаютъ на себя вниманіе публики; она съ интересомъ читаетъ и сочиненія его послѣдователей, какъ въ Италіи, такъ и во Франціи и Германіи.

Знаменитая повѣсть Манцони (I promessi sposi), вѣроятно, нѣсколько разъ перечитанная публикой во французскомъ переводѣ (впрочемъ, должно отмѣтить, что въ началѣ прошлаго вѣка, а

---

[1]) Еще ранѣе описываемой эпохи, въ царствованія Екатерины II, Павла I и Александра I (до 1814 г.), существовали переводы романовъ *А. Радклифъ, Прево, Мармонтеля, Флоріана* и др.

[2]) Здѣсь встрѣчаются: „Бѣглецъ“ (М. 1821), „Кенильвортъ“ (М. 1823), „Таинственный Карла“ (М. 1824), „Маннерингъ“ (М. 1824), „Шотландскіе Пуритане“ (М. 1824), „Аббатъ“ (Спб. 1825), „Антикварій“ (М. 1825—1826), „Эдинбургская темница“ (М. 1825), „Ивангое“ (Спб. 1826), „Ламермурская невѣста“ (М. 1827), „Кентенъ-Дюрвардъ“ (М. 1827), „Веверлей“ (М. 1827), „Елена Дугласъ“ (М. 1828), „Коннетэбль“ (Спб. 1828), „Редгонтлетъ“ (М. 1828), „Горная Шотландка“ (М. 1829), „Вудстокъ“ (Спб. 1829), „Морской разбойникъ“ (М. 1829), „Пертская красавица“ (М. 1829), „Робъ-Рой“ (М. 1829), „Дочь шотландскаго лѣкаря“ (М. 1830), „Карлъ Смѣлый“ (Спб. 1830), „Певериль“ (М. 1830) и многіе другіе.

именно въ 20-хъ годахъ былъ въ большомъ ходу и языкъ итальянскій), издается на русскомъ языкѣ въ той же Москвѣ («Обрученные», миланская повѣсть, М. 1833, ч. I). Съ 1829 года начинаютъ встрѣчаться переводы съ нѣмецкаго. Починъ, кажется, былъ сдѣланъ на историческихъ повѣстяхъ довольно популярнаго въ 20-хъ годахъ въ Германіи, но, повидимому, не особенно тамъ нынче цѣнимаго Фанъ-деръ-Фельде. Этотъ писатель, «господствовавшій», по выраженію I. Шерра, «въ библіотекахъ для чтенія» Германіи, нашелъ у насъ дружескій пріемъ, выразившійся въ переводѣ десятка его сочиненій, начиная съ 1829 до 1831 года [1]). Изъ того, что нѣкоторыя произведенія Фанъ-деръ-Фельде выдержали по два изданія, можно заключать о симпатіяхъ, которыми онъ пользовался среди читателей того времени. За Фанъ-деръ-Фельде слѣдуетъ упомянуть Каролину Пихлеръ, изъ повѣстей которой переведены: «Агаѳоклесъ» (М. 1814) и «Густавъ Адольфъ» (М. 1823), Цшокке (переведена историческая повѣсть «Калласъ» М. 1830; впрочемъ, сочиненія Цшокке вышли въ С.-Петербургѣ еще въ 1831 г.) и Блюменгагена (переведенъ «Лавръ и Мартъ», историческій романъ, М. 1831 г.) [2]). Изъ сочиненій Шпиндлера встрѣчается на русскомъ языкѣ романъ «Еврей», вышедшій въ 1834 г. (Спб.).

«Соборъ Парижской Богоматери» В. Гюго и «Сенъ-Марсъ» А. де Виньи были также въ числѣ переводимыхъ у насъ романовъ. Романъ Гюго, появившійся въ Парижѣ къ концу 1830 года, пріобрѣлъ быстро популярность и у насъ въ слѣдующемъ 1831 году. Отрывокъ изъ него, въ которомъ изображенъ Людовикъ XI, былъ переведенъ въ 14, 15 №№ *Московскаго Телеграфа*. Вотъ слова современника о томъ впечатлѣніи, которое производило это произведеніе. «Послѣ появленія «Notre Dame de Paris» я почти готовъ былъ итти на плаху за романтизмъ. Я узналъ о «Notre Dame de Paris» изъ *Московскаго Телеграфа*. Вскорѣ послѣ этого весь читающій по-французски Петербургъ началъ кричать о новомъ геніальномъ произведеніи Гюго. Всѣ экземпляры, полученные въ

---

[1]) „Англійское посольство въ Китаѣ“ (Спб. 1829), „Богемская дѣвичья война“ (Спб. 1830, выдержала два изданія), „Гороскопъ“ (М. 1831), „Гусситы“ (М. 1829), „Аксель“ (М. 1829), „Татары въ Силезіи“ (М. 1829), „Не окрещенцы“ (М. 1830), „Христина и дворъ ея“ (Спб. 1831), „Мальтійскій кавалеръ“ (Спб. 1830, выдержалъ два изданія), „Патриціи“ (Спб. 1830), „Флибустьеръ“ (М. 1830).

[2]) См. *Московскій Телеграфъ* 1828 г., № 20.

Петербургѣ, были тотчасъ расхватаны. Я едва досталъ для себя экземпляръ и съ нервическимъ раздраженіемъ приступилъ къ чтенію. Я прочелъ его, не отрываясь. Никогда еще я не испытывалъ такого наслажденія отъ чтенія. Клодъ Фролло, Эсмеральда, Квазимодо не выходили изъ моего воображенія; сцену, когда Клодъ Фролло приводитъ ночью Эсмеральду къ висѣлицѣ и говоритъ: «выбирай между мной и этой висѣлицей»—я выучилъ наизусть. Я больше двухъ мѣсяцевъ бредилъ этимъ романомъ и перечитывалъ отрывки изъ него Кречетову и нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей, съ которыми болѣе симпатизировалъ» [1]). Такъ писалъ И. И. Панаевъ; такое волненіе испытывало, повидимому, все общество. Въ *Московскомъ Телеграфѣ* громко было заявлено, что «характеръ Людовика XI», изображенный уже мастерскою кистью Вальтера Скотта, въ очеркахъ Гюго получилъ «болѣе силы, болѣе истины» [2]). Романъ А. де Виньи пользовался также большимъ успѣхомъ. Въ 1829 году выходитъ его переводъ на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Сенъ-Марсъ, или заговоръ при Людовикѣ XIII» (Спб., пер. А. Очкина). Въ 1835 году понадобилось второе изданіе. «Укажемъ на трехъ современниковъ, которые едва ли не выше самого Вальтера Скотта»—пишетъ Полевой [3]), и въ числѣ Гюго и Манцони въ первую голову называетъ Виньи.

И не одни первоклассные геніи пользовались у насъ популярностью. Историческія повѣсти Поля Лакруа были собраны и также изданы въ переводѣ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Повѣсти Библіофила Жакоба, извлеченныя изъ исторіи Франціи» (Спб. 1833).

Все сильнѣе и сильнѣе охватывала волна романтизма наше общество; переводы историческихъ романовъ расходились повсюду, составляли злобу дня; увлеченіе, выразившееся сначала въ чтеніи иностранныхъ произведеній, въ спорахъ и критикѣ, естественно должно было перейти въ попытки создать свой собственный историческій романъ, сюжетъ котораго былъ бы выхваченъ изъ жизни русскаго народа.

Мы указывали выше, что въ Англіи, еще до того времени, когда непосредственное, близкое знакомство съ шотландской народной поэзіей дало возможность В. Скотту создать романъ, живо

---

[1]) „Литературныя Воспоминанія“ Ивана Панаева. Спб. 1876, стр. 41.
[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1831, № 14.
[3]) „Клятва“, М. 1832, ч. I, стр. XL.

отражающій народный бытъ и исторію, появлялись неудачные и до крайности натянутые историческіе романы второстепенныхъ писателей. Аналогичное явленіе повторилось и въ Россіи, гдѣ начало историческому роману было положено еще въ концѣ XVIII столѣтія. Въ романахъ Ѳ. А. Эмина и М. М. Хераскова уже можно видѣть слабое и извращенное стремленіе вплести исторію въ фабулу романа; но здѣсь пока царитъ ложноклассическая напыщенность и полное искаженіе какихъ-либо историческихъ фактовъ и народныхъ преданій. Историческій элементъ «Натальи, боярской дочери» Карамзина (1792) и «Добродѣтельной Розаны» Лазаревича (1782) блѣденъ въ высшей степени; что же касается до языка, которымъ написаны эти повѣсти, то, даже по собственному признанію авторовъ, «старинные любовники говорили не совсѣмъ такъ, какъ здѣсь говорятъ они» [1]). На порогѣ истекшаго столѣтія замѣтно еще большее стремленіе къ созданію этого рода произведеній. Нѣтъ необходимости характеризовать безсильныя попытки посредственныхъ авторовъ проникнуть въ смыслъ и духъ народныхъ событій, достаточно указать на ихъ многочисленность [2]) и на тотъ фактъ, что даже повѣсти талантливѣйшихъ лицъ не лишены крупныхъ въ этомъ отношеніи недостатковъ. Дѣйствительно, въ «Марѳѣ Посадницѣ» Карамзина много «ходульнаго» и «мелодраматическаго». «Высокопарная рѣчь царскаго посла передъ народомъ, патріотическія рѣчи Марѳы, обращенныя къ народу, ея бесѣда съ дѣтьми своими и отшельникомъ Ѳеодосіемъ поражаютъ насъ своею искусственностью, равно и напускной героизмъ Ксеніи» [3]). Дѣйствующія лица «Марьиной рощи» Жуковскаго:

---

[1]) См. „Наталью, боярскую дочь".

[2]) Въ началѣ прошлаго столѣтія появились слѣдующія повѣсти: „Князь Меньшиковъ" Геракова (1801); „Ольга" (1803); повѣсть „Б—въ и М—въ" Петра Казотти (1807); „Марѳа Посадница" Карамзина (1808); „Марьина роща" Жуковскаго (написавшаго также „Вадима Новгородскаго" и „Три пояса")—[1809]; сборникъ С. Н. Глинки (1810); „Рогнѣда" Н. Арцыбашева (1818); „Оскольдъ" М. Н. Муравьева (1810); „Ксенія княжна галицкая" (1808); „Игорь, великій князь Сѣвера" А. К. (1814) и нѣкоторыя другія. Кой-какіе проблески историческаго пониманія являются въ „Бурсакѣ" и „Запорожцѣ" Нарѣжнаго, но эти произведенія появились въ 1824 г., то-есть, въ то время, когда В. Скоттъ уже былъ популяренъ на Руси. См. перечень повѣстей во II т. собр. соч. К. Н. Батюшкова (Спб. 1885), примѣч. Л. Н. Майкова къ „Предславѣ и Добрынѣ", и въ книгѣ г-жи Бѣлозерской „В. Т. Нарѣжный" (Спб. 1896, ч. I, стр. 63).

[3]) „В. Т. Нарѣжный", сочиненіе Н. Бѣлозерской, ч. I, стр. 63.

Усладъ, Марія, Рогдай—не живые народные типы, и приданныя имъ русскія имена не мѣняютъ положенія дѣла.

Наконецъ, хотя Батюшковъ, пиша «Предславу и Добрыню», и заглядывалъ въ Несторову лѣтопись и справлялся съ миѳологіей А. С. Кайсарова, «но, при общемъ низкомъ уровнѣ тогдашняго историческаго пониманія, и эти справки не дали ему сколько-нибудь вѣрнаго представленія о русской жизни» [1]).

Пышное величіе въ упомянутыхъ повѣстяхъ смѣшивается съ сентиментальностью, народности почти не видно, а историческій ходъ событій часто нарушается. Слова Карамзина, что «всѣ главныя происшествія «Марѳы Посадницы» согласны съ исторіею», едва ли были справедливы, и мнѣніе Батюшкова: «повѣсть не лѣтопись: здѣсь вымыселъ позволенъ»—кажется намъ болѣе близкимъ къ истинѣ.

Толчокъ, сообщенный русскому обществу романами В. Скотта и его послѣдователей, выразился въ повѣстяхъ Марлинскаго, Лажечникова, Загоскина, Булгарина и Полевого.

Въ *Полярной Звѣздѣ* 1823—1825 годовъ можно найти рядъ историческихъ повѣстей Марлинскаго; онъ пробовалъ свои силы также въ *Московскомъ Телеграфѣ* за 1831 г. и въ *Сынѣ Отечества* за 1831—1832 годы. «Романъ и Ольга», «Дума Святослава», «Наѣзды» и другія произведенія подобнаго рода сильно волновали русскихъ читателей. Вѣрность бытовая и историческая какъ народныхъ русскихъ, такъ и рыцарско-ливонскихъ повѣстей этого писателя была сильно опровергаема въ свое время Бѣлинскимъ [2]), отнесшимся къ нимъ, быть можетъ, не въ мѣру строго; доля правды была въ нападкахъ знаменитаго критика, но нельзя не признать, что «тамъ, гдѣ Марлинскій не выходилъ за предѣлы вѣроятія, онъ былъ прекрасный, живой разсказчикъ, и въ исторіи русской повѣсти его сочиненія займутъ свое важное историческое мѣсто» [3]).

Марлинскій началъ. За нимъ послѣдовали другіе, увлеченные Скоттомъ.

«Гаральдъ и Елизавета», историческая повѣсть Эртеля (Спб. 1831), «Марина Мнишекъ» Ив. Гурьянова (М. 1831), «Ольга Ми-

---

[1]) II т. собранія сочиненій К. Н. Батюшкова. Спб. 1885. Примѣч. къ „Предславѣ и Добрынѣ", стр. 396—397.

[2]) Собраніе сочиненій. Спб. 1901, т. V, стр. 156.

[3]) *А. Пыпинъ*. Исторія русской литературы. Спб. 1899, т. IV, стр. 413.

лославская», соч. Глхрва (М. 1831), «Стрѣльцы» Масальскаго (Спб — 1832), «Ѳедора» П. Сумарокова (Спб. 1830), участвовавшаго вмѣстѣ съ Масальскимъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*, «Госницкій» Ив. Т—а (М. 1827) и др.—составляютъ цѣлую серію, появившуюся около тридцатыхъ годовъ. Увлеченіе «Послѣднимъ новикомъ» Ив. Лажечникова (Спб. 1832), выставившаго передъ читателями историческій фактъ завоеванія Лифляндіи въ довольно яркихъ и живыхъ краскахъ, было сильно; романъ Загоскина «Рославлевъ» въ два года выдержалъ два изданія (М. 1831—1832 г.). Талантливо начертанная картина бѣдственнаго положенія русской земли, высоко патріотическія рѣчи Минина, въ соединеніи съ интересной романической завязкой, создали славу «Юрія Милославскаго», въ три года выдержавшаго четыре изданія (М. 1829, 1830, 1832). Тогда же сталъ выпускать свои романы Ѳ. В. Булгаринъ: въ 1830 году появился его «Димитрій Самозванецъ».

Приведенныя данныя показываютъ, что увлеченіе историческимъ романомъ захватываетъ большую часть мало-мальски образованнаго общества. Значительное число романовъ не позволяетъ сдѣлать ихъ характеристики въ отдѣльности. На двухъ романахъ, одномъ дѣйствительно талантливомъ, другомъ посредственномъ, можно показать и достаточно иллюстрировать методъ, котораго держались авторы при созданіи ихъ. Возьмемъ романъ Загоскина «Юрій Милославскій» и Булгарина «Димитрій Самозванецъ».

Романъ Загоскина, хорошо написанный, увлекательный еще въ нынѣшнее время, когда онъ появляется въ новыхъ изданіяхъ, для тридцатыхъ годовъ, какъ первая разумная дань увлеченію В. Скоттомъ, долженъ былъ имѣть несомнѣнное значеніе. Пушкинъ, сильно упрекавшій бездарныхъ послѣдователей Вальтера Скотта, писалъ: «Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи вовсе не касаются «Юрія Милославскаго». Г. Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, бояре, казаки, монахи,—все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать и чувствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько истины, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Федьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго». Правда, тотъ же Пушкинъ еще замѣтилъ слабость обрисовки нѣкоторыхъ историческихъ лицъ, нѣсколько анахрониз-

мовъ, которыхъ можно насчитать, быть можетъ, еще болѣе при внимательномъ разсмотрѣніи романа, но отъ послѣдняго, во всякомъ случаѣ, нельзя отнять выдающихся, въ особенности для своего времени, достоинствъ.

При созданіи историческихъ картинъ Загоскинъ, очевидно, пользовался источниками, относящимися къ эпохѣ смутъ. И, дѣйствительно, въ «Историческихъ замѣчаніяхъ», приложенныхъ къ роману, можно найти ссылки на показанія Маскевича (часть I, 1), Карамзина (часть II, 3), Татищева (часть II, 2), лѣтописи временъ междуцарствія (часть III, 2), лѣтописи Авраамія Палицына (часть III, 3), Олеарія (часть III, 4). Такимъ образомъ, если любовная интрига, составляющая канву романа, и выдумана авторомъ, однако, для обрисовки историческихъ происшествій и вѣрнаго освѣщенія современныхъ типовъ, изученіе исторіи принесло пользу Загоскину.

Впрочемъ, надо отмѣтить, что «Юрій» не простой пересказъ исторіи въ повѣствовательной формѣ, это настоящая повѣсть, съ значительной долей художественнаго вымысла, занимающаго первое мѣсто.

Романъ Булгарина, нынѣ позабытый, что свидѣтельствуетъ объ его исключительно историческомъ значеніи, и въ свое время не пользовался, повидимому, популярностью романа Загоскина, хотя и имѣлъ читателей и встрѣчалъ одобрительные отзывы въ иныхъ журналахъ. Извѣстно, что неблагопріятныя отношенія *Сѣверной Пчелы* къ роману Загоскина были вызваны тѣмъ строгимъ приговоромъ «Самозванцу», который былъ приписанъ А. С. Пушкину, а также и опасеніемъ конкуренціи, представлявшейся въ «Юріи Милославскомъ». Носился упорный слухъ, что Пушкинъ свой отказъ написать рецензію на «Димитрія Самозванца» мотивировалъ словами: «Чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь» [1]).

Въ словахъ Пушкина, дѣйствительныхъ или выдуманныхъ, заключается доля справедливости, а потому и мы обратимъ большее вниманіе на предисловіе къ роману и приложенныя въ концѣ «поясненія и ссылки», чѣмъ на самый романъ. Булгаринъ, очевидно, поставилъ своею цѣлью болѣе рабское слѣдованіе за исторіей. Вотъ его собственныя слова: «Я никого не заставлялъ дѣй-

---

[1]) См. статью Пушкина о романѣ Загоскина, также *Литературную Газету*, 1830, №№ 45, 14.

ствовать и говорить по моему произволу, но всегда основывался на преданіяхъ или на вычисленіи вѣроятностей»; «дѣйствующія лица у меня — Россія и Польша; завязка романа — исторія» [1]). «Слѣдуя исторіи строжайшимъ образомъ», Булгаринъ, естественно, принужденъ былъ изучать ее. «Я долженъ былъ», говоритъ онъ [2]): «перечитывать множество книгъ на разныхъ языкахъ, изъ коихъ нѣкоторыя писаны устарѣлымъ иноземнымъ нарѣчіемъ, дѣлать выписки, справки, заставлять переводить для себя шведскія хроники».

Въ «Поясненіяхъ» встрѣчается масса ссылокъ на Карамзина, Нѣмцевича, Маржерета, Боплана, Бантышъ-Каменскаго, Сенковскаго, лѣтописи Нестора, Петрея, Олеарія, Флетчера и другихъ.

Кромѣ того, Булгаринъ преслѣдовалъ въ романѣ еще нравственную цѣль, а именно: «удостовѣреніе, что всѣ козни властолюбія кончаются гибелью пронырливыхъ и дерзкихъ властолюбивцевъ» [3]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе „Клятвы при гробѣ Господнемъ“ и отношеніе къ ней критики.— Значеніе романа А. де Виньи въ глазахъ Полевого. — „Cinq-Mars“ и „Клятва“.—Предисловія А. де Виньи и Полевого. — Примѣненіе теоретическихъ взглядовъ предисловій на практикѣ: историческій элементъ и поэтическій вымыселъ.—Сходство схемъ, дѣйствующихъ лицъ и деталей въ обоихъ романахъ.—Заключеніе.

Въ это время горячаго увлеченія В. Скоттомъ и его послѣдователями, среди произведеній Марлинскаго, Лажечникова, Булгарина и Загоскина появилась историческая повѣсть Н. А. Полевого подъ заглавіемъ: «Клятва при гробѣ Господнемъ». Въ свою пору увлекавшая читателей и имѣвшая своихъ поклонниковъ, она, уступая, быть можетъ, въ талантливости «Юрію Милославскому», занимаетъ все-таки извѣстное, довольно крупное мѣсто въ числѣ другихъ повѣстей и представляетъ несомнѣнный историческій интересъ.

Она появилась въ 1832 году въ четырехъ частяхъ. Первая

---

[1]) См. „Предисловіе“. Спб. 1842, стр. VII, XI.
[2]) Тамъ же, стр. VII.
[3]) Тамъ же, стр. XI.

глава ея, названная «Постоялый дворъ», была помѣщена еще въ 1831 году въ альманахѣ *Денница*.

«Клятва при гробѣ» была крупнѣйшимъ произведеніемъ Полевого въ повѣствовательной формѣ, но не была первымъ, ибо еще въ 1828 году въ *Московскомъ Телеграфѣ* были положены имъ начатки исторической повѣсти въ «Симеонѣ Кирдяпѣ».

Своимъ появленіемъ «Клятва» вызвала толки въ обществѣ и въ печати. Мы встрѣчаемъ отзывы о ней въ *Телескопѣ*, «Воспоминаніяхъ на 1832 г.» С. В. Руссова и, наконецъ, въ *Московскомъ Телеграфѣ*.

Въ *Телескопѣ* по поводу появленія повѣсти Полевого была напечатана статья: «Лѣтописи отечественной словесности» [1]). Точка зрѣнія, съ которой смотритъ авторъ ея какъ на историческій романъ, такъ и на исторію вообще, достаточно характеризуетъ отношеніе критика къ «Клятвѣ», хотя собственно о ней, среди общихъ положеній, развитыхъ въ статьѣ, нѣтъ никакого упоминанія. Эта точка зрѣнія поражаетъ своимъ скептицизмомъ.

Романъ, который получилъ свое начало отъ произведеній В. Скотта, долженъ, по мнѣнію критика, представлять «полную картину жизни, въ ея дѣятельномъ развитіи, строго подчиняясь всѣмъ вещественнымъ условіямъ истины, но, между тѣмъ, предоставляя себѣ свободный выборъ и устроеніе занимательныхъ точекъ зрѣнія». «Посему онъ есть та же исторія, только отраженная не въ прямомъ, а въ искусственно устроенномъ зеркалѣ, гдѣ явленія сохраняютъ свои физіономіи и цвѣтъ, но перемѣняютъ относительное положеніе свое другъ къ другу, для образованія цѣльной картины, сообразно съ предположенною идеею». Затѣмъ, такъ какъ *настоящее доступно только для слитнаго, нераздѣльнаго чувства, а для того, чтобы послѣднее обратилось въ понятіе, требуется время, то «и романъ, какъ поэзія исторіи, долженъ быть картиною жизни минувшей»*.

Но у насъ нѣтъ прошедшаго, которое находимъ у другихъ народовъ. Хотя 8 столѣтій прошло, какъ мы приняли христіанскую вѣру, и «почти за 6 вѣковъ можемъ представить письменные документы нашего существованія», однако отечественныя преданія представляютъ намъ только «дремучій лѣсъ безличныхъ именъ, толкущихся въ пустынѣ безжизненнаго хаоса». И Карамзину не удалось «оцвѣтить сію мрачную пустоту риторическою

---

[1]) *Телескопъ*, 1832, ч. 10, отд. 5, стр. 233 и слѣд.

прелестію разсказа», ибо «ему не съ чего было записывать». «Жизнь требуетъ могущественнаго начала духа, коимъ бы проникалась и двигалась тяжелая вещественная масса». «Но въ то время (удѣльнаго періода и даже дальше), что могло быть симъ животворнымъ началомъ? Единство политическаго состава? Оно не существовало! Единство общихъ идей? Ихъ не было!» Не было у русскихъ даже «общаго слова», ибо «языкъ, раздробленный на многочисленныя нарѣчія по всей обширности древней русской земли, нигдѣ не достигъ литературнаго образованія, которое одно возводитъ его на степень всеобщей національной рѣчи». «Отсюда—рѣшительное отсутствіе не только драматическаго движенія, но даже пластической изобрѣтательности въ воспоминаніяхъ нашей древней исторіи. При совершенномъ бездѣйствіи пружинъ, коими возбуждается народная дѣятельность, у насъ не могло выработаться тогда ни одного глубокаго характера, ни одной рѣзкой физіономіи». «Такимъ образомъ изъ тысячелѣтняго цикла нашей исторіи, шесть вѣковъ не принадлежатъ собственно біографіи русскаго народа и слѣдовательно *не существуютъ для русскаго романа*. Съ Іоанна III должно считать собственно жизнь русскаго народа. Но и здѣсь цѣлые два вѣка протекли еще въ младенческихъ нестройныхъ движеніяхъ организующагося государства. Сіи два вѣка составляютъ посему только введеніе въ настоящую исторію нашего отечества». «*Эти два вѣка представляютъ не роскошную жатву для русскаго историческаго романа*». Полная русская исторія начинается не дальше Петра, да и эта «первая глава» нашей исторіи «*такъ свѣжа, такъ нова*».

При подобномъ взглядѣ на русскую исторію, естественно слѣдуетъ заключить, что не настало еще время для появленія на Руси хорошаго историческаго романа. И вотъ, не указывая прямо на «Клятву», критикъ дѣлаетъ слѣдующій отзывъ о подобнаго рода произведеніяхъ: «Рабское подражаніе, составляющее отличительный характеръ нашей изящной словесности, уже часто возбуждало въ насъ горькія сѣтованія».

Критика *Телескопа* была голосомъ человѣка, трезво разсуждающаго, не замѣшаннаго ни въ какія партіи и *по своему* дѣлающаго справедливыя заключенія. Его основныя положенія были ложны, быть можетъ, но изъ нихъ-то онъ дѣлалъ логически вѣрные выводы. Не таковъ характеръ статей С. В. Руссова, въ тридцатыхъ годахъ ревностно занимавшагося русской исторіей и написавшаго столь нравившіяся въ свое время князю

П. А. Вяземскому три брошюры: «Замѣчанія на «Исторію русскаго народа» [1]).

Припомнимъ, что въ 1832 году, въ которомъ появилась «Клятва», уже были изданы въ свѣтъ три тома «Исторіи русскаго народа» и былъ написанъ разборъ исторіи Карамзина—факты, столь неблагопріятно отразившіеся на Полевомъ и возбудившіе противъ него всѣхъ поклонниковъ исторіографа. Князь Вяземскій отстранился отъ Полевого, пушкинскій кружокъ смотрѣлъ на него косо, въ *Литературной Газетѣ* Дельвига печатались сильныя, иногда даже непозволительныя нападки на него—словомъ, недовольныхъ было много... Въ числѣ ихъ, какъ кажется, находился и С. В. Руссовъ. Отсюда заранѣе можно опредѣлить его отношенія къ повѣсти «хулителя» «Исторіи государства россійскаго». Статья Руссова [2]) начинается съ рѣзкихъ словъ объ «Исторіи русскаго народа». Авторъ говоритъ, что уже самая выдача въ свѣтъ 3, вмѣсто 12, томовъ «Исторіи» есть доказательство, что эта исторія не стоитъ труда и названія по собственному сознанію автора. Затѣмъ слѣдуетъ разборъ «Клятвы», совершенно не касающійся самой повѣсти, а заключающійся въ доказательствахъ полнаго невѣжества Полевого въ исторіи и въ нападкахъ на него за не слишкомъ высокое мнѣніе о Россіи; этотъ разборъ есть скорѣе разборъ предисловія къ повѣсти, или «Разговора между сочинителемъ русскихъ былей и небылицъ и читателемъ». Доказывая невѣжество Полевого, С. В. Руссовъ нападаетъ на него за слова, что «заниматься родословіями скучно» («Клятва», ч. I, стр. 208), укоряетъ въ противорѣчивомъ наименованіи себя то «космополитомъ» («Предисловіе къ «Исторіи русскаго народа»), то лицомъ, представляющимъ исторію съ «точки зрѣнія высшаго патріотизма» («Клятва», ч. I, стр. XXX). На слова Полевого: «Искони вѣковъ, коренной законъ князей русскихъ состоялъ въ старшинствѣ семейномъ. Послѣ смерти великаго князя, всегда наслѣдовалъ ему братъ, и великое княжество могло переходить къ *сыну его* тогда только, когда ни одного брата не было уже на бѣломъ свѣтѣ» [3])—отвѣтомъ служитъ слѣдующее: «Не правда. Отъ кончины Рюрика по 1078 годъ наслѣдство великаго княженія переходило отъ отцовъ къ дѣтямъ;

---

[1]) См. *Славянинъ* 1830 г., чч. 13, 14, 15, 16.

[2]) „Воспоминанія на 1832 г.“, кн. VIII.

[3]) „Клятва“, ч. I, стр. 213.

съ 1078 года дядя вступилъ въ наслѣдство сына вслѣдствіе усилившейся несчастной системы удѣловъ по праву сильнаго, что̀ продолжалось до нашествія монголовъ, при которыхъ наслѣдованіе великимъ княжествомъ зависѣло по большей части отъ воли хановъ, а ханы поддерживали порядокъ удѣльный, потому что оный ослаблялъ ихъ данницу, а закона, выдуманнаго авторомъ «Клятвы», никогда не было» [1]). Слова Полевого: «Послѣ Дмитрія слѣдовалъ великокняжескій престолъ не сыну Василію, а двоюродному брату Дмитрія, Владиміру, сыну Андрея Іоанновича, дяди Димитріева» [2]), порицаются, ибо «двоюродный братъ, сынъ дяди, не бывшаго великимъ княземъ, никогда не могъ наслѣдовать великаго княженія» [3]).

При этомъ совѣтуется Полевому заглядывать въ родословныя, при знаніи которыхъ онъ «не впалъ бы въ столь грубое заблужденіе, тѣмъ болѣе вредное, что онъ, толкованіемъ сего заблужденія наполнивъ два тома «Клятвы», сдѣлалъ оную книгу всю ни къ чему годною» [4]). Затѣмъ критикъ, отмѣтивъ скатерть и варенье на столѣ боярыни Старковой и кокошники ея товарокъ [5]), говоритъ: «Долгомъ почитаю замѣтить, что сія статья принадлежитъ не къ былямъ, но просто къ небылицамъ: княгинь въ кокошникахъ и тѣлогрѣйкахъ никто изъ современныхъ наблюдателей не видывалъ; вареньемъ, лакомствомъ новѣйшихъ временъ, никто не лакомился; скатерти въ Россіи начали упоминаться не ранѣе 1526 года. Откуда же взяты подобные разсказы» [6])? Уличенія Полевого въ незнаніи исторіи смѣняются претензіями за умаленіе имъ славы Россіи. Въ «Разговорѣ между сочинителемъ и читателемъ» встрѣчаемъ часто выраженія: «мы еще не дозрѣли», «Россія дитя умственнымъ образованіемъ», «передѣлка русскихъ въ *европейскихъ* россіянъ почитается цѣлью» [7]). Противъ этихъ, быть можетъ, нѣсколько рѣзкихъ, но въ значительной степени справедливыхъ мнѣній вооружается всѣми силами авторъ «Воспоминаній». «Богъ насъ да сохранитъ», говоритъ Руссовъ: «отъ той низкой мысли, что усмирителямъ персовъ, турковъ,

---

[1]) „Воспоминанія“, стр. 228.
[2]) „Клятва“, ч. I, стр. 214.
[3]) „Воспоминанія“, стр. 229.
[4]) Тамъ же, стр. 229.
[5]) „Клятва“, ч. II, стр. 186.
[6]) „Воспоминанія“, стр. 230.
[7]) „Клятва“, ч. I, стр. XIII, XIX, XXIII.

шведовъ, французовъ, примирителямъ всей Европы нужна защита наша; но почему не сказать намъ, что времена Аттилъ и Чингисхановъ давно минули, и что нынѣ незрѣлыя дѣти безъ умственнаго образованія вышеописанныхъ подвиговъ совершить не могли?» Или: «какъ могли россіяне безъ просвѣщенія скинуть съ себя иго монголовъ, тяготѣвшее надъ великою частью Европы и надъ неизмѣримою Азіею» [1])? «Если и бывали иногда въ Россіи люди глупые, слабоумные, то въ западной Европѣ такихъ и перечислить не можно» [2]). Отсюда ясно, что передѣлка россіянъ въ европейцевъ не представляется С. В. Руссову желательной. «На Западѣ», вѣдь, «союзы государя и подданныхъ, мужей и женъ, родителей и дѣтей, въ безграмотныя времена революціи разрушенные, еще соединились по прежнему не крѣпко; клятва, слово чести суть звуки пустые; коротко сказать, гражданинъ, ложася на ночь спать, не слишкомъ увѣренъ, что онъ опять увидитъ бѣлый свѣтъ или окна жилища своего не разбитыми» и т. д. [3]).

Критика С. В. Руссова даетъ понять озлобленіе противъ Полевого, выступившаго въ роли изслѣдователя русской исторіи. Авторъ «Исторіи русскаго народа» и критикъ Карамзина не могъ ожидать благопріятнаго пріема «Клятвѣ» со стороны современныхъ историковъ, недоброжелательно смотрѣвшихъ на дерзкаго самоучку, рискнувшаго сдѣлать такой смѣлый шагъ. Кромѣ скептическихъ воззрѣній на нашу исторію и воззрѣній школы Карамзинской, которыя отразились на приведенныхъ нами критикахъ, въ 30-хъ годахъ процвѣтали воззрѣнія романтическія, представителемъ которыхъ можно считать А. Марлинскаго, горячо откликнувшагося на повѣсть «Клятва» въ *Московскомъ Телеграфѣ*.

«Теперь исторія»—говорится въ *Московскомъ Телеграфѣ* [4])—«не въ одномъ дѣлѣ, но и въ памяти, въ умѣ, на сердцѣ у народовъ», а романъ (по преимуществу также историческій) «есть не что иное, какъ поэма и драма, лиризмъ и философія и вся поэзія въ тысячѣ граней своихъ, весь свой вѣкъ на обѣ корки». «Авторъ были понялъ»—читаемъ далѣе [5])—«что какъ ни точны будь историческія сцены, онѣ падутъ бездушныя безъ игры характеровъ; какъ ни рѣзки будь характеры, они не тронутъ чи-

---

[1]) „Воспоминанія", стр. 235, 237.

[2]) Тамъ же, стр. 237.

[3]) Тамъ же, стр. 241.

[4]) *Московскій Телеграфъ*, ч. 52, стр. 399—420.

[5]) Тамъ же, ч. 53, стр. 235.

тателя, если не оживятся какою-нибудь великою мыслью—и вдунулъ въ нихъ самую поэтическую. Онъ обвилъ пружину дѣйствія вокругъ таинственной особы Гудочника, который является вездѣ, говоритъ всѣми языками, все знаетъ, всѣхъ вывѣдываетъ, всѣхъ подстрекаетъ».

Обѣтъ, данный Гудочникомъ при гробѣ Господнемъ, возбуждаетъ восторгъ критика. «Какая высокая романтическая мысль была изобразить человѣка, отдавшаго въ жертву всѣ радости жизни, все честолюбіе свѣта, даже надежду за гробомъ—преданности! Стремясь къ цѣли, онъ топчетъ и людей, и совѣсть, обманываетъ, лицемѣритъ, похищаетъ документы, разсылаетъ ложные приказы, возстановляетъ брата на брата... но онъ выкупаетъ все это жаркою, безкорыстною любовью къ пользамъ дѣтей своего государя. Онъ возбуждаетъ участіе, какъ вольный мученикъ, предавшійся уничтоженію и опасностямъ всѣхъ родовъ, не страшась ни смерти, ни казни. Вспомнивъ, что ему, какъ новгородцу, не мудрено было враждовать противъ Москвы, вы простите его. Вы будете уважать его за неподдѣльную, непоколебимую твердость, и если не полюбите его, то будете сострадать съ нимъ въ тяжкой и напрасной борьбѣ, имъ предпринятой—напрасной, ибо онъ замыслилъ побороть время, подъемля изъ ничтожества разбитый имъ порядокъ удѣловъ; тяжкой, ибо онъ видѣлъ тщету своихъ думъ и князей» [1]).

Критику нравится и желаніе автора оправдать Шемяку, «запятнаннаго въ народѣ худо понятою пословицею, очерненнаго историками на поруку худо переведенныхъ лѣтописей»; нравится и то, что Гудочникъ говоритъ книжнымъ слогомъ въ разговорѣ съ дѣдушкой Матвѣемъ, ибо «въ старину грамотеи любили говорить, какъ писали»; нравится ему и обрисовка характеровъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Впрочемъ, онъ замѣчаетъ и недостатки, какъ слабость обрисовки великаго князя, вѣча, неровность языка и т. д. Въ заключеніи статьи помѣщено слѣдующее: «Таковъ Полевой, такъ изображаетъ онъ Русь, не умствуя лукаво, но чувствуя глубоко, и сердцемъ угадывая таинственные гіероглифы характеровъ, бывшихъ непонятными даже тѣмъ, кои носили ихъ на челѣ. Онъ пламенными буквами переписываетъ ихъ на душахъ нашихъ, затепляя души передъ высокимъ, передъ доблестнымъ!» [2]).

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, ч. 53, стр. 235—236.

[2]) Тамъ же, стр. 243.

«Клятва» есть дѣло не только труда и учености, но познанія и вдохновенія; она стоитъ не пустого любопытства, но душевнаго участія; не базарной похвалы книгопродавцевъ, но искренней признательности. Ждемъ съ нетерпѣніемъ, когда авторъ, по своему обѣту, положитъ другой такой же цвѣтокъ на могилу минувшаго» [1]).

Тѣ же восторженныя похвалы «Клятвѣ» разсыпаны въ частномъ письмѣ Бестужева къ Полевому отъ 25-го іюня 1832 года: «Я получилъ, я поглотилъ ваше новое сочиненіе «Клятву». Въ ней русскій духъ воочію совершается, и наши дѣды распоясываютъ душу; однимъ словомъ, прежняя Русь живетъ тамъ снова, но по старому. Видишь, кажется, бытъ среднихъ вѣковъ во всей его полнотѣ и пестротѣ. Это не Геркуланумъ, открытый изъ-подъ вѣкового пепла; въ томъ однѣ утвари, однѣ стѣны, жизнь истреблена: это городъ—могила. У васъ театръ кипитъ жизнью былого, но дѣйствительнаго. Пусть другіе роются въ лѣтописяхъ, пытая ихъ, было ли такъ, могло ли быть такъ во времена Шемяки? Я увѣренъ, я убѣжденъ, что это такъ было... въ этомъ порукою мое русское сердце, мое воображеніе, въ которомъ старина наша давно жила такою, какою ожила у васъ. Къ чему жъ послужила бы поэзія, еслибъ она не возсоздавала минувшаго, не угадывала будущаго, если бы она не творила, но всегда по образу и подобію истины!» [2]).

Приведенныя нами мнѣнія о «Клятвѣ» были навѣяны идеями, бродившими въ обществѣ, которое не могло согласовать своихъ иной разъ прямо противоположныхъ взглядовъ. Это разногласіе имѣло причиной и скепсисъ, и личную непріязнь, и восторженное увлеченіе... Во всякомъ случаѣ судьба повѣсти Полевого проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на характеристику нашего общества начала тридцатыхъ годовъ.

Изъ всѣхъ переведенныхъ историческихъ романовъ, какъ Вальтера Скотта, такъ и его послѣдователей [3]), вниманіе Поле-

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, ч. 53, стр. 244.

[2]) *Русскій Вѣстникъ*, 1861, мартъ, стр. 327.

[3]) Полевому было извѣстно очень большое число подобныхъ романовъ, что видно изъ предисловія къ „Клятвѣ“ (стр. XXXVI, XXXVII—XLI) и изъ многихъ рецензій *Московскаго Телеграфа* (Фанъ-деръ-Фельде, Блюменгагенъ, Лакруа и др.).

вого привлекали главнымъ образомъ, произведенія французской школы: «Notre Dame de Paris» В. Гюго и «Cinq-Mars» А. де Виньи. Это видно изъ приведенной выше выдержки изъ *Московскаго Телеграфа* и изъ многихъ другихъ статей въ журналѣ Полевого. «Наконецъ, «Сенъ-Марсъ» Альфреда де Виньи, и «Церковь Парижской Богородицы» Виктора Гюго»—читаемъ въ статьѣ: «О романахъ В. Гюго и вообще о новѣйшихъ романахъ» [1])—«суть историческіе романы, въ коихъ соединеніе истины, философіи и поэзіи доведено до высочайшей степени. Это два безцѣнные перла, превышающіе собой все, что отдѣльно можетъ представить неистощимая муза В. Скотта». Но и изъ упомянутыхъ двухъ романовъ Полевой, очевидно, отдаетъ дань первенства роману Виньи.

«Сенъ-Марсъ» А. де Виньи занимаетъ *первое мѣсто*, и справедливо», пишетъ онъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* (по поводу перевода этого сочиненія на русскій языкъ): «Родъ, къ которому принадлежитъ «Сенъ-Марсъ» по формѣ, есть историческій, В. Скоттовскій. Но А. де Виньи—одна изъ блестящихъ надеждъ нынѣшней французской литературы, не простой подражатель В. Скотта, но ученикъ, едва-ли не превзошедшій своего учителя. *Никогда* и *нигдѣ* В. Скоттъ не изображалъ такъ вѣрно, такъ глубоко, такъ естественно ни лицъ, ни событій, какъ изобразилъ ихъ А. де Виньи. Умѣвъ выбрать одно изъ самыхъ странныхъ *романическихъ* происшествій съ *неизмѣнною* вѣрностью исторіи, онъ изумляетъ насъ поэтическою истиною. Характеры Людовика XIII, Ришелье, де-Ту, Сенъ-Марса, О. Іосифа, Лобардемона, Маріи Гонзаго, Анны Австрійской—созданія шекспировскія! Прибавьте къ этому интересъ, мастерски поддержанный, съ начала книги до самаго конца; живую картину двора, войска, духовенства, дворянства, народа французскаго; толпу второстепенныхъ лицъ: Маріанну Делормъ, Мильтона, Декарта, Бассомпіера, щеголя Оливье, аббата заговорщика, и проч., въ перспективѣ истинно-художнической; языкъ самый плѣнительный, обновленный современною школою В. Гюго, Вите, Бальзака, Баранта, Каве, Диттмера, Якоба Библіофила—вотъ Сенъ-Марсъ» [2]).

Естественно, что «Сенъ-Марсу» А. де Виньи, а не какому другому историческому роману, и суждено было оказать нѣкоторое

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 2, стр. 237.

[2]) Тамъ же, 1830, № 23, стр. 361.

вліяніе на крупнѣйшую историческую повѣсть Полевого—«Клятву при гробѣ Господнемъ» [1]).

Вліяніе всякаго иностраннаго образца въ повѣствовательной формѣ можетъ выражаться двояко: во-первыхъ, въ методѣ созданія; во-вторыхъ, въ заимствованіи положеній, типовъ, деталей.

Такъ какъ сюжеты «Клятвы при гробѣ» и «Сенъ-Марса» заимствованы изъ исторіи, то для опредѣленія сходства методовъ, которыхъ держались авторы, требуется опредѣлить степень подчиненія поэтическаго творчества исторической дѣйствительности, то-есть, провести грань между находящимися въ произведеніи историческими фактами и художественнымъ произволомъ, показавъ, который изъ этихъ двухъ элементовъ является господствующимъ.

Методъ выясняется на основаніи α) предисловія къ двумъ упомянутымъ произведеніямъ, а также на основаніи β) анализа ихъ самихъ.

Изъ тщательнаго же сличенія «Клятвы» и «Cinq-Mars»'а вытекаетъ характеръ заимствованія положеній и типовъ.

I, α.

По мнѣнію А. де Виньи [2]), за послѣдніе годы (романъ «Cinq-Mars» изданъ впервые въ 1826 г.) развилось сильнѣе, чѣмъ прежде, вліяніе исторіи на произведенія искусства. Многіе трактаты о паденіи феодализма, Франціи XVII столѣтія, о судѣ парламентовъ, секретныхъ порученіяхъ и обвиненіяхъ въ чародѣйствѣ не были бы прочитаны въ научномъ изложеніи; въ формѣ же романа они дѣлались доступными для многихъ читателей. Въ виду этого авторъ, создавая свой романъ въ господствующемъ историческомъ родѣ, прибѣгъ къ изученію документовъ, преимущественно первоисточниковъ.

Воспроизводящійся такимъ образомъ историческій романъ не представляетъ, однако, собою исключительной передачи историческихъ событій въ такомъ видѣ, какъ они были въ дѣйстви-

---

[1]) Нѣкоторые изъ современныхъ Полевому критиковъ полагали, что основаніемъ „Клятвы при гробѣ Господнемъ“ былъ Куперовъ „Шпіонъ“ опроверженіе этого мнѣнія можно найти въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1834, № 1, стр. 170—171.

[2]) „Réflexions sur la vérité dans l'art“ (Oeuvres complètes. Paris. 1863: „Cinq-Mars“).

тельности. Послѣднее вызывается тѣмъ, что человѣкъ, не удовлетворяясь знаніемъ подлинныхъ происшествій, непремѣнно захочетъ разобраться въ длинномъ ихъ рядѣ, чтобы найти примѣры *нравственности*, которую онъ сознаетъ въ глубинѣ души. Но отдѣльные факты, разрозненныя событія, будучи только несовершенными и неполными частями неуловимаго историческаго цѣлаго, не могутъ отвѣчать на запросы человѣка, ищущаго истины разумной и *нравственной* [1]). Творческая сила пополняетъ недостающее, приспособливаетъ факты для понятій человѣка, а отсюда непосредственно вытекаетъ поэтическій вымыселъ. Этотъ вымыселъ—правдивъ, ибо имѣетъ предметомъ самого человѣка и окружающую его природу, и его правдивость, прекрасная и разумная, есть какъ бы душа художественнаго произведенія.

Правдивость искусства представляетъ собой выборъ самыхъ характерныхъ чертъ красоты и величія видимой истины, даже превосходитъ эту истину, больше приближаясь къ идеалу. Къ упомянутой правдивости должны стремиться произведенія драматическія, которыя воспроизводятъ жизнь, удовлетворяя умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ. Для этого авторъ долженъ глубоко проникнуть въ духъ извѣстной эпохи, изучить ее, а затѣмъ сдѣлать выборъ изъ находящагося передъ нимъ матеріала и сгруппировать событія около какого-либо вымышленнаго центра [2]). Изученіе есть дѣло терпѣнія и запоминанія; выборъ и группировка—дѣло творческихъ силъ, дѣло таланта художника. Благодаря дѣйствію творчества разрозненныя и безсвязныя собы-

---

[1]) Должно замѣтить, что и въ романахъ самого В. Скотта, кромѣ воспроизведенія исторіи, видна наклонность къ морализму. Ср. *А. Кирпичниковъ*. В. Скоттъ и Гюго. Спб. 1891, стр. 14—15.

[2]) За мысли о необходимости группировки событій около вымышленнаго центра, А. де Виньи подвергся осужденію со стороны новѣйшей критики: „On ne choisit pas, on ne groupe pas autour d'un centre inventé, quand tous les personnages choisis, quand le groupe lui-même et le centre sont rigoureusement historiques et éclairés jusque dans les moindres détails de la plus vive lumière. Cette simplification hardie et ces raccourcis saisissants, le poète dramatique peut, à la rigueur, se les permettre: une pièce, même fort longue est, relativement à un roman, fort courte, et le théâtre ne vit guère que de concentration. C'est son droit „d'idéaliser" pour faire plus rapidement et mieux comprendre; ce n'est pas le droit d'un roman que nous pouvons quitter ou reprendre à notre gré et pour lequel nous accordons à l'écrivain toutes les libertés, excepté celle de traiter la vérité historique trop „à la cavalière" („Le roman historique", pp. 271—272).

тія получаютъ видимую и осязаемую связь, которая даетъ возможность сдѣлать извѣстные выводы. Такое преобразованіе испытываетъ всякій историческій фактъ въ силу роковой необходимости. Скрытый сначала въ массѣ другихъ, ему подобныхъ, подлинный фактъ отрывается иной разъ въ самомъ грубомъ, самомъ наивномъ видѣ. Первые, которымъ онъ попадаетъ въ руки, передаютъ его вторымъ уже въ нѣсколько преобразованной формѣ; вторые отдѣлываютъ его еще болѣе, передаютъ въ руки третьихъ—и, въ скоромъ времени, онъ появляется въ свѣтъ, отлитый въ несокрушимо приданныя ему формы.

Если даже въ лѣтописяхъ—продолжаетъ Виньи — встрѣчается стремленіе автора отдалиться отъ фактическихъ данныхъ и внести въ изложеніе долю собственнаго разсужденія, то съ тѣмъ большимъ основаніемъ можно не слишкомъ строго относиться къ соблюденію исторической дѣйствительности въ поэмахъ, романахъ и трагедіяхъ, съ сюжетами изъ исторіи. Искусство должно разсматриваться съ точки зрѣнія идеальной красоты, и точная передача фактовъ—не представляетъ существенной важности, ибо истина, на которой зиждется искусство, заключается не въ ней одной, но въ правдивости наблюденій надъ природой человѣческой.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, должно изучить эпоху по памятникамъ, изучить въ деталяхъ и глубоко проникнуться духомъ времени; съ другой, одного изученія мало, требуется извѣстный выборъ и группировка фактовъ, освѣщенныхъ авторомъ, что есть дѣло его таланта. Какъ необходимое слѣдствіе, вытекаетъ то, что поэтическое произведеніе совмѣщаетъ въ себѣ, хотя бы и въ неравной степени, и «le vrai du fait» и «la vérité de l'art». Оба элемента пополняютъ взаимно другъ друга.

Въ разговорѣ между сочинителемъ «Русскихъ былей и небылицъ» и читателемъ, разговорѣ, служащемъ предисловіемъ къ «Клятвѣ при гробѣ Господнемъ», разрѣшаются многіе вопросы, возбужденные и порѣшенные въ «Réflexions sur la vérité dans l'art».

Приведя слова Баранта [1]), что «никогда любопытство не бросалось съ такою жадностью на историческія знанія», Полевой говоритъ уже отъ себя: «слова Баранта вѣрно показываютъ *требованіе вѣка*, объясняютъ явленіе *нынѣшнихъ* историческихъ ро-

---

[1]) Авторъ „Histoire des ducs de Bourgogne", жившій и дѣйствовавшій на литературномъ поприщѣ въ началѣ прошлаго вѣка.

мановъ, и, какъ изображеніе народности, нынѣшнюю драму, поэзію, и проч. и проч.» [1]).

Требованіе вѣка вызываетъ потребность изучать памятники историческіе. «Въ прошедшемъ вѣрная нить исторіи и повѣствованій старинныхъ поведетъ меня» [2]).

На основаніи изученія памятниковъ возсоздается Русь дѣйствительная, то-есть, преслѣдуется правдивая передача событій. «Русь, какъ она *была*, точная, вѣрная картина ея — вотъ моя цѣль» [3]). «Пусть все живетъ, дѣйствуетъ и говоритъ, какъ оно жило, дѣйствовало и говорило»... [4]). Но не одна документально подтверждаемая дѣйствительность выдвигается въ «Клятвѣ»; въ ней есть и элементъ произвола авторскаго, такъ какъ и освѣщеніе, и группировка историческихъ данныхъ зависятъ отъ личнаго взгляда. Элементъ субъективности—необходимъ, тѣмъ болѣе въ повѣсти «Обѣщалъ я», говоритъ Полевой: «правда, *быль*, а не *сказку*, но и *не лѣтопись, не исторію* правдивую.

Правда вещь рѣдкая на бѣломъ свѣтѣ. Чистою самородною (какъ въ Сибири находятъ золото самородное, полупудовыми кусками) едва ли найдете вы правду въ здѣшнемъ мірѣ. Не думаютъ обманывать, а правды все-таки не говорятъ. Вотъ, примѣромъ сказать, случалось ли вамъ что-нибудь самимъ видѣть и послѣ того слышать разсказы о видѣнномъ вами отъ другихъ самовидцевъ? Всякій разсказываетъ, не лжетъ, и *такъ* говоритъ—да *не такъ* выходитъ. Оттого у насъ изстари ведется пословица: изъ одной бани, да не однѣ вѣсти. Что же тутъ дѣлать? какъ кому *кажется*, такъ тотъ и говоритъ. Вотъ только смотрите, добрые читатели: добросовѣстно ли разсказываютъ вамъ. Здѣсь, я кладу руку на сердце, и скажу вамъ смѣло: я разсказывалъ такъ, какъ по чистой совѣсти мнѣ казалось» [5]). Говоря, что онъ писалъ *былъ* съ значительной долей субъективности какъ въ группировкѣ фактовъ, такъ и въ освѣщеніи ихъ съ наиболѣе вѣроятной для него точки зрѣнія, а не лѣтопись или исторію, въ которой размахъ

---

[1]) „Клятва", М. 1832 г., ч. I, стр. XLVI.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. XXXII.

[3]) Тамъ же, ч. I, стр. XXXII—XXXIII.

[4]) Тамъ же, ч. I, стр. LVIII. Ср. приводимыя въ „Клятвѣ" (стр. LII) слова Вите изъ предисловія къ „Баррикадамъ": „Je me suis résigné à exciter moins vivement l'intérêt pour copier avec plus d'exactitude" („Les Barricades", 1826).

[5]) Тамъ же, ч. IV, стр. 342—343.

личнаго произвола стѣсняется болѣе, Полевой признаетъ за *былью*, пожалуй, даже своеобразное преимущество передъ исторической точностью. «Мнѣ кажется, что исторія, географія, статистика, этнографія Руси, все еще составляютъ для насъ нѣчто недосказанное, и мнѣ хотѣлось бы именно это, хотя отчасти, высказать «Русскими былями и небылицами» [1]). Или: «Мнѣ хотѣлось въ нихъ («Быляхъ и небылицахъ») изобразить тѣ отношенія народныхъ стихій русскихъ, которыхъ въ исторіи и во всякомъ другомъ родѣ сочиненій изобразить невозможно, но которыя, между тѣмъ, знать непремѣнно должно. Разысканія и диссертаціи не повели бы меня къ моей цѣли. Я рѣшился писать «Были и небылицы русскія» [2]). Занятія исторіей, по мнѣнію Полевого, вѣроятно, должны побуждать изслѣдователя уловить ту идею, ту связь, которой отмѣчены всѣ историческіе факты. Понять идею—значитъ вполнѣ объяснить прошедшее, а для пониманія еще не достаточно одного изученія данныхъ, безъ извѣстной проницательности ума, который, основываясь на сухой черновой работѣ, можетъ строить свои заключенія и читать не только строки лѣтописи, но и между строками. А уловивъ духъ времени, очертивъ его въ характернѣйшихъ краскахъ, уловивъ пульсъ жизни народа въ извѣстную эпоху, историкъ передачей своихъ впечатлѣній въ наиболѣе доступной повѣствовательной формѣ пополнитъ выводы исторической науки, которой менѣе возможно удаляться отъ фактической стороны.

Затѣмъ должно отмѣтить, что вообще изученіе исторіи и занятіе ею естественно могутъ быть связаны, по представленію Полевого, съ моральными интересами... «Въ исторіи нашей поищемъ не предметовъ пустого хвастовства, но уроковъ прошедшаго» [3]). Это же исканіе уроковъ болѣе возможно въ повѣсти, чѣмъ въ научномъ изслѣдованіи [4]). Такъ разсуждая, авторъ «Клятвы» изложилъ свои взгляды на историческую повѣсть. Эти взгляды, развитые съ большой непослѣдовательностью, по нашему мнѣнію, имѣютъ нѣчто общее съ высказаннымъ А. де Виньи.

Полевой, подобно упомянутымъ французамъ, признаетъ въ повѣсти, сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи, и реальный

---

[1]) „Клятва", ч. I, стр. VII.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. XXXI—XXXII.

[3]) Тамъ же, ч. I, стр. XXV.

[4]) См. „Предисловіе" въ „Исторіи русскаго народа", гдѣ сказано, что въ научной работѣ преслѣдуется только *истина* (стр. XX, XXI), а не мораль.

(изученіе памятниковъ и вѣрность имъ), и идеальный (произволъ автора въ группировкѣ и освѣщеніи) элементы, не отрицая нравственнаго воздѣйствія подобнаго произведенія.

I, β.

Выраженныя въ разсужденіи «Sur la vérité dans l'art» теоретическія положенія были осуществлены въ самомъ романѣ «Cinq-Mars». Прежде чѣмъ приступить къ своему произведенію, Альфредъ де Виньи, по собственному заявленію, «перечиталъ при свѣтѣ лампы до 300 печатныхъ томовъ и рукописей» [1]); онъ отыскивалъ старинныя книги, автографы, рылся въ библіотекахъ и архивахъ. Эта кропотливая работа обнаруживается при взглядѣ на значительное число документовъ, отрывки изъ которыхъ были приложены ко второму изданію романа [2]). Имъ упоминаются слѣдующія сочиненія, мемуары и рукописи: «Histoire du père Joseph»—книга, дающая возможность познакомиться съ клевретомъ Ришелье; трактатъ «La vérité défendue», изд. въ 1635 г.; «Relation de Montrésor» (приближеннаго Гастона Орлеанскаго); «Mémoires de M. M. Chavigny et des Noyers» (сторонниковъ кардинала); «Journal de M. le cardinal de Richelieu», извлеченный изъ собственноручно написанныхъ имъ мемуаровъ; «Extrait des registres», по дѣлу Сенъ-Марса; « Mémoires de Tallement des Réaux»; «Fragment d'une lettre de monsieur de Marca, conseiller d'Estat», 16-го сентября 1642 года, касающійся казни Сенъ-Марса; отрывокъ изъ журнала, веденнаго какимъ-то Ліонскимъ секретаремъ и отпечатаннаго въ 1765 году; «Mémoires de Fontrailles» (приверженца и современника Сенъ-Марса), заключающіе въ себѣ договоръ съ Испаніей; эдиктъ объ оскорбленіи величества и мн. др. Встрѣчаются ссылки на рукописи Арсенальной и Королевской библіотекъ въ Парижѣ. Изъ послѣдней, напримѣръ, извлечены письма Сенъ-Марса и де-Ту [3]). Говоря про журналъ Ліона, Виньи высказываетъ, что онъ не отступалъ отъ исторической дѣйствительности и что приведенные отрывки историческаго документа тому служатъ порукой: «*J'ai été fidèle à l'histoire et n'ai pas permis à l'imagination de se jouer hors du cercle tracé par la vérité*» [4]). И дѣйствительно, *не смотря на свое убѣжденіе въ сво-*

---

[1]) *Ж. Пелисье.* Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. М. 1895, стр. 252.

[2]) См. „Notes et documents historiques", p. 449.

[3]) Тамъ же, pp. 479—480.

[4]) Тамъ же, p. 471.

подъ вымысла поэта, Виньи, однако, *ограничиваетъ сразу дѣйствіе этого вымысла*. Канва романа «Cinq-Mars» *строго историческая*. Заговоръ любимца короля противъ Ришелье, привлеченіе къ этому замыслу Людовика, королевы Анны, Гастона Орлеанскаго, намѣреніе заключить союзъ съ Испаніей и разрушеніе всѣхъ плановъ, благодаря слабохарактерности короля и ловкости Ришелье—факты, вполнѣ историческіе. Ловкій Анри д'Эффіа, маркизъ Сенъ-Марсъ, отозванъ ко дворцу, благодаря Ришелье («Cinq-Mars», ch. III). Чувствуя сильную привязанность къ Маріи Гонзаго, принцессѣ Мантуанской, и недовольный кардиналомъ, молодой придворный, овладѣвшій симпатіями короля хочетъ склонить послѣдняго къ сверженію Ришелье и занять видное положеніе въ государствѣ, чтобы погубить врага и быть подходящимъ претендентомъ на руку своей возлюбленной. Замыселъ не удается: король не рѣшился на смѣлый шагъ. Тогда Сенъ-Марсъ подписываетъ договоръ съ Испаніей, при содѣйствіи Гастона Орлеанскаго («Cinq-Mars», ch. I, XV, XXI, XXIII; XIV, XVII, XXIV). Договоръ попадаетъ въ руки Ришелье, показывается королю, а королева Анна убѣждаетъ Сенъ-Марса отказаться отъ Маріи. Заговоръ открытъ, маркизъ и его другъ-писатель де-Ту, знавшій про существованіе заговора и старательно разубѣждавшій маркиза, обвинены: первый, какъ революціонеръ, второй за укрывательство преступныхъ плановъ. Казнью обоихъ кончается романъ [1]).

Но въ то же время Виньи не забываетъ и другого основ-

---

[1]) Почти въ той же формѣ излагаются упомянутыя событія въ t. V „Histoire générale", Lavisse et Rambaud (pp. 354 — 355). „Cinq-Mars", ch. XXIV, XXV; см. ch. XVIII. На тотъ фактъ, что Марія Гонзаго побуждала невольно Сенъ-Марса на рискованный шагъ, встрѣчается указаніе у *Bazin* (1838), „Histoire de France sous Louis XIII", tome III, p. 124: „qui (говорится о Гонзаго) n'aurait pas dédaigné pour époux le jeune favori, et le poussait à élever encore de quelques degrés sa fortune pour se rapprocher d'elle". Не только дѣйствующія лица въ романѣ Виньи, какъ напримѣръ: отецъ Іосифъ, клевретъ Ришелье, Фонтрайль и другія, принадлежатъ къ числу историческихъ, но даже вводныя событія, вставленныя въ развитіе основного сюжета, какъ судъ и казнь Грандье и друг. Относительно процесса Грандье есть указанія у того же *Bazin*, tome III, pp. 164—168. Здѣсь приведены подробности, находящіяся и у Виньи: осужденіе Грандье за чародѣйство, испытаніе одержимыхъ бѣсомъ монахинь, происки Лобардемона, возбудившаго кардинала противъ Грандье, сожженіе его на кострѣ и т. д. Вообще романъ „Cinq-Mars" близокъ къ исторической дѣйствительности.

ного положенія, что «la vérité dont l'art doit se nourrir est la vérité d'observation sur la nature humaine et non l'authenticité du fait». Согласно этому принципу онъ произвольно, сообразуясь со своимъ эстетическимъ вкусомъ, даетъ своеобразныя характеристики дѣйствующихъ лицъ, и тогда исторически вѣрныя черты получаютъ извѣстное, часто вполнѣ индивидуальное освѣщеніе, являясь передъ читателями такими, какими они представлялись автору. Такъ *главною* пружиной заговора служитъ любовь Сенъ-Марса къ Маріи Гонзаго, слишкомъ идеализированъ типъ самого Сенъ-Марса и не совсѣмъ правильно обрисованъ Ришелье, въ которомъ Виньи «олицетворяетъ честолюбіе», «игнорируя величіе его, какъ государственнаго человѣка» [1]). Подобный произволъ Виньи подмѣченъ многими критиками [2]). Что касается до внѣшнихъ пріемовъ А. Виньи, то надо отмѣтить его любовь прерывать свой разсказъ выдержкой изъ какого-нибудь памятника. Описывая, напримѣръ, путешествіе кардинала вмѣстѣ съ находящимся подъ стражею Сенъ-Марсомъ и де-Ту, онъ пишетъ: «Il se faisait tirer, *dit un journal manuscrit* de cette année, contre mont la rivière du Rhône [3]) etc.»; или при описаніи казни въ Ліонѣ: «Quatre compagnies de bourgeois de Lyon, que l'on appelle Pennonnage, faisant environ onze, ou douze cents hommes, furent rangées, *dit le Journal de Montrésor*, au milieu de la place» etc. [4]). Прежде чѣмъ приступить къ «Клятвѣ», Полевой еще въ 1829 году выпустилъ первый томъ «Исторіи русскаго народа», въ началѣ 1830 года—второй, а въ концѣ 1830-го—третій. Въ первомъ томѣ помѣщено «Обозрѣніе матеріаловъ для исторіи» (стр. LI—LXXXII), гдѣ указано большое число лѣтописей, грамотъ, договоровъ, записей, изученныхъ Полевымъ, не говоря объ изученіи труда Карамзина. «Мы не будемъ повторять обвиненія Полевого въ томъ, будто онъ познакомился съ источниками, только изъ «Исторіи государства россійскаго», пишетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «ибо знали даже еще до указаній П. Полевого, что онъ былъ знакомъ съ печатными источниками и существовавшими тогда монографіями [5]).

---

[1]) *Г. Брандесъ.* Французская литература. Спб. 1895, т. III, стр. 52.

[2]) См. *Ж. Пелисье.* Литературное движеніе въ XIX столѣтіи, стр. 252; *E. Faguet.* XIX-me siècle. Paris. 1896. p. 143; *Revue des deux Mondes*, 1881. Juillet.

[3]) „Cinq-Mars", p. 398.

[4]) Тамъ же, p. 421. (См. также pp. 335, 377, 430).

[5]) *Библіографъ*, 1888 г., № 4, стр. 120.

Отсюда можно заключить, что эпоха правленія Василія Темнаго была извѣстна автору по многимъ источникамъ. Хотя къ его повѣсти и не приложены историческія данныя, которыми онъ руководствовался, какъ это сдѣлано А. де Виньи, но уже изъ исторически-вѣрной канвы его произведенія, а также изъ массы дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто въ судьбахъ Василія, Шемяки, Юрія Дмитріевича и другихъ лицъ мелкихъ подробностей, изложенныхъ въ «Клятвѣ», видно, что Полевой изучилъ интересующій его предметъ. «Въ прошедшемъ *вѣрная нить исторіи и повѣствованій старинныхъ* поведетъ меня» [1]), говоритъ онъ. «Воображаю себѣ»,—читаемъ далѣе: «что съ 1433-го по 1441 годъ я живу въ Руси, вижу главныя лица, слышу ихъ разговоры, перехожу изъ хижины подмосковнаго мужика въ Кремлевскій теремъ, изъ собора Успенскаго въ Новгородское вѣче, записываю, схватываю черты быта, характеровъ, рѣчи, слова и все излагаю въ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ что было, какъ одно за другимъ слѣдовало: это *исторія въ лицахъ; романа нѣтъ, завязка и развязка не мои*» [2]).

И дѣйствительно, «Клятва» даетъ картину историческихъ событій за упомянутый промежутокъ времени. «Исторія русскаго народа», въ которой описываются тѣ же событія (см. V т., вышедшій въ 1833 г.), содержитъ въ себѣ ту канву, на которой построена повѣсть, или, по выраженію автора, «быль». Повѣсть начинается съ изображенія крестьянской избы, въ которой встрѣчается бояринъ Іоаннъ съ Василіемъ Косымъ, сыномъ Юрія Димитріевича Галицкаго. Первый на пути къ Юрію въ Галичъ, второй—къ великому князю въ Москву, на предстоящія свадебныя торжества. Глубоко оскорбленный отказомъ Василія Темнаго жениться на дочери, которую онъ прочилъ въ великія княгини московскія, Іоаннъ ѣдетъ къ старому претенденту на престолъ великокняжескій, поклявшись отомстить своимъ недругамъ («Клятва», ч. I, стр. 89—121) [3]). Косой и Шемяка, между тѣмъ, прибыли въ Москву. Здѣсь шли пышныя приготовленія къ свадьбѣ, собралось много князей, бояръ, людей именитыхъ. Между гостями было не мало такихъ, которые давно не были у великаго князя и собрались единственно для предстоящихъ торжествъ. На-

---

[1]) „Клятва“, ч. I, стр. XXXII.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. LVII.
[3]) „Исторія русскаго народа“, т. V, стр. 300—301.

ступило вѣнчаніе, а послѣ него начался свадебный пиръ. И вотъ на пиру, при столь огромномъ стеченіи народа, произошелъ раздоръ: Софья Витовтовна, увлекаемая злобой и предубѣжденіемъ противъ Косого, срываетъ съ него драгоцѣнный поясъ. Косой и Шемяка съ проклятіями едва могутъ ускользнуть изъ Москвы («Клятва», ч. I, стр. 207—258; ч. II, стр. 5—148) [1]). Тогда Юрій, собравъ войско, въ сопровожденіи боярина Іоанна, Косого, Шемяки и Краснаго, двинулся на Москву. Намѣстникъ Ростова былъ разбитъ, а отрядъ Юрія остановился близъ Троицкаго монастыря. Посланные Василіемъ бояре хотѣли переговорить съ Юріемъ и склонить его на уступки, но бояринъ Іоаннъ разрушилъ всѣ ихъ замыслы. Вмѣсто мирныхъ переговоровъ вышла бурная сцена, и послы возвратились ни съ чѣмъ («Клятва», ч. III, стр. 5—65) [2]). Юрій взялъ Москву, расположился въ ней, а великій князь бѣжалъ, наскоро собравъ свои пожитки. Въ числѣ распоряженій, сдѣланныхъ Юріемъ, былъ указъ о дарованіи Василію Темному Коломны со всѣми волостями, сборами и пошлинами. Виновникомъ появленія этого указа былъ любимецъ Юрія бояринъ Морозовъ, противъ котораго возстали Василій, Шемяка и бояринъ Іоаннъ. Послѣ столкновенія съ Морозовымъ, изнуренный болѣзнями и непріятностями, бояринъ Іоаннъ умираетъ (чего нѣтъ въ лѣтописяхъ), а два молодые князя убиваютъ фаворита Юрія («Клятва», ч. III, стр. 94—197) [3]).

За убіеніе Морозова Шемяка и Косой подвергаются гнѣву отца, даже проклятью, и бѣгутъ. Юрій остается въ Москвѣ съ младшимъ изъ сыновей Димитріемъ Краснымъ. Между тѣмъ Василій сталъ созывать въ Коломну людей, которые шли къ нему, «какъ пчелы къ маткѣ». Покинутый почти всѣми, Юрій уступилъ Москву племяннику и удалился въ Звенигородъ, утвержденный за нимъ Василіемъ. Въ это время появляются на Руси легкіе отряды Косого и Шемяки и грозятъ великому князю. Противъ нихъ отправляется войско подъ начальствомъ Басенка и Юрія Патрикѣевича. Близъ рѣки Куси произошла битва, окончившаяся пораженіемъ Басенка. На помощь Галицкимъ князьямъ подоспѣли князья ярославскіе и воины Юрія изъ Звенигорода; и отрядъ Василія, отправившійся преградить дорогу къ Москвѣ, былъ на голову разбитъ соединенными войсками у Николы Нагорнаго близъ

[1]) „Исторія русскаго народа“, т. V, стр. 303—304.
[2]) Тамъ же, т. V, стр. 305—306.
[3]) Тамъ же, т. V, стр. 306, 309—312.

Ростова. Василій бѣжалъ къ Новгороду, а Юрій водворился въ Москвѣ вторично («Клятва» ч. III, стр. 198—237) [1]).

Въ это вторичное княженіе Юрія окончательно постригается въ монахи его братъ Константинъ, уже больше года державшій искусъ и жившій въ обители [2]) («Клятва», ч. III, стр. 238—276). Вскорѣ, однако, Юрій умеръ, оставивъ духовную, въ которой нѣтъ ни слова о великомъ княженіи. Основываясь на этомъ, Шемяка провозгласилъ великимъ княземъ Василія Васильевича. Косой, взбѣшенный этимъ поступкомъ, поручивъ Звенигородъ князю Роману, побывалъ въ Москвѣ и въ Новгородѣ, и нигдѣ не имѣлъ успѣха. Василій утвердилъ за Шемякой и Краснымъ удѣлы: Рузу, Галичъ, части въ Москвѣ, Угличъ, Ржевъ, Бѣжецкій Верхъ, а Косого лишилъ Звенигорода. Братья Косого должны были отступиться отъ него. Косой ушелъ на Вятку съ горстью удалыхъ людей, нападалъ на Вологду, и, наконецъ, заключилъ миръ съ Темнымъ, получивъ, кромѣ Звенигорода, Дмитровъ («Клятва», ч. III, стр. 277—335) [3]).

По провозглашеніи Василія Темнаго великимъ княземъ, Шемяка удалился въ Угличъ и жилъ тамъ тихо, не вмѣшиваясь въ политическія дѣла. Но эта жизнь продолжалась не долго. Вскорѣ прибыли послы отъ Василія съ предложеніемъ вторично подтвердить мирныя грамоты съ великимъ княземъ, въ надеждѣ склонить Шемяку къ дѣйствію противъ брата, который прислалъ обратно крестоцѣловальныя грамоты и былъ объявленъ недругомъ Москвы. Шемяка не далъ утвердительнаго отвѣта на запросы пословъ («Клятва», ч. IV, стр. 5—45) [4]).

Принявъ пословъ, Шемяка отправился въ Заозерье къ Кубенскому озеру, гдѣ жилъ князь Димитрій Васильевичъ. Онъ обручился съ дочерью Заозерскаго Софіею и поѣхалъ приглашать на свою свадьбу Василія Васильевича, который, встревоженный неласковымъ пріемомъ пословъ своихъ, подослалъ боярина Старкова, якобы на встрѣчу Шемякѣ, на самомъ же дѣлѣ съ тайнымъ приказаніемъ схватить его. Шемяка, не подозрѣвавшій злого умысла, былъ заключенъ въ одной изъ Кремлевскихъ башенъ города Коломны («Клятва», ч. IV, стр. 46—143) [5]).

---

[1]) „Исторія русскаго народа“, т. V, стр. 312—317.
[2]) Тамъ же, т. V, стр. 307.
[3]) Тамъ же, т. V, стр. 317—322.
[4]) Тамъ же, т. V, стр. 322—323; 327—328.
[5]) Тамъ же, т. V, стр. 323—324.

*

Когда Улу-Махметъ, посадившій Василія Темнаго на престолъ, былъ изгнанъ изъ своего царства возмутившимся племянникомъ ханомъ Кичимомъ и пришелъ къ Бѣлеву, готовый и къ миру, и къ битвѣ, Шемяка былъ освобожденъ изъ своего заключенія и назначенъ командующимъ войскомъ для изгнанія татаръ. Войско это было составлено изъ всякаго сброду, и въ числѣ лицъ начальствующихъ находилось не мало тщеславныхъ, но ничтожныхъ людей. Эти лица, враждебно относясь къ Шемякѣ, вопреки совѣтамъ послѣдняго, оскорбили посла татаръ царевича Улана и затѣяли битву, въ которой и потерпѣли пораженіе. Желаніе Шемяки покончить миромъ съ татарами усиленно приписывали его измѣнѣ, и многіе изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей хотѣли его смерти. А Василій Темный, быть можетъ, умышленно ввѣрившій Шемякѣ такой плохой отрядъ, чтобы легче обвинить его и оправдать себя въ неблаговидномъ заключеніи его въ Коломнѣ, взялъ Угличъ, гдѣ находилась невѣста Шемяки; захватилъ въ плѣнъ Косого и приказалъ выколоть ему глаза. Подобныя дѣйствія со стороны великаго князя возмутили Димитрія Юрьевича, а угрожающая опасность заставила бѣжать. Во время бѣгства онъ узналъ о смерти брата Димитрія Краснаго, поспѣшилъ заѣхать въ Галичъ и присутствовалъ при чудесной кончинѣ его. Умершій и прибранный для погребенія, Красный вдругъ ожилъ и запѣлъ священныя духовныя пѣсни. Масса народу сошлась смотрѣть на неслыханное чудо. Пропѣвъ пѣсни и причастившись, живой мертвецъ легъ, закрылъ глаза и замолкъ на вѣки [1]) («Клятва», ч. IV, стр. 179—248).

Похоронивъ Краснаго, Шемяка направился въ Новгородъ, который былъ недоволенъ возраставшимъ могуществомъ Василія Темнаго. Новгородъ хотѣлъ, оказавъ помощь Шемякѣ, выговорить себѣ побольше удобствъ и привилегій. Суздальскіе князья-намѣстники вольнаго города и архіепископъ Евфимій были на сторонѣ Шемяки, и Новгородъ постарался бы выручить сына Юрія Димитріевича, если бы Василій Темный черезъ архимандрита Зиновія не склонилъ послѣдняго къ миру. На этомъ кончается повѣсть. («Клятва», ч. IV, стр. 249—340) [2]).

Изъ приведеннаго изложенія содержанія «Клятвы» слѣдуетъ, что она построена на канвѣ, строго исторической. Но, съ другой

---

[1]) „Исторія русскаго народа", т. V, стр. 329—332; 336—339.

[2]) Тамъ же, т. V, стр. 340—341.

стороны, въ виду того, что «какъ кому кажется, такъ тотъ и говоритъ» и что разсказана была не «исторія правдивая» и «не лѣтопись» [1]), въ «Клятвѣ» встрѣчаются *отступленія отъ исторической дѣйствительности.* Прежде всего, вымышленъ типъ Гудочника, вокругъ котораго, какъ центра, сплетаются всѣ событія. Онъ представляетъ собой связующее звено всѣхъ частей «Клятвы» («centre inventé»). Гудочникъ является еще въ I-мъ томѣ и идетъ въ Москву вмѣстѣ съ обозомъ дѣдушки Матвѣя. Въ Москвѣ онъ ставитъ Василію Косому тѣ условія, на которыхъ согласенъ помочь ему въ сверженіи Василія Темнаго. Во время свадебныхъ торжествъ Гудочникъ, въ образѣ колдуна, гадаетъ Софьѣ Витовтовнѣ, даетъ совѣты, какъ лѣчить больную дѣвушку; разсказывая про похожденія Буслая Желѣзняковича, крадетъ у уснувшихъ подъ его монотонную рѣчь бояръ великокняжескую печать и разныя бумаги. Результатомъ является то, что войска Василія Темнаго, безъ вѣдома бояръ, отправились въ самыя невыгодныя стороны, и великій князь остался въ безвыходномъ положеніи. Переговоры Гудочника съ бояриномъ Іоанномъ, его обѣщаніе достать письмо, обличающее измѣну Морозова, предсмертное указаніе Іоанна на него, какъ на человѣка, самаго удобнаго въ дѣлахъ Косого и Шемяки—все это обнаруживаетъ ту значительную роль, которую игралъ онъ въ ходѣ политическихъ событій. По заключеніи Шемяки, Гудочникъ проникаетъ въ его темницу, даетъ ему совѣты, хочетъ освободить изъ неволи; въ разгарѣ несчастнаго сраженія при Бѣлевѣ онъ окончательно спасаетъ Шемяку. Въ Новгородѣ Гудочникъ пользуется большимъ вѣсомъ. Его величаютъ Иваномъ Ѳеофиловичемъ, оказываютъ ему почетъ. Его твердыя слова при разрушеніи Новгородской церкви поддерживаютъ смутившагося владыку Евфимія и рѣшаютъ дѣло въ пользу Шемяки. Во время нежелаемаго перемирія Шемяки съ Василіемъ при посредствѣ старца Зиновія, Гудочникъ ведетъ себя очень благородно и честно, открыто признаваясь, что и онъ на мѣстѣ князя Димитрія поступилъ бы точно также.

Вообще Иванъ Гудочникъ—личность таинственная, обладающая даромъ все дѣлать, все устраивать, совершать такіе подвиги, о которыхъ даже и думать нечего другому. И всѣ его дѣйствія, также какъ и онъ самъ, запечатлѣны таинственностью.

Какъ не знаетъ читатель, кто такой Гудочникъ, такъ не знаетъ,

---

[1]) „Клятва“, ч. IV, стр. 342—343.

какія именно причины побудили его дать страшную клятву при гробѣ Господнемъ—возстановить княжество Суздальское (на условіяхъ возстановленія только достаетъ онъ письмо Морозова Іоанну и хочетъ освободить изъ Коломны Шемяку). Играя на гудкѣ, напѣвая пѣсни, потѣшая народъ, Гудочникъ носитъ въ душѣ одну излюбленную мечту, одну желанную цѣль. «И я оставилъ свѣтъ», говоритъ онъ архимандриту Варооломею: «прошелъ водами и землями и при гробѣ Господнемъ изрекъ страшную клятву мою! Съ тѣхъ поръ сорокъ лѣтъ невидимъ я, погибъ для людей, и только ты одинъ знаешь истинное имя мое, знаешь, что я еще живу, существую, дышу для моего обѣта» [1]).

Кромѣ прозвища «Гудочникъ», Иванъ носитъ еще другое: въ Симоновомъ монастырѣ его называютъ «Паломникомъ» [2]). Онъ, дѣйствительно, принадлежитъ къ числу тѣхъ благочестивыхъ странниковъ, путешествовавшихъ ко гробу Господню въ Іерусалимъ, число которыхъ такъ увеличилось именно въ XV вѣкѣ. Съ обычными у паломниковъ пріемами разсказываетъ Гудочникъ о дорогѣ во святой градъ. «Плывешь къ нему морями», говоритъ онъ дѣдушкѣ Матвѣю [3]): «идешь горами и степями, отъ солнца сгорѣвшими, терпишь гладъ и жажду. Вода въ морѣ соленая, солнце печетъ, стрѣла разбойника Агарянскаго ждетъ тебя изъ-за каждаго кусточка, ядовитые скорпіоны ползаютъ по горячей песчаной дорогѣ».

Какъ русскій, а главное, православный человѣкъ, онъ скорбитъ о судьбѣ Іерусалима, попавшаго въ руки невѣрныхъ. «Сердце православнаго», по его словамъ, «обливается кровью, когда онъ видитъ проклятаго мугаммеданина владыкою святого храма, и когда въ самомъ храмѣ, подлѣ гроба Спасителя, бьютъ христіанъ палками, и св. храмъ раздѣленъ на четыре части: армянамъ, папежамъ, аріанамъ» [4])...

Будучи въ Іерусалимѣ, онъ подобно, Даніилу Паломнику, видѣлъ самозажженіе свѣчей въ пасхальное богослуженіе, и это событіе произвело на него сильное впечатлѣніе... «Струями сошелъ огонь на свѣчу, которую держалъ патріархъ; хоръ воскликнулъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!» Рыдая зажгли мы

---

[1]) „Клятва", ч. II, стр. 169.
[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 153.
[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 155.
[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 155.

свѣчи свои отъ свѣчи патріаршей—и этотъ небесный огнь, горѣвшій неземнымъ пламенемъ, и сѣдовласый патріархъ, повергшійся передъ гробомъ Господнимъ, и мы стекшіеся отъ всѣхъ странъ міра, скорбные и радостные, славившіе Господа на двадцати различныхъ языкахъ» [1])...

На этомъ мѣстѣ рѣчь Гудочника прерывается отъ сильнаго волненія.

Кромѣ того, Иванъ человѣкъ не только бывалый, но и начитанный, знакомый и съ апокрифами, и съ сюжетами паломнической и повѣствовательной литературы.

Давая совѣты, какъ лѣчить болѣзни, Гудочникъ называетъ болѣзнь одной боярской дочери «сердечною лихорадкою», которая есть «сорокъ первая сестра сорока лихоманкамъ, дочерямъ Ирода» [2]). Любитъ онъ поразсуждать, какія страны лежатъ на востокъ отъ Руси, о земляхъ, расположенныхъ близъ Іерусалима и далѣе—«на полдень» и «на полунощь».

«На востокѣ»,—поучаетъ онъ своего попутчика по дорогѣ въ Москву—«живутъ всякіе языки восточные—все басурмане, до самыхъ предѣловъ солнечныхъ, гдѣ стеклянные острова и Макарійская блаженная земля, гдѣ солнце опускается каждую ночь въ море Окіанъ: тутъ живутъ татары, турки, кызылбаши, тутъ Индія богатая, и царство попа Ивана, и всякіе поганые народы» [3]), а «на полдень», за Іерусалимомъ, лежитъ пучина Эѳіопская, и кипитъ она огнемъ среди моря, и тамъ премудрый царь Соломонъ заключилъ «проклятыхъ духовъ». «А на полунощь»—по его предположеніямъ—«за Югрою и за Заволочью, стоитъ пучина ледяная—конецъ міра. И тамъ Александръ Македонскій заключилъ поганые народы, которые были выгнаны Гедеономъ изъ земли Израильской и о которыхъ царь Давидъ изрекъ: «вскую шаташася языци». Они выйдутъ оттуда при концѣ міра, а дотолѣ загорожены они каменными горами и затворены мѣдными вратами, объ этомъ пишетъ Меѳодій Патарійскій» [4]). Гудочникъ знаетъ почти наизусть посланіе архіепископа Василія «О раѣ, уцѣлѣвшемъ на землѣ» [5]) и умѣетъ прекрасно разсказывать былину про

---

[1]) „Клятва“, ч. I, стр. 157.
[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 215—216.
[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 162—163.
[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 165—167.
[5]) Тамъ же, ч. I, стр. 167—168.

Буслая Желѣзняковича, передѣлку былины о Василіи Буслаевичѣ [1]).

Должно, однако, замѣтить, что въ характерѣ Ивана Гудочника чуется скорѣе попытка талантливаго и образованнаго человѣка создать народный типъ, но еще не художественное воспроизведеніе послѣдняго.

Кромѣ характернаго типа Гудочника, вымышленными оказываются еще слѣдующіе, упоминаемые Полевымъ, факты.

Извѣстно, что Семенъ Морозовъ, любимецъ князя Юрія Димитріевича, уговорилъ послѣдняго, по взятіи Москвы, отпустить князя Василія Темнаго, попавшаго въ плѣнъ, и дать ему въ удѣлъ городъ Коломну. Сдѣлано это было, вѣроятно, изъ соперничества Морозова съ бояриномъ Іоанномъ Всеволожскимъ, сильно, но тщетно возстававшимъ противъ упомянутаго рѣшенія [2]). Когда Василій прибылъ въ Коломну, то сталъ созывать къ себѣ людей, и многіе князья, бояре, воеводы, дворяне «откладывались» отъ Юрія и шли къ нему. Юрій въ концѣ концовъ былъ принужденъ очистить Москву. Между тѣмъ его старшіе сыновья, Василій Косой и Димитрій Шемяка, усмотрѣвъ въ поступкѣ Морозова измѣну, задушили его въ дворцовыхъ сѣняхъ [3]). Неудачный отпускъ Василія Темнаго подалъ поводъ Карамзину написать въ «Исторіи государства россійскаго»: «открылось, что Морозовъ или обманулъ своего князя, или самъ обманулся» [4]). Отсюда трудно *прямо заключить объ измѣнѣ* Морозова и его сношеніяхъ съ Василіемъ, о чемъ трактуетъ Полевой, *приводя даже письмо Морозова, какъ доказательство невѣрности Юрію* [5]). Въ вышедшемъ въ 1833 году (то-есть, черезъ годъ послѣ «Клятвы») пятомъ томѣ «Исторіи русскаго народа» такъ же, какъ у Карамзина и Соловьева, нѣтъ ни слова о перепискѣ Морозова съ Василіемъ, хотя и встрѣчается выраженіе: «Морозовъ, измѣнникъ или подкупленный Василіемъ, уговорилъ Юрія пощадить племянника и отпустить съ нимъ приверженцевъ его» [6]). Но это выраженіе нельзя при-

---

[1]) „Клятва", ч. II, стр. 248—268.

[2]) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи. Спб. 1857, т. IV, стр. 63.

[3]) П. С. Р. Л. т. VIII, стр. 98; т. VI, стр. 148; т. V, стр. 265; Ник., т. V, стр. 114—115; Арх., стр. 140. См. также *А. Экземплярскаго*: Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси, т. I, стр. 157—158; т. II, стр. 232, 282.

[4]) „Исторія государства россійскаго". Спб. 1892, т. V, стр. 160.

[5]) „Клятва", ч. III, стр. 131, 193.

[6]) „Исторія русскаго народа", т. V, стр. 310.

нимать иначе, какъ за догадку историка, далекую отъ несомнѣнной истины.

Еще болѣе отклонился отъ исторіи Полевой, дѣлая характеристику личности и дѣятельности боярина Іоанна Всеволожскаго. Бояринъ Іоаннъ имѣлъ большое значеніе въ государственныхъ дѣлахъ при Василіи Темномъ. На его дочери женился князь Юрій Іоанновичъ Тверской, а онъ самъ еще въ 1429 году преслѣдовалъ татаръ, напавшихъ на Галичъ и изгономъ на Кострому. Въ 1432 году онъ хитрою, льстивою рѣчью убѣдилъ хана Махмета утвердить Москву за Василіемъ Васильевичемъ, а немного спустя изъ-за обрученія великаго князя не съ его дочерью, а съ Маріею Ярославною, крайне разсерженный, бѣжалъ сначала въ Угличъ къ князю Константину, затѣмъ въ Тверь и, наконецъ, въ Галичъ къ князю Юрію Димитріевичу. Юрія Іоаннъ подбиваетъ итти на Москву, достигаетъ исполненія своего желанія, идетъ съ нимъ и съ своими дѣтьми противъ Василія, не даетъ «слова молвити» посламъ великаго князя. Однако по заключеніи мира и дарованіи Василію Коломны, Іоаннъ направляется опять къ прежнему повелителю со всѣмъ своимъ семействомъ. Этотъ шагъ былъ, очевидно, вызванъ безтактнымъ поступкомъ Юрія. Не смотря на этотъ переходъ къ великому князю, встрѣчается извѣстіе (довольно странное), что Іоаннъ былъ схваченъ Василіемъ и ослѣпленъ [1]) или даже казненъ [2]), а села взяты въ казну за *его* вину [3]). Есть также указанія въ лѣтописяхъ, что «онъ получилъ въ приданое за женою золотой поясъ Димитрія Іоанновича Донского; что онъ этотъ поясъ далъ въ приданое за своею дочерью, вышедшею замужъ за князя Андрея Владиміровича (Серпухово-Радонежскаго), и что этотъ же поясъ Василій Георгіевичъ получилъ отъ него въ приданое за его внукою, дочерью князя Андрея Владиміровича» [4]). И нигдѣ, однако, нѣтъ извѣстій о *болѣзни* (*чахоткѣ*) боярина Іоанна и его несостоявшемся *отказѣ отъ правительственной дѣятельности* [5]). Въ повѣсти бояринъ даже

[1]) *С. Соловьевъ*. Исторія Россіи, т. IV, стр. 64.

[2]) *А. Экземплярскій*. Великіе князья, т. I, стр. 158.

[3]) „Собраніе г. грамотъ и договоровъ", т. I, №№ 49, 50.

[4]) Указатель въ П. С. Р. Л. Вып. II, стр. 196. *Н. Карамзинъ*, т. V, стр. 157—160; *С. Соловьевъ*, т. IV, стр. 59—64; *Н. Полевой*, т. V, стр. 285—286; 297—311. П. С. Р. Л., т. V, стр. 265; т. VI, стр. 148; т. VIII, стр. 97; Арх., стр. 139; Никон., т. V, стр. 113. См. также *А. Экземплярскаго*, т. I, стр. 153—158; т. II, стр. 136; 141; 230—232; 281; 308—309; 345; 503—504; 508; 642.

[5]) „Клятва", ч. III, стр. 162, 155.

умираетъ отъ своей хронической болѣзни, тогда какъ неизвѣстность подобнаго факта Полевому доказывается слѣдующими словами изъ V-го тома «Исторіи русскаго народа» (стр. 311): «Имя боярина Іоанна не упоминается въ лѣтописяхъ, послѣ сего событія (смерти Морозова и отхода Іоанна къ Василію). *Вѣроятно*, онъ умеръ въ это время». Далѣе слишкомъ ярко подчеркнута безхарактерность Юрія Димитріевича, о чемъ не находимъ достаточныхъ указаній въ исторіи (у Карамзина только: «не имѣя ни ума проницательнаго, ни души твердой». «Исторія государства россійскаго», т. V, стр. 163) [1]). Едва-ли не единственнымъ доказательствомъ слабохарактерности этого князя служитъ принятіе имъ совѣта любимца своего Морозова. Но принять совѣтъ любимца могъ князь и съ очень твердымъ характеромъ.

Этими отступленіями отъ точныхъ историческихъ данныхъ Полевой отдаетъ дань произволу художника-романиста.

Отмѣчая чисто внѣшнюю манеру Полевого ссылаться среди повѣствованія на лѣтописи, иной разъ въ срединѣ или концѣ какой-либо главы или сцены, укажемъ два случая: «Можетъ быть, многимъ читателямъ нашимъ неизвѣстно даже, какъ и что разсказывали наши предки? Развертываемъ записки современниковъ и читаемъ: «Лѣта 6941-го сѣлъ на Великомъ Княженіи, въ Москвѣ, князь Юрій Димитріевичъ» [2]). Или: «Черезъ недѣлю открыли ворота Кремлевскія, и снова записано было современникомъ въ лѣтописи: «Да того-жъ лѣта, князь великій Василій Васильевичъ послалъ воеводу своего Юрія Патрикѣевича» и т. д. [3]).

II, α.

Кромѣ общаго метода, который примѣнялся А. Виньи и Полевымъ, нельзя не остановиться на общности положеній, дѣйствующихъ лицъ и деталей обоихъ романовъ. Вліяніе «Cinq-Mars'a» на «Клятву» и здѣсь обнаруживается, на нашъ взглядъ, хотя и внѣшнимъ образомъ, но довольно рельефно. Разсмотримъ прежде всего ту канву, на которой разыгрались историческія событія въ «Клятвѣ», и сравнимъ ее съ исторической эпохой временъ Людвика XIII.

---

[1]) Ср. *С. Соловьева*, т. IV, стр. 56 - 65; *Н. Полевого*, т. V, стр. 309.

[2]) „Клятва", ч. III, стр. 199.

[3]) Тамъ же, ч. III, стр. 236.

Эпоха Людовика XIII и знаменитаго кардинала Ришелье отмѣчена слѣдующими характерными чертами. Съ одной стороны, король, слабый, безхарактерный, нерѣшительный, съ другой—первый министръ—временщикъ, съ твердой волей, съ проницательнымъ умомъ, имѣющій подавляющее вліяніе на своего повелителя. Король не способенъ самъ заниматься дѣлами государства, не можетъ вникнуть въ ходъ политики внѣшней и внутренней; онъ возлагаетъ трудныя обязанности на министра, отъ котораго въ то же время не прочь отдѣлаться, если бы представилась возможность [1]).

Эпоха Василія Темнаго имѣетъ одну личность—князя Юрія Димитріевича, который велъ междоусобную войну съ племянникомъ и даже сидѣлъ на великокняжескомъ престолѣ. Этотъ князь былъ человѣкомъ, не имѣющимъ «ни ума проницательнаго, ни души твердой»; «онъ любилъ власть единственно по тщеславію, и, безъ сомнѣнія, не возвысилъ бы великокняжескаго сана въ народномъ уваженіи, если бы и могъ удержаться на престолѣ Московскомъ» [2]). Во время междоусобій при слабомъ князѣ находился бояринъ Іоаннъ, который въ былое время былъ на сторонѣ его племянника Василія. Этотъ бояринъ, повидимому, имѣлъ вліяніе на князя Юрія, былъ крупнымъ государственнымъ дѣятелемъ и однимъ изъ сильныхъ умовъ тогдашней Россіи. Безхарактерный князь и проницательный ловкій бояринъ—таковы личности, на которыхъ остановился Полевой, увидѣвшій въ *ихъ взаимныхъ отношеніяхъ нѣкоторое* сходство съ *положеніемъ* французскихъ короля и министра. Но сходство положеній простирается немного далѣе. Царствованіе Людовика было ознаменовано смутами, выразившимися въ заговорѣ Сенъ-Марса, сдѣлавшагося любимцемъ короля и думавшаго воспользоваться своимъ вліяніемъ для сверженія лично ему ненавистнаго кардинала-министра. Въ отчаянный моментъ борьбы онъ рискнулъ подписать договоръ съ Испаніей и начать страшную междоусобную войну, лишь бы достигнуть своей цѣли. Этотъ подписанный имъ трактатъ былъ, при помощи всякихъ уловокъ и хитростей клеврета Ришелье Лобардемона, доставленъ кардиналу и послужилъ одной изъ сильныхъ уликъ для обличенія Сенъ-Марса. При дворѣ князя Юрія явилось также лицо, завладѣвшее его симпатіями—бояринъ

---

[1]) Ср. „Клятву“, т. III, стр. 20.

[2]) *Н. М. Карамзинъ*. Исторія государства россійскаго, т. V, глава III.

Морозовъ, личный врагъ и соперникъ боярина Іоанна. Борьба между этими двумя временщиками была страшная, при чемъ бояринъ Морозовъ велъ еще тайные переговоры съ Василіемъ Темнымъ. Письмо Морозова къ Темному было перехвачено Гудочникомъ, клевретомъ Іоанна, но только не могло принести послѣднему пользы, такъ какъ смерть его разрушила всѣ планы.

II, β.

Нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ обоихъ романовъ, будутъ лучшей характеристикой личности правителя и его подчиненности разнымъ вліяніямъ, главнымъ же образомъ вліянію перваго министра или боярина.

1) Передъ нами поле битвы: французы и испанцы стоятъ другъ противъ друга; скоро должно начаться сраженіе. Король *недоволенъ своимъ министромъ и не смотря на это находится подъ его вліяніемъ.* Король является къ кардиналу. «Louis XIII vint se placer à ses côtés, mais il vint comme vient l'élève adolescent forcé de reconnaître que son maître a raison»... «tandis que *son ministre lui dictait ses lois avec le ton de la plus profonde obéissance*» [1]).

Теперь обратимся къ «Клятвѣ». Передъ нами село, гдѣ расположенъ станъ Юрія, идущаго на Москву. Бояре—послы Василія являются съ архимандритомъ Исидоромъ. Послѣ хитросплетенной рѣчи архимандрита, склонявшаго на признаніе Василія великимъ княземъ, Юрій находится въ недоумѣніи и замѣшательствѣ, говоритъ, что готовъ прощать и любить, но одной зажигательной рѣчи боярина Іоанна достаточно, чтобы разрушить это намѣреніе. «Послы Московскіе», воскликнулъ Юрій: «если хотите вымолить миръ, то не буйствуйте, не дерзайте оскорблять сановниковъ *моихъ* (онъ разумѣлъ бранныя слова по адресу Іоанна), *смиритесь и ждите моего отвѣта*». *Юрій созналъ сими словами, что бояринъ Іоаннъ говорилъ съ его согласія*» [2]).

2) Какихъ усилій стоитъ слабохарактерному Людовику произнести какой бы то ни было рѣшительный приговоръ, напримѣръ, относительно Ришелье. «Pendant ce discours le Roi surpris rougit souvent, toussa et donna des signes d'un grand embarras, comme

---

[1]) „Cinq-Mars", ch. X, p. 151.

[2]) „Клятва", т. III, стр. 41.

toutes les fois qu'on voulait lui arracher une décision» [1]). Подобно этому и состояніе Юрія въ тотъ моментъ, когда надо произнести окончательное слово и отвергнуть миръ съ Василіемъ. «Юрій въ недоумѣніи молчалъ, не зная, что возразить хитрорѣчивому Исидору» [2]). «Всего тяжелѣе мгновеніе рѣшимости» [3]).

3) Часто въ разговорѣ съ кардиналомъ, Людовикъ, дѣйствовавшій по наущенію Сенъ-Марса и уличаемый въ этомъ, приходитъ въ смущеніе, какъ провинившійся школьникъ. «Assez, c'en est assez, cardinal, dit Louis XIII, *détournant la tête et baissant les yeux en rougissant*» [4]).

Юрій также смущается, когда Іоаннъ начинаетъ упрекать его за недовѣріе и за излишнюю откровенность съ Морозовымъ.— «А что же я сдѣлалъ богопротивнаго или такого, чѣмъ могъ оскорбить васъ?» *спросилъ Юрій съ явнымъ замѣшательствомъ*» [5]).

4) Оба правителя, рѣшившись отдѣлаться отъ помощниковъ, въ концѣ концовъ уступаютъ подъ напоромъ сильныхъ ощущеній и собственной несостоятельности.

Людовикъ дважды отказывается отъ услугъ кардинала: въ первый разъ, гнѣваясь на него за королеву Марію Медичи, второй разъ за требованіе выдачи Сенъ-Марса, и оба раза уступаетъ, подавляемый или хитростью кардинала или неспособностью разобраться въ дѣлахъ. «Nous vous remercions donc de vos services, monsieur le Cardinal, et *nous vous souhaitons le repos que vous demandez*»—говоритъ король. А послѣ высказаннаго Ришелье желанія возвратить изъ изгнанія королеву, онъ мѣняетъ тонъ: «Nous nous trompons souvent, messieurs, et surtout pour connaître un aussi grand politique, que celui—ci; il ne nous quittera jamais, j'espère, puisqu' il a un coeur aussi bon que sa tête» [6]). Не желая наказывать Сенъ-Марса, Людовикъ рѣшается править одинъ: «Eh bien, monsieur, dit-il, je répondrai, que *je veux régner par moi seul*», а пять—десять минутъ спустя кричитъ: «Richelieu! qu'on appelle le Cardinal!» [7]).

«*Воля твоя, бояринъ*», сказалъ Юрій, раздраженный словами

---

[1]) „Cinq-Mars", ch. XIX, p. 289.
[2]) „Клятва", ч. III, стр. 32.
[3]) Тамъ же, ч. III, стр. 41.
[4]) „Cinq-Mars", ch. XXIV, p. 383.
[5]) „Клятва", ч. III, стр. 153.
[6]) „Cinq-Mars", ch. VIII, pp. 130—132.
[7]) Тамъ же, ch. XXIV, pp. 388—393.

Іоанна: «*Что же? Не въ первый разъ тебѣ перемѣнять властителей—Русь велика!*». Но послѣ немногихъ, но вѣскихъ словъ сына Василія, *искусно склоненнаго* Іоанномъ на свою сторону, какъ измѣнилось его намѣреніе. «Слабый Юрій рѣшительно смѣшался. Онъ совсѣмъ не воображалъ, что долженъ вытерпѣть нападеніе, столь дружное и сильное». «Бояринъ Іоаннъ! право, я не помню, что сказалъ тебѣ. Прости меня, старика, если оскорбилъ я тебя неосторожнымъ словомъ. Истинно, это безъ умысла!» [1])—вотъ его рѣчь къ Іоанну.

5) Оба государя передъ затруднительнымъ разговоромъ имѣютъ обыкновеніе ссылаться на слабость своего здоровья.

Слова Людовика передъ рѣшительнымъ объясненіемъ съ Ришелье о Сенъ-Марсѣ: «Je m'en vais, mon cher Cardinal; je sens que je m'en vais à Dieu; *je m'affaiblis de jour en jour*, ni l'été, ni l'air du Midi ne m'ont rendu mes forces» [2]).

Слова Юрія, послѣ объявленія рѣшенія судьбы Василія Темнаго и передъ разговоромъ съ Іоанномъ: «Я, признаюсь, усталъ, добрый мой бояринъ; *наше стариковское здоровье не позволяетъ того, что бывало дѣлаешь въ молодости*, да и не думаешь уставать» [3]).

6) Сверхъ того, и въ дѣйствительности Людовикъ и Юрій отличаются болѣзненностью [4]). Одинъ падаетъ въ изнеможеніи на кресло и принимаетъ подкрѣпляющій элексиръ, по приходѣ къ кардиналу; другой задыхается отъ кашля, послѣ объясненія съ послами Василія Темнаго.

II, γ.

Кардиналъ Ришелье и бояринъ Іоаннъ составляютъ также сходный пунктъ въ сюжетѣ «Клятвы» и «Cinq-Mars'a».

Кардиналъ—личность (согласно роману А. де Виньи) не большихъ нравственныхъ качествъ, но отличающаяся тонкимъ умомъ политика, преслѣдующаго свои собственныя выгоды, забравшая въ свои руки правителя Франціи и умѣющая пользоваться его слабымъ характеромъ.

1) Заговоръ Сенъ-Марса открытъ для Ришелье, и, не смотря

---

1) „Клятва", ч. III, стр. 155—159.
2) „Cinq-Mars", ch. XXIV, p. 382.
3) „Клятва", ч. III, стр. 151.
4) „Клятва", ч. III, стр. 61; „Cinq-Mars", ch. XXIV, p. 382.

на любовь короля къ молодому временщику, кардиналъ заранѣе разсчиталъ, что Людовикъ въ извѣстный моментъ долженъ самъ прійти и выдать заговорщиковъ. «Il va me les livrer entre minuit et une heure» [1])—говоритъ онъ своему клеврету, и король, дѣйствительно, приходитъ. Затѣмъ, объяснивъ происшествіе съ Грандье, Ришелье заставилъ Людовика согласиться съ нимъ [2]).

Бояринъ Іоаннъ, произнося рѣчь съ тѣмъ, чтобы нарушить возможность мира съ Василіемъ Темнымъ, на основаніи изученія характера князя, подобно Ришелье, предугадываетъ исходъ дѣла. «Видно было, что Іоаннъ съ намѣреніемъ высказывалъ все, желая взаимнымъ оскорбленіемъ воспалить ненависть и устранить всѣ предлоги къ миру. Онъ зналъ слабый характеръ Юрія, гордость Басенка, малодушіе другихъ пословъ (Василія Темнаго)—*и не ошибся въ расчетѣ*» [3]).

2) Хитро играя на слабыхъ струнахъ характера своего правителя, Ришелье два раза отказывается отъ должности министра. Прежде чѣмъ выразить желаніе возвратить Марію Медичи во Францію, Ришелье говоритъ: «*Je demande à Votre Majesté la permission de me retirer* à Citeaux, où je suis abbé-général, pour y finir mes jours dans la prière et la méditation» [4]). Или: «Vous pensez bien», обращается онъ къ королю послѣ объясненія о Сенъ-Марсѣ: «que depuis vingt ans que je connais votre cour, *je ne suis pas sans m'être assuré quelque retraite* où, malgré vous-même, je pourrais aller, de ce pas, achever les six mois peut-être, qu' il me reste de vie» [5]).

«Ты не такъ говорилъ прежде, государь;» возразилъ Іоаннъ, едва удерживаясь отъ гнѣва: «я, прости мнѣ—не узнаю тебя! Молю Бога, да сохранитъ онъ тебя отъ гордости и ослѣпленія. Конечно, Богъ даруетъ побѣду, но вижу, что *я болѣе не бояринъ и не совѣтникъ твой*» [6]). И тотъ и другой изъ совѣтниковъ остались, однако, при правителяхъ.

3) Ришелье дѣйствуетъ при помощи своихъ помощниковъ: отца Жозефа и Лобардемона, изъ которыхъ послѣдній доставляетъ ему подписанный Сенъ-Марсомъ договоръ съ Испаніей.

---

[1]) „Cinq-Mars", ch. XXIV, p. 379.
[2]) Тамъ же, p. 383.
[3]) „Клятва", ч. III, стр. 39.
[4]) „Cinq-Mars", ch. VIII, p. 130.
[5]) Тамъ же, ch. XXIV, p. 388.
[6]) „Клятва", ч. III, стр. 155.

Кардиналъ ими пользуется до времени, а затѣмъ не прочь погубить ихъ, какъ ненужныхъ болѣе и опасныхъ людей. Съ своей стороны и клевреты остаются часто недовольными своимъ покровителемъ.

«D'abord, dans ce rouleau de bois creux»—слова кардинала Жозефу—«est *le traité* avec l'Espagne saisi à Oloron. Je suis très satisfait de Laubardemont.... c'est un habile homme!». Послѣ же объясненія капуцина, что былъ убитъ Лобардемономъ въ этой экспедиціи его собственный сынъ, кардиналъ отвѣтилъ: «*Donc nous allons l'employer encore à juger nos conjurés, et ensuite vous en ferez ce que vous voudrez, je vous le donne*» [1]). Или немного ранѣе: «Misérables» (Лобардемонъ и Жозефъ), s'écria-t-il (Ришелье) lorsqu' il fut seul, *allez encore accomplir quelques oeuvres secrètes, et ensuite je vous briserai vous mêmes, ressorts impurs de mon pouvoir!*» («Cinq-Mars», ch. XII, pp. 178—179). Между тѣмъ отецъ Жозефъ приходитъ къ заключенному въ темницу Сенъ-Марсу и предлагаетъ свои услуги противъ кардинала [2]).

Гудочникъ, какъ сказано выше, былъ клевретъ боярина Іоанна и обѣщалъ достать ему письмо Морозова къ Василію, которое обличало Морозова въ измѣнѣ [3]). «*Надобно повѣсить его* (Гудочника)», сказалъ бояринъ (Іоаннъ) хладнокровно: «Гудочникъ хитрый соглядатай и человѣкъ опасный. *Всегда надобно, употребивъ такихъ людей для своей пользы, освобождаться отъ нихъ*» [4]).

Гудочникъ, въ свою очередь, очень недоволенъ бояриномъ, хотя и не прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ, какъ «père Joseph» [5]).

4) Твердый умъ, желѣзная воля и ловкость дѣйствій побуждаютъ кардинала вѣрить въ свою силу, которая сломитъ его враговъ. «Bientôt le roi succombera sous la lente maladie qui le consume; je serai régent alors, je serai roi de France moi-même: je n'aurai plus à redouter les caprices de sa faiblesse; *je détruirai sans retour les races orgueilleuses de ce pays; j'y passerai un niveau terrible* et la baguette de Tarquin... je serai seul sur eux tous, l'Europe tremblera»....[6]). Сильная самоувѣренность слышна и въ

---

[1]) „Cinq-Mars", ch. XXIV, pp. 376—377.
[2]) Тамъ же, ch. XXV.
[3]) „Клятва", ч. III, стр. 120, 121; тамъ же, стр. 127, 130, 131.
[4]) Тамъ же, ч. III, стр. 123.
[5]) Тамъ же, ч. III, стр. 20, 21, 22, 127—131.
[6]) „Cinq-Mars", ch. XII, p. 179.

словахъ боярина Іоанна, жаждавшаго погубить Василія Темнаго. «Я нарушилъ моею хитростію права законнаго наслѣдія, и, если Господь мнѣ поможетъ, *исправлю все по прежнему: не видать Великаго Княженія Василію Васильевичу, доколѣ живъ буду я.* Родитель твой собиралъ войска, но не ими поборетъ онъ племянника. Силою ничего нельзя было сдѣлать противъ московскаго князя; *но теперь, безъ меня, доски его княжескаго терема безъ машины: отъ сильнаго толчка полетятъ онѣ всѣ внизъ и задавятъ молодого князька московскаго, безпечно пирующаго за свадебнымъ столомъ, съ своими гостями, и съ Литвянкою, матерью его*» [1])...

5) Сознаніе своей болѣзни, которая разыгрывается все болѣе и болѣе, и временемъ появляющаяся подозрительность ко всѣмъ своимъ дѣйствіямъ смущаютъ покой Ришелье. «Ah! que dis-je? *malheureux que je suis! Me voilà frappé à mort; je me dissous, mon sang s'écoule, et mon esprit veut travailler encore!*». Мысли Ришелье обращаются къ Божеству, онъ начинаетъ чувствовать какой-то страхъ за себя и свою дѣятельность. «Je renverse l'entourage du trône. *Si, sans le savoir, je sapais ses fondements et hâtais sa chute. Oui, mon pouvoir d'emprunt m'a séduit. O décadence! ô faiblesse de la pensée humaine!..* Simple foi! pourquoi ai-je quitté ta voie?.. pourquoi ne suis-je pas seulement un simple prêtre? *Si j'osais rompre avec l'homme et me donner à Dieu*, l'échelle de Jacob descendrait encore dans mes songes» [2]).

«Конецъ ли моимъ заботамъ?» пробормоталъ Іоаннъ, оставшись одинъ. «Теперь, когда всѣ думаютъ, что я превознесенъ честію и славою—*мечъ судебъ, можетъ быть, виситъ на волоскѣ надъ моей головою!* Нѣтъ, Іоаннъ, не успокоиться, видно, тебѣ до могилы! *Тщетно собираешь ты—кто подкрѣпляетъ тебя?* Только Косой можетъ еще нѣсколько понимать твои предпріятія; но его дерзость, гнѣвливость, неопытность.... *Горе, горе!* А Шемяка? А Красный? Они ни къ чему не годятся: одинъ воинъ, другой монахъ!» «Голова у меня кружится»—продолжалъ Іоаннъ —«послѣдніе дни въ такихъ заботахъ провелъ я—прежде, бывало, все ничего—*а теперь старость даетъ себя чувствовать—пора бы мнѣ на покой... Но что за мрачныя мысли приходятъ мнѣ въ голову сегодня? Если бы только было время, надобно бы*

---

[1]) „Клятва", ч. I, стр. 101—102.

[2]) „Cinq-Mars", ch. XII, pp. 179—180.

сходить помолиться... Ну, Богъ милосердъ и долготерпѣливъ! Онъ не то, что мы грѣшные» [1])...

6) Кардиналъ Ришелье страдаетъ чахоткой, которую хотѣлъ бы скрыть отъ Людовика.

Во время волненія онъ сильно подверженъ кровотеченію. «*Ici le goût du sang qui remplissait de nouveau sa bouche le força d'y porter son mouchoir*» [2]). Кровь появилась у него разъ даже въ присутствіи короля, во время игры въ шахматы. «En même temps, il lui prit une longue et violente toux; souvent il sentait en lui cette douleur aiguë et persévérante; à cet avertissement sinistre *il porta à sa bouche un mouchoir* qu' il en retira *sanglant*; mais *pour le cacher, il le jeta sous la table*, et sourit en regardant sévèrement autour de lui, comme pour défendre l'inquiétude» [3]).

Тою же болѣзнью пораженъ Іоаннъ. Вотъ отрывокъ изъ сцены послѣдней его бесѣды съ Юріемъ Димитріевичемъ. «Государь!»—сказалъ Іоаннъ—и не кончивъ рѣчи, *захватилъ рукою голову и платкомъ ротъ*. Косой боязливо обратился къ нему. Всѣ были встревожены внезапною перемѣною его лица. «Ничего, ничего, Государь!» сказалъ онъ Юрію.—«Не безпокойся обо мнѣ—это пройдетъ. У меня голова немного кружится».—Іоаннъ не смѣлъ сказать, что *кровь идетъ у него горломъ*, и скрывалъ свою тяжелую болѣзнь, одного боясь, чтобы Морозовъ не порадовался его страданію» [4]) и т. д.

Приведенныя параллели убѣждаютъ насъ въ существованіи связи «Cinq-Mars'a» съ «Клятвой при гробѣ Господнемъ».

На основаніи предисловій къ обоимъ упомянутымъ произведеніямъ и на основаніи анализа ихъ самихъ обрисовывается одинъ и тотъ же методъ, которому слѣдовали ихъ авторы: изученіе первоисточниковъ и вѣрность имъ (le vrai du fait)—съ одной стороны, присутствіе нѣкотораго произвола въ группировкѣ и освѣщеніи фактовъ (la vérité de l'art)—съ другой, и признаніе нравственнаго воздѣйствія созданнаго по такому методу произведенія (les exemples qui pussent servir aux vérités morales). Изъ сравненія сюжетовъ, взятыхъ изъ французской и русской исторіи, слѣдуетъ общность схемъ, на которыхъ разыгрывались дѣйствія,

---

[1]) „Клятва", ч. III, стр. 125—127.
[2]) „Cinq-Mars", ch. XII, p. 179.
[3]) Тамъ же, ch. XXVI, p. 440.
[4]) „Клятва", ч. III, стр. 161—163; 181—182.

и нѣкоторое сходство въ характерахъ и положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Схема такова. Безхарактерный и неумный правитель имѣетъ умнаго, проницательнаго перваго министра (свою правую руку), который завѣдуетъ и внѣшними и внутренними дѣлами государства и болѣе необходимъ для своего государя, чѣмъ любимъ имъ; у того же правителя есть фаворитъ, постепенно забирающій его въ свои руки. Между двумя временщиками завязывается борьба, при чемъ министръ, доставъ черезъ одного изъ своихъ клевретовъ письмо фаворита, обличающее измѣну послѣдняго, хочетъ представить его государю и погубить такимъ образомъ противника.

Правитель по своему характеру и положенію въ романахъ обладаетъ слѣдующими свойствами: a) подчиняется первому министру даже противъ воли, b) не можетъ безъ страшныхъ усилій произнести какой-либо рѣшительный приговоръ, c) смущается и краснѣетъ при разговорѣ съ министромъ, обличающимъ его въ пристрастномъ довѣріи къ фавориту, d) отказывается отъ услугъ министра, а затѣмъ опять призываетъ его, e) ссылается на свою болѣзнь передъ каждымъ затруднительнымъ разговоромъ, f) и, дѣйствительно, отличается, при отсутствіи характера, еще отсутствіемъ физическаго здоровья.

Первый же министръ надѣленъ слѣдующими отличительными качествами и ставится въ слѣдующія положенія: a) заранѣе предугадываетъ дѣйствія государя, b) какъ бы оскорбленный, отказывается отъ исполненія своихъ обязанностей, а затѣмъ остается въ той же должности, c) при помощи клевретовъ достаетъ письменное доказательство измѣны фаворита, d) хочетъ погубить клевретовъ, какъ людей опасныхъ, разъ они ему больше не нужны, e) твердо вѣритъ въ свои силы для побѣды надъ врагомъ, f) подъ вліяніемъ болѣзни иногда сомнѣвается въ правильности своихъ дѣйствій и начинаетъ думать о Богѣ, и i) страдаетъ чахоткой, выражающейся въ кровохарканьи.

III.

Разсматривая «Клятву», какъ романъ, должно отмѣтить, что настоящая оцѣнка ей можетъ быть сдѣлана преимущественно съ исторической точки зрѣнія. Произведеніе, дающее въ повѣствовательной формѣ картину строго историческимъ событій, «Клятва» не принадлежитъ къ числу твореній, запечатлѣнныхъ печатью генія или мастерской кистью художника; она скорѣе плодъ талант-

ливаго и размышляющаго ума, хотѣвшаго создать у насъ новый типъ романа. Въ отзывѣ Бѣлинскаго о «Клятвѣ» можно найти много вѣрныхъ и мѣткихъ мыслей: признавая ее нѣсколько «вялой» и «скучной», онъ, не смотря на это, въ то же время не закрывалъ глазъ на ея довольно крупныя достоинства, находилъ въ ней «много новаго, интереснаго, какъ вообще въ завязкѣ и ходѣ всего романа, такъ и во многихъ ситуаціяхъ и характерахъ дѣйствующихъ лицъ».

«Клятва при гробѣ Господнемъ», писалъ онъ: «какъ мнѣ кажется, ниже тѣхъ преувеличенныхъ похвалъ, которыми столь бездоказательно осыпали ее наши литературные судьи: она едва-ли заслуживаетъ имя художественнаго произведенія въ полномъ смыслѣ сего слова. Это есть просто попытка умнаго человѣка создать русскій романъ, или, лучше сказать, желаніе показать, какъ должно писать романы, содержаніе коихъ берется изъ русской исторіи. И въ семъ случаѣ, этотъ романъ есть явленіе *замѣчательное*: одно уже то, что любовь играетъ въ немъ не главную, а побочную роль, достаточно доказываетъ, что Полевой вѣрнѣе всѣхъ нашихъ романистовъ понялъ поэзію русской жизни» [1]).

Дѣйствительно, любовь, составлявшая обычную интригу всѣхъ нашихъ романовъ, является въ «Клятвѣ» эпизодомъ вводнымъ, и этотъ эпизодъ, въ свою очередь, не вымышленъ: Димитрій Шемяка, какъ извѣстно, былъ влюбленъ въ дочь князя Заозерскаго,—и такимъ образомъ канва историческихъ событій княженія Василія Темнаго есть канва произведенія Полевого. Смутное, тревожное время, полное междоусобій и нападеній на Русь внѣшнихъ враговъ, типичные дѣятели этой эпохи, а не какая-нибудь запутанная любовная завязка интересовали автора. И вотъ передъ нами картина домашней и общественной жизни русскихъ людей XV вѣка. Въ «Клятвѣ» есть и описаніе простой крестьянской избы, и описаніе великокняжеской свадьбы и торжественнаго пира; въ ней изображены и внутреннія интриги князей, и подпольная система боярина Іоанна: въ ней находимъ и живыя картины схватокъ противниковъ на словахъ, въ теремѣ князя,—съ оружіемъ на полѣ брани: въ ней рисуется положеніе Москвы по отношенію къ татарамъ и Новгороду: въ ней, наконецъ, довольно ярко очерчены характеры дѣйствующихъ лицъ... Мрачная

---

[1]) Полное собраніе сочиненій. Спб. 1900, т. II, стр. 76. Ср. часть 12 (М. 1862), стр. 184.

фигура боярина Іоанна, систематически мстящаго за поруганіе дочери, влекущаго за собой горе для неопытнаго и юнаго князя Василія; безпечно добродушный и довольно безтолковый, хотя и усердный рачитель московскаго князя, Юрій Патрикѣевичъ; затѣмъ безхарактерный и слабый князь Юрій, пылкій, властолюбивый Косой, болѣе мягкій Шемяка, княжескій фаворитъ и пресмѣшникъ бояринъ Морозовъ—вотъ типы, вотъ герои повѣсти...

Всѣ лица, всѣ событія близки и знакомы исторіи Россіи. И если таинственная личность Ивана Гудочника, о которомъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, если эта личность, вымышленная Полевымъ, вокругъ которой сплетаются событія, и служитъ какъ бы центральнымъ дѣйствующимъ лицомъ, то нельзя не указать, что не одинъ Гудочникъ бросается въ глаза при чтеніи «Клятвы». Не одно стремленіе возсоздать княжество Суздальское лежитъ въ основѣ «Клятвы»; борьба между князьями Юріемъ и Василіемъ, между боярами Іоанномъ и Морозовымъ и другіе факты не оттѣсняются на второй планъ и претендуютъ на равное вниманіе со стороны читателя. Однимъ словомъ, вся картина освѣщена ровнымъ свѣтомъ; нѣтъ мѣстъ болѣе темныхъ и болѣе яркихъ. Самъ Полевой въ одной изъ статей *Московскаго Телеграфа*, написанной по поводу появленія въ печати «Юрія Милославскаго» [1]), проводитъ грань между двумя различными видами историческаго романа: видомъ съ обычной любовной интригой, заслоняющею историческое развитіе дѣйствія, и видомъ, хотя не лишеннымъ любовныхъ эпизодовъ, но воспроизводящимъ истинную картину жизни народа въ извѣстное время. «Избрать», пишетъ онъ: «такое историческое событіе, которое дало бы средство поэтически разыграться воображенію; выставить толпу характеровъ и лицъ, заставить ихъ дѣйствовать и говорить, совершенно скрывшись за ними; *не имѣть ни одного героя*, въ которомъ бы авторъ высказывалъ самого себя; перенестись совершенно въ тѣхъ людей, которыхъ изображаешь, во время, которое описываешь; представить рядъ событій, перепутанныхъ одно съ другимъ, и переходомъ отъ одного къ другому, мелкою живописью подробностей, изображеніемъ непостижимо вѣрнымъ вѣка, нравовъ, обычаевъ, повѣрьевъ, заставить читателя забыться, думать, что онъ живетъ, дѣйствуетъ вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами романа—вотъ сто-

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 24, стр. 462.

роны, которыя представляются въ романахъ В. Скотта, при самомъ поверхностномъ ихъ разсмотрѣніи».

«Разумѣется, что мы говоримъ здѣсь объ историческихъ только его романахъ. Куперъ совсѣмъ другое, хотя въ немъ видно желаніе быть американскимъ В. Скоттомъ. Куперъ всегда отбираетъ небольшое число характеровъ, развиваетъ ихъ, заставляетъ дѣйствовать. Вокругъ нихъ бываютъ обставлены второстепенныя лица; но сцена пуста, когда главные актеры удалились, оживлена, когда они бываютъ на ней. Куперъ, также какъ В. Скоттъ, вдается въ живопись мѣстности; но это у него только дополненіе, а не необходимая связь. Если Куперъ беретъ *историческое* событіе, то это только предлогъ, а не сущность романа; если выставляетъ *историческое* лицо, то оно всегда бываетъ частное, дополнительное, призываемое, какъ великанская тѣнь Самуила, для разрѣшенія судьбы дѣйствующихъ лицъ, но живущее жизнью, отдѣльною отъ жизни дѣйствователей романа, не связанною непосредственно съ ними».

Романъ Загоскина причисляется Полевымъ къ типу романовъ Купера. Полевой находитъ, что «это собственно—не *Русскіе* 1612 года, какъ сказано въ заглавіи, но исторія одного вымышленнаго авторомъ лица», что «поѣздка Милославскаго и любовь его къ дочери боярина Шалонскаго составляетъ основу цѣлаго романа», что въ немъ представлено «нѣсколько частныхъ, не изъ цѣлаго развивающихся событій, но случайностей», что о великихъ событіяхъ авторъ только *говоритъ*, «не представляя ихъ въ живыхъ картинахъ», что «герои, дѣйствовавшіе въ эту эпоху», вводятся на сцену лишь изрѣдка.

«Мы желали бы», заключаетъ онъ свою рецензію: «болѣе связи въ цѣломъ, *болѣе историческаго*, менѣе вводныхъ событій», хотя «въ томъ размѣрѣ, какой опредѣлилъ себѣ авторъ «Юрія Милославскаго», онъ удовлетворяетъ читателя».

Свои пожеланія Полевой выразилъ въ «Клятвѣ», въ которой замѣтно отсутствіе любовной интриги и главнаго героя, а также стремленіе автора въ живыхъ картинахъ передать духъ эпохи. Указанныя свойства «Клятвы», при ея исторической точности, и подали Полевому поводъ назвать ее «былью». Въ этой «были» Полевой весьма справедливо видѣлъ начатки новаго вида историческаго романа въ противоположность господствовавшему у насъ виду, представителемъ котораго служитъ «Юрій Милославскій» Загоскина.

Относительный образецъ этого вида Полевой усмотрѣлъ въ «Cinq-Mars'ѣ» А. де Виньи, который, *не смотря на выраженную имъ въ предисловіи склонность отдать преимущество вымыслу, въ архивной пыли возстановлялъ историческое прошлое.*

Такимъ образомъ, «Клятва» является однимъ изъ первыхъ романовъ—«былей», точно рисующимъ историческія событія, при отсутствіи отличительныхъ принадлежностей романовъ этого вида, какъ: любовная интрига, главный герой и т. д.; и этотъ новый романъ—«быль», по крайней мѣрѣ у Полевого, оказывается связаннымъ съ образцами французской школы.

Хотя произведеніе Полевого и не отличается тѣми достоинствами, какими отмѣчено созданіе художника-генія, но, для правильнаго пониманія литературы, ея изслѣдователь долженъ обратить свое вниманіе на этотъ далеко незаурядный «романъ-быль» и отвести ему соотвѣтствующее мѣсто на страницахъ исторіи. Великія созданія искусства не бываютъ оторванными отъ почвы, на которой они появились, и анализъ этой почвы есть шагъ къ надлежащей оцѣнкѣ ихъ самихъ, къ выясненію историческихъ условій ихъ появленія. Яркій блескъ генія оставляетъ въ тѣни скромный, но полезный талантъ, забываемый позднѣйшимъ поколѣніемъ.

II.

ВИЗАНТІЙСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Появленіе „Легендъ“.—Отзывы современной журналистики.

Исторія была предметомъ, наиболѣе интересовавшимъ Полевого. Будучи почти мальчикомъ, онъ «рѣшился свести воедино» «Дѣянія» и «Дополненія» Голикова и продолжать «Опытъ повѣствованія о Россіи» Елагина [1]), а въ 1846 году (годъ смерти Полевого) былъ выпущенъ первый томъ задуманнаго имъ «Обозрѣнія русской исторіи до единодержавія Петра Великаго». При этомъ, Полевой не ограничивался изученіемъ исторіи русской и западно-европейской; очень рано ему пришлось познакомиться съ Византіей, и судьбы ея заинтересовали его не менѣе, чѣмъ судьбы Россіи. Задавшись цѣлью написать исторію русскаго народа съ древнѣйшихъ временъ, Полевой, наряду съ изученіемъ русскихъ памятниковъ, изучалъ и памятники византійскіе. «Византійскіе историки, въ выпискахъ Стриттера и въ большомъ собраніи оныхъ, доставляли ему свѣдѣнія болѣе подручныя и достаточныя, въ самыхъ источникахъ» [2]). Изданіе «Corpus'a scriptorum historiae Byzantinae» привлекло его вниманіе. «Нетерпѣливо дожидаемся», читаемъ въ «Исторіи русскаго народа»: «новаго изданія сей драгоцѣнной книги, предпринятаго подъ смотрѣніемъ Нибура, въ Боннѣ» [3]).

Изученіе Полевымъ византійской исторіи дало въ результатѣ

---

[1]) „Очерки русской литературы“. Спб. 1839, ч. I, стр. XXXI—XXXIII.

[2]) „Исторія русскаго народа“, т. I, стр. LXXIX.

[3]) Тамъ же, стр. LXXIX, примѣчаніе. Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1834, № 1, стр. 145—146.

не научную исторію, а беллетристическое произведеніе «Византійскія легенды». Написанныя живо и занимательно, «Легенды» заслуживаютъ вниманія изслѣдователя. Хотя Полевой и говоритъ, что его повѣсть была окончена въ 1835 г. [1]), какъ сказано въ предисловіи къ изданію, но, основываясь на его письмахъ, мы склонны думать, что въ 1835 г. былъ оконченъ только черновой очеркъ, носящій заглавіе: «Синіе и Зеленые» [2]), и что впослѣдствіи этотъ очеркъ подвергался передѣлкамъ, прежде чѣмъ вышелъ подъ своимъ настоящимъ именемъ. Будучи въ Петербургѣ, Николай Алексѣевичъ писалъ брату въ Москву: «Пишу «Синихъ и Зеленыхъ». Этотъ фактъ относится къ августу 1838 года [3]). Затѣмъ болѣзнь и разстроенныя обстоятельства затянули работу. «Роптать ли на судьбу?»—опять пишетъ онъ брату уже отъ 21-го ноября 1839 г.: «Два мѣсяца эти совсѣмъ разстроили всѣ мои расчеты и планы. Я думалъ преспокойно все докончить: выправить журналъ, дописать либо «Маленькую исторію» [4]), либо «Синихъ и Зеленыхъ», а, можетъ быть, то и другое—и гдѣ теперь всѣ мои планы?» [5]). Но только въ январѣ 1841 г. удалось Полевому покончить дѣла съ этою повѣстью; это видно изъ слѣдующаго письма къ Ксенофонту Полевому: «Обращаюсь къ дѣламъ: прежде всего поспѣшилъ я обдѣлать «Синихъ и Зеленыхъ» и, кажется, въ среду, т.-е. 22-го числа, отправлю къ тебѣ ихъ совсѣмъ подписанныхъ».

На изданіе «Византійскихъ легендъ» Полевой, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, возлагалъ большія надежды. По его расчетамъ, «Синіе и Зеленые» «всячески могли дать 10 тысячъ руб.» [6]). Онъ продалъ было ихъ изданіе Ксенофонту Алексѣевичу, но это предпріятіе было неудачно; въ большомъ количествѣ книга не расходилась и, повидимому, не могла дать нужнаго дохода Полевому, который съ «нетерпѣніемъ ждалъ извѣ-

---

[1]) Предисловіе къ „Легендамъ", стр. 8.

[2]) Едва-ли не первымъ очеркомъ по византійской исторіи, появившимся въ 1835 г., была византійская легенда: „Пиръ Святослава", отпечатанная затѣмъ въ „Повѣстяхъ Гудочника", 1843, ч. II. Отрывокъ изъ „Легендъ" помѣщенъ въ *Сынѣ Отечества*, 1838, т. III.

[3]) „Записки" Кс. Полевого. Спб. 1888, стр. 439.

[4]) „Русская исторія", въ 4-хъ томахъ, печатавшаяся сначала въ Москвѣ.

[5]) „Записки", стр. 479; 506: письмо отъ 18-го января 1841 г.

[6]) Тамъ же, стр. 480.

стій изъ Москвы о «Синихъ и Зеленыхъ» и о мерзавцѣ Семенѣ» [1]). Такъ прошелъ годъ съ лишнимъ: безпокойство автора доходило до крайнихъ степеней. «Ратьковъ [2]) мнѣ сказывалъ», жаловался онъ брату: «что «Византійскихъ легендъ» онъ не продалъ ни одного экземпляра, и совѣтовалъ сбыть ихъ хоть на вѣсъ на толкучій. Нѣтъ ужъ этого нельзя: я лучше сожгу ихъ! А можетъ быть, еще немножко они и пораспродадутся [3]). Такой холодный пріемъ, оказанный «Легендамъ» въ то время, когда массами расходились очень плохонькія книги, долженъ характеризовать вкусы и развитіе тогдашней публики.

Появившіяся приблизительно въ мартѣ 1841 года «Византійскія легенды» возбудили не малые толки въ современныхъ періодическихъ журналахъ и газетахъ. За мартъ и апрѣль мѣсяцы были помѣщены въ различныхъ изданіяхъ разнорѣчивые отзывы о новомъ произведеніи. Здѣсь мы приведемъ отзывы *Сѣверной Пчелы*, *Отечественныхъ Записокъ*, *Литературной Газеты*, *Москвитянина* и *Русскаго Вѣстника*. Рецензіи журналистовъ на произведеніе ихъ сотоварища всегда даютъ матеріалъ для характеристики литературныхъ партій и кружковъ.

Сѣверная Пчела, которая во времена процвѣтанія *Московскаго Телеграфа* враждебно относилась къ Полевому, съ теченіемъ времени перемѣнила свои, не особенно устойчивыя сужденія, сдѣлавшіяся весьма благопріятными для прежняго недруга. Эта перемѣна, вѣроятно, тѣсно связана съ измѣнившимися отношеніями самого Полевого къ Булгарину и Гречу. Отзывъ *Пчелы* исполненъ похвалъ. «Въ ту печальную пору», читаемъ въ ней [4]): «когда на русскомъ языкѣ хорошихъ книгъ выходитъ такъ мало, а отъ дурныхъ не знаешь куда дѣваться, новое сочиненіе неутомимаго Н. А. Полевого есть явленіе очень пріятное и утѣшительное. Начитавшись древнихъ византійскихъ историковъ и лѣтописцевъ, почтенный Н. А. Полевой увлекся занимательностью событій, ими разсказываемыхъ; его живое воображеніе, изъ подъ слоевъ пыли,

---

[1]) „Записки", стр. 511. Семенъ — книгопродавецъ-издатель, въ типографіи котораго была напечатана „Исторія русскаго народа".

[2]) Н. А. Ратьковъ — книгопродавецъ, управлявшій конторой *Московскаго Телеграфа*.

[3]) „Записки", стр. 550—551: письмо отъ 22 марта 1842 г.

[4]) *Сѣверная Пчела*, 1841, № 87.

наваленной временемъ на эти забытыя хартіи, умѣло вызвать на свѣтъ дѣянія людей, заброшенныхъ въ темномъ уголку исторіи. Какъ ни утомительна, какъ ни однообразна византійская исторія X-го вѣка, съ своими ежедневными безсмысленными бурями, разрушавшимися на ней самой и готовившими ея разрушеніе; какъ ни печальны страницы ея, обагренныя кровью, загрязненныя мятежными страстями,—но для смышленаго романиста во всемъ этомъ заключается богатый источникъ, изъ котораго онъ обильною рукою можетъ черпать предметы для своихъ разсказовъ: чѣмъ болѣе бурь и страстей, тѣмъ болѣе жизни и занимательности. Н. А. Полевой прекрасно воспользовался избранною имъ для романа эпохою». «Занимательныя событія византійской исторіи расцвѣчены еще болѣе занимательными подробностями и описаніями роскоши ипподрома, нравовъ и обычаевъ греческихъ въ X-мъ вѣкѣ. Разсказъ Н. А. Полевого легокъ и увлекателенъ. Впрочемъ, это не новость для почитателей его таланта».

Если, такимъ образомъ, *Сѣверная Пчела* отозвалась безусловно одобрительно о «Византійскихъ легендахъ», то уже умѣреннѣе является рецензія *Отечественныхъ Записокъ*, рецензія еще болѣе любопытная по своему взгляду на французскихъ романистовъ и на Манцони. А. А. Краевскій, издававшій этотъ журналъ, какъ разъ въ это время сталъ относиться къ Полевому суше и холоднѣе прежняго, что можно предположить на основаніи сохранившагося письма Н. А. Полевого, въ которомъ онъ, выражая увѣренность въ возможности уваженія человѣка, держащагося прямо противоположныхъ взглядовъ, говоритъ, что «откровенный переговоръ между нимъ и Краевскимъ привелъ бы къ взаимной пользѣ и къ пользѣ общаго дѣла» [1]).

Впрочемъ отзывъ *Отечественныхъ Записокъ*, при всей своей сдержанности, отзывъ похвальный, а не порицательный. Вотъ какъ разсуждаетъ рецензентъ о «Легендахъ» [2]): «Новое сочиненіе г. Полевого было бы не непріятнымъ явленіемъ и при обиліи хорошихъ книгъ; но при совершенной засухѣ нашей литературы, когда изъ-подъ печатныхъ станковъ выходятъ только азбуки,

---

[1]) Рукописи Императорской Публичной Библіотеки. Бумаги А. А. Краевскаго. Письмо Полевого отъ 9 декабря 1844 г.

[2]) *Отечественныя Записки*, 1841, т. XV, „Библіографическая хроника", стр. 36—38.

пѣсенники и гадательныя книжки, при этомъ грустномъ запустѣніи, повѣсть или легенда г. Полевого очень пріятное явленіе» Однако авторъ, по мнѣнію *Отечественныхъ Записокъ*, иногда заблуждается. Упрекъ, брошенный Полевымъ Западу за то, что послѣдній забылъ о Востокѣ, несправедливъ: это забвеніе весьма естественно вызвано малою занимательностью Востока.

«Спѣшимъ оправдать невинно обвиняемый Западъ, будто бы виновный въ холодности къ Востоку: Западъ интересуется только тѣми явленіями, въ которыхъ есть идея и была жизнь: а все *не такое* считаетъ случайностями, недостойными ни памятованія ни изученія, ни вниманія. И что-же можетъ представить греческій Востокъ любознательности мыслящаго Запада? Однообразную повѣсть злодѣйствъ, зрѣлище тысячелѣтняго гніенія»...

Указавъ на незанимательность сюжета, рецензентъ выписываетъ слѣдующее мѣсто изъ «Легендъ». «Повторяю, что сказалъ нѣкогда: картина, которую я описываю, не *исторія* и не *романъ*. Многіе изъ новѣйшихъ Лагарповъ и Батте увѣряютъ, будто произведенія такого рода суть ошибки искусства. Вѣрить-ли? Если «Сенъ-Марсъ», если «Церковь Парижской Богоматери», если «Кенильвортъ», если «Обрученные»—ошибки... Пожелаемъ такихъ ошибокъ искусству» [1]).

Подобныя сужденія, по словамъ рецензента *Отечественныхъ Записокъ*, совсѣмъ неправильны. «Не знаемъ, о какихъ новѣйшихъ Лагарпахъ и Батте говоритъ г. Полевой: не причисляемъ себя не только къ новѣйшимъ, но и къ бывшимъ Лагарпамъ и Батте, не видя для себя особенной чести походить на нихъ; не считаемъ ошибками противъ искусства ни «Кенильворта», ни «Ивангое», ни другихъ столь-же великихъ поэтическихъ и художественныхъ хроникъ—романовъ: но и не понимаемъ, какимъ образомъ зашли въ область искусства и съ которой стороны могутъ къ нему относиться «Notre Dame de Paris» Гюго, «Cinq-Mars» де Виньи, и—о ужасъ! «Обрученные» Манцони. Послѣ этого, чего добраго, и «Византійскія легенды» попадутъ въ разрядъ художественныхъ произведеній, тогда какъ это просто—хорошо, живо занимательно, хотя мѣстами и риторически—разсказанное беллетристическое произведеніе, которое будетъ гораздо пониже произведенія Гюго и де Виньи и, можетъ быть, немногимъ хуже или немногимъ лучше «Обрученныхъ» Манцони.

---

[1]) Предисловіе къ „Византійскимъ легендамъ", стр. 7.

Гораздо рѣзче критика *Литературной Газеты*, которая, и при редакторствѣ Ѳ. А. Кони, сохранила враждебныя отношенія къ Полевому.

При жизни Дельвига, въ этомъ органѣ, проповѣдывавшемъ идеи такъ называемаго пушкинскаго кружка, помѣщались злостныя, даже прямо неприличныя статьи противъ издателя *Телеграфа*. Смѣялись и надъ его умомъ, и надъ его образованіемъ, и надъ его происхожденіемъ... Въ эпиграммахъ и замѣткахъ о новыхъ книгахъ, наряду съ ѣдкими и остроумными выходками, появлялись грубости, не находящія себѣ оправданія. Время взяло свое... Дельвигъ умеръ, пушкинскій кружокъ потерялъ прежнюю сплоченность, когда не стало его представителя; редакція газеты перешла въ другія руки... Но и при этихъ новыхъ условіяхъ, въ голосѣ *Литературной Газеты* часто слышались хотя и значительно смягченныя, но все же непріязненныя ноты, если она говорила о Полевомъ.

Критика «Легендъ» начинается характеристикой особаго типа писателей [1]). «Во всякой литературѣ бываютъ особеннаго рода неутомимые дѣятели, которые пользуются часто большою извѣстностью, слывутъ за людей даровитыхъ, но которые, въ самомъ то дѣлѣ, не будучи людьми бездарными, болѣе способные и ловкіе, нежели талантливые люди».

«Они берутся за все и, относительно, во всемъ успѣваютъ и во всемъ обнаруживаютъ ту степень умѣнья и ловкости, которую толпа охотно признаетъ за талантъ и даже за геній. Словно чутьемъ знаютъ они, когда надо писать стихи, когда исторію, когда романы и повѣсти, когда драмы, водевили и либретто для оперъ, когда разсуждать о санскритскомъ языкѣ, политической экономіи, даже и философіи, предметахъ, сбивчиво и темно извѣстныхъ имъ, даже и по слухамъ. Разумѣется, успѣхи ихъ основываются на причинахъ чисто внѣшнихъ, какъ-то: на томъ, что ихъ произведенія по плечу близорукой толпѣ, на бѣдности литературы, лѣности истинныхъ талантовъ и пр. Легкія и многочисленныя сочиненія такихъ «готовыхъ геніевъ» расходятся во множествѣ, читаются съ жадностью, а потомъ скоро забываются, смѣняемыя подобными же, только новыми эфемерами». Съ подобными авторами часто случаются извѣстнаго рода кризисы. «Они иногда выписываются».

---

[1]) *Литературная Газета*, 1841, № 40.

Но и изъ даннаго положенія они, благодаря своей поистинѣ изумительной ловкости, выходятъ съ честью: «они тогда замолкаютъ, выжидая благопріятнаго времени, и если, на ихъ счастье, истинные таланты, почему бы то ни было, перестаютъ дѣйствовать, а соперниковъ нѣтъ, они принимаются за старое—и старое сходитъ у нихъ за новое. При упадкѣ литературы, или временномъ ея затемнѣніи, когда не выходитъ ничего новаго и примѣчательнаго—все бываетъ хорошо и благосклонно принимается публикою, которой надо же что-нибудь читать и которая, за неимѣніемъ изящнаго, бываетъ благодарна и за посредственное».

Намеки на занятія авторовъ, смотря по духу времени, и исторіей, и романами, и драмой, и санскритскимъ языкомъ, наряду съ политической экономіей и плохо перевариваемой философіей—все это слишкомъ прозрачныя выраженія, относящіяся къ Полевому. Но критикъ почему-то уклонился отъ прямого нападенія.

«Все сказанное нами», продолжаетъ онъ: «нисколько не можетъ относиться къ почтеннѣйшему Н. А. Полевому. Онъ пользуется громкою извѣстностью въ русской литературѣ, и его извѣстность основана на истинной заслугѣ. Издатель замѣчательнаго у насъ журнала, онъ составилъ имъ эпоху въ нашей литературѣ и имѣлъ на нее сильное вліяніе».

И вдругъ начавшійся, было, панегирикъ въ честь Полевого оканчивается совершенно неожиданно подведеніемъ его подъ типъ только-что описанныхъ литераторовъ. Оказывается, что поэтическія произведенія Полевого—произведенія посредственныя, что ихъ успѣхъ, какъ и успѣхъ «Исторіи русскаго народа», основывался исключительно на успѣхѣ *Московскаго Телеграфа* и на замѣчательномъ умѣньи пользоваться моментомъ. «Съ 1837 года, г. Полевой замѣтилъ, что настало время для театра и драматической литературы; передѣлка «Гамлета» Шекспира, исправленіе «Мнимаго больного» Мольера и множество драмъ и водевилей были плодомъ этой смѣтливости. Въ этихъ произведеніяхъ и работахъ его было много достоинствъ, но только отрицательныхъ: г. Полевой имѣлъ полное право сказать многимъ нашимъ драматургамъ, которые ему же указывали путь: «оно, положимъ, плохо, да сдѣлайте-ка лучше, а главное надѣлайте-ка больше». Точно такъ же поступилъ Полевой и съ повѣстями.

«Видя, что Пушкина нѣтъ и «Арапа Петра Великаго» кончить некому, Гоголь не пишетъ, Лажечниковъ молчитъ, гг. Загоскинъ, Булгаринъ и Гречъ больше романовъ не пишутъ, а Вельт-

манъ рѣдко является въ свѣтѣ, и что только гг. Зотовъ и Воскресенскій изрѣдка радуютъ россійскую публику своими произведеніями—онъ рѣшился приняться за старое. Сказано—сдѣлано. И вотъ напечатана вторымъ изданіемъ «Аббадона»—и притомъ безъ конца, который, вѣроятно, скоро будетъ напечатанъ первымъ изданіемъ; теперь вышли «Византійскія легенды». Въ отзывѣ о «Легендахъ» похвалы историческому содержанію и слогу чередуются съ довольно ѣдкими замѣчаніями о запасливости Полевого, о старой новости, которую представляетъ повѣсть, объ отсутствіи въ авторѣ поэтическаго таланта.

«Византійскія легенды» были написаны давно уже—еще въ то время, когда г. Полевой занимался романами и вообще вещами, которыя труднѣе писать, чѣмъ бенефисныя пьески или драмы, въ родѣ «Уголино».

«Хорошо сдѣлать во́-время хорошій запасъ: благодаря ему никогда не выпишитесь и, въ удобное время и въ добрый часъ, при общемъ молчаніи, будете оживлять заснувшую литературу».

«И такъ «Византійскія легенды»—новость, написанная давно: ихъ ожидали подъ именемъ «Синихъ и Зеленыхъ», но почтенный авторъ, желая придать своему произведенію, сколько можно болѣе, характеръ новости, выпустилъ его подъ новымъ названіемъ. Тѣмъ не менѣе его «Византійскія легенды»—явленіе очень пріятное».

«Такъ какъ основной предметъ ихъ содержанія—исторія, а не вымыселъ (который непремѣнно требуетъ отъ автора фантазіи и таланта поэтическаго) — то онѣ читаются легко и съ большимъ интересомъ. Картина Византійской имперіи изображена г. Полевымъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Слогъ живъ и простъ, и только мѣстами впадаетъ въ декламацію, напыщенность и реторику. Мы увѣрены, что всѣ прочтутъ «Византійскія легенды» съ удовольствіемъ, чего отъ души желаемъ нашему почтенному драматургу-историку-романисту».

Въ *Москвитянинѣ* «Легенды» нашли самый суровый и холодный пріемъ. Шевыревъ, нѣкогда сотрудникъ *Московскаго Телеграфа*, но впослѣдствіи примкнувшій къ ярому врагу Полевого—Погодину, написалъ статью, соотвѣтствующую взглядамъ и вкусамъ редакціи журнала. Статья начинается съ введенія, въ которомъ всѣ романы подраздѣляются на «созданные», «сочиненные» и, наконецъ, «сдѣланные». Въ романахъ перваго рода мысль, «слившаяся съ поэтическимъ образомъ», вполнѣ «воплощается въ

богатомъ, полномъ содержаніи: для романа историческаго предлагаетъ его государственная и семейная жизнь народовъ». Романы «сочиненные», хотя и обладаютъ мыслью, но не могутъ ее выполнить, не могутъ «совокупить всѣхъ подробностей извѣстной эпохи» «въ одну полную, стройную, живую картину». Что же касается до романовъ «сдѣланныхъ», то авторамъ ихъ «нѣтъ нужды до мысли, ибо они не создатели», «нѣтъ нужды до подробнаго изученія эпохи, ими воображаемой, до полнаго собранія матеріаловъ: съ нихъ довольно прочесть двѣ, три, много—четыре книжки для того, чтобы склеить свою исторію». «Византійскія легенды» относятся къ послѣднему роду романовъ.

«Не изъ области творческой фантазіи, не изъ сферы ума смѣтливо подражающаго, не изъ лабораторіи труда ненасытнаго и добросовѣстнаго вышли такъ называемыя «Византійскія легенды X-го вѣка»,—нѣтъ, онѣ вышли въ свѣтъ изъ того романнаго производства, которое, какъ и всякое другое въ изящной литературѣ, мы считаемъ обязанностью обличать передъ публикою».

«Нельзя не замѣтить», продолжаетъ критикъ: «что въ дѣланныхъ романахъ много страдаетъ исторія, и важнѣйшіе ея характеры у книгодѣльщиковъ превращаются въ самые обыкновенные до пошлости. Къ чему, напримѣръ, эти два злодѣя названы именами Никифора Фоки и Іоанна Цимисхія? Никифоръ историческій былъ государь, замѣчательный своею воинскою дѣятельностью и славою, и написалъ даже сочиненіе о ратномъ дѣлѣ: о сшибкахъ съ непріятелями. Въ кающемся злодѣѣ романа мы не видимъ и развалинъ прежняго Никифора; Іоаннъ Цимисхій здѣсь троекратный душегубецъ: узнаете ли въ немъ великаго соперника Святославу?»

Шевыревъ упрекаетъ Полевого за названіе романа «Византійскими легендами», ибо сюжетъ взятъ не изъ вѣрованій, а изъ исторіи народа, и находитъ, что слогъ романа «отзывается небрежною скорописью». Критика заключается слѣдующимъ: «Если бы эти двѣ книжки были произведеніемъ какого-нибудь молодого пера, начинающаго поприще—мы сказали бы ему съ чувствомъ надежды и снисхожденія: лучше бы не торопиться выдавать; посмотримъ, что будетъ впередъ; можетъ быть, и явится еще желанная искра: но когда мы уже знаемъ, что это грѣхъ пера, посвятившаго себя на производство книгъ всякаго рода, пера утомленнаго, но не пріобрѣтшаго годами никакой опытности, пера, исписавшагося до послѣднихъ силъ и едва-ли что-нибудь напи-

савшаго, то мы можемъ только безнадежно покачать головою. Совѣтовъ не дадимъ: оно само уже знаетъ себя, и на что они ему нужны?» [1]).

Среди изложеннаго журнальнаго движенія, возбужденнаго появленіемъ «Византійскихъ легендъ», среди безусловнаго одобренія *Пчелы*, умѣренныхъ похвалъ *Отечественныхъ Записокъ*, мудраго лукавства *Литературной Газеты* и язвительныхъ замѣчаній *Москвитянина*, совершенно затерялось уклончивое извѣщеніе о появленіи повѣсти Полевого *Русскаго Вѣстника*. *Русскій Вѣстникъ*, возобновленный въ 1841 году С. Н. Глинкой, въ числѣ прочихъ сотрудниковъ имѣлъ Полевого, который въ ноябрѣ того же года писалъ брату въ Москву: «Я говорю, что *Русскій Вѣстникъ* весь ляжетъ на меня, и ты согласишься, подумавъ о томъ» [2]). Само собою разумѣется, что, при подобномъ положеніи дѣла, *Вѣстнику* неудобно было разбирать произведеніе Полевого, что онъ и высказалъ въ своемъ извѣщеніи, не лишенномъ нѣкоторыхъ правдивыхъ общихъ замѣчаній о журналистикѣ.

«Сочиненіе—Полевого», напечатано въ этомъ журналѣ [3]): «слѣдовательно не подлежащее суду *Русскаго Вѣстника*. Говорятъ, что издателямъ журналовъ легче, нежели другимъ, вводить въ свѣтъ свои сочиненія. Отнюдь нѣтъ! Въ своемъ журналѣ нельзя говорить о нихъ, какъ знаешь и чувствуешь. Въ чужихъ—вы знаете, какъ это дѣлается:

А мнѣ хвалить какая стать?
Вѣдь онъ не нашего прихода".

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сюжетъ и обработка „Легендъ".—Источники.—Заключеніе.

Сюжетъ «Византійскихъ легендъ» весь заимствованъ изъ исторіи; онъ передается въ краткихъ словахъ въ «Исторіи русскаго народа», откуда мы и сдѣлаемъ извлеченія. Изображается положеніе Византіи въ X столѣтіи. «Константинъ Порфирородный уже скончался. Воцарился сынъ его, Романъ, ускорившій, какъ всѣ полагали, смерть отца своего отравою. Прекрасный собою,

---

[1]) *Москвитянинъ*, 1841, № 4, стр. 467—478.
[2]) „Записки" Кс. Полевого, стр. 534.
[3]) *Русскій Вѣстникъ*, 1841, т. II, кн. 4, стр. 251.

онъ былъ государемъ ничтожнымъ, и ядъ, данный супругою его Θеофаніею, женщиною низкаго рода, возведенною на престолъ только за красоту ея, прекратилъ дни Романа. Два малолѣтніе сына: Василій и Константинъ, и двѣ дочери: Анна и Θеофанія, были плодомъ неблагословеннаго брака его съ Θеофаніею. Оба сыновья Романа облечены были въ багряницу императорскую; Θеофанія объявлена ихъ опекуншею. Но она видѣла невозможность поддержать бремя правленія и отдала руку и престолъ счастливому завоевателю Крита, полководцу Никифору Фокѣ. Скупой, суровый, нелюбимый Дворомъ, народомъ и скоро опостылѣвшій развратной Θеофаніи, Никифоръ царствовалъ шесть лѣтъ и, видя слабость, паденіе халифатства сарацинскаго, устремлялъ все свое вниманіе на обратное завоеваніе греческихъ владѣній въ Азіи. Булгаровъ уговаривалъ онъ защищать Грецію съ сѣвера и препятствовать впаденію венгровъ въ греческія владѣнія. Симеона, царя булгарскаго, уже не было; сынъ его, Петръ, царствовалъ въ Булгаріи. Слабый и нерѣшительный, онъ колебался, и Никифоръ, разгнѣванный несогласіемъ, рѣшился наказать его. Въ Кіевъ отправился патрицій Калокиръ предложить Святославу походъ на Булгарію, вручивъ ему много золота и обѣщая еще болѣе при успѣхѣ» [1]). Святославъ явился на Дунаѣ, разбилъ болгаръ, царь которыхъ Петръ умеръ отъ горя. «Тайныя козни терзали между тѣмъ Византійскій Дворъ. Противъ императора Никифора таились заговоры. Калокиръ, посланникъ его, уже другъ Святослава, обѣщалъ отдать всю Булгарію руссамъ, если Святославъ пособитъ ему овладѣть греческимъ престоломъ. Побѣдителю хазаровъ и булгаровъ казалось возможнымъ такое предпріятіе. Онъ основался въ Переяславцѣ Дунайскомъ и не слушалъ пословъ Никифора, требовавшаго, чтобы руссы выступили изъ Булгаріи» [2]).

Однако нападеніе на Кіевъ печенѣговъ побудило Святослава оставить Болгарію. «Тогда Антіохія взята была сарацинами, и дѣла грековъ въ Азіи приняли оборотъ благопріятный. Никифоръ спѣшилъ помириться съ новымъ булгарскимъ царемъ Борисомъ, укрѣпилъ дружбу брачными союзами греческихъ царевичей съ булгарскими царевнами и готовился помогать булгарамъ, пославъ греческое войско» [3]).

---

[1]) „Исторія русскаго народа", т. I, стр. 167—168

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 169.

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 170.

Болгары, съ своей стороны, осмѣлились напасть на русскихъ, едва ли не завладѣли Переяславцемъ, какъ внезапное возвращеніе Святослава, подкрѣпленнаго венграми и печенѣгами измѣнило положеніе дѣла: «снова Переяславецъ и самъ юный царь Борисъ были въ рукахъ его». «Мечты Калокира могли осуществиться, ибо греческая имперія находилась въ великомъ замѣшательствѣ. Развратная Θеофанія сама ввела убійцъ въ чертоги императорскіе: Никифоръ палъ подъ мечами убійцъ-рабовъ и товарища своего Іоанна Цимисхія. Аравитяне грозили Греціи съ востока; голодъ свирѣпствовалъ въ Царьградѣ; духовенство возставало на Іоанна, требуя возвращенія правъ, отнятыхъ у церкви Никифоромъ. Самыя небесныя знаменія приводили грековъ въ робость и мы не дивимся, что присутствіе грознаго Святослава и толпы, разноплеменныхъ варваровъ на Дунаѣ ужаснули грековъ. Митрополитъ Іоаннъ, изъявляя горесть о смерти Никифора, въ эпитафіи ему, говорилъ: «Возстань государь! на насъ стремится Русская рать» [1]).

«Опасенія грековъ, въ самомъ дѣлѣ, могли быть не напрасны. Но императоръ Іоаннъ былъ мужественный человѣкъ, у котораго въ маломъ тѣлѣ таилась душа великая. Убійствомъ проложивъ себѣ путь къ престолу, онъ загладилъ злодѣйство силою ума и меча, ибо умъ былъ у него соединенъ съ необыкновенною тѣлесною крѣпостью и дѣятельностью. Онъ обвинилъ въ убійствѣ Никифора одного изъ своихъ соучастниковъ и далъ его на растерзаніе народу, удалилъ Θеофанію, отдалъ духовенству всѣ отнятыя права его и былъ вѣнчанъ на царство при всеобщей радости. Іоаннъ оставилъ малолѣтнихъ Константина и Романа соправителями и сочетался бракомъ съ теткою ихъ, дочерью Константина Порфиророднаго» [2]).

Вторая половина царствованія Фоки, который, уставъ отъ брани, сталъ вести суровый, замкнутый образъ жизни, составляетъ канву «Византійскихъ легендъ».

Три главныхъ типа, выведенные Полевымъ—самъ Никифоръ, Іоаннъ Цимисхій и Θеофанія.

Характеристика Никифора не столь односторонняя, какъ говорилъ въ своей рецензіи Шевыревъ. Грозный воитель, покорившій множество городовъ, наводившій трепетъ на непріятелей, удалился

---

[1]) „Исторія русскаго народа“, т. I, стр. 175.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 176—177.

*

съ военнаго поля и, въ то время, сторонился придворныхъ то
жествъ. «Удаленный въ тайные чертоги Вукалеона, онъ мрачно
задумчиво ходитъ одинъ по золотымъ палатамъ дворца. Никто н
смѣетъ предстать передъ его взорами, никто не знаетъ, какія дум
тревожатъ душу Никифора» [1]).

Солнечное ли затменіе, слухъ ли о пораженіи грековъ, смер
ли отца смущаютъ императора, но только онъ облекается во вы
сяницу, спитъ на простомъ красномъ войлокѣ и со слезами молитс
какъ бы предчувствуя свою близкую и страшную кончину. Обы
ныя козни византійцевъ и собственное мрачное состояніе духа д
лаютъ Никифора подозрительнымъ. Онъ перестаетъ довѣрять окр
жающимъ его придворнымъ, Іоанну Цимисхію, даже самой Ѳеоф
ніи... Онъ пытается разогнать свои сомнѣнія, возвратить милос
Іоанну, обрадовать тѣмъ жену... но двѣ анонимныя подметны
записки погружаютъ его снова въ прежнія мучительныя терзані
Дворецъ окружается стражей, императоръ ищетъ тщетно успокоен
у отшельника Ѳеотокія... Но заговоръ уже созрѣлъ, мятежни
прокрадываются потайнымъ ходомъ въ покои Никифора—и сове
шается злодѣйское убійство. Главой заговора былъ Іоаннъ Ц
мисхій, личность, выставленная въ «Легендахъ» нѣсколько одн
сторонне, такъ какъ въ немъ виденъ только хитрый царедворец
ловкій, не разбирающій средствъ для достиженія извѣстной цѣл
честолюбецъ, но не храбрый полководецъ, противникъ Святослав
и довольно талантливый администраторъ.

Спасшій нѣкогда жизнь императору, Іоаннъ былъ удаленъ от
двора и жилъ какъ бы въ опалѣ.

Заступничество Ѳеофаніи вновь возвысило его, вернуло ему утр
ченныя почести и приблизило къ Никифору Фокѣ. Но въ оско
бленномъ сердцѣ зажглась давно искра мести. Твердый характер
и покровительство императрицы, увлеченной Іоанномъ, дали по
слѣднему возможность овладѣть ключомъ отъ никому почти н
извѣстнаго входа во дворецъ и покончить съ врагомъ.

Розданные затѣмъ народу деньги и хлѣбъ, повышенія нужных
лицъ, возвращеніе нѣкоторыхъ правъ патріарху, умѣнье держат
себя со всѣми—вотъ причины, благодаря которымъ хищническ
добытый престолъ удержался за новымъ представителемъ визан
тійской имперіи.

Участницей совершившагося переворота была и императрица

---

[1]) „Византійскія легенды", ч. I, стр. 38—39.

Θеофанія. Ея характеръ наиболѣе выдержанъ и наиболѣе удался Полевому.

Выданная рано замужъ за императора Романа, Θеофанія отравила своего развратнаго супруга и возвела на престолъ Никифора.

Θеофанія испорчена окружающей ее душной, сладострастной и грязной обстановкой; она прельщается Цимисхіемъ и, желая освободиться изъ-подъ тяжелой и деспотической опеки Фоки, предаетъ императора въ руки своего возлюбленнаго. Но въ самый рѣшительный моментъ энергія ея ослабѣваетъ, затянувшіяся старыя раны раскрываются, тѣни прошлаго пытаютъ заговорившую совѣсть. Θеофанію не могутъ развлечь ни обмыванье жемчуга, ни пѣсни, ни разсказы невольницъ; индійскія куренья ее раздражаютъ.—время тянется мучительно долго... «Казалось, что не одна скука тревожила ее; тайное, скрытое что-то мучило Θеофанію, и она не могла найти услажденія ни въ забавахъ, ни въ раболѣпіи своихъ невольницъ. Она сердилась, смѣялась, задумывалась — но время, будто свинцовый грузъ, тяжело лежало на груди ея; безпрестанно спрашивала она, который часъ» [1]).

Между тѣмъ Цимисхій требуетъ свиданія, которое должно окончиться смертнымъ приговоромъ или императору, или любовнику. «Неужели и теперь, опять испытать мнѣ должно», думала она: «испытать, что испытала я въ ужасный день смерти Романа. Какъ? Эта глупая робость не исчезла въ теченіе семи лѣтъ? И опять это страшилище, которое преслѣдовало меня столько времени, будетъ преслѣдовать меня? Опять этотъ стонъ, это хрипѣніе умирающаго, все, что чудилось мнѣ тогда, опять все это будетъ чудиться мнѣ?

— Ужасно! Еще есть время... одно слово мое, и онъ спасенъ, и погибнетъ злодѣйство... Ему погибнуть? Погибнуть Цимисхію, прекрасному мужественному Цимисхію. Если бы можно было воротить... Говори умъ, говори мнѣ, сердце мое!» [2]).

Долгія колебанія разрѣшаются, наконецъ, не въ пользу Никифора. Но угрызенія совѣсти не смолкаютъ. Θеофанія хочетъ заглушить ихъ: обѣщаетъ соорудить храмъ въ честь Богоматери, украсить его золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, «черезъ нѣсколько лѣтъ оставить тронъ царяградскій», постричься въ мо-

---

[1]) „Византійскія легенды“, ч. II, стр. 21.

[2]) Тамъ же, ч. II. стр. 46—47.

нахини, итти пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Обѣты не даютъ отрады смутившейся преступницѣ.

«Ужасный порывъ вѣтра заревѣлъ мимо оконъ будуара; снѣгъ и дождь хлынули въ окна, и буря завыла, какъ будто дьяволы смѣялись вдалекѣ надъ словами Θеофаніи» [1]). Ключъ отъ потайной двери вручается Цимисхію. Когда же Θеофанія узнала о милостяхъ, которыми хотѣлъ осыпать опальнаго царедворца Никифоръ, она молитъ заговорщика отдать ключъ.

«Цимисхій!» сказала Θеофанія умоляющимъ голосомъ: «отдай ключъ!»— Цимисхій не отвѣчалъ ни слова.

— Отдай мнѣ ключъ ради будущаго спасенія тебя, меня, твоей и моей души на второмъ пришествіи Спасителя!..

«Нѣтъ! Это невозможно!»

— Умоляю тебя!— Θеофанія бросилась передъ нимъ на колѣни.

— «Нѣтъ!»

— Мужъ крови и смерти! трепещи—я иду и все открою Никифору.

«Хорошо, иди и скажи ему, что Цимисхій и убійцы введены были въ тайный чертогъ твой твоею рукою, тою самою рукою, которая передала нѣкогда Антипоѳеодору стаканъ прохладительнаго питья, поднесенный имъ Роману, сыну Константина Порфиророднаго»...

Съ ужасомъ отшатнулась отъ него Θеофанія, и болѣзненный стонъ вырвался изъ ея груди -нѣтъ изъ ея души! Когда опомнилась она, Цимисхія уже не было въ комнатѣ, и невольно повторила она слова Никифора: μιανθεὶς αἵματι καὶ κονίησι» [2]).

Въ тотъ вечеръ, въ теченіе котораго должно было совершиться злодѣяніе, Θеофанія присутствовала на пиру. Она хотѣла убѣдить себя, что жизнь Никифора будетъ пощажена, хотѣла развеселиться. «Но радость и веселье Θеофаніи походили на судорожный смѣхъ спящаго преступника. Она не смѣялась—она хохотала, приказывала громче пѣть веселыя пѣсни и въ концѣ пира, какъ будто въ насмѣшку, составляла хоры изъ самыхъ почетныхъ придворныхъ, заставляла пѣть великаго логофета и друнгарія, заставляла ихъ унижаться и кланяться» [3]).

---

[1]) „Византійскія легенды", ч. II, стр. 48.

[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 73—74.

[3]) Тамъ же, ч. II, стр. 183—184.

Она искала забвенія въ крѣпкомъ винѣ. «Предметы двоились въ глазахъ ея: подлѣ каждаго человѣка еще кто-то являлся ей угрожающею тѣнью» [1]).

Вернувшись въ свои чертоги послѣ пира, она «бросилась на свое богатое сѣдалище, сбросила съ головы своей алмазную повязку и оттолкнула ее ногою».

«Прочь, ты жжешь, ты давишь мою голову!» вскричала она.

Вдругъ вѣсть объ убіеніи Никифора достигаетъ до нея. Ужасный свидѣтель кончины императора, постельничій Іосифъ, стоитъ передъ Ѳеофаніей.

«Зачѣмъ ты брызгаешь кровью на мое платье!»—возопила Ѳеофанія, торопливо отирая руками свое платье.—«Прочь отъ меня—ты страшенъ, ты блѣденъ, ты мертвецъ, твое жилище—гробъ, отъ тебя пахнетъ могилой!.. Итти съ тобою? Нѣтъ, Никифоръ я не пойду съ тобою—ты уведешь меня въ адъ... я еще жива, я хочу жить; радоваться жизнью—я хочу быть счастлива, богата, знаменита... счастлива хочу я быть... прочь отъ меня! Ахъ! спасите, спасите меня—онъ тащитъ, влечетъ меня съ собою... онъ и Романъ, Романъ также... Вотъ они оба...»

«Волосы подымались у всѣхъ отъ ужаса, когда страшная исповѣдь совѣсти высказывалась устами безумія» [2]).

Иноческій санъ успокоилъ мятущуюся душу.

Наступило время торжественнаго коронованія Цимисхія. «Въ скрытномъ, дальнемъ углу храма, на колѣняхъ стала Ѳеофанія, закрытая чернымъ покрываломъ, невидимая никѣмъ. Объ ней забыли легкомысленные, устремя вниманіе на величественное зрѣлище коронованія Іоанна Цимисхія. Никто не оцѣнилъ величіе ея подвига, когда отверженною, презрѣнною, опозоренною грѣшницею молилась она» [3]).

Кромѣ выведенныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ «Византійскихъ легендахъ» есть нѣсколько удачныхъ описаній византійскихъ обычаевъ, дворца и отдѣльныхъ частей Константинополя.

Характеризуя Царьградъ, Полевой отмѣчаетъ его «православіе безъ вѣры, великолѣпіе безъ силы и умъ безъ науки». Картина посрамленія представителя древней философіи, осмѣлившагося утвер-

---

[1]) „Византійскія легенды“, ч. II, стр. 184.
[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 197—198.
[3]) Тамъ же, ч. II, стр. 222—223.

ждать, что земля кругла и существуютъ антиподы, и нелѣпыя аудіенціи, данныя посламъ мизійскимъ и посламъ Оттона, раскрываютъ передъ нами то разслабленіе, ту нравственную дряхлость, которая растлила Византію. Длиннѣйшій и скучнѣйшій церемоніалъ, масса льстивыхъ царедворцевъ, пурпуръ и золото, возвеличиваніе до небесъ императора, который не удостаиваетъ вниманіемъ западнаго посла и говоритъ черезъ доместика, пѣніе при звукахъ трубъ и кимваловъ—представляютъ только внѣшнюю, показную сторону разлагающейся имперіи.

Во второй части романа находимъ описаніе будуара Ѳеофаніи и ея домашней жизни. Обычная восточная, нѣжащая роскошь невольницы, обязанныя развлекать императрицу пѣснями и разсказами, такія мирныя занятія, какъ обмываніе жемчуга въ розовой душистой водѣ, все видимое приличіе и недоступность для постороннихъ этихъ покоевъ—дѣлали ихъ какимъ-то святилищемъ. Но въ подобныхъ мѣстахъ иной разъ совершались ужасающія дѣла, составлялись омерзительные планы...

Византійскій ипподромъ, занимавшій видное мѣсто въ Царьградѣ и игравшій благодаря партіямъ синихъ и зеленыхъ видную роль, заинтересовалъ автора, изложившаго его исторію и давшаго подробное описаніе площади, на которой онъ помѣщался.

Для «Византійскихъ легендъ» Полевой перечелъ не мало источниковъ и сочиненій по исторіи Византіи.

а) Самымъ важнымъ матеріаломъ послужила хроника *Льва, Діакона Калойскаго*, изданная въ русскомъ переводѣ въ 1820 г. На эту хронику встрѣчаются частыя ссылки (см. «Византійскія легенды», ч. I, стр. 36, 161; ч. II, стр. 94, 130, 146 и др.). Эпизодъ съ подметными письмами, предостерегавшими Никифора, взятъ изъ этого источника.

«Говорятъ, что въ праздникъ безплотныхъ силъ одинъ пустынный монахъ отдалъ ему письмо и немедленно удалился. Онъ развернулъ его и прочиталъ; содержаніе было слѣдующее: «Государь! Провидѣніе от-

«Онъ (юродивый) вручилъ Никифору какой-то лоскутокъ бумажки, что-то сказалъ ему и мгновенно исчезъ въ толпѣ народа. Никифоръ взглянулъ небрежно на бумажку, и ужасъ изобразился на лицѣ его» [1])...

---

[1]) „Византійскія легенды", ч. I, стр. 100.

крыло мнѣ, ничтожному червю, что ты, по прошествіи сентября, въ третій мѣсяцъ переселишься изъ сей жизни» [1]).

Или: «Говорятъ, что повечеру, во время пѣснопѣнія, одинъ клирикъ подалъ императору записку, въ коей написано было: «Государь! Да будетъ тебѣ извѣстно, что въ сію ночь ужасная смерть готовится тебѣ. Это истина: прикажи осмотрѣть женскіе чертоги; тамъ найдутъ вооруженныхъ людей, готовыхъ убить тебя».

Прочитавъ сію записку, онъ приказалъ постельничему Михаилу сдѣлать надлежащій осмотръ для отысканія сихъ воиновъ» и т. д. [3]).

«въ бумажкѣ было написано: «трепещи, Никифоръ, близка смерть твоя» [2]).

...«Послѣ прихода своего отъ Θеофаніи, Никифоръ, дѣйствительно, увидѣлъ на столикѣ записку, ужаснулся, велѣлъ Михаилу тщательно осмотрѣть весь дворецъ свой и особенно отдѣленіе Θеофаніи» [4]).

Руководствуясь тою же хроникой, говоритъ Полевой о заговорѣ постельничаго Іосифа послѣ смерти императора Романа [5]), о посольствѣ мисянъ, ищущихъ примиренія съ Византіей, о прибытіи болгарскихъ царевенъ [6]), о суровомъ образѣ жизни Никифора [7]). о заступничествѣ за Цимисхія Θеофаніи [8]); наконецъ, приведена дословная выдержка изъ сочиненія Льва Діакона, въ которой представлена печальная кончина Никифора [9]).

b) Другой крупный источникъ долженъ былъ заключаться въ «Histoire du bas-empire par *Lebeau*», въ 14-мъ томѣ которой до-

---

[1]) *Левъ Діаконъ*, изданіе Газе. С.-Пб. 1820, стр. 51.
[2]) „Византійскія легенды“, ч. II, стр. 96.
[3]) *Левъ Діаконъ*, стр. 53.
[4]) „Византійскія легенды“, ч. II, стр. 96—97.
[5]) Хроника, стр. 22—25; „Византійскія легенды“, ч. I, стр. 227—229.
[6]) Хроника, стр. 49—50; „Византійскія легенды“ ч. I, стр. 86—87.
[7]) Хроника, стр. 51; „Византійскія легенды“, ч. I, стр. 39.
[8]) Хроника, стр. 52—53; „Византійскія легенды“, ч. I, стр. 59—60.
[9]) Хроника, стр. 54—56; „Византійскія легенды“, ч. II, стр. 137—146.

вольно подробно излагается царствованіе Никифора Фоки phore II, pp. 63—100, по изданію 1833 г.). Хотя Полевой и не минаетъ Лебо [1]), однако, вѣроятно, изъ него, а не изъ др сочиненія взята картина смятенія, происшедшаго въ циркѣ, Никифоръ пожелалъ замѣнить существовавшія игры др «болѣе достойными славнаго имени римскаго», и велѣлъ с воинамъ на аренѣ цирка представить примѣрное сраженіе, «во дни мира поучаться войнѣ противъ враговъ». Появлен оруженныхъ воиновъ навело паническій страхъ на народъ.

«Quelques jours après, il (Nicéphore) donna des jeux dans le cirque, et pour divertir le peuple, il voulut lui faire voir l'image d'un combat de cavalerie. Dès que les cavaliers, partagés en deux corps, eurent tiré l'épée, les spectateurs qui n'étaient pas prévenus, s'imaginant que c'était le moment de la vengeance, et qu'on allait fondre sur eux, prennent l'épouvante, et se sauvent en confusion; hommes, femmes, enfants, tous se pressent, tous s'écrasent les uns les autres dans les passages étroits; il en tomba un grand nombre, qui furent foulés aux pieds; et il en aurait péri davantage, si la contenance pacifique et les cris de l'empereur, qui tâchait de calmer cette alarme, n'en eussent retenu une partie» [2]).

«Златоносные ратники и ганы обнажили мечи и с лемъ и крикомъ устремилис противъ другихъ, желая ставить зрителямъ прим сраженіе—смятеніе распр нилось въ народѣ. Крикъ: «(рѣжутъ! императоръ велѣл вать всѣхъ, кто находит ипподромѣ . . . огласил площадь. Все дрогнуло . . ринулось, бросилось бѣжа

Толпа падала на тол Никифоръ приказалъ остан примѣрную битву воиновъ бросился уговаривать, о вливать народъ, велѣлъ р шать, что ложные слухи гали зрителей ипподрома Множество людей было лено, изувѣчено» [3]).

Едва ли не изъ Лебо взята Полевымъ приводимая им

[1]) Впрочемъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*, 1829, № 8, стр. 491, встрѣ имя этого историка.

[2]) „Histoire du bas-empire" par Lebeau. Paris. 1833, t. XIV, pp. 7

[3]) „Византійскія легенды", ч. I, стр. 158—159.

тафія въ честь Никифора, сочиненная Іоанномъ, митрополитомъ Мелитинскимъ [1]).

c) Значительная часть перваго тома «Легендъ», посвященная описанію Византійскаго цирка, основана на «Исторіи упадка и разрушенія Римской Имперіи» *Эдуарда Гиббона*. Полевой съ большимъ уваженіемъ относился къ этому труду. «Гиббоново безсмертное твореніе», писалъ онъ: «есть сочиненіе, необходимое для познанія Византійской исторіи» [2]).

Возницы колесницъ носили платья синяго, зеленаго, краснаго и бѣлаго цвѣтовъ, которымъ придавали особенное символическое значеніе.

«Въ случайно выбранныхъ ими цвѣтахъ усмотрѣли сходство съ внѣшнимъ видомъ природы въ различныя времена года—съ красноватымъ блескомъ Сиріуса въ лѣтнюю пору, съ зимними снѣгами, съ осеннимъ мракомъ и съ пріятной для глазъ весенней зеленью. Другое объясненіе предпочитало элементы временамъ года и считало борьбу зеленыхъ съ синими за изображеніе борьбы между землею и моремъ» [3]).

«Одни говорили, что бѣлый цвѣтъ изображаетъ собою время *зимы* и бѣлоснѣжный покровъ ея; красный относится къ пламенному *лѣту* и его огневиднымъ небесамъ; зеленый означаетъ *осень*, съ ея благодарнымъ зеленымъ украшеніемъ, а синій *весну*, съ ея лазурными небесами. Другое объясненіе простиралось гораздо далѣе. Говорили, что *огонь*, *воздухъ*, *земля и море* суть знаменія краснаго, бѣлаго, зеленаго и синяго цвѣтовъ» [4]).

Разсказъ о мятежѣ, извѣстномъ подъ именемъ Nika, торжественномъ вѣнчаніи на форумѣ патриція Гипатія [5]), неистовствахъ геруловъ, пожарѣ въ городѣ [6]) и о геройскомъ подвигѣ Ѳеодоры [7])—переданъ въ «Легендахъ» на основаніи того же Гиббона.

---

[1]) „Histoire du bas-empire“, t. XIV, p. 100; „Византійскія легенды“, ч. II, стр. 146; ср. также „Исторію русскаго народа“, т. I, стр. 176 и „Corpus scriptorum historiae Byzantinae“. *G. Cedrenus*, Bonnae. 1839, tomus alter, p. 378.

[2]) „Исторія русскаго народа“, т. I, стр. 89.

[3]) *Гиббонъ*. Пер. В. Невѣдомскаго. М. 1885, ч. IV, стр. 320—321.

[4]) „Византійскія легенды“, ч. I, стр. 116—117.

[5]) *Гиббонъ*, ч. IV, стр. 327; „Византійскія легенды“, ч. I, стр. 139.

[6]) *Гиббонъ*, ч. IV, стр. 325—326; „Византійскія легенды“, ч. I, стр. 135

[7]) *Гиббонъ*, ч. IV, стр. 328; „Византійскія легенды“, ч. I. стр. 140.

d) Неудача, постигшая при Византійскомъ дворѣ посо: императора Оттона, сдѣлалась извѣстной Полевому изъ книг скопа *Луитпранда*, а вступленіе на престолъ Іоанна Ци возвращеніе имъ духовенству нѣкоторыхъ правъ и закл Θеофаніи въ монастырь изображено по *Кедрину*.

По поводу спора, кого называть Римскимъ императоромъ, Луитпрандъ обращается, повидимому, къ Оттону: «Ipse enim vos, non *imperatorem*, id est βασιλέα sua lingua, sed ob indignationem ῥῆγα, id est *regem* nostra vocabat» [1]).

«Или не думаешь посол зновенный», возгласилъ стикъ: «что ты подвергаеш ности свою голову, дерз корблять величіе образа на землѣ, Великаго Госуда шего, именуя его *Греческ* придавая имя *Римскаго* и ратора своему Германскому дарю» [2]).

Упоминаніе объ отказѣ выдать царевну за германскаго вича есть у Луитпранда и Полевого [3]), а одна цитата изъ «Le вполнѣ приведена въ «Легендахъ» [4]).

О правахъ, даруемыхъ Цимисхіемъ церкви:

«Patriarcha jubet conscindi libellum edicti quod ad confundendas res ecclesiasticas Nicephorus ediderat...

...edicti libellus prolatus et discerptus est, pristinaque ecclesiae libertas reddita» [5]).

Рѣчь Цимисхія къ Пат «Се первое дѣло моего царс нія: признаю тебя независ судьею во всѣхъ церковны лахъ, возвращаю церкви в нятыя у нея Никифором нія и права,—вотъ судныя выя грамоты, которыя ист тебя Никифоръ—возьми чтожь ихъ» [6]).

«In provinciam Armenicam est deportata, in Damidis monaste-

Говоритъ Патріархъ: «...(нія! отнынѣ ты инокиня, с:

---

[1]) „Luitprandi legatio". Bonnae. 1828, p. 344.
[2]) „Византійскія легенды", ч. I, стр. 77.
[3]) „Legatio", p. 350; „Византійскія легенды", ч. I, стр. 75.
[4]) „Византійскія легенды", ч. I, стр. 149—150; „Legatio", p. 349
[5]) *G. Cedrenus*, Bonnae. 1839, tomus alter, p. 380.
[6]) „Византійскія легенды", ч. II, стр. 213—215.

rium recens ab imperatore conditum» [1]).

ца съ сего часа—закрой лицо твое отъ человѣковъ» [2]).

e) Въ обрисовкѣ площади царьградскаго ипподрома видно знакомство Полевого съ «Книгой о статуяхъ города Константинополя» *Никиты Хоніата*, автора исторіи Византіи съ царствованія Іоанна Комнина. Согласно указаніямъ Хоніата, Полевой описываетъ статую Елены, орла, заклевавшаго змѣя, и другія уничтоженныя изваянія.

«Былъ еще въ ипподромѣ мѣдный орелъ—изобрѣтеніе Аполлонія Тіанскаго и великолѣпное созданіе его волшебства. Орелъ расширилъ крылья, какъ будто желая взлетѣть; между тѣмъ подъ его ногами лежалъ свившійся въ кольцо змѣй» и т. д. [3]).

«Еще одинъ памятникъ ипподрома обращалъ на себя вниманіе зрителей своимъ изображеніемъ: это былъ мѣдный, огромный орелъ, поднявшій распростертыя крылья и державшій въ когтяхъ страшнаго змія. Говорило преданіе, что изображеніе царя пернатыхъ было произведено мудрымъ Аполлоніемъ Тіанскимъ» [4]).

f) При бытовыхъ характеристикахъ, Полевой пользовался книгой *Константина Порфиророднаго*, извѣстной подъ заглавіемъ: «De ceremoniis aulae Byzantinae». Картина пріема пословъ и описаніе чудеснаго механизма царскаго трона могли, впрочемъ, быть заимствованы имъ и изъ романа *В. Скотта*: Robert de Paris [5]).

«Un arbre, dont le tronc paraissait aussi être d'or, s'élevait derrière le trône, que ses branches couvraient comme un dais. Sur ses rameaux étaient perchés des oiseaux de différentes espèces, d'un travail curieux, et des

...При входѣ посла: «Казалось, что тронъ императорскій ожилъ: листья серебрянаго дерева, осѣнявшіе его, зашевелились; птицы, сидѣвшія на немъ, двигали головами и крыльями; львы подняли гривы, зашевелили глазами и съ

---

[1]) *G. Cedrenus*, p. 380.

[2]) „Византійскія легенды", ч. II, стр. 222.

[3]) Византійскіе историки въ русскомъ переводѣ: исторія Никиты Хоніата. Спб. 1862, т. II, стр. 426—442, 8.

[4]) „Византійскія легенды", ч. I, стр. 108—109.

[5]) Отзывы объ этомъ романѣ помѣщены въ *Московскомъ Телеграфѣ*, *1831*, № 21, стр. 148; 1832 № 14, стр. 248.

fruits formés de pierres précieuses brillaient à travers les feuilles... Il était d'usage que, par le moyen d'un mécanisme facile à concevoir, les lions, à l'entrée d'un étranger, se levassent et rugissent. Le vent semblait ensuite agiter les feuilles de l'arbre; les oiseaux sautaient de branche en branche, béquetaient les fruits, et semblaient remplir la chambre de leurs accents» [1]).

ревомъ подвинулись впере
зѣвая пасти, какъ будто х
проглотить чужеземцевъ, щ
жавшихся къ трону» [2]).

g) Довольно рѣзко обнаруживается въ «Легендахъ» стре
Полевого выдержать колоритъ времени.

Императоръ Никифоръ въ разговорѣ съ Ѳеофаніей при
цѣлую главу изъ сочиненія *Василія Македонянина.*

Приводимъ эту цитату.

«Sola virtutis dotatio plus ornamenti affert regibus, quam universa quae mundus hic habet grata et delectabilia. Nam forma et decor aut morbo, aut certe aetate flaccescunt. Opes ignaviae et voluptatum plerumque sunt fomites etc» [3]).

«Всѣ преимущества тѣ
не столько украшаютъ
сколько украшаютъ его ми
справедливость. Красота и
етъ съ лѣтами; богатство
етъ лѣность и страсти» и

Кромѣ того, одна изъ рабынь Ѳеофаніи разсказываетъ
которая принадлежитъ къ циклу «*Матроны Эфесской*»—и

---

[1]) Oeuvres complètes de sir W. Scott. Paris. 1832: „Contes d hote"—„Robert de Paris", t. I, pp. 214—216. Ср. „Corpus scriptorum h Byzantinae": Constantinus Porphyrogenitus. Bonnae. 1829, vol. I, cap. 15, pp. 568—569: „incipiunt *aurei leones rugire* avesque aureae sacro throno, quam in aureis arboribus circumpositis sedentes, har cantillare etc." О львѣ есть упоминаніе и у Скотта (aux deux côt la figure d'un lion accroupi).

[2]) „Византійскія легенды", ч. I, стр. 74—75; стр. 56—57; ср. „I русскаго народа", т. I, стр. 88.

[3]) „Exhortationes Basilii imperatoris ad Leonem filium". Basilia „De virtute", cap. 8, p. 29. Русскій переводъ. М. 1776.

[4]) „Византійскія легенды", ч. II, стр. 72.

нѣйшей новеллы Петроніева Satyricon'а, гдѣ выставлена «безутѣшная вдова, жертвующая для блага любовника трупомъ своего покойнаго мужа» [1]). Въ новеллѣ Полевого [2]) три вдовы и три любовника. Вдовы безутѣшны: дѣлаютъ себѣ деревяннаго чурбана, изображающаго покойника; бальзамируютъ трупъ; проводятъ ручеекъ, обѣщая плакать, пока онъ течетъ. Въ результатѣ то же, что у Петронія. Одна сжигаетъ свой чурбанъ, чтобы согрѣть любовника; другая отрѣзаетъ носъ у набальзамированнаго трупа, чтобы утишить боль въ желудкѣ любовника; третья отводитъ ручеекъ, чтобы больше не плакать, а блаженствовать. Два послѣдніе эпизода: отрѣзываніе носа и отводъ ручейка заставляютъ думать, что свой варіантъ Полевой нашелъ въ «Zadig'ѣ» Вольтера [3]).

Вѣроятно, также для болѣе точнаго и правильнаго опредѣленія византійскаго ритуала приведены Полевымъ оригинальныя пѣсни въ честь императора.

«И по знаку, данному Никифоромъ, съ громомъ трубъ и звономъ кимваловъ соединились варварскія пѣсни фаргановъ: Κωνσερβετ Δεως ἰμπεριωμ βεστρομ — βικτορ σις σεμπερ — βιβιτε Δομινι Ἡμπερατορες ἣν μυλτος ἀννος» [4]).

Подобная передача греческими буквами латинскаго текста не представляется невѣроятной. «Канцеляріи Квестора», пишетъ одинъ изъ новѣйшихъ византинистовъ: «по роду своихъ обязанностей, вѣроятно, болѣе другихъ знавшіе латинскій языкъ,

---

[1]) *Русское Слово*, 1860, № 9, стр. 139: пересказъ Н. М. Благовѣщенскаго.

[2]) „Византійскія легенды", ч. II, стр. 32—43.

[3]) Въ „Садигѣ" Азора, жена героя разсказа, возвратясь однажды домой, съ негодованіемъ говоритъ мужу, что та вдова, которую утѣшать она ходила и которая дала обѣтъ оставаться возлѣ могилы покойнаго, пока течетъ ручей, окружающій эту могилу, въ настоящее время отводитъ его. Между тѣмъ, когда супругъ Азоры мнимо умеръ, она не задумалась отрѣзать у quasi—покойника носъ, чтобы облегчить страданія молодого Кадора, высказавшаго, что только подобное средство можетъ помочь ему. (См. Romans de Voltaire suivis de ses contes en vers. Paris. Garnier Frerès. „Zadig, ou la destinée", ch. II: „Le nez").

О варіантахъ новеллъ цикла „Матроны Эфесской" см. монографію *Griesebach'a*: Die Wanderung der Novelle von der treulosen Wittwe durch die Weltlitteratur. Berlin, 1886.

[4]) То-есть „Conservet Deus imperium vestrum—victor sis semper—vivite Domini Imperatores in multos annos"; см. „Византійскія легенды", ч. I, стр. 157.

должны были, какъ придворные пѣвчіе и поэты партій цирка, пѣть по-латыни. Хотя въ IX—X вв. (эпоха Никифора), быть можетъ, и они уже не знали латинскаго языка, тѣмъ не менѣе по традиціи продолжали пѣть латинскіе стихи, или, какъ тогда говорилось, «пѣть по-римски» (ῥωμαϊστί); латинскіе стихи они, быть можетъ, заучивали по записямъ, въ которыхъ эти пѣсни сохранились отъ прежнихъ временъ и были написаны, быть можетъ, даже не латинскими, а греческими буквами, въ греческой транскрипціи» [1]).

Въ заключеніе сопоставленій различныхъ источниковъ съ «Византійскими легендами», не лишнимъ будетъ указать и на нѣкоторыя встрѣчающіяся въ нихъ неточности. Такъ, не зеленые а синіе подкрѣплялись милостью императрицы Θеодоры [2]), а Θеофанія далеко не спокойно и не добровольно удалилась въ монастырь, какъ передается этотъ фактъ въ повѣсти Полевого [3]).

Затѣмъ, приведенная на 143-ей страницѣ первой части цитата «innumeris populis trucidatis etc.» приписана Амміану Марцеллину жившему значительно ранѣе Марцеллина, автора хроники о царствованіи Юстиніана. Полевой взялъ цитату цѣликомъ изъ Гиббона (т. IV, стр. 329, примѣчаніе, по перев. Невѣдомскаго), не назвавшаго имени Марцеллина.

Подлинные историческіе факты, извлеченные изъ источниковъ были изложены Полевымъ въ живой повѣствовательной формѣ методъ, котораго держался авторъ, создавая «Клятву при гробѣ» сохранился и въ «Византійскихъ легендахъ». Отступленія отъ исторіи рѣдки и незначительны, что̀ и подало Полевому поводъ назвать и эту повѣсть «былью».

«Нѣсколько *событій* десятаго вѣка взялъ я изъ лѣтописей Царьграда», говоритъ онъ въ предисловіи: «для сочиненія, которое предлагаю читателямъ. Царьградъ въ X-мъ вѣкѣ: Никифоръ мрачный и суровый; Іоаннъ Цимисхій, столь храбрый во брани сколько онъ былъ неукротимъ въ страстяхъ; Θеофанія супруга и губительница двухъ властителей Царьграда: вотъ дѣйствующіе

---

[1]) *Д. О. Бѣляевъ.* Byzantina. Спб. 1893, кн. II, стр. 72.

[2]) „Византійскія легенды", ч. I, стр. 127 — 128; ср. *Гиббона*, т. IV стр. 312.

[3]) Удаляемая изъ Царьграда по требованію патріарха, Θеофанія пришла въ неистовство; упрекала въ неблагодарности Цимисхія и бранила собственныхъ дѣтей. См. *Гиббона*, т. V, стр. 351. *G. Cedrenus*, t. II, p. 380

лица картины, которую рѣшился я изобразить. Повторяю, что сказалъ нѣкогда: она не *исторія* и не *романъ*» [1]).

Образцами для «Легендъ», равно какъ и для «Клятвы», послужили западно-европейскіе историческіе романы. «Многіе изъ новѣйшихъ Лагарповъ и Батте увѣряютъ, будто произведенія такого рода суть ошибки искусства. Вѣрить-ли? Если *Сенъ-Марсъ*, если «Церковь Парижской Богоматери», если «Кенильвортъ», если «Обрученные»—ошибки... пожелаемъ такихъ ошибокъ искусству» [2]).

Внѣшніе пріемы изложенія въ этой повѣсти опять тѣ же, что и въ «Клятвѣ».

Повѣствованіе часто прерывается выпиской изъ какого-либо историка. Такъ приводится разсказъ Льва Діакона объ убіеніи Никифора [3]).

Языкъ повѣсти легкій и довольно выдержанный. Встрѣчающіяся мѣстами риторичность и нѣкоторая напыщенность, на которыя указано было критикой, явленія не частыя и не вредятъ хорошему общему впечатлѣнію.

Большое число источниковъ, извѣстныхъ Полевому, позволяетъ поднять вопросъ о знаніи авторомъ «Легендъ» латинскаго языка. Затрудняясь отвѣтить на него положительно, подчеркнемъ, что въ повѣсти и въ «Исторіи русскаго народа» есть ссылки на сочиненія византійскихъ историковъ [4]) и что иногда даже приведены цитаты на латинскомъ языкѣ [5]).

---

[1]) Введеніе къ „Византійскимъ легендамъ", стр. 7.

[2]) Тамъ же, стр. 7.

[3]) „Византійскія легенды", ч. II, стр. 137 и д.

[4]) „Отсылаемъ любопытныхъ къ огромной книгѣ, въ которой Константинъ Порфирородный, *на память потомству, въ наученіе сыну своему*, собралъ и изъяснилъ всѣ обряды Царьградскаго Двора, назвавъ свое сочиненіе: „Σύνταγμα" („Византійскія легенды", ч. I, стр. 48). Въ „Исторіи русскаго народа" часто попадаются ссылки на „Memoriae populorum" Штриттера, написанныя по-латыни, а въ одномъ мѣстѣ выясняется личность поэта, который сочинилъ эпитафію Никифору Фокѣ, приведенную въ „Легендахъ" (ч. II, стр. 146). „Іоаннъ", читаемъ въ I т. „Исторіи русскаго народа" (стр. 176): „былъ митрополитъ Мелитинскій. Эпитафія, имъ сочиненная, *сохранилась у Скилитца*". У Скилиція *дѣйствительно* находятся упоминаемые стихи. См. „Corpus scriptorum historiae Byzantinae. *G. Cedrenus*, Bonnae. 1839, t. alter, p. 378.

[5]) Слова Лунтпранда: „hoc solo, id est Romanorum nomine, quidquid ignobilitatis etc." приведены вполнѣ въ подтвержденіе жалкаго состоянія Византіи въ X в. („Византійскія легенды", ч. I, стр. 150).

Знаніе французскаго и англійскаго языковъ и замѣчательная способность быстраго усвоенія иностранныхъ языковъ вообще могли значительно облегчить Полевому и усвоеніе латыни [1]). Въ «Запискахъ» Кс. Полевого находимъ указанія на изученіе Николаемъ Алексѣевичемъ классицизма, знакомиться съ которымъ онъ сталъ подъ вліяніемъ совѣтовъ Каченовскаго, полагавшаго, что для разработки русской исторіи «важнѣе, необходимѣе всего заняться древними языками». По свидѣтельству «Записокъ», одно время «греческіе словари, грамматики, учебники не сходили со столика Полевого» [2]).

---

[1]) Этимъ однимъ языкомъ можно было ограничиться по той причинѣ, что произведенія греческихъ историковъ издавались обыкновенно на двухъ языкахъ: греческомъ и латинскомъ. Такъ изданъ и знаменитый Боннскій „Corpus scriptorum historiae Byzantinae“.

[2]) „Записки“ Кс. Полевого, стр. 61—62.

III.

«АББАДОНА».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Появленіе „Аббадоны“ Полевого.—Отзывы о повѣсти Бѣлинскаго и современниковъ.—Сюжетъ повѣсти.

Въ № 9 *Московскаго Телеграфа* за 1833 годъ Полевой напечаталъ начало повѣсти «Живописецъ», изображавшей жизнь художника, полную бѣдствій и лишеній, если не всегда матерьяльныхъ, то всегда нравственныхъ. Аркадій, герой повѣсти, художникъ по призванію. Онъ получилъ хорошее артистическое образованіе въ домѣ одного широко развитого сановника, вдали отъ той скромной и чуждой высокихъ стремленій чиновничьей жизни, которою жили въ маленькомъ уѣздномъ городишкѣ его отецъ, отставной казначей, и братья—исправные канцеляристы. Недовольство жизнью уѣзднаго чиновника и отвращеніе къ схоластическимъ пріемамъ, царившимъ въ Петербургскомъ училищѣ живописи, сдѣлали Аркадія въ глазахъ общества человѣкомъ непутнымъ, сбившимся съ толку и подающимъ опасный примѣръ другимъ. Смерть покровителя, поддерживавшаго его своимъ авторитетомъ, поставила его въ безпомощное положеніе, среди чуждой ему и холодной столицы... Однако талантъ и нѣкоторая посторонняя помощь помогли ему облегчить жизнь со стороны матерьяльной.

Нравственный же гнетъ попрежнему тяготѣлъ надъ нимъ. Какой-нибудь чиновникъ, дослужившійся до чина коллежскаго совѣтника и ордена Владиміра въ петлицѣ, презрительно отзывается о неокончившемъ курса мазилкѣ; отецъ любимой дѣвушки не рѣшается выдать дочь свою за человѣка, занимающагося такимъ неопредѣленнымъ «ремесломъ», да и сама дочь, при всей своей видимой симпатіи къ Аркадію, не понимаетъ написанной имъ картины и соглашается выйти замужъ за глупаго, но бо-

гатаго и подающаго большія надежды по службѣ чиновника. Не особенно крѣпкое здоровье Аркадія не выдерживаетъ столькихъ ударовъ, онъ уѣзжаетъ за-границу и тамъ умираетъ истомленный жизнью и непонятый людьми.

Чувство артиста всегда возмущалось въ Аркадіи, который бичевалъ людей. «Ничего!»—сказалъ онъ, горько улыбаясь: «они (люди) уничтожили высокій міръ художника, разбили истуканъ изящнаго, которому молился онъ въ Греціи, отняли у искусства религіозную святость среднихъ вѣковъ и хохочутъ надъ тѣмъ, кто стремится въ эти погибшіе міры искусствъ. Онъ врагъ имъ, нынѣшнимъ ремесленникамъ, и они всѣ заодно противъ него, мстятъ ему, какъ человѣку; отказываютъ ему, если онъ соглашается на бѣдное счастье людское; боятся его, клеймятъ его позоромъ и насмѣшкою»... [1]).

«Живописецъ» былъ первою повѣстью о художникѣ Полевого, который въ слѣдующемъ 1834 году приступилъ къ печатанію другого, бо́льшаго по объему, произведенія съ подобнымъ же сюжетомъ—«Аббадоны».

Желаніе избѣгнуть возможныхъ цензурныхъ непріятностей а также, быть можетъ, избѣгнуть затрудненій, тѣсно связанныхъ съ вѣрнымъ и точнымъ изображеніемъ русскихъ типовъ и русскаго общества—послужило причиной тому, что Полевой въ своемъ новомъ произведеніи взялъ сюжетъ изъ нѣмецкаго быта. Впрочемъ, выборъ подобнаго сюжета есть общее явленіе въ тогдашней литературѣ; представители ея чувствовали нѣкоторое пристрастіе къ иноземной жизни и иноземнымъ героямъ.

Полевой писалъ къ цензору «Аббадоны» Ивану Михайловичу Снегиреву: «Цѣль моя показать, что безумныя мечты поэтовъ не годятся для міра вещественнаго, что въ наше время исчезъ уже отдѣльный поэтическій міръ, какой воображаемъ мы себѣ у грековъ (да и у нихъ его не было, ибо онъ несбыточенъ); что только соединеніе добра съ поэзіей будетъ совершенство—вслѣдствіе сего роль актрисы, падшаго ангела *Аббадоны*, которая никакъ не можетъ помириться съ святою душою поэта Вильгельма и погибаетъ. Но и поэту, когда онъ хочетъ развиться вполнѣ, ему мѣшаетъ міръ условій, приличій, отвычки людей. Вотъ цѣль, а не сатирическія картины, которыя служатъ только оправою главной идеѣ» [2]).

---

[1]) „Живописецъ", изд. 1834 г., стр. 93.

[2]) Рукописи П. Н. Полевого.

Первое изданіе «Аббадоны» (1834 года) появилось въ свѣтъ не безъ цензурныхъ затрудненій.

Два главныхъ дѣйствующихъ лица привлекли вниманіе бдительной цензуры. Это были Элеонора, актриса, фаворитка министра, и самъ министръ, баронъ Калькопфъ. Первая нѣсколько разъ высказывала желаніе окончить жизнь самоубійствомъ, а второй, эгоистически преслѣдуя личные интересы, иной разъ готовъ поставить ихъ выше интересовъ государства [1]). Подобные факты возбудили недоумѣніе цензора И. М. Снегирева, который не рѣшился взять на себя отвѣтственность за пропускъ соблазнительной рукописи и представилъ дѣло на разрѣшеніе Московскаго цензурнаго комитета. Послѣдній раздѣлялъ взгляды цензора и сдѣлалъ донесеніе министру народнаго просвѣщенія, препроводивъ ему для просмотра отрывки изъ наиболѣе рѣзкихъ, по его мнѣнію, сценъ «Аббадоны».

Представленіе С. С. Уварову было слѣдующаго содержанія: «Г. цензоръ Снегиревъ, по разсмотрѣніи имъ двухъ главъ II-й части [2]) рукописи сочиненія Н. Полевого, подъ заглавіемъ: «Судьба Аббадоны», представилъ на разрѣшеніе комитета слѣдующее обстоятельство, приводящее его въ затрудненіе, тѣмъ болѣе, что на сочиненія сего писателя предписано высшимъ начальствомъ обращать строжайшее вниманіе: хотя г. цензоръ и не находитъ романъ сей по содержанію и по цѣли явно противнымъ предписанію г. министра народнаго просвѣщенія, отъ 1833 года за № 231, но сомнѣвается, не покажутся ли слишкомъ рѣзкими картины самоубійства актрисы и въ изображеніи министра Калькопфа

---

[1]) Элеонора носитъ на груди въ медальонѣ „страшный ядъ изъ лѣсовъ гвіанскихъ" и такъ описываетъ свое состояніе передъ самоубійствомъ: „я оторвала страшное сокровище, которое берегла съ давнихъ лѣтъ—это сокровище былъ ядъ! Тогда подумала я, что мнѣ не для чего было оставаться въ мірѣ—я хотѣла проглотить этотъ ядъ, взялась за него"... (ч. III, стр. 164). Что же касается Калькопфа, то онъ, по словамъ одного авантюриста барона Хилея, во время владычества Наполеона и его колебанія на тронѣ, вслѣдствіе неопредѣленной и запутанной политики для того, чтобы удержаться на мѣстѣ, „велъ тайные переговоры въ одно время съ Фуше и съ врагами Наполеона, готовъ былъ наклонить политику на обѣ стороны" (ч. IV, стр. 111 и т. д.).

[2]) Дѣло, повидимому, шло не о 2-хъ главахъ II-й части исключительно ибо объ отравленіи говорится въ III-й части. Впрочемъ, весьма возможно, что порядокъ главъ рукописи не сходится съ напечатаннымъ текстомъ перваго изданія „Аббадоны".

не унижается ли характеръ государственнаго сановника тѣмъ, что онъ легкое оскорбленіе ставитъ на ряду съ государственным преступленіемъ [1]), употребляя ввѣренную ему власть для удовлетворенія страстей своихъ».

Особо назначенные министромъ чиновники разсматривали представленную рукопись. Правда, они не нашли въ ней ничего, «подлежащаго запрещенію», но самая возможность возникновенія подобнаго дѣла достаточно ярко рисуетъ понятія эпохи.

Характерно и отношеніе къ дѣлу министра, созвавшаго особую комиссію и написавшаго на бумагѣ комитета: «разсмотрѣть и доказать» [2]).

Изданныя, наконецъ, четыре части «Аббадоны» не были однако окончены; въ такомъ же видѣ была вторично отпечатана повѣсть въ 1840 г. Но избранный сюжетъ, повидимому, очень интересовалъ автора, и въ двухъ номерахъ (седьмомъ и девятомъ *Сына Отечества* 1838 года были помѣщены два отрывка изъ «Эпилога Аббадоны»: въ этихъ отрывкахъ обрисовывалась дальнѣйшая судьба героевъ и героинь повѣсти, которая, однако, и здѣсь не имѣетъ окончательной развязки [3]).

По поводу обоихъ изданій «Аббадоны» писались рецензіи, характеризующія отношеніе къ произведенію Полевого какъ современныхъ ему литераторовъ, такъ, отчасти, и читающей публики.

Рецензіи 1835 года чрезвычайно благосклонны для Полевого. «Аббадона» несравненно выше «Клятвы при гробѣ Господнемъ», писалъ Бѣлинскій въ *Молвѣ*. «Можетъ быть, это происходитъ оттого, что здѣсь г. Полевой былъ, такъ сказать, болѣе въ своей тарелкѣ, ибо вообще его талантъ, не смотря на всю его многосторонность, особенно торжествуетъ въ изображеніи такихъ предметовъ, которые имѣютъ близкое отношеніе къ нему самому по опыту жизни. Представить художника въ борьбѣ съ мелочами жизни и ничтожностью людей—вотъ тема, на которую г. Полевой пишетъ съ особенною любовью и съ особеннымъ успѣхомъ: до

---

[1]) Мѣста въ романѣ, гдѣ выставлялось бы равное вниманіе Кальконфа къ личному оскорбленію и государственному преступленію, мы не нашли. Не было ли оно вычеркнуто цензоромъ?

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія № 908 (№ 147, 743) дѣла 1835 года.

[3]) Развивая въ „Эпилогѣ" сюжетъ своей повѣсти, Полевой „хотѣлъ усладить только собственное сердце, а не угодить большинству публики". См. *Сынъ Отечества*, 1839, т. 8, стр. 107.

казательствомъ тому его повѣсть «Живописецъ» и разсматриваемый мною романъ. Эти два произведенія я почитаю лучшими произведеніями г. Полевого: въ нихъ онъ самъ *является художникомъ*».

Критикъ признаетъ борющагося «между влеченіемъ своего генія и обольщеніями жизни» художника Вильгельма лицомъ, «привлекающимъ къ себѣ вниманіе читателя»; Элеонора представляется ему «чуднымъ, дивнымъ, высокимъ, прелестнымъ созданіемъ» которое «испытываетъ надъ собою высокое таинство любви, очищается въ ея священномъ пламени отъ ржавчины порока и возстаетъ отъ своего паденія въ мощномъ, исполинскомъ величіи»: Генріетта же есть одна изъ тѣхъ милыхъ и кроткихъ «нѣмочекъ-кухарочекъ», которыхъ онъ любитъ до смерти; второстепенныя лица считаются «интересными».

«Разсказъ вообще живой и увлекательный; положенія по большей части новыя и оригинальныя; обрисовка характеровъ мастерская, обличающая руку твердую и рѣзкую; множество картинъ и описаній истинно художественныхъ (слѣдуетъ ихъ перечень); наконецъ прекрасный слогъ—вотъ достоинства новаго произведенія Полевого» [1]).

Такъ писалъ Бѣлинскій; не менѣе одобрительно отозвался объ «Аббадонѣ» другой рецензентъ—Плаксинъ, сотрудникъ *Сына Отечества*.

«Въ Аббадонѣ—говоритъ онъ—главная идея, хотя и не нова, отличается истинною возвышенностію, идеи частныя или подчиняются ей, или противодѣйствуютъ, и онѣ необходимы для созданія, какъ движущія силы; характеры дѣйствующихъ лицъ въ проявленіи этой идеи ознаменованы занимательною особенностью; каждая сцена, отдѣльно взятая, поставляетъ главнаго дѣйствователя въ новое положеніе, усиливаетъ борьбу духа съ міромъ и заставляетъ принимать въ немъ участіе. Положенія второстепенныхъ и даже маловажныхъ лицъ при каждой встрѣчѣ становятся затруднительнѣе и занимательнѣе. Мечты и размышленія не только истинныя, но и софистическія превосходны; эпизоды прелестны; особенное же вниманіе заслуживаетъ разсказъ о пери Аллоа».

Рецензентъ отмѣчаетъ и недостатки повѣсти: пресѣченіе движенія и отсутствіе развязки интригъ, повтореніе разговоровъ

---

[1]) Полное собраніе сочиненій. Спб. 1900, т. II, стр. 74.

автора и дѣйствующихъ лицъ (на это, впрочемъ, указываетъ и Бѣлинскій въ только что цитованной статьѣ), встрѣчающуюся тяжеловатость слога, признавая при всемъ этомъ, что «новое произведеніе г. Полевого исполнено высокихъ и прекрасныхъ идей по вымысламъ, по силѣ творчества и должно радовать любителей изящной словесности» [1]).

Прошло шесть лѣтъ; въ 1841 году, по случаю второго изданія той же повѣсти, въ *Отечественныхъ Запискахъ* и *Литературной Газетѣ* были помѣщены статьи совсѣмъ другого характера. Восторги и похвалы значительно стихли, и ихъ мѣсто заняла иногда даже очень придирчивая критика, какую напечаталъ редакторъ *Литературной Газеты*.

Отзывъ Бѣлинскаго значительно умѣреннѣе, но и отъ него вѣетъ холодомъ.

Бѣлинскій упрекаетъ Полевого за несвоевременную выдачу въ свѣтъ романа, который уже не можетъ интересовать публику такъ, какъ прежде, который похожъ на простодушнаго помѣщика, прожившаго въ деревнѣ лѣтъ тридцать, пріѣхавшаго въ столицу и не признаваемаго тамъ прежними «товарищами по воспитанію и службѣ», ибо эти товарищи «уже успѣли нажить себѣ новыхъ друзей и изъ повѣсъ-шалуновъ успѣли сдѣлаться людьми разсудительными, солидными, людьми comme il faut». «Пять лѣтъ въ русской литературѣ—продолжаетъ критикъ—да это все равно что пятьдесятъ въ жизни иного человѣка», а потому и не удивительно, «что та же самая публика, которая *очень радушно* приняла «Аббадону» въ 1835 году, теперь велитъ ей говорить: «дома нѣтъ»

Рейхенбахъ есть, по мнѣнію Бѣлинскаго, то, что «нѣмцы называютъ прекрасною душою (schöne Seele)». Когда-то это понятіе имѣло «благородное и похвальное значеніе», а теперь является выраженіемъ «чего-то комическаго, смѣшного».

«Рейхенбахъ г. Полевого есть полный представитель такой «прекрасной души», и онъ тѣмъ смѣшнѣе, что почтенный сочинитель нисколько не думалъ издѣваться надъ нимъ, но отъ чистаго сердца убѣжденъ, что представилъ намъ въ своемъ Рейхенбахѣ истиннаго поэта, душу глубокую, пламенную, могучую».

«Въ немъ нѣтъ ничего поэтическаго: онъ просто добрый *весьма недалекій* малый, а между тѣмъ авторъ поставилъ его на высокія ходули».

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1835, ч. 169, стр. 488.

Бѣлинскій находитъ въ высшей степени комичной любовь поэта къ Генріеттѣ, да и сама Генріетта уже не возбуждаетъ въ немъ симпатіи.

«Рейхенбахъ хочетъ обожать Генріетту до гробовой доски. Она также не прочь отъ этого. Но въ ихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего поэтическаго, невыговариваемаго авторомъ, но понятнаго для читателя. Вся любовь ихъ испаряется въ словахъ, въ дерзкихъ поцѣлуяхъ со стороны поэта, и въ «ахъ, что вы это!» со стороны хорошенькой мѣщаночки!».

Элеонора, эта актриса и femme émancipée нашего времени, этого не совсѣмъ удалась Полевому, что послѣдній не заставилъ ее возродиться. Главный же недостатокъ повѣсти въ предпочтеніи Рейхенбахомъ «добренькой кухарочки» «сильной, пламенной и страстной душѣ».

«Видите ли, какъ ложная, натянутая идеальность сходится наконецъ съ пошлою прозою жизни, мирится съ нею на конфетныхъ страстишкахъ, картофельныхъ нѣжностяхъ и плоскихъ шуткахъ».

Но проницательный критикъ, даже въ пылу раздраженія на неожиданную развязку повѣсти (предпочтеніе Вильгельмомъ Генріетты изложено въ «Эпилогѣ Аббадоны»), очертилъ и положительныя качества разбираемаго произведенія.

«Но есть въ «Аббадонѣ»—читаетъ далѣе—«другая сторона, и сторона очень хорошая. Если идеальныя лица, герои этого романа, мѣшны и приторны до неестественности, то прозаическія очерки суть очень удачно. Баронъ Калькопфъ, директоръ театра, баронъ Хилей, мать Генріетты, пріятельница ея совѣтница и другія лица не даютъ вамъ бросить романа и заставляютъ дочитать до конца».

Въ повѣсти «сцены прозаической жизни чрезвычайно живы и увлекательны, и впечатлѣніе, производимое ими, нерѣдко бываетъ тяжело и грустно—именно оттого, что въ нихъ есть истина».

Встрѣчается въ «Аббадонѣ» «много мыслей умныхъ, вѣрныхъ, высказаннымъ живо и увлекательно»; встрѣчаются и истинно *поэтическія* мѣста, къ которымъ Бѣлинскій относитъ вечеръ въ загородномъ домѣ Элеоноры и разговоръ ея съ Лалагой [1]).

Такимъ образомъ, если сравнить приведенный выше отзывъ знаменитаго критика съ только что изложеннымъ, то разница

---

[1]) Полное собраніе сочиненій. Спб. 1903, т. VI, стр. 153.

получается значительная. И совершившаяся перемѣна во взглядах Бѣлинскаго съ 1834 по 1841 годъ, и неожиданная развязк романа, столь оскорбившая эстетическое чувство его, и, быт можетъ, до нѣкоторой степени, справедливо указанная имъ *несвоевременность* выдачи «Аббадоны» съ подобнымъ эпилогомъ— всѣ эти причины вліяли на измѣненіе прежней оцѣнки произведенія Полевого.

Нѣчто иное представляетъ собой критика *«Литературной Газеты*. Въ ней ярко обнаруживается та злостная литературна антипатія, какую могли чувствовать противники Полевого в журнальномъ поприщѣ. Недоброжелательство, рѣзкія выходки, в имѣющія прямого отношенія къ разбору повѣсти, ѣдкое издѣва тельство, внушенное личными и партійными счетами, характе ризуютъ эту рецензію.

Критикъ начинаетъ издалека, съ опредѣленія личности Пол вого и его дѣятельности.

«Полевой—такой человѣкъ, который смотритъ на похвалы какъ на должную дань своимъ сочиненіямъ, а на порицаніе, как на признакъ зависти и недоброжелательства; онъ имѣетъ по хвальную привычку самъ отдавать себѣ должную справедливост въ журналахъ, которыхъ былъ редакторомъ или сотрудникомъ»

Въ произведеніяхъ Полевого есть и дурное, и хорошее. «Впро чемъ», прибавляетъ критикъ: «мы разумѣемъ здѣсь только т его сочиненія, которыя писаны имъ до 1838 года—этой эпох когда онъ навсегда примирился съ своими бывшими соперникам по литературѣ и заключилъ съ ними союзъ на вѣчную нерушимую дружбу [1]). Великое событіе въ исторіи русской литературы! Сколь было браней и чернилопролитія! Сколько было усилій—увѣрит публику въ томъ мнѣніи, которое соперники имѣли другъ о другѣ И публика уже повѣрила, какъ вдругъ—конецъ войнѣ—*скачит холмы, плещите руками рѣки, помавайте главами лѣса. Мир благодатный! Оливковыя вѣтви! Міръ уже въ миръ: и миръ в міръ! Этотъ союзъ поддержитъ нашу литературу въ благо датномъ состояніи слидко-дремлющей неподвижности. Оливковы вѣтви растутъ изъ нѣкоторыхъ кармановъ и приносятъ пышны плоды*».

---

[1]) Съ 1838 года Н. А. Полевой сошелся со своими литературными вра гами: Гречемъ и Булгаринымъ, и сдѣлался негласнымъ редактором *Сѣверной Пчелы* и *Сына Отечества*.

Послѣ иронической фразы, что въ лицѣ Полевого русская литература обрѣла своего Шекспира, критикъ затѣмъ переходитъ къ разбору «Аббадоны».

«Аббадона» написана г. Полевымъ еще въ 1835 г., слѣдовательно задолго до знаменитаго заключенія союза, обезпечившаго участь русской литературы: посему въ немъ много слабаго, страннаго, дурного, но есть и занимательное, пріятное и хорошее. Въ этомъ романѣ лица раздѣляются на добрыхъ и злыхъ, идеальныхъ и прозаическихъ: и первыя въ немъ очень смѣшны и пошлы, а вторыя очерчены умно, ловко и съ извѣстною степенью вѣрности и истины. Смѣшнѣе всѣхъ Вильгельмъ Рейхенбахъ, изъ котораго г. Полевой силился создать идеалъ великаго поэта въ борьбѣ съ прозою жизни, но какъ-то невзначай, противъ воли, сдѣлалъ карикатуру (и довольно злую) на поэта. Страстная актриса Элеонора вышла также неудачно: это пошлая фраза на ходуляхъ. Отъ Генріетты пахнетъ вареным картофелемъ. За то, Калькопфъ, директоръ театра, мать Генріетты, совѣтница Шницеръ-Памеръ и прочіе представляютъ собой характеры, очерченные болѣе или менѣе вѣрно. Сцены любви, ревности, восторговъ—смѣшны до комизма; сцены прозаической жизни, карикатурные литературно-музыкальные вечера во дворцѣ князя, пріемная барона Калькопфа и т. п. весьма живы и занимательны, хотя сильно напоминаютъ Кота Мурра Гофмана» [1]).

Такимъ образомъ статья *Литературной Газеты*, въ началѣ наполненная чисто полемическими рѣзкостями, кончается болѣе спокойнымъ, а потому и болѣе трезвымъ анализомъ разбираемой повѣсти. Если окончательный приговоръ и не вполнѣ вѣренъ, то во всякомъ случаѣ критикъ не закрылъ глаза на хорошія стороны «Аббадоны» и не изливалъ своего краснорѣчія въ огульной брани. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить того факта, что какъ Бѣлинскому, въ его второй рецензіи, такъ и критику *Литературной Газеты* болѣе нравились отрицательные типы романа, чѣмъ положительные, тогда какъ въ рецензіяхъ 1835 года явно сквозило сочувствіе къ Рейхенбаху и актрисѣ Элеонорѣ, которые еще не казались неудачными восхищавшимся ими рецензентамъ.

Сюжетъ повѣсти не сложенъ: «мечты поэтовъ не годятся для міра вещественнаго». Но, кромѣ основной темы, встрѣчаются любопытные типы и идеи. Такъ мы видимъ типъ художника-

---

Литературная Газета, 1841, № 28.

идеалиста, типъ женщины, которую Бѣлинскій назвалъ «femme émancipée», типъ кающейся грѣшницы, стремящейся къ возрожденію (оба послѣднихъ типа соединены въ одномъ лицѣ—Элеонорѣ), типъ министра, мецената и сластолюбца, типы изъ мелкаго бюргерства: затрогиваются также вопросы объ отношеніи общества къ искусству и подчеркивается идея, что только соединеніе добра съ поэзіей представляетъ совершенство. Вильгельмъ Рейхенбахъ, вышедшій изъ мѣщанской среды, пробивавшійся, вдали отъ родныхъ, скудными заработками отъ перевода подчасъ безсмысленныхъ книгъ на нѣмецкій языкъ и влюбленный безъ ума въ хорошенькую, простенькую, но недалекую мѣщаночку Генріетту, благодаря своей трагедіи «Арминій», которая понравилась любовницѣ министра Калькопфа, актрисѣ Элеонорѣ, попадаетъ въ фаворъ къ знати и снискиваетъ себѣ популярность. Но такъ какъ счастье и несчастье ходятъ рука объ руку, то и на Вильгельма, наряду съ успѣхомъ въ обществѣ, начинаютъ сыпаться разныя невзгоды. Генріетта, въ которой онъ не чаялъ души, ревнуетъ его къ поэзіи, къ славѣ и отказывается выйти за него замужъ: какъ придворному поэту, ему много приходится терпѣть отъ традицій и условій общества — и, наконецъ, однимъ изъ главныхъ для него ударовъ является сначала любовь, а потомъ ненависть Элеоноры, ненависть, выразившаяся въ преслѣдованіи предпочтенной Рейхенбахомъ и примирившейся съ нимъ впослѣдствіи Генріетты.

Стараніями Элеоноры, выведшей Вильгельма изъ неизвѣстности и доставившей ему расположеніе при дворѣ, Рейхенбахъ лишился всего этого, какъ только вернулся къ прежней любви. Подъ вліяніемъ чистой и свѣтлой любви къ молодому поэту Элеонора измѣнила образъ жизни и стала возрождаться душой; но, будучи отвергнута, видя, что отъ нея ускользаетъ послѣдняя надежда на лучшее существованіе, и не имѣя силъ, послѣ всего происшедшаго, играть прежнюю роль содержанки Калькопфа, она пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы отмстить Вильгельму за поруганное чувство... Новая трагедія Вильгельма не имѣетъ успѣха, онъ лишается мѣста въ канцеляріи министра, его Генріетта подвергается опасности сначала быть выданной замужъ за клеврета Элеоноры, мерзавца и шулера Хилея, а затѣмъ быть похищенной; самъ Рейхенбахъ схваченъ людьми Элеоноры, привезенъ въ загородный замокъ барона Калькопфа, гдѣ и разыгрывается трагическая сцена, исполненная романтическихъ ужасовъ.

Связаннаго Рейхенбаха въ темной готической залѣ замка встрѣчаетъ Элеонора, похудѣвшая, поблѣднѣвшая, въ длинномъ бѣломъ одѣяніи. Она упрекаетъ поэта за невѣрность ей, за увлеченіе пустенькой Генріеттой, за оскорбленіе лучшихъ и свѣтлыхъ движеній души: говоритъ, что не въ силахъ пережить это несчастье, не въ силахъ уступить его другой; она вынимаетъ ядъ и кинжалъ, которые должны покончить существованіе обоихъ... Но вдругъ, подъ вліяніемъ все еще жившей въ ней любви къ Рейхенбаху и жалости къ нему, она даруетъ ему жизнь, а сама принимаетъ ядъ, перерѣзавъ веревки, впившіяся въ тѣло несчастнаго. Между тѣмъ извѣщенный обо всемъ Калькопфъ врывается въ комнату! Элеонора посылаетъ ему проклятіе и умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ, скорбя о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ долженъ подвергнуться Вильгельмъ со стороны министра. На этомъ обрывается неоконченная повѣсть...

Что касается выведенныхъ Полевымъ дѣйствующихъ лицъ, взятыхъ въ отдѣльности, то Рейхенбахъ, на нашъ взглядъ, наименѣе удался автору. Въ созданіи типа молодого художника чуется какая-то невыдержанность и нѣкоторое противорѣчіе. Видно, что Полевой хотѣлъ въ немъ представить человѣка далеко недюжиннаго, превосходящаго толпу, одареннаго божественною искрой поэзіи, что и ставитъ его въ такія тяжелыя отношенія съ нравственно и умственно неразвитымъ, хотя и блестящимъ по внѣшнему виду обществомъ.

Какъ выдающійся талантъ, высоко цѣнящій свое призваніе, Рейхенбахъ долженъ страдать; какъ человѣкъ съ чуткою и воспріимчивою душой, долженъ еще болѣе увеличивать свои мученія... Контрастъ между чуждымъ обременительныхъ и часто нелѣпыхъ свѣтскихъ оковъ поэтомъ, обладателемъ свободнаго и гордаго ума, и затянутымъ въ корсетъ приличій обществомъ, живущимъ моментомъ и увлекающимся мишурой, былъ цѣлью, намѣченною авторомъ. Но что же оказывается? Рейхенбахъ, увлеченный было обратившеюся на путь истины, умною и развитою Элеонорой, вмѣсто того, чтобы спасти отъ гибели эту чудную женщину, вновь возвращается къ своей Генріеттѣ и добровольно хочетъ замуравить себя въ жизнь нѣмецкаго бюргерства, — жизнь, лишенную всякихъ высокихъ интересовъ, всю заключающуюся въ хлопотливыхъ заботахъ объ огородѣ, барашкахъ, кухнѣ и въ проведеніи принциповъ слишкомъ приторныхъ и слащавыхъ добродѣтелей.

Остаются также невыясненными тѣ причины, которыя побудили

Вильгельма порвать сношенія съ Элеонорой, и остается въ туманѣ та душевная борьба, которая должна была предшествовать этому разрыву.

Типъ Элеоноры выполненъ лучше. Передъ нами прежде всего образованная, самостоятельная, энергичная женщина, съ огненнымъ, пламеннымъ характеромъ и желѣзною силой воли; затѣмъ, изъ-за этой красивой оболочки проглядываетъ падшая женщина, съ омерзѣніемъ относящаяся къ той долѣ, которая ей выпала, женщина глубоко несчастная.

Истинный драматизмъ ея положенія заключается въ томъ, что полюбивъ впервые чистою, облагораживающею любовью молодого поэта, она, начавшая уже мечтать о лучшей жизни, вдругъ теряетъ его изъ-за пустенькой и простенькой Генріетты, а вмѣстѣ съ нимъ теряетъ надежду и на свое возрожденіе, и на свое счастье. Когда ея завѣтная мечта не осуществилась, когда ея чувство не оцѣнили по достоинству, тогда въ ея разбитомъ сердцѣ вспыхиваетъ месть Генріеттѣ и все еще любимому ею Вильгельму.

Послѣдняя глава повѣсти, гдѣ представлена картина послѣдняго свиданія Рейхенбаха съ Элеонорой, страдаетъ нѣкоторымъ излишествомъ ультра-романтическихъ выходокъ, которыя, впрочемъ, очень нравились въ свое время и фигурировали въ произведеніяхъ корифеевъ нѣмецкой и французской литературы.

Не чуждо также эксцентричности желаніе Элеоноры умереть для людей и жить подъ чужимъ именемъ съ Рейхенбахомъ; но нѣкоторыя сцены, въ которыхъ дѣйствуетъ она, какъ: разговоръ съ Лалагой, съ Рейхенбахомъ въ будуарѣ и др. написаны живо, картинно и, пожалуй, поэтично.

Недурно очерчена личность Генріетты, этой миленькой «нѣмочки-кухарочки», существа кроткаго, смиреннаго, вполнѣ добродѣтельнаго и вполнѣ зависящаго отъ маменьки, существа съ узкими взглядами, видящаго идеалъ въ тихой, домашней жизни съ милымъ сердцу и въ вѣчныхъ хлопотахъ по хозяйству. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ этой, повидимому, безотвѣтной дѣвушкѣ затрогивается самолюбіе и говоритъ чувство собственнаго достоинства (такова сцена свиданія съ Элеонорой). Но, если въ созданіи идеальныхъ типовъ Аббадоны есть какіе-нибудь промахи, то въ обрисовкѣ отрицательныхъ ихъ гораздо менѣе. Фигура директора театра, человѣка безъ совѣсти, съ іезуитскими пріемами, идущаго къ намѣченной цѣли; высокая особа мецената Калькопфа, занятаго больше сигарками и охотой, чѣмъ научными

сочиненіями и государственными дѣлами; комическая мѣщанка, мѣтящая въ аристократки и богачки г-жа Шульце, мать Генріетты; жадная сводница Шницеръ-Памеръ; безсовѣстный шулеръ Хилей—типы, очерченные живо.

Хотя въ изображеніи жизни мелкаго бюргерства чувствуется отсутствіе юмора, того юмора, который обезсмертилъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» Гоголя: хотя въ картинахъ Полевого преобладаетъ сатирическій элементъ, склонный болѣе къ карикатурному, чѣмъ добродушно-ироническому воспроизведенію жизни, но нельзя не сознаться, что, вѣдь, и типы этого живущаго болѣе растительно, чѣмъ духовно бюргерства и въ самой жизни, и въ самой дѣйствительности являются какими-то карикатурами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Западное вліяніе, отразившееся на „Аббадонѣ"

Существуютъ два рода вліяній западной литературы на произведенія русскихъ писателей. Къ первому роду относится вліяніе *извѣстнаго* образца, которымъ увлекался русскій авторъ; ко второму—вліяніе цѣлой *серіи* перечитанныхъ авторомъ образцовъ, слѣды знакомства съ которыми не могли не наложить отпечатка (правда, болѣе общаго, чѣмъ въ первомъ случаѣ) и на его произведенія.

Наконецъ, такъ какъ всякое вліяніе можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда уже въ значительной степени подготовлена литературная почва для воспринятія этого вліянія, и такъ какъ получающаяся вслѣдствіе сравнительнаго анализа общность схемъ, типовъ и деталей указываетъ на какой-то общій законъ въ развитіи европейской мысли, то, при разсмотрѣніи иностранныхъ образцовъ, такъ или иначе повліявшихъ на разбираемое произведеніе, можно отмѣчать и такіе, извѣстность которыхъ автору хотя и нуждается еще въ доказательствахъ, но сходство которыхъ съ даннымъ произведеніемъ не подлежитъ малѣйшему сомнѣнію. Такимъ образомъ, получаетъ интересъ и значеніе уже не только вліяніе, само по себѣ, но и тотъ фактъ, что каждая эпоха инстинктивно имѣетъ свои излюбленныя идеи и интересуется своими типами.

Выводомъ изъ подобнаго сопоставленія произведеній разныхъ народовъ, пріуроченныхъ къ извѣстному промежутку времени, въ

виду *неслучайности* какого угодно вліянія, имѣвшаго свой историческій ростъ, является *неизбѣжно повторяющаяся связь* сходныхъ идей, схемъ и типовъ, въ литературахъ разныхъ народовъ, то-есть, извѣстный законъ, игравшій роль въ органическомъ процессѣ развитія европейскаго ума, конечно, въ предѣлахъ пока чисто литературныхъ.

Высказанныя положенія можно положить въ основу сравнительнаго анализа «Аббадоны», что еще болѣе удобно, такъ какъ анатомическое расчлененіе произведенія непервостепеннаго поэтическаго таланта яснѣе обнаружитъ искомое сходство отдѣльныхъ частей.

Изъ разсмотрѣнія *Московскаго Телеграфа* видны тѣ авторы, которые интересовали Полевого, а вмѣстѣ съ нимъ и читающую публику. Изъ нѣмцевъ, какъ было выше указано, встрѣчаются упоминанія *о Шиллерѣ, Гете, Жанъ-Полѣ, Тикѣ, Гофманѣ, Шлегеляхъ*, изъ французовъ — *о Шатобріанѣ, Сталь, Гюго, Виньи, Бенжаменѣ Констанѣ, Нодье, Бальзакѣ, Евг. Сю;* изъ англичанъ — *о Бёрнсѣ, Мурѣ, Вальтерѣ Скоттѣ и Байронѣ*; изъ поляковъ—*о Мицкевичѣ* (а иногда и отрывки изъ произведеній, и разборы ихъ). Произведенія нѣкоторыхъ авторовъ изъ приведеннаго перечня оказали свое вліяніе и на повѣсть «Аббадона».

Есть и еще одна писательница, романы которой нельзя не принять во вниманіе при разсмотрѣніи повѣсти Полевого. Это— Жоржъ-Зандъ. О Жоржъ-Зандъ мы должны сказать нѣсколько словъ, такъ какъ, вслѣдствіе неупоминанія ея имени на страницахъ *Московскаго Телеграфа*, возникаетъ вопросъ объ отношеніи къ ней Полевого.

Сочиненія Жоржъ-Зандъ были извѣстны Полевому, ибо на страницахъ «Аббадоны» есть ея имя [1]). Въ годъ изданія повѣсти, ея произведенія пользовались у насъ большою популярностью, хотя не всѣ ихъ цѣнили одинаково. Если къ новому направленію, проявившемуся въ этихъ произведеніяхъ, и могли относиться сочувственно въ такихъ литературныхъ кружкахъ, какъ кружокъ Герцена, то журналы, въ родѣ *Библіотеки для чтенія*, считали «проповѣди Жоржъ-Зандъ «безнравственными», а ее самое «расторжительницей узъ самыхъ священныхъ и необходимыхъ для человѣческаго счастія».

Полевой также могъ не вполнѣ раздѣлять взгляды великой

---

[1]) „Аббадона", ч. III. стр. 20.

романистки, на что указывалъ Чернышевскій [1]), могъ не вполнѣ усвоить ихъ, но все-таки отчасти находиться подъ ихъ вліяніемъ [2]). Наконецъ, какъ указано выше, даже просто сходные сюжеты и типы въ произведеніяхъ, относящихся къ извѣстному промежутку времени, заслуживаютъ вниманія.

При разборѣ «Аббадоны», подъ *первую* категорію повліявшихъ образцовъ можно подвести, на нашъ взглядъ, трагедію Шиллера «Kabale und Liebe», что отмѣчено уже было въ свое время Бѣлинскимъ [3]).

Сюжетъ и детали трагедіи одинаковы съ основною схемой и отдѣльными частями «Аббадоны». Фердинандъ, сынъ президента одного нѣмецкаго герцогства, влюбленъ въ Луизу, *дочь бѣднаго* музыканта Миллера, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ влеченіе къ *фавориткѣ* герцога, леди Мильфордъ, которая впервые привязалась къ молодому человѣку и почувствовала отвращеніе къ своему положенію. Въ трагедіи, какъ и въ «Аббадонѣ», изображено свиданіе двухъ соперницъ; есть наперсница и кровавыя сцены [4]).

a) Леди Мильфордъ, несмотря на свое положеніе куртизанки, тяготится пустотой свѣтской жизни и обществомъ придворныхъ, что и высказываетъ своей *камеристкѣ*.

«Soll ich meine Zimmer mit diesem Volk tapezieren? Das sind schlechte, erbärmliche Menschen, die sich entsetzen, wenn mir ein warmes, herzliches Wort entwischt, Mund und Nasen aufreissen, als sähen sie einen Geist—Sklaven eines einzigen Marionettendrahts, den ich leichter als mein Filet regiere! Was fang' ich mit Leuten an, deren Seelen so gleich als ihre Sackuhren gehen»... (2-й актъ 1-я сцена). «Какъ они надоѣли мнѣ, какъ они отравили мнѣ жизнь мою, эти люди!»—восклицаетъ Элеонора въ разговорѣ со своей служанкой Лалагой: «Какъ они отвратительны мнѣ, откупщики ума, подрядчики добродѣтели!» [5]).

b) Той же наперсницѣ раскрываетъ Мильфордъ свои отношенія къ Фердинанду.

---

[1]) „Очерки гоголевскаго періода". Спб. 1893, стр. 38, 40.

[2]) Тѣмъ болѣе, что романы Жоржъ-Зандъ развили идеи, уже болѣе или менѣе извѣстныя русской публикѣ изъ романовъ г-жи Сталь. Произведенія же Сталь появились въ русскомъ переводѣ еще въ 1803 и 1809 гг.

[3]) Полное собраніе сочиненій. Спб. 1900, т. II, стр. 77.

[4]) Въ концѣ трагедіи Фердинандъ отравляетъ ложно оклеветанную передъ нимъ Луизу и, надъ ея трупомъ, принимаетъ ядъ.

[5]) „Аббадона". М. 1834, ч. I, стр. 170.

«Gieb mir den Mann, den ich jetzt denke,—den ich anbete — sterben, Sophie, oder besitzen muss. (Schmelzend). Lass mich aus seinem Munde es vernehmen, dass Thränen der Liebe schöner glänzen in unsern Augen, als die Brillanten in unserm Haar, (feurig und ich werfe dem Fürsten sein Herz und sein Fürstenthum vor die Füsse, fliehe mit diesem Manne, fliehe in die entlegenste Wüste der Welt (2-й актъ, 1-я сцена).

Слова Элеоноры: «Что если бы голова моя могла покоиться на его груди; если бы онъ обнялъ меня и шепталъ мнѣ: «люблю тебя Элеонора!» Я брошу имъ(людямъ) въ глаза ихъ золото и брильянты и тогда свободно могу сама броситься въ объятія моего поэта! Сыщите мнѣ тогда какую-нибудь пустыню на краю моря; на утесѣ какомъ-нибудь повѣсьте намъ хижину» и т. д. [1]).

c) Не имѣя силы отказаться отъ Фердинанда, Мильфордъ призываетъ къ себѣ Луизу съ цѣлью увидѣть ее и поговорить съ ней. Во время разговора миледи подмѣчаетъ въ Луизѣ гордость и душевное величіе, прорывающіяся сквозь прирожденную скромность и робость. Мильфордъ начинаетъ предполагать, что у Луизы былъ въ этомъ отношеніи учителемъ Фердинандъ.

«Sieh doch! - und diesen Trotzkopf hat sie von ihm»; или: «unerhört! unbegreiflich! Nein, Mädchen! Nein! diese Grösse hast du nicht auf die Welt gebracht, und für einen Vater ist sie zu jugendlich. Lüge mir nicht! Ich höre einen andern Lehrer» (4-й актъ, 7-я сцена).

И по мнѣнію Элеоноры, Вильгельмъ «передалъ ей (Генріеттѣ) всю душу свою»; «у него привыкла она такъ смотрѣть, такъ говорить» [2]).

Сцена же свиданія двухъ соперницъ происходила почти при однихъ и тѣхъ же условіяхъ [3]).

d) Не разсчитывая на любовь къ себѣ Фердинанда и видя стойкую гордость Луизы, Мильфордъ даетъ полный ходъ своему негодованію: она клянется разлучить влюбленныхъ. «Ich will über diese schimpfliche Leidenschaft siegen, mein Herz unterdrücken und das deinige zermalmen — Felsen und Abgründe will ich zwischen euch werfen; eine Furie will ich mitten durch euren Himmel gehn и т. д. (4-й актъ, 7-я сцена).

Слова Элеоноры: «Отнынѣ я клянусь вамъ (Генріеттѣ) непри-

---

[1]) „Аббадона", ч. I, стр. 165, 170, 172.

[2]) Тамъ же, ч. IV, стр. 101.

[3]) Тамъ же, ч. IV, стр. 75—101.

миримою ненавистью—я буду преслѣдовать васъ, какъ самаго смертельнаго врага моего, я отравлю ваше счастіе» и т. д. [1]).

Есть и еще нѣсколько сходныхъ пунктовъ въ обоихъ произведеніяхъ. Таковы: благотворительность Мильфордъ и Элеоноры [2]); ревность, возбужденная въ той и другой при видѣ красоты соперницы [3]); гордое отреченіе отъ любимаго человѣка Луизы и Генріетты [4]) и др.

Кромѣ вліянія драмы Шиллера, на второстепенныхъ дѣйствующихъ лицахъ «Аббадоны» замѣтно также *непосредственное* вліяніе нѣкоторыхъ типовъ, встрѣчающихся въ произведеніяхъ Гофмана, Жанъ-Поля и Гете.

а) Какъ справедливо было замѣчено современною критикою, на характеристику двора и князя повѣсти Полевого повліялъ «Котъ Мурръ» Гофмана.

Князь Ириней, повелитель маленькаго княжества Зигхартсвейлеръ, напоминаетъ правителя N—скаго княжества, въ которомъ жилъ Рейхенбахъ.

«Ириней какъ-то пользовался славой образованнаго человѣка, любителя наукъ и искусствъ. Однажды пронесся даже слухъ, что онъ написалъ прелестную поэму, въ которой изложилъ романтическое желаніе удалиться въ маленькій домикъ, на берегъ журчащаго ручейка, и вести уединенную идиллическую жизнь procul negotiis» [5]).

Князь N—скій также «нерѣдко посѣщалъ театръ, радуясь, что это училище нравственности ничего ему не стоитъ, а между тѣмъ веселитъ всѣхъ его подданныхъ, и, также какъ отцу его, снискиваетъ ему славу покровителя искусствъ» [6]). Кромѣ того, онъ проявилъ и свой талантъ, сочинивъ интермедію [7]). Совѣтникъ Зигхартсвейлерскій, подъ видомъ серьезныхъ занятій просиживающій ночи для составленія записокъ о стиркѣ бѣлья и напускающій на себя олимпійское величіе—прототипъ чванныхъ оберъ-камердине-

---

[1]) „Аббадона", ч. IV, стр. 95.

[2]) „Kabale und Liebe", 2-й актъ, 3-я сцена; „Аббадона", ч. I, стр. 190.

[3]) „Kabale und Liebe", 4-й актъ, 7-я сцена; „Аббадона", ч. IV, стр. 78—79.

[4]) „Kabale und Liebe", 4-й актъ, 7-я сцена; „Аббадона", ч. IV, стр. 90.

[5]) „Котъ Мурръ", перев. *Н. Кетчера*. Спб. 1840, ч. I, стр. 54—59. Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1831, №№ 23—24.

[6]) „Аббадона", ч. I, стр. 82.

[7]) Тамъ же, ч. I, стр. 193—195, 198.

*

ровъ и гоф-супер-вице-церемоніймейстеровъ при дворѣ его свѣтлости, которые немилосердно терзаютъ Рейхенбаха.

b) Изъ произведеній Гете и Жанъ-Поля Полевымъ заимствованъ типъ бездарнаго книжника. Набившій голову массой познаній, перечитавшій безчисленное множество книгъ и рукописей, но пристрастившійся къ буквѣ, а не духу науки, чуждый общихъ интересовъ знанія, не способный къ выводамъ, Вагнеръ, столь живо схваченный Гете («Фаустъ»),—родоначальникъ тупыхъ буквоѣдовъ, увлеченныхъ однимъ процессомъ набиранія разнородныхъ свѣдѣній. Жанъ-Полевы Вуцъ и Фикслейнъ, каждый въ своемъ родѣ, достойные сотоварищи Вагнера. Первый, не имѣя возможности покупать цѣнныя произведенія и запасшись каталогомъ лейпцигской ярмарки, самъ сочиняетъ по заглавіямъ каталога замѣчательныя книги; второй собираетъ и сравниваетъ опечатки, отмѣчаетъ встрѣчающіяся болѣе часто и болѣе рѣдко и твердо убѣжденъ въ важности своего труда [1]).

Указанный типъ находится и въ «Аббадонѣ». Членъ пяти академій Федеръ-Фриссенъ, познакомившійся съ Рейхенбахомъ, принадлежитъ къ числу ученыхъ дураковъ. Съ гордостью разсказываетъ онъ о своихъ безсмысленныхъ статистическихъ таблицахъ. «Я исчислилъ и доказалъ», говоритъ Федеръ-Фриссенъ, «что въ Мейнингенѣ выходитъ въ годъ по $3^3/_{10}$ печатныхъ листа на обитателя, и что если бы кто-нибудь читалъ ежедневно въ теченіе 24 часовъ, произнося каждую секунду по одному слову, то могъ бы прочесть книги, объявленныя на пасхальной лейпцигской ярмаркѣ, въ 79 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 17 дней; далѣе, дѣлая посылку къ жизни разныхъ званій, я доказалъ, что изъ числа книгъ, выходящихъ ежегодно въ Германіи, должны оставаться непрочитанными $4.892^1/_2$ книги.—Хе! вотъ, милостивый государь, вычеты—вотъ таблицы. Числа правятъ міромъ, нѣтъ, нѣтъ! словамъ я не вѣрю—подавай мнѣ цифры [2]).

Къ категоріи типовъ и идей «Аббадоны», появившихся подъ *общимъ* вліяніемъ прочитаннаго авторомъ, принадлежатъ типы художника, кающагося грѣшника, эмансипированной мужественной женщины и вопросъ объ отношеніи къ искусству общества.

1) Типъ художника—поэта—излюбленный типъ нѣмецкихъ ро-

---

[1]) *А. Шаховъ*. Гете и его время. Спб. 1891, стр. 276—277.

[2]) „Аббадона", ч. II, стр. 14—18.

мантиковъ, зашедшій отъ послѣднихъ и во французскую литературу.

«Поэтъ есть геній, жрецъ, пророкъ.

Поэзія есть священнодѣйствіе: она выше мысли, выше логики, выше самой жизни, въ ней духовная сторона человѣка получаетъ высшее, идеальное выраженіе. Очевидно, что поэзіи, по понятіямъ романтиковъ, нельзя было научиться. Это—природный даръ, вдохновеніе свыше, иногда даже мистическій экстазъ, своего рода безуміе. Художникъ—священное лицо, избранникъ Божій, вождь общества, его цвѣтъ, его лучшій представитель.

Peuples, écoutez le poète,
Ecoutez le rêveur sacré!
Dans votre nuit. sans lui complète,
Lui seul a le front éclairé (Hugo)" [1]).

Въ романахъ и повѣстяхъ Гете, Тика, Гофмана, Шлегелей, въ «Коринне» г-жи Сталь, въ «Le peintre de Saltzbourg» Нодье—обнаруживается интересъ къ артистической натурѣ. «Wilhelm Meisters Lehrjahre» (1796) Гете положили основы произведеніямъ такого рода. Вильгельмъ, сынъ зажиточныхъ родителей, еще въ дѣтствѣ увлекается театромъ и начинаетъ чувствовать въ себѣ способность понимать артистическую игру и сдѣлаться актеромъ. Артистъ въ душѣ, онъ влюбляется въ Маріанну, также актрису, а разочаровавшись въ ней, покидаетъ родительскій домъ и, подъ предлогомъ сбора денегъ по векселямъ и роспискамъ отца, путешествуетъ по Германіи съ труппой бродячихъ музыкантовъ и актеровъ.

Таково содержаніе первыхъ частей романа, сколкомъ съ котораго является «Franz Sternbalds Wanderungen» Людвига Тика. Канва произведенія слѣдующая. Францъ Штернбальдъ еще ребенкомъ покидаетъ домъ своихъ воспитателей, уходитъ къ знаменитому живописцу Альбрехту Дюреру и дѣлается ученикомъ послѣдняго. Затѣмъ, для усовершенствованія таланта, онъ посѣщаетъ Италію и другія страны. Онъ встрѣчается во время путешествія съ разными живописцами (Lukas von Leyden), монахами, негоціантами, графиней, пока не достигаетъ желанной страны, гдѣ сталкивается съ *той*, которую видѣлъ два раза въ жизни и образъ которой, несмотря на это, навѣки запечатлѣлся въ его сердцѣ.

---

[1]) *А. Шаховъ.* Очерки литературнаго движенія. Спб. 1894, стр. 134.

За Гете и Тикомъ послѣдовалъ въ изображеніи типовъ художника Гофманъ. Сюжеты большей части его мелкихъ повѣстей въ «Серапіоновыхъ братьяхъ» заимствованы изъ жизни актеровъ, музыкантовъ, живописцевъ. То Трауготъ на нужной и срочной бумагѣ рисуетъ картины, бросаетъ своего компаньона Эліаса Рооса и отправляется въ Италію, отыскивая предметъ своей любви (Der Artushut); то два пѣвца: одинъ носитель чистаго вдохновенія, другой предавшійся дьяволу, состязаются, чтобы заслужить благосклонность графини Матильды (Der Kampf der Sänger); то художникъ Эдмундъ Лесзенъ при помощи волшебныхъ продѣлокъ своего чуднаго друга Леонгарда добивается руки своей возлюбленной, а потомъ отправляется въ Италію (Die Brautwahl); то художникъ-хирургъ Антоніо Скаччіани, послѣ долгихъ мытарствъ, благодаря извѣстному живописцу Сальватору Розѣ, женится на прекрасной Маріаннѣ, вырванной имъ изъ рукъ скупца и сластолюбца Паскуале (Signor Formica)...

Въ романѣ Ф. Шлегеля «Люцинда» является геніальный *живописецъ* Юлій, «нашедшій въ Люциндѣ такую возлюбленную, обладаніе которой объяснило ему сущность любви и представило ему весь міръ въ новомъ освѣщеніи» [1]).

Генрихъ, герой романа Новалиса, поэтъ, влюбляется въ Матильду и странствуетъ по Италіи, Востоку, Греціи, Риму, Германіи [2]).

Знакомство съ Гете, Тикомъ [3]) и другими нѣмецкими поэтами оказало свое воздѣйствіе и на французскую литературу. Начинателемъ былъ, если не ошибаемся, Шарль Нодье.

Въ предисловіи къ своему роману «Le peintre de Saltzbourg» (1803) авторъ говоритъ: «Nous lisions Werther, Goëtz de Berlichingen et Charles Moor». «Mon héros a vingt ans; *il est poète*; *il est peintre*, il est *allemand*».

Художникъ Карлъ Мюнстеръ, изгнанный изъ Баваріи, много путешествуетъ, возвращается, наконецъ, въ родную землю и узнаетъ, что его возлюбленная Евлалія вышла замужъ за нѣкоего Шпронка. Шпронкъ, оказавшійся очень чувствительнымъ чело-

---

[1]) *Гаймъ*. Романтическая школа (переводъ Невѣдомскаго). М. 1891, стр. 429.

[2]) Тамъ же, стр. 343—344 (Генрихъ Офтердингенъ).

[3]) Отмѣтимъ, что романъ Тика переведенъ на французскій языкъ въ 1823 г. подъ заглавіемъ: „Sternbald, ou le peintre voyageur“, trad. par M-me Isab. de Montolieu.

комъ, желая уничтожить преграду между влюбленными, кон-
тъ жизнь самоубійствомъ; Евлалія постригается въ монахини,
Мюнстеръ находитъ смерть въ волнахъ Дуная.

Немного спустя въ 1807 году появился въ свѣтъ романъ г-жи
аль — «Коринна», въ которомъ главную роль играетъ жен-
ша-поэтъ. Непризнанная въ своемъ отечествѣ—Англіи, Коринна
одитъ хорошій пріемъ въ Италіи, гдѣ цѣнятъ по заслугамъ
выдающееся поэтическое дарованіе. Несчастная, страстная лю-
ь къ лорду Нельвилю заставляетъ ее вновь посѣтить родину,
ѣмъ опять вернуться въ Италію, гдѣ и кончается жизнь на-
занной измученной Коринны, которая, послѣ свиданія съ своей
рницей, Люсилью Эджермондъ, ввѣряетъ послѣдней безза-
но любимаго человѣка.

Замѣчательно, что даже въ романѣ Жоржъ-Зандъ Лелія, обра-
сь къ Стеніо, называетъ его «mon poète».

Въ результатѣ излюбленнымъ типомъ романтиковъ является
ь a) художника, b) или покидающаго домъ родительскій ради
ства, или просто путешествующаго по Европѣ и c) влюбляю-
ося счастливо или несчастливо въ падшую или невинную
щину.

Большой интересъ представлялъ типъ художника и для рус-
хъ писателей начала XIX столѣтія.

«Съ небесъ слетало вдохновеніе» къ Жуковскому, для кото-
о «поэзія была земной сестрой религіи»; «жрецъ искусства»
зносился духомъ надъ суетой» въ глазахъ Веневитинова; поэтъ
орокъ» по представленіямъ Пушкина и Лермонтова. Этотъ
рокъ» долженъ «жечь глаголомъ сердца людскія», его стихъ
кенъ «носиться надъ толпой, какъ Божій духъ», и быть
бходимымъ для толпы, какъ ѳиміамъ въ часы молитвы».

Поэтъ—герой многихъ произведеній.

Въ «Моцартѣ и Сальери» дѣлаются характеристики генія и
ата; въ «Египетскихъ ночахъ» выводится импровизаторъ,
адающій отъ сѣвернаго равнодушія»; продавши за деньги
ое искусство, гибнетъ Чартковъ въ повѣсти Гоголя.

И не только первоклассные геніи, но и такіе таланты, какъ
вскій и Кукольникъ, были увлечены интересомъ къ артисти-
ой натурѣ.

Жизнь нѣмецкаго органиста прежнихъ лѣтъ—сюжетъ «Себа-
на Баха»; человѣкъ, пріобрѣтшій искусство творческаго дара
цѣну «все видѣть, все знать, все понимать»—герой повѣсти,

«Импровизаторъ»; ужасающая картина послѣднихъ дней велика композитора рисуется яркими красками въ «Послѣднемъ квартет Бетховена».

Джуліо Мости Кукольника — поэтъ, ставшій на ложную дорог ведущую къ одной цѣли—заглушенію всѣхъ свѣтлыхъ душе ныхъ стремленій и потерѣ таланта; драма «Торквато Тассо» представляетъ жизнь Тассо, полную лишеній, его печальную любов и не менѣе печальную кончину въ моментъ, когда судьба, сжа лившись надъ нимъ, возвела его на кресло въ Капитоліи, гд былъ возложенъ на умирающаго Вергиліевъ вѣнецъ.

Тотъ же типъ и приблизительно та же схема, которая ука зана выше, повторяется въ «Аббадонѣ», гдѣ выведены: молодо поэтъ, актриса, бросаніе дома родительскаго [1]), увлеченіе поэзі и неудачная любовь къ падшей женщинѣ.

2) Вторымъ замѣчательнымъ типомъ, выставленнымъ романтиками, былъ типъ той женщины, которую Бѣлинскій назвал «femme émancipée».

Эта женщина была надѣлена двумя непремѣнными свойствам сверхъ прочихъ: нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ и извѣст ною твердостью характера.

Правда и въ классической литературѣ, и въ драмахъ Шекспира и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей встрѣчаются тип мужественной, энергичной женщины, столь чуждые вообще ли тературѣ XVII—XVIII вѣковъ, — однако они не всегда отличаютс духовнымъ развитіемъ, необходимымъ условіемъ для образовані «femme émancipée».

Въ романахъ Сталь, повидимому, впервые появляется указан ный типъ во французской литературѣ; у нѣмцевъ же онъ заро дился нѣсколько ранѣе, хотя и не получилъ такого развитія, как во Франціи.

Въ романѣ Жанъ-Поля «Titan» (1800—1803) есть любопытна личность, такъ называемая *титанида* Линда де-Ромейро. Эт женщина съ твердымъ, почти мужскимъ характеромъ и само стоятельнымъ образомъ мыслей.

«Linda's standhafter Sinn war recht nach seinem (Albano's), wi der stolze Blick und Gang der Römerinnen» (II, 108).

Она говоритъ про себя: «Ich bin, was ich bin, und werd schwerlich anders. Wenn nur der Mensch einmal einen Willen hat

[1]) Въ „Аббадонѣ" есть указанія на согласіе Вильгельма путешество вать по Европѣ съ Элеонорой, см. послѣднюю главу IV части.

der durch das Leben geht, nicht von Minute zu Minute, von Mensch zu Menschen wechselt—das ist die Hauptsache» (II, 111).

Линда рѣзко выдѣляется изъ толпы и по своему образованію.

На ея столикѣ герой романа Албано нашелъ много книгъ. «Er warf einen zufälligen Blick auf ihre kleine Tisch-Bibliothek.

«Lauter Franzosen»! sagte sie; er fand den *Montaigne*, das Leben der *Guyon*, den *Contrat Social* und zuletzt *M-me Staël*, «*Sur l'influence des passions*» (II, 111).

Философскія сочиненія ей также нравятся: «Ich nehme ein philosophisches Buch—denn Dichter greifen mich jetzt zu heftig an» (II, 114). Она любитъ свою подругу за то, что она «die deutscheste Französin ausser M-me Necker» (II, 125) [1]).

Въ 1802 году былъ изданъ романъ «Delphine», гдѣ героиня также не похожа на прекрасныхъ, скромныхъ, нравственныхъ, но неразвитыхъ до крайности и робкихъ женщинъ, какими являются героини Ричардсона и Гретхенъ Гете. Протестующій голосъ за женщину впервые послышался во Франціи.

Дельфина—женщина, стоящая выше свѣтскихъ предразсудковъ, покровительствующая несчастнымъ, подставляющая себя нападкамъ общественнаго мнѣнія, страдающая изъ-за этого, но всетаки не измѣняющая своимъ принципамъ. Ея принужденный разрывъ съ Леонсомъ, безъ котораго ей и жизнь не мила, разрывъ, совершившійся единственно для счастія Матильды; ея стойкое выдерживанье всякихъ несправедливыхъ и огульныхъ нареканій со стороны чопорныхъ соотечественницъ; ея умная, тонкая, благородная переписка съ своей родственницей (Albémar) и Леонсомъ, все обнаруживаетъ развитой умъ и сильную волю.

Коринна, другой типъ, созданный г-жею Сталь, о которомъ мы уже упоминали, есть также умная и сильная женщина. Импровизація въ Капитоліи, разсужденія о литературѣ и былой славѣ Рима даютъ понятіе объ ея начитанности и гибкости мысли; ея отношенія къ Освальду—объ ея характерѣ. «Il sentait bien toujours que Corinne n'était pas la femme faible, timide, doutant de tout, hors de ses devoirs et de ses sentiments, qu'il avait choisie, dans son imagination, pour la compagne de sa vie»: или: une supériorité si grande, si simple, si vraie, lui (à Oswald) parut au-dessus de toutes les règles singulières [2]).

---

[1]) „Titan" von Jean Paul (Richter). Leipzig.

[2]) Oeuvres complètes de M-me la baronne de Staël-Holstein. Tome I. Paris. 1844, pp. 705—706.

Съ 1832 по 1833 годъ появились романы Жоржъ-Зандъ: «Индіана», «Валентина» и «Лелія».

Индіана, вышедшая замужъ за стараго и неразвитого человѣка Дельмара, влюбляется въ умнаго, но увлекающагося, непостояннаго Раймона де-Рамьеръ. Презирая злословіе свѣта, брань, даже побои мужа, она два раза сама является въ домѣ своего возлюбеннаго, который оказывается вполнѣ недостойнымъ ея любви, ея вниманія. Валентина— существо болѣе мягкое, но и она, изъ необходимости найти поддержку, которой она не встрѣчаетъ въ окружающихъ, пренебрегаетъ традиціями свѣта и рѣшается сдѣлать окончательный безповоротный шагъ: принимаетъ у себя Бенедикта, а затѣмъ, по смерти мужа, хочетъ выйти за него замужъ, хотя онъ простолюдинъ.

Въ Леліи представленъ Жоржъ-Зандъ идеалъ глубоко чувствующей женщины, обладающей блистательнымъ умомъ. Уже пораженная болѣзнью вѣка—невѣріемъ и сомнѣніемъ, Лелія чувствуетъ призваніе къ общественной дѣятельности; ея рѣшительный характеръ и упорное преслѣдованіе извѣстныхъ цѣлей дѣлаютъ ее начальницей монастыря и доводятъ до гибели.

Въ заключеніе скажемъ, что и Элеонора въ романѣ Бенжамена Констана имѣетъ сходныя черты съ разбираемымъ типомъ: она твердо переноситъ свое шаткое положеніе: какъ при графѣ П., такъ и при Адольфѣ.

Элеонора Полевого — подходитъ также подъ типъ «femme émancipée». Ея развитіе, вдохновляемое любовью, заставляетъ ее разыграть на сценѣ истинную Веледу [1]; она читаетъ «Эгмонта» Гете, знакома съ литературой вообще; она понимаетъ музыку Моцарта и Бетховена.... [2]).

Разсужденія Элеоноры обнаруживаютъ тонкій вкусъ и большую начитанность. «Какъ понимала она жизнь сердца, какъ мило осуждала она въ стихахъ Гете злую насмѣшку, проглядывавшую сквозь восторгъ и добродушіе поэта, какъ досказывала она къ стихамъ Шиллера, чего не умѣлъ сказать себѣ самъ этотъ поэтъ, скорбный житель неба, упавшій на землю, отростившій здѣсь крылья свои и опять улетѣвшій на небо, едва только могъ онъ подняться на своихъ крыльяхъ. Дикія созданія Жанъ-Поля гармонировались отъ взгляда Элеоноры, и вопль горести Байроновой

---

[1]) „Аббадона“, ч. II, стр. 275 и д.

[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 175, 191—192 (ч. I, стр. 163).

она преображала въ тихій ропотъ Пери, окованной злыми Дивами» [1]). Душа ея способна отозваться на чужое горе, а пламенный, рѣшительный темпераментъ не знаетъ себѣ предѣловъ. Если любимый человѣкъ ей измѣняетъ, она идетъ на все, лишь бы уничтожить соперницу и всѣ преграды или погибнуть самой. Общественныя традиціи не гнетутъ ее, и на всѣхъ ея поступкахъ лежитъ отпечатокъ нѣкоторой эксцентричности.

3) Говоря про любовь художника къ *падшей*, мы имѣли въ виду, что изъ-за типа «femme émancipée», представленнаго въ Элеонорѣ, проглядываетъ типъ пытающейся возвратиться на истинную дорогу просвѣтленной грѣшницы.

Идея возрожденія падшаго — идея, принадлежащая глубокой старинѣ.

Въ разсужденіяхъ Платона о погрязшей въ чувственности душѣ, въ «Метаморфозахъ» Апулея, въ христіанско-легендарной литературѣ, въ англійскихъ моралитэ и французскихъ миракляхъ повторялся одинъ и тотъ же сюжетъ, не забытый и въ позднѣйшее время.

Лафонтенъ взялъ основную идею для своего разсказа «Les amours de Psyché» у Апулея, но такъ какъ стремился къ шутливому любезничанью (au galant et à la plaisanterie), совсѣмъ не развилъ ее; за то въ серьезномъ и глубокомъ видѣ проявилась она въ «Мессіадѣ» Клопштока.—Одно мѣсто, привлекшее на себя вниманіе Жуковскаго, изображаетъ паденіе уже начавшаго возрождаться Аббадоны [2]).

Стремленіе падшаго духа къ утраченному чистому и свѣтлому блаженству—тема, повторенная Муромъ и Виньи.

Въ главномъ произведеніи перваго «Лалла Рукъ» (Lalla Rookh an oriental romance) Фераморсъ, царственный женихъ прекрасной героини повѣсти, разсказываетъ легенду о Раѣ и Пери (Paradise and the Peri).

Молодая Пери тоскуетъ о Раѣ, котораго лишена; она изыскиваетъ средства для достиженія своей цѣли, но тщетно. Наконецъ, слезы злодѣя, умиленнаго теплою, невинною молитвою младенца, отворили запертыя для Пери врата райскія [3]).

---

[1]) „Аббадона", ч. II, стр. 178.

[2]) См. романъ Полевого, ч. IV, стр. 255, гдѣ приведено указанное мѣсто.

[3]) Произведенія Т. Мура переводились на русскій языкъ съ двадцатыхъ годовъ (*Московскій Телеграфъ*, 1833, № 13, стр. 106).

Въ «Eloa, la soeur des anges» Альфреда де Виньи готовый было покаяться демонъ вновь повергается въ пучину грѣха, увлекая за собою повѣрившую ему Элоа.

Кромѣ духовъ, возрождаться могли и падшіе люди, что ближе и понятнѣе живущимъ на землѣ.

Въ стихотвореніи Гете «Der Gott und die Bajadere» представлена сцена изъ жизни куртизанки. Магадевъ, владыка земли, увидѣлъ въ порокѣ зародышъ лучшаго бытія, и возродившаяся баядера оправдываетъ прозрѣніе Божества.

Нѣкоторое чувство душевнаго очищенія испытываетъ и Маріанна, бѣдная актриса и содержанка, когда впервые полюбила чистою любовью юношу (Wilhelm Meisters Lehrjahre).

«Nun aber hatte das arme Mädchen sich Augenblicke in ei[illegible] bessere Welt hinübergerückt gefühlt, hatte, wie von oben her[illegible] aus Licht und Freude ins Öde, verworfene ihres Lebens herunterge[illegible]hen, hatte gefühlt, welche elende Kreatur ein Weib ist, das mit d[illegible] Verlangen nicht zugleich Liebe und Ehrfurcht einflösst, und fa[illegible] sich äusserlich und innerlich um nichts gebessert. Sie hatte nich[illegible] was sie aufrichten konnte.

Wenn sie in sich blickte und suchte, war es in ihrem Gei[illegible] leer, und ihr Herz hatte keinen Widerhalt. Je trauriger dieser [illegible] stand war, desto heftiger schloss sich ihre Neigung an den Geli[illegible]ten fest: ja die Leidenschaft wuchs mit jedem Tage, wie die G[illegible] fahr, ihn zu verlieren, mit jedem Tage näher rückte» [1]).

Въ «Дельфинѣ» (Delphine) г-жи Сталь также выведены д[illegible]кающіяся Магдалины XIX вѣка: г-жа R. и Thérèse d'Ervins.

Г-жа R. «c'est une personne très inconséquente, et qui s'e[illegible] perdue de réputation par des torts réels et par une inconcéva[illegible] légèreté»!

Въ благодарность Дельфинѣ, выручившей ее изъ затрудн[illegible]тельнаго положенія въ салонахъ королевы, она дѣлаетъ ей сл[illegible]дующее признаніе: «Généreuse Delphine! vous m'avez donné l[illegible] seule leçon qui pût faire impression sur moi! Vous m'avez fa[illegible] aimer la vertu, son courage et son ascendant. Vous apprendre[illegible] dans quelques années, qu' à compter de ce jour *je ne serai plus l[illegible] même*. Il me faudra longtemps avant de me croire digne de vous voi[illegible] mais c'est le but que je me proposerai, c'est l'espoir qui me sou[illegible]tiendra» [2]).

---

[1]) *Goethe's* Werke. Deutsche Natonal-Litteratur, 96, I, 28—29.

[2]) Oeuvres complètes. Paris. 1844, t. I, p. 383.

«Thérèse d'Ervins», изъ-за преступной любви которой къ Сербеллану гибнетъ мужъ, наброшена тѣнь на Дельфину и не состоялся бракъ послѣдней съ Леонсомъ, открыто признается послѣднему въ своихъ грѣхахъ передъ *поступленіемъ въ монастырь*. «J'ai abandonné», говоритъ она: «tous mes droits personnels sur les biens de mon malheureux époux, et j'entre après-demain dans un couvent; je suis donc libre à présent de réparer aux yeux du monde le tort que j'ai pu faire à la réputation de madame d'Albémar» [1]).

Въ порывѣ раскаянія она хотѣла даже разглашать о своей преступной любви всякій разъ, когда можно смыть пятно съ чести Дельфины [2]).

Высшаго расцвѣта достигло направленіе, увлеченное интересомъ къ падшему, въ драмѣ Виктора Гюго «Marion de Lorme», съ которою сопоставляютъ только позднѣе явившуюся не менѣе знаменитую пьесу А. Дюма—«Dame aux camélias».

Маріонъ, куртизанка большого свѣта, вращавшаяся среди высшихъ слоевъ общества и дѣлившая свою любовь между представителями французской аристократіи, влюбляется впервые въ нѣкоего Дидье, человѣка безъ роду и имени, не знавшаго ни отца, ни матери. Благодаря пробудившемуся чистому чувству, душа несчастной просвѣтляется. А когда Дидье, за дуэль съ Саверньи, подвергается преслѣдованіямъ, грозящимъ ему казнью, Маріонъ бѣжитъ съ нимъ, скитается съ труппою бродячихъ актеровъ, вымаливаетъ ему, уже схваченному клевретомъ Ришелье Laffemas, прощеніе у Людовика XIII и, послѣ всѣхъ тщетныхъ попытокъ къ освобожденію Дидье, отдается гнусному клеврету, лишь бы спасти любимаго человѣка.

Какъ была возмущена Маріонъ предложеніемъ клеврета и какъ она надѣялась нравственно возродиться черезъ свое чистое, впервые испытанное чувство, видно изъ ея перваго отвѣта Laffemas, настаивавшему на своей подлой комбинаціи.

Il faut que vous soyez un homme bien infâme,
Bien vil,—décidément! pour croire qu'une femme—
Oui! Marion Delorme,—après avoir aimé
Un homme, le plus pur que le ciel ait formé,
Après s'être épurée à cette chaste flamme,

---

[1]) Oeuvres complètes, t. I, p. 503.
[2]) Тамъ же, p. 504.

Après s'être refait une âme avec cette âme,
Du haut de cet amour si sublime et si doux,
Peut retomber si bas qu'elle aille jusqu' à vous
(acte V, scène II) [1]).

Типы женщинъ, стоящихъ на скользкомъ пути, иной раз безъ всякаго стремленія къ возрожденію, выведены къ нѣкот рыхъ другихъ романахъ этого времени: «Адольфѣ» и «Леліи Въ произведеніи Бенжамена Констана любовница графа, Элеонор даже покинувъ его ради Адольфа, сохранила благородство чувств честность и избѣгала многаго, что другимъ казалось невинность Пульхерія, куртизанка Жоржъ-Зандъ, истинная представител ница матеріализма въ связи съ теоріей наслажденія, въ свои поступкахъ видитъ *правильный* и едва ли не единственный, с своей точки зрѣнія, образъ жизни.

Элеонора, созданная Полевымъ, очищается благодаря люб къ Рейхенбаху.

При свиданіи въ бесѣдкѣ она обращается къ Вильгельму слѣдующими словами: «Съ тѣхъ поръ, какъ Элеонора увидѣ узнала тебя—она *достойна твоей любви*» [2]). Въ письмѣ свое она пишетъ: «Я *измѣнилась* съ тѣхъ поръ, Вильгельмъ, съ т времени, когда ты назвалъ меня *твоею* Элеонорою — я не п надлежу ни себѣ, никому—я твоя, Вильгельмъ, твоя! Зачѣмъ нѣтъ тебя со мною? Иди, спѣши, ко мнѣ, въ мои объятья, Ви гельмъ, — они *очищены твоею любовью* отъ порока, и никог сердце болѣе чистое, болѣе благородное не билось ни въ чь груди человѣческой, какое бьется теперь, въ моей, Вильгельм мой избавитель, мой хранитель-геній!» [3]).

Въ послѣдней главѣ «Аббадоны» въ порывѣ отчаянія у Эле норы вырывается крикъ озлобленія и безконечной скорби: «Т *пробудилъ* въ душѣ моей *небо*, и для нея, для Генріетты бросил презрѣлъ, оставилъ меня» [4]).

4) Однимъ изъ общихъ мѣстъ въ произведеніяхъ романтич ской литературы является недовольство окружающею средой, п реходящее иногда въ форму соціальнаго протеста и въ стремл ніе къ уединенію и отчужденію отъ общества.

---

[1]) *V. Hugo.* Théâtre. Paris. 1884, t. II, p. 313. Cp. *P. Nebout.* Le dram romantique. Paris. 1897, pp. 181—193.

[2]) «Аббадона», ч. III, стр. 113.

[3]) Тамъ же, ч. III, стр. 165—166.

[4]) *Сынъ Отечества*, 1838, № 9, стр. 150.

Тотъ же вопросъ затрагивается и въ болѣе частной формѣ отношенія общества къ искусству.

Недовольство въ формѣ протеста, столь ярко обнаружившееся еще въ раннихъ драмахъ Шиллера («Разбойники», «Коварство и Любовь»), въ которыхъ сказалось отрицаніе существующихъ общественныхъ формъ, предразсудковъ и исключительности касты, получило развитіе во Франціи въ упомянутыхъ выше романахъ Шарля Нодье, Сталь, Жоржъ-Зандъ и Бенжамена Констана.

Карлъ Мюнстеръ озлобленъ обществомъ и раздраженъ противъ него: «Pourquoi les hommes m'ont ils fait leur captif, et pourquoi m'ont-ils amené prisonnier dans leurs cités? Vous l'eussiez vu ce lion, dans le désert, se jeter sur la terre altérée, oublier qu'elle brûle, et la goûter longtemps entre ses dents. *Dans le désert* — ai-je dit,—car dans *les liens de fer de la société* et sous les poids de ses institutions ignominieuses,—pauvres esclaves que nous sommes — nos organes lassés ne pourraient pas supporter longtemps l'éclat de cette nature exubérante» [1]).

Безконечные толки, нареканія и злословіе преслѣдуютъ несчастную Дельфину, какъ за ея состраданіе къ неудачникамъ (Сербелланъ и Тереза), такъ и за ея любовь къ Леонсу. Раздутыя сплетни о ея связи съ Сербелланомъ разрушили возможность ея брака съ избранникомъ сердца; выходъ ея изъ монастыря, гдѣ на нее сыпались укоры за мнимое паденіе съ M. de Valorbe, даетъ новую пищу для злыхъ языковъ. «Au fond de mon cœur», писала она Лебензею: «je ne me crois point coupable; mais tout m'annonce que je serai jugée ainsi, que j'offense l'opinion dans toute sa force, dans toute sa violence» [2]).

Общество, въ которомъ вращается Коринна во время пребыванія въ Англіи, въ семьѣ Эджермондъ, — чопорно, все стянуто этикетомъ приличій; въ немъ не было возможности развиться таланту, и всякое дарованіе подвергалось преслѣдованію. Разговоръ женщинъ въ этой средѣ состоялъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, въ родѣ: «Ma chère, croyez-vous que l'eau soit assez bouillante pour la jeter sur le thé?» и т. д. [3]). Всюду царило убѣжденіе, что «les femmes n'ont d'autre vocation que les devoirs domestiques» [4]).

---

[1]) Romans de Charles Nodier. Paris. 1873, p. 55.

[2]) Oeuvres complètes. Paris. 1844, t. I, p. 614.

[3]) Тамъ же, p. 781.

[4]) Тамъ же, p. 780.

«Quel plus grand malheur que de vivre là où la supériorité ferait naître la jalousie, et point d'enthousiasme, là où l'on serait haï comme une puissance, en étant moins fort qu'un être obscur» [1], восклицаетъ Коринна, вспоминая свою раннюю юность.

Когда измученная средой дѣвушка захотѣла навсегда покинуть Англію, ей былъ данъ такой отвѣтъ: Si vous prenez un parti *qui vous déshonore dans l'opinion*, vous devez à votre famille de changer de nom et de vous faire passer *pour morte* [2].

Непосильная борьба женщины съ обществомъ, которое не признаетъ правильнымъ ея чувства, заклейменнаго именемъ беззаконнаго, представлено въ Адольфѣ. «Vous les connaîtrez, ces hommes que vous remerciez aujourdhui d'être indifférents», пишетъ Элеонора Адольфу: et peut être un jour, froissé par ces *coeurs arides*, vous regretterez ce coeur dont vous disposiez, qui vivait de votre affection, qui eût bravé mille périls pour votre défense, et que vous ne daignez plus récompenser d'un regard. (chap. X [3]).

Соединенію Бенедикта и Валентины, въ романѣ Жоржъ-Зандъ, препятствуетъ масса преградъ, заключающихся въ различіи сословій (Бенедиктъ—простолюдинъ) и разныхъ предразсудковъ касты. Сама Валентина чувствуетъ пристрастіе къ простой жизни и отвращеніе отъ холоднаго блеска свѣтскаго общежитія. Вотъ ея слова Бенедикту: Je crois vraiment que j'étais née pour être fermière! Oh! que j'aurais aimé cette vie simple et ces calmes occupations de tous les jours! Si vous saviez combien de fois dans les salons, au milieu des fêtes, ennuyée du bruit de cette foule, je me suis prise à rêver que j'étais une gardeuse de moutons assise au coin d'un pré! mais l'orchestre m'appelait dans la colline, mais mon rêve était l'histoire du pot au lait» (Partie II, chap. XIV [4]).

Общество узаконило грубую тиранію г-на Дельмара надъ Индіаной, тиранію, доводящую несчастную до унизительнаго состоянія быть битой. Когда Индіанѣ посчастливилось, по смерти мужа, соединиться съ горячо преданнымъ ей Брауномъ, то они переселяются на островъ Бурбонъ, гдѣ и живутъ на лонѣ природы идиллическою жизнью, чуждаясь людей. Ральфъ пор-

[1]) Oeuvres complètes t. I, p. 782.

[2]) Тамъ же, p. 787.

[3]) *Benjamin Constant*. Adolphe (Paris. Marpon et Flammarion), pp. 198—199.

[4]) „Valentine". Paris. 1853, p. 115.

дѣтъ общество въ разговорѣ съ случайно зашедшимъ къ нимъ незнакомцемъ.

«Vous-êtes jeune; pour vous, conscience naïve et pure que n'a pas salie le monde, notre bonheur signe notre vertu, pour le monde, il fait notre crime. Allez, *la solitude est bonne, et les hommes ne valent pas un regret*» (Partie IV, ch. XV [1]).

Лелія, въ которой Жоржъ-Зандъ воплотила одну изъ наклонностей своей души—наклонность къ спиритуализму и общественной дѣятельности, также неудовлетворена окружающими ее жизненными условіями; при этихъ условіяхъ, могутъ вырабатываться только люди, подобные Стеніо. «Sténio», характеризуетъ его сама Жоржъ-Зандъ: «l'enthousiasme et la faiblesse d'un temps, où l'intelligence monte très haut, entraînée par l'imagination, et tombe très bas, *écrasée* par une *réalité sans poésie et sans grandeur*» [2]).

При подобномъ положеніи общества, неразвитого и неимѣющаго высшихъ стремленій, вопросъ объ искусствѣ играетъ довольно жалкую роль. Грубо-практическіе интересы вытѣснили всѣ другіе — и искусство считается чуть ли не праздной утѣхой человѣка, имѣющаго возможность бездѣльничать.

Въ «Титанѣ» Жанъ-Поля встрѣчается мнѣніе объ искусствѣ, высказанное Дономъ Гаспаромъ. «Für einen Mann von Stande sind gelehrte und schöne Wissenschaften, die für andre Endzwecke sind, nur Mittel und Erholung; und so gross deine Neigung dafür sein mag, so wirst du doch am Ende Handlungen den Vorzug vor Genüssen geben!» (ITh. 5Z).

Штернбальдъ Тика чувствуетъ себя неловко въ богатомъ домѣ одного фабриканта Zeugner'a, къ которому ему далъ письмо Дюреръ. Тутъ онъ ясно сознаетъ и ничтожество окружающихъ его богачей, и ничтожество своего положенія, какъ художника, къ которому относятся снисходительно и съ пренебреженіемъ. «Nur wenige bemerkten ihn, und die zufälligerweise ein Gespräch mit ihm anfingen, brachen bald wieder ab, als sie hörten, dass er ein Maler sei». «Man setzte sich zu Tische, er sass fast unten... Er fühlte, wie hier das Geld das Einzige sei, was man achte und schätze; er konnte fast kein Wort mitsprechen» [3]).

---

[1]) „Indiana". Bruxelles. 1832, pp. 271—273.

[2]) „Lélia". Ed. I. Hetzel. Paris. 1855, p. 2.

[3]) „Sternbalds Wanderungen". Deutsche National-Litteratur. 145 Band SS. 135—134.

И въ произведеніяхъ Гофмана проскальзываютъ такія же мысли объ искусствѣ, хотя менѣе ярко и рѣзко. Въ разсказѣ «Die Brautwahl» комиссіонный совѣтникъ Фосвинкель не соглашается отдать дочь за художника Леезена, которому бросаетъ въ лицо слѣдующія слова: «Feiner Gedanke, dass ich meine Tochter an den Hals hängen soll einem dürftigen, armseligen, nichtswürdigen Farbenkleckser» [1]).

Не менѣе грубо объясняется онъ и съ Леонгардомъ, ходатаемъ за Леезена: «Wie kommen sie», rief der Kommissionsrath, «auf diesen albernen, ärgerlichen Schnack? Ich, meine Tochter dem armseligen Pinsler?» [2]). Да и почтенный Эліасъ Роосъ едва-ли доволенъ своимъ будущимъ зятемъ—мечтательнымъ, чувствующимъ влеченіе къ живописи, непрактичнымъ Трауготомъ (Artushut).

Во французской литературѣ соотвѣтствующаго періода рѣзко выдается «Стелло»—рядъ повѣстей А. де Виньи. Герой одной изъ нихъ Чаттертонъ, оскорбленный обществомъ, осмѣявшимъ его поэтическіе опыты, полубольной и полуголодный, сжигаетъ свои произведенія и кончаетъ жизнь самоубійствомъ [3]).

Суровый пріемъ встрѣтила въ обществѣ и Элеонора Полевого: «Ничего не знала я въ мірѣ: ни отца, ни имени, ни родства, ни семьи, ни любви, ни дружбы, ни привычки къ чему-нибудь, знала одинъ позоръ, которымъ заклеймилъ меня этотъ отвратительный свѣтъ, растерзавъ для меня прошедшее и будущее» [4]).

Встрѣтивъ человѣка, котораго полюбила всей душой, Элеонора хочетъ бросить опротивѣвшихъ ей людей и бѣжать съ нимъ. «И голосъ такихъ людей», обращается она къ Рейхенбаху: «этихъ

---

[1]) Hoffmann's sämmtliche Werke. Paris. 1841, Capitel IV, S. 237.

[2]) Тамъ же, Capitel V, S. 241.

[3]) Неправильныя отношенія общества къ искусству не разъ бывали затрогиваемы и русскими писателями. Такъ, Камоэнсъ умираетъ „отечествомъ презрѣнный и забытый"; Импровизаторъ Пушкина холодно принятъ публикой; общество совращаетъ Чарткова; холодное, разсѣянное „какъ жаль" вызываетъ извѣстіе о смерти Бетховена, донесшееся на шумный великосвѣтскій балъ (Одоевскій); „поэтъ—человѣкъ безъ ума", рѣшаютъ въ больницѣ, куда посаженъ Тассъ (Кукольникъ). Ср. „Именины" Н. Ф. Павлова (1835) и „Художника" К. А. Тимоѳеева (1834): изображаемые здѣсь артисты не находятъ сочувствія въ окружающей ихъ средѣ и, въ силу своего низкаго происхожденія (одинъ—крѣпостной, другой — незаконнорожденный), терпятъ много невзгодъ и лишеній.

[4]) „Аббадона", ч. I, стр. 184.

бездушныхъ, развратныхъ глупцовъ, ты называешь славой? Избавь меня отъ нихъ, Вильгельмъ, они погубили меня!—Спаси меня, мой Арминій, мой Аллоа! Мы убѣжимъ отъ нихъ, убѣжимъ куда тебѣ угодно, на Альпы, въ лѣса Канады, Отаити!» [1]). Какъ среди простодушно-наивныхъ и необразованныхъ мѣщанъ, такъ и среди высшихъ классовъ общества, озлобившаго Элеонору, искусству почти не было мѣста. Мѣщанская среда считала стихотворство «пустымъ дѣломъ» [2]), а поэтовъ «безумными стихотворцами, занимающимися нехлѣбною глупостью» [3]). Слово «сочинитель» было синонимомъ сумасшедшаго [4]).

Дожидаясь въ пріемной барона Калькопфа и недоумѣвая, почему поэзія и наука въ такомъ пренебреженіи, Вильгельмъ «не зналъ, что если бы Кальдеронъ и Шекспиръ явились и сказали свои имена, то въ передней барона никто не вскочилъ бы отъ удивленія и что при имени Гёте тогда только встали бы съ креселъ, когда бы онъ прибавилъ къ имени Іоганнъ Вольфгангъ фонъ-Гете, тайный совѣтникъ саксенъ-веймарскій» [5]).

Прежде чѣмъ попасть на княжескій вечеръ, Вильгельмъ Рейхенбахъ долженъ былъ поскитаться по переднимъ, посидѣть въ каморкѣ ламповщика и возбуждать всеобщее недоумѣніе.

«Если ты не чувствуешь своего пигмейства, добрый поэтъ», прибавляетъ отъ себя Полевой: «то неужели не напоминаютъ его тебѣ эти раззолоченные господа, которые поглядываютъ на тебя въ лорнеты и трубочки, какъ на рѣдкую козявку? Неужели не напомнилъ тебѣ твоего состоянія вопросъ каммеръ-юнкера: «И вы приглашены?» [6]).

Подводя итоги подчеркнутымъ нами теченіямъ западно-европейской литературы, мы сразу замѣчаемъ то сильное умственное движеніе, которое зародилось на порогѣ XIX столѣтія. Интересъ къ артистической натурѣ, измѣненный взглядъ на женщину (зачатки женскаго вопроса), гуманное отношеніе къ падшему, протестующій возгласъ противъ общества, стѣсняющаго развитіе искусства и служащаго часто коренной причиной размноженія не-

---

[1]) „Аббадона“, ч. III, стр. 118.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 233.
[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 265.
[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 278.
[5]) Тамъ же, ч. II, стр. 61; см. также стр. 69—70.
[6]) Тамъ же, ч. III, стр. 214.

*

счастныхъ—мысли, волновавшія Европу. И русская литература, въ силу своей способности къ воспринятію подобныхъ идей, заимствовала довольно многое изъ литературъ другихъ, опередившихъ ее въ исторической жизни народовъ, и сдѣлалась участницей въ общемъ развитіи европейскаго ума.

Повѣсть Полевого является любопытнымъ фактомъ въ исторіи повѣсти особенно потому, что она, несмотря на нѣкоторые свои пробѣлы съ чисто художественной стороны, очень ярко и отчетливо отразила въ себѣ современныя ей литературныя направленія.

Итакъ, занесенные романтизмомъ идеи и типы оставили свой отпечатокъ на русской почвѣ, и, приглядываясь къ нимъ, видя ихъ устойчивость, нельзя признать ихъ исключительно наносными. Никакой литературный обмѣнъ не происходитъ прежде срока, назначеннаго ему историческимъ закономъ. Въ общихъ сюжетахъ англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и русскихъ произведеній видно общее развитіе литературныхъ формъ, а эти формы въ извѣстные промежутки времени отличаются тѣми или другими характерными чертами.

Мы закончили разборъ «Аббадоны».

Эта повѣсть, съ одной стороны, примыкаетъ къ ряду подобныхъ ей русскихъ повѣстей о художникахъ, съ другой—можетъ быть подведена подъ цѣлую серію повѣстей и романовъ западно-европейскихъ. Какъ благопріятные отзывы современной критики тридцатыхъ годовъ, такъ и произведенія иностранныхъ писателей, повліявшія на повѣсть и съ жадностью поглощавшіяся публикой въ *Московскомъ Телеграфѣ*, указываютъ на то вниманіе, съ которымъ отнесся къ ней читающій классъ, и на тотъ интересъ, какой она представляетъ для изслѣдователя.

Анализъ ея есть анализъ извѣстнаго теченія мысли въ русскомъ обществѣ,—теченія, тѣсно связаннаго съ другими, болѣе широкими и болѣе крупными теченіями европейской литературы.

По художественному выполненію повѣсть Полевого не можетъ итти наравнѣ съ выдающимися твореніями поэтическихъ геніевъ, хотя и не лишена своихъ достоинствъ, какъ созданіе талантливаго, образованнаго и умнаго человѣка.

ТЕОРІЯ ДРАМЫ.

Построеніе теоріи драмы во французской критикѣ.

«Все, что изысканно, противорѣчитъ намѣренію театра, цѣль котораго была, есть и будетъ—отражать въ себѣ природу: добро, зло, время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ»—въ такихъ выраженіяхъ великій англійскій геній, устами меланхолическаго датскаго принца, призывалъ соотечественниковъ къ естественности и правдивости въ драматическомъ искусствѣ. Но этотъ справедливый призывъ былъ забытъ послѣдующими поколѣніями... Классицизмъ сдавилъ проявленіе и развитіе поэтическихъ дарованій; въ царствѣ условности было не по себѣ изобразителю реальной борьбы, выхваченной изъ дѣйствительной жизни... Около двухъ столѣтій тяготѣетъ гнетъ надъ литературой, и, повидимому, нѣтъ изъ него выхода. Однако исторія подтверждаетъ справедливость словъ Шекспира: въ моментъ расцвѣта классицизма въ немъ таился уже зародышъ разложенія... Еще въ семнадцатомъ вѣкѣ, во Франціи, въ твореніяхъ лучшихъ представителей самаго строжайшаго, безпримѣснаго классицизма замѣтно сомнѣніе въ возможности выполненія всѣхъ правилъ піитики Буало; представители драматургіи восемнадцатаго вѣка, въ лицѣ Дидро и отчасти Вольтера, укрѣпили это сомнѣніе: появляется новый типъ «мѣщанской» драмы; въ литературныя сферы проникаетъ имя Шекспира, пока еще, правда, осыпаемаго разными непристойными кличками...

Въ воздухѣ чуется приближеніе какого-то кризиса, литературной революціи, которая и не замедлила проявиться въ ошибкѣ новыхъ романтическихъ теорій съ застарѣлой піитикой и новыхъ драматическихъ образцовъ съ отживавшей послѣднее время классической трагедіей.

Не анализъ вновь возникшей драмы, а историческій очеркъ новыхъ драматическихъ воззрѣній, высказанныхъ романтической критикой—предметъ нашей статьи.

Память Шекспира, воскрешенная на его отчизнѣ прекрасной игрой Гаррика, была оживлена въ Германіи переводами Виланда и сценическимъ талантомъ Шредера: съ появленіемъ критики Лессинга опускаются въ могилу останки классицизма. Художественное творчество Германіи достигаетъ высокой степени совершенства въ драмахъ Шиллера и Гете, изъ произведеній котораго «Гецъ фонъ Берлихингенъ» тѣсно связанъ съ главными моментами международнаго общенія и взаимодѣйствія въ литературной области: чадо періода «бури и натиска», «Гецъ фонъ Берлихингенъ» не только вліялъ на романы Вальтера Скотта, но и сыгралъ видную роль въ борьбѣ за водвореніе новой исторической драмы [1]). На рубежѣ, отдѣляющемъ восемнадцатый вѣкъ отъ девятнадцатаго, вліяніе Германіи начинаетъ сильно сказываться во французской поэзіи, подрывая постепенно ослабѣвавшее значеніе старыхъ литературныхъ преданій...

Слабые проблески освободительнаго движенія въ литературѣ, проскальзывавшіе, помимо Дидро и Вольтера, въ сочиненіяхъ ла-Мотта, Бомарше и Себастьяна Мерсье [2]) или въ такихъ предпріятіяхъ, какъ переводы Шекспира, изданные Делапласомъ (1746) и Летурнеромъ (1776), получаютъ возможность концентрироваться

[1]) По собственному признанію Гете, онъ былъ „твердый шекспировецъ", что и отразилось на „полнотѣ и жизненности поэтическихъ образовъ", „правдѣ характеровъ" „Геца". Но въ этой же драмѣ композиція не драматична, попрано единство дѣйствія. Значеніе драмы въ общемъ громадное. „Во всемъ чуялось, что насталъ новый день нѣмецкой поэзіи", пишетъ *Геттнеръ* („Исторія всеоб. лит. XVIII вѣка", томъ III, книга III, стр. 133). Объ отношеніи „Геца" къ романамъ Вальтера Скотта см. статью *Карлейля* объ англійскомъ романистѣ и „Geschichte des deutschen Kultureinflusses auf Frankreich" von Th. Süpfle. Gotha. 1888, II-er Band, S. 126.

[2]) О Себастьянѣ Мерсье, выпустившемъ въ 1773 году свой извѣстный трудъ: „Essai sur l'art dramatique", считаютъ долгомъ упомянуть многіе изслѣдователи романтическаго движенія. Онъ — „предшественникъ романтическихъ теорій", „создавшій изъ Шекспира божество"; онъ— „болѣе романтикъ, чѣмъ романтики временъ реставраціи", „жестоко нападалъ на всѣ правила классиковъ вѣка Людовика XIV и воспользовался теоріями Дидро"; „его книга весьма любопытна, но была, кажется, неизвѣстна въ свое время". Ср. *P. Nebout*. Le drame romantique. Paris. 1897, p. 11; *Th. Ziesing*. Le Globe, considéré dans ses rapports avec l'école romantique. Zürich. 1881, pp. 13—15; *M. Souriau*. De la convention dans la tragédie classique et dans le drame romantique. Paris. 1886, p. 68; цитованное изслѣдованіе *Зюпфле*, стр. 11, 85, 99, 112; *А. Чебышевъ*. Очерки изъ исторіи европейской драмы. Воронежъ, 1901, стр. 95.

и превращаться въ потокъ ровнаго и яркаго свѣта. Интересующіеся нѣмецкой литературой ощущаютъ подъ ногами довольно твердую почву; а такихъ лицъ было не мало... Обстоятельное новѣйшее изслѣдованіе о вліяніи нѣмецкой культуры на Францію выяснило, что это вліяніе не ограничивалось предѣлами эпохи романтизма, а началось до нея.

Такъ, самый ранній переводъ на французскій языкъ «Геца фонъ Берлихингена» выпущенъ въ 1785 г.; къ восемнадцатому вѣку относятся переводы и другихъ драмъ Гете: «Клавиго», «Стелла» и др. Въ это время возбуждаютъ любопытство какъ въ чтеніи, такъ и на подмосткахъ театра «Разбойники» Шиллера; наряду съ ними переводятъ «Коварство и любовь» и «Донъ Карлоса» [1]).

Въ эпоху же романтизма начала прошлаго столѣтія указанный интересъ къ обоимъ нѣмецкимъ писателямъ принимаетъ болѣе осмысленный характеръ: на французскомъ языкѣ встрѣчаются собранія сочиненій Гете и Шиллера [2]), а не отдѣльныя вещи; печатаются болѣе или менѣе удачныя и талантливыя критическія статьи въ сочувствующихъ новому направленію французскихъ журналахъ, въ родѣ *Le Globe*, *Revue encyclopédique*, *Revue française* и *Le Catholique*,—а обстоятельное знакомство съ нѣмецкой драмой и ея теоріей способствуетъ лучшему пониманію «бога трагедіи»—Шекспира [3]). Новое направленіе французскаго театра—преимущественно историческое. Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ и нѣмцы водворяютъ именно этотъ типъ драмы: влеченіе къ минувшимъ эпохамъ французской исторіи, воспроизведеніе мѣстныхъ легендъ съ мѣстнымъ колоритомъ—могучій элементъ новой драмы и новаго романа [4]).

---

[1]) См. цитованное изслѣдованіе Зюпфле, т. II, ч. I, гл. 4 и 5

[2]) „Oeuvres dramatiques de Goethe, traduites de l'allemand par *M. M. Stapfer, Cavagnac et Marguerè*". Paris. 1821—1825, IV vol.; „Chefs-d'oeuvre des théâtres étrangers... traduits en français par une société de gens de lettres". *Paris, Ladvocat*, 1820—1825; „Oeuvres dramatiques de Fr. Schiller... précédées d'une notice biographique et littéraire"... Paris, 1821. *Ladvocat:* „Oeuvres dramatiques de Schiller, traduction nouvelle *de M. Horace Meyer*". Paris, 1834.

[3]) См. *Зюпфле*, т. II, ч. I, стр. 118—119: „Ueberhaupt war *der echte Shakespeare* erst durch deutsche Vermittelung, namentlich durch A. W. Schlegel, jenseit des Rheines bekannt geworden"...

[4]) *L. Maigron*. Le roman historique à l'époque romantique. Paris. 1898, livre IV: „Le roman historique et l'histoire au XIX siècle": Шатобріанъ, а

Два чужеземныхъ писателя особенно привлекали вниманіе французовъ при разработкѣ теоретическихъ вопросовъ относительно драмы: одинъ — нѣмецъ А. В. Шлегель, другой — итальянецъ А. Манцони. На нихъ мы останавливаемся прежде, чѣмъ перейдемъ къ обзору исключительно французскихъ теорій.

Въ трудѣ Шлегеля впервые сдѣланъ былъ критическій обзоръ классическаго и новѣйшаго театра разныхъ временъ и національностей; отдѣльныя главы, посвященныя тому или другому предмету, представляютъ прекрасные этюды, въ которыхъ эрудиція ученаго соединена съ чуткостью художника [1]). Особенное мѣсто удѣлено псевдоклассикамъ и Шекспиру, наиболѣе плѣнившему нѣмецкаго критика. По словамъ А. Шлегеля, узаконенныя единства времени и мѣста не только не приносятъ пользы, но прямо вредны, въ виду невозможности, при соблюденіи ихъ, ни указать постепенный ростъ желаній человѣка, ни дѣйствіе на него времени, ни прибѣгнуть къ театральнымъ эффектамъ, иногда плохо вяжущимся съ единствомъ мѣста. Неудобство это возникаетъ отъ точнаго соблюденія правилъ, извлеченныхъ изъ греческихъ піесъ, безъ обращенія вниманія на совершенно измѣнившіяся историческія условія. Поэтъ долженъ переноситься въ античный міръ и понять его; а французы, наоборотъ, надѣлили классическихъ героевъ всѣми утонченностями ихъ этикета: во французской обработкѣ историческихъ сюжетовъ сказалась та же ошибка: старинные обычаи и повѣрья замѣнили позднѣйшими и свойственными другой національности, что, конечно, лишило истины и оригинальности изображенія минувшихъ вѣковъ и народовъ. Александрійскій стихъ также неудобенъ, какъ и единства: онъ болѣе годенъ для произнесенія поучительныхъ тирадъ, чѣмъ для выраженія движеній страсти, и его размѣренный шагъ не под

затѣмъ Вальтеръ-Скоттъ положили основаніе серьезному пониманію исторіи. Шотландскій романистъ былъ образцомъ для Баранта, автора „Герцоговъ Бургундскихъ", и былъ признанъ величайшимъ учителемъ, какой когда-либо былъ, въ дѣлѣ исторической проницательности чистосердечными словами Огюстена Тьерри. Исторія была новымъ источникомъ вдохновенія, обновила поэзію, способствовала развитію историческаго метода Вильмена и Сентъ-Бева. Ср. слова Цизинга: „Partout dans le romantisme français nous sentons l'influence des études historiques" (стр. 48).

[1]) *A. W. Schlegel.* Cours de littérature dramatique, traduit de l'alleman par M-me Necker de Saussure. Paris. 1865 (passim). Ср. нашу статью „Взглядъ Пушкина на драму". Спб. 1900.

ходитъ къ быстрому, нервному полету мысли, возбужденной живой скорбью. Къ числу несовершенствъ классической системы надо отнести созданіе типа наперсника и экспозицію, ибо, вмѣсто драматическаго дѣйствія, являются длинные разсказы. Заключеніе, къ которому пришелъ критикъ въ оцѣнкѣ французскаго театра, таково: «Французы полагаютъ, что создали свою трагедію, руководствуясь строгой идеей, но эта идея была вполнѣ отвлеченна. Они хотѣли соединить, безъ всякихъ стороннихъ прибавокъ, съ высшей утонченностью вкуса, достоинство, величіе, поразительныя положенія, развитіе страстей и патетическій элементъ, которые приличны трагедіи; но на дѣлѣ они лишили ее всѣхъ этихъ свойствъ, уничтожили правдивость, глубину, жизненность— ея самыя характерныя черты».

Совершенно иначе относится Шлегель къ англійской драмѣ и ея великому родоначальнику. Англійская литература, по его мнѣнію, развилась, подобно испанской, самобытно, безъ чужеземныхъ воздѣйствій и отличается романтизмомъ, отразившимся и на драматическихъ піесахъ. Романтическая сторона проявилась и въ освобожденіи отъ единствъ и въ смѣшеніи комическаго съ трагическимъ. Шекспиръ — слава своей націи; по однимъ его твореніямъ можно судить о культурномъ состояніи его эпохи. Драмы его строго обдуманы: онъ много размышлялъ о выводимыхъ характерахъ, о развитіи страсти, ходѣ событій и связи ихъ между собою, объ общественныхъ отношеніяхъ, тайнахъ природы и неумолимости рока. Человѣческая личность выдвигается имъ впередъ и обусловливаетъ собой всѣ свои поступки. И эта личность— не воплощеніе отвлеченной идеи, а одарена жизнью, одухотворена. Англійскій трагикъ—мастеръ рисовать страсти, онъ раскрываетъ передъ зрителемъ исторію души и однимъ словомъ заставляетъ догадаться о прошломъ ея. Онъ отличается замѣчательной силой творческаго воображенія и проницательностью ума и часто любитъ пародировать серьезныя стороны драмы. Смѣсь комизма съ трагизмомъ, встрѣчаясь въ жизни, находитъ себѣ оправданіе и въ драмѣ Шекспира. Историческія піесы его таковы, что мы на основаніи ихъ изучаемъ исторію безъ боязни когда-либо утратить разъ воспринятыя живыя впечатлѣнія. Жгучія страсти героевъ создали языкъ, образный, полный метафоръ.

Стихъ Шекспира—ямбъ безъ риѳмы, въ 10—11 слоговъ, перемѣшанный съ риѳмованными стихами и прозой. Этотъ размѣръ наиболѣе удобенъ и для высокаго тона, и для простой, безыскус-

ственной рѣчи; употребленіе прозы или стиховъ имѣетъ у Шекспира свои основанія какъ въ расположеніи души, такъ и въ характерѣ и сословіи говорящаго.

Расхваливъ Шекспира и оцѣнивъ по достоинству его драмы, Шлегель пытается опредѣлить задачи нѣмецкихъ драматурговъ. Въ старинной національной поэзіи и преданіяхъ родной земли чуется ему непочатый обильный источникъ для драмы. «Именно здѣсь», пишетъ онъ: «поэты могли-бы найти новые творческіе источники для блестящихъ, дивныхъ піесъ; а изъ самой исторіи они должны извлекать возвышенные сюжеты романтической трагедіи». Шлегель указываетъ на богатства, таящіяся въ исторіи Германіи, и восклицаетъ: «Какое широкое поприще для поэта, который, подобно Шекспиру, обладаетъ даромъ схватывать поэтическую сторону истинныхъ событій и умѣетъ соединить живость красокъ и твердость и точность кисти, наблюдая опредѣленный предметъ, съ всеобъемлющими мыслями и великодушнымъ энтузіазмомъ, пробужденнымъ возвышенными интересами человѣчества» [1]).

Авторъ лучшаго итальянскаго романа въ историческомъ жанрѣ Александръ Манцони можетъ быть названъ однимъ изъ преобразователей итальянской драмы. Хотя онъ и не былъ въ состояніи вполнѣ отрѣшиться отъ псевдоклассическихъ предразсудковъ однако въ предисловіи къ своей трагедіи «Графъ Карманьола» и въ «Письмѣ о трехъ единствахъ» поражалъ въ самое сердце послѣ-

---

[1]) *Зюпфле*, т. II, ч. I, стр. 107. Фр. Шлегель въ своей „Исторіи древней и новой литературы“ слѣдующимъ образомъ высказывается противъ классицизма. Форма греческой трагедіи—стѣснительна; законъ единства времени и мѣста основанъ на недоразумѣніи и противорѣчитъ сущности поэзіи—все это, по мнѣнію критика, споръ обветшалый и оконченный со временъ Лессинга. Выпускъ лирической части изъ древней трагедіи заставилъ французовъ восполнить недостатокъ дѣйствія риторикою страстей, столь согласной съ основнымъ характеромъ этого народа. Безусловно не можетъ быть общей формы для драмы всѣхъ націй, столь отличныхъ одна отъ другой по взглядамъ и образу чувствованій. Каждая нація, не имѣя возможности предписывать законы другимъ и подчиняться чуждымъ правиламъ, должна изобрѣсти собственную форму, находящуюся въ тѣсной связи съ ея внутреннею жизнью. Въ виду этого даже такіе великіе писатели, какъ Кальдеронъ и Шекспиръ, не могутъ вполнѣ служить образцами. Шекспиру, впрочемъ, отдается преимущество передъ Кальдерономъ, который слишкомъ скоро приводитъ къ развязкѣ и не характеризуетъ загадку жизни съ шекспировскою глубиною.

дователей псевдоклассическихъ традицій. Нѣкто Шове (Chauvet)—одинъ изъ французскихъ критиковъ, классикъ по основнымъ убѣжденіямъ, помѣщавшій свои статьи въ *Revue encyclopédique* и другихъ журналахъ [1]), подалъ поводъ къ появленію разсужденія Манцони о единствахъ. Какъ ни тверды были убѣжденія Шове, они не выдержали суровой критики итальянскаго драматурга: такъ проницательно и безпощадно мѣтко было разоблаченіе несостоятельности условныхъ правилъ прежней теоріи драматическаго искусства [2]).

Правила о единствахъ—нецѣлесообразны и неправильны, пишетъ Манцони. Единства времени и мѣста защищаются, какъ необходимыя по отношенію къ зрителю, который, не мѣняя самъ ни мѣста, ни времени, долженъ находить ихъ правдоподобными. Но личность зрителя—не составная часть сценическаго дѣйствія, а умъ, смотрящій и соображающій *извнѣ*; правдоподобіе же заключается не въ отношеніи дѣйствія къ образу существованія зрителя, но въ отношеніи отдѣльныхъ частей дѣйствія между собою. Упомянутыя единства не согласуются съ другими принципами, принятыми ихъ защитниками, ибо нельзя допускать интимные переговоры въ присутствіи зрителя; тогда какъ несоблюденіе единствъ вполнѣ возможно и оправдывается многими фактами... Во-первыхъ, *народъ* «иллюзируетъ» вполнѣ достаточно во время представленія піесъ, гдѣ эти правила не соблюдены, несмотря на то, что иллюзія народа уничтожается скорѣе, чѣмъ иллюзія ума гибкаго и образованнаго. Во-вторыхъ, англичане, испанцы, нѣмцы съ успѣхомъ не придерживаются этихъ правилъ, а признающіе ихъ не соблюдаютъ ихъ точно въ практикѣ и полагаютъ, что подчиненіе правиламъ уничтожаетъ часть красотъ. Манцони хотѣлъ-бы видѣть правила основанными *на природѣ*, неизмѣнными, независящими отъ воли критиковъ, открытыми въ дѣйствительности, но не созданными искусственно. На ряду съ этими трезвыми мыслями встрѣчается у Манцони мысль, обнаруживающая его собственную слабость: онъ допускаетъ въ

---

[1]) Шове неодобрительно отзывался о произведеніяхъ В. Гюго; одна статья его, посвященная этому предмету, была переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ: „Сужденіе классика о романахъ В. Гюго" и помѣщена въ № 22 *Московскаго Телеграфа* за 1831 годъ.

[2]) Шове призналъ, что безумно облекать современные сюжеты въ античныя формы и что новая драма не требуетъ строжайшаго и непремѣннаго соблюденія двухъ единствъ: мѣста и времени. *Т. Цизингъ*, стр. 103.

трагедіи хоръ. Греческіе хоры, думается ему, несовмѣстимы с системой новѣйшей трагедіи, но можно достигнуть той же цѣли для которой они созданы, помѣщая въ піесѣ здѣсь или там лирическія мѣста, написанныя въ духѣ хора. Не будучи связан съ дѣйствіемъ и не нарушая его, они даютъ возможность поэт высказываться отъ своего имени, почему ему не будетъ надоб ности вмѣшиваться въ дѣйствіе и надѣлять дѣйствующихъ лиц собственными чувствами [1]).

Но еще прежде, чѣмъ Шлегель и увлеченный имъ Манцони [2]) оказали воздѣйствіе на французскую литературу, въ 1809 год Бенжаменъ Констанъ выпускаетъ свои «Размышленія» о Шил леровомъ «Валленштейнѣ» и о нѣмецкомъ театрѣ. Подобно Ман цони, еще проникнутый живыми впечатлѣніями ложноклассицизм Бенжаменъ Констанъ скорѣе передѣлываетъ, чѣмъ переводит драму Шиллера, подгоняя ее подъ рамки прежнихъ трагедій Зато онъ проникнутъ большимъ уваженіемъ къ нѣмцамъ... Он заслуживаютъ его вниманія, такъ какъ они знакомы даже с чужеземной исторіей и изображаютъ не одно событіе и одн страсть, а цѣлую жизнь и полный характеръ, который надѣл ютъ подвижностью, измѣнчивостью и свойственными ему слаб стями... Французы же, наоборотъ, выдѣляютъ изъ характера вс чтобы выставить на первый планъ страсть, и уничтожаютъ т что не соприкасается съ опредѣленнымъ фактомъ. Изолируя опре дѣленный фактъ и страсть, они переносятъ весь интересъ зр теля на единственный предметъ; благодаря этому, ослабѣвает реальный характеръ: искусство не можетъ замѣнить истины, зритель видитъ неестественнаго героя, плодъ поэтической из брѣтательности автора. Изображеніе одной страсти, вмѣсто ц лаго характера, вызываетъ дѣйствіе болѣе трагическое, ибо о дѣльные характеры, всегда смѣшанные и сложные, вредятъ еди ству впечатлѣнія. Но правдивость проигрываетъ: герои, бе движущей ими страсти, не имѣютъ правъ на реальное существ ваніе... Вотъ почему Бенжаменъ Констанъ рѣшилъ, по примѣ Шиллера, возсоздать Валленштейна такимъ, каковъ онъ былъ.

Хоръ, изображающій народъ и откинутый нѣмцами, замѣнен выводимыми на сцену въ значительномъ количествѣ *второст пенными* лицами, которыя, отличаясь чисто случайнымъ характ

---

[1]) *A. Manzoni*. Théâtre et poésies: „Préface de Carmagnola". Paris 18

[2]) *M. Cypio*, стр. 74.

ромъ, иногда способствуютъ болѣе глубокому развитію главнаго дѣйствующаго героя. Бенжаменъ Констанъ противъ вставокъ подобныхъ лицъ, онъ считаетъ ихъ опасными для французской сцены: вслѣдствіе угожденія публикѣ, внѣшніе рессурсы (музыка, случайныя смерти, множество актеровъ, перемѣна мѣста) могутъ сдѣлаться главными ради эффекта; поэтому лучше развивать характеры, представлять борьбу страстей.

Передѣлка въ эпическій разсказъ того, что можетъ быть представлено въ дѣйствіи, кажется опасной, хотя переводчикъ «Валленштейна» и допускаетъ ее въ своемъ трудѣ.

Три единства, на взглядъ Бенжамена Констана, имѣютъ свои неудобства; они полагаютъ чрезвычайно узкія рамки въ особенности для историческихъ драмъ, побуждаютъ пренебрегать истинной послѣдовательностью и тонкостью оттѣнковъ, но, несмотря на стѣсненія и происходящія отсюда ошибки, они—разумный законъ. Перемѣна мѣста, какъ бы ни была удачна, заставляетъ зрителя задуматься надъ перемѣщеніемъ сцены и отвлекаетъ часть вниманія отъ главнаго интереса: ему необходимо при новой декораціи возстановлять старую иллюзію. Нельзя ранѣе оповѣщать объ истекшемъ времени, такъ какъ въ подобномъ случаѣ поэтъ является впереди дѣйствующихъ лицъ, вставляетъ отъ себя прологъ и вредитъ единству впечатлѣнія. Въ виду этого, Бенжаменъ Констанъ сохраняетъ три единства (въ своемъ переводѣ), трагическій стиль, а въ остальномъ хочетъ быть вѣренъ новой системѣ [1]).

Извѣстная книга «О Германіи» (1813), написанная талантливымъ перомъ г-жи Сталь, болѣе твердо и увѣренно развивала новые взгляды на драму; но и въ этомъ произведеніи замѣтна нерѣшительность и робость при произнесеніи окончательныхъ приговоровъ. Отраженіе мыслей А. В. Шлегеля сквозитъ во многихъ сужденіяхъ Сталь. Въ пятнадцатой главѣ второй части упомянутой книги идетъ рѣчь объ интересующемъ насъ вопросѣ. Предписаніе одной системы для всѣхъ національностей—говорится здѣсь — нелѣпо; требуются значительныя видоизмѣненія. Оживленіе греческаго театра, надѣленнаго многими чертами французскихъ обычаевъ и нравовъ, представляетъ непристойность и лишаетъ подобный театръ общеевропейскаго вниманія. Не смѣсь

---

[1]) *B. Constant.* Quelques réflexions sur la tragédie de Wallenstein et sur le théâtre allemand. Paris. 1839.

новѣйшаго съ античнымъ, а національно-историческая піеса желательна г-жѣ Сталь: въ данномъ случаѣ невозможно сообразоваться ни съ тремя единствами, ни съ высокопарностью французской трагедіи. А изъ трехъ единствъ необходимо *одно*—единство дѣйствія. Измѣнившіяся, осложнившіяся историческія условія дѣлаютъ немыслимымъ совершеніе какого-либо событія въ 24 часа и въ одномъ мѣстѣ. Театральная же иллюзія зависитъ, какъ справедливо думаютъ иностранцы, не отъ единствъ, а отъ обрисовки характера, правдивости языка, отъ точнаго соблюденія нравовъ вѣка и страны. Умершіе нѣсколько столѣтій назадъ герои не могутъ иначе, чѣмъ условно и по соглашенію, заставить вѣрить въ ихъ существованіе; правдивость трагедіи зависитъ отъ возбужденія, которое она вызываетъ, возбужденія, для котораго перемѣна мѣста и удлиненіе положеннаго срока времени весьма полезны. Историческіе сюжеты менѣе, чѣмъ другіе, годятся для трехъ единствъ. Сталь согласна съ мнѣніемъ Бенжамена Констана что нѣмцы рисуютъ характеры, а французы—страсти. Для избѣжанія недостатка французовъ слѣдуетъ удалиться отъ исключительно величаваго тона при многостороннемъ изображеніи человѣка; слѣдуетъ избѣгать и единства времени, ибо въ подобный срокъ возможно представить не характеръ, а одну лишь развязку.

Александрійскій стихъ—громадное препятствіе для многихъ чувствъ и сценическихъ эффектовъ: комическія сцены, способныя оттѣнить трагическое положеніе, у французовъ немыслимы. Параллельно съ этими идеями, встрѣчаются у Сталь и противорѣчія, вѣрно подмѣченныя французскими критиками: утвержденіе, что заурядное часто соединяется съ возвышеннымъ, недопущеніе низкихъ характеровъ на сцену, признаніе драмы болѣе низкой сравнительно съ трагедіей [1]...

Въ то же время нельзя забывать, что Сталь впервые познакомила французовъ надлежащимъ образомъ съ нѣмецкой литературой, что она тонкимъ чутьемъ угадала достоинства Шекспира и написала слѣдующія строки: «Должно желать выхода изъ ограды, которую полустишія и риѳмы обвели вокругъ искусства, должно позволить себѣ болѣе смѣлости, требовать бо́льшаго знанія исторіи, ибо, если держатся исключительно блѣдныхъ копій однихъ и тѣхъ же образцовыхъ твореній, то кончаютъ тѣмъ, что видятъ въ театрѣ только героическихъ куколъ, жертвующихъ любовью

[1]) *M. Cypio*, стр. 72—74.

для долга и предпочитающихъ смерть рабству, вдохновленныхъ по противоположности въ ихъ дѣйствіяхъ и словахъ, безъ всякаго отношенія къ тому удивительному существу съ ужасной, увлекающей и преслѣдующей его судьбой, котораго зовутъ человѣкомъ» [1]).

Знакомя съ чужеземнымъ театромъ, Сталь не отдавала предпочтенія тѣмъ или инымъ принципамъ, она только справедливо надѣялась, что мысли чужеземцевъ могутъ пробудить развитіе мыслей французскихъ. Въ этомъ ея заслуга, хотя она и неясно понимала, какова должна быть истинная драма [2]).

Въ двадцатыхъ годахъ появляются во Франціи переводы произведеній Манцони и Байрона, Гете и Шиллера, а среди нихъ и новый переводъ драмъ Шекспира (1821). Знаменитый Гизо предпослалъ своему изданію прекрасный этюдъ, посвященный англійскому драматургу, гдѣ высказано не мало мѣткихъ замѣчаній о драмѣ вообще. Недовольный псевдоклассиками, Гизо указываетъ на новое литературное движеніе, во главѣ котораго онъ ставитъ Шекспира. Онъ неудовлетворенъ и новымъ направленіемъ, если оно, разрушивъ старыя правила, не создастъ взамѣнъ ихъ своихъ и будетъ развиваться безъ системы. «Театральное искусство», пишетъ Гизо: «имѣетъ свои относительныя правила, зависящія отъ мѣняющагося состоянія общества». Безъ этого основанія нѣтъ ни истинной художественности, ни долговременности успѣха піесы. Изученіе Шекспира должно направить, по его мнѣнію, современные ему таланты на настоящую дорогу: «Шекспирова система можетъ представить планы, на основаніи которыхъ талантъ долженъ нынче работать». Причисляя національность къ непремѣннымъ свойствамъ драмы, Гизо выше всего цѣнитъ единство впе-

---

[1]) Не надо забывать, что кромѣ книги „О Германіи" Сталь еще въ 1800 г. окончила трудъ „О литературѣ, разсматриваемой въ отношеніи къ общественнымъ учрежденіямъ". Здѣсь—высокая оцѣнка Шекспира, родоначальника новой литературы, драмы котораго отличаются первоклассными красотами, хотя также отмѣчаются длинноты его піесъ, встрѣчающіяся якобы въ нихъ безполезныя повторенія, несвязныя сцены и отсутствіе простоты. Въ послѣднемъ случаѣ Сталь платила дань старому классическому вкусу. Гетевскій „Гецъ фонъ-Берлихингенъ" и драмы Шиллера заслужили одобреніе Сталь: первый—за занимательное для воображенія рыцарское преданіе, вторыя—за проявленіе въ нихъ мощной прекрасной души автора...

[2]) „De l'Allemagne", partie II, chapitre XV.

чатлѣнія. «Единство впечатлѣнія, первая тайна драматическаго искусства, была душою великихъ созданій Шекспира». Указанное единство тѣсно и неразрывно сливается съ единствомъ дѣйствія, какъ своей причиной, и возможно тогда, когда всѣ изображаемыя событія имѣютъ своимъ центромъ одно главное дѣйствующее лицо, которое и возбуждаетъ наибольшій интересъ зрителя. «Никакой фактъ не является изолированнымъ, непричастнымъ самой сути драмы; никакое связующее звено не является неосновательнымъ или случайнымъ. Событія, будучи сгруппированы вокругъ главнаго дѣйствующаго лица, пріобрѣтаютъ, благодаря этому, извѣстное значеніе отъ того общаго впечатлѣнія, которое главное дѣйствующее лицо получаетъ, въ свою очередь, отъ нихъ; всѣ событія имѣютъ отношеніе къ этому лицу и исходятъ отъ него, оно — начало и конецъ, орудіе и цѣль предначертаній Божества, которому угодно, чтобы все совершалось руками человѣка, но противъ его желаній». Главное дѣйствующее лицо должно быть выдержано и нигдѣ не измѣнять своимъ характернымъ и отличительнымъ чертамъ. «Благодаря выдержанности характера, мнѣній и намѣреній, создается то внутреннее единство, которое, пренебрегая пространствомъ и временемъ, заключаетъ всѣ составныя части извѣстнаго событія въ единомъ сжатомъ дѣйствіи, въ которомъ нельзя замѣтить пробѣловъ единства чисто внѣшняго». Гизо допускаетъ смѣшеніе трагическаго съ комическимъ, что иногда даже способствуетъ общему трагическому впечатлѣнію, и признаетъ неумѣстнымъ введеніе въ драму эпическаго элемента, вѣстниковъ и наперсниковъ [1]).

Книгу Генриха Бейля «Расинъ и Шекспиръ», выпущенную въ 1823 году, нельзя считать цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для теоретиковъ романтизма. Взгляды Бейля, правда, являются предвѣстіемъ литературной реформы; но они не чужды сбивчивости, не имѣли особеннаго вліянія на развитіе романтическихъ теорій и далеко не всегда отличались оригинальностью: Бейль заимствовалъ многое у Шлегеля, Манцони и другихъ. Собственныя же теоріи, лично ему принадлежащія, весьма спорны. Таково, напримѣръ, его опредѣленіе романтизма, которое было бы неблагоразумно принимать серьезно [2]). Двѣ лучшія идеи Бейля слѣдующія. Одна: каждый

---

[1]) „Shakspeare et son temps". Paris. 1852.

[2]) Романтизмъ есть искусство создавать литературныя произведенія, способныя доставлять наиболѣе удовольствія современному обществу; классицизмъ—прадѣдамъ.

народъ долженъ имѣть свою особенную литературу, сообразованную съ его характеромъ, какъ каждое платье сообразовано съ ростомъ носящаго. Другая: короткіе моменты совершенной иллюзіи чаще встрѣчаются въ трагедіяхъ Шекспира, чѣмъ у Расина, и должно стараться на будущее время умножить число этихъ мгновеній. Но и самъ Шекспиръ можетъ служить только примѣромъ, и никакъ не долженъ быть буквальнымъ образцомъ, моделью. Смѣсь трагическаго съ комическимъ, свойственная романтической драмѣ, и тирада—необходимая принадлежность классической трагедіи—то и другое равно невозможны и осуждаются Бейлемъ. Александрійскій же стихъ, съ его точки зрѣнія, служитъ часто прикрытіемъ ошибокъ; вмѣсто усовершенствованія его и смягченія, какъ предлагалъ это сдѣлать Ламартинъ, его лучше упразднить.

Нѣкоторые взгляды Бейля отразились на «Предисловіи къ Кромвелю» Виктора Гюго, но въ общемъ, книга «Расинъ и Шекспиръ» не имѣетъ большого историческаго значенія [1]).

Вопросы, поднятые перечисленными французскими писателями, были подхвачены журналистикой: такіе органы печати, какъ: *Le Globe*, *Revue française*, *Le Catholique* и др., развивали тѣ же темы, интересовались тѣмъ же предметомъ... Интересы первыхъ двухъ изданій сходились: по справедливому выраженію Гатена, у нихъ были одни принципы, одна точка отправленія, одна конечная цѣль, однѣ идеи, часто одни сотрудники... Но въ борьбѣ старыхъ воззрѣній съ новыми *Le Globe*, какъ наиболѣе ярому защитнику нарождающихся убѣжденій, принадлежитъ безспорно первое мѣсто. *Le Globe* служилъ для *Revue française* тѣмъ, чѣмъ «служитъ авангардъ для центра войска»... [2]).

Прекрасное, но, къ сожалѣнію, неоконченное изслѣдованіе Т. Цизинга достаточно хорошо выяснило важную историческую роль, сыгранную *Le Globe*, и его отношенія къ романтической школѣ.

Сотрудниками *Le Globe* впервые смѣло провозглашенъ былъ въ литературѣ принципъ *свободы*, наравнѣ съ требованіями естественности (nature) и правдивости (vérité): имена Шекспира, В.

---

[1]) О немъ см.: *М. Сурiо*, стр. 76—78; *Г. Брандесъ*. Французская литература. Спб. 1895, т. III, стр. 198, 240; *Г. Лансонъ*. Исторія французской литературы XIX-го вѣка. Спб. 1897, стр. 85; *Ж. Пелисье*. Литературное движеніе въ XIX-мъ столѣтіи. М. 1895, стр. 263—266.

[2]) Нѣкоторыя изъ приводимыхъ ниже статей *Le Globe*, *Revue française* и *Le Catholique* предлагаются въ переводѣ сотрудниковъ русскаго журнала *Московскій Телеграфъ* (1825—1834).

Скотта, Байрона, Бёрнса, Мура, «лэкистовъ» и Гете упомин часто на страницахъ журнала, способствуя расширенію бр пробитой въ непоколебимой до того времени стѣнѣ классиц: Отъ общаго направленія *Le Globe* зависѣли и проводимыя мнѣнія о драматическомъ искусствѣ.

Основные принципы театральныхъ критиковъ *Le Globe* с лись, главнымъ образомъ, къ соблюденію въ драмѣ (историче по преимуществу) исторической точности, или правдивости, и ум отыскать поэтическую идею въ извѣстномъ историческомъ ментѣ, выбранномъ, какъ сюжетъ драмы; при этомъ поясня что театръ—не курсъ исторіи и археологіи и развитіе страс необходимо, почему и надо *воображеніемъ* возсоздать *внутре* жизнь, страсти и вѣрованія предковъ, а не одну внѣшност основѣ творческой работы полагалась оригинальность, а не п жаніе даже такому генію, какимъ является Шекспиръ. Въ ности: отмѣнялись единства, кромѣ единства дѣйствія; утвер лась смѣсь комическаго съ трагическимъ, за ихъ неестествен браковались тирады, отмѣчались недостатки александрійскаго с нуждающагося въ преобразованіяхъ [1]).

Въ театральныхъ рецензіяхъ разбирались драматическія классическаго, полуромантическаго и, наконецъ, романтиче направленій. Классическій театръ бракуется даже и тогда, сторонники Буало, слѣдуя модѣ, хотятъ быть національны берутъ изъ исторіи плохо извѣстные факты, чтобы предаться гулу фантазіи и сохранить старыя традиціи въ трагедіи... Г чающаяся, такимъ образомъ, классическая трагедія съ націо нымъ сюжетомъ страдаетъ ненавистными «maximes triviale уклоненіемъ отъ исторической точности, скрывающей въ поэзію.

Полуромантическій театръ—тоже осужденъ, ибо его пр женцы калѣчатъ прекрасныя произведенія Гете, Шиллера, Г спира, подгоняя ихъ къ французской сценѣ и не будучи в стояніи скинуть иго старыхъ правилъ. Возможно что-нибудь или бросить весь грузный багажъ условныхъ правилъ, или,

---

[1]) Вопросъ о прозѣ или стихахъ въ драмѣ, несмотря на то, ч прозу стояли Мериме, Виньи, Вите, не былъ рѣшенъ окончательно, буждалъ споры. Такъ, напримѣръ, Ремюза высказался въ общемъ за хотворную форму, но когда Гюго сталъ защищать александрійскій с то *Le Globe* былъ противъ знаменитаго поэта.

завшись отъ воспроизведенія средневѣковыхъ сюжетовъ, держаться сюжетовъ греческихъ, для которыхъ однихъ пригодны классическія рамки.

Романтическій театръ во времена *Le Globe* едва зарождался въ твореніяхъ Мериме, Вите, Виктора Гюго и Александра Дюма.

Театръ Клары Газуль, выпущенный Мериме, встрѣченъ очень одобрительно, какъ подтвержденіе на дѣлѣ романтическихъ теорій, хотя при этомъ дѣлается упрекъ въ поспѣшности и незаконченности.

Мериме, по словамъ *Le Globe*, руководствовался и исканіемъ истины, и полетомъ воображенія. Въ «Жакеріи», впрочемъ, недостаетъ черты истинной драмы: порядка и развитія, но есть связь историческая. Здѣсь же Ремюза высказываетъ мысль, что въ искусствѣ нѣтъ болѣе преувеличеній и что цѣль современнаго драматурга—найти прелесть и благородство во всей неприглядности внѣшняго бытія. «Etats de Blois» Вите могутъ быть названы драмой, а не сценами, ибо въ нихъ есть единство дѣйствія и историческая правдивость. Вите позволительно упрекнуть лишь въ излишней щепетильности въ передачѣ историческихъ фактовъ, которая тормозитъ развитіе человѣческихъ чувствъ.

Привѣтствуется и «Кромвель» Гюго: въ немъ и практическое, и теоретическое торжество новой школы. Признается, что въ «Кромвелѣ» не все оригинально, но «théorie de grotesque» принадлежитъ Гюго, хотя она и не вполнѣ вѣрна: авторъ слишкомъ быстро обобщаетъ частности. Піесы Дюма хороши по новизнѣ сюжетовъ, театральнымъ эффектамъ, но онѣ часто отступаютъ отъ исторической правды. Таковы общія заключенія *Le Globe* о представителяхъ драматической поэзіи во Франціи; на двухъ-трехъ примѣрахъ, приведенныхъ ниже, отмѣтимъ характеръ подобныхъ рецензій.

Передъ нами три рецензіи: одна на Леона Галеви, автора «Царя Димитрія», двѣ другія на піесы Арно-отца и Арно-сына.

Теорія не можетъ быть причиною великихъ твореній—говорится въ первой рецензіи; но современная критика доставила свободу литературную и довершила упадокъ старыхъ преданій о драматическомъ искусствѣ; кромѣ того, увеличила «музей поэтическихъ красокъ». Должна быть забракована *система* въ образованіи поэта; должны быть забракованы всякіе отвлеченные планы, стѣсняющіе его волю: каждый пишетъ съ натуры, какъ угодно. Галеви хочетъ создать драму, какъ «исторію дѣйствительности»,

и нарисовать «картину страсти»—анализъ сердца соединить с историческою точностью: соблюсти характеръ страны и вѣка дл поляковъ и русскихъ и двигать піесу силою главнаго дѣйствую щаго лица, созданнаго произвольно, по вдохновенію. Но онъ н достигъ цѣли. Въ дѣйствующихъ лицахъ нѣтъ слѣдовъ вѣка страны, то-есть Россіи XVI вѣка, ибо они сентиментальны и эл гичны; а нельзя современныя чувства и понятія передвигать туд гдѣ ихъ быть не должно. Между тѣмъ свобода, доставляема отдаленностью и темнотою времени (что любилъ Расинъ), бы полная, и Димитрій могъ подъ перомъ автора принять любы формы. Главная ошибка Галеви въ томъ, что въ первой сцен преимуществуетъ Василій Шуйскій, заслоняя собой Димитрі автору же надобно было выказать душу Димитрія въ мину разрушенія всего счастья, всѣхъ цѣлей его (когда онъ узнае о своемъ происхожденіи). Затѣмъ, сцена не допускаетъ волы стей романа: нескончаемыхъ сценъ внѣ настоящаго дѣйствія лиризма; она должна дать движеніе и дѣйствія драматическі Что касается характеровъ, то въ нихъ нехороши очерки, общ употребительные у современныхъ писателей, такъ какъ благода этому дѣйствующія лица лишаются тѣла и получаются созданія в родѣ «мимолетящихъ паровъ». Таковы очерки характеровъ Д митрія и Марфы, и трудно понять измѣненія, происходящія в натурѣ послѣдней. Слогъ Галеви надутъ а критикъ требуе простоты [1]).

Въ разборѣ піесы Арно-отца «Пертинаксъ, или преторіан» дѣлается попутно оцѣнка драмы Александра Дюма «Генри Третій».

Обѣ піесы имѣютъ общее: въ обѣихъ одинаковая проник тельность историческая, одинаковая истина поэтическая и из брѣтенія. Здѣсь и тамъ—сцены съ любимцами, пажами, посла никами любви, тирады о римскихъ добродѣтеляхъ, героическ заговоры, тираны. Однако, «Генрихъ III» привлекаетъ публик а «Пертинаксъ»—нѣтъ. Причина ясна. «Древніе (классическі предметы наскучили, а новые возбуждаютъ любопытство: стар героическая декламація надоѣла, и нуженъ разговоръ, сколь нибудь человѣческій. Хотятъ воспоминаній, декорацій, костюмов сходныхъ съ нашимъ ежедневнымъ чтеніемъ. Когда господств вала исторія и литература древняя, тогда и сочувствовали дре

---

[1]) *Le Globe*, 1829, № 62. p. 490.

ности; нынѣ книги и картины наши говорятъ намъ объ одной Европѣ и о насъ; какъ же хотѣть, чтобы мы видѣли въ театрѣ что-нибудь другое? Еще болѣе: не знаю, по какой прихоти, насъ занимаютъ только одною эпохою новой исторіи: окончаніемъ шестнадцатаго вѣка. Лига со своими развратными нравами, со своими убійствами и грубымъ великолѣпіемъ, со своими накрахмаленными брыжжами и штанами à l'espagnole, бородами и клобуками монаховъ, четками и ружьями—вотъ что единственно привлекаетъ и очаровываетъ наши взоры. Намъ нравятся однѣ сцены сатурналій королевскихъ и народныхъ, да странное смѣшеніе прекраснаго, дурного и звѣрскаго, гдѣ безъ труда сближаются черты, заставляющія плакать отъ удивленія и содрогаться отъ ужаса».

Слабое и истощенное искусство берется за то, «что стоитъ ему только списать, дабы расшевелить душу». «Не понимая истинно и не изучая природы человѣческой: не зная глубины чувства и поэзіи, не вѣдая единства сочиненія и развитія его, искусство рисуетъ намъ нѣсколько силуэтовъ тѣхъ странныхъ фигуръ, которыя занимаютъ насъ и высказываютъ нѣсколько мертвыхъ, но могущественныхъ словъ воспоминанія».

«Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ опытахъ, извлекающихъ у насъ рукоплесканія, мало нужды до того, какъ авторъ рѣшилъ такую-то или другую задачу драматическую, и соблюлъ ли онъ или нарушилъ единство времени и мѣста, смѣшалъ ли комическое съ трагическимъ, или строго сохранилъ законъ различія родовъ. Движеніе, декораціи, костюмы составляютъ все. Тутъ торжествуетъ *діорама*. Зато, посмотрите, какъ послѣ перваго пыла, послѣ перваго разсчитаннаго рукоплесканія, дани новости и поощренію, люди со вкусомъ остаются холодны». Равнодушіе публики указываетъ на упадокъ искусства. Критикъ «позволяетъ себѣ упрекать, и довольно рѣзко, драматурговъ въ недостаткѣ изобрѣтенія, истины, и особенно въ безсиліи извлечь изъ исторіи поэзію, скрывающуюся въ ней». «Въ самомъ дѣлѣ, наши драматическіе поэты столь не высоки въ этомъ отношеніи, что самая легкая ученость открываетъ въ древнихъ и новыхъ событіяхъ, избранныхъ ими, сокровища оригинальности, тамъ, гдѣ они сыскали одну бѣдность и общія мѣста; оттого, что эта ученость, руководствуясь здравымъ смысломъ, одушевляясь мнѣніемъ и духомъ своего времени, разсматриваетъ все съ любопытствомъ откровеннымъ и безпристрастнымъ. Она вездѣ ищетъ человѣчество

подъ различными нарядами, и глядитъ на него глазами грековъ и римлянъ, созерцающихъ себя, не глазами англичанъ времени королевы Елисаветы или французовъ вѣка Людовика XIV; она соображается не съ мнѣніями Расина, нѣмцевъ, Гете, Шиллера, а со вкусомъ, съ понятіями, съ философіею Франціи 1829 года, съ стремленіемъ вѣка, признающаго во всѣхъ предшествовавшихъ ему то, что было въ нихъ хорошаго, и то, что было въ нихъ дурного. Это состояніе духа, по наружности совершенно критическое, удивительно близко къ поэзіи, ибо при немъ искусство не стѣснено никакою условностью, не заключено ни въ какой кругъ времени или народа. Строгій, не снисходительный разборъ прошедшаго не только не ведетъ къ равнодушію, но предвѣщаетъ близкую эпоху труда, страстнаго въ созданіи. Чѣмъ болѣе общество проникнуто глубокимъ и разнообразнымъ знаніемъ подробностей исторіи, тѣмъ болѣе со дня на день возвышаются единство и идеальная гармонія, связующія всѣ раздѣленныя части событія или эпохи. Чѣмъ болѣе укрѣпляется сими тайными воззрѣніями воображеніе, тѣмъ легче становится оно къ принятію и къ возрожденію вдохновеній искусства».

Одно намѣреніе Дюма взять эпоху, интересующую публику освободиться отъ героизма и показать людей XVI вѣка, какъ ихъ теперь понимаемъ, заслужило успѣхъ; но Дюма не достигъ своей цѣли: у него неестественны характеры. Въ «Пертинаксѣ» же не нравится не только древность, но и непониманіе древности съ современной точки зрѣнія. Самый сюжетъ не представляетъ предмета для трагедіи.

Люсьенъ Арно—не ремесленникъ, но не имѣетъ никакого понятія о новомъ родѣ литературномъ, хотя въ духѣ его создалъ «Катерину Медичи», въ которой видно вліяніе Вите, но неудачное. Творить въ области исторической поэзіи значитъ вызывать поэзію изъ самихъ событій, ибо въ основаніи событій и характеровъ истинныхъ скрывается въ тысячу разъ болѣе поэзіи, чѣмъ въ созданномъ при помощи памяти. «Вымыселъ поэтическій состоитъ не въ томъ, чтобы лоскутомъ чужой поэзіи прикрыть человѣка или эпоху, но чтобы извлечь, вывести, вынуть изъ избраннаго характера, избранной эпохи все, что скрывается въ ней собственно, оригинально поэтическаго. Какъ поступаетъ Шекспиръ въ своихъ историческихъ и даже романическихъ піесахъ, въ «Отелло», въ «Ромео», въ «Королѣ Лирѣ»? Онъ беретъ балладу, сказку и слѣдуетъ ей, почти ничего не измѣняя ни въ

событіяхъ, ни въ характерахъ. Но какое сокровище поэзіи извлекаетъ онъ изъ нея! Какъ глубоко разрабатываетъ онъ пріискъ! Какъ истощаетъ онъ малѣйшія его отрасли! Какъ выводитъ онъ на свѣтъ все, что только можно. Конечно, не такъ дѣйствовалъ онъ въ «Гамлетѣ», въ «Бурѣ»; но мы говоримъ только о родѣ историческомъ, о піесахъ, взятыхъ изъ лѣтописей и похожихъ на «Les Etats de Blois». Арно думалъ быть поэтомъ и творцомъ; однако создалъ неудачное твореніе, предпочтя фантастическія истертыя формы новой самобытной поэзіи [1]).

Приблизительно въ такомъ духѣ и такой формѣ писались всѣ театральныя рецензіи въ *Le Globe*; въ каждой критической статьѣ можно было встрѣтить повтореніе однѣхъ и тѣхъ же излюбленныхъ идей.

Въ *Revue française*, среди многихъ и разнообразныхъ очерковъ, посвященныхъ анализу литературныхъ явленій, рѣзко выдѣляются два этюда о драмахъ Гюго и Виньи. Въ первомъ говорится исключительно объ «Эрнани»; второй, вызванный переводомъ «Отелло» Шекспира, носитъ болѣе широкое оглавленіе: «Нынѣшнее состояніе драматическаго искусства во Франціи» [2]).

Отзывъ о произведеніи Гюго далеко не благопріятенъ и отличается суровымъ безпристрастіемъ. Драма грѣшитъ и въ историческомъ, и въ общечеловѣческомъ отношеніяхъ. Гюго возымѣлъ желаніе сдѣлать иначе, чѣмъ прежде -и ничего болѣе; онъ попралъ единства, смѣшалъ всѣ типы, разбилъ форму Расиновскаго стиха—и грѣшилъ въ самомъ основаніи своихъ драмъ. Шекспиръ — образецъ для современныхъ писателей — придаетъ единство своимъ твореніямъ, развивая основную идею: въ «Эрнани» отдѣльныя части плохо склеены между собой, нѣтъ идеи, а слѣдовательно и единства. Въ драмѣ Гюго возсозданіе испанскаго общества отсутствуетъ: она — отступленіе отъ дѣйствительности, анахронизмъ. И хотя событія историческія должны отражаться иными красками въ воображеніи поэта, чѣмъ въ обыкновенномъ умѣ; хотя они получаютъ отпечатокъ идеальный, но не убиваютъ самой истины, что́ видимъ у Гюго, который въ «Эрнани» развивалъ себя, а не дѣйствующихъ лицъ, вносилъ субъективизмъ классическій. Характеры, выведенные Шекспиромъ, никогда не представляютъ воплощенія одной страсти, его человѣчество раз-

---

[1]) *Le Globe*, 1829, № 71.

[2]) *Revue française*, 1830, janvier, mars.

вивается въ полнотѣ мысли и дѣйствія: нѣтъ быстрыхъ перево ротовъ, дѣлающихъ изъ героя чудовище и наоборотъ. На чел этого героя уже означена будущая жизнь. У Гюго, напротив случайность образуетъ характеръ дѣйствующаго лица: отличител ная черта характера—неясна: нельзя сказать, чѣмъ можетъ он быть, если перемѣнится одушевляющее его чувство. Герои Гю напоминаютъ героевъ Расина. Но Расинъ стоитъ въ этомъ отн шеніи выше Гюго: онъ не заставляетъ своихъ лицъ наудач бродить, не вдругъ развиваетъ страсть: у Гюго дѣйствующія ли преданы случаю, страсть сразу достигаетъ апогея развитія: хара теры лишены послѣдовательности и самобытности: Карлъ V, з нятый въ одно время и любовью, и честолюбіемъ, *сразу* изб вляется отъ любви; донна Соль изъ пылкой испанки превращает сразу въ нѣмецкую сильфиду: Эрнани при одномъ словѣ имп ратора забываетъ мщеніе—основу своего бытія.

А разъ дѣйствующія лица ложны, не можетъ быть рѣчи жизни въ драмѣ, объ истинныхъ отношеніяхъ и положеніях декламаторство, попадающееся здѣсь и тамъ, довершаетъ нед статки «Эрнани». Слогъ Гюго преувеличенъ: но все-таки е можно часто удивляться: другое достоинство — испанскія крас во множествѣ мѣстъ. Свою статью критикъ заключаетъ слѣду щимъ замѣчаніемъ: нельзя автору выражать своихъ чувствъ драматическомъ произведеніи: надо или ввести хоръ, или выст вить дѣйствующихъ лицъ такими, какими они были въ дѣйств тельности.

Статья, написанная по поводу перевода «Отелло» Шекспи дѣлаетъ оцѣнку старой трагедіи и новой драмы: кромѣ того, о указываетъ на достоинства и недостатки шекспировыхъ драм Старая трагедія, сохранившаяся со временъ Людовика XIV, удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ де-Брольи, автора реце зіи. Подражаніе древнимъ, поставленное цѣлью, ограничивало одной внѣшней стороной, однимъ внѣшнимъ сходствомъ. Ма кто понималъ античный міръ: и характеры, идеи, колоритъ ост вались парижскими. Царили условныя правила и въ обществѣ, въ литературѣ: старый образецъ—шаблонный, какъ и алекса дрійскій стихъ. Новая драма—явленіе, діаметрально противоп ложное. Стремленіе къ развитію ума, къ положительной истин къ изслѣдованіямъ національныхъ древностей породило истор ческую школу, гдѣ часто въ сочетаніи являются и обширн эрудиція, не упускающая мелочи, и сила воображенія, наполови

творческая, которая воскрешаетъ минувшія времена и умершихъ людей, выставляя ихъ вполнѣ жизненными и истинными. Уже Вольтеръ далъ опытъ трагедіи *безъ любви* и взывалъ къ національному чувству: нужны герои реальные, похожіе на тѣхъ, которыхъ видѣли въ жизни.

Во Франціи нѣтъ великаго драматическаго поэта, но нельзя въ этомъ упрекать новѣйшую критику, какъ это дѣлаютъ классики: природа одна создаетъ великихъ поэтовъ. Критика не научаетъ создавать прекрасныя творенія, но дѣлаетъ послѣднія понятными и доступными для ума всякаго; она не можетъ создать изъ посредственности великій талантъ, но проторяетъ новые пути для грядущихъ поэтовъ: она подготовляетъ публику къ пониманію и оцѣнкѣ великихъ созданій искусства, если таковыя будутъ.

Лагарпъ, представитель старой критической школы, думалъ воздать особенную честь Расину и Вольтеру, топча въ грязь Шекспира и привязывая его къ побѣдоносной колесницѣ; онъ не замѣчаетъ крупныхъ недостатковъ и съ трепетомъ указываетъ небольшія несовершенства въ предметахъ обожанія. Вильгельмъ Шлегель, слава и гордость новѣйшихъ критиковъ, выдающійся по широтѣ и разнообразію своихъ взглядовъ, по живому чувству изящнаго и по замѣчательной проницательности, оказавшей вліяніе на идеи современниковъ, восторгается Шекспиромъ, Кальдерономъ и испанскимъ театромъ; взамѣнъ того, онъ судитъ очень строго французскій театръ. Его поклоненіе Шекспиру доходитъ до того, что онъ признаетъ достоинства за его анахронизмами, ошибками географическими и въ обрисовкѣ нравовъ. То же преувеличенное обожаніе замѣтно въ оцѣнкѣ испанскаго театра.

Французскіе критики разумно не рѣшаются заходить такъ далеко, какъ Шлегель; они чувствуютъ утрировку — и сохраняя удивленіе къ Расину, удивляются Шекспиру и въ его твореніяхъ принимаютъ въ расчетъ время его жизни и удивительное дарованіе. Но, къ сожалѣнію, это благоразуміе не отличалось ни общимъ характеромъ, ни продолжительностью. Корифеи современной школы говорятъ объ англичанахъ и нѣмцахъ, о Шекспирѣ, Шиллерѣ и Гете такъ, какъ Лагарпъ—о Расинѣ и Вольтерѣ: критикуя мелочи, они не касаются крупныхъ недочетовъ. Де-Брольи полагаетъ, что лучше перевести хорошую вещь, чѣмъ создать свою посредственную: съ этой точки зрѣнія Виньи правъ, переведя «Отелло».

Однимъ изъ характерныхъ признаковъ Шекспировой драмы

является смѣшеніе трагическаго съ комическимъ. Это смѣшеніе, замѣтное въ «Отелло», допустимо только при отсутствіи произвола, то-есть, когда изъ сближенія этихъ двухъ элементовъ вытекаетъ извѣстный родъ прекраснаго. Контрастъ имѣетъ мѣсто тогда, когда имѣетъ цѣлью не уничтожить, но развить господствующее впечатлѣніе: не заставить его исчезнуть, но сдѣлать болѣе продолжительнымъ и глубокимъ.

Шекспиръ далъ много хорошихъ примѣровъ, но допустилъ произвольный комическій элементъ въ «Отелло». Вообще же онъ— удивительный живописецъ природы человѣка: онъ можетъ быть достойнымъ учителемъ трагическихъ поэтовъ, лишь бы они сумѣли воспользоваться его уроками. «Отелло» — не лучшая піеса Шекспира: достоинъ осужденія типъ Яго, невыдержанъ характеръ Дездемоны. Но много въ піесѣ и прекраснаго: Отелло во время свиданія съ Брабантіо произноситъ только 15 стиховъ. Дездемона передъ сенатомъ не болѣе 20—и оба они стоятъ живые передъ нами, обнаруживая свои характеры во всей прелести, со всѣми особенностями, отличительными чертами... Намъ извѣстно напередъ, что они могутъ сказать или сдѣлать. Сколько сложности контрастовъ, тонкости и оттѣнковъ въ этихъ характерахъ.

Заключительныя мысли рецензіи не чужды оригинальности. Романтическій родъ не можетъ утвердиться благодаря плохимъ подражаніямъ и поддѣлкамъ, классическій родъ преуспѣваетъ только въ соперничествѣ съ романтическимъ: онъ умеръ отъ передѣлокъ и копировокъ. Классическій родъ возродится при помощи романтическаго, освободившись отъ оковъ, преобразившись, — и проложитъ новую дорогу. Управляемые законами своей природы, независимо другъ отъ друга, и соперничая другъ съ другомъ, оба рода могутъ развиваться и создавать свойственное каждому изъ нихъ прекрасное. Классическій родъ — не заблужденіе, а истинно литературный родъ: романтическій имѣетъ свои законы, не состоитъ въ отсутствіи ихъ, но правила классическаго рода ему не годятся.

Третьимъ органомъ французской прессы, который съ большимъ рвеніемъ поддерживалъ реформаціонныя мысли *Le Globe* и *Revue française*, былъ *Le Catholique*, журналъ издававшійся періодически съ 1826 по 1830 годъ и касавшійся всѣхъ отраслей знанія. Его издатель, баронъ Фердинандъ Экштейнъ, послѣдователь теоріи Бональда и де-Местра, сообщилъ католическій отпечатокъ своему изданію, что отразилось и на заглавіи послѣдняго.

Въ статьяхъ Экштейна [1]), касающихся драмы, замѣтна попытка съ исторической точки зрѣнія подойти къ рѣшенію вопроса о законахъ и свойствахъ новѣйшей романтической драмы.

Въ древнѣйшій періодъ существованія драматической поэзіи обнаруживается смѣшеніе двухъ элементовъ: трагическаго и комическаго, пишетъ Экштейнъ въ статьяхъ: «О драматической литературѣ новыхъ народовъ». Впослѣдствіи оба элемента, обособившись, производятъ у грековъ два рода: трагедію и комедію. Христіанство въ своихъ празднествахъ и церемоніяхъ перемѣшало торжественность съ весельемъ и сатирою: комическую роль игралъ дьяволъ, затѣмъ народъ. У Шекспира *дуракъ* и вызываетъ смѣхъ, и трогаетъ зрителя, соединяя оба элемента. Въ драмахъ англійскаго трагика—печальная дѣйствительность и забавная пародія.

Источники романтической драмы—фабльо и новеллы: рыцарство и христіанство—характерная черта новыхъ сюжетовъ. Лучшее опредѣленіе классицизма и романтизма находится у Шлегелей. Идеалъ классицизма—форма; драматическая поэзія грековъ, происходя отъ поэзіи мистерій, прославляетъ боговъ и героевъ, едва скользитъ по землѣ, а съ внѣшней стороны имѣетъ двоякое основаніе: лирическое (религіозное) и этическое (менѣе отдѣляющееся отъ человѣчества). Идеалъ романтической поэзіи — душа, неудовлетвореніе конечнымъ, тяготѣніе къ безконечности, невыразимому, что происходитъ и отъ различія религій, и отъ различнаго взгляда на искусство въ отношеніи національности. Важнѣйшее дѣло въ искусствѣ грековъ—тѣлесная идеализированная красота; у насъ начало красоты въ небесахъ—Іисусъ Христосъ.

Въ драматической поэзіи два элемента: народный и болѣе идеальный, придворный; смѣшеніе ихъ находится въ національныхъ твореніяхъ Шекспира и Кальдерона. Во Франціи два рода драматической поэзіи: классическій, происшедшій отъ подражанія Сенекѣ, и романтическій—результатъ подражанія испанцамъ, хотя романтики давали предметамъ формы и размѣры аристотелевскіе.

---

[1]) Сочиненія Экштейна могутъ быть тѣмъ любопытнѣе, что французской литературной критикой они оставлены, если не ошибаемся, безъ вниманія, а между тѣмъ оказывали вліяніе не только на французовъ, но и на иноземные народы. Журналъ *Le Catholique* не былъ нами найденъ въ столичныхъ библіотекахъ, почему большимъ подспорьемъ для насъ служили переводы статей Экштейна, помѣщенные въ *Московскомъ Телеграфѣ*.

Корнель, мѣшая трагическое съ комическимъ, называетъ трагедіи героическими комедіями.

Новая историческая трагедія—эпическая, безъ миѳологіи, чѣмъ она отличается отъ религіозной греческой трагедіи, авторы которой не знали системы истины, заимствуемой изъ исторіи, такъ какъ мистеріи замѣняли существенныя событія.

Различіе между классицизмомъ и романтизмомъ состоитъ не во внѣшнихъ только формахъ, но и во внутреннемъ духѣ: отсюда вытекаютъ особенности классической и романтической драмы.

Основа ложноклассическихъ теорій и условныхъ правилъ—поэтика Аристотеля, который анализируетъ явленія въ новомъ духѣ, чуждомъ древнимъ временамъ, не возвышается отъ анализа къ синтеза, не даетъ представленія о греческомъ народѣ въ его простомъ выраженіи. Идея искусства ему чужда, ибо она требуетъ простой и первородной данной, а не тонкостей діалектики». Великій философъ «не могъ понять первобытнаго характера и основанія искусства своего народа: Эсхилъ, Софоклъ и идеальный смыслъ ихъ твореній ускользнули отъ него; также не привлекъ его Аристофанъ.

Аристотель «смотритъ только на внѣшнія явленія страстей, на риторическую и нравственную часть, на патетическое въ положеніи, довольствуется внѣшнимъ единствомъ, не изслѣдуетъ точно ли оно находится въ піесѣ и основывается ли на природѣ предмета ея». «Высокое и чистое, благородное и возвышенное не поражаетъ его столько, какъ то, что занимаетъ и трогаетъ его силою положеній». Аристотель всѣмъ драматургамъ предпочелъ Эврипида [1]).

Эврипидъ — поэтъ для эффекта, существенно романическій: басня у него необыкновенно сложна, «театральное единство дѣйствія, рѣдко основанное на природѣ предмета, есть слѣдствіе условій и приличій»: онъ не принуждаетъ къ простотѣ «дѣйствія и мысли», представляетъ образецъ страстнаго, патетическаго, первообразъ ораторской декламаціи съ примѣсью риторики. Эврипидъ показался новымъ подражателямъ самымъ пріятнымъ образцомъ: положась на Аристотеля, стали удаляться отъ древней простоты и единства причинъ. Вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ

---

[1]) Избравъ его своимъ образцомъ, — читаемъ въ другой статьѣ Экштейна—Аристотель забылъ идею, истину, идеальность характера дѣйствующаго лица.

отцами трагедіи быть эпическими и лирическими, становились романическими; послѣдователи увеличили несовершенство, переняли у испанцевъ путаницу ихъ піесъ и все это «вздумали подчинить игу отвлеченныхъ правилъ, начертанныхъ Аристотелемъ по основаніямъ совсѣмъ другого, въ сравненіи съ новѣйшимъ, театра». Излишество разсказа, пустота дѣйствія, холодные наперсники, замѣняющіе хоръ древнихъ, обезобразили трагедію. Двѣ главныя причины способствовали возникновенію ложно-классицизма: невѣрно понятая римская поэзія и довѣріе къ правиламъ Аристотеля.

Римская поэзія—«списокъ», а не оригиналъ: тѣмъ болѣе драматическая, которую изучали какъ образецъ. Въ свою очередь, и правила Аристотелевы худо истолкованы: а древняя народная поэзія сочтена варварствомъ. Великіе поэты ставили схоластическія правила выше возвышенныхъ мыслей. Во время Людовика XIV изучали древнихъ, но не понимали ихъ: равно цѣнили Гомера и Вергилія, Софокла и Эврипида (Корнель обращалъ вниманіе на внѣшнія формы: Расинъ болѣе чувствовалъ древность, но не понималъ ея). Между тѣмъ, всего легче присвоить внѣшнюю форму, ибо тогда *оболочка* мысли—уже образецъ красоты, для которой нѣтъ необходимости согласоваться съ духомъ: тогда легко можно творить въ классическомъ и романтическомъ родѣ.

Одно направленіе характера дѣйствующаго лица въ греческомъ театрѣ зависитъ отъ лирическаго и духовнаго элементовъ: простота дѣйствія — отъ показанія лишь важнѣйшаго момента проявленія власти боговъ надъ судьбами людей.

Подобная ограниченная сцена немыслима для историческихъ лицъ, дѣйствующихъ подъ давленіемъ разнообразныхъ побужденій.

Недостатокъ французской сцены: «завязка слишкомъ сложна, а выраженіе страстей однообразно и расположено риторически, такъ что страсти эти несообразны ни съ изложеніемъ, ни съ запутанною мыслію французской драмы». Древнія формы лишены всего, что дѣлало ихъ существенными. Отсюда условное и ложное: 1) дѣйствіе разсѣкается для превращенія его въ разсказы: 2) хоры замѣнены наперсниками: 3) піесы коротки въ отношеніи къ совершаемому въ нихъ событію, отчего становятся очевидными недостатки *единства времени:* 4) мѣсто сцены выбирается противъ природы и признается его неизмѣнность: 5) единство дѣйствія стѣснено единствомъ времени и мѣста, несходящимися съ завязкою піесы.

Единство дѣйствія, по мнѣнію Экштейна, можетъ быть принято лишь въ идейномъ смыслѣ, а не матеріальномъ; два другія единства суть преимущества, такъ какъ они увеличиваютъ простоту созданія трагическаго; но они должны быть *естественны* и въ идейномъ смыслѣ.

Ни одинъ предметъ историческій не согласуется съ единствами миѳологической сцены, кромѣ единства дѣйствія: событія объемлются только въ общности своей. Всякій историческій предметъ — сложенъ; миѳологическій — наоборотъ, ибо основанъ на *идеѣ*, дѣйствіе—внѣшняя сторона. Даже «Ифигенія» Гете—кабинетная, а не театральная піеса. Съ единствами древнихъ согласуются только трагедіи съ сюжетами изъ Св. Писанія, въ родѣ «Аталіи» Расина; онѣ носятъ лирическій отпечатокъ.

Корнель—геній, но стремился осуществить чуждыя ему формы, клялся Аристотелемъ, не понимая древнихъ; склоненъ къ антитезамъ въ общемъ устроеніи піесъ, къ симметріи; но въ его твореніяхъ нѣтъ истинной природы искусства, тьма противорѣчій и невѣроятностей. Корнель плохо сдѣлалъ, избравъ Сенеку образцомъ. Расинъ также ошибся, предпочтя Эврипида, любимаго Аристотелемъ, но выказалъ болѣе вкуса, чѣмъ Корнель. Характеры у французовъ—олицетворенія страстей (Расинъ), почему относятся къ риторическому роду.

Это—не характеры дѣйствительные: имъ не достаетъ символическаго значенія—удѣла ихъ на греческой сценѣ; недостает и Шекспировской истины, высокой и полной.

Что касается Вольтера, то онъ соединилъ въ своихъ драмахъ всѣ недостатки Эврипида, увеличивъ ихъ софистическимъ духомъ.

Въ другихъ статьяхъ Экштейнъ говоритъ объ англійской драмѣ: въ частности, о предшественникахъ Шекспира и о немъ самомъ.

Есть—пишетъ онъ—поэзія философическая и историческая: первая отличается доступностью для всѣхъ, появилась ранѣе и едва ли не глубже по своему характеру; вторая — прежде всего національна, носитъ отпечатокъ мѣстности и явилась позднѣе, вслѣдствіе упадка высокой поэзіи.

Испанія, съ водвореніемъ христіанства и новой поэзіи, удержала философическій оттѣнокъ въ театрѣ, перенеся на сцену христіанскія таинства; Англія прославилась національной драмой.

Въ твореніяхъ Шекспира встрѣчается и то, и другое: онъ

національнъ, какъ идолъ англичанъ (сохраненіе народной формы; юморъ—народная веселость, испорченная въ сплинъ); онъ въ основаніи поэтическихъ идей—глубокій философъ, не разрѣшающій, впрочемъ, тайнъ бытія и души человѣка, чуждый символики, обнимающій мыслью не только англичанина, какъ его современники, но и человѣка: онъ принадлежитъ міру. Въ его твореніяхъ замѣтны воображеніе нѣжное и философія мрачная.

По формѣ народной, національной Шекспиръ похожъ на поэтовъ-современниковъ, низшихъ, чѣмъ онъ, и получилъ кое-что отъ предшественниковъ. Эти предшественники менѣе глубоки и болѣе національны: у нихъ находимъ внѣшнюю форму Шекспира, его иронію, но зато и много недостатковъ.

Національныя идеи Испаніи черезъ Р. Грина зажгли геній англійскихъ драматурговъ. Въ «Векфильдскомъ сельскомъ стражѣ» отмѣчаются простонародность, забавность, вѣрная картина англійскихъ общинъ XIII вѣка; у Грина есть общее съ нѣкоторыми мѣстами изъ драмъ Шекспира. Марло не подвергается критикѣ Экштейна, ибо послѣдній не имѣлъ подъ руками его сочиненій; вмѣстѣ съ тѣмъ, признается сильное вліяніе Марло на Шекспира. «Не смотря на безмѣрное превосходство генія, чувства и идеи Шекспира не исключительно ему принадлежали».

Шекспиръ-философъ и глубокій моралистъ «въ возвышенномъ смыслѣ государственнаго человѣка и великаго политика»; онъ скорбитъ о бѣдствіяхъ человѣчества. Шекспиръ—даже болѣе философъ, чѣмъ поэтъ, и въ основныхъ мысляхъ, и въ живописи характеровъ, и великъ даже въ своемъ цинизмѣ. Но онъ «не далъ намъ религіознаго разрѣшенія феноменовъ жизни».

Великій англійскій поэтъ говоритъ съ презрѣніемъ о толпѣ и «гдѣ заставляетъ ее дѣйствовать, тамъ видна въ немъ карательная иронія». Впрочемъ, несмотря на народный характеръ и выставленіе простыхъ обычаевъ, его творенія «изобилуютъ картинами двора и лучшаго общества»; въ нихъ встрѣчаемъ и идиллическія сцены любви. Вообще, «нѣтъ ни одной піесы Шекспира, которая не заключала бы въ себѣ глубокаго внутренняго смысла, почерпнутаго изъ *главнаго положенія*, изъ его исполненія и изъ принадлежностей, необходимыхъ для связи частей». Каждая піеса обнаруживаетъ столько вкуса, какъ и у совершеннѣйшихъ изъ писателей. Въ «Коріоланѣ», «Юліи Цезарѣ» и «Маркѣ Антоніи» Шекспиръ «представляетъ намъ все зданіе римской имперіи», ея величіе и постепенный упадокъ: «нѣтъ ничего столь римскаго.

какъ сіи три сочиненія». Устарѣлый языкъ Шекспира—оригиналенъ и самороденъ.

Сопоставляя «Отелло» Шекспира съ «Отелло» Дюсиса, Экштейнъ хочетъ показать превосходство перваго и слабость второго. Достоинства Шекспира многочисленны: рѣзко проявляются сильный умъ, изящность и нѣжность могучаго чувства; мѣстныя формы трагедіи употреблены сознательно: «никогда Шекспиръ не утомляетъ вниманія, не преувеличиваетъ *даннаго* характера»; весь интересъ въ характерахъ, «піеса утверждена на дѣйствующихъ лицахъ и на страстяхъ ихъ, нѣтъ интриги въ простонародномъ смыслѣ сего слова, а событія развиваются сами собою во всей ихъ простотѣ». Воображеніе генія покорно великой мысли. Шекспиръ, вообще, не по плечу ложноклассикамъ и всѣмъ «щеголеватымъ аристархамъ».

Недостатки Дюсиса настолько очевидны, какъ и достоинства Шекспира: обрисовка Дездемоны слаба, Отелло выставленъ у него полоумнымъ, неудовлетворительна и нелѣпая басня, выдуманная имъ для интриги.

Изъ произведеній другихъ драматурговъ, кромѣ Шекспира, Экштейнъ останавливается на «Гецѣ фонъ-Берлихингенѣ» Гете, хотя признаетъ его скорѣе очеркомъ, чѣмъ отдѣланной картиной, но хвалитъ за сохраненіе *мѣстнаго* колорита. Гете прекрасно рисуетъ народныя сцены изъ жизни германцевъ конца XVI вѣка, презираетъ обольщенія и эффекты сцены, живописуетъ увлекательно страсти, но немного слабъ въ драматизмѣ своихъ піесъ, болѣе годныхъ для чтенія, чѣмъ для театра. У Гете нѣтъ достаточной силы дѣйствія, онъ уступаетъ Шиллеру.

«Цѣль исторической драмы», говоритъ въ заключеніе Экштейнъ, «живопись нравовъ, обычаевъ, повѣрьевъ какой-либо эпохи въ томъ видѣ, какъ они раскрываются намъ среди великаго волненія, которого душа и первый двигатель есть трагическій герой».

Хотя были недочеты въ мнѣніяхъ Экштейна, часто подсказанныхъ Шлегелемъ, онъ, безспорно, былъ талантливымъ популяризаторомъ новыхъ литературныхъ вѣяній, и своей исторической критикой ложныхъ убѣжденій, предразсудковъ и указаніемъ красотъ Шекспира сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ современную ему литературу и много способствовалъ развитію неустановившагося во Франціи драматическаго вкуса. Экштейнъ былъ несправедливо забытъ потомствомъ, что и вызвало желаніе воскресить въ памяти его дѣятельность, опредѣлить его мѣсто на страницахъ исторіи.

Толки и споры о коренныхъ свойствахъ новой исторической драмы дали въ результатѣ первый опытъ практическаго примѣненія теоріи въ «Историческихъ сценахъ» Луи Вите. «Баррикады»—одинъ изъ драматическихъ очерковъ, выпущенный раньше другихъ (1826), былъ снабженъ предисловіемъ автора, гдѣ изложены его литературныя воззрѣнія, тѣмъ болѣе любопытныя, что въ Вите мыслитель—ученый бралъ перевѣсъ надъ художникомъ. Содержаніе предисловія слѣдующее. «Баррикады»—не театральная піеса, но историческіе факты, представленные въ драматической формѣ, безъ намѣренія создать драму. Вите покорился необходимости возбуждать меньшій интересъ, чтобы списывать съ бо́льшею точностью; онъ не думалъ преимущественно о ходѣ дѣйствія, не жертвовалъ, ради живости, даже деталями дѣйствительности, не выставлялъ на первый планъ нѣкоторыхъ лицъ, оставивъ въ отдаленіи другихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, созданныя имъ сцены не разрознены, составляютъ *цѣлое*: въ нихъ есть дѣйствіе, по мѣрѣ развитія котораго онѣ соединяются, которое ихъ порождаетъ и служитъ связью.

И до Вите, по его признанію, были такія же литературныя попытки, честь открытія которыхъ онъ приписалъ было себѣ. Президентъ Гено (Hénault), болѣе ста лѣтъ назадъ, задумалъ написать хронику въ діалогической формѣ, гдѣ слѣдовалъ исторіи шагъ за шагомъ. Его произведеніе «François II» не удалось, вышло холодно, но предисловіе интересно. Недостатокъ исторіи—полагалъ Гено—заключается въ томъ, что она представляетъ одно голое повѣствованіе; холодно разсказывая о событіяхъ, исторія даетъ о нихъ легко исчезающія представленія; историческія же трагедіи Шекспира (въ родѣ «Генриха VI») запечатлѣваютъ въ головѣ чтеца тѣ факты, которые онъ сто разъ слышалъ и сто разъ забывалъ, и выхватываютъ вмѣсто длиннаго ряда точныхъ событій одно главное дѣйствіе... Потому-то Гено и задумалъ соединить исторію съ трагедіей.

По теоріи Вите, искусство—не подражатель, но соперникъ природы. Надо, чтобы оно избрало дѣйствительность въ руководители, чтобы не заблудиться въ химерахъ. Но если искусство воспроизведетъ дѣйствительность во всѣхъ чертахъ, оно дастъ только холодное изображеніе: его задача—передѣлать, возсоздать дѣйствительность такъ, чтобы она нравилась и производила сильнѣйшее возбужденіе. Искусству позволительно обработать немного характеры и предметы, чтобы придать имъ видъ еще болѣе историческій;

ему предоставляется составить планъ, создать цѣлое, затѣмъ канву на томъ условіи, что будетъ снисходительно вставлена тысяча мелкихъ аксессуаровъ, но что прежде всего оно найдетъ случай рельефно выставить характеры дѣйствующихъ лицъ и нравы эпохи. Однимъ словомъ, искусство, способствуя построенію зданія, не выдвигается впередъ: одна исторія владычествуетъ, блеститъ, и ей все принесено въ жертву. По этой причинѣ Витъ вѣритъ, что былъ постоянно вѣренъ истинѣ, но въ то же время въ его «сценахъ» есть факты, не подтверждаемые научнымъ авторитетомъ. «Истина, къ которой онъ стремится, собственно говоря есть только правдоподобіе, смѣсь вѣроятностей и достовѣрностей вытекающая изъ общаго понятія объ эпохѣ» [1]).

По почину Вите, французская литература стала понемногу обогащаться драматическими піесами новаго жанра: авторы ихъ, пытаясь уяснить себѣ цѣль новаго направленія, иногда пускались въ разсужденія... Такъ создавались извѣстныя предисловія къ драмамъ Гюго и Виньи: такъ разбрасывалъ свои замѣтки Дюма.

«Предисловіе къ Кромвелю»—священная книга романтиковъ, какъ піитика Буало—классиковъ; въ ней, казалось, были собраны всѣ откровенія, которыхъ удостаивались представители реформаціоннаго движенія въ литературѣ... Морисъ Суріо прекрасно комментировалъ это предисловіе, вполнѣ выяснивъ его генезисъ, отдѣливъ оригинальное отъ заимствованнаго [2]): не повторяя его объясненій, излагаемъ вкратцѣ основные тезисы Гюго, насколько они касаются избранной нами темы.

Объ очень многомъ писалъ Гюго въ своемъ трактатѣ. Онъ начиналъ издалека, съ эпохи языческаго матеріализма, слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ литературныхъ видовъ: сначала оды, поэмы, затѣмъ трагедіи, которая представлялась ему не иначе какъ соединеніемъ хора съ эпопеей; наконецъ, переходилъ къ христіанской эпохѣ, когда съ проповѣдью евангельскихъ истинъ наступила новая эра, человѣкъ сталъ обращать вниманіе на различіе тѣла и духа, сталъ задумываться при видѣ постигавшихъ его бѣдствій... Меланхолія сдѣлалась основной чертой его характера и его поэзіи. Другимъ характернымъ признакомъ этой поэзіи, стремящейся къ *истинѣ*, является *смѣшное* и новая форма *комедія*... Комедія была, согласно теоріи Гюго, слабо развита

---

[1]) *L. Vitet.* La Ligue: Les Barricades (introduction). Paris. 1861.

[2]) *M. Souriau.* Préface de Cromwell. Paris. 1897.

древнихъ; *смѣшное* развивается параллельно съ *безобразнымъ* со среднихъ вѣковъ... Соединеніе смѣшного съ возвышеннымъ—черта новой поэзіи; въ прекрасномъ чуется *одинъ типъ*, въ безобразномъ и смѣшномъ—*много*; новая поэзія сложнѣе односторонней древней; комедія и трагедія слились въ драмѣ Шекспира. Эта драма—плодъ третьей эпохи въ литературномъ развитіи; она рисуетъ жизнь, цѣль ея—правдивость; драма—истинно совершенная поэзія, выше эпопеи и оды. Характеръ ея—реальное, дѣйствительное, которое состоитъ изъ перекрещивающихся въ жизни *возвышеннаго* и *смѣшного*. Истинная поэзія—примиреніе жизненныхъ крайностей; если же эти два элемента разъединить, получатся отвлеченія порока и добродѣтели, но не будетъ реальнаго «человѣка»—и драмы, ибо будетъ создана комедія либо трагедія.

Единства не признаются Гюго, за исключеніемъ одного единства дѣйствія. Остальныя единства: мѣста и времени основываются на правдоподобіи, но реальность уничтожаетъ это правдоподобіе. Къ сожалѣнію, дѣйствія не видно во французскомъ театрѣ: вмѣсто сценъ — повѣствованіе, вмѣсто картинъ — описаніе. Величавыя лица, какъ античный хоръ, вступаютъ въ драму и разсказываютъ намъ о томъ, что происходитъ въ храмѣ или во дворцѣ.

Точная мѣстность—первый элементъ дѣйствительности; не одни дѣйствующія лица оставляютъ вѣрный отпечатокъ реальныхъ фактовъ въ умѣ зрителя; мѣсто катастрофы—неотдѣлимый ужасный свидѣтель, и отсутствіе его (весьма вѣроятное при невозможности перемѣнить мѣсто) ослабило бы самыя великія историческія сцены въ драмѣ.

Единство времени не болѣе основательно: дѣйствіе, силой заключенное въ предѣлы 24-хъ часовъ, не менѣе смѣшно, чѣмъ происходящее въ сѣняхъ. Всякое дѣйствіе имѣетъ свое мѣсто и совершается въ извѣстный, *свой* промежутокъ времени; приложить одну мѣру времени ко всѣмъ событіямъ значитъ исказить людей и вещи и заставить «кривляться» исторію.

Насколько безполезны первыя два единства, настолько важно единство дѣйствія. Это единство не отрицаетъ существованія второстепенныхъ дѣйствій, на которыя должно опираться главное. Надо только, чтобы части эти, умѣло подчиненныя цѣлому, тяготѣли къ центральному дѣйствію и группировались около него.

Подражаніе не имѣетъ цѣны; нѣтъ ни образцовъ, ни правилъ; есть только общіе законы природы, которые касаются искусства, и спеціальные законы для каждаго творенія, которые слѣдуютъ

изъ условій существованія, свойственныхъ каждому сюжету. Поэтъ долженъ совѣтоваться или сообразоваться только съ природой, истиной и вдохновеніемъ, чуждаясь всевозможныхъ руководителей.

Природа и искусство не могутъ существовать раздѣльно. Драма есть зеркало, въ которомъ отражается природа; не обыкновенное зеркало съ ровной и гладкой поверхностью, отражающее вѣрно, но тускло, нерельефно обезцвѣченное изображеніе, а зеркало съ концентраціей, которое собираетъ и сгущаетъ цвѣтные лучи, создавая изъ мерцанія—свѣтъ, изъ свѣта — пламя; только такая драма—созданіе искусства. Театръ—оптическій фокусъ, гдѣ отражается все существующее въ исторіи, жизни, самомъ человѣкѣ отъ прикосновенія волшебнаго жезла искусства.

Искусство справляется съ историческими хрониками, воспроизводитъ реальные факты, особливо нравы и характеры, возстановляетъ извращенное лѣтописцами, соглашаетъ факты, угадываетъ опущенное... Поэтъ долженъ выбирать не прекрасное, но характерное. Мѣстный колоритъ не заключается въ нѣсколькихъ крикливыхъ штрихахъ, набросанныхъ въ произведеніи ложномъ и условномъ; мѣстный колоритъ—не снаружи, но внутри творенія, откуда онъ распространяется наружу и вообще по всей драмѣ, какъ сокъ, который разливается отъ корня до самаго послѣдняго листа дерева.

Изображеніе исторической личности не должно быть односторонне. В. Гюго нашелъ характеристики Кромвеля неполными, что побудило его перелистывать хроники и мемуары, и изъ жизни Кромвеля онъ выбралъ для всесторонняго освѣщенія наиболѣе подходящій моментъ, когда этотъ странный характеръ проявляется со всѣхъ сторонъ. Онъ изобразилъ въ своей драмѣ и *эпоху* со всѣмъ фанатизмомъ, суевѣріемъ и религіозными смутами, и если сохранилъ три единства, то согласовался съ исторіей, а не съ правилами ложноклассической піитики Аристотеля [1]).

Такія мысли проводилъ въ своемъ введеніи Гюго, защищая

---

[1]) Préface de Cromwell. Должно замѣтить, что совѣтуя быть реальнымъ и изучать эпоху, Гюго предпочитаетъ эпохи смутныя, въ которыхъ благодаря отсутствію документовъ, ихъ освѣщающихъ, „свободы поэту болѣе, и драма выигрываетъ отъ простора, предоставленнаго ей исторіею“.

„Поэтъ для обрисовки эпохи можетъ пользоваться указаніями исторіи,— но онъ можетъ, чтобы придать болѣе движенія дѣйствующимъ лицамъ, употреблять то, что допускаетъ легенда“.

новое литературное направленіе и пытаясь создать новый сборникъ поэтическихъ узаконеній.

Дѣло было въ 1827-мъ году,—и около двухъ лѣтъ спустя другой, богато одаренный и умомъ, и поэтическимъ чутьемъ, писатель перевелъ «Венеціанскаго мавра» Шекспира и предпослалъ своему труду разсужденіе «О драматической системѣ». Этотъ писатель—Альфредъ де Виньи; полное заглавіе его разсужденія: «Lettre à Lord*** Earl of*** sur la soirée du 25 octobre 1829, et sur un système dramatique».

Истина—принципъ новой школы; два единства отвергаются, такъ какъ соблюденіе ихъ вызываетъ улыбку сожалѣнія, и признается одно единство интереса, заключающееся въ единствѣ дѣйствія.

Старая драма вымираетъ; она представляетъ собой катастрофу и развязку дѣйствія, уже назрѣвшаго къ поднятію занавѣса, которому оставалось только опуститься. Главный ея недостатокъ—скудость сценъ и развитія, ложныя задержки и затѣмъ поспѣшность окончить дѣйствіе, перемѣшанная съ явно ощущаемой боязнью въ недостаткѣ матеріала, чтобы наполнить пять актовъ; для прикрытія этой ничтожности требовалось много хитростей. Въ старой драмѣ есть и несуществующіе въ дѣйствительности люди, сохраняющіе постоянно одно чувство; они заняты постоянно однимъ дѣломъ — начинать и замедлять развязку, не переставая говорить объ этомъ. Въ «сѣняхъ» нужны были личности, мало говорящія, съ идеями неопредѣленными и неясными рѣчами, едва возбужденныя чувствомъ и кончающія граціозной смертью или фальшивымъ вздохомъ. Это—тѣни, а не люди. Только учтивость, свойственная французамъ, удерживала ихъ въ мірѣ условности; она одна была способна изгнать истинные характеры, какъ грубые,—простую рѣчь, какъ плоскую, философскій идеализмъ и страсти, какъ сумасбродство, а поэзію, какъ причуду.

При воспроизведеніи современныхъ сюжетовъ употреблялась классиками рѣчь, фальшиво скопированная съ античной рѣчи—откуда стиль, въ которомъ каждое слово — анахронизмъ. Не такова новая драма. Она—широкая картина жизни съ выведенными въ ней характерами; въ ней сцены мирныя перемѣшаны съ трагическими и комическими, а стиль безыскусственный: трагическій, комическій, а иногда эпическій. Но истинный драматическій поэтъ выступитъ только въ будущемъ. Онъ возьметъ большой промежутокъ времени, онъ приведетъ въ движеніе цѣлыя жизни; онъ

создастъ человѣка, не какъ видъ, а какъ отдѣльную личность: онъ предоставитъ своимъ созданіямъ жить ихъ собственною жизнью и только броситъ въ ихъ сердца зародышъ страстей, благодаря которымъ подготовляются великія событія; затѣмъ, когда наступитъ часъ, и только тогда, онъ покажетъ судьбу, запутывающую свои жертвы въ безысходные путы.

Искусство будетъ вполнѣ похоже на жизнь, а въ жизни *главное* дѣйствіе увлекаетъ за собой цѣлый водоворотъ необходимыхъ въ данномъ случаѣ и безчисленныхъ фактовъ. Тогда творецъ найдетъ возможность надѣлить своими мыслями и чувствами своихъ дѣйствующихъ лицъ—и всюду будетъ ощущаема его душа, приводящая въ движеніе массу. Чтобы выполнить развязку, надо замѣнить роли характерами, отвлеченныя воплощенія страстей людьми. Человѣкъ—экзальтированъ или простъ: иначе онъ—вымышленъ. Поэтъ въ будущемъ покажетъ человѣка такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а не героемъ. Этотъ человѣкъ будетъ дѣйствовать согласно со своимъ сердцемъ. Разговорная рѣчь у каждаго человѣка должна отливаться въ особыя излюбленныя формы, въ привычныя слова сообразно воспитанію, профессіи, въ самъ, темпераменту: невозможно, чтобы каждое лицо пользовалось тѣми же словами и образами, какіе употребляютъ всѣ другіе.

Но главное—то, что отнынѣ поэтъ сможетъ свободно слѣдовать своему вдохновенію... Подражаніе—излишне, ибо даже подражатели Шекспира были бы теперь ложны, какъ подражатели Расина. Хотя Шекспиръ и достигъ высшей степени, какой можетъ достигнуть новѣйшая трагедія, онъ достигъ ея сообразно со своимъ временемъ. Въ поэзіи и наблюденіи у Шекспира много прекраснаго, какого не бывало, ибо вдохновеніе не прогрессируетъ и природа отдѣльныхъ личностей не мѣняется; но философія, божественная или человѣческая, должна отвѣчать потребностямъ общества, въ которомъ живетъ поэтъ: а общества преуспѣваютъ.

Поэзію и наблюдательность Шекспира надо соединить съ послѣдними результатами философіи и науки современнаго общества. Драматическое искусство во Франціи будетъ очень затруднительнымъ въ будущемъ, ибо оно освобождено отъ тяжелыхъ правилъ; трагедіи нужно будетъ имѣть тѣмъ болѣе естественныхъ красотъ, чѣмъ менѣе у нея условныхъ прелестей. Свобода умножаетъ затрудненія при выборѣ и отнимаетъ точку опоры; потому-то въ Англіи со временъ Шекспира такъ мало трагедій и нѣтъ театра, достойнаго системы этого великаго человѣка, а у французовъ

множество второразрядныхъ писателей создали театръ, очень сносную коллекцію піесъ по системѣ Расина.

Но и новая школа—не вѣчна; она пройдетъ съ нами или при насъ и будетъ замѣнена лучшей. Чѣмъ болѣе подвигается впередъ цивилизація, тѣмъ болѣе должно примиряться съ тѣмъ, что посѣянныя идеи, какъ плодовитое зерно, растутъ, зрѣютъ, желтѣютъ и падаютъ. Подобное философское безпристрастіе было чуждо предшествовавшимъ поколѣніямъ [1]).

Послѣдній членъ драматическаго тріумвирата французскихъ писателей—Дюма не оставилъ въ наслѣдіе потомкамъ болѣе или менѣе систематичной теоріи... Признавая себя ученикомъ Виктора Гюго, Дюма не допускалъ системъ въ литературѣ, отрицалъ, что онъ принадлежитъ къ какой-либо школѣ и поднимаетъ то или другое знамя. Онъ предоставлялъ каждому по-своему выбрать сюжетъ, отдѣлать его согласно со своей фантазіей; завѣщалъ всѣмъ полную свободу, начиная съ 24 часовъ Буало до 30 лѣтъ Шекспира. «Я не буду провозглашать себя основателемъ новаго рода, потому что на самомъ дѣлѣ я ничего не основалъ», писалъ Дюма: «Гюго, Мериме и другіе основали его до меня и лучше меня: я имъ благодаренъ: они сдѣлали изъ меня то, что я есмь» [2]).

Нѣтъ поэтому нужды останавливаться на случайно высказанныхъ Дюма сужденіяхъ о драмѣ, на слабости историческаго элемента въ его піесахъ и на первенствующей роли въ нихъ любовной интриги,—гораздо умѣстнѣе помянуть здѣсь одного драматическаго критика, который оставилъ послѣ себя нѣсколько томиковъ «Исторіи драматической литературы». Нѣтъ спора, что Жюль Жаненъ не отличался глубиною и оригинальностью своихъ взглядовъ, равно какъ и проницательностію критическихъ дарованій, но въ свою пору, сотрудничая въ *Journal des débats* (съ 1829 года), онъ относился сочувственно къ возникавшей новой школѣ, за что́ и пользовался большой популярностью. Его хлесткія, живыя, но не особенно серьезныя статьи касались жгучихъ

---

[1]) Что касается историческихъ сюжетовъ, Виньи допускаетъ нѣкоторый произволъ при изученіи источниковъ, ибо „умъ человѣческій заботится объ истинѣ только въ общемъ характерѣ эпохи". См. *Cypio*, стр. 197, 238, 242. Сочувственный отзывъ о переводѣ „Отелло" помѣщенъ въ № 86 журнала *Le Globe* за 1829 г., гдѣ эта піеса Шекспира считается первой, точно переданной на французскомъ языкѣ, за что честь и слава Виньи (Grâces soient rendues à M. Alfred de Vigny).

[2]) *Cypio*, стр. X—XI; 229—230, 237, 243.

современныхъ вопросовъ въ области литературы: въ нихъ онъ привѣтствовалъ Гюго, Дюма,—въ нихъ высказывалъ попутно свои мнѣнія о свойствахъ новѣйшей драмы [1]).

Изъ ложноклассиковъ Корнель наиболѣе нравится Жанену. Этотъ талантливый трагикъ силой своего генія, вѣрнѣе Вольтера и Дюси, прочувствовалъ страсти Испаніи; онъ пренебрегалъ бутафорскими принадлежностями: ему было мало дѣла до доспѣховъ Сида и кресла Химены, ему важно было изобразить страсти, движеніе, охарактеризовать сердце Сида и правдиво передать настроеніе Химены. Онъ новаторъ, ибо замѣнилъ *романъ исторіей*, а *хронику истиной*. А до Корнеля французская трагедія, если только она была, представляла длинный и нелѣпый романъ, хронику надутую и героическую; Корнель сдѣлалъ изъ нея жизненную исторію. Воркующіе и вздыхающіе трагическіе герои съ ихъ условнымъ языкомъ, всѣ учтивые и франтоватые Бруты были превращены въ дѣйствительныхъ людей съ огненной головой, съ кровью въ сердцѣ, съ жгучими страстями. Наконецъ, Корнель первый указалъ на Аристотелево сужденіе, что героемъ не можетъ быть ни совсѣмъ дурной, ни совсѣмъ добродѣтельный человѣкъ; и что единство мѣста — не безапелляціонный литературный законъ. Исторія сдѣлала Корнеля новаторомъ; правдивость—революціонеромъ.

Изъ всѣхъ драматурговъ вообще Жаненъ отдаетъ пальму первенства Шекспиру за то, что онъ выдвинулъ впередъ народъ въ своихъ трагедіяхъ, не льстилъ героямъ, представляя ихъ совершенными, а рисовалъ ихъ согласно съ дѣйствительностію, за то что истина была его девизомъ, и не существовало для него людей безъ слабостей, женщинъ безъ капризовъ. Жаненъ одобряетъ молодыхъ поэтовъ, которые оживили Шекспира на французской сценѣ, и останавливается преимущественно на Дюма и Гюго. Въ произведеніяхъ обоихъ поэтовъ критикъ видитъ и достоинства, и недостатки, рѣзко разграничивая ихъ другъ отъ друга. Генрихъ III страдаетъ отсутствіемъ дѣйствія, аксессуарами, въ видѣ безчисленнаго числа дѣйствующихъ лицъ и происшествій; но въ общемъ твореніе замѣчательно для юнаго автора, изобличаетъ вдохновеніе, удачное изображеніе страстей, бойкій и смѣлый умъ... Въ «Маріонъ де Лормъ» мало драматическаго элемента

---

[1]) *Jules Janin*. Critique dramatique. Paris. 1877, tome III, pp, 15—20; 44—52; 82—100; 114—126.

тѣсно связаннаго съ ходомъ піесы: эта драма—и ода, и диѳирамбъ, и трагедія, и комедія, такъ что можно забыть, что это драматическое дѣйствіе; но въ то же время нѣкоторыя сцены заключаютъ въ себѣ всю эпоху Людовика XIII, въ пяти актахъ—все: смѣхъ, слезы, ужасъ, состраданіе, удивленіе... Усиленное обращеніе къ внѣшней обстановкѣ, возбужденіе ужаса почти безъ состраданія, слишкомъ исключительное преобладаніе преступленій—пробѣлы «Лукреціи Борджіи»: но та же трагедія преисполнена новыхъ красотъ, захватывающихъ положеній: не всегда пробуждая сердечное волненіе, она всегда возбуждаетъ любопытство [1]..

Таковы, въ общихъ чертахъ, воззрѣнія Жанена, изложеніемъ которыхъ мы заканчиваемъ очеркъ развитія драматическаго вкуса во Франціи. Попытаемся свести въ одно цѣлое приведенныя нами мнѣнія.

Французскіе взгляды на драматическое искусство начали развиваться подъ чужеземнымъ вліяніемъ Шлегеля и Манцони. Бенжаменъ Констанъ и Сталь были первыми застрѣльщиками въ великой битвѣ романтиковъ съ классиками; по этой причинѣ, въ ихъ мнѣніяхъ видна неустойчивость и замѣтно колебаніе между новыми вѣяніями и старыми классическими предразсудками. Анри Бейль скорѣе примыкаетъ къ нимъ, чѣмъ къ послѣдующимъ теоретикамъ: въ его книгѣ чувствуется та же неустойчивость и, сверхъ того, нѣкоторая парадоксальность. Гизо первый въ своемъ предисловіи къ переводу Шекспировыхъ драмъ рѣзко и опредѣленно высказался въ пользу англійской драмы, указавъ ея неоспоримыя, выдающіяся преимущества передъ классической трагедіей. Въ періодическихъ изданіяхъ: *Le Globe, Revue française*

---

[1]) Другой, болѣе даровитый критикъ, Сентъ-Бевъ указывалъ на недостатки псевдоклассиковъ, подрывая ихъ значеніе. Въ статьѣ о Корнелѣ, помѣщенной въ „Critiques et portraits littéraires" Сентъ-Бевъ говоритъ неблагосклонно объ его герояхъ.

„Дѣйствующія лица Корнеля —величавы, великодушны, доблестны, съ возвышеннымъ образомъ мыслей и благороднымъ сердцемъ. Получивъ строгое воспитаніе, они имѣютъ на устахъ извѣстныя правила, согласно которымъ устраиваютъ жизнь и отъ которыхъ не уклоняются. Потому ихъ понять не трудно, что совершенно противорѣчитъ дѣйствующимъ лицамъ Шекспира и человѣческимъ характерамъ въ обыденной жизни. Нравственность ихъ безупречна. А Корнелевы тираны, какъ и герои, всѣ на одинъ ладъ: злобны отъ начала до конца".

и *Le Catholique* пышно расцвѣла романтическая теорія со всѣмъ ея положительными и отрицательными сторонами; въ это время Вите, вѣроятно, увлеченный современными спорами, даетъ первый опытъ практическаго примѣненія отвлеченныхъ воззрѣній. Наконецъ, является Гюго съ его знаменитымъ «Préface de Cromwell», въ немъ и его книгѣ романтики горячо и бурно привѣтствовали новаго Буало и новую «L'art poétique». Но сужденія Гюго, несмотря на частую ихъ справедливость, не отличались той несокрушимой ясностью, какую проявилъ незабвенный законодатель французскаго вкуса эпохи Людовика XIV. Альфредъ де Виньи знакомитъ французовъ съ «Отелло» Шекспира и пытается охарактеризовать основныя черты новой драмы сравнительно со старой трагедіей... Дюма, Жаненъ, Сентъ-Бевъ въ своихъ статьяхъ разсыпаютъ здѣсь и тамъ свѣжія мысли, подкрѣпляющія новое направленіе... Отодвигаются въ прошедшее старыя мнѣнія, мѣсто которыхъ заступаютъ новыя, тѣсно связанныя съ новою драмой.

Прежде всего отрицается подражаніе какимъ бы то ни были образцамъ, вредящее проявленію оригинальности. Даже Шекспиръ, этотъ чудесный примѣръ высшаго драматическаго дарованія, по мнѣнію иныхъ критиковъ, имѣетъ недостатки, свойственные его эпохѣ, и нуждается въ дополненіи послѣдними результатами философіи и науки.

Тремъ прежнимъ единствамъ противопоставляется одно единство дѣйствія, которое обусловливается: личностью героя, уже своимъ настоящимъ опредѣляющаго свое будущее, и единствомъ идеи и главнаго положенія, необходимыхъ для связности сценъ и плана драмы. Олицетворенія тѣхъ или другихъ страстей замѣнены характерами многосторонними, выдержанными и рѣзко очерченными, а исключительно трагическія положенія—смѣсью трагическаго съ комическимъ. Лирическій и эпическій элементы исчезаютъ безъ всякой замѣны, отвергается соединеніе французскаго съ античнымъ и предъявляется требованіе національности. Вмѣсто трагедіи, писанной александрійскимъ стихомъ, думаютъ создать прозаическую драму, но еще не рѣшаютъ этого вопроса окончательно. Новымъ литературнымъ видомъ считается новая историческая драма, въ которой сочетается обширная эрудиція съ силою творческаго воображенія и для созданія которой необходимы слѣдующія условія:

а) точное воспроизведеніе исторической дѣйствительности: исто

рическія лица должны быть изображены такими, какими они были, такъ же, какъ и нравы, обычаи извѣстнаго вѣка;

b) умѣніе отыскивать поэзію въ исторіи и извлечь ее изъ событій самыхъ неприглядныхъ;

c) значительная доля творческаго воображенія, нѣсколько видоизмѣняющая понятіе исторической точности: цѣль драмы — *не буквальная копировка фактовъ* и *не химеры*, а возсозданіе дѣйствительности съ тѣмъ, чтобы она болѣе нравилась и была еще болѣе историческою, чтобы извращенное лѣтописцами было возстановлено и угадано опущенное.

Много яркихъ, много цѣнныхъ мыслей въ этихъ основныхъ положеніяхъ романтиковъ, положеніяхъ, изъ которыхъ большая часть, доставшаяся цѣною страшнаго умственнаго напряженія и испорченной крови, сдѣлалась ходячей, избитой формулой современной драматической теоріи.

По справедливымъ словамъ де-Виньи, свобода умножаетъ, а не уменьшаетъ затрудненія: романтики не создали строгой системы новыхъ правилъ взамѣнъ разрушенныхъ, какъ хотѣлъ Гизо; они не дали и образцовыхъ драматическихъ твореній, сообразныхъ съ ихъ теоріей, какъ требовали отъ нихъ псевдоклассики.

Это подало поводъ новѣйшимъ изслѣдователямъ сурово отнестись къ романтикамъ-драматургамъ и ставить иногда классическую трагедію выше романтической драмы [1]).

Каковы бы, однако, ни были увлеченія романтиковъ, какъ бы ни были иногда спутаны ихъ понятія и ни повторялись у нихъ однѣ и тѣ же мысли, среди броженія бурныхъ, неустановившихся умовъ мелькаютъ блестящія идеи, сохранившія за собой жизнь въ потомствѣ, и, наконецъ, одной изъ безспорно важныхъ услугъ, оказанныхъ романтической критикой, является подрывъ нѣкоторыхъ, повидимому, безповоротно утвердившихся литературныхъ

---

[1]) Перечень недостатковъ романтической драмы находимъ у Мориса Сурію въ его книгѣ: „De la convention dans la tragédie classique et dans le drame romantique“ pp. 300 301; а П. Небу (P. Nebout) прямо пишетъ: „Quelle place aura-t-il (le drame romantique) dans l'estime de la postérité? Inférieure ou supérieure à celle qu'y occupera la tragédie classique? Inférieure certes. Malgré ses défauts, que nous avons fait ressortir en leur lieu, la tragédie classique est, bien plus que le drame romantique, l'expression du génie français etc... Mais le théâtre romantique n'a point trouvé un Shakspeare; et il a trop de défauts pour lutter avec la tragédie classique“ („Le drame romantique“, p. 330).

предразсудковъ и расчищеніе пути для позднѣйшихъ писателей. Французская литература переживала «смутное время» своего существованія; но отъ нея вѣяло живымъ и бодрымъ духомъ, который

„въ своемъ стремленьи темномъ
Найти сумѣетъ настоящій путь".

II.

Сужденія о романтической драмѣ Полевого и его современниковъ.

«Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ даютъ замѣтить, что *Литературная Газета* у насъ не можетъ существовать по весьма простой причинѣ: у насъ нѣтъ литературы. Если бъ это было справедливо, то мы не нуждались бы и въ критикѣ: однако жалкіе произведенія нашей литературы, какъ ни рѣдки, но являются, живутъ и умираютъ, не оцѣненныя по достоинству. Критика въ нашихъ журналахъ или ограничивается сухими библіографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, с корректоромъ и проч.—«Очистите мѣсто для новой статьи моей» пишетъ сотрудникъ. «Съ удовольствіемъ», отвѣчаетъ издатель. И это все напечатано. Недавно въ одномъ журналѣ было упомянуто о порохѣ. «Вотъ ужо вамъ будетъ порохъ!» сказано въ замѣчаніи наборщика, а самъ издатель возражаетъ на сіе:

„Могущему пороку—брань,
Безсильному—презрѣнье".

Эти семейныя шутки должны имѣть свой ключъ и, вѣроятно, очень забавны: но для насъ онѣ покамѣстъ не имѣютъ никакого смысла».

Въ приведенныхъ словахъ Пушкина дана яркая характеристика отрицательныхъ сторонъ современной ему критики, но нѣтъ указаній на совершающійся въ ней поворотъ къ лучшему, на стремленіе выбиться изъ старой колеи, протоптанной отживающими оцѣнщиками отдѣльныхъ удачныхъ фразъ и исключительно внѣшности литературнаго произведенія. А возрожденіе критики уже постепенно начиналось; въ статьяхъ *Московскаго Телеграфа*, *Московскаго Вѣстника*, *Сына Отечества*, *Литературной Г*

зеты и *Телескопа* чувствовалось новое вѣяніе, проглядывала иная, чѣмъ прежде, точка зрѣнія... Стали мѣняться и взгляды критиковъ на драму, разсмотрѣнію которыхъ посвященъ нашъ очеркъ.

Первая четверть истекшаго девятнадцатаго вѣка ясно доказала, что потребность произвести реформы въ области классической драмы вполнѣ назрѣла въ европейскихъ литературахъ. Чуткіе и воспріимчивые французы, еще недавно бывшіе ярыми сторонниками Корнеля и Расина, заявили себя не менѣе ярыми противниками старыхъ кумировъ и любимцевъ въ жестокой борьбѣ за водвореніе новыхъ драматическихъ формъ. Освободительное движеніе проявилось и въ созданіи новой, такъ называемой романтической драмы, преимущественно въ историческомъ жанрѣ, и въ критическихъ статьяхъ, подрывавшихъ основы старыхъ традицій и пытавшихся, хотя и не всегда удачно, выяснить идеалъ, который могъ бы удовлетворить измѣнившимся вкусамъ и взглядамъ.

Настроеніе французской критики чрезвычайно быстро передалось русской журналистикѣ второй половины двадцатыхъ годовъ: переводились лучшія французскія театральныя рецензіи и очерки по исторіи драмы. «Размышленія и разборы» Катенина въ ту пору не были выразителями мнѣнія большинства, представляли обычную, исторически-необходимую оппозицію новымъ вѣяніямъ и сыграли ту же роль, какая нѣкогда выпала на долю *Драматическаго Вѣстника*, объявившаго войну трогательнымъ піесамъ Иффланда, Коцебу и Шредера. Преобразованіе французской драматической литературы произошло не самостоятельно, а подъ чужеземнымъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, Августа Вильгельма Шлегеля, имя котораго скоро сдѣлалось достаточно популярнымъ и въ Россіи.

«Заслуги А. В. Шлегеля удивительны», писали въ лучшемъ журналѣ двадцатыхъ годовъ. «Курсъ драматической литературы» (котораго русскій переводъ давно обѣщанъ, но, къ сожалѣнію, доселѣ не вышелъ въ свѣтъ), превосходный переводъ всего Шекспирова театра, переводъ Кальдерона, Данта, мелкія собственныя его стихотворенія, сочиненія объ индійской литературѣ, латинскій переводъ «Бхагаватъ-Гиты», множество сочиненій о разныхъ предметахъ литературы, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, критики въ разныхъ журналахъ и проч. ставятъ сего эстетика и поэта въ

число первостепенныхъ геніевъ [1]). Уваженіе нѣмцевъ къ Шлегелю—вполнѣ безпристрастно, хотя самъ знаменитый критикъ не совсѣмъ былъ безпристрастенъ къ произведеніямъ эстетическимъ въ частности, и нерѣдко слишкомъ увлекался иными, а другія слишкомъ отвергалъ ... Но выдающіяся дарованія Шлегеля заслоняютъ собой его недостатки [2]).

Вліяніе нѣмецкихъ драматическихъ образцовъ, главнымъ образомъ піесъ Гете, отразившееся на произведеніяхъ итальянца Манцони, сдѣлало имя послѣдняго извѣстнымъ во Франціи и Россіи, гдѣ отмѣчены были заслуги итальянскаго писателя, какъ драматурга и критика. Его «Письмо о единствахъ» заключало въ себѣ мысли «остроумныя» и «краснорѣчивыя», выполнить которыя на практикѣ не всегда удавалось тому, кто ихъ высказывалъ, такъ какъ даже въ «Карманьолѣ» слишкомъ слабы драматическія пружины и нѣтъ исторической вѣрности [3]).

Еще большее вниманіе обращено русской журналистикой на новую театральную критику французовъ; слабые проблески послѣдней видны уже въ сочиненіяхъ Сталь, выяснившей своимъ соотечественникамъ нѣкоторыя характерныя черты твореній Гете и Шиллера. Не даромъ образованные русскіе люди такъ интересовались книгой «О Германіи» [4]), не даромъ почтительно относился къ Сталь Пушкинъ, и на страницахъ *Московскаго Телеграфа* помѣщались статьи и повѣсти, посвященныя описаніямъ вечеровъ у г-жи Сталь и ея замка «Коппетъ» [5]).

Сѣмена новыхъ идей, посѣянныя Сталь, были восприняты благодатной почвой французской прессой, пробудившей любопытство

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 12, стр. 505 (рецензія переведена изъ *Le Globe*).

[2]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, №№ 19, 20, стр. 360 (замѣчанія взяты изъ *Morgenblatt*).

Изъ Шлегелева сочиненія по теоріи драмы переведено слѣдующее: 1) *Московскій Телеграфъ*, 1826, №№ 3, 4: «О драматической поэзіи и теоріи изящнаго у древнихъ и новыхъ народовъ»; 2) *Московскій Вѣстникъ*, 1827, № 10, стр. 149: «О трехъ единствахъ въ драмѣ» и т. д.

[3]) *Телескопъ*, 1834, ч. 24: «Знаменитые современники. Алексанръ Манцони», статья Карла Дидье, переведенная изъ *Revue des deux Mondes*.

[4]) «Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ». Спб. 1899 г., т. I, стр. 25. *Сынъ Отечества*, 1820, ч. 63, стр. 73, 219: «Гете», «Шиллеръ» (изъ De L'Allemagne).

[5]) *Московскій Телеграфъ*, 1831, №№ 20—22; 1834, № 3 (повѣсть Жанлисъ и статья Булыи).

въ Россіи. *Le Globe*, самый видный органъ печати, завлекалъ русскихъ критиковъ оригинальностью драматическихъ теорій, смѣлостью и мѣткостью сужденій своихъ талантливыхъ сотрудниковъ, имена которыхъ стали пользоваться большой популярностью. Къ числу такихъ именъ принадлежало имя Ампера, писателя, «котораго уважалъ самъ Гете и котораго сужденіе о своемъ театрѣ онъ перевелъ почти вполнѣ и помѣстилъ среди своихъ сочиненій». Разныя его статьи, разбросанныя по многимъ журналамъ и вышедшія отдѣльною книгою, казались занимательными, такъ какъ Амперъ «судилъ съ необыкновеннымъ проницаніемъ, умно, превосходно», исключая незначительные промахи и пробѣлы [1])... Съ критическимъ талантомъ Амперъ соединялъ прекрасныя лекторскія способности и, будучи еще молодымъ, считался «отличнымъ профессоромъ литературы въ Марсельскомъ Атенеѣ» [2])... Хваля Ампера, русскіе литераторы не забывали и его славныхъ сотоварищей, въ ихъ статьяхъ находили удовлетвореніе своей любознательности и оригинальныя мнѣнія, высказанныя по поводу театральныхъ новинокъ [3]).

Не мало расширился кругозоръ русскихъ критиковъ отъ чтенія блестящихъ, затрагивавшихъ общіе теоретическіе вопросы, очерковъ *Revue française;* анализъ піесъ Виньи и Гюго наглядно указывалъ, «на какой высокой степени находится во Франціи литературная критика» [4]). «Мы приведемъ въ сокращеніи сужденіе о «Гернани» французскаго критика, изъ котораго мы помѣстили уже одну выписку», напечатано въ *Литературной Газетѣ* [5]). «Сужденія сего мы придерживаемся тѣмъ охотнѣе, что оно почти во всемъ согласно съ нашимъ образомъ мыслей о драмѣ г. Гюго».

Рядъ этюдовъ издателя *Le Catholique* барона Экштейна, чрезвычайно заинтересованнаго происходившими въ его время лите-

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1834, № 2, стр. 199.

[2]) *Литературная Газета*. 1831, № 6, стр. 48. Одна изъ лекцій Ампера: „Исторія литературы во Франціи до XII вѣка", помѣщена въ русскомъ переводѣ въ *Телескопѣ*, ч. 32, стр. 3–29.

[3]) *Московскій Телеграфъ*, 1830, №№ 16, 20, 21 (рецензіи о піесахъ Галеви и обоихъ Арно, взятыя изъ *Le Globe*).

[4]) Тамъ же, 1830, №№ 15, 16 (статья де-Брольи изъ *Revue française* съ переводѣ „Венеціанскаго Мавра" Шекспира).

Статья объ „Эрнани" В. Гюго изъ того же французскаго журнала; см. тамъ же, 1830, №№ 17, 18.

[5]) *Литературная Газета*, 1830, №№ 37, 38, стр. 6, 12: помѣщена напечатанная въ *Московскомъ Телеграфѣ* статья объ „Эрнани".

ратурными реформами и много потрудившагося надъ разрѣшеніемъ вопроса объ основныхъ чертахъ новой драмы, переведенъ въ разныхъ номерахъ *Московскаго Телеграфа* [1]). Этюды, очевидно, давали, съ тогдашней точки зрѣнія, серьезный отвѣтъ на возникавшіе запросы, дѣлая все болѣе извѣстнымъ имя Экштейна, котораго величали человѣкомъ «съ обширными свѣдѣніями и глубокимъ христіанскимъ чувствомъ», «опытнымъ критикомъ», авторомъ «сочиненій глубокомысленныхъ» [2]).

Изъ трехъ знаменитыхъ вожаковъ французскихъ романтическихъ поэтовъ только два пытались дать сознательный отчетъ въ развитіи своего творчества и построить теорію драмы, хотя всѣ три пожинали лавры на подмосткахъ театра. Эти двое — Викторъ Гюго и Альфредъ де Виньи. Шумныя оваціи, сопровождавшія появленіе ихъ драмъ, заглушили собой славу ихъ критическихъ опытовъ, почему и въ представленіи русскаго человѣка въ лицѣ Гюго творецъ «Эрнани» заслонялъ автора изслѣдованія «Préface de Cromwell», о которомъ не было даже упоминанія въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ [3]).

Только одно предисловіе А. де Виньи, предпосланное переводу «Отелло» съ цѣлью выяснить смыслъ новой драматической системы, было спасено отъ забвенія. «Представляемъ читателямъ нашимъ переводъ сего письма», писалъ издатель *Московскаго Телеграфа*. «Немного найдемъ сочиненій, гдѣ бы въ столь маломъ размѣрѣ было вмѣщено столько свѣжихъ, яркихъ мыслей, гдѣ бы глубина соединена была съ такою игривостью, умъ съ такою веселою шуткою. Надобно ли удивляться, что новые французскіе литераторы хорошо пишутъ, если они умѣютъ такъ мыслить? Совѣтуемъ нашимъ литераторамъ внимательнѣе прочитать письмо А. де Виньи» [4]).

На страницахъ *Journal des débats* и иныхъ журналовъ попадались нашимъ литераторамъ и критическія статьи Жюля Жа-

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, 1829, 1831 гг. Здѣсь помѣщены разборы ложно-классическихъ трагедій, драмъ Гете и Шекспира.

[2]) Тамъ же, 1828, № 13, стр. 73; 1831, № 13, стр. 68; *Телескопъ*, 1836 — ч. 33, стр. 435—456.

[3]) Изъ критическихъ статей В. Гюго, переведенныхъ на русскій языкъ — намъ извѣстны: „О поэзіи древнихъ и новыхъ народовъ“ (*Московскій Телеграфъ*, 1832, № 19) и „Объ изящныхъ искусствахъ и современной драмѣ“ (*Телескопъ*, ч. 26, стр. 307).

[4]) *Московскій Телеграфъ*, 1830, № 24.

нена; нѣкоторыя изъ нихъ были помѣщены въ русскомъ переводѣ въ *Московскомъ Телеграфѣ* [1]) и *Телескопѣ* [2]). Марлинскій, пиша рецензію на «Клятву при гробѣ Господнемъ», выбралъ эпиграфомъ одно изреченіе Жанена о значеніи критики [3]).

Немного спустя, *Revue des deux mondes*, какъ наиболѣе извѣстное повременное изданіе, стало источникомъ для *Телескопа*, въ которомъ находимъ заимствованные оттуда отзывы о драмахъ Манцони, Дюма [4]) и другихъ поэтовъ. Отрывочныя, мимоходомъ брошенныя сужденія о драмѣ Сентъ-Бева также не ускользнули отъ вниманія любителей французской литературы, въ родѣ Полевого [5]). Такимъ образомъ, внимательное чтеніе періодическихъ изданій, выходившихъ въ Россіи къ концу двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка и увлеченныхъ новыми идеями французскихъ романтиковъ, побуждаетъ изслѣдователя сдѣлать выводъ, что вопросъ о драмѣ, наиболѣе интересный среди другихъ вопросовъ, возникшихъ благодаря реформаціонному движенію въ литературѣ, не былъ чуждъ нашимъ соотечественникамъ. Переводъ на французскій языкъ драмъ Шекспира, особенно популярнаго въ это время, предпринятый Гизо [6]), сдѣлалъ болѣе доступными геніальныя творенія и для русскихъ, плохо справлявшихся съ труднымъ англійскимъ языкомъ. Только немногіе, быть можетъ, излишне строгіе, судьи говорили, что «преложеніе г-на Гизо являетъ намъ Шекспира въ недостойномъ нарядѣ и вывороченномъ на-изнанку» [7]); большинству это «преложеніе» оказало огромную услугу. Да и сами строгіе судьи, прочитавъ сужденіе Гизо о драмѣ, приложенное въ видѣ предисловія къ его изданію [8]), и познакомившись съ его «Cours d'histoire moderne», признали его за «просвѣщеннаго, умнаго, здраво и искренно мыслящаго человѣка» [9]).

---

[1]) Здѣсь напечатаны преимущественно беллетристическія произведенія Жанена. См. *Московскій Телеграфъ*, 1833, №№ 9, 10; 1834, № 3.

[2]) *Телескопъ*, ч. 27, стр. 385, 484: „Донъ Жуанъ Австрійскій, или назначеніе", драма К. Делавиня—разборъ Ж. Жанена и др.

[3]) *Московскій Телеграфъ*. 1833, № 15.

[4]) *Телескопъ*, 1834, ч. 23, стр. 185; ч. 24, стр. 153.

[5]) *Московскій Телеграфъ*, 1833, № 1: *Sainte-Beuve*.

[6]) Въ 1821 году (въ основѣ положено изданіе Летурнера, 1776 г.).

[7]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 11, стр. 339.

[8]) „Shakespeare et son temps". Ср. *Сынъ Отечества*, 1827, ч. 113, стр. 45: „Характеристика трагедій Шекспировыхъ" (изъ жизни Шекспира, помѣщенной г-мъ Гизо при его переводѣ твореній британскаго поэта).

[9]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 17, стр. 96—97.

*

Въ Россіи съ жадностью слѣдили за появленіемъ за-границей критическихъ этюдовъ, посвященныхъ разбору Шекспира и его послѣдователей; всякое новое живое слово, разрушавшее старыя стѣснительныя правила, всякій новый взглядъ, даже и не вполнѣ устойчивый, но прояснявшій все-таки наличныя недоразумѣнія недоумѣнія и такъ или иначе открывавшій еще невѣдомые, хотя и туманные горизонты—привѣтствовали съ живой, сердечной радостью тѣ, для которыхъ развитіе отечественной литературы было дорогимъ и близкимъ сердцу дѣломъ... И такія лица были среди русскихъ литераторовъ; они-то и указывали какъ на примѣръ, достойный подражанія—на успѣхи западно-европейской театральной критики. Нерѣдко, печатая свой переводъ иностранной рецензіи нашъ переводчикъ не могъ удержаться отъ замѣчаній, въ родѣ слѣдующихъ: «Статья сія недавно напечатана въ одномъ изъ первостепенныхъ французскихъ журналовъ: умная, современна—она стоитъ вниманія и нашихъ читателей. Наши анти-романтики увидятъ здѣсь, какъ судятъ ихъ учителя въ наше время, и, можетъ быть, увѣрятся, что просвѣщенные французы не спятъ въ одномъ мѣстѣ по двадцати лѣтъ, но вмѣстѣ съ вѣкомъ идутъ впередъ» [1]).

Рецензіи, переводимыя изъ иностранныхъ журналовъ, дѣйствительно пробуждали пытливость русской мысли и способствовали болѣе опредѣленной постановкѣ взгляда на драму. Цѣль критики говорится въ одной изъ подобныхъ рецензій, заключается въ умѣньи угадать вкусы публики точнѣе, чѣмъ она сама ихъ знаетъ—угадать неизвѣстный нравящійся ей родъ, изслѣдовать законы искусства и показать, какъ надобно заниматься имъ, чтобы творить новыя красоты. При руководствѣ ума, имѣя цѣлью болѣе возбуждать, чѣмъ удерживать, критика можетъ пробудить дарованія писателей и вкусъ публики... Не занимаясь тѣмъ, что дѣлается, пусть показываетъ она, что должно дѣлать. Вмѣсто охраненія преданій, пусть совѣтуетъ она вводить новости. Говорятъ, что она даетъ законы литературѣ: пусть же водворитъ въ ней свободу» [2]).

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 23, стр. 311.

[2]) Тамъ же, 1828, № 23, стр. 317. Свобода понималась двояко: какъ *свобода формъ*, въ обращеніи съ мѣстомъ дѣйствія, числомъ лицъ, и какъ *свобода мысли*, въ сближеніи величія и простоты, трагическаго и комическаго, въ изображеніи сложнаго характера и эпохи съ ея отличительными чертами.

Французскіе критики отмѣчали, что ложноклассики лишили себя свободы воображенія, подчинились «тѣснымъ» идеямъ, заковали себя въ цѣпи; проповѣдывали, что наступило время многому поучиться у Шекспира: вмѣстѣ съ тѣмъ указывались недостатки и пробѣлы новыхъ драматическихъ произведеній Гюго, Дюма и др.: картины, возбуждающія ужасъ и отвращеніе, невѣроятные характеры и положенія, употребленія яда и кинжала для развязки піесы, плохо связанныя между собой отдѣльныя сцены и отсутствіе исторической точности [1]).

Подражая иностраннымъ образцамъ, рѣшились и русскіе критики возвысить достоинство своихъ театральныхъ рецензій и высказать гибкость своего ума и разносторонность усвоенныхъ свѣдѣній въ анализѣ англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и, наконецъ, русскихъ піесъ романтическаго характера. Починъ въ выполненіи задуманнаго намѣренія былъ сдѣланъ *Московскимъ Телеграфомъ*, въ которомъ напечатано нѣсколько статей, посвященныхъ разбору драмъ Шиллера, Дюма и Хомякова.

За послѣднее время—читаемъ въ *Телеграфѣ* [2])—сами романтики говорятъ, что въ новомъ родѣ поэзіи, при всѣхъ ея красотахъ, есть «нескладное смѣшеніе несообразностей», тогда какъ на самомъ дѣлѣ классическая поэзія страдаетъ болѣе этимъ недостаткомъ. Классицизмъ основанъ на Аристотелевой піитикѣ; но она, во-первыхъ, дошла до насъ въ сомнительныхъ спискахъ, и, во-вторыхъ, Аристотель—не философъ въ разсужденіи о поэзіи, такъ какъ судитъ лишь о внѣшнихъ формахъ и главную задачу поэта полагаетъ въ механически-правильномъ строеніи отдѣльныхъ частей. Французы приняли внѣшнія формы за внутреннее достоинство и на сомнительныхъ трехъ единствахъ Аристотеля основали свою теорію. Вслѣдствіе ложной теоріи французская драматическая литература стала клониться къ упадку: нельзя по мѣркѣ, сдѣланной для одного, шить платья для всѣхъ, а надо сообразоваться съ климатомъ и мѣстными условіями. «Поэзія есть свободное изліяніе духа, цѣль сама себѣ; внѣшнія формы ея образуются по внутренней идеѣ, а не идея по формамъ» — и божественная красота проявляется въ безчисленно разнообразныхъ

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1833, № 4; 1830, № 19; 1830, № 14 (переводныя рецензіи на піесы Гюго, Дюма, Люсьена Арно).

[2]) Тамъ же, 1827, №№ 1, 8: Friedrichs von Schiller sämmtliche Werke, статья, писанная, повидимому, русскимъ.

видахъ. Для свободной поэзіи нельзя предписать непремѣнныхъ законовъ на многія столѣтія. Но въ данный моментъ романтическая поэзія имѣетъ опредѣленные законы въ твореніяхъ Шекспира, Кальдерона и др.: она оправдана философскимъ разсмотрѣніемъ, когда смотрятъ на сущность, а не на образы: она правильна, ибо формы ея сообразны съ идеей; наконецъ, смѣшеніе различныхъ родовъ (трагическаго и комическаго) есть слѣдствіе духа времени. Защитники романтической поэзіи: Шекспиръ, Кальдеронъ, Гете, Шиллеръ; источникъ понятій о поэзіи—А. В. Шлегель. Произведенія Шиллера отличаются драматизмомъ; въ нихъ виденъ талантъ трагика, окрѣпшій и развившійся благодаря вліянію Гете («Гецъ фонъ-Берлихингенъ»), съ одной стороны, и Шекспира, съ другой. Піесы Шиллера не одинаковы по достоинству: «Разбойники» выше «Заговора Фіэско» и «Коварства и любви»; но даже въ лучшей піесѣ, не смотря на ея высокія качества, есть свои недостатки...

Въ «Разбойникахъ» можно указать нѣсколько пробѣловъ: Карлъ выставленъ самъ виной своихъ несчастій, тогда какъ она падаетъ на общество; пылкія тирады, когда Шиллеръ произноситъ ихъ отъ себя, чередуются съ дѣтскимъ лепетомъ, когда онъ разсуждаетъ по-наслышкѣ; дѣйствія—слишкомъ мало, лица больше говорятъ, а разговорная піеса не есть драматическая. Въ «Заговорѣ Фіэско нѣтъ плана: «дѣйствующія лица приходятъ и уходятъ *безъ причины*», сказавъ нѣсколько пышныхъ фразъ: а «Коварство и любовь» страдаетъ недостатками, свойственными всѣмъ «трагедіямъ средняго класса», «драмамъ» въ собственномъ смыслѣ слова.

Драма послѣдняго рода не достигаетъ цѣли. Нельзя полагать, что цѣль трагедіи—возбуждать ужасъ и жалость и очищать страсти: первыя чувства—непріятныя ощущенія, а не такое впечатлѣніе должно производить одно изъ совершеннѣйшихъ изящныхъ искусствъ. Драма, написанная съ цѣлью очистить страсти, мучитъ зрителя, не оставляя никакого сладостнаго чувства.

Шекспиръ угадалъ тайну драматическаго искусства. У него все оживлено одною силою очарованія; всѣ движенія и страсти направлены къ одной цѣли: въ наружномъ безпорядкѣ соблюдена стройность природы. И, безспорно, въ безконечномъ разнообразіи природы есть могущество, направляющее всѣ силы къ вѣчной цѣли: судьба древнихъ, наше Провидѣніе. Его пути неисповѣдимы, и кажущійся безпорядокъ—звено его совершенства

и правильности. Зло, бѣдствія, пороки, несчастія не устрашаютъ человѣка, носящаго въ душѣ своей отблескъ Божества, если у него сохраняется воспоминаніе о небесномъ происхожденіи. Въ борьбѣ съ судьбой и ея испытаніями являются герои, одно имя которыхъ тревожитъ душу. Здѣсь тайна наслажденія трагическимъ, разъ трагедія переселила этихъ героевъ на сцену. Но нельзя возбудить высокія ощущенія представленіемъ обыкновенныхъ картинъ, однообразной, мелкой, домашней жизни: мирные граждане борются не съ судьбой, а съ подобными себѣ и со случаемъ. Конечно, цѣль сихъ гражданъ—однообразна: матеріальное благосостояніе; и ихъ нельзя назвать «героями», такъ какъ не заслуживаетъ подобнаго наименованія тотъ, кто только не склоняется передъ гоненіями и порокомъ, такъ какъ героизмъ не проявляется ссорами съ женой и борьбой съ недостатками въ деньгахъ. Мелкая, домашняя жизнь—область комедіи, а не трагедіи. «Семейственныя картины» непримѣнимы даже въ трагедіяхъ, съ царями въ первыхъ роляхъ, представляя собой подробности, гдѣ «великіе міра являются не въ отношеніи главной мысли творенія автора».

Изъ французской литературы рецензентамъ *Телеграфа* особенно приглянулись драмы А. Дюма.

Классическія вещи, даже принадлежащія перу Корнеля, Расина, Вольтера, стали надоѣдать французской публикѣ—пишетъ критикъ піесы «Генрихъ III и его дворъ» [1]). Между тѣмъ «старые парики партерныхъ обитателей», въ видѣ присяжныхъ аристарховъ и академиковъ, не хотѣли ничего замѣчать и упорно держались піитики Буало. Тогда подъ классическимъ клеймомъ дышено было провозить романтическую контрабанду и тѣмъ подготовить почву. Когда опомнились классики, Шекспиръ, Шиллеръ и Гете были уже старожилами во Франціи. Но въ жаркой борьбѣ литературныхъ мнѣній многіе изъ сражающихся плохо понимаютъ свои требованія и подъ романтизмомъ разумѣютъ нарушеніе единствъ, введеніе ужасающихъ явленій, толпы третьестепенныхъ лицъ—и ничего болѣе не видятъ въ произведеніяхъ Шекспира и Гете...

Во Франціи еще нѣтъ геніальнаго писателя, который бы создалъ драму. Вите—не творецъ драмъ въ собственномъ смыслѣ; «Неильскіе вечера» и «Театръ Клары Газуль»—опыты разсказа

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 20, стр. 517 и д.

современныхъ событій въ драматической формѣ; произведенія Делавиня—слабы; «Кромвель» Виктора Гюго—неудаченъ.

Дюма хотѣлъ пополнить пробѣлъ, и едва ли успѣшно. Въ драмѣ его нѣтъ отраженія эпохи и соотвѣтственныхъ характеровъ; хитростей и замысловъ—масса. Это не новая историческая драма въ романтическомъ родѣ, а плохая мелодрама, которой недостаетъ только музыки.

По поводу романтической драмы А. Дюма «Тереза» [1]) въ *Московскомъ Телеграфѣ* была помѣщена рецензія, гдѣ затрагивались общіе теоретическіе взгляды на драму и дѣлалась оцѣнка многихъ піесъ современнаго французскаго театра.

Время классической трагедіи и комедіи съ тиранами и любовниками, по мнѣнію автора рецензіи, миновало; но въ настоящемъ—нѣтъ еще ничего положительнаго. Излишество царитъ во всемъ, при спутанности понятій: вмѣстѣ съ единствами мѣста и времени, хотятъ отвергнуть необходимое единство дѣйствія; снявъ оковы со страстей человѣческихъ, французскіе драматурги хотятъ превратить ихъ въ бѣшеное страданіе души; нарушивъ ложныя приличія, они намѣреваются разрушить приличія здраваго смысла: пугать и оглушать зрителя, а не забавлять и ужасать. Судороги душевныя, думаютъ они — цѣль трагедіи; шалость ума — цѣль водевиля.

Но какъ бы ни были сильны заблужденія современной школы, всѣ излишества ея, при полной дарованной свободѣ, приведутъ къ благимъ результатамъ; нелѣпость осядетъ на дно, истинно изящное отстоится чистымъ нектаромъ поэзіи; время борьбы и разрушенія не бываетъ временемъ созиданія.

Борьба классицизма начата Дидро, Мерсье, Бомарше. — подкрѣплена Шлегелями, Сталь, *Глобусомъ*, Экштейномъ, *Французскимъ обозрѣніемъ*; образцами могутъ служить театры англійскій, нѣмецкій и испанскій. Теорія новой драмы извѣстна, разсужденія о драмѣ—превосходны, но образцовыхъ твореній нѣтъ. Опыты Дитмера, Каве, Мериме—драматизированныя явленія, но не драмы. Маршальша д'Анкръ де-Виньи, «Маріонъ де-Лормъ» В. Гюго и «Людовикъ XI» К. Делавиня — не удались, хотя выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ. К. Делавинь, даже отрекшись отъ классицизма, остался классикомъ: въ его піесѣ все вертится на театральной отвагѣ любовника, на самомъ чувствѣ любви,

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 16.

выражаемомъ явленіями мелодраматическими. Де Виньи грѣшитъ отъ излишества системы. «Онъ выдумываетъ, а не создаетъ свою драму». Искусство является «философическою басней»; въ центрѣ — судьба, противъ которой идетъ борьба, — мученія и состраданіе. Склеиваются двѣ любовныя драмы, вводятся цѣлыя явленія для нѣсколькихъ эпиграфическихъ словъ и толпа совершенно стороннихъ лицъ. Есть на лицо все, кромѣ драмы. Викторъ Гюго болѣе приблизился къ созданію драмы въ «Кромвелѣ» и «Эрнани». Въ «Маріонъ де-Лормъ» онъ хотѣлъ дать образецъ драмы, какъ чего-то цѣлаго, самобытнаго, органическаго; въ этой драмѣ есть цѣлость и единство, но не драматическія, такъ какъ первое дѣйствіе приставлено для счета; Маріонъ—личность отвратительная, облеченная поэзіей исключительно изъ желанія, на зло классицизму, сдѣлать прекраснымъ безобразное, и на случайности— поединкѣ и противоположности характеровъ основано все твореніе.

Классицизмъ Делавиня, лиризмъ Гюго, излишество въ теоріи Виньи—недостатки, которыхъ долженъ остерегаться истинный драматическій поэтъ. Нельзя слишкомъ держаться за теорію во время творчества... Въ драмѣ раскрываются тайны души человѣческой: человѣкъ борется съ судьбой, подавляется неравенствомъ борьбы, запутывается въ таинственныхъ узлахъ страстей. Въ исторической драмѣ надо умѣть разгадать тайну судьбы въ избранномъ событіи и возсоздать его. Поэту драматическому мало восторга: онъ долженъ глубоко изучать міръ и природу, а не теорію: «надобна шекспировская отвага думъ и познаніе всего, что мы узнали послѣ Шекспира». Будущая судьба драмы ясна изъ того, что появляется во Франціи. Увлеченные новизной, зрители за сильныя средства новой драмы прощаютъ ея слабую сущность. А новые писатели—стрѣлки, посланные для расчистки дороги генію; среди нихъ бываютъ и мелкіе; но ихъ паденіе на полѣ битвы—весьма поучительно.

Дюма—одинъ изъ мелкихъ бойцовъ; онъ не Гюго, но человѣкъ съ дарованіемъ и безжалостно пользуется удобствами новой драмы. Его піесы—«недостаточныя усилія смѣльчака овладѣть исторической драмой». Въ «Терезѣ»—пылкость дарованія, безразсудная отвага въ завязкѣ и развязкѣ, намекъ характеровъ истинной драмы, тѣнь таинственной судьбы — все въ мелкихъ отношеніяхъ, «набросанныхъ безъ разбора»; многое излишне, многое недостаточно, и очеркъ выходитъ далеко не геніальный. Но, при новыхъ средствахъ, и небольшое дарованіе производитъ

сильное впечатлѣніе. Другая піеса Дюма, «Наполеонъ Бонапарте», есть явленіе «мгновенное»; но литературный родъ, къ которому она относится, занимаетъ извѣстное мѣсто въ исторіи [1]). Всѣ изображаемыя въ ней происшествія, даже почти всѣ слова взяты изъ исторіи чисто «механическимъ» образомъ: благодаря этому, естественно возникаетъ вопросъ объ отношеніи поэзіи къ исторіи. Безъ сомнѣнія, существуетъ различіе между истиннымъ и прекраснымъ: не все, представленное вѣрно, можетъ замѣнить искусство. «Нѣтъ, поэзія имѣетъ совершенно отличный характеръ отъ истины. Истина всегда основана на томъ, что есть или было, а поэтъ творитъ иногда и то, чего до его творенія не было въ существенности, чего не видѣлъ ничей глазъ, не слышало ничье ухо».

Потому нельзя представить истину въ поэтическомъ созданіи такъ, чтобы смотрѣть на это, какъ на «видимое», а не какъ на символъ идей и чувствъ, таящихся въ душѣ поэта. Не мы подчинены предметамъ, а предметы намъ; поэзія не въ предметахъ, а въ насъ самихъ. Человѣкъ восхищается тѣмъ, что находитъ въ душѣ его отзывъ, который дѣйствуетъ на нравственныя силы.

Подобныя чувства должно пробуждать поэтическое твореніе. Между тѣмъ, простое представленіе событія вызоветъ только досаду, такъ какъ повтореніе всякаго факта есть нѣчто смѣшное, карикатурное, не имѣющее ничего общаго съ историческою дѣйствительностью, гдѣ ничто не повторяется. И вотъ, желая представить истинное вмѣсто изящнаго, у насъ жгутъ, рубятъ, терзаютъ на сценѣ—но это ложный взглядъ на искусство.

Дюма умѣетъ понимать поэтическую сторону предметовъ, но слишкомъ увлеченъ новою школою. Онъ хотѣлъ представить Наполеона, но не измѣрилъ высоты явленія, не проникъ въ невидимый духъ его и общій планъ драмы, во всѣ слова дѣйствующихъ лицъ и подробности. Его піеса—неодушевленныя части какого-то исполина: зритель видитъ необычайное, но не понимаетъ, такъ какъ видитъ однѣ подробности. На самомъ дѣлѣ, всякое явленіе понятно только тогда, когда выразилось вполнѣ: поэтъ оживляетъ идею своимъ магическимъ прикосновеніемъ. Надо было выбрать рѣшительный моментъ, въ который «Наполеонъ являлся со всею силою своего генія, но представить такъ, чтобы мы понимали и прошедшее, и будущее его дивнаго полета, его странно

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*. 1832, № 15.

судьбы». Наполеонъ—выводъ историческихъ событій; разъ въ немъ сосредоточились вѣка, его нельзя изобразить въ нѣсколькихъ сценахъ изъ его жизни.

Кромѣ піесъ Дюма, отмѣчены критикой также и русскія трагедіи, написанныя въ новомъ духѣ, въ подражаніе западно-европейскимъ образцамъ—«Ермакъ» и «Димитрій Самозванецъ» Алексѣя Хомякова [1]).

Теорія драматической поэзіи—говорится въ рецензіи, написанной по поводу «Ермака»—изслѣдована до высокой степени совершенства; эта теорія—одна, какъ одна истина; почти всѣ главные теоретическіе вопросы драмы рѣшены, остаются частности, въ родѣ единствъ (?), выбора прозы или стиховъ, которыя сообразуются съ языкомъ и обычаями каждаго народа отдѣльно.

Истинная теорія драмы не подтверждается практикой ни у насъ, ни у французовъ. Нѣтъ произведеній, достойныхъ теоріи Шлегелей, Экштейновъ; ни Альфредъ де Виньи, ни Викторъ Гюго, ни Пушкинъ не удовлетворяютъ насъ. Причина подобнаго явленія заключается въ новизнѣ теоріи, излагавшейся среди бурной полемики. Современные романтическіе писатели, безотчетно для самихъ себя, часто находятся еще подъ вліяніемъ классической драмы, а новая теорія основывается на изученіи чужеземныхъ произведеній. Новая же русская драма («Борисъ Годуновъ», «Ермакъ» и др.) явилась не изъ души, проникшей въ смыслъ событій; Пушкинъ слишкомъ «матеріально» подражалъ Шекспиру, не сообразивъ различія временъ и народовъ.

И вотъ, сбросивъ оковы условныхъ стѣснительныхъ правилъ, авторъ «Ермака» «могъ дать полную свободу своему воображенію и думать объ одномъ неизбѣжномъ единствѣ дѣйствія, объ одномъ интересѣ, общемъ во всѣхъ частяхъ драмы, которыя должны принадлежать къ одному главному событію». Новыя, неусловныя требованія заключаются не въ систематическомъ восторгѣ, а во вдохновеніи истинномъ, въ одушевленіи какимъ-нибудь поэтическимъ предметомъ, который облекается искусствомъ въ осязаемыя формы; наклонность же къ исторической драмѣ объясняется тѣмъ, что произведеніе тогда ближе къ истинѣ поэтической, когда основаніе его взято изъ дѣйствительности, такъ какъ человѣческое воображеніе не въ силахъ изобрѣсти ни одного такого поэтическаго событія, какихъ тысячи представитъ исторія.

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 6; 1834, № 5.

Надо умѣть развить безстрастный разсказъ исторіи «и провидѣть» истину, подобно Шекспиру.

Авторъ «Ермака» чуждался единствъ времени и мѣста; у него нѣтъ шестистопныхъ ямбовъ съ риѳмами, нѣтъ натяжки въ изложеніи. Онъ вдохновлялся предметомъ историческимъ, и — что важно, предметъ этотъ—поэтическій. Но онъ не захотѣлъ видѣть того, что видятъ всѣ, не захотѣлъ изобразить въ «Ермакѣ» завоевателя Сибири: онъ ввелъ его въ трагедію, основанную *на вымыслѣ*, раскрасилъ историческое событіе любовью, проклятіемъ отца, невѣстою. Въ трагедіи Сибирь уже завоевана. Начавъ такъ, авторъ лишилъ ее цѣлости, уничтожилъ единство дѣйствія въ жизни Ермака, рѣшившагося искупить прежнюю жизнь разбойника геройскими подвигами. Отрѣшившихъ отъ поэтическаго начала избраннаго событія, авторъ сталъ путать узлы изъ гнилыхъ ветхихъ нитокъ любви, измѣны, проклятія. Въ трагедіи есть монологи, стремленія къ эффекту, лишнія дѣйствія, въ которыхъ нѣтъ ни завязки интриги, ни развитія характеровъ и которыя можно выкинуть, не повредивъ произведенію. Ермакъ вышелъ не вѣрнымъ слугой царскимъ, мужественнымъ и простосердечнымъ казакомъ, а рыцаремъ Баярдомъ, вздыхателемъ по небывалой Ольгѣ; дѣйствующія лица, среди которыхъ есть много вводныхъ, ненужныхъ, не казаки, а нѣмецкіе студенты.

Авторъ только наружно сложилъ съ себя оковы классическія: нарушеніе единствъ послужило ему во вредъ, давъ возможность нарушить необходимое единство дѣйствія; въ піесѣ не оказывается плана и направленія къ одной цѣли; языкъ дѣйствующихъ лицъ не сообразенъ ни съ вѣкомъ, ни съ историческою истиною. Разномѣрные, вольные стихи безъ риѳмы служатъ громкимъ опроверженіемъ защитниковъ шестистопнаго ямба съ риѳмою: стихи Хомякова—прекрасны.

Къ «Димитрію Самозванцу» критика отнеслась болѣе благосклонно [1]). Историческій сюжетъ, интересовавшій Сумарокова, Нарѣжнаго и Пушкина, былъ счастливѣе, чѣмъ прежде, обработанъ Хомяковымъ. Димитрій представленъ такимъ, какимъ мы его воображаемъ, и въ сходствѣ идеала съ видимымъ на сценѣ лицомъ состоитъ успѣхъ автора, который, не обезображивая исторической личности, умѣлъ сдѣлать ее поэтической. Самозванецъ изображенъ достигшимъ престола; но въ самомъ характерѣ его—причина ее

[1]) *Московскій Телеграфъ*. 1834, № 5.

енія. Онъ знаетъ свое самозванство, и надѣется побѣдами
адить хищеніе; онъ пылокъ, неукротимъ и не всегда осмо-
теленъ... Крушеніе власти изображено искусно: самъ Димитрій,
юляя служить въ Кремлѣ латинскія обѣдни, способствуетъ
растанію неудовольствія придворныхъ и народа. Но въ общемъ
ѣ дѣйствія и окончательной сценѣ не видно явной кары зло-
нія: авторъ идетъ къ развязкѣ нерѣшительно и какъ—будто
юходомъ кончаетъ трагедію смертью Димитрія... А случайность—
рганическій выводъ. Взрывъ мести народной представленъ въ
ихъ, противорѣчащихъ цѣлому очеркахъ: дочитавъ трагедію,
но еще ожидать развязки. Это понятно, такъ какъ Лже-Ди-
ій былъ только эпизодъ обширнѣйшей драмы, и его мгновен-
роль – не разгадана безъ связи съ предыдущими и послѣду-
ми событіями. Не смотря на пробѣлы, трагедія—утѣшительное
ніе для драматургіи подостоинству и возбуждаемымъ надеждамъ;
и въ ней соотвѣтствуютъ измѣненіямъ дѣйствія и страстей.
Інтересъ къ французской драматической литературѣ, проя-
шійся въ критическихъ статьяхъ *Московскаго Телеграфа*, раз-
ся параллельно съ увлеченіемъ нѣмецкимъ театромъ, кото-
было отличительной чертой всѣхъ сотрудниковъ *Московскаго*
пника. Для характеристики направленія *Московскаго Вѣстника*
гъ служить разборы С. П. Шевырева, одного изъ главныхъ
щниковъ Погодина въ дѣлѣ изданія.
ъ этихъ разборахъ, касающихся Шекспира, Гете и Виктора
нжа, достаточно ясно и разносторонне выясняются взгляды
раму кружка московскихъ философовъ-шеллингистовъ.
реклоненіе передъ Шекспиромъ было самое искреннее. «Если
ревніе прочли трагедіи Шекспировы», говоритъ Шевыревъ [1]):
вѣрно изобрѣли бы преданіе о новомъ Прометеѣ»: «они съ
неніемъ сказали бы, что Шекспиръ выше Прометея». Но су-
классицизмъ отомстилъ Шекспиру, сдѣлалъ изъ его прототи-
куколъ, заключилъ его самого «въ тѣсную темницу единствъ»,
залъ его оковами риѳмы, а исполинскія силы генія истощилъ
тою діэтою своей мертвой теоріи». Передѣлки Дюсиса и рус-
ь литераторовъ ознакомили наше общество съ англійской
ой: «Отелло» и «Лиръ», перекроенные изъ французскихъ под-

---

1) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, № 12. Статья С. П. Шевырева написана
оводу одной передѣлки „Отелло" Шекспира, вышедшей на рус-
ь языкѣ.

ражаній, играются на сценѣ, и красоты Шекспира являются въ искалѣченномъ видѣ.

Разсматривая одинъ типъ Отелло, можно удивляться «высокой идеѣ характера» и «искусной постепенности, съ которою поэтъ развиваетъ страсть ужасную, превратившуюся изъ искры въ пожаръ губительный». Изъ основныхъ стихій африканской чувственной природы развивается въ «Отелло» «и то рѣшительное мужество, которымъ онъ спасъ Венецію, и то открытое благородство, которое всѣмъ внушаетъ любовь и сожалѣніе къ мавру, и та безыскусственная простота, незнакомая гражданскимъ обществамъ, которая пріобрѣла ему вѣрную Дездемону и вовлекла его въ сѣти коварнаго Яго», и «чувственная любовь, пылающая огнемъ знойнаго неутомимаго сладострастія, любовь, чуждая слабонервнымъ европейцамъ», съ которою «совмѣстны свирѣпая ревность и брюзгливый любовный эгоизмъ», «все исключающій, не терпящій соперника въ своихъ наслажденіяхъ, не сносящій мысли, что пьютъ изъ одного съ нимъ сосуда». «Огромный исполинъ, только въ самомъ себѣ, и именно въ зародышѣ силъ своихъ носящій роковую каплю яда, которая одна только могла преждевременно погубить его: Ахиллесъ, ничѣмъ не приступный жалу смерти, кромѣ пяты, незакаленной въ водахъ Стикса; удавъ, котораго никто не побѣждаетъ, кромѣ его собственнаго пресыщенія: вотъ основная идея олицетворенная въ гигантскомъ характерѣ Отелло». Русскій подражатель видѣлъ въ Шекспирѣ «чудовище», надѣленное нѣкоторыми прекрасными свойствами, и потому изуродовалъ его произведенія. Удовлетворяя публикѣ и ложнымъ теоріямъ, онъ выкидывалъ нѣкоторыя части, склеивалъ разрозненныя, безъ всякой послѣдовательности; «характеры человѣческіе превращалъ въ крикливыя страсти»; по примѣру своихъ предшественниковъ, не придавалъ значенія дѣйствію, обращалъ его въ декламацію, вымышлялъ самыя сложныя и несообразныя интриги. Въ результатѣ, получилась піеса, въ которой Отелло погибалъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, ходъ событія былъ до крайности не естественъ и противорѣчилъ возможной дѣйствительности, а все герои говорили однимъ языкомъ, ходили на ходуляхъ... Исчезъ живое драматическое дѣйствіе, исказилась простая, сильная рѣчь мѣняющаяся сообразно развитію чувства; вмѣсто живыхъ людей появляются какія-то куклы, говорящія по произволу автора, который смотритъ на высокое драматическое искусство, какъ средство писать хорошіе стихи».

Въ то время, какъ во Франціи увлекались ложноклассическими ріями подражанія природѣ, затѣмъ переходили къ «слезной медіи» и уродливымъ искаженіямъ драмъ Шекспира въ обработкѣ Дюсиса, столь популярнаго въ Россіи, Германія не подчинилась французскому вліянію [1]). «Гецъ фонъ-Берлихингенъ» служитъ выраженіемъ намѣреній автора окончательно «*свергнуть ковы школы французской*» и «цѣлый вѣкъ или цѣлый народъ ѣлать предметомъ трагедіи».

«Для исполненія сего плана Гете прилежно изучалъ исторію V и XVI столѣтій; особенно важнымъ источникомъ служила для его жизнь Геца, имъ самимъ написанная».

Шекспировскіе пріемы, обнаружившіеся въ «сближеніи искусства съ исторіею, съ жизнью» и въ «представленіи не одной какой-либо страсти», но «всего человѣка, какъ онъ есть, съ его ложными, запутанными страстями, съ его высокими мыслями, чувствами», повторились черезъ два вѣка въ твореніяхъ Гете, который еще, съ своей стороны, способствовалъ ихъ усовершенствованію. Если Шекспиръ «выводилъ только важныя лица историческія» и «жизнь его трагедій, какъ исторія Гюмова, заключалась въ одной жизни царей», то Гете «раскрылъ новые виды ія самой исторіи» и показалъ на примѣрѣ, что исторія, эта всеобщая драма рода человѣческаго», должна быть «живою, одушевленною картиною людей всякаго рода, во всѣхъ сословіяхъ, всѣхъ положеніяхъ жизни». И можно не изучать исторіи Германіи XVI вѣка, прочитавъ драму Гете.

«Въ Гецѣ вы видите послѣднюю отрасль благороднаго рыцаря среднихъ временъ, сочетавшаго отъ природы любовь къ правосудію и невинности съ великодушнымъ самоотверженіемъ, съ утомимою дѣятельностью, съ покорностью верховной власти. Какъ превосходно представлено оно въ бореніи съ эгоизмомъ ятныхъ людей, свившихъ себѣ огромное гнѣздо подъ ступенями трона. Смерть Геца есть апоѳеоза сего свободнаго рыцаря, посвятившаго себя на охраненіе правъ человѣчества: вмѣстѣ послѣднимъ вздохомъ, съ благородною душою послѣдняго рыцаря, вылетѣло и послѣднее слово: свобода!»

Въ «Гецѣ» есть и недостатки: нѣтъ законченности отдѣлки, ѣтъ приспособленія къ сценической постановкѣ; однако трудно орицать за это автора, написавшаго піесу въ шесть недѣль и

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, №№ 21—22.

вполнѣ согласившагося, что она—«быстрый, на скорую руку накинутый, но мастерской очеркъ». Кромѣ того, сочиняя «Геца» для сцены, Гете «долженъ бы былъ заключить дѣйствіе въ разсказы,—и, вѣроятно, не одной прекрасной, живой черты мы лишились бы отъ такой передѣлки».

Для оцѣнки направленія *Московскаго Вѣстника* любопытенъ отзывъ Шевырева о піесѣ Виктора Дюканжа: «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока», переведенной съ французскаго Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ. Любители французской литературы считали эту драму образцомъ прекраснѣйшей трилогіи [1]): иначе смотрѣлъ на нее Шевыревъ, испытавшій по прочтеніи ея «непріятное стѣсненіе души и вынесшій «ужасныя впечатлѣнія» [2]). Мелодрама Дюканжа, по мнѣнію критика, есть «живое доказательство упадка французской сцены», «прежде чистой и опрятной, а теперь политой потоками крови».

«Всѣ закулисные ужасы, о коихъ молва доходила до слушателей въ однихъ только монологахъ, теперь представляются на дѣлѣ. Тамъ, гдѣ прежде раздавались одни звучные стихи Расина, теперь раздаются стоны зарѣзанныхъ. Если бы воскреснулъ Лагарпъ, что бы сказалъ онъ, увидѣвъ, какъ его соотечественники превзошли въ кровопролитіи самого Кребильона. Ужъ не одни цари являются въ трагедіяхъ, уже разрушено единство мѣста и времени, уже лицамъ дѣйствующимъ позволяютъ дожить до старости на сценѣ, уже въ первомъ дѣйствіи допускаютъ они смерть»... И Дюканжъ «превзошелъ *всѣхъ своихъ соперниковъ въ ужасахъ мелодрамы*».

Зрѣлища, въ которыхъ унижается человѣчество, не могутъ облагораживать сердца, а способствуютъ ихъ огрубѣнію. Злодѣйства и злодѣи терпимы на сценѣ лишь тогда, когда они являются орудіями неисповѣдимаго Промысла, который иногда искушаетъ или наказуетъ виновное человѣчество, когда въ нихъ ясно обнаруживаются «не гнусные разбойники, губящіе все изъ какой-либо низкой страсти, но самая судьба, ихъ руками карающая людей и землю».

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1830 г., № 19, стр. 467—468: „Каждое дѣйствіе сей драмы есть цѣлая піеса, имѣющая дѣйствіе, завязку и развязку, и соединеніе ихъ образуетъ новую піесу, болѣе возвышенную и занимательную". Съ приведеннымъ мнѣніемъ одного французскаго журнала былъ, очевидно, согласенъ сотрудникъ *Телеграфа*, изложившій его на русскомъ языкѣ.

[2]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828 г., № 2, стр. 234.

«Облейте всю сцену моремъ крови; но покажите надъ симъ зрѣлищемъ перстъ Божій, и человѣкъ, не отвращаясь отъ него, съ благоговѣніемъ будетъ лобзать разящую десницу и видомъ страждущихъ жертвъ укрѣплять собственную душу. Сколько такихъ явленій представляетъ намъ исторія, которыя для насъ не отвратительны, потому что мы въ нихъ признаемъ высшую необходимость, противъ коей человѣкъ безмолвствуетъ. Итакъ только въ этомъ отношеніи и злодѣйство, и все ужасное можетъ быть предметомъ изящнаго произведенія. Потому только возможны въ поэзіи Эдипы, Макбеты, Нероны, Аттиллы».

Но человѣкъ со вкусомъ не можетъ допускать на сценѣ героевъ, въ родѣ «Игрока», который, охваченный страстью наживы, сначала хотѣлъ грабить игрой въ карты, а затѣмъ рѣзать на дорогахъ.

Въ *Сынѣ Отечества*, выходившемъ подъ редакціей Н. И. Греча и примкнувшемъ къ группѣ журналовъ, проводившихъ новые теоретическіе взгляды въ области русской словесности, были помѣщены двѣ не лишенныя интереса рецензіи на историческую драму М. П. Погодина «Марѳа Посадница» и пушкинскаго «Бориса Годунова».

По словамъ неизвѣстнаго автора первой рецензіи, современныя ему трагедіи пишутся сообразно съ духомъ новѣйшаго мышленія, и на сценѣ давно нѣтъ ничего, кромѣ ужасовъ. Попытка Погодина осуществить идею романтической теоріи представляется явленіемъ исключительнымъ, и для достиженія намѣченной имъ цѣли, помимо ученыхъ соображеній и системъ, необходимъ творческій талантъ, отсутствіе котораго чувствуется въ данномъ случаѣ. Нельзя думать, что истина — въ крайностяхъ. Желая избѣжать исключительно одной интриги и неправильнаго изображенія историческихъ личностей—недостатковъ ложноклассиковъ, сочинитель «Марѳы Посадницы» лишилъ свою піесу содержанія и просто списывалъ съ исторіи, перелагая въ разговорной формѣ трудъ Карамзина. Между тѣмъ, всякое твореніе должно быть самобытно; поэтъ—не подражатель, а соперникъ природы и судьбы: онъ, по законамъ истины и изящнаго, «творитъ свои идеалы, занимая матеріалы для нихъ изъ исторіи». Предметы послѣдней—мертвы сами по себѣ, понятны и существуютъ лишь для чистаго ума; жизнь же въ явленіяхъ и наслажденіе отъ созерцанія ея доступны чувству, для котораго ничего не сдѣлано въ новой драмѣ, гдѣ, вмѣсто лицъ, воспроизведены событія.

Представить лицъ великихъ, заключающихъ въ себѣ волю народовъ и идею вѣка, воззвать къ жизни забываемое исторіей, минувшее во всей полнотѣ частныхъ и общественныхъ отношеній, объяснить дѣйствительное возможнымъ — цѣль поэта, дополняющаго пробѣлы, существующіе въ научныхъ сочиненіяхъ. Въ драмѣ Погодина не видно этого; въ ней есть еще и другіе недочеты: Марѳа не имѣетъ никакого характера и не занимаетъ приличнаго мѣста, говоря безъ пользы; Борецкій и Іоаннъ нисколько не дѣйствуютъ можно выкинуть любое лицо или явленіе, и цѣлое только сдѣлается лучше, ибо будетъ кратче; языкъ, которому авторъ старался придать народность, забавенъ [1]).

«Борисъ Годуновъ» Пушкина вызвалъ обстоятельную рецензію В. Т. Плаксина, полагавшаго не лишнимъ попутно высказать свои соображенія относительно драмы вообще. Этотъ литературный видъ, съ его точки зрѣнія, являлся «высшимъ развитіемъ изящнаго» и представлялъ собою «живыя дѣянія», рождаемыя «сильными чувствованіями». «Дѣянія» состоятъ въ борьбѣ «душъ сильныхъ» «или съ собственною натурою, или съ игрою случая и прихотью судьбы, или съ ухищреніями и страстями другихъ лицъ». «Если драма *положительно* изящная, *не комическая*, то она отметаетъ все смѣшное», «требуетъ извѣстной идеи», «нуждается въ стройности цѣлаго». Для того, чтобы «держать въ безпрерывномъ напряженіи зрителя и направлять его чувствованія», необходимы единства. «Ихъ считается обыкновенно три: единство дѣйствія, единство времени и единство мѣста; но забываютъ къ тому прибавить четвертое, единство характеровъ, и кажется потому, что сливаютъ оное съ первымъ. Ежели это предположеніе справедливо, почему бы всѣхъ ихъ не слить въ одно единство дѣйствія, ибо подъ симъ послѣднимъ надобно разумѣть не только безпрерывную послѣдовательность случаевъ къ одному концу направленныхъ и развивающихъ ходъ драмы, но и преимущественно то, чтобъ все дѣйствіе имѣло одинаковый характеръ, несмотря ни на какія препятствія, ускоренія и измѣненія, чтобъ каждое лицо, при всѣхъ бореніяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ, дѣйствовало по одному чувствованію или по одной идеѣ; чтобъ физіономія его видна была во всѣхъ многоразличныхъ положеніяхъ; чтобъ желанія и усилія всѣхъ вмѣстѣ самымъ противоборствомъ своимъ составляли одно цѣлое дѣйствіе. Слѣдовательно,

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1832, ч. 149, № 20.

драма можетъ столько обнимать времени, сколько, по естественному ходу дѣлъ, чувствованія и идеи, какъ силы, движущія героевъ, могутъ сохранить свой характеръ. Итакъ, количество времени здѣсь опредѣляется степенью измѣняемости побужденій къ дѣйствію: посему высокая драма ни совершиться не можетъ въ нѣсколько часовъ, ни продолжиться на нѣсколько возрастовъ человѣка. Вотъ единство времени! Мѣсто дѣйствованія подчиняется тѣмъ же условіямъ: впрочемъ перемѣна онаго ограничивается не одною возможностью, но и необходимостью, проистекающею изъ характера дѣйствія и обстоятельствъ, въ которыхъ находятся лица... Зритель можетъ перенестись и за тридевять земель, если необходимый ходъ дѣйствія требуетъ того, такъ, чтобъ мѣсто, развивая оное, не могло быть перемѣнено, не вредя цѣлому». Помимо соблюденія изложенныхъ условій, драматическій писатель обязанъ не противорѣчить истинамъ «метафизическимъ» и «историческимъ»; его твореніе должно быть отраженіемъ «характера того народа и духа того времени, къ которымъ принадлежитъ дѣйствіе», быть нравственнымъ, назидательнымъ и «дѣлать читателя или зрителя чувствительнѣе, добрѣе, благороднѣе». Съ основною идеей должна сообразоваться внѣшняя форма—соотвѣтствующій способъ выраженія.

Драма Пушкина не выдерживаетъ строгой критики. Въ ней дѣйствіе не имѣетъ ни единства, ни полноты; много лишнихъ картинъ и сценъ, вставленныхъ безъ опредѣленной цѣли и не «способствующихъ ходу цѣлаго», и «опущены необходимые случаи»; нѣтъ сильныхъ, возвышенныхъ чувствованій; участіе къ Борису подавляется, а взамѣнъ его возбуждается негодованіе. Годуновъ—не главное лицо, не герой трагедіи: онъ не имѣетъ совсѣмъ характера: дѣйствуетъ меньше, чѣмъ въ исторіи: изображенъ односторонне и не вполнѣ естественно (слишкомъ связна и растянута рѣчь передъ смертью), не надѣленъ свойствами ни идеальными, ни отвѣчающими дѣйствительности... Среди этихъ отрицательныхъ сторонъ есть и положительныя. Хороша характеристика Пимена, превосходны сцены въ Чудовомъ монастырѣ, въ корчмѣ и на литовской границѣ. Вообще, послѣ подробнаго анализа, нельзя не видѣть въ разбираемой піесѣ попытки Пушкина итти впередъ, попытки неудачной, но доказывающей присутствіе таланта поэта и силы его [1]).

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1831, чч. 142—143.

Литературная Газета занимала особое мѣсто среди періодическихъ изданій конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ. На страницахъ ея можно было найти переводы произведеній, по формѣ и содержанію принадлежащихъ къ новой школѣ. И на ряду съ этимъ, въ «Размышленіяхъ и разборахъ» Катенина чувствовалась глухая, скрытая оппозиція нарождавшимся романтическимъ вѣяніямъ. Подобное противорѣчіе вполнѣ объясняется неустановленными литературными взглядами передовыхъ людей эпохи и невольно обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователя.

Расколъ, внесенный «Размышленіями» въ общее направленіе газеты, отразился и на сужденіяхъ ея о драмѣ. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательны сужденія издателя—барона Дельвига, написавшаго разборъ «Бориса Годунова», и катенинскія статьи, трактующія объ А. В. Шлегелѣ и Шекспирѣ, передъ которымъ преклонялись драматурги новой школы.

Другъ и пріятель Пушкина. Дельвигъ «отъ чистаго сердца» привѣтствовалъ появленіе въ печати «Бориса Годунова» [1]).

Въ теченіе долгаго времени критики не могли опредѣлить, къ какому роду «поэтическихъ произведеній» принадлежитъ драма Пушкина. Недоумѣніе критиковъ, по мнѣнію Дельвига, зависитъ отъ неправильной постановки задачъ, которыя они стремились разрѣшить.

«Воображать, чтобы законы какой-нибудь поэмы, трагедіи и проч. были непремѣнными мѣрилами піесъ, послѣ нихъ написанныхъ,—и смѣшно, и недостойно человѣка мыслящаго. Пора убѣдиться намъ, что человѣкъ, какъ бы ученъ ни былъ, сколько бы правилъ ни зналъ, но неимѣющій поэтическаго таланта, ничего необыкновеннаго не напишетъ. Сколько французовъ, сколько русскихъ слѣпо вѣрили въ правила французской драматургіи; и что же они написали? Ничего, что́ бы можно было читать послѣ Расина, который не по тремъ единствамъ читается, перечитывается и будетъ читаться, а по чему-то иному, чего къ несчастью и недостаетъ его ученымъ подражателямъ».

«Борисъ Годуновъ» радуетъ Дельвига, какъ наглядный показатель устарѣлости прежнихъ теорій. «Вдохновенное соображеніе» замѣнило Пушкину ложноклассическія правила и дало возможность проявиться въ полномъ блескѣ его могучимъ дарованіямъ.

---

[1]) *Литературная Газета*, 1831, №№ 1, 2.

Постепенный ростъ таланта поэта замѣтенъ еще въ «Полтавѣ», оторая «поражаетъ» «этой важной простотой», «чуждой блестящихъ эффектовъ, но богатой поэзіей истины». Уже здѣсь «поэтъ ѣдко выходитъ на сцену и не говоритъ изъ-за кулисъ вмѣсто ѣйствующихъ лицъ», а этихъ лицъ «и съ исторіей въ рукѣ ничто не уличитъ въ ихъ самозванствѣ».

Всѣ эти черты сохранились въ «Борисѣ Годуновѣ», съ соблюденіемъ и иныхъ условій, «предписанныхъ искусству самою природой».

Единство дѣйствія, зависящее отъ центральной, всѣмъ управляющей личности Бориса, способствуетъ цѣлости впечатлѣнія читателей.

«Подобно солнцу, силою своею въ порядкѣ управляющему цѣлой системой планетъ, Борисъ Годуновъ до послѣдняго издыханія великимъ умомъ все держитъ, надъ всѣми властвуетъ. Куда поэтъ ни переносится, вездѣ вліяніе Бориса видимо, и только одна смерть его взвела на престолъ самозванца».

И характеръ правителя не «блѣденъ» и «безжизненъ», а строго выдержанъ и обрисованъ такими яркими красками, что мы «видимъ самые тайные изгибы сердца его и вездѣ признаемъ подлинность нами видимаго».

Годуновъ—настоящій трагическій герой, такъ какъ онъ—«великъ, достоинъ царствовать и быть благодѣтелемъ рода человѣческаго»; но въ то же время онъ—человѣкъ, «униженный ужаснымъ подѣяніемъ, которое, какъ фурія, его преслѣдуетъ и на каждое доброе дѣло его накидываетъ покровъ отвратительный».

Муки, испытываемыя Борисомъ, возбуждаютъ мысль о возмездіи Провидѣнія преступившимъ нравственные законы. «Видя хотя и заслуженныя страданія великаго человѣка, невольно *умиляешься*, невольно вѣришь, что кара за убіеніе невиннаго царевича падаетъ на одну голову его, и не тронетъ его невиннаго сына: но за чистую кровь Димитрія небо потребовало чистой жертвы, и намъ, знающимъ судьбу его семейства, тѣмъ *трогательнѣе* кажутся послѣднія слова умирающаго Бориса, вотще наставляющаго сына, какъ царствовать». Такова рецензія Дельвига на «Бориса Годунова»...

Совершенно противоположныхъ воззрѣній держался Катенинъ, воспитавшій свой вкусъ на изученіи классическихъ и ложноклассическихъ образцовъ. Онъ не любитъ Августа-Вильгельма Шлегеля, какъ главу новой романтической школы въ Германіи, и от-

носится съ предубѣжденіемъ къ Шекспиру [1]). «Хитрый раскольникъ» Шлегель, по представленіямъ Катенина, вѣчно «противорѣчитъ себѣ»; онъ «напалъ на французовъ всѣми силами, не жалѣя въ рѣшительномъ бою никакого оружія», и «принесъ цѣлый театръ, справедливо во всѣхъ отношеніяхъ слывущій первымъ въ Европѣ, въ жертву своему полубогу Шекспиру, имъ на нѣмецкій языкъ переведенному» [2]). И этотъ полубогъ имѣетъ много недостатковъ, рѣжущихъ глаза въ его произведеніяхъ. Первый изъ нихъ—отсутствіе «краски времени и мѣста», т.-е. народности: «жители юга» у Шекспира «всѣ напитаны ростбифомъ и пудингомъ ...» [3]) Не менѣе крупный пробѣлъ составляетъ и неумѣлое смѣшеніе элементовъ трагическаго съ комическимъ.

«Въ содержаніи истинно-трагическомъ, я не знаю, кому и надъ чѣмъ смѣяться: но въ содержаніяхъ полутрагическихъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть дѣло перемѣшано съ бездѣльемъ: только искусство потребно, чтобы переходы отъ одного къ другому, и въ дѣйствіи, и въ разговорѣ, были непримѣтны, чтобы не было непріятныхъ скачковъ, чтобы, такъ сказать, слезы не высыхали въ глазахъ, пока уста смѣются». Не то встрѣчаемъ въ піесахъ Шекспира, «гдѣ иногда двѣ половины, благородная и карикатурная», почти безъ связи между собою, гдѣ можно любую пропустить въ чтеніи или выкинуть въ представленіи, не задѣвая другой, гдѣ послѣ сильнѣйшихъ впечатлѣній ужаса и жалости безстыдно появляются пошлыя гаерства и питейныя поговорки» [4]).

Вообще Шекспиръ, «по всѣмъ обстоятельствамъ, не могъ имѣть ни тѣхъ свѣдѣній, ни того изящнаго вкуса, ни даже того терпѣнія и досуга, безъ коихъ никакой геній не сотворитъ трагедій, достойныхъ у безпристрастныхъ и знающихъ судей стать наравнѣ съ мельпоменой аѳинской» [5]).

Сравняться съ этой мельпоменой могли только французы: изъ ихъ произведеній должно извлекать правила настоящаго художе-

---

[1]) См. *Литературную Газету*, 1830, passim; также статью Е. В. Тухова, въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, 1888, № 9.

[2]) Впрочемъ, Катенинъ не отрицалъ даровитости Шлегеля, называ его «отличнымъ критикомъ», съ мнѣніями котораго можно иногда сог шаться (ср. сужденія Шлегеля объ Эврипидѣ). *Литературная Газе* 1830, № 68, стр. 260.

[3]) Тамъ же, № 71, стр. 283.

[4]) Тамъ же, № 71, стр. 283.

[5]) Тамъ же, № 11, стр. 87.

гвеннаго творчества, одно упоминаніе о которыхъ приводитъ сѣхъ въ волненіе, какъ злодѣевъ упоминаніе о законѣ. Между ѣмъ «сердиться» совсѣмъ не изъ-за чего, потому что эти пра-ила—«краткія изложенія истины, разсудкомъ замѣченной и опы-омъ подтвержденной» [1]).

«Непреложнымъ» основаніемъ «всѣхъ искусствъ» являются инства, и «всякій художникъ, знающій свое дѣло, старается со-ранить ихъ какъ можно болѣе». Они нарушаются лишь въ исклю-ительныхъ случаяхъ, для бо́льшей красоты цѣлаго; и «безъ нужды тдаляться отъ нихъ—неумѣнье, а нарочно, или, такъ сказать, на ло—порицанія достойное упрямство» [2]). Дѣйствіе, длящееся въ изни три часа, будучи представлено въ этотъ же промежутокъ ремени, *очаровываетъ* зрителя и *заставляетъ его вѣрить* въ свою ѣйствительность; трехгодовое дѣйствіе, представленное въ три аса, побуждаетъ автора кое-что выпустить, кое-что насильственно близить, а пропущенное *излагать* послѣ каждаго промежутка ежду двумя явленіями. Единствъ уничтожить нельзя, такъ какъ рама зданія не раздвинется и часы представленія слишкомъ астянутся» [3]).

Слѣдуетъ избѣгать не только множества мѣстъ, но и множе-гва лицъ, которыя «либо не привлекутъ вниманія, и безполезны, ибо развлекутъ его, и вредны» [4]).

Всѣ высказанныя Катенинымъ мысли характеризируютъ его, акъ убѣжденнаго классика, склоннаго защищать отъ нападеній омантиковъ французскую трагедію семнадцатаго и восемнадца-аго столѣтій. Такимъ онъ и былъ до конца своей литературной ѣятельности.

Отстаивая пять дѣйствій въ драматическомъ произведеніи на основаніи такого же обычая, сохраненнаго англичанами и нѣм-ами; отстаивая «александрины», хотя и трудные для поэта, но выгодные для декламаціи [5]), Катенинъ находилъ, что въ «Борисѣ Годуновѣ» «плана никакого... все набросано»... [6]).

Годъ смерти барона Дельвига и прекращенія *Литературной*

---

[1]) *Литературная Газета*, 1830, № 67, стр. 252.
[2]) Тамъ же, № 67, стр. 253.
[3]) Тамъ же, № 67, стр. 253.
[4]) Тамъ же, № 70, стр. 277.
[5]) Тамъ же, № 71, стр. 283—284.
[6]) „Пушкинскій сборникъ“ Московскаго университета. М. 1900, стр. 27.

Газеты былъ въ то же время годомъ основанія другого, не менѣе крупнаго періодическаго изданія начала тридцатыхъ годовъ— *Телескопа.* Задавшійся цѣлью сдѣлать свой журналъ органомъ новѣйшаго европейскаго просвѣщенія, Надеждинъ обращалъ особенное вниманіе на произведенія наиболѣе выдающихся французскихъ писателей и только изрѣдка касался нѣмецкой литературы.. Въ числѣ помѣщенныхъ въ *Телескопѣ* критическихъ статей были замѣчательны тѣ, которыя указывали на не ослабѣвающій въ русской журналистикѣ интересъ къ западно-европейской драмѣ. Изъ оригинальныхъ сужденій о послѣдней особенно выдѣляются два: одно, высказанное по поводу «Чаттертона» Альфреда де Виньи: другое — самого Надеждина, вызванное появленіемъ въ печати «Бориса Годунова» Пушкина.

Разборъ «Чаттертона» [1]) начинается приведеніемъ отзывовъ объ этой піесѣ иностранной критики. По мнѣнію этой критики, «Чаттертонъ», при всѣхъ своихъ высокихъ качествахъ, страдаетъ однимъ крупнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ дѣйствія и похожъ скорѣе не на драму, а на «прекрасную думу, богатую чистыми и святыми картинами, свѣжею живописью, вѣрными и пріятными подробностями и вмѣстѣ горькими откровеніями».

Есть два рода произведеній: состоящія изъ одного дѣйствія и основанныя на одномъ философскомъ анализѣ. «Въ произведеніи перваго рода нѣтъ ничего литературнаго, ничего, что бы заслуживало вниманіе людей съ умомъ. Но анализъ безъ дѣйствія не менѣе безсиленъ, какъ и дѣйствіе безъ анализа. Необъяснимое дѣйствіе, движеніе безъ философіи понравится одной черни. Но философія безъ движенія, философія свободная и самовластная, царствующая безъ противодѣйствія надъ міромъ идей, должна относиться только къ ученымъ читателямъ и не можетъ ожидать вниманія на театрѣ». И въ піесѣ Виньи «неистощимый» анализъ «не можетъ пополнить недостатка въ дѣйствіи».

Приведенные взгляды на драму Густава Планша оказали воз— дѣйствіе на русскаго рецензента, давшаго свое заключеніе — нихъ и высказавшаго свои собственныя сужденія.

«Густавъ Планшъ», говоритъ сотрудникъ *Телескопа*: «из— являетъ желаніе, чтобы какой-нибудь поэтъ соединилъ въ дра— ѣ своей главныя ея стихіи: матеріальное дѣйствіе, великолѣпн— й спектакль и анализъ души, — стихіи, которыя раздробились — а

[1]) *Телескопъ.* 1835, ч. 26, стр. 418 и слѣд.

Дюма, Гюго и де-Виньи». Къ пожеланіямъ Планша со-
къ *Телескопа* прибавляетъ свое, «чтобы кто-нибудь не
за такую драму по системѣ», такъ какъ она въ подобномъ
соединитъ недостатки всѣхъ трехъ поименованныхъ авто-
«Вѣчная, какъ эпопея и лирика», драма, какъ онѣ, «живетъ,
ждается, принимаетъ тысячи видовъ, отличается вѣкомъ,
остью, индивидуальностью». «Въ нашъ вѣкъ, когда частныя
оміи европейскихъ народовъ слились въ общую, когда
и искусство всѣхъ временъ и всѣхъ странъ сдѣлались
томъ общаго вниманія, когда устранились уничижительные
ловѣчества предразсудки, мѣстности и привычки, въ нашъ
-возможны всѣ роды драмы, лишь бы они были естествен-
выраженіемъ души».
удное смѣшеніе германскаго генія съ древнимъ прекрасно
ітно» въ «Мессинской невѣстѣ» Шиллера, отличаясь полной
венностью; напротивъ, «жалокъ и неудаченъ» «Аристофанъ»
Шаховского, такъ какъ созданъ «вслѣдствіе предположенной

редѣленной драматической системы въ 30-хъ годахъ быть
жетъ. «Степень матеріальнаго дѣйствія, великолѣпнаго
кля, опредѣляется идеею драмы, а идея драмы фантазіею
, хотя, конечно, та же «Мессинская невѣста» не можетъ
ждать общій интересъ», какъ «Гецъ фонъ-Берлихингенъ»
Вильгельмъ Телль».
ѣ требованія, предъявляемыя русскимъ критикомъ къ ро-
ческой драмѣ, сводятся къ слѣдующему: «Для честнаго
драмы на нынѣшней сценѣ, она должна быть взята изъ
о, изъ близкаго или хорошо намъ знакомаго общества,
а имѣть народный, современный или общій человѣческій
есъ, должна быть обработана свободно, поэтически, не подчи-
уждымъ формамъ и не обвѣшена, безъ внутренней необходи-
сценическими побрякушками, извѣстными подъ именемъ пате-
ихъ мѣстъ, матеріальнаго дѣйствія, великолѣпнаго спектакля».
до «сжечь Бориса Годунова»—вотъ былъ выводъ, который
ъ изъ своихъ критическихъ соображеній Надеждинъ, со-
къ *Вѣстника Европы*; но значительная перемѣна про-
а въ его воззрѣніяхъ, когда онъ сдѣлался редакторомъ
копа [1]), въ которомъ помѣстилъ обстоятельную и скорѣе

Телескопъ, 1831, ч. I, № 4.

хвалебную статью о драмѣ Пушкина. «Борисъ Годуновъ»—пиш
Надеждинъ — не драма, не драматическая поэма, не нѣмец
Schauspiel, не Autos Historiales испанцевъ, даже не шекспи
ская хроника, «написанная для театра и посему болѣе или ме
подчиненная условіямъ сценики»; это—«рядъ историческихъ сцен
«эпизодъ исторіи въ лицахъ», «новый способъ поэтическаго пр
ставленія событій». Поводъ къ развитію новаго литературн
вида былъ поданъ романами В. Скотта, которыми «не умеда
воспользоваться» «французская неистощимая живость» въ сцен
«Исторіи Лиги, со дня Баррикадъ до смерти Генриха III»,
родившихъ тьму подражаній.

«Борисъ Годуновъ», какъ всѣ историческія сцены, имѣ
«органическую цѣлость», «поэтическій ensemble»... «Не «Бор
Годуновъ», въ своей біографической недѣлимости, составля
предметъ драмы, а царствованіе Бориса Годунова—эпоха,
наполняемая,—міръ, имъ созданный и съ нимъ разрушившій
однимъ словомъ, историческое бытіе Бориса Годунова», окан
вающееся не его смертью, а смертью его сына. «Существен
недостатокъ» драмы, со стороны композиціи, состоитъ въ вес
неудачной раздвоенности интереса, такъ какъ «главное ли
«пожертвовано совершенно другому, которое должно бы игр
подчиненную роль въ этомъ славномъ актѣ нашей исторіи»,
«самозванецъ стоитъ на первомъ планѣ, и Борисъ за нимъ и
заетъ». Другимъ крупнымъ пробѣломъ является несоблюдені
иныхъ мѣстахъ «исторической истины», благодаря чему въ изв
номъ монологѣ Пимена встрѣчаются мысли, «обличающія въ
ренномъ чудовскомъ отшельникѣ наслѣдника идей Гердеровы
Попадающіяся въ драмѣ излишества и несообразности, въ р
сцены въ корчмѣ, гдѣ фарсъ доведенъ до крайнихъ предѣл
тоже заслуживаютъ порицанія, а не одобренія...

Напротивъ, довольно хорошо обрисованы Пушкинымъ ха
теры дѣйствующихъ лицъ. Хотя поэтъ, смотрѣвшій на исто
«подъ карамзинскимъ угломъ зрѣнія», не вполнѣ «угадалъ ис
ную тайну души Борисовой и всю чудесную игру страстей
но личность Годунова «никогда еще не являлась въ столь *вѣрно*
*ярком*ъ очеркѣ». Особенно удачно выражены «истинныя чувс
ванія Бориса» во второмъ монологѣ, по окончаніи тайнаго
вѣнчанія съ кудесникомъ,—въ отрывистой рѣчи, послѣ убійст
наго описанія смерти Димитрія, и въ угрозахъ князю Шуйск
но есть неправдоподобіе «между бодрымъ разговоромъ царя

Басмановымъ и внезапнымъ изнеможеніемъ на одрѣ смерти», а «прощальная бесѣда его съ сыномъ составляетъ уже слишкомъ длинную и черезчуръ наставительную предику».

«Мастерски представленъ» Шуйскій: «безстыдная угодливость царедворца выливается ярко на всѣхъ его рѣчахъ и поступкахъ»; невыдержанъ характеръ самозванца, который въ первой сценѣ «является пламеннымъ энтузіастомъ», въ корчмѣ на литовской границѣ—«отчаяннымъ разбойникомъ, изученнымъ всѣмъ пріемамъ опытнаго преступленія», а во время свиданія съ Мариной, подобно романическому Донъ-Кихоту, «открываетъ своей Дульцинеѣ тайну, на которой, какъ на волоскѣ, держится все бытіе его»...

Изъ отдѣльныхъ сценъ выдѣляется та, гдѣ выступаетъ юродивый. «Можно ль было лучше и *вѣрнѣе съ исторіей*—довести до недоступнаго слуха грознаго царя грозную вѣсть, что его преступленіе не есть тайна для безмолвствующаго народа?»

Журнальные толки о новомъ типѣ исторической драмы, очевидно, отвѣчали умственнымъ запросамъ и интересамъ русскаго общества, среди котораго въ концѣ 20-хъ годовъ особенно выдѣлялась одна личность, по отзывчивости своей натуры, наиболѣе хорошо воспринявшая и наиболѣе удачно переработавшая литературныя вѣянія своей эпохи. Этой центральной личностью является Николай Алексѣевичъ Полевой, заслуживающій особаго вниманія среди современныхъ ему театральныхъ критиковъ, что даетъ намъ возможность разсматривать его статьи, посвященныя театру, независимо отъ подобныхъ же статей другихъ сотрудниковъ *Московскаго Телеграфа*.

Одной изъ первыхъ и особенно удачной была его рецензія на пушкинскаго «Бориса Годунова». Здѣсь критикъ пытается указать характерныя черты новой романтической драмы, основывающейся на строгомъ единствѣ дѣйствія и дающей «обширныя средства развить подробности и характеры». Эта драма представляетъ рѣзкую противоположность «классической» трагедіи, исключая эпическую часть (разговоры), единства времени, мѣста; основной элементъ ея—дѣйствіе. Наиболѣе любопытными драмами новаго образца являются историческія піесы.

Для надлежащей оцѣнки «Бориса Годунова» Полевой сопоставляетъ его съ однородными произведеніями Шекспира и Шиллера и приходитъ къ заключенію, что Пушкинъ, «какъ русскій литераторъ, является въ немъ съ новымъ блескомъ, но какъ евро-

пейскій писатель, какъ современный драматикъ XIX вѣка, онъ далеко не достигаетъ совершенства, коего могъ бы достигнуть».

Общимъ мѣриломъ для всѣхъ новыхъ историческихъ пiесъ служитъ положеніе: «никогда фантазія поэта не превзойдетъ поэзіи жизни дѣйствительной». И соблюденіе исторической точности заключается болѣе въ усвоеніи идеи эпохи (отъ чего зависитъ композиція драмы), чѣмъ въ соблюденіи деталей, имѣвшихъ мѣсто въ исторіи.

«Если вы вѣрно отгадали идею, то подробности, мѣстность, характеръ вѣка, характеры лицъ, даже языкъ ихъ сами собою разовьются передъ вами; вы погрѣшите, можетъ быть, археологически, хронологически, но отнюдь не эстетически». «Положимъ, напротивъ, что вы взяли мелкую идею, или что вы не поняли тайной мысли судьбы въ великихъ событіяхъ. Тогда изучайте, какъ вамъ угодно, мѣстныя подробности; наставьте противоположныхъ разительныхъ сценъ; будьте расточительны на лица, какъ самый отчаянный романтикъ; придѣлайте множество вводныхъ, частныхъ мѣстъ; блистайте отдѣльными красотами частей— все явится у васъ невѣрно, неудовлетворительно, ложно» [1]. «Выборъ предмета драмы» доказываетъ проницательность генія Пушкина, но уясненіе идеи, способствующей цѣлостности, единству драмы, едва ли можетъ быть названо удачнымъ, такъ какъ Пушкинъ въ развитіи событій рабски слѣдовалъ за Карамзинымъ, который «не понялъ совершеннаго измѣненія въ духѣ народа и въ отношеніяхъ русской удѣльности, какія начались съ Василія Темнаго и кончились Іоанномъ Грознымъ», и «политической борьбы съ полей междоусобія перешедшей въ палаты царскія».

«Забывъ истинную причину паденія Бориса и успѣховъ самозванца—буйную русскую олигархію, забывъ и политическія отношенія Польши къ Россіи, Пушкинъ, естественно, долженъ былъ потеряться въ планѣ и развитіи его» [2]. Поэтому, вмѣсто ужасной борьбы человѣка съ судьбою, «мы видимъ только приготовленія его къ казни и слышимъ стонъ умирающаго преступника». Характеры дѣйствующихъ лицъ очерчены неудачно: Борисъ является иногда «неопытнымъ юношей», боярство русское скрыто за кулисами и не оттѣнено никакими красками. И эта «неудовлетворительность въ отношеніи исторической правды» отразила

[1]) „Очерки русской литературы". Спб. 1839, ч. I, стр. 181—182.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 195.

и на «драматическомъ изяществѣ», т.-е. на «единствѣ дѣйствія, развитія частей и проявленія характеровъ».

Среди сценъ, изображенныхъ Пушкинымъ, *въ отдѣльности* есть прекрасныя, мастерскія, есть и слабыя. Но общее впечатлѣніе, по прочтеніи драмы, неблагопріятное: «у васъ остается въ памяти множество чего-то хорошаго, прекраснаго, но *несвязнаго* и *въ отрывкахъ*, такъ что ни въ чемъ не можете вы дать себѣ полнаго отчета». Всѣ эти недостатки вытекаютъ изъ бѣдности идеи, происшедшей отъ непониманія истиннаго смысла историческихъ событій и не позволившей развить характеры и подробности, и изъ «несправедливаго понятія объ исторической, или вообще романтической драмѣ», «все отличіе которой отъ классической драмы, судя по піесѣ Пушкина, состоитъ въ безсвязной пестротѣ явленій и прыжкахъ отъ одного предмета къ другому».

Позднѣйшіе разборы были написаны Полевымъ по поводу драмъ Кукольника, въ ту пору начинавшаго свою литературную дѣятельность.

«Драматическая фантазія», носившая заглавіе «Торквато Тассо», подверглась строгому суду Полевого, неумолимо проводившаго свой принципъ о преимуществѣ драмы дѣйствительной жизни передъ вымысломъ поэтовъ. Если въ классической трагедіи царяли монологи, непремѣнная любовь, заговоръ придворныхъ, герой царскаго рода: король или принцъ; если въ нѣмецкой драмѣ допускалось «бѣшенство страстей и поэтическихъ изступленій», то романтической, чуждой всякихъ излишествъ, свойственны иныя черты. Въ подобномъ произведеніи, написанномъ на тему Кукольника, долженъ быть выведенъ весь Тассъ, какъ поэтъ и человѣкъ. «Искусство изберетъ такія точки, что въ нихъ соединятся годы, исчезнутъ ненужныя подробности, и поэзія дѣйствительной жизни Тасса сосредоточится, какъ лучи свѣта въ зажигательномъ зеркалѣ, въ одну точку, отъ которой загорятся участіемъ души зрителей и читателей» [1]). Для этого требуется: 1) «уразумѣть поэзію истины въ самомъ Тассѣ, его жизни, вѣкѣ и современникахъ»; 2) не замѣнить сей поэзіи піитическою надутостью, «понять Элеонору, какъ тридцатилѣтнюю женщину, итальянку, но принцессу, и притомъ принцессу XVI вѣка»; 3) «не замѣнить драмы звучными стихами, ни разительности историческихъ событій яркими, но несбыточными картинами»; 4) «воспользоваться

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 340.

свободою дѣйствія, разрушеніемъ трехъ единствъ; украсить свое созданіе цвѣтами души и сердца и прозорливостью вымысла дополнить то, чего не досказываетъ исторія».

Драма Кукольника, которую Полевой разсматриваетъ въ связи съ драмами Гете и Розини, посвященными также Тассу, есть, по его мнѣнію, «первый смѣлый шагъ», «твореніе истинно изящное», «прекрасное по идеѣ и по стихамъ, какъ первый опытъ юноши»; но въ цѣломъ созданіе «слабое», во многомъ изысканное и исторически не вполнѣ вѣрное, ибо «исторія безчеловѣчно пожертвована вымыслу и ничѣмъ не выкуплено это пожертвованіе». Къ недостаткамъ драмы относятся неумѣнье автора «создать основной, глубокій характеръ и выдержать его во все продолженіе своего созданія», введеніе дѣйствій, нисколько не служащихъ къ развязкѣ, излишняя говорливость для выраженія одной идеи, странная неровность въ стихахъ...

Другая піеса Кукольника, сыгравшая столь роковую роль въ жизни Полевого, «Рука Всевышняго отечество спасла» также не отличается особыми достоинствами. Полевой припоминаетъ въ своей рецензіи піесы Хераскова, Глинки и Крюковского, бравшихъ сюжетомъ 1612 годъ. Въ указанныхъ произведеніяхъ можно замѣтить не мало промаховъ и пробѣловъ, которые вызываютъ справедливое порицаніе со стороны Полевого. Самый выборъ событій 1612 года—неудаченъ: изъ нихъ нельзя создать драмы, ибо ея не было въ дѣйствительности. Драма заключается въ историческихъ фактахъ, подготовившихъ эпоху Минина и Пожарскаго. Неудачный выборъ повлекъ за собою театральную декламацію, удаленіе отъ истины и изображеніе вымышленныхъ и нелѣпыхъ завязокъ, въ родѣ любви сестры Пожарскаго къ сыну польскаго гетмана (Херасковъ), умысла Заруцкаго, захватившаго жену и сына Пожарскаго (Крюковской), или любви сына Минина къ дочери Заруцкаго (Глинка); вмѣстѣ съ тѣмъ, становятся необходимыми элементами драмы монологи, появленіе, безъ достаточныхъ основаній, стороннихъ лицъ, крики «ура» [1]), пѣніе хора и ненужныя вставки...

[1]) Полевому особенно не нравились эффектныя развязки трагедій, не имѣющія связи съ основнымъ дѣйствіемъ (deus ex machina); такова развязка „Рославлева" Шаховского, о которой сказано въ *Телеграфѣ* слѣдующее: „Пока Рославлевъ въ отчаяніи, слышенъ шумъ, гремитъ барабанный бой, идутъ русскіе солдаты, *крикъ ура*... и поэмѣ сей конецъ" (*Московскій Телеграфъ*, 1832, № 13, стр. 126).

Кукольникъ «не подвинулся далѣе трехъ предшественниковъ сей драмѣ»; онъ только, по вольности романтизма, допускаетъ ıть дѣйствій, безъ «основного, на чемъ держалось бы единство ıы», и, позволяя отступленія отъ исторической истины, какъ ь предыдущей драмѣ, не выкупаетъ ихъ поэзіей.

Въ піесѣ Кукольника «нисколько и ничего нѣтъ историче-о ни въ событіяхъ, ни въ характерахъ», за то есть театраль-, бьющія на эффектъ сцены, составляющія «послѣднее достоин-ı драмы» и находящіяся въ каждой мелодрамѣ.

Полевой интересовался вопросомъ о томъ, «какая должна быть ıеменная драма» въ общихъ чертахъ и у каждаго народа въ ıльности, и, помимо внутренней, заботился о выработкѣ внѣш-стороны драматическихъ произведеній: такъ, онъ «рѣшился ıтать приложеніе на сценѣ тоническаго стиха, такого, гдѣ не ıитываются стопы, но въ цѣлой строчкѣ считаются ударенія ıко по произношенію» [1]).

Строго слѣдуя своимъ основнымъ воззрѣніямъ на драму, ıрыя достаточно ярко обнаруживаются въ приведенныхъ выше ıзіяхъ, Полевой не поступался ими и тогда, когда его мѣрка ıодходила къ произведеніямъ любимыхъ имъ французскихъ и ıецкихъ трагиковъ, не говоря уже о трагедіяхъ ложнокласıскихъ.

«Людовикъ XIV и дворъ его, ученые люди и академіи его ıени» «предписали законы поэзіи, назначили ей правила». «И ıшно! Всѣ стали имъ вѣрить. Съ одной стороны, великіе умы ıна, Мольера, Вольтера не дерзали выступать изъ назначен-ıъ правилъ; съ другой, черствый Буало и мелочной Лагарпъ ıно излагали эти правила; съ третьей, явились люди, взявшіеся ıубать и прилаживать геніевъ всей земли въ опредѣленную ıку» [2]).

Но въ то же время «современная драма не осуществлена», на ıлядъ критика, и французскими, и нѣмецкими романтиками [3]), ıъ какъ они или «слишкомъ много умничали, не могли отстать ъ авторитетовъ и не столько творили, сколько сочиняли, съ ıишнею чопорностью глядя на поэзію»; или «увлекались край-ıстями, впадали въ односторонность» [4]).

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1839, т. 8, стр. 115—117.
[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1833, № 19, стр. 375.
[3]) *Сынъ Отечества*, 1839, т. 8, стр. 111.
[4]) „Очерки", ч. I, стр. 179.

Въ своемъ «Эгмонтѣ» Гете изображаетъ героя не «въ величественной простотѣ исторіи», дѣлаетъ его «молодымъ человѣкомъ», «представляетъ мечтательную Клару, видѣнія славы и свободы, и оттого все становится у него на ходули» [1]). Особенно удачнымъ произведеніемъ Гете считаетъ Полевой драму «Торквато Тассо». «По нашему мнѣнію», пишетъ онъ: «это едва ли не самое прекрасное изъ драматическихъ созданій великаго германскаго поэта, и съ нимъ не сравнимъ мы его Геца фонъ-Берлихингена, забросаннаго подробностями и похожаго на историческія сцены, а не на драму: не сравнимъ ни *Эгмонта*, слишкомъ мечтательнаго, ни *Ифигеніи*, слишкомъ подражательной» [2]). И въ этой лучшей драмѣ есть погрѣшности противъ исторіи и противъ поэзіи: «Тассъ, Альфонсъ, Элеонора—не таковы въ исторіи». «Драма Гете не удовлетворяетъ насъ, ибо она не драма дѣйствительной жизни, но собственно драматическая эпопея, гдѣ жизнь возведена къ идеалу, а дѣйствительность только даетъ ей общія формы» [3]).

Введеніе вымышленной любви Іоанны къ Діонелю унизило личность Орлеанской дѣвы [4]), а «идеальность Макса и германскій либерализмъ Донъ-Карлоса повредили симъ прекраснымъ созданіямъ Шиллера», который особенно «простъ и хорошъ въ «Вильгельмѣ Теллѣ»—этой истинной жизни, этой живой исторіи» [5]).

Примѣромъ увлеченія крайностями служатъ «новые французы». «Желаніе слишкомъ строго отдавать отчетъ мѣстности и приводить все въ философскую перспективу — вотъ недостатокъ де-Виньи. Перспектива у него вѣрна, и мелочи, можетъ быть, отчетливы, но простоты жизни нѣтъ, и въ огромномъ, правильномъ домѣ его живетъ система, а не человѣкъ.—Стараніе [illegible] наперекоръ старому, личныя отношенія, систематическая мы[illegible] смѣшивать смѣшное и высокое, излишній лиризмъ, желаніе стр[illegible]ныхъ противоположностей—вотъ недостатки драмы Гюго» [6]).

Съ другой стороны, есть и такіе авторы, «у которыхъ [illegible] вертуютъ и душатъ на сценѣ: главные герои — разбойники, [illegible]шенники; завязка въ такихъ вещахъ, которыхъ не говорятъ [illegible]

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 179.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 326—327.
[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 327.
[4]) *Московскій Телеграфъ*, 1834, № 3, стр. 499.
[5]) „Очерки", ч. I, стр. 179.
[6]) Тамъ же, ч. I, стр. 179—180.

другихъ и которыя позволяется нынѣ драматическимъ писателямъ не только говорить, но представлять со всѣми отвратительными подробностями» [1]).

Самымъ «могущественнымъ властителемъ волшебнаго царства поэзіи» является для Полевого Шекспиръ.

Странный чудакъ съ точки зрѣнія классиковъ, Шекспиръ великъ для того, кто отрекся отъ условныхъ, однообразныхъ правилъ и не упрекаетъ генія въ неприличіяхъ и мелочахъ, отлично зная, что, живи Шекспиръ въ настоящее время, онъ иначе одѣвался бы, говорилъ и иначе отдѣлывалъ бы части своихъ твореній...

Историческія піесы его замѣчательны. «Не знаете: чему болѣе удивляться — искусству ли, съ какимъ извлечено *единство дѣйствія* драмы; *связи ли подробностей*, величественно, богато раскрытыхъ поэтомъ; *вѣрности ли*, *съ какою слѣдовалъ поэтъ исторіи*, или *простотѣ* его созданія и *глубокому познанію характеровъ*, угаданныхъ поэтомъ въ сухой лѣтописи» [2])?

«Міръ Шекспира безмѣренъ, какъ вселенная; поэзія его всецвѣтна, какъ свѣтъ. Онъ—волшебникъ, и кто однажды заговоренъ имъ, тотъ вѣчный рабъ его; того вызовутъ заклинанія Шекспировы отовсюду, и бросятъ скованнаго по рукамъ и по ногамъ въ міръ Шекспировъ, гдѣ нѣтъ ни конца, ни края созданіямъ, переливамъ, краскамъ, блеску, видамъ, глубинѣ, высотѣ, пространству и времени».

«Читайте его», обращается Полевой къ современникамъ: «какъ любите—безотчетно; вѣрьте истинѣ его очарованія; радуйтесь на него, какъ радуетесь на зеркало моря въ тихую погоду; ужасайтесь его, какъ ужасаетесь пѣнистыхъ валовъ того же моря въ страшную бурю, и вѣрьте, что въ нѣдрахъ души его, какъ въ безднахъ океана, сокрытъ такой міръ, котораго не изъяснитъ все человѣчество, пока необъяснимою для него останется бездна океана нашего собственнаго бытія» [3]).

Итоги, которые можно подвести сужденіямъ русскихъ критиковъ двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ, довольно значительны.

Съ новой точки зрѣнія, оказывается несостоятельной ложно-

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 456.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 203—204 (ср. стр. 180—181).

[3]) *Московскій Телеграфъ*, 1833, № 19, стр. 371, 400.

классическая трагедія, такъ какъ творчество не должно слѣдовать за теоріей и нѣтъ правилъ для вдохновенія. Единства времени и мѣста признаются ненужными, лишними; введеніе эпическаго элемента посредствомъ вѣстниковъ и лирическаго черезъ наперсниковъ и наперсницъ портитъ піесу; герои царскаго происхожденія, тираны и любовники порядочно наскучили... Переряживаніе героевъ въ неподходящіе для нихъ, при ихъ изысканныхъ манерахъ и поведеніи, костюмы представителей отдаленной эпохи; надутая декламація, выражающаяся въ утомительныхъ монологахъ, равно какъ пристрастіе авторовъ трагедій къ искусственнымъ контрастамъ (чѣмъ грѣшилъ и Гюго) и интригамъ— все это уже болѣе не считается достойнымъ подражанія [1]).

Одновременно съ порицаніемъ основъ классической трагедіи, намѣчаются характерныя черты новой драмы, которая не должна подчиняться чуждымъ формамъ, а должна отличаться народнымъ характеромъ, т.-е. сообразоваться съ условіями вѣка и мѣстности, предписываемыми искусству природою. Непремѣннымъ свойствомъ всякаго драматическаго произведенія признано дѣйствіе, отъ единства котораго зависитъ единство впечатлѣнія, или интереса, «общаго во всѣхъ частяхъ драмы, которыя должны принадлежать къ одному главному событію» [2]).

Этому единству способствуетъ причинная связь между отдѣльными явленіями, или частями піесы, вытекающими одна изъ другой естественно и послѣдовательно. Благодаря этому, каждая художественная драма, построенная по строгому плану, имѣетъ свою органическую цѣлостность, свой «поэтическій ensemble».

Къ піесѣ нельзя безъ счету, чисто механически приставлять такія дѣйствія, въ которыхъ нѣтъ ни развитія характеровъ, ни завязки интриги и которыя не служатъ къ развязкѣ. Сюжетомъ избирается обыкновенно такой рѣшительный моментъ изъ приключеній героя, въ который «вся поэзія его жизни сосредоточится, какъ лучи свѣта въ зажигательномъ зеркалѣ». Сюжетомъ можетъ служить не только эпизодъ изъ жизни отдѣльной личности, но и цѣлая эпоха изъ драматическихъ судебъ близкаго или хорош знакомаго общества: но случайность не годится для завязки драмы.

---

[1]) П. А. Катенинъ, правда, былъ защитникомъ классическихъ теорій; но у него было мало единомышленниковъ, которые отстаивали бы въ своихъ критическихъ статьяхъ Расина и Мольера.

[2]) При нѣсколькихъ дѣйствіяхъ, одно—основное.

зка, въ свою очередь, должна вытекать изъ хода предста-
ыхъ событій и разрѣшать ихъ естественнымъ образомъ; она
лжна быть искусственна [1]) и необыкновенна.
касающія сцены, закулисные ужасы, потоки крови, бѣшен-
страстей, столь обычное у французскихъ и нѣмецкихъ ро-
ковъ, и патетическія эффектныя картины не должны замѣ-
простого и правдиваго дѣйствія; фарсъ, доведенный до край-
предѣловъ, также вызываетъ порицаніе. Важно помнить,
антазія поэта никогда не превзойдетъ поэзіи дѣйствитель-
. Къ поэтической истинѣ ближе то произведеніе, основаніе
аго взято изъ исторіи—потому и замѣчается особенная
нность къ исторической драмѣ.
, исторической драмѣ есть отраженіе вѣка и соотвѣтствую-
вѣку характеровъ. Историческая точность, предметъ осо-
ихъ заботъ новыхъ драматурговъ, состоитъ скорѣе въ раз-
тайны судьбы, въ усвоеніи идеи событій и эпохи, чѣмъ
блюденіи точныхъ фактическихъ деталей, передача кото-
еще не дѣлаетъ драму историческою. При этомъ указано,
сторія не заключается только въ жизни царей, но въ живой
нѣ, изображающей людей всѣхъ сословій и во всѣхъ поло-
хъ; равнымъ образомъ, нельзя выбирать для драмы событія,
ыя какого-либо драматизма.
рагическій герой, личность необыкновенная и съ могучимъ
теромъ, является въ борьбѣ съ судьбою и запутывается въ
собственныхъ страстей. Характеръ главнаго героя, равно
и всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, долженъ быть выдержанъ и
енъ ярко и правдоподобно; сложный и глубокій, онъ раз-
тся поэтомъ съ искусной послѣдовательностью. Несчастія,
ливающіяся на героя, самое его паденіе—слѣдствія его ха-
ра. Злодѣи, какъ дѣйствующія лица, терпимы на сценѣ
тогда, когда являются «орудіями неисповѣдимаго Промысла»,
ый иногда «искушаетъ или наказуетъ виновное человѣче-
,—когда въ ихъ дѣйствіяхъ проявляется «самая судьба,
руками карающая людей и землю».
аконецъ, новая драма должна приспособляться къ сценѣ.
овыя направленія въ исторіи театральной критики получаютъ
й интересъ, если припомнить развитіе русскаго драматиче-
искусства.

Deus ex machina (Полевой).

*

Два первыя десятилѣтія прошлаго вѣка на нашей сценѣ ставились преимущественно классическія піесы.

Княжнинская трагедія, плѣнявшая нѣкогда современниковъ Великой Екатерины, продолжала свое существованіе въ произведеніяхъ Озерова, который «дѣлилъ дани рукоплесканій» съ галантливой Семеновой. Эти дани были, дѣйствительно, «невольными»: «Школа женщинъ» и «Мизантропъ» Мольера, «Гоголія» и «Федра» Расина, «Меропа» и «Магометъ» Вольтера—давались много разъ [1]). Событія отечественной войны 1812 года и возникновеніе такъ называемой патріотической литературы доставили обильный матеріалъ для сюжетовъ трагедій, въ родѣ «Димитрія Донского» (1807), «Минина» (1809), «Михаила, князя Черниговскаго» (1808), «Пожарскаго» (1807) и нѣсколько позже напечатанной «Юности Іоанна III» (1823).

Противодѣйствуя французскому вліянію на русскую жизнь, авторы упомянутыхъ піесъ далеко не всегда могли сами избавиться отъ подражанія французскимъ классикамъ. Кромѣ трагедій, изъ-подъ пера Загоскина, Хмѣльницкаго, Кокошкина, Жандра, Корсакова [2]) вышелъ цѣлый рядъ комедій, водевилей и оперетокъ, по большей части, сколковъ съ французскаго.

Слабые проблески освѣжающаго новаго направленія замѣтны были лишь въ передѣлкахъ плохо понимаемыхъ піесъ Шекспира и замѣтномъ влеченіи къ мѣщанской драмѣ Иффланда и Коцебу, а съ 1820 года въ новомъ типѣ драмы, съ сюжетами изъ Вальтера Скотта, Оссіана, Пушкина.

Передѣлки Шекспира подвергались осужденію не только позднѣйшихъ изслѣдователей, но и критики пушкинской эпохи.

«Какъ возможно теперь», напечатано въ *Московскомъ Телеграфѣ* [3]): «при нынѣшнемъ состояніи драматургіи, пускать въ свѣтъ новое изданіе обработаннаго «Гамлета»—вотъ чего мы не понимаемъ. И что еще лучше: г. Висковатовъ издалъ вновь свою обработку тогда, какъ у насъ уже есть вѣрный переводъ «Гамлета», сдѣланный г-мъ Вронченко съ подлинника и изданный въ 1828 году. Это, какъ будто, въ насмѣшку... Г. Висковатовъ обра-

---

[1]) Катенинъ, одинъ изъ ярыхъ сторонниковъ классицизма, былъ усерднымъ переводчикомъ піесъ любимыхъ писателей.

[2]) Грибоѣдовъ, въ началѣ своей литературной дѣятельности, тоже примыкалъ къ группѣ означенныхъ драматурговъ.

[3]) *Московскій Телеграфъ*, 1830, № 8, стр. 497—504.

боталъ Дюсисова, а не Шекспирова «Гамлета». Если Дюсисовъ «Гамлетъ» не похожъ, и не въ свою пользу, на Шекспировъ подлинникъ, то въ такомъ же отношеніи «Гамлетъ» г-на Висковатова не похожъ на французскій подлинникъ».

Не менѣе строго отнесся тотъ же журналъ и къ піесамъ новаго направленія. По его мнѣнію, вмѣсто классическихъ трагедій Сумарокова, Княжнина, Озерова, у насъ создали романтическую драму, якобы въ шекспировскомъ родѣ, съ тѣми сильными средствами, какія употреблялись французами; иногда даже съ претензіей изобразить «русскій бытъ». Сюжеты драмъ заимствованы изъ библіи, исторіи, сказокъ, романовъ Вальтера Скотта, Загоскина и поэмъ Пушкина... Но несмотря на всѣ старанія авторовъ, въ ихъ подражаніяхъ нѣтъ ничего русскаго, кромѣ русскихъ поговорокъ, нѣтъ развитія страстей, положеній, выведенныхъ изъ тяжбы человѣка съ судьбой, изъ глубины сердца и души человѣческой; въ нихъ отсутствуетъ связь происшествій, естественность, планъ, и плохо обрисованы характеры [1]).

Къ концу двадцатыхъ годовъ, подъ вліяніемъ западно-европейской, преимущественно французской, литературы въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ развивается отдѣлъ театральной критики; вмѣстѣ съ тѣмъ печатаются переводы драмъ наиболѣе извѣстныхъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ писателей. На сценѣ замѣтно пополненіе обычнаго репертуара піесами Шекспира и Шиллера; драмы Дюма имѣли успѣхъ благодаря удачному переводу и хорошей игрѣ В. А. Каратыгина.

Но попытки оригинальнаго творчества не увѣнчались успѣхомъ: ни «Марѳа Посадница» Погодина, ни «Ермакъ» и «Самозванецъ» Хомякова, ни «Рука Всевышняго» Кукольника или «Россія и Баторій» барона Розена даже не могутъ итти въ сравненіе съ пушкинскимъ «Борисомъ Годуновымъ», занимающимъ одинокое мѣсто въ исторіи русской драмы [2]).

Отсюда ясно, что результаты, достигнутые освободительнымъ направленіемъ театральной критики, сводились лишь къ подрыву застарѣвшаго и глубоко вкоренившагося у насъ классицизма и ознакомленію русскаго общества со статьями и критическими пріемами знатоковъ французскаго драматическаго искусства, что́,

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1833, № 3.

[2]) Это сознавали и критики пушкинской эпохи, говоря, что нѣтъ произведеній, достойныхъ прекрасныхъ теоретическихъ сужденій.

несомнѣнно, пролагало путь къ водворенію въ русской лите
турѣ реальной драмы: комедіи или трагедіи. Дѣйствительно, вск
Гоголь написалъ своего «Ревизора». Но, прочитавъ безсмерт
комедію, нѣкоторые изъ критиковъ двадцатыхъ годовъ [1]),
смотря на ихъ проповѣдь, поучавшую «списывать съ приро
и выбирать типы изъ «живого общества» [2]), или сочли «фарсо
или не признавали вполнѣ художественнымъ произведеніе, г
красно выполнявшее всѣ ихъ требованія. Подобный фактъ по
тенъ. Слишкомъ свыкшіеся съ сентиментальнымъ изображені
русской дѣйствительности, они только въ теоріи усвоили с
понятіе о естественности и правдивости въ искусствѣ: они б
первыми застрѣльщиками въ упорной литературной борьбѣ за
дворенiе новыхъ формъ, но не могли ни предвидѣть, ни оцѣн
результатовъ одержанной ими побѣды. Новое поколѣніе, съ бо
свѣжими силами, слишкомъ широко воспользовалось этими резу
татами и вызвало недовѣрчивое отношеніе къ себѣ литератури
ветерановъ. Но этимъ нисколько не умаляется важная историчес
заслуга послѣднихъ.

---

[1]) Н. А. Полевой и С. П. Шевыревъ. См. „Очерки гоголевскаго періо
С.-Пб. 1893, стр. 23—49; 139—155.

[2]) *Ежегодникъ Императорскихъ театровъ*, 1894 — 1895. Приложе
книга 3-я, стр. 55—60 (приведенныя выраженія принадлежатъ Полево

КРИТИЧЕСКІЕ ПРІЕМЫ.

О шеллингизмѣ Полевого и его критическихъ пріемахъ.

Історія русской литературной критики не разъ привлекала ıаніе изслѣдователей; на подобную тему писались отдѣль- статьи и общіе обзоры, гдѣ были сдѣланы попытки ›актеризовать дѣятельность какого-нибудь одного критика цѣлый процессъ развитія русской критической мысли. Не- ря на это, никакъ нельзя утверждать, что вопросъ исчер- ь, что мы знакомы съ интересующимъ насъ предметомъ... гія изъ указанныхъ изслѣдованій, въ особенности общіе ›ры, лишены убѣдительности въ своихъ выводахъ вслѣдствіе ›статка въ подготовительныхъ, детальныхъ работахъ, кото- могутъ иногда пролить совсѣмъ иной свѣтъ на неизученные росы и дать новые любопытные матеріалы. Только постепенно разрозненныхъ, сначала частичныхъ изысканій, касающихся › или другого момента въ исторіи критики, выяснится связь къ моментовъ между собой и съ теченіями западно-европей- й мысли,—и сдѣлается возможной общая характеристика. По- ьную лепту въ сокровищницу русской науки долженъ пред- вить нашъ очеркъ, посвященный оцѣнкѣ критической дѣя- ьности издателя *Московскаго Телеграфа* Николая Алексѣевича ıевого.

I.

Въ двадцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія на русскую мысль ıа дѣйствовать крупная сила, которой суждено было внести ›го измѣненій въ сложившееся міровоззрѣніе общества,—это ıа нѣмецкая философія, или такъ называемый «шеллингизмъ» [1]).

---

[1]) Прекрасное изслѣдованіе судебъ русскаго шеллингизма (въ общихъ ıтахъ) представляетъ трудъ *П. Милюкова*: Главныя теченія русской юрической мысли, т. I. М. 1898.

Лекціи, читанныя въ Москвѣ И. И. Давыдовымъ и М. Г. Павловымъ, интересовали сбиравшихся на нихъ слушателей; вліяніе новыхъ вѣяній отражалось на образованіи литературно-философскихъ обществъ и кружковъ, въ которыхъ дѣятельное участіе принимали одинъ изъ учителей Благородного пансіона С. Е. Раичъ и извѣстный князь В. Ѳ. Одоевскій; философское направленіе сказалось и въ періодическихъ изданіяхъ, въ родѣ *Мнемозины* и *Московскаго Вѣстника*. Къ числу лицъ, увлеченныхъ новымъ направленіемъ, принадлежалъ и Николай Полевой, хотя онъ, собственно говоря, далеко не сошелся со всѣми московскими «любомудрами» или «архивными юношами». Впрочемъ, благодаря М. П. Розбергу, талантливому ученику И. И. Давыдова и впослѣдствіи профессору Дерптскаго университета, Полевой имѣлъ счастливый случай познакомиться съ нѣкоторыми молодыми шеллингистами и составить свой небольшой кружокъ. Упоминаніе объ этомъ сохранилось въ запискахъ Ксенофонта Алексѣевича Полевого. «М. П. Розбергъ вскорѣ сдѣлался близкимъ нашимъ знакомымъ» -пишетъ онъ—«и ввелъ въ нашъ кругъ нѣсколько достойныхъ своихъ товарищей по университету. Назову изъ числа ихъ Ивана Ивановича Безсомыкина, Ивана Николаевича Камашева [1]) и Михаила Николаевича Лихонина. Всѣ мы были тогда молоды, беззавѣтно любили все, что́ только относится къ просвѣщенію, и съ жаромъ изучали глубокомысленныя, но трудныя для яснаго уразумѣнія книги Шеллинга и его послѣдователей. Такое общее стремленіе чрезвычайно сближаетъ людей, особливо молодыхъ, безкорыстно преданныхъ изысканію истины. Прибавьте къ этому тогдашнее направленіе европейской литературы, восторгъ, съ какимъ читали тогда безсмертныя созданія великихъ современныхъ писателей — Байрона, Вальтера Скотта, Гете, Томаса Мура и многихъ достойныхъ ихъ послѣдователей и соревнователей: вспомните, что тогда началась новая жизнь во французской литературѣ, что всѣ благородныя стремленія воскресали и развивались съ необычайною силою, и вы согласитесь, что было о чемъ побесѣдовать и поспорить въ искреннемъ кругу молодымъ людямъ, больше жившимъ идеальною жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, никогда не бывало между ними

---

[1]) О И. Среднемъ-Камашевѣ см. „Главныя теченія“ Милюкова, стр. 323—325 и *Русскій Вѣстникъ*. 1875, № 9, стр. 139. И. И. Безсомыкинъ—зять К. А. Полевого.

рѣчи о современныхъ сплетняхъ, о спекуляціяхъ на литературу и жизнь, ни даже о томъ, какъ сдѣлать свою карьеру. Ничто и не думалъ, что́ онъ будетъ, и какъ пойдетъ по тернамъ жизнь. Зато умственная, идеальная жизнь, изслѣдованіе вѣчныхъ задачъ міра были въ полномъ разгарѣ. Но въ то время, которое описываю я, особенно занимала всѣхъ и была предметомъ жаркихъ сужденій нѣмецкая философія. Хотѣли объяснить себѣ ея положенія и примѣненія, потому что философія даетъ взглядъ на все и отражается во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка. Соглашаясь въ общихъ положеніяхъ и выводахъ Шеллинговой философіи, не всегда соглашались въ подробностяхъ, и это было поводомъ къ безконечнымъ спорамъ. Тутъ то въ первый разъ показалъ вполнѣ и свой сильный умъ, и свою діалектическую способность Ив. Вас. Кирѣевскій. C'était un fort jouteur! Съ нимъ особенно состязался М. П. Розбергъ, достойный его соперникъ въ діалектикѣ и въ словѣ. Помню, что разъ, какъ-то вечеромъ завязался споръ, не кончившійся до глубокой ночи, и, чтобы окончить его, согласились собраться на другой день у Кирѣевскаго. На другой день явились тамъ всѣ спорившіе, но жаркое состязаніе длилось до того, что, наконецъ, Розбергъ, усталый, утомленный, перемѣнившійся въ лицѣ отъ двухдневнаго спора, съ глубокимъ убѣжденіемъ и очень торжественно произнесъ, обращаясь къ Кирѣевскому: «Я не согласенъ, но спорить больше нѣтъ силъ у меня» [1]).

Вращаясь въ подобной средѣ, Полевой, естественно, долженъ былъ увлечься общимъ направленіемъ мыслей, интересовавшихъ его сотоварищей. Это, дѣйствительно, и случилось. Но, не отличаясь отъ природы философскимъ складомъ ума, онъ не чувствовалъ влеченія къ обстоятельному изученію нѣмецкихъ философскихъ системъ: вмѣсто обстоятельнаго знакомства съ Шеллинговой теоріей, Полевой ограничился участіемъ въ указанныхъ нами жаркихъ преніяхъ и усвоеніемъ эклектизма Кузена. Въ *Московскомъ Телеграфѣ* были переведены первая и десятая лек-

---

[1]) „Записки" *К. А. Полевого*, стр. 153—154. Къ приведеннымъ выше извѣстіямъ слѣдуетъ прибавить, что если, благодаря Розбергу, Полевой сдѣлался членомъ небольшого кружка шеллингистовъ, то первоначальнымъ знакомствомъ съ нѣмецкой философіей онъ обязанъ былъ В. П. Андросову, „отчаянному шеллингисту", по сообщенію К. А. Полевого („Записки", стр. 89).

ціи изъ курса исторіи философіи, читаннаго Кузеномъ [1]): кромѣ того, французскому эклектику были посвящаемы строки, подобныя слѣдующимъ: «Никогда еще философія французовъ не достигала такой высокой степени философскаго воззрѣнія, какой достигаетъ она съ Кузеномъ. И этотъ обширный умъ, эта глубокость мышленія, стройною гармоніею составляющія высшее познаніе великихъ истинъ, изъ мнѣній, опытовъ и заблужденій человѣчества, соединены у Кузена съ удивительнымъ искусствомъ излагать свои мысли, съ духомъ критицизма, съ умѣніемъ быть понятнымъ для самаго неопытнаго человѣка» [2]). «Въ наше время найденъ путь къ философическому воззрѣнію на предметы», писалъ Полевой въ своей статьѣ о пѣсняхъ и романсахъ Мерзлякова [3]). «Нынѣшній *эклектизмъ* совсѣмъ не безчувствіе, но опытная мудрость. Тщеславиться нечѣмъ, что старики наши его не знали: онъ составился не нами, но временемъ. Эклектизмъ, при методѣ *исторической критики*, при *этнографической*, такъ сказать, *эстетикѣ*, дастъ намъ средства быть справедливыми ко всѣмъ и ко всему. Все это не сдѣлалось еще общею принадлежностью нашего вѣка, но число избранныхъ уже довольно велико».

Въ сочиненіяхъ Кузена Полевой встрѣчалъ много мыслей, принадлежащихъ не только Шеллингу, но и Гегелю: эти мысли иногда довольно глубоко западали въ его умъ, отражаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его критическихъ очерковъ. Любопытно что, при всемъ этомъ, Полевой нѣсколько иронически относился къ прямымъ послѣдователямъ нѣмецкихъ философовъ, вліявшимъ и на его патрона. «Ничего нѣтъ забавнѣе теоретиковъ», говорилъ онъ: «которые сводятъ умствованіе человѣческое въ че-

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, №№ 10, 3.

[2]) Тамъ же, 1828, № 17.

[3]) „Очерки русской литературы", т. I, стр. 433. Надо отмѣтить, что курсъ Кузена объ истинѣ, благѣ и красотѣ, читанный имъ въ 1818 году, увидѣлъ свѣтъ не ранѣе 1836 г. и могъ быть извѣстенъ Полевому черезъ такихъ лицъ, какъ С. Д. Полторацкій или А. И. Тургеневъ, жившихъ за границей и любителей книжныхъ новинокъ, ибо рукописный курсъ существовалъ въ Ecole normale и, повидимому, имѣлъ успѣхъ. Что же касается „Fragments philosophiques", то ихъ Полевой, безъ сомнѣнія, имѣлъ подъ руками. О сочиненіяхъ Кузена см. книгу *Поля Жанэ*: Victor Cousin et son oeuvre. Paris. 1885, pp. 60—61 и „Préface de l'éditeur" къ „Cours de philosophie". Paris. 1836, p. V.

цу какого-нибудь Шеллинга или Гегеля, находя хаосъ чества на Востокѣ, младенчество въ Греціи, юность въ Римѣ, уйныхъ страстей въ среднихъ вѣкахъ и умную старость нѣшней Европѣ, которой головою полагаютъ Германію» [1]). тѣтивъ отношенія Полевого къ представителямъ западнойской философіи, переходимъ къ выясненію его взглядовъ ь и искусство [2]).

іръ и природа не проявляютъ намъ ни одной чистой, отдѣ- идеи; они суть соединеніе всѣхъ возможныхъ идей, кои ніемъ частныхъ жизней составляютъ общую жизнь при- і человѣка: отъ сего происходитъ, что, при поверхностномъ ѣ, міръ кажется совершенною неправильностью. Но умъ чества, опытомъ и умозрѣніемъ, узналъ и частные виды ныхъ идей, и общіе роды ихъ, и полноту всеобщей жизни нъ составилъ изъ нихъ цѣлые ряды однородныхъ понятій, мъ образомъ раздѣлилъ общую жизнь природы и чело- открылъ для себя вѣрныя отдѣльныя идеи истины, блага оты, проявилъ ихъ философіею и науками точными, поли- или общественною жизнью и изящными искусствами и ствами» [3]). Законы истины, блага и красоты царятъ всюду:

Очерки русской литературы", ч. I, стр. 383. Также см. статью *рина* въ журналѣ *Дѣло*, 1875, № 7, стр. 168—169. („Въ одномъ валовъ нашихъ", писалъ Полевой: „предлагали намъ жалкіе і гегелевской схоластики, излагая ее языкомъ, едва ли даже для издателей журнала понятнымъ").

) примѣненіи Полевымъ философскаго взгляда къ русской исторіи салъ г. Милюковъ въ своихъ „Главныхъ теченіяхъ русской исто- й мысли"; мы оставляемъ себѣ разрѣшеніе другого, не затрону- ъ вопроса.

По мнѣнію В. Кузена, кромѣ собственнаго „я" и физической при- ществуетъ нѣчто третье—абсолютное, безконечное начало, сли- ся съ Божествомъ, проявляющееся въ трехъ видахъ, доступныхъ овѣческаго разумѣнія: истины, блага и красоты. Но человѣкъ сначала полубезсознательною жизнью, и только постепенно под- къ познаванію Божества: „Le point de vue le plus élevé de la vie uelle est la connaissance du rapport qui rattache les idées abso- 'être infini, c'est-à-dire à la source et au fondement de toute vérité, conception de l'être infini, par delà ses formes absolues". „La pen- peut ni comprendre ni imaginer l'être lui-même, mais en deçà de sont les formes sous lesquelles il se révèle: ces formes sont les u vrai, du beau, du bien" („Cours de philosophie". Paris. 1836, -70).

«они разлиты въ безчисленномъ множествѣ народовъ, людей, вѣковъ и лѣтъ. Надобно, чтобы одинъ народъ другому, одинъ вѣкъ другому передавали свои участки. Между тѣмъ, природа и воля человѣка сражаются, ибо каждое подчиненіе частнаго эгоизма закону всеобщей необходимости есть уже пожертвованіе физическаго для духовнаго, или уступка слабѣйшаго сильнѣйшему. Отъ сего происходятъ всѣ видимые безпорядки, уклоненія, разнообразія. По вѣчнымъ законамъ истина превозмогаетъ. Торжество заблужденія бываетъ всегда временно; но оно необходимо, дабы истина потомъ восторжествовала. Необходимъ и переходъ отъ грубаго къ нѣжному, отъ тѣла къ духу. Хотите ли видѣть сей ходъ въ идеѣ истины? Сличите умозрѣнія языческихъ философовъ и христіанскихъ: основанія мудрости у тѣхъ и у другихъ одни, но какая разница? Хотите ли видѣть сей ходъ въ идеѣ блага? Читайте исторію. Человѣкъ не можетъ даже ускорить хода судебъ и перепрыгнуть черезъ ступеньки лѣстницы ихъ, ибо онъ самъ только ступенька въ сей лѣстницѣ. Были примѣры, что люди хотѣли упредить ходъ времени, хотѣли насильно наставить людей слѣдовать своей идеѣ; но всѣ сіи покушенія оканчивались неудачею, когда, напротивъ, съ наступленіемъ времени идеѣ, она была принимаема безспорно» [1]).

«Въ каждой землѣ —продолжаетъ Полевой—«есть особенный край, въ которомъ идеи обобщаются и развиваются на всѣ остальныя части земли». «Въ отношеніи къ цѣлому земному шару такое мѣсто занимаетъ Европа. Говоря собственно, почти ни одна всемірная идея не началась въ Европѣ, но всѣ онѣ,

---

[1]) Отраженіе гегелевскихъ взглядовъ въ философіи Кузена. Ср. *Paul Janet*. Victor Cousin et son oeuvre, pp. 260—261. „Si nous passons à la seconde partie du cours de 1828, à la philosophie de l'histoire, nous y remarquerons les points suivants, dont le développement nous entraînerait trop loin et qui sont d'ailleurs passablement connus: la théorie de l'histoire en général ramenée à l'évolution des idées;—la théorie des grandes époques de l'histoire (Orient, Grèce, temps modernes), chacune de ces grandes périodes résumant une idée: l'Orient l'idée de l'infini; la Grèce l'idée du fini, le monde moderne ou chrétien l'union intime de l'infini et du fini;—la théorie des peuples;—la théorie des grands hommes, chaque peuple, chaque grand homme étant l'expression d'une idée et toutes les grandes luttes de l'histoire n'étant que le triomphe d'une pensée plus avancée sur une pensée épuisée et finie: d'où la célèbre apologie de la victoire et du succès. En résumé, la philosophie de l'histoire contenue dans les leçons de 1828 se réduisait à une sorte d'optimisme fataliste, emprunté à Hegel, et qui pouvait être trop facilement inteprété en une apologie de la force".

исключенія, обобщены и развиты Европою. Въ ней кон-
періодъ вещественнаго бытія человѣческаго, и начата жизнь
человѣческаго. Первый періодъ явили Европѣ: Греція, какъ
айшій идеалъ *изящества вещественнаго*, и Римъ, какъ вы-
шій идеалъ *силы вещественной*». «Затѣмъ наступилъ пе-
жизни духа человѣческаго. Святая Земля сказала вѣчное
истины, на обломкахъ языческихъ миѳовъ, и указала на
у человѣка *внѣ міра*. Пришли дѣятели новые, разрушили
древнихъ, явили новыя идеи политическаго духа и общества
ѣческаго» [1]).

ъ самихъ идей Полевой дѣлаетъ затѣмъ переходъ къ тому,
пособствуетъ ихъ развитію, то-есть къ человѣку, признавая
мъ двойственность.

мъ человѣка погрузился въ высокую идею Бога. Всеобъ-
цая, божественная религія простерла къ нему свои материн-
объятія и утѣшила его мыслью о другомъ, неизвѣстномъ
це мірѣ. Человѣкъ хотѣлъ предать ея власти даже все то,
идѣлъ на землѣ. Но міръ, но земля взяли свое. Бытіе за
мъ, *другой лучшій* міръ могутъ тогда только наполнить все
твованіе человѣка, когда онъ отдѣлится вовсе отъ земли.
о того онъ *долженъ* здѣсь существовать. Бытіе земное об-
кивается у него жизнью внутреннею и внѣшнею. Въ первой—
открывающій міръ мышленія, или истины, и воображеніе,
ающее міръ фантазіи, или изящнаго. Таковы стихіи его
ренней жизни». «Міръ *внѣшній* заключается въ уравненіи
одного человѣка съ волею другихъ, для общаго ихъ блага.
ервомъ открывается для него источникъ всѣхъ наукъ и зна-
ъ другомъ—источникъ поэзіи и изящныхъ художествъ; въ
емъ—политическій и общественный бытъ его, какъ законы
ныхъ людскихъ сношеній, и управленія людской воли».

Іеловѣкъ, въ одно время, живетъ идеею неба и идеею земли.
цно время, онъ часть человѣчества, часть вселенной, и от-
ъ отъ нихъ самобытною жизнію. *Это безконечность и ко-
сть, дробь самая мелкая и цифра, выражающая цѣлый
даже отблескъ, болѣе нежели міра—Бога*».

Отъ того безчисленное дѣленіе и уравненіе человѣка; онъ
ъ совершенно объединиться въ одной идеѣ, можетъ раз-

Московскій Телеграфъ, 1832, № 2, стр. 220—221; № 1, стр. 93 (статья: манахъ В. Гюго и вообще о новѣйшихъ романахъ").

литься въ цѣлый міръ идей. Но чѣмъ всеобщнѣе онъ, тѣмъ выше другихъ; чѣмъ отдѣльнѣе, тѣмъ ниже. Отъ того, мужъ силы, ума и воли необъятной является превышающимъ другихъ, великимъ дѣятелемъ политическимъ; человѣкъ ума всеобщаго—философомъ: человѣкъ, увлеченный идеею изящнаго,—поэтомъ. Они худо понимаютъ другъ друга, отъ того, что каждый объемлетъ міръ изъ своей идеи. Но чѣмъ они болѣе, тѣмъ ближе другъ къ другу. Такъ высшія минуты жизни политическаго дѣятеля восходятъ къ поэзіи, и высшая практическая жизнь ведетъ къ философіи, а поэтъ въ минуты восторга понимаетъ глубокія философскія и политическія идеи, и разгадку міра и человѣка» [1]). Но несмотря

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 1, стр. 95; № 2, стр. 222.—Абсолютное начало проявляется въ природѣ и человѣкѣ, хотя и не зависитъ отъ нихъ, по теоріи Кузена: „L'absolu, quoiqu' également indépendant du monde interne et du monde externe, fait toute fois son apparition dans l'un et dans l'autre; il descend et se repose sur la nature en même temps qu'il se réfléchit dans l'intelligence: si l'homme tient de l'absolu les vérités nécessaires, l'univers en a reçu les lois qui le régissent. L'absolu plane sur l'humanité et sur la nature, les domine et les gouverne éternellement, avec cette seule différence que *l'une le sait* et que l'autre *l'ignore*" (Cours de philosophie, p. 126). Сначала *сознаніе* произвольно, схватываетъ только явленія, затѣмъ начинаетъ открывать въ преходящемъ и мѣняющемся, подъ тремя видами истины, блага и красоты, вѣчное и абсолютное начало (тамъ же, pp. 101—104). „Tout ce qui existe participe donc à l'absolu: tout ce qui est n'est pas Dieu, mais doit avoir quelque chose de Dieu" (pp. 210—211). „Chose remarquable, moi qui ne suis qu'un individu, qu'un phénomène passager, je conçois quelque chose d'universel et d'éternel" (p. 320). Съ проясненіемъ сознанія, человѣкъ менѣе и менѣе замыкается въ своемъ я и природѣ, приближаясь къ познанію истинной сущности. По мѣрѣ развитія каждой идеи (истины, блага и красоты), ея носитель (философъ, художникъ, политическій дѣятель) болѣе постигаетъ абсолютное начало, а слѣдовательно ему доступнѣе становятся и другія формы, въ которыхъ обнаруживается то же самое начало: то-есть, носитель идеи истины можетъ постигать идею блага и красоты, и т. д.

Фраза же Полевого: „Но и всеобщность есть то же уничтоженіе, ибо она не есть удѣлъ человѣка", не указываетъ ли на знакомство его съ гегелевымъ опредѣленіемъ абсолютнаго. Ср. *Фалькенберга*. Исторія новой философіи. С.-Пб. 1894, стр. 435: „Какъ прежде всего должно мыслиться *абсолютное*, какъ прежде всего оно должно быть опредѣлено? Очевидно, какъ, по меньшей мѣрѣ, не нуждающееся ни въ какихъ предварительныхъ предположеніяхъ. А самое *общее* понятіе, которое останется, если отвлечься отъ всякаго опредѣленнаго содержанія мысли, при чемъ отъ самого этого понятія уже нельзя болѣе отвлечься, самое неопредѣленное и непосредственное понятіе—есть чистое бытіе. А какъ лишенное всякаго качества и содержанія, *оно равно небытію*".

а это, «исключительности рѣшительной не можетъ и не должно ыть, ибо тогда все должно разрушиться или быть совершенно ничтожнымъ. Но и всеобщность есть то же уничтоженіе, ибо она е есть удѣлъ человѣка. Что же изъ сего слѣдуетъ? То, что олько тогда явится совершенство, когда частное и общее уравены и не превышаютъ одно другого. Человѣкъ, забывающій вои частныя отношенія для общихъ и общія для частныхъ, равно есовершенъ. Но люди безпрерывно впадаютъ въ такую крайость, и это распространяется даже на цѣлые народы. Безпрерывно народы, и люди ставятъ себя средоточіемъ и на все смотрятъ олько въ отношеніи къ себѣ и къ своей идеѣ. Такъ умозритель резираетъ опытъ, эмпирикъ — умозрѣніе, математикъ — слова, оэтъ—цифры».

Свои общія положенія Полевой примѣняетъ и къ сужденіямъ ъ искусствѣ.

«То же и въ изящномъ. Здѣсь есть своя общность и своя астность. Ими вѣрно раздѣляются изящныя искусства и художества, и опредѣляются законы идей изящнаго. Собственно, изящое не есть истина, не есть и благо: красота есть прямой симолъ и настоящая цѣль онаго. Истина и благо совершенно слиты ь нимъ [1]); но если ихъ будемъ имѣть преимущественно въ виду, ы ошибемся, точно такъ же, какъ жертвуя ими единственно для расоты. Поэтъ, художникъ, будучи гражданиномъ, будучи филоофомъ, долженъ быть собственно поэтомъ, собственно художниомъ; но онъ не будетъ ни тѣмъ, ни другимъ, если откажется въ роизведеніяхъ своихъ отъ правъ философа и гражданина».

«Въ произведеніяхъ его путеводитель восторгъ, коимъ рукоодствуютъ въ мірѣ фантазіи умъ и сердце. Міръ представляется удожнику загадкой, его твореніе есть рѣшеніе сей загадки. Онъ дѣйствуетъ притомъ какъ художникъ; не рѣшаетъ какъ философъ, е судитъ какъ гражданинъ того или другого общества, но возоздаетъ свои идеи въ образахъ, взятыхъ изъ природы и человѣка, слѣдственно, необходимо впадаетъ въ идею истины и блага, сли только изящное у него совершенно».

---

[1]) Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 2, стр. 229: „Изящное есть пряая цѣль созданій изящныхъ. Не силлогизма нравственнаго ищемъ мы ъ немъ. Если поэтъ будетъ изященъ и истиненъ, то благо или нравственность непремѣнно освѣтитъ его твореніе. Но для этого онъ долженъ изоразить намъ человѣка вполнѣ, вѣрно, и если его созданіе будетъ таково, но будетъ изящно; а тогда истина и благо отразятся на его твореніи“.

«Разумѣется, что могутъ и должны быть особенныя, частныя направленія изящнаго. Какъ музыкантъ выражается звуками, ваятель формами, живописецъ цвѣтами, поэтъ словами, такъ поэтъ въ гимнѣ можетъ говорить о любви къ отечеству, музыкантъ грозными звуками вести воина на брань, ваятель—изсѣчь его изображеніе на память потомству».

«Но чѣмъ менѣе явна частность, тѣмъ выше изящное, и чѣмъ болѣе въ немъ всеобщаго стремленія, тѣмъ болѣе оно понятно всякому. Такъ въ Шекспирѣ, Данте, Омирѣ, Гете—все удовлетворено: но односторонніе Шиллеръ, Тассъ, Исіодъ, Расинъ удовлетворяютъ только тогда, когда мы станемъ на ихъ точку зрѣнія».

«Надобно вспомнить, что́ сказали мы объ уравненіи общаго съ частнымъ. На семъ основано дѣленіе впечатлѣній и роды изящнаго, создана трагедія, комедія, эпопея, лирика, раздѣлена проза отъ стиховъ, утверждена критика, существуетъ вкусъ, какъ судія произведеній изящныхъ, и опредѣляются отношенія изящнаго къ нравственному и истинному».

«У каждаго народа сначала все бываетъ смѣшано и потомъ постепенно раздѣляется. У каждаго народа дѣлятся постепенно роды и наклоненія, образуется драма, эпопея, лирика, и у каждаго народа, совершившаго полный періодъ жизни, является и томъ въ семъ случаѣ уклоненіе схоластическое, ибо народъ, забывая, что онъ самъ не есть цѣлое, и что изящное не есть полный міръ мышленія, думаетъ, что можно сыскать полныя правила какъ производить изящное, и одному народу выполнять ими абсолютно всѣ требованія ума и сердца цѣлаго человѣчества. Так было у китайцевъ, индійцевъ, грековъ и у новыхъ классиковъ».

---

[1]) Ср. Кузена „Cours de philosophie", p. 260. „Le beau est un, c'est le beau moral ou intellectuel, c'est-à-dire le beau incorporel qui, se manifestant par des formes *visibles*, constitue le beau physique, le beau incorporel, c'est la vérité elle-même, c'est la substance, c'est l'éternel, c'est l'infini; si la vérité se montre dans les actes humains, elle devient la vérité morale, la sainteté, la justice, en un mot, *le bien*; si elle se répand dans les êtres pour leur communiquer l'harmonie et la vie, c'est la *beauté*, soit incorporelle, soit corporelle. Le vrai, le bien et le beau sont donc réunis intimement, et se pénètrent l'un l'autre dans l'unité de leur substance; ce qui est bon est beau, ce qui est beau est bon, ce qui est beau et bon est vrai. Dieu est la substance métaphysique du beau, du bien et du vrai, en d'autres termes, le bien, le beau et le vrai, conçus dans l'unité de leur substance, c'est Dieu".

Будучи абсолютной идеей, прекрасное не можетъ вполнѣ проявиться въ природѣ: „L'idée peut faire son apparition au sein de la nature; mais

II.

Таковы были общія, основныя положенія философскихъ взгля-
въ Николая Полевого, заставлявшія его отречься отъ прежней
оріи «подражанія природѣ» въ изящныхъ искусствахъ [1]) и раз-
вать иногда свои мысли въ духѣ шеллингіанской школы, какъ
ъ и поступилъ при разборѣ извѣстной книги А. И. Галича:
Опытъ науки изящнаго» [2]). Изъ этихъ же основныхъ положе-
й онъ сдѣлалъ выводъ о громадномъ значеніи народности, какъ

---

e y est toujours *voilée* et *mutilée*" (p. 190). Болѣе ярко обнаруживается
a въ созданномъ человѣческими руками: „L'idée apparaît d'une manière
us éclatante dans les oeuvres humaines, parce que le bras, guidé par
ntelligence, se rapproche davantage du modèle conçu par celle-ci; mais
dée ne peut jamais s'y réaliser tout entière" (p. 190)

Искусство изображаетъ жизнь въ ея цѣлости; а послѣдняя состоитъ
ъ видимаго и невидимаго, конечнаго и безконечнаго. „Le phénomène
l'être se partagent toutes les idées, le phénomène est varié, l'être est
nique, l'art qui représente l'unité et la variété représente donc aussi la
bstance et le phénomène. Unité et variété, telles sont donc les deux rég-
s suprêmes de l'art" (pp.208—209). „L'artiste, en détruisant et en refor-
ant *la matière*, marche à la fin de l'art qui est le triomphe de la nature
umaine sur la nature physique: *élever le réel jusqu'à l'idéal*, telle est la
ission du génie" (p. 267).

Выставляя насколько возможно ясно одухотворяющее начало приро-
ы, скрытое въ преходящихъ явленіяхъ и матеріи (p. 265), художникъ
гѣетъ цѣлью возбудить чувство прекраснаго; и чѣмъ лучше онъ выпол-
итъ свою миссію, тѣмъ яснѣе обнаружитъ одну изъ формъ, въ которыхъ
ступно для насъ безконечное начало, и тѣмъ самымъ, приблизивъ
асъ къ первоисточнику бытія, сдѣлаетъ для насъ болѣе доступными и дру-
я формы: то-есть идеи истины и блага. Ср. „Cours de philosophie", p. 226.
е отсюда ли вытекаетъ общее положеніе Полевого, примѣняемое имъ и
ія теоріи искусства: „чѣмъ менѣе явна частность, тѣмъ выше изящное?"

[1]) Ср. *Московскій Телеграфъ*. 1826, № 7: „Теорія подражанія природѣ
ровергается. Не природа *творящее*, но человѣкъ; природа только *тво-
имое*. Человѣкъ развилъ въ своихъ способностяхъ и знаніяхъ внутрен-
ій, духовный міръ свой. Это положеніе, основанное на умозрѣніи и до-
азываемое опытностью, должно быть краеугольнымъ камнемъ всѣхъ на-
ихъ системъ и изслѣдованій".

[2]) Въ отмѣченныхъ же номерахъ журнала (№№ 6, 7, 8, 10), кромѣ до-
азательствъ несостоятельности теоріи изящнаго по системѣ Батте, По-
левой повторяетъ общеизвѣстныя воззрѣнія шеллингистовъ на мірозда-
ніе: трактуетъ о микрокосмѣ, повторяющемъ въ себѣ макрокосмъ, о рас-
ширяющемся и сжимающемся движеніи и т. д. (Ср. *Московскій Телеграфъ*.
1826, № 7 и слѣд.; также „Главныя теченія" Милюкова, стр. 311—323).

*

извѣстной идеи, развиваемой тою или другой націей, и о необходимости примѣнить болѣе строгія требованія къ пріемамъ современной ему критики, къ которой относился далеко недоброжелательно.

«Русская критика», писалъ онъ: «или дико поетъ съ чужого голоса, или говоритъ и свое, но говоритъ, какъ избалованный, злой ребенокъ. Совершенное отсутствіе плана или цѣли, безмыслица (чтобы не сказать: безсмыслица), и упорная, остервенѣлая брань, ложно, пристрастно прикрываемая именами вѣры, закона и добра—таково бываетъ содержаніе многихъ русскихъ критическихъ статей. Не именуемъ никого, но знающій современную русскую литературу, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, конечно, согласится, что весьма часто даже чувство собственнаго достоинства не позволяетъ входить въ полемику со многими русскими журналистами и критиками» [1]).

Жалуясь, подобно Пушкину, на отсутствіе у насъ серьезной критики, Полевой видѣлъ причину зла едва ли не въ увлеченіи отживавшими свой вѣкъ піитиками и риториками въ ложноклассическомъ вкусѣ: «Не будемъ уподобляться старымъ Лагарпамъ, доказывая правилами риторики изящество, прелесть стихотвореній, не станемъ доказывать читателямъ каждаго слова и подсказывать имъ: «здѣсь восхищайтесь, здѣсь плачьте, здѣсь радуйтесь, здѣсь печальтесь» [2]).

Въ своихъ статьяхъ Полевой любилъ упоминать имена двухъ своихъ предшественниковъ въ области литературной критики: Жуковскаго и Мерзлякова. И тотъ, и другой, очевидно, не должны были удовлетворить его, ибо держались враждебныхъ ему теорій. Вотъ, напримѣръ, отзывъ о критическихъ опытахъ Жуковскаго:

«Наконецъ, въ сочиненіяхъ Жуковскаго находимъ три опыта критическіе: статьи: «О критикѣ», «О баснѣ и басняхъ Крылова», «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира». Въ первой Жуковскій думалъ изобразить идеалъ критика, и изобразилъ портретъ добраго, умнаго, просвѣщеннаго человѣка, живущаго въ какой-то литературной утопіи. Эту оптическую картину можно положительными примѣрами опровергнуть въ основаніи и подробностяхъ. Впрочемъ, касательно мнѣній Жуковскаго объ ученыхъ основаніяхъ критики,

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 1, стр. 86. Ср. *Дѣло*, 1875, № 7, стр. 168—169 (статья Ставрина).

[2]) „Очерки русской литературы", ч. I, стр. 172.

должно замѣтить, что они принадлежали къ тогдашней французской школѣ Лагарпа и Батте. Статья: «О баснѣ и басняхъ Крылова» вовсе неудовлетворительна. Авторъ видитъ въ поэзіи подражаніе природѣ; нравиться воображенію, образуя разсудокъ и сердце—вотъ цѣль поэзіи, по мнѣнію Жуковскаго. Басня выходитъ у него легкій урокъ, облеченный красивымъ разсказомъ. Въ Крыловѣ видитъ Жуковскій искуснаго переводчика Лафонтеновыхъ басенъ, и всю критику свою ограничиваетъ разборомъ нѣсколькихъ выраженій. То же находимъ въ статьѣ: «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира». Критикъ выписываетъ нѣсколько мѣстъ изъ Кантемировыхъ сатиръ, и приставляетъ къ нимъ разсужденіе, составленное изъ мнѣній Сульцера, Эшенбурга, Лагарпа. Не ищите тутъ ни характеристики Кантемира, ни взгляда на то, когда онъ жилъ, ни на то, о чемъ онъ писалъ, ни теоріи сатиры внѣ рамочекъ теоріи Лагарповой» [1]).

Но не соглашаясь въ принципѣ съ критическимъ методомъ предшественниковъ, Полевой платилъ имъ должную дань, признавалъ ихъ заслуги и мѣсто въ исторіи литературы: такимъ характеромъ отличается его отзывъ о Мерзляковѣ. «Нельзя также отказать въ признательности», писалъ онъ: «напримѣръ, Мерзлякову, за его умные и смѣлые разборы Россіяды и трагедій Сумарокова, хотя основанные на ложной теоріи» [2]). «Какъ послѣдователь Лагарпа, Мерзляковъ былъ теоретикомъ умнымъ и краснорѣчивымъ, сражался съ предразсудками и современными нелѣпостями неустрашимо—указывалъ и на нескладицу Сумарокова, и громадную пустоту Хераскова, и поддѣльный эллинизмъ Озерова. Таковы были его заслуги вообще. Послѣ Гнѣдича, Омиръ Мерзлякова не для насъ. Дезульеръ забыли и въ подлинникѣ; на Горація, Вергилія смотрятъ иначе. О Синавѣ и Россіядѣ не спорятъ; одъ торжественныхъ вообще не читаютъ — но виноватъ ли Мерзляковъ? Нѣтъ! вините его вѣкъ, а литературной чести у него не отнимайте. Дай Богъ, чтобы въ наше время являлись свои Мерзляковы. Покажите намъ хоть одного человѣка, который бы въ *нашъ* вѣкъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ *свой* вѣкъ?» [3]). Позднѣйшія изслѣдованія подтвердили справедливость сужденій Полевого.

---

[1]) „Очерки русской литературы", ч. I, стр. 142—143.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 379—380.
[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 434—435; ч. II, стр. 470.

«Самыя заглавія статей: «О баснѣ и басняхъ Крылова», «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира», по словамъ Галахова: «ужъ показываютъ методу критики Жуковскаго. Значитъ онъ идетъ отъ общаго къ частному. Не приступая еще къ литературному явленію, онъ предварительно излагаетъ теорію рода, къ которому это явленіе относится. За изложеніемъ началъ слѣдуетъ исторія словесныхъ произведеній, въ которыхъ, не смотря на ихъ разнообразіе, обнаруживается единство родовыхъ принадлежностей. Показавъ, что такое сатира вообще, критикъ предлагаетъ характеристику Горація и Ювенала, какъ наилучшихъ сатириковъ. При отчетѣ о трагедіи: Электрѣ и Орестѣ, онъ сравниваетъ ее съ піесами другихъ авторовъ, трудившихся надъ тѣмъ же сюжетомъ: Эсхила, Софокла, Эврипида, Кребильона, Вольтера и Альфіери».

«Такое соединеніе теоріи и исторіи при разборѣ словесныхъ произведеній—новый пріемъ, новый шагъ въ исторіи нашей критики. Отсюда начинается ея *теоретико-сравнительная метода* требующая знанія и правилъ искусства и превосходнѣйшихъ образцовъ его. Образчикъ ея частью указанъ Карамзинымъ въ разборѣ «Душеньки». У Жуковскаго она является полною и отчетливою, какъ плодъ основательнаго знакомства съ нѣмецкой эстетикой и исторіею литературъ у разныхъ народовъ, обработанной также нѣмцами. Тому же методу слѣдовалъ Мерзляковъ въ оцѣнкѣ отечественныхъ писателей, хоть въ критическихъ основаніяхъ его замѣтно *сильное вліяніе французской теоріи* и какая-то недовѣрчивость къ лучшимъ нѣмецкимъ поэтамъ. Исторической точки зрѣнія нѣтъ въ критикѣ Жуковскаго, потому что она только что зарождалась и во Франціи, и въ Германіи» [1]).

Освѣтить произведенія нашихъ поэтовъ съ исторической точки зрѣнія и такимъ образомъ пополнить значительный пробѣлъ въ русской критикѣ суждено было именно Полевому. И вотъ, онъ выбираетъ себѣ другихъ авторитетовъ, рѣзко подчеркивая ихъ разницу съ прежними.

«Могла ли публика не замѣтить», писалъ онъ въ *Телеграфѣ* «разницы свѣтлой, глубокой критики прежнихъ издателей газетъ *Le Globe* или журнала *Revue française* и старыхъ сужденій Лагарпа, Мармонтеля и даже остроумныхъ Дюссо, Гофмана, Фелеца? Могли ли не видѣть безчисленнаго множества новыхъ идей

---

[1]) *А. Д. Галаховъ*: В. А. Жуковскій (*Отечественныя записки*, 1853, № 12)

свѣдѣній, понятій, отвсюду ее обогатившихъ, и прежней бѣдности во всѣхъ отношеніяхъ» [1]).

Слова Полевого вполнѣ понятны. Человѣкъ съ недюжиннымъ умомъ, онъ видѣлъ (и не могъ не видѣть) недостатки современной ему критики, искалъ случая исправить ихъ, а случай представился при ознакомленіи съ новыми направленіями нѣмецкой, французской и англійской литературы.

Имя Шлегелей уже пользовалось въ то время извѣстностью въ Европѣ и Россіи; въ 1834 году переводъ «Исторіи древней и новой литературы» вышелъ у насъ вторымъ изданіемъ, первое же относится къ 1829 году. Полевой не преминулъ сказать объ этомъ крупномъ событіи въ своемъ журналѣ. «Мы ожидаемъ большой пользы отъ сего перевода», читали его подписчики: «и просимъ читателей нашихъ обратить на оный особенное вниманіе. Незнакомые съ подлинникомъ сей книги найдутъ здѣсь чтеніе самое поучительное, ибо авторъ, одинъ изъ первѣйшихъ европейскихъ критиковъ, обозрѣваетъ въ исторіи своей почти всѣ литературы и говоритъ о нихъ, какъ философъ, обогащенный величайшими филологическими познаніями. Появленіемъ такихъ книгъ должно дорожить и учиться изъ нихъ. Всякому, кто только имѣетъ возможность, совѣтуемъ прочитать Шлегеля: время, употребленное имъ на сіе чтеніе, не погибнетъ втуне» [2]).

Смотря на литературу, какъ на «совокупность умственной жизни народа», Шлегель имѣлъ намѣреніе «представить духъ литературы въ каждомъ вѣкѣ, всю цѣлость оной и ходъ ея развитія у важнѣйшихъ народовъ» [3]); кромѣ того, «показать вліяніе литературы на общественную жизнь, на судьбу народовъ и на ходъ вѣковъ» [4]). «Чтобы сдѣлать европейское образованіе болѣе понятнымъ, онъ почиталъ всего приличнѣе упомянуть объ образѣ мыслей и образованности Востока тамъ, гдѣ они пріобрѣли вліяніе на Европу

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 2, стр. 214. — *Jean-Joseph Dussault* (1769 † 1824), *François-Benoît Hoffmann* (1760 † 1828) и *Charles-Marie Féletz* (1767 † 1850)—извѣстные въ свое время критики, сотрудничавшіе въ *Journal des Débats* и державшіеся болѣе старыхъ классическихъ традицій, чѣмъ новыхъ литературныхъ направленій (особенно ратовалъ противъ новшествъ области литературы—*Féletz*). См. *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 2, стр. 216.

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 12, стр. 504.

[3]) *Фр. Шлегель*. Исторія древней и новой литературы. Переводъ съ нѣмецкаго В. Д. Комовскаго. С.-Пб. 1834, ч. I, стр. VIII.

[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 1.

и начали дѣйствовать на нее. Потомъ посвящено особенное вниманіе нашимъ первобытнымъ вѣкамъ, сѣверному богоученію и отъ него происшедшимъ: поэзіи рыцарскихъ столѣтій и искусству среднихъ вѣковъ, когда, во время Крестовыхъ походовъ, Европа снова пришла въ обильныя сношенія съ Востокомъ. Слѣдующія за тѣмъ лекціи посвящены эпохѣ со времени возстановленія наукъ и подробному начертанію литературы осьмнадцатаго столѣтія».

Относительно же послѣдняго Шлегель говоритъ: «Намъ необходимо должно, хотя краткою характеристикою, привести въ воспоминаніе Бакона, Декарта, Локка и нѣкоторыхъ другихъ героевъ семнадцатаго столѣтія для того, чтобы умѣть правильно изобразить и постигнуть всѣ духовныя и нравственныя дѣйствія, произведенныя Вольтеромъ и Руссо, не только на Францію, но и на всю Европу» [2]).

Представить общее развитіе всемірной литературы, выяснивъ сначала постепенный расцвѣтъ литературы каждой національности и указавъ на взаимодѣйствіе между разными народами, было бы невозможно безъ историческаго метода, который достаточно ясно проявляется въ приведенныхъ словахъ автора курса «О древней и новой литературѣ».

Г-жѣ де-Сталь принадлежитъ починъ въ проведеніи новыхъ взглядовъ на критическіе пріемы во Франціи. Ея произведенія были извѣстны въ нашемъ обществѣ двадцатыхъ годовъ. Полевой часто упоминалъ ея имя какъ въ своемъ періодическомъ изданіи, такъ и въ позднѣйшихъ статьяхъ. Г-жа Сталь фигурируетъ даже героиней переводнаго романа Жанлисъ «Замокъ Копенетъ», помѣщеннаго въ *Московскомъ Телеграфѣ* [3]); ясные намеки на большое значеніе ея литературной дѣятельности заключаются хотя бы въ слѣдующихъ словахъ Полевого: «Въ самое несчастное время французской литературы были Вольтеры, Руссо, Монтескье и послѣ нихъ явились Шатобріаны, *Сталь* и *славные товарищи ихъ* [4]).

---

[1]) *Шлегель*, ч. I, стр. 17—18.

[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 169—170.

[3]) *Московскій Телеграфъ*, 1831, №№ 20, 21, 22; см. тамъ же, 1834, № 3.

[4]) „Очерки русской литературы", ч. I, стр. 442. Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1826, № 22, стр. 62—63, или Полное собраніе сочиненій князя *П. А. Вяземскаго*, т. I, стр. 223: „на всѣхъ споспѣшниковъ литературнаго переворота первая и болѣе всѣхъ дѣйствовала г-жа Сталь: ее можно назвать Лютеромъ французской литературы, а книгу ея: *„О Германіи"* — кормчею книгою французскаго литературнаго протестантизма".

Въ своей книгѣ «De la littérature» (1800), исходя изъ положенія, что «les sciences ont une connexion intime avec toutes les idées dont se compose l'état moral et politique des nations», Сталь слѣдующимъ образомъ намѣчаетъ задачу своего труда: «Je me suis proposé d'examiner quelle est l'influence de la religion, des moeurs et des lois sur la littérature, et quelle est l'influence de la littérature sur la religion, les moeurs et les lois. Il existe dans la langue française, sur l'art d'écrire et sur les principes du goût, des traités qui ne laissent rien à désirer; mais il me semble que l'on n'a pas suffisamment analysé les causes morales et politiques qui modifient l'esprit de la littérature...» «En observant les différences caractéristiques qui se trouvent entre les écrits des Italiens, des Anglais, des Allemands et des Français, j'ai cru pouvoir démontrer que les institutions politiques et religieuses avaient la plus grande part à ces diversités constantes» [1]). Этотъ «новый, широкій, плодотворный принципъ заключаетъ въ себѣ», по мнѣнію Лансона, все позднѣйшее развитіе критики» [2]).

Абель-Франсуа Вильменъ былъ достойнымъ продолжателемъ Сталь. Его труды по исторіи литературы XVIII вѣка и среднихъ вѣковъ привлекали вниманіе соотечественниковъ и иноземцевъ. Полевой ознакомился съ сочиненіями Вильмена, указывалъ на ихъ крупныя достоинства, но и не закрывалъ глаза на встрѣчающіеся въ нихъ, съ его точки зрѣнія, недостатки. Въ 17-мъ номерѣ *Московскаго Телеграфа* за 1828 годъ помѣщенъ слѣдующій общій отзывъ о Гизо и Вильменѣ: «При всемъ уваженіи нашемъ къ талантамъ г-дъ Гизо и Вильмена, мы признаемся, что, зная нѣкоторыя сочиненія ихъ, можемъ надѣяться отъ нихъ блестящаго изложенія, важныхъ истинъ, сказанныхъ краснорѣчиво, и ничего болѣе. Они оба еще не достигли того высшаго критицизма, который можетъ отвлекаться отъ всѣхъ частныхъ заблужденій, отъ предразсудковъ народныхъ и природныхъ, такъ сказать, препятствующихъ познанію истины вполнѣ. Они не являютъ еще намъ и той всеобщности, той способности переселяться во всѣ вѣка и ко всѣмъ народамъ, думать, смотрѣть такъ, какъ сіи вѣка и народы думали и смотрѣли. Читая Гизо, видите просвѣщеннаго, умнаго, здраво и искренно мыслящаго человѣка, но замѣчаете и

---

[1]) *M-me de Staël*. De la littérature. Paris. 1858, pp. 9, 12, 13.

[2]) *Г. Лансонъ*. Исторія французской литературы. XIX вѣкъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей П. О. Морозова. С.-Пб. 1897, стр. 28.

пристрастіе, и предразсудки француза, и недостатокъ универса наго просвѣщенія, какой въ практикѣ виденъ у англичанина, теоріи у нѣмца. Говорятъ, что Вильменъ обладаетъ непреобо мымъ даромъ краснорѣчія и что, слыша его говорящаго, у каетесь невольно. Само по себѣ разумѣется, что въ печати увлекательность исчезаетъ и недостатки виднѣе. На нынѣш годъ Вильменъ читаетъ лекціи о французской литературѣ XVIII в *Въ изданныхъ имъ лекціяхъ помѣщено обозрѣніе англійск писателей, имѣвшихъ особенное вліяніе на французскую ли ратуру.* Онъ подробно разобралъ Ричардсонову «Клариссу»: эт разборъ, и мысли Вильмена объ исторіи, полагаютъ въ чи лучшихъ, какія только бывали, его лекцій».

Въ 1833 году, то-есть пять лѣтъ спустя послѣ появленія и веденной рецензіи, напечатана въ *Московскомъ Телеграфѣ* ; гая рецензія, переведенная съ французскаго и принадлежав Вильмену, который разбиралъ въ ней «Эпикурейца» Томаса М Въ предисловіи къ переводу сказано: «При появленіи сего ром (a tale) *извѣстный Вильменъ* напечаталъ въ одномъ франц скомъ журналѣ рецензію онаго, *съ которою мы совершс согласны»* [1]).

Безпристрастная и научно-обоснованная критика была конеч цѣлью изслѣдованій Вильмена [2]). Исторія литературы тѣсно с зана, по его представленіямъ, съ внутренней жизнью нар Потому слѣдующія задачи представляются для разрѣшенія и рика литературы XVIII вѣка. «Enfin, il restait à marquer l'in ence que la littérature du XVIII siècle avait exercée sur l'Eu et sur le monde. Dans la gloire de l'empire, on semblait oub que le règne de nos idées avait précédé celui de nos armes; eût craint, pour ainsi dire, que l'un ne fît tort à l'autre; on p lait à peine de ce privilège qu'avaient eu les livres français dominer au loin, dans l'inertie politique de l'ancien gouvernem et de représenter à eux seuls toute l'activité extérieure de France» [3]).

Французская литература и заимствовала многое изъ друг литературъ, и сама оказывала вліяніе на послѣднія, давая лю пытные для изслѣдователя примѣры международнаго обмѣна и

---

[1]) *Московскій Телеграфъ,* 1833, № 13, стр. 106. Ср. „Очерки русской тературы", ч. II, стр. 469.

[2]) „Cours de littérature française" Вильмена былъ изданъ въ 1828 г

[3]) *Villemain.* Cours de littérature. Paris. 1847, t. I, pp. III—IV.

«C'est ainsi que la dernière partie de ce cours a nécessairement compris plusieurs points de littérature et d'histoire étrangère: non seulement j'ai signalé le contre-coup du génie français au dehors, dans plusieurs productions célèbres d'Angleterre et d'Italie: il m'a fallu montrer les idées de la France agissant sur les institutions des autres Etats, avant de se réaliser dans les nôtres...» «Mais d'abord j'avais à retracer tout ce qui a précédé cette influence et la rendait irrésistible. Je fais voir combien l'esprit français, au commencement du XVIII siècle, emprunta lui-même à l'étranger, et que de choses il rendit puissantes, en les répétant»[1]).

Направленіе французской литературы XVIII вѣка съ ея скептической философіей, съ ея подражаніемъ иноземному и политическими преобразованіями имѣетъ мало общаго съ духомъ литературныхъ произведеній предшествовавшаго столѣтія, когда царила религіозность, приверженность античному міру и монархія Людовика XIV—однако предыдущее подготовило послѣдующее. и, говоря словами Вильмена: «la grandeur et les abus de la première (époque) devaient enfanter l'autre».

Это случилось въ силу дѣйствія закона непрерывнаго и послѣдовательнаго развитія историческихъ явленій, которыя не допускаютъ скачковъ и пробѣловъ.

«De même que dans l'ordre matériel les altérations les plus profondes s'opèrent par degrés insensibles. ainsi ce prodigieux changement des esprits fut d'abord graduel: mille symptômes l'avaient annoncé; et il se produisit par nuances successives. Les deux époques si disparates ont des points où elles se confondent» [2]).

Дальнѣйшее развитіе литературной критики во Франціи неразрывно связано съ дѣятельностью знаменитаго Сентъ-Бева; слава его достигла предѣловъ Россіи, и первымъ изъ нашихъ журналистовъ, обратившихъ на него вниманіе русскаго общества, былъ тотъ же Николай Полевой [3]). Дѣлаемъ выдержки изъ его статей, характеризующихъ критико-біографическіе этюды Сентъ-Бева.

«Сентъ-Бевъ считается однимъ изъ лучшихъ французскихъ критиковъ нашего времени. Подъ именемъ «Разборовъ и портре-

---

[1]) *Villemain.* T. I, pp. III—V.

[2]) Тамъ же, t. I, pp. 1—3.

[3]) О Сентъ-Бевѣ упоминали, впрочемъ, и другіе журналы, но недостаточно цѣнили его крупный критическій талантъ; такъ въ *Литературной Газетѣ*, 1831, № 32, стр. 258—была помѣщена рецензія по поводу «Vie, poésies et pensées".

товъ литературныхъ, онъ издалъ теперь статьи свои, досель разсѣянныя въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Книга Сентъ-Бева отмѣнно любопытна.

Кромѣ различія въ духѣ и направленіи своемъ, нынѣшняя критика отличается и самою формою отъ прежней. Прежняя, приступая къ дѣлу, прежде всего изображала и выводила правила и законы, установленные для каждаго предмета. Потомъ прилагивала она разбираемый ею предметъ на эти рамы, а затѣмъ обращалась къ работѣ мелочной, химически разлагая подробности. Теперь дѣло идетъ совсѣмъ иначе. Всего менѣе занимаются критики подробностями: всего болѣе самымъ творцомъ, чтобы по изъясненію его духа и условій его жизни, изъяснять и его творенія. Такъ въ исторіи, напримѣръ, критикъ изъяснитъ и опредѣлитъ не условныя правила, но самый предметъ, и ему легко уже послѣ того показать достоинства и недостатки новаго сочиненія, легко узнать, что прибавляетъ оно къ суммѣ знанія прежняго, что представляетъ хорошо и что недостаточно и невѣрно.

Для прежней критики словъ и мелочей, увѣренной въ непреложности основаній искусства, время, вѣкъ, страна, самъ творецъ, жизнь его и средства, духъ его, образъ его понятій ничего не значили. «Лузитанецъ», «Освобожденный Іерусалимъ», «Потерянный рай», «Генріяда», «Фарсалія» судились, какъ эпическія поэмы, по общимъ мнимоаристотелевскимъ правиламъ, отъ того Мильтонъ и Камоэнсъ сдвигались въ понятіи критики ниже другихъ, а о Divina Comedia, Неистовомъ Орландѣ», «Магабхаратѣ» критики не знали даже, что сказать: у нихъ не было аршина, которымъ можно бы было все это смѣрить».

Самый образъ изложенія старинныхъ критикъ походилъ отъ того на просмотръ учителемъ ученическихъ тетрадокъ и на ученыя, сухія диссертаціи. *Нѣмецкая* критика, не смотря на измѣненія духа, до сихъ поръ сохранила вообще эту ученую и ученую форму. Критика *англійскихъ* обозрѣній приняла форму болѣе живую, болѣе движимую и болѣе объемлющую. Ей послѣдовала новая *французская* критика, кромѣ нѣкоторыхъ журналовъ, упорствующихся старины. Новая критика дѣлаетъ такъ, что *разборъ книги* самъ по себѣ *становится твореніемъ художническимъ*: это лекція основательная, умная, складная, занимательная, а не утомительная диссертація, не сухой переборъ словъ и мыслей не урокъ ученическій. *Въ Телеграфѣ* помѣщали мы много разборовъ и рецензій, взятыхъ изъ лучшихъ англійскихъ и фран-

цузскихъ журналовъ, такъ что читатели *Телеграфа* могли хорошо ознакомиться съ сущностью и самой формою новѣйшей критики».

«Сентъ-Бевъ принадлежитъ къ новой школѣ критики. Онъ смотритъ обширнымъ взглядомъ не на слова, но на духъ, и каждая изъ его статей есть характеристика не только созданія, но и самого автора. Прочитавъ статьи его о Корнелѣ, Расинѣ, Буало, Лафонтенѣ, Севиньи, вы видите картины вѣка ихъ и портреты ихъ самихъ. По личнымъ отношеніямъ, можетъ быть, слишкомъ увлекаемый пристрастіемъ въ статьяхъ о Шенье, Гюго, Фарси, Оберманѣ и Ламене, Сентъ-Бевъ совершенно безпристрастенъ въ сужденіяхъ своихъ о классикахъ. Даже иногда видна въ немъ излишняя свѣтская уклончивость. Но въ то же время любопытно видѣть изъ его примѣра, какъ теперь перемѣнилось во Франціи все литературное направленіе. Не узнаете, не вѣрите, что это пишутъ потомки Лагарповъ, Батте, Фреронов, Жоффруа! Основательность, безпристрастіе, умѣренность — доказательства правоты и увѣренности въ дѣлѣ своемъ отличаютъ, какъ мы сказали, критики Сентъ-Бева. Но желательно бы было видѣть въ нихъ нѣсколько болѣе изложенія теоріи. Авторъ, кажется, уже слишкомъ боится всякихъ теоретическихъ выводовъ — можетъ быть, напуганный тѣмъ, что предшественники его, старое поколѣніе французской литературы, городили ихъ безъ всякой жалости, и отъ того практика тонула въ морѣ своевольныхъ правилъ и выводовъ. Это неоспоримая правда: но ошибка однихъ доказываетъ ли, что всѣ должны ошибаться? Во всемъ есть притомъ средина. Говоря о Корнелѣ и Расинѣ, говоря о томъ, что въ нихъ такъ или не такъ, надобно же предложить, если не *дидактически*, то *исторически* и *критически* идеалъ истинной драмы. Безъ этого все остается въ сужденіи вашемъ какая-то пустота и неполнота. Но гдѣ *истинная* драма и что́ такое *истинная* драма? Вы не беретесь за рѣшеніе такихъ вопросовъ? И прекрасно: не выводите общихъ положительныхъ *правилъ*: положите правиломъ, что *каждое явленіе литературное создается изъ условій жизни творца его; но, въ дополненіе, сообразите же различныя условія вѣковъ и общества*. И тогда явится теоретическое воззрѣніе на Корнеля, Расина, Шекспира; и ваши изученія сихъ великихъ людей будутъ полны, и будетъ замѣщено то, что́ у прежнихъ критиковъ занимали выводы правилъ, произвольно общіе для всѣхъ».

Намъ кажется, что переводъ книги Сентъ-Бева былъ бы полезенъ и для русскихъ читателей. Любопытно и поучительно было бы для нихъ новое воззрѣніе французской критики на людей, столь извѣстныхъ имъ. Имена: Буало, Севиньи, Корнеля, Лафонтена, Расина, Ж.-Б. Руссо, Лебрена, Ренье, А. Шенье, Дидеро, Прево, знакомы нашей публикѣ не менѣе именъ Ломоносова, Державина, Карамзина. Но до сихъ поръ къ этимъ именамъ, у многихъ, привязаны еще побрякушки старинныхъ предубѣжденій. Пусть же увидятъ, что думаютъ и говорятъ о нихъ сами французы въ наше время. Пусть увидятъ, напримѣръ, Буало, о которомъ у насъ до сихъ поръ повторяются многими условныя слова старыхъ классиковъ: «Le poète du bon sens, le législateur de notre Parnasse»; пусть видятъ его изображеннымъ во всей его парнасской щепетильности, во всемъ мелочничествѣ его вѣка, въ то же время съ отдачею справедливости Буало въ томъ, въ чемъ должно отдать ее» [1]).

Свои взгляды на критическіе пріемы Сентъ-Бевъ высказалъ въ статьѣ, посвященной разбору жизни и литературной дѣятельности Буало [2]).

De nos jours», читаемъ въ его этюдѣ, «une haute et philosophique méthode s'est introduite dans toutes les branches de l'histoire. Quand il s'agit de juger la vie, les actions, les écrits d'un homme célèbre, on commence par bien examiner et décrire l'époque qui précéda sa venue, la société qui le reçut dans son sein, le mouvement général imprimé aux esprits: on reconnaît et l'on dispose, par avance, la grande scène où le personnage doit jouer son rôle; et lorsqu'il intervient, tous les développements de sa force, tous les obstacles, tous les contre-coups, sont prévus, expliqués, justifiés: et de ce spectacle harmonieux, il résulte par degrés dans l'âme du lecteur une satisfaction pacifique où se repose l'intelligence. Cette méthode ne triomphe jamais avec une évidence plus entière et plus éclatante que lorsqu'elle ressuscite les hommes d'état, les conquérants, les théologiens, les philosophes: mais qu[illegible]

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1833, № 1, стр. 164—169. Статья по поводу выхода въ свѣтъ: „Critiques et portraits littéraires".

[2]) *Sainte-Beuve*. Critiques et portraits littéraires. Bruxelles. 1832, pp. 5—8. Хотя первое, намъ извѣстное, собраніе статей Сентъ-Бева помѣчено 1832 годомъ, но эти статьи появлялись въ журналахъ ранѣе (Сентъ-Бевъ сотрудничалъ въ журналахъ: *Le Globe*, *Revue des deux mondes*, *Revue de Paris* и др.) и могли быть въ первичномъ видѣ знакомы Полевому.

s'applique aux poètes et aux artistes, qui sont souvent des
s de retraite et de solitude, les exceptions deviennent plus fré-
ntes, et il est besoin de prendre garde». «Vous aurez fait de
ux et légitimes raisonnements sur les races ou les époques pro-
nues; mais il plaira à Dieu que Pindare sorte un jour de Béotie,
qu'un autre jour André Chénier naisse et meure au XVIII-e
le. Sans doute ces aptitudes singulières, ces facultés merveil-
es reçues en naissant se coordonnent toujours tôt ou tard avec
iècle dans lequel elles sont jetées et en subissent des inflexions
ibles. Mais pourtant ici l'initiative humaine est en première
e et moins sujette aux causes générales».

«Il me semble donc que lorsqu'on parle d'un artiste et d'un
e, surtout d'un poète qui ne représente pas toute une époque,
st mieux de ne pas compliquer dès l'abord son histoire d'un
vaste appareil philosophique, de s'en tenir, en commençant,
caractère privé, aux liaisons domestiques, et de suivre l'individu
près dans sa destinée intérieure, sauf ensuite, quand on le
naîtra bien, à le traduire au grand jour, et à le confronter
son siècle».

Уже Сентъ-Бевъ, обращая главнымъ образомъ вниманіе на
ность, изучая ея воспитаніе, домашнюю жизнь, чтобы вы-
ить характеръ ея творчества, положилъ во Франціи блестящее
ало цѣлому ряду критико-біографическихъ опытовъ (essays);
настоящей родиной такого рода литературныхъ критикъ была
лія, гдѣ приблизительно въ это время началась плодотворная
тельность Маколея, помѣщавшаго свои статьи въ *Эдинбург-
мъ Обозрѣніи* (*Edinburgh Review*) и другихъ періодическихъ
аніяхъ.

Essays англійскихъ критиковъ увлекали многихъ, которые
читали; восторгался ими и Полевой, переводившій подобнаго
а этюды въ *Московскомъ Телеграфѣ* [1]). Эти этюды были
нены должнымъ образомъ.

«Мы уже говорили», напечатано въ журналѣ Полевого, «что
лійскія *Обозрѣнія* состоятъ только изъ критическихъ разборовъ

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, №№ 5, 6: статья «Oeuvres complètes
Machiavel" (изъ *Edinburgh Review*, 1827, мартъ), неправильно приписан-
, вмѣсто Маколея, Роско. Также, „Jean Paul Richter's Leben", статья
Bibliothèque universelle (переводъ на французскій языкъ англійскаго
да изъ *Edinburgh Review*) — *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 14, стр.
—258.

книгъ. Образъ и расположеніе разборовъ сихъ доставляетъ рецензентамъ средства излагать свои мысли, представлять соображенія предметовъ такъ, что *собственно разборъ книгъ* составляетъ самую малую часть ихъ статей. Исключивъ изъ статьи *Обозрѣнія*, что́ говорится о разбираемой книгѣ собственно, вы найдете превосходную диссертацію о какомъ-нибудь любопытномъ, занимательномъ предметѣ. Такъ мы представили нашимъ читателямъ переводы статей: «О послѣднемъ переломѣ англійской торговли» и «Сравненіе промышленности Англіи и Франціи» (*Московскій Телеграфъ*, 1827, т. XVII, 283; XVIII, 5, 92 и 177), взятыхъ нами изъ *Edinburgh Review* и *Quarterly Review*. И въ нынѣшнемъ году была у насъ статья: «Объ огнедышащихъ горахъ», изъ *Westminster Review*: всѣ онѣ въ подлинникѣ суть *рецензіи на книги*, изъ коихъ мы исключили, что́ относится собственно къ книгамъ, которыя разбирались въ рецензіяхъ. Обширные предметы часто заставляютъ англійскихъ журналистовъ писать статьи огромныя: такъ, мы принуждены были нѣсколько сократить важную статью о Макіавелѣ, занимающую въ англійскомъ подлинникѣ почти сорокъ страницъ» [1]).

Въ этюдѣ Маколея нарисована художественная картина итальянскаго общества XV вѣка, и дана блестящая характеристика Макіавеля.

«Макіавель», говоритъ авторъ: «представляется намъ чудовищнымъ смѣшеніемъ несовмѣстимыхъ качествъ: великодушія и эгоизма, жестокости и благодѣтельности, хитрости и простоты, отвратительнаго злодѣйства и героизма праведника или гражданина древней Греціи».

Это непонятное совмѣщеніе діаметрально противоположныхъ свойствъ *объясняется съ исторической точки зрѣнія*. Необходимость подобнаго объясненія указываетъ хотя бы тотъ фактъ, что «*мнѣнія Макіавеля не были предосудительными понятіямъ его соотечественниковъ и современниковъ*», и что «*въ жизни своей Макіавель наслаждался всеобщимъ уваженіемъ*».

«Итакъ: не въ нравственности ли итальянцевъ Макіавелева времени должны мы искать изъясненія всего, что́ кажется непонятнымъ въ жизни и сочиненіяхъ сего знаменитаго флорентійца?»

Подробный анализъ эпохи приводитъ Маколея къ слѣдующему выводу: «Макіавель сдѣлался жертвой потомства за свой вѣкъ

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 6, стр. 248—249.

за своихъ современниковъ», и «единственная вина его состояла въ принятіи нѣкоторыхъ правилъ, тогда всѣми принятыхъ, и въ изложеніи ихъ съ бо́льшею силою, въ бо́льшемъ порядкѣ, нежели излагали ихъ другіе писатели современной ему эпохи».

На чтеніи и изученіи произведеній перечисленныхъ авторовъ, представителей европейской критики, зрѣли вкусы и литературно-критическіе взгляды Николая Полевого, съ интересомъ слѣдившаго за всѣмъ новымъ и полезнымъ, что́ только ни появлялось на Западѣ... Замѣчательная воспріимчивость и способность усваивать и перерабатывать чужое дали ему возможность стряхнуть съ себя тягостныя оковы ложноклассической критики, проникнуться нарождающимися, животворными вѣяніями и примѣнить многое къ русской литературѣ... Отъ его критическихъ статей одинъ шагъ къ статьямъ знаменитаго родоначальника новѣйшей художественно-аналитической школы —Виссаріона Бѣлинскаго, безспорно, много обязаннаго своему даровитому предшественнику...

III.

Съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ на литературномъ поприщѣ Полевой не былъ доволенъ критическими опытами современныхъ писателей; еще рѣзче проявилось это недовольство въ его позднѣйшихъ статьяхъ. Онъ не удовлетворяется «безотчетною хвалою», которая славила великихъ писателей; раздражается, читая «возгласы тонкаго цѣнителя твореній Державина»; онъ твердо убѣжденъ, что невозможно судить Державина «по уложенію англійскаго, греческаго, нѣмецкаго суда», «не зная различія эпохъ, направленій, образованій духа человѣческаго» [1]).

«Слова: «радуемся» и «сожалѣемъ», писалъ Полевой: «составляютъ у насъ два великіе столпа критики. И должно признаться, что, несмотря на свою шаткость, они суть весьма хорошія средства выпутаться изъ всякаго критическаго затрудненія. Ими такъ легко можно встрѣтить и проводить всякое литературное предпріятіе. Тотъ, кому не далось ихъ искусство, принужденъ думать, размышлять, отдѣлять добрую цѣль отъ образа исполненія, разсматривать то и другое, взвѣшивать цѣль со средствами, средства съ исполненіемъ, исполненіе съ пользою. Сколько работы!

[1]) „Очерки русской литературы", ч. I, стр. 3—4.

Правда, мы ставимъ сей родъ критики выше перваго и полагаемъ, что только подобное обсуживаніе дѣла должно почесться доказательствомъ желанія добра предпріятію со стороны критики, потому что оно приноситъ пользу несомнѣнную, если только мнѣніе высказано совѣстливо» [1]).

Новая критика будетъ руководствоваться *исторической* точкой зрѣнія.

«Критическій взглядъ на прошедшее въ русской словесности имѣетъ для насъ особенный интересъ. Любопытно слѣдить шаги, взвѣшивать усилія, перецѣнивать, относительно къ своему времени, прежніе подвиги такой словесности, которая давно уже начинается, но еще не установила своихъ законовъ, не воздвигла себѣ непоколебимыхъ памятниковъ и даже не узнала всѣхъ основныхъ стихій, изъ которыхъ она будетъ составлена. Такова наша словесность. Здѣсь каждый новый взглядъ, каждая новая критическая работа можетъ быть заслугой. *Если не станемъ перебирать прежняго, какимъ же образомъ выведемъ положенія для настоящаго? Какъ узнаемъ мѣру этого настоящаго и гдѣ найдемъ точки сравненія при опредѣленіи нашихъ успѣховъ?* Конечно, наши предшественники судили, рѣшали, распредѣляли славы, жаловали въ безсмертіе, осуждали и обрекали забвенію. Но предшественники были люди; у нихъ были страсти и личныя отношенія къ людямъ, которыхъ они миловали или карали. *Сіи страсти, сіи личныя отношенія для насъ уже не существуютъ, и чѣмъ болѣе мы отъ нихъ удаляемся въ порядкѣ времени, тѣмъ основательнѣе можемъ надѣяться, что становимся безпристрастнѣе не только первыхъ судей, но и послѣдовавшихъ за ними перецѣнщиковъ, можемъ видѣть предметы нѣсколько лучше ихъ и опредѣлять мѣру вѣрнѣе.* Во всякомъ случаѣ, пусть только мнѣнія наши будутъ скромны, добросовѣстны, основаны на той логикѣ, которая намъ кажется ближайшею къ здравому сужденію; въ нихъ всегда найдется участокъ пользы, а всѣ общія пользы состоятъ изъ участковъ» [2]).

Навѣянный чтеніемъ нѣмецкихъ и французскихъ критикъ историческій взглядъ на судьбы нашей литературы нашелъ себѣ практическое примѣненіе въ критико біографическихъ этюдахъ Полевого и въ его критическихъ статьяхъ, посвященныхъ разъ

---

[1]) „Очерки русской литературы“, ч. I, стр. 355—356.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 384.

бору одного какого-либо извѣстнаго литературнаго произведенія.

Критико-біографическій этюдъ былъ чуждъ русской литературѣ до Полевого; встрѣчавшіеся до него критическіе опыты въ этомъ родѣ отличались иными свойствами, но тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія.

Однимъ изъ первыхъ попытавшихся соединить критику съ біографіей писателя былъ Карамзинъ, написавшій статью «О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ» (1803). Задача была выполнена не смотря на талантливость автора, довольно неумѣло и неискусно. Біографическія свѣдѣнія о творцѣ «Душеньки» приводятся безъ связи съ его произведеніями, а также безъ всякой связи съ эпохой и ея взглядами. Разбору «Душеньки» не предпослано никакого очерка развитія подобнаго рода произведеній на Западѣ, не выяснены историческія условія ея появленія въ русской литературѣ. Самъ разборъ—исключительно эстетическій съ классической закваской, выражающейся въ анализѣ отдѣльныхъ выраженій; при этомъ видны уже начатки сравнительнаго метода, столь распространеннаго впослѣдствіи. Карамзинъ откровенно признавался, что онъ критикуетъ «безъ всякаго ученаго масштаба», хотя и безъ классическаго педантизма, ибо къ произведеніямъ, которыя «основаны на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса», не примѣнимы суровыя «правила Аристотеля».

По слѣдамъ Карамзина [1]) пошелъ князь Вяземскій съ тою только разницей, что онъ болѣе усовершенствовалъ свой этюдъ, руководствуясь западно-европейскими образцами. Статьи князя П. А. Вяземскаго: «О жизни и сочиненіяхъ Озерова» (1817) и «Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ив. Ив. Дмитріева» (1823), по словамъ автора, «должны были имѣть въ свое время отпечатокъ и какой-то запахъ новизны». Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы онѣ напоминали позднѣйшіе англо-французскіе essays, которые всегда писались по поводу изданія въ свѣтъ сочиненій

---

[1]) „По крайней мѣрѣ въ нашей словесности", пишетъ Вяземскій: „не имѣлъ я предъ собою образца, за которымъ могъ бы слѣдовать—развѣ статья Карамзина о Богдановичѣ нѣсколько подходила къ цѣли, мною себѣ предназначенной. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ моихъ, едва ли не съ дѣтскихъ, любимымъ чтеніемъ моимъ были біографическіе очерки, литературно-біографическія академическія рѣчи, которыми французы такъ богаты и въ которыхъ достигаютъ они до блестящихъ успѣховъ" (Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 52).

какого-либо поэта или общественнаго дѣятеля и стали появляться въ литературѣ не ранѣе второй половины двадцатыхъ годовъ (Маколей, Сентъ-Бевъ).

Въ этихъ опытахъ Вяземскій даетъ прежде всего, подобно Карамзину, свѣдѣнія о жизни писателя, затѣмъ дѣлаетъ эстетическую оцѣнку его произведеній и прибѣгаетъ къ помощи стараго сравнительнаго анализа, на основаніи котораго опредѣляетъ вкусы разбираемаго писателя. Такъ поступилъ онъ при разборѣ «Эдипа въ Аѳинахъ», сопоставляя его съ «Эдипомъ» Софокла и «Эдипомъ у Адмета», трагедіею Дюсиса, и другими, указывая также вліяніе Оссіана на трагедію «Фингалъ». Кромѣ того, Вяземскій любилъ разбору какого-либо литературнаго вида предпосылать историческій (правда, краткій) очеркъ исторіи этого вида въ русской литературѣ. «Приступая къ разсмотрѣнію произведеній Озерова», онъ «сказалъ нѣчто о русскомъ театрѣ». Здѣсь разсматриваются вкратцѣ трагедіи Сумарокова и Княжнина, чтобы было легче указать мѣсто, которое должны занимать произведенія Озерова въ ряду другихъ, однородныхъ имъ; въ статьѣ о Дмитріевѣ Вяземскій останавливается на исторіи басни, разбираетъ бѣгло произведенія Сумарокова, Хемницера, Баркова, Хераскова, Майкова, а затѣмъ уже переходитъ къ басням Дмитріева.

Но всѣ эти предпосылаемые краткіе очерки о предшественникахъ не даютъ представленія о понятіяхъ и литературныхъ вкусахъ современнаго разбираемому поэту общества, и тѣмъ менѣе связываютъ эти понятія и вкусы съ извѣстными направленіями иностранной литературы. Такимъ образомъ, почва, на которой возникли творенія Озерова и Дмитріева, остается все-таки неизслѣдованной, читатель не знакомится съ духомъ времени данной эпохи, и имѣющіе претензію на названіе «историческихъ» упомянутые очерки сводятся на рядъ простыхъ сопоставленій или даже упоминаній объ однородныхъ литературныхъ видахъ [1]).

Другимъ болѣе или менѣе выдающимся критикомъ разбираемой эпохи былъ П. А. Плетневъ, пріобрѣвшій извѣстность своими

[1]) Впрочемъ, Вяземскій, какъ и Полевой, уже сознавалъ пробѣлы критики Жуковскаго. „Чтобы не оставаться при однѣхъ похвалахъ прекословныхъ", пишетъ онъ: „замѣчу, что въ статьяхъ: „О критикѣ „О басняхъ Крылова" обнаруживается слишкомъ безусловная покорность правиламъ литературы французской и слишкомъ отзывается французская школа" (Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 263).

этюдами о разныхъ поэтахъ. Но, во-первыхъ, эти этюды были болѣе біографическаго, чѣмъ критическаго характера; во-вторыхъ, до появленія статей Полевого о Державинѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ, Плетневъ не написалъ еще своихъ лучшихъ очерковъ, такъ какъ его статья «О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго» и знаменитая біографія Крылова появились значительно позже. Поэтому Полевой едва ли не справедливо, умолчавъ объ имени автора, сдѣлалъ выдержку изъ статьи Плетнева: «Замѣтка о сочиненіяхъ Жуковскаго и Батюшкова» [1]) и указалъ на неудовлетворительность отзывовъ послѣдняго о Державинѣ и Жуковскомъ [2]).

Такимъ образомъ, изложенныя выше соображенія заставляютъ думать, что Полевой первый, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ, далъ намъ опытъ критико-біографическаго этюда, или essays, руководствуясь принципами преимущественно *историческаго* анализа литературныхъ явленій.

Мы остановимся на наиболѣе удавшемся Полевому этюдѣ, посвященномъ Державину, причемъ попутно будемъ сравнивать съ нимъ другія статьи его, трактующія или о Жуковскомъ, или о Кантемирѣ, или объ иномъ какомъ-либо писателѣ.

IV.

«Пѣвецъ Екатерины» принадлежалъ всецѣло къ числу поэтовъ второй половины XVIII вѣка, когда созданы были имъ его лучшія произведенія. Онъ умеръ въ 1816 году, но еще съ 1808-го стали появляться наиболѣе полныя собранія его стихотвореній, которыя были переизданы еще удовлетворительнѣе Смирдинымъ въ 1831, 1833 и 1834 годахъ. Правда, это не были еще строго-научныя изданія, но во всякомъ случаѣ о Державинѣ представлялся уже удобный случай написать критико-біографическій этюдъ, неразрывно связанный съ тѣмъ или другимъ изданіемъ его твореній. Полевой помѣстилъ о немъ рядъ статей въ *Московскомъ Теле-*

---

[1]) Написана въ 1822 году и помѣщена въ книгѣ Греча: „Опытъ краткой исторіи русской литературы". Спб. 1822, стр. 307—314 и въ „Собраніи сочиненій", т. I, Спб. 1885, стр. 23—29.

[2]) „Очерки русской литературы", ч. I, стр. 92—93: „Читая сужденія критика, не скажетъ ли всякій, что онъ, повидимому, вовсе не читалъ ни Жуковскаго, ни Державина? Такимъ критикамъ можно ли было оцѣнить Державина?"

графъ 1832 года [1]) по поводу тѣхъ четырехъ томовъ его сочиненій, которые вышли въ свѣтъ въ 1831 году.

Но и до Полевого были попытки [2]) оцѣнить творческую дѣятельность поэта, среди которыхъ особенно выдавались критическіе очерки трехъ лучшихъ цѣнителей того времени: Мерзлякова, Вяземскаго и Плетнева. Первымъ по времени появленія былъ очеркъ Вяземскаго, лучшимъ—очеркъ Мерзлякова.

Статья А. Ф. Мерзлякова [3]) не представляетъ собой критико-біографическаго этюда и чужда исторической точки зрѣнія. О состояніи литературы XVIII вѣка критикъ говоритъ мало; только въ одномъ мѣстѣ, и то бѣгло, указываетъ онъ, что тогдашняя лирика состояла изъ похвальныхъ одъ и дурныхъ пѣсенъ, что оды и гимны были рабскія подражанія Ломоносову и Сумарокову, а пѣсни—искаженныя копіи сочиненій послѣдняго. Почтенный профессоръ по самому характеру своихъ литературныхъ воззрѣній, не смотря на свою даровитость, не могъ бы, даже при желаніи, сдѣлать надлежащую оцѣнку ложноклассической лирики. Недаромъ, еще Галаховъ писалъ, что «лжеклассическая теорія французовъ, вмѣстѣ съ французскими образцами, почитаемыми за высшее выраженіе изящества, много повредила Мерзлякову» [4]). Кромѣ того, самъ Полевой отмѣтилъ, что Мерзляковъ «вытягивалъ творенія Державина на классическую мѣрку», что, впрочемъ, не помѣшало ему высказать о поэтѣ много умныхъ и дѣльныхъ мнѣній.

Всѣ творенія Державина, по словамъ Мерзлякова, дѣлятся на гимны, преложенія псалмовъ, на оды героическія, философскія, анакреонтическія, трагедіи, драматическія представленія и прочія мелкія сочиненія, или смѣсь. Здѣсь находятся подражанія «вечному старцу Оссіану» («Гимнъ солнцу») и Пиндару («На взятіе Варшавы»); болѣе же удались поэту оды гораціанскія и философскія, особенно послѣднія, которыя составляютъ «самое драгоцѣннѣйшее нетлѣнное сокровище нашей словесности». Достоинства этихъ стихотвореній—велики. Державинъ первый далъ нашей

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, №№ 15—18.

[2]) Эти статьи были разсѣяны въ разныхъ журналахъ, начиная с 1804 г.: *Патріотъ*, *Амфіонъ*, *Другъ Просвѣщенія*, *Сынъ Отечества*, *Благонамѣреннымъ* и другихъ.

[3]) Помѣщена въ *Трудахъ общества любителей россійской словесности* 1820, ч. 18, стр. 3—42.

[4]) „Исторія русской словесности". Спб. 1880, т. II, стр. 464.

ъ «гораціанскій», то-есть «исторгнулъ ее изъ тѣсныхъ
въ учебно-систематическихъ сочиненій», не чуждыхъ ри-
и даровалъ ей истинное движеніе чувства, заставивъ даже
итать свои произведенія; затѣмъ онъ «соединилъ вмѣстѣ
ымъ и величавымъ тономъ нѣчто игривое, забавное, за-
е и даже колкое, дабы, въ семъ по существу своему труд-
ь родѣ сочиненій, дѣйствовать на всѣ силы ума и сердца».
інъ «украшалъ мысли свои картинами природы и искус-
ылъ «живописецъ-стихотворецъ»: «воображеніе пламенное
жное наблюденіе за природой отразилось въ творчествѣ
-это было великолѣпіе востока: «нѣга, роскошь, благоухан-
ы, пушистый ковыль и тундры».
ивы его пѣснопѣній отличаются своимъ благородствомъ,
«первый началъ говорить въ одѣ, какъ свободный пѣсно-
оракулъ, другъ и учитель земныхъ владыкъ», ибо «силь-
осъ правды иногда открыто гремитъ въ его пѣсняхъ» и
гкѣ тонкой». Въ виду всего этого, Державину надо отдать
цество передъ Ломоносовымъ: ода послѣдняго «носила еще
школы», ода перваго «съ распущенными крыльями воспа-
ломъ къ небесамъ».
нельзя закрыть глаза и на недостатки произведеній поэта,
которого единственно образованъ былъ природою». Отъ
ичины «слогъ его почти вездѣ неровенъ, неисправенъ»,
ы невыдержаны, перестановки странны, риѳмы и мѣры
льны. Отсутствіе серьезнаго образованія проявилось еще
ь, что Державинъ «утопалъ въ морѣ всеобъемлющаго во-
нія», «былъ обильнѣе въ умственныхъ своихъ способно-
нежели въ средствахъ языка». Итакъ, «Державинъ не могъ
ыпитанъ заблаговременно позднѣйшими правилами искус-
потому и породилъ «неровность тона почти вездѣ и поря-
ѣдко опредѣленный относительно къ цѣлому» [1]). Это были
ѣе существенные недостатки, касающіеся внутренней, а
пней стороны произведенія [2]).
заключеніе должно сказать, что Мерзляковъ, повидимому,

). слова Пушкина въ статьѣ „О вдохновеніи и восторгѣ“ (1824):
планъ въ „Водопадѣ“, лучшемъ произведеніи Державина?“
ногія умныя замѣчанія разобранной нами статьи побудили но-
критика восторженно писать, что „Мерзляковъ предвосхитилъ
Бѣлинскаго“ (*Ив. Ивановъ*. Исторія русской критики. Спб. 1898,
стр. 313).

предчувствовалъ нѣкоторые пробѣлы своей критики. Онъ сознавалъ необходимость комментарія къ стихамъ Державина и ожидалъ его появленія въ печати.

Князь П. А. Вяземскій «написалъ о Державинѣ нѣсколько легкихъ страницъ, исполненныхъ ошибками о противорѣчіями» — таковъ былъ суровый, но не лишенный извѣстной доли справедливости отзывъ Полевого. Небольшая статейка Вяземскаго [1]), безспорно, уступаетъ трактату Мерзлякова и въ силѣ мысли, и въ логичности ея развитія, но имѣетъ и нѣкоторыя достоинства... Прежде всего указываются два учителя Державина: Ломоносовъ и Петровъ, изъ которыхъ первый «научилъ его звучности языка піитическаго и живописи поэзіи», а другой — «тайнѣ заключать живую или глубокую мысль въ живомъ и рѣзкомъ стилѣ». Державинъ превзошелъ своихъ наставниковъ и оставилъ въ наслѣдіе потомству цѣлый рядъ одъ: пиндарическихъ, гораціанскихъ, анакреонтическихъ—и *собственно державинскихъ;* въ послѣднихъ поэтъ выказалъ свою оригинальность, показалъ, что обладаетъ «своенравнымъ геніемъ, пробившимъ себѣ путь особенный». Часто также Державинъ «пламенѣлъ негодованіемъ Ювенала», и «струны пиндарической лиры метали укоризны въ порокъ». «Нѣкоторыя изъ одъ его, какъ напримѣръ «Вельможа», могутъ по справедливости назваться *лирическими сатирами*».

Кромѣ этихъ «піитическихъ достоинствъ», въ твореніяхъ Державина есть и «другая привлекательная сторона». «Онъ одинъ живописуетъ глазамъ нашимъ картину двора великой монархини, родитъ въ сердцахъ нашихъ драгоцѣнныя воспоминанія и сохраняетъ для внуковъ нѣкоторыя черты лицъ, игравшихъ значительныя роли въ семъ періодѣ, столь обильномъ чудесными происшествіями». При сравненіи съ Ломоносовымъ, Державинъ выигрываетъ, какъ поэтъ передъ ораторомъ, хотя и заслуги Ломоносова—исполинскія: именно, благодаря его трудамъ, Державинъ «не имѣлъ нужды бороться съ предлежащими трудностями языка».

Статьи о Державинѣ П. А. Плетнева, также какъ и очеркъ Вяземскаго, не отличаются особой оригинальностью, чужды исторической точки зрѣнія и не производятъ впечатлѣнія законченнаго этюда. Одна изъ нихъ, написанная въ 1824 году, заключаетъ

---

[1]) Статья написана въ 1816 году; см. I т. Полнаго собранія сочиненій или *Сынъ Отечества*, 1816, ч. 32, № 37; также *Вѣстникъ Европы*, 1816, ч. 88, № 15.

разборъ «анакреонтической оды Державина: «Мечта» [1]); въ другой, извѣстной подъ именемъ: «Письмо къ графинѣ С. И. Соллогубъ о русскихъ поэтахъ», говорится о Державинѣ лишь попутно, между прочимъ [2]).

Плетневъ—критикъ съ пріемами старой школы: онъ большой любитель исключительно эстетическихъ разборовъ и оцѣнокъ отдѣльныхъ фразъ и выраженій—таковъ онъ, преимущественно, въ упомянутыхъ выше статьяхъ. Но человѣкъ, надѣленный гибкимъ умомъ и чувствомъ изящнаго, Плетневъ сдѣлалъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній о великомъ поэтѣ. По его мнѣнію, въ анакреонтическихъ произведеніяхъ «нѣжные цвѣты поэзіи» скрываютъ въ себѣ философію, и воображеніе развито въ нихъ наравнѣ съ умомъ; это понялъ Державинъ и выразилъ въ своей «Мечтѣ», «послужившей убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что важныя музы не чуждаются веселыхъ грацій». Талантъ Державина—самобытный; онъ «больше всѣхъ оправдалъ на себѣ мнѣніе, что поэтами родятся», и «никому не передалъ тайны своего искусства». Сжатость и сила его выраженій, удачность аллегоріи и живость слога приводятъ критика въ восхищеніе. Тѣмъ рельефнѣе долженъ отразиться въ твореніяхъ Державина восемнадцатый вѣкъ. «Это поэтическая Россія во времена Екатерины».

Таковы сужденія о Державинѣ лучшихъ представителей критики двадцатыхъ годовъ. Не мало разсѣяно въ нихъ вѣрныхъ мыслей, но это, по большей части, эстетическія оцѣнки, написанныя отъ руки, безъ тщательнаго изученія литературнаго матеріала, безъ всякой претензіи на проведеніе историческаго метода и безъ намѣренія дать всестороннюю характеристику таланта поэта. Пробѣлы современниковъ не ускользнули отъ Полевого; изъ его статьи о Державинѣ видно, какой значительный шагъ впередъ сдѣлала русская критика.

V.

Историческій взглядъ на какого-либо писателя невозможно установить безъ близкаго знакомства съ развитіемъ его дарованія, а знакомство немыслимо при отсутствіи изданія всѣхъ его

---

[1]) Помѣщена въ *Трудахъ вольнаго общества любителей россійской словесности*, ч. 25; Сочиненія и переписка. Спб. 1885, т. I, стр. 113—121.

[2]) Помѣщена въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 г.; Сочиненія, т. I, стр. 164—166.

твореній. И Полевой, естественно, обратилъ на это вниманіе. Слова князя Вяземскаго: «Желательно, чтобы искусная рука, водимая вкусомъ и безпристрастіемъ, собрала *избранныя* творенія Державина»—вызываютъ порицаніе Полевого. «Не можемъ согласиться съ сею мыслію», пишетъ онъ: «ибо Державинъ поэтъ *не на выдержку*. Поэзію его можно уподобить долинѣ, цвѣтущей и дикой, съ снѣжными вершинами горъ и дремучими лѣсами окрестъ ея. Нѣсколько деревъ, нѣсколько цвѣтовъ, вынесенныхъ изъ сей долины, не покажутъ вамъ ея дикой, высокой прелести» [1]).

Старыя дѣленія стихотвореній Державина по родамъ не годятся для изученія *послѣдовательнаго* расцвѣта его генія: здѣсь надо держаться иного порядка, именно *хронологическаго*. «Все заставляетъ насъ сказать, что сочиненій Державина никакъ нельзя дѣлить на роды, и въ изданіи ихъ всего вѣрнѣе принять порядокъ хронологическій. Тогда получили бы мы поэтическую лѣтопись внутренней жизни его, и могли видѣть, какъ и что дѣлало впечатлѣніе на пламенную душу поэта, вмѣсто того, что какія бы ни приняли мы дѣленія, всегда будемъ путаться въ нихъ» [2]). Съ этой точки зрѣнія Полевого не удовлетворяло и смирдинское изданіе: «Новое изданіе сочиненій его великолѣпно, но порядокъ, въ какомъ они расположены, намъ не нравится. Что́ это за раздѣленіе на піесы: духовныя, философическія, торжественныя! Хронологическій порядокъ былъ бы всего лучше, ибо сочиненій Державина нельзя дѣлить на роды [3]). Жаль, что нѣтъ варіантовъ; жаль, что и не все собрано... Не говоримъ о примѣчаніяхъ, которыхъ, говорятъ, оставилъ Державинъ двѣ большія тетради, и только малую часть издалъ г-нъ Остолоповъ. Проза

---

[1]) „Очерки русской литературы", ч. I, стр. 70—71. Ср. тамъ же, стр. 34: „Въ 1817 году изданы были избранныя его стихотворенія подъ названіемъ: „Лира Державина". Намъ не случалось видѣть сего выбора. Впрочемъ, изъ Державина не должно выбирать. Надобно читать все, что онъ писалъ, иначе никогда его не узнаете: онъ не изъ числа поэтовъ на выдержку".

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 70.

[3]) Вмѣсто прежнихъ дѣленій Полевой предлагалъ свое, состоявшее въ томъ, что наименованіе *ода* уничтожалось, а всѣ піесы его дѣлились на пѣснопѣнія: торжественныя, духовныя, сатирическія, элегическія, эротическія и вакхическія. „Все это не оды, но иныя имѣютъ форму посланія, другія элегіи, иныя пѣсни, нѣкоторыя суть небольшія поэмы" („Очерки русской литературы", ч. I, стр. 69).

также остается неизвѣстною. Намъ мало нужды въ его дѣ-
ыхъ бумагахъ: проектахъ объ устройствѣ евреевъ, о патріо-
скомъ банкѣ, о межеваньѣ, о продовольствіи столицъ, объ
ахъ, о крымской соли, о третейскомъ судѣ. Но Державинъ
алъ, говорятъ, подробно бунтъ Пугачева—какъ это любо-
о! И почему этого не издать?» [1]). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ:
ѣе всего достойно сожалѣнія, что донынѣ извѣстны намъ
ѣ подробности его жизни, политической и частной. При но-
изданіи сочиненій Державина нѣтъ ни записокъ, которыя
ится у его родныхъ (см. Предисловіе, стр. VII), ни примѣ-
, ни поясненій. Нѣкоторыя сочиненія Державина — «потому
то писаны въ прозѣ, или по инымъ причинамъ» (тамъ же,
VII), также и теперь остались намъ неизвѣстными. Не знаемъ
» *иныхъ причинъ*, но жалѣемъ, что съ Державинымъ посту-
ь столь небрежно, что объ немъ все еще думаютъ, какъ-
о чиновникѣ, о превосходительномъ современникѣ... Какъ
о ни было, намъ остается довольствоваться тѣмъ, что́ есть,
издано, краткими жизнеописаніями, и особенно книжкою, за
ую нельзя не поблагодарить г-на Остолопова» [2]).
чевидно, что Полевому хотѣлось имѣть подъ руками крити-
е изданіе, вмѣщающее въ себѣ всѣ поэтическія произведе-
Державина, расположенныя въ строго-хронологическомъ по-
ѣ и снабженныя біографическими и историко-литературными
ѣчаніями, которыя объясняли бы то или иное стихотвореніе...
акого изданія не было, а смирдинское казалось ему непол-
и недостаточнымъ для выполненія намѣченной задачи—
ически разобрать и оцѣнить Державина... И вотъ, передъ
омъ своей работы, Полевой старается самъ собирать свѣ-
о жизни и творчествѣ поэта, что́ представляло въ тѣ вре-
большія затрудненія при полной неразработанности литера-
го матеріала. Онъ пересматриваетъ журналы, сравниваетъ
овѣряетъ находимые имъ обрывки біографическихъ данныхъ,
ые могутъ имѣть какое-либо значеніе. Въ двухъ мѣстахъ
о очерка онъ приводитъ цитаты изъ статей, помѣщавшихся
ынѣ *Отечества* [3]), и часто съ благодарностью отзывается
вномъ тогдашнемъ издателѣ комментарія къ произведеніямъ

„Очерки“, ч. I, стр. 34—35.
Тамъ же, ч. I, стр. 3.
Тамъ же, ч. I, стр. 15—16.

поэта—Н. Ф. Остолоповѣ. Изданный послѣднимъ «Ключъ къ сочиненіямъ Державина» (Спб. 1822) представлялъ, дѣйствительно, наиболѣе цѣнную книжку изъ державинской литературы. Кромѣ приведенныхъ похвальныхъ отзывовъ объ Остолоповѣ, Полевой пишетъ еще слѣдующее: «Мы пользовались по возможности сею любопытною книжкою г-на Остолопова, но за всѣмъ тѣмъ посовѣтуемъ прочитать ее особенно: это *исповѣдь* Державина, и множества подробностей, въ ней заключающихся, мы не могли вмѣстить въ предѣлы нашей статьи». «Это собственныя замѣчанія Державина: посему, выписывая ихъ въ статьѣ нашей, мы вездѣ ставили ихъ прямо отъ лица Державина» [1]). При всемъ томъ у Полевого было ясное представленіе о недостаточности и скудости находящагося въ «Ключѣ» матеріала, и онъ искренно скорбѣлъ о томъ, что ему неизвѣстны записки Державина, которыя «хранятся у его родныхъ», и «двѣ большія тетради» примѣчаній, оставленныхъ поэтомъ, изъ которыхъ «только *малую* часть издалъ г-нъ Остолоповъ». Быть можетъ, слова Полевого имѣютъ отношеніе къ появившимся вскорѣ послѣ его статьи «Объясненіямъ на сочиненія Державина» Ф. П. Львова (Спб. 1834)... [2]). Эта сторона критическихъ пріемовъ Полевого была въ высшей степени полезна и снискала ему одобреніе позднѣйшихъ изслѣдователей: мы разумѣемъ въ частности отзывъ академика Я. К. Грота. «Я сталъ читать Державина», пишетъ онъ: «по смирдинскому изданію тридцатыхъ годовъ, съ помощью отдѣльныхъ къ нему объясненій, напечатанныхъ Остолоповымъ и Львовымъ. При этомъ позволю себѣ небольшое отступленіе, чтобы отдать справедливость слишкомъ забытому нынѣ писателю, въ свое время принесшему великую пользу литературѣ, именно Полевому. Его критическія статьи о русскихъ авторахъ, помѣщавшіяся сначала въ *Московскомъ Телеграфѣ*, а потомъ составившія книгу «Очерки русской литературы», при всемъ несовершенствѣ своемъ съ точки зрѣнія ученыхъ требованій, имѣли, однако жъ, очень благотворное дѣйствіе, распространяя въ обществѣ историко-литературныя знанія и возбуждая любознательныхъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ. Ему

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 90, 3; 16, 35, 84.

[2]) Какъ характерный примѣръ стремленія Полевого къ библіографической точности отмѣтимъ его сожалѣнія, что въ смирдинскомъ изданіи Державина не приведено первоначальное заглавіе оды „Фелица" („Очерки", ч. I, стр. 56).

былъ я обязанъ первымъ моимъ знакомствомъ съ названными двумя комментаріями къ Державину» [1]).

Запасшись набраннымъ, гдѣ было возможно, матеріаломъ, Полевой приступилъ къ оцѣнкѣ творчества «пѣвца Екатерины», и при этомъ онъ заранѣе набросалъ въ общихъ чертахъ тотъ планъ, которому будетъ слѣдовать. Онъ приводитъ слова Э. Легуве [2]), примѣняя къ себѣ ихъ содержаніе.

«Какое наслажденіе: взять человѣка, подобнаго Альфіери, Байрону, Дидеро, запереться съ этимъ человѣкомъ на нѣсколько времени, перечитать все что́ осталось отъ него—записки, письма, сочиненія, сообразить одни съ другими всѣ сіи памятники его жизни и возсоздать изъ нихъ для себя живое созданіе. Первые дни такого занятія тягостны, раздражаютъ васъ: ошибаетесь, возвращаетесь на прежнее, почитаете прихоть характеристическою чертою; но, мало-по-малу, великій человѣкъ, изучаемый вами, обозначается передъ вами въ совершенной точности; образъ его дополняется, очерки души останавливаются, и, наконецъ, нравственный исполинъ, угасшій навсегда геній, возсоздается, дѣлается современникомъ души вашей; у васъ стало однимъ другомъ болѣе». «Не критику твореній писателя, но образъ его самого, и въ разборѣ его созданій человѣка хотѣлось бы мнѣ показать вамъ вполнѣ» [3]).

---

[1]) *М. И. Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ. Спб. 1889, т. II, стр. 368. Должно замѣтить, что Гротъ защищалъ Полевого отъ жаркихъ нападокъ Плетнева (см. ихъ „Переписку“ passim).

[2]) Эрнестъ Легуве (1807—1903)—французскій литераторъ, пробовавшій свои силы и въ области беллетристики, и въ области критики. „Il a si bien su profiter des heureuses *réformes* tentées dans le style et dans la contexture même des vers par de plus hardis novateurs, qu'il se place sans peine à leur suite et quelquefois à côté d'eux“ (*Larousse.* Dictionnaire, t. X, p. 333). Его академическія чтенія заслуживаютъ вниманія, а книга „Soixante ans de souvenirs“ (1886—1888) возбуждаетъ любопытство. Приводимыя Полевымъ слова сказаны Легуве въ чтеніи объ Альфіери.

[3]) „Очерки“, ч. I, стр. 1—2. Ср. слова Сентъ-Бева, сказанныя о собственномъ методѣ въ статьѣ о Буало: „Ce sera assez pour nous de causer librement de Boileau avec nos lecteurs, de l'étudier dans son intimité, de l'envisager en détail selon notre point de vue et les idées de notre siècle, passant tour à tour de l'homme à l'auteur, du bourgeois d'Auteuil au poète de Louis-le-Grand, n'éludant pas à la rencontre les graves questions d'art et de style, les éclaircissant peut-être quelquefois sans prétendre jamais les résoudre. Il est bon à chaque époque littéraire nouvelle de repasser en son esprit et de revifier les idées qui sont représentées par certains

Державинъ представляется Полевому въ двойственномъ видѣ: поэтомъ, гражданиномъ всѣхъ вѣковъ, съ индивидуальными чертами, свойственными ему одному, и человѣкомъ, на которомъ отразилось вліяніе современныхъ ему общественныхъ взглядовъ и литературныхъ направленій. «Не дерзаемъ сказать», пишетъ критикъ: «что мы успѣемъ вполнѣ оцѣнить Державина; по крайней мѣрѣ, мы постараемся изобразить его, *какъ человѣка* и *какъ поэта*, уединимся въ его творенія, стряхнемъ съ нихъ все тлѣнное, все вещественное, и преклонимъ колѣна только предъ тѣмъ таинственнымъ алтаремъ, гдѣ вѣчнымъ огнемъ горитъ безсмертный геній Державина, *сквозь туманъ слабостей и страстей вѣка его*, и—онъ былъ человѣкъ — сквозь мракъ его собственныхъ страстей и слабостей. Для сего надобно намъ предварительно изобразить жизнь Державина, разобрать характеръ его, какъ русскаго чиновника XVIII вѣка и какъ гражданина всѣхъ вѣковъ, взглянуть на вѣкъ его, и наконецъ, разсмотрѣть самыя его творенія» [1]).

Полевой опредѣляетъ натуру Державина, какъ поэтическую преимущественно, для которой «поэзія — необходимость жизни, вся душа, все бытіе»; онъ оглядывается на прошлое русской литературы, перебираетъ многихъ писателей восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣка,—и убѣждается, что ни для одного изъ нихъ поэзія не была «непобѣдимымъ стремленіемъ выразить себя въ поэтическихъ созданіяхъ», а выражалась «въ частномъ, одностороннемъ, случайномъ, такъ сказать, ихъ стремленіи» [2]). Съ Державинымъ можно сравнивать только Пушкина. Направленіе таланта Державина—лирическое. «Душа», «геній» поэта проявляется даже среди риторическихъ разсужденій его о лирической поэзіи; всѣ умствен-

---

noms devenus sacramentels, dût-on n'y rien changer, à peu près comme à chaque nouveau règne on refrappe monnaie et on rajeunit l'effigie sans altérer le poids"(„Critiques et portraits littéraires". Bruxelles. 1832, t. I, pp. 4—5).

[1]) „Очерки русской литературы", ч. I, стр. 4—5, 36. Тою же цѣлью задается Полевой и въ другихъ статьяхъ, напримѣръ, въ статьѣ о Кантемирѣ: „Бѣглый взглядъ на Кантемира, какъ *человѣка* и какъ *писателя*, представитъ въ частномъ выводѣ полное сходство съ общими нашими выводами". (Тамъ же, стр. 368).

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 36—37: „Ломоносовъ столько же ученый, сколько стихотворецъ"; у Крылова, Дмитріева, Фонвизина „поэзія была вдохновеніемъ ума"; у Жуковскаго—„навѣяна пріемчивостью чужихъ впечатлѣній" и „унынiемъ души"; муза Грибоѣдова „иногда только вспыхивала огнемъ поэтическаго восторга" и т. д.

ныя и нравственныя силы его направлены въ одинъ пунктъ, въ ну точку, а не разливаются на все окружающее, не отвлекаются ю сторонамъ, разрушая энергію собственно-поэтическаго стремленія... Но для характеристики Державина мало одной оцѣнки его эзтической натуры; онъ былъ человѣкъ, а слѣдовательно жилъ ъ извѣстную эпоху, которая наложила на него свою неизгладиую печать. «Для жизни общественной, для дольнаго міра, гдѣ ухъ человѣка связывается предѣлами вещества, мало одного стаго ума, мало однѣхъ только идей. Согласіе духа и вещества ебуетъ *приложеній*, и сіи то приложенія составляютъ законы условія человѣческаго общества» [1]). «Вѣдь, никакое дарованіе выйдетъ изъ уровня, какой налагаетъ время», ибо «для сонія и развитія генія надобны не одни только дары природы, другія обстоятельства, извѣстная степень общей образованости и національной самобытности» [2]). А потому и Державина полнѣ тогда только узнаемъ мы», «когда разсматриваемъ, *какъ когда* онъ жилъ» [3]).

Восемнадцатый вѣкъ съ его общественною жизнью и литературными теченіями тѣсно связанъ съ западно-европейскою культурой. И Полевой рисуетъ картину умственнаго движенія на Западѣ, отмѣчая тѣ факты русской дѣйствительности, которые здались подъ вліяніемъ указаннаго движенія. Въ литературѣ рилъ ложноклассицизмъ.

«Литература новая начала создаваться по образцу не русскому, вдому. Переводили, передѣлывали, подражали, а не творили. ассицизмъ вѣка Людовика XV, со всѣми его привычками, вилами, съ его эпопеею, драмою, лирикою обладалъ тогда ропой и перешелъ въ Россію, замѣнивъ латинскую, западную ластику. Пока проказничалъ Тредьяковскій и готовился Сумаковъ—явился необыкновенный человѣкъ: Ломоносовъ, Петръ своемъ родѣ. Говорятъ, что онъ перенялъ складъ поэзіи своей нѣмцевъ. Но что дѣлали тогда нѣмцы? Подражали классичемъ французамъ, такъ какъ и англичане не смѣли тогда пре-

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 41.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 366.

[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 65. Не тѣ же ли мысли въ статьѣ о Кантемирѣ: крашиваемъ: жизнь Кантемира, безпристрастно разсмотрѣнная, не довываетъ ли, что ни *по времени, когда онъ жилъ*, ни *по обстоятельствамъ, которыхъ находился*, ни по свойству ума и характера онъ не могъ ть литераторомъ, писателемъ, и еще менѣе поэтомъ?" (стр. 376).

клониться предъ великимъ своимъ Шекспиромъ и отверг
даже пріобрѣтенную ими могучую самобытность литератури
Начало первой оды Ломоносова взято было изъ оды Буало.
Ломоносовъ, соединивъ съ классицизмомъ схоластику, встав
цѣликомъ въ оды свои мѣста изъ Цицерона, какъ въ слова
рѣчи свои вклеивалъ мѣста изъ Плинія. Подражаніе и клас
цизмъ были сущностью всей русской литературы: схоластиче
обработывалъ Ломоносовъ языкъ русскій; Лафонтенъ внуш
Богдановичу шутливую поэму; Расинъ, Корнель, Вольтеръ вд
новили Сумарокова; Тассъ и Генріада—Хераскова; Княжнин
другіе пошли еще далѣе: они просто переставляли русскія им
вмѣсто иностранныхъ и выдавали переводы за оригиналы».

«Въ такомъ-то мірѣ явился поэтъ Державинъ. Онъ увл
въ началѣ другими, впалъ во всѣ тогдашнія ошибки и недоста
переводилъ Горація и Овидія, не понимая духа древнихъ:
дувалъ торжественную трубу; искалъ правилъ у Тредьяковс
и Батте—такъ ошибался онъ въ поэзіи своей. Еще важнѣе б
ошибка въ жизни. Едва успѣвши выйти изъ предѣловъ тѣсн
затруднительнаго своего существованія, состоя въ рангѣ бр
дирскомъ до сорока почти лѣтъ, Державинъ думалъ, что з
было настоящее его назначеніе: думая такъ, онъ *служилъ* и
читалъ поэзію мимолетнымъ занятіемъ. Это было еще извините.
Державину въ тогдашнемъ его положеніи» [1]).

Полевой подробно разсматриваетъ первые шаги Держа
на литературномъ поприщѣ и его переводы. До 1782 года
жавинъ является «подражателемъ Сумарокова и Ломоносова,
никомъ Тредьяковскаго и Готшеда», «подражаетъ Гагедо
Клейсту, Захаріи, Галлеру», переводитъ двѣ пѣсни «Мессіа
Клопштока. Но «душа его уже отзывается сама собою», н

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 48—49. Ср. стр. 55. Точно также разсматр
Жуковскаго, какъ „литератора русскаго", Полевой рисуетъ картину
бленія классицизма въ Европѣ и пробужденія сентиментализма, а за
романтизма въ Россіи—и такимъ образомъ доказываетъ, что „Жуко
составляетъ въ Россіи переходъ къ романтизму, какъ Карамзинъ со
лялъ переходъ отъ латино-французской эпохи къ чисто француз
эпохѣ XVIII вѣка" (99—110). Въ статьѣ Полевого о „Борисѣ Годун
Пушкинъ является совершенно современнымъ поэтомъ, отразившим
себѣ результаты многолѣтней работы западно-европейской и русской
сли (148—157 и далѣе). Что касается взгляда Державина на свое
званіе, то о немъ упоминаетъ нашъ критикъ очень часто; ср. тамъ
стр. 18, 22, 23, 28, 44, 57, 58.

наетъ развиваться его талантъ—и, «будучи предводимъ наставленіями Батте и совѣтами Львова, Капниста и Хемницера», «избралъ онъ совершенно особый путь» [1]). Порывы чувства начинаютъ замѣнять возгласы «по правиламъ риторики и схоластики»; среди нѣсколькихъ приподнятыхъ, торжественныхъ фразъ прорывается шутливость, язвительность.... Наконецъ, въ народности, обнаружившейся въ стихахъ Державина, безспорно, сказались его самостоятельность и самобытность [2]). Литературныя преданія восемнадцатаго вѣка еще внушаютъ Державину ложное понятіе о русской старинѣ, «по которому Карамзинъ полагалъ необходимымъ скрашивать родное наше даже въ исторіи»; но, все-таки, «сочиненія Державина исполнены русскаго духа, котораго видомъ не видать, слыхомъ не слыхать у другихъ мнимо-русскихъ поэтовъ нашихъ».

«Замѣтьте особенно», пишетъ Полевой: «повсюдную унылость души, это веселіе забывчивости, это разгулье русское, прорывающіяся сквозь восторгъ и радость, сквозь громъ и бури генія: это изъ русскаго сердца выхвачено. Въ торжественной пѣсни, въ эротической піесѣ Державина найдете вы сіи родныя сердцу черты. Найдете и добродушіе насмѣшки, и русскій гуморъ, и родную шутку въ образахъ» [3]).

Оригинальность Державина замѣтно проявилась въ «разнообразіи» «безчисленныхъ» чудныхъ образовъ, созданныхъ его геніемъ, рисуетъ ли онъ намъ картину русской природы, подымаетъ ли бокалъ свой за друзей въ радушной бесѣдѣ, идетъ ли по Альпамъ, указывая на Суворова, описываетъ ли пиръ Екатерининскаго вельможи [4]): та же оригинальность видна въ живости и яркости этихъ картинъ,—въ «полнотѣ, съ какою онъ весь проникается каждымъ предметомъ»,—въ его «преувеличеніяхъ», которыя однако «не кажутся излишними»... [5]).

---

[1]) „Очерки“, ч. I, стр. 8—11, 16, 52 и др.

[2]) О самобытности Державина, см. ч. I, стр. 58, 61, 62, 66, 74 и др.

[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 76—78 (ср. 55—56).

[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 80—83.

[5]) Тамъ же, ч. I, стр. 75, 71, 73. Полевой не разъ также указывалъ на то, что Державинская поэзія тѣсно связана съ царствованіемъ императрицы Екатерины. „Державинъ видѣлъ въ ней богиню Сѣвера“, „вдохновлялся Екатериной, какъ изображеніемъ божества на землѣ“, а сама она „понимала *пѣвца своего* лучше, нежели онъ понималъ ее и самого себя“ (стр. 19, 54, 63 и др.).

Переводы и подражанія Державина, «нося на себѣ слѣды его генія», не всегда однако точно передавали духъ и характеръ подлинниковъ, отчего Полевой называетъ нѣкоторыя піесы «мнимо-анакреонтическими» и полемизируетъ по поводу этого съ Вяземскимъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Полевой не закрываетъ глаза и на недостатки Державина, который «не получилъ никакого образованія» и прекрасные «образы» и «мысли» излагалъ иногда въ «дурныхъ стихахъ [2]). Отсутствіе образованія и неправильные взгляды эпохи не позволили поэту «истощить всего своего генія» и заставляли впадать въ противорѣчія съ самимъ собой. Яснѣе всего пробѣлы въ его «Разсужденіи о лирической поэзіи». «Не думаете ли вы найти здѣсь тайны поэзіи его? Совсѣмъ нѣтъ: это бѣдная компиляція, выбранная изъ жалкихъ эстетикъ, разсужденіе о внѣшнихъ риторическихъ приправахъ пѣснопѣній». Дѣлается выдержка изъ статьи Державина, въ которой онъ, слѣдуя классическимъ традиціямъ, исчисляетъ 24 качества или достоинства одъ, съ слѣдующей замѣткой Полевого: «Какая смѣсь понятій! Прибавьте, что Державинъ приводитъ при томъ самые нелѣпые стихи Хераскова, Боброва, восхищается ими...» Но стоитъ заговорить «душѣ» Державина, сразу забыта ложно-классическая схоластика, и, по представленіямъ его, единственнымъ источникомъ лирики является вдохновеніе, а сама она характеризуется, какъ «отливъ разгоряченнаго духа, отголосокъ растроганныхъ чувствъ, упоеніе, изліяніе восторженнаго сердца...» [3]).

Державинъ только смутно понималъ себя и свое творчество. «Вступая въ міръ, поэтъ нерѣдко начинаетъ терять, уступать, промѣнивать свое высокое назначеніе, покоряясь отношеніямъ общества, увлекаясь общественными условіями...» «Отличенный небеснымъ знаменіемъ поэзіи», поэтъ силится итти по дорогѣ, на которую увлекаетъ его геній, но «міръ охватываетъ его желѣзными когтями», начинается борьба «неба съ землею», то-есть индивидуальныхъ наклонностей съ соціальными условіями жизни. Иногда бываетъ побѣда генія, иногда «на цѣлыя эпохи налегаетъ униженіе духа, и цѣлыя поколѣнія поэтовъ раболѣпствуютъ міру». Но, какъ бы ни выдавался талантъ поэта, «въ жизни его

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 29, 62, 68. Ср. стр. 50.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 85, 50.

[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 83—90.

не всегда продолжается очарованіе; никакая сильная душа не выдерживаетъ постоянно тяжкихъ условій міра, и сквозь мракъ цѣлой жизни сверкаютъ поэтическія, святыя минуты вдохновенія, высокаго самопознанія поэтовъ». Здѣсь ключъ къ рѣшенію всевозможныхъ вопросовъ съ исторической точки зрѣнія. И правъ былъ Полевой, говоря: «Не имѣли ли мы послѣ сего права изумляться противоположности жизни Державина съ его поэзіей и думать, что онъ не можетъ быть ни изъясненъ, ни понятъ, если мы не знаемъ предварительно его характера, какъ человѣка и поэта, и не знаемъ вѣка его?» [1]).

Итакъ, изучается личность поэта, отличающаяся тѣми или другими индивидуальными наклонностями, извѣстной самобытностью дарованія; личность эта живетъ въ извѣстное время, которое сообщаетъ ей свои взгляды и понятія, то-есть за личностью проглядываетъ эпоха въ исторіи русскаго общества; эта эпоха, въ свою очередь, связана съ какимъ-либо моментомъ въ развитіи западной цивилизаціи. Задача постепенно расширяется... Сначала чисто психологическая характеристика любопытнаго дарованія, затѣмъ характеристика ближайшей среды, — наконецъ, характеристика вѣка... Передъ нами первая попытка создать критико-біографическій этюдъ, столь распространенный въ западно-европейской литературѣ.

Были, конечно, и недостатки въ этой первой попыткѣ, какъ во всякомъ начинаніи. Такъ, не совсѣмъ удачна выборка стихотвореній Державина, не вполнѣ выяснена его личность (быть можетъ, вслѣдствіе недостатка матеріала), не вездѣ строго выдержанъ планъ статьи, встрѣчается риторичность въ общей оцѣнкѣ [2]), но большія достоинства покрываютъ пробѣлы.

VI.

Иного метода держался Полевой, когда подвергалъ анализу не цѣлый процессъ творческой дѣятельности поэта, а какое-либо произведеніе, взятое въ отдѣльности. Тогда онъ прибѣгалъ къ помощи уже не новаго сравнительнаго метода, съ тою только разницею, въ сравненіи съ предшественниками, что онъ старался допускать въ свои изслѣдованія какъ можно менѣе общихъ теоретическихъ положеній. Стариннымъ обычаемъ классиковъ было

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 39—40, 43—45, 83.

[2]) Этотъ недостатокъ далъ поводъ критику газеты *Русскій* (1868, № 114) ловить Полевого иногда въ мнимыхъ противорѣчіяхъ.

создавать общія теоретическія положенія, обязательныя рѣшительно для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ и народовъ и признанныя за непогрѣшимый сводъ законовъ; Полевой считаетъ подобныя положенія излишними. «Какова должна быть наша драма?» — задаетъ онъ вопросъ, на который слѣдуетъ отвѣтъ такого рода: «Намъ кажется, что это вопросъ совершенно безполезный. Отвѣтъ на него заключается въ сущности драмы вообще, въ направленіи дарованій писателя и въ предметѣ, какой избираетъ онъ для своей драмы. Что намъ за дѣло, увлекается ли онъ мысль о судьбѣ древнихъ, въ фатализмъ германцевъ, въ духовность мистерій! — Вѣренъ ли онъ выбранному идеалу созданія? Выполняетъ ли онъ изящно свою идею въ развитіи частей? Вотъ вопросы, заключающіе въ себѣ рѣшеніе критики!» [1]). Съ самыхъ древнихъ временъ «поэзія не измѣнилась въ своихъ основаніяхъ, человѣкъ остался одинъ и тотъ же, только онъ ходитъ иначе, смотритъ иначе. Это дѣло формъ. И развѣ о подробностяхъ кто-нибудь споритъ? Передъ вами всѣ они, всѣ роды, всѣ формы, всѣ выраженія, и свобода дается намъ совершенная! Творите, какъ Шекспиръ, Гете, Шиллеръ, Вернеръ; изобрѣтайте свое направленіе, особенное, самобытное — мы ни въ чемъ не споримъ» [2]).

Полевой признавалъ полную свободу творчества: но было бы несправедливо, если бы онъ не имѣлъ совершенно никакихъ основныхъ принциповъ при оцѣнкѣ поэтическаго творенія. Эти принципы, дѣйствительно, были, что́ мы видимъ въ разборахъ пушкинскаго «Бориса Годунова» и драмы «Торквато Тассо» Нестора Кукольника. Но они были выведены не путемъ теоретическимъ, а практическимъ,—путемъ *сравнительнаго* анализа однородныхъ произведеній... Любимой фразой Полевого бывала въ подобныхъ случаяхъ слѣдующая: «Вмѣсто всякихъ объясненій романтической драмы и изложеній теоретическихъ, мы рѣшаемся представить здѣсь практическій примѣръ ея, взятый изъ Шекспира...» [3]).

Такіе сравнительные анализы литературныхъ произведеній давали въ результатѣ рядъ дѣльныхъ основоположеній, не построенныхъ à priori и висящихъ на воздухѣ, а вытекающихъ изъ цѣлаго ряда сопоставленій, добытыхъ à postériori... Сличеніе «Бориса Годунова» съ «Королемъ Ричардомъ II» Шекспира

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 177—178.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 178.

[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 200.

и съ «Димитріемъ Самозванцемъ» Шиллера», а «Торквата Тасса» Кукольника съ драмами на ту же тему Гете и Розини—уясняетъ условія, необходимыя для созданія истинной исторической драмы... Уразумѣніе поэзіи истины въ героѣ и слѣдующее отсюда соблюденіе исторической точности, проникновеніе духомъ эпохи, единство дѣйствія, выдержанность характера и, безспорно, отрицаніе трехъ единствъ—вотъ чего долженъ держаться, по мнѣнію Полевого, драматургъ его времени. И нельзя сказать, что онъ ошибался во многомъ, произнося такія сужденія!

Мы разсмотрѣли основные критическіе пріемы Полевого. Нужно думать, что введеніе небывалаго у насъ критико-біографическаго этюда — съ одной стороны, а также эстетико-сравнительнаго—съ другой—было чрезвычайно важнымъ фактомъ въ развитіи нашей литературной критики и даетъ историку право съ благодарностью помянуть имя честнаго и талантливаго писателя, поработавшаго такъ много и такъ полезно въ столь разнообразныхъ областяхъ на широкомъ поприщѣ слова. И безусловно справедливо мнѣніе самого Полевого, высказанное имъ въ предпосланной «Очеркамъ» короткой автобіографіи:

«Я не судья самъ себѣ. Но, да позволятъ же мнѣ представить мои статьи, какъ личное оправданіе мое и какъ первые опыты русской самобытной критики. До появленія моего въ журнальной литературѣ, критика только изрѣдка мелькала въ нашей журналистикѣ. Отдадимъ справедливость немногимъ критическимъ статьямъ Греча, Мерзлякова, Каченовскаго, Булгарина и Воейкова: имена сихъ почтенныхъ литераторовъ останутся какъ имена остроумныхъ критиковъ, за написанныя ими критическія статьи. Но никто не оспоритъ у меня чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе современные предметы. Мои опыты были несовершенны, неполны—скажутъ мнѣ—и послѣдователи мои далеко меня обогнали въ сущности и самомъ образѣ воззрѣнія. Пусть такъ, да и стыдно было бы новому поколѣнію не стать выше насъ, поколѣнія уже преходящаго, потому выше, что оно старше насъ, послѣ насъ явилось, продолжаетъ, что́ мы начали, и мы должны быть довольны, если наши труды будутъ имѣть для него цѣну историческую» [1]).

---

[1]) „Очерки“, ч. I, стр. XIII—XIV; ср. тамъ же, стр. VII—VIII.

VII.

Критическія статьи Полевого не прошли незамѣченными въ современной ему журналистикѣ, особенно тогда, когда были собраны имъ и изданы въ 1839 году подъ заглавіемъ: «Очерки русской литературы». Новая книга привлекла вниманіе многихъ, и по поводу ея высказывались разнообразныя сужденія, любопытные показатели общественнаго вкуса и мнѣнія. *Сѣверная Пчела* привѣтствовала Полевого, какъ «одного изъ лучшихъ въ Россіи литературныхъ критиковъ», «не оспаривала у него права судить въ дѣлѣ изящной словесности», признавая, что «въ этомъ дѣлѣ онъ имѣетъ сильный голосъ». Разборы произведеній Державина, Ломоносова и Жуковскаго Булгаринъ считаетъ «возможнымъ совершенствомъ въ нашей критикѣ»; по его мнѣнію, «если бы Полевой написалъ во всю жизнь свою только эти три статьи и ничего болѣе, то и этимъ онъ занялъ бы почетное мѣсто въ литературѣ и одно изъ первыхъ мѣстъ между критиками». Критика Пушкина, хотя и умна, но кажется ему несправедливой: авторъ слишкомъ увлекается одною музыкою, забывая, что Пушкинъ не создалъ ни одного «типа», не выразилъ «идей» и «высокихъ чувствъ». «Вообще», заключаетъ рецензентъ: «мы почитаемъ «Очерки русской литературы» такимъ грузомъ, который пройдетъ къ потомству чрезъ всѣ литературныя заставы и таможни и внесетъ имя автора въ почетный списокъ литературныхъ дѣятелей, не взирая на привязки литературныхъ крючкотворцевъ [1]).

Въ *Литературной Газетѣ* было напечатано, что книга Полевого «долженствовала быть теоретическою», «но по времени ея появленія сдѣлалась историческою». «Въ самомъ дѣлѣ», читаемъ въ *Газетѣ:* «жестоко ошиблись бы тѣ, которые стали бы искать въ «Очеркахъ» теоріи изящнаго, идей объ искусствѣ, критической оцѣнки отечественныхъ поэтовъ; они не нашли бы въ нихъ ничего и похожаго на то, чего искали, но нашли бы другое, чего совсѣмъ не искали, но что очень важно — именно, памятникъ прошедшаго, богатый сборъ матеріаловъ и фактовъ для цѣлой эпохи русской литературы». Книга Полевого любопытна въ томъ отношеніи, что изъ «нея можно видѣть, какъ идея совершаетъ свой *кругъ* въ общественномъ развитіи». «Въ

---

[1]) *Сѣверная Пчела*, 1840, № 65.

этомъ отношеніи французская пословица: «Les extremités se touchent»—имѣетъ глубокій смыслъ. Сличите первыя статьи г. Полевого съ его же послѣдними, — и вы увидите, что въ первыхъ онъ отрицалъ то самое, что́ утверждаетъ въ послѣднихъ, а въ послѣднихъ утверждаетъ то самое, что́ отрицалъ въ первыхъ». Характеризуя личность Полевого, какъ писателя, критикъ говоритъ: «Задача Полевого была разрушеніе, отрицаніе идей, понятій и предубѣжденій XVIII вѣка въ нашей литературѣ и провозвѣстіе новаго времени и новыхъ идей. Уже по одному этому его дѣятельность долженствовала быть отрицательною, а не положительною. И потому, пока онъ дѣйствовалъ отрицательно — его успѣхи были неимовѣрны, и его заслуги были важны; но какъ скоро онъ начиналъ дѣйствовать положительно—его дѣятельность представляетъ рядъ поразительныхъ неуспѣховъ». Но критическія статьи Полевого, повидимому, были исключеніемъ и съ суровой точки зрѣнія взыскательнаго рецензента. Статья о Державинѣ кажется ему «живой», «одушевленно» и «увлекательно» написанной: онъ хвалитъ и статью о Жуковскомъ, и только «статья о Пушкинѣ есть точка, въ которой Полевой сошелся во мнѣніяхъ съ тѣми, которые нападали на «Руслана и Людмилу», и войною противъ которыхъ онъ началъ свое литературное и журнальное поприще». «Впрочемъ», прибавляетъ критикъ: «всѣ статьи въ «Очеркахъ», не касающіяся собственно до искусства и науки, примѣчательны живымъ изложеніемъ и умнымъ взглядомъ на вещи» [1]).

Среди пространныхъ рецензій, посвященныхъ книгѣ Полевого *Сѣверной Пчелой* и *Литературной Газетой*, совершенно теряется глухой отзывъ *Современника*, очевидно, недовольнаго вообще критическими взглядами редактора *Телеграфа*. *Современнику* казалось, что «воззрѣніе на предметы литературы и самый образъ выраженія мыслей заимствованы авторомъ изъ критическихъ статей *новѣйшей французской школы*. Поэтому онъ чаще и болѣе говоритъ о постороннихъ обстоятельствахъ, нежели о самомъ дѣлѣ» [2]).

Гораздо полнѣе и обстоятельнѣе всѣхъ приведенныхъ выше

---

[1]) *Литературная Газета*, 1840, № 8.

[2]) *Современникъ*, 1840, т. 18, стр. 154. Не очень доволенъ вліяніемъ западной критики на Полевого остался и С. О. Бурачекъ, вообще доброжелательный къ автору „Очерковъ русской литературы“; по мнѣнію Бурачка, не совсѣмъ вѣрно основаніе теорій и системъ, выписанныхъ Полевымъ изъ-за моря (*Маякъ*, 1840, ч. I, гл. II).

рецензій отзывъ Бѣлинскаго, напечатанный въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1840 года.[1]) Здѣсь разбираются, главнымъ образомъ, три статьи Полевого: о Державинѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ, изъ которыхъ критикъ особенно хвалитъ первую и порицаетъ послѣднюю. «Статья о Державинѣ—лучшая, о Жуковскомъ—изъ лучшихъ; ихъ и теперь можно читать съ услажденіемъ и пользою. Онѣ отличаются если не всегда глубокимъ, то часто вѣрнымъ и, по тогдашнему, новымъ взглядомъ, множествомъ замѣчаній тонкихъ и дѣльныхъ, изложеніемъ мастерскимъ, увлекающимъ, одушевленнымъ. Никто до г. Полевого не судилъ лучше о Державинѣ и Жуковскомъ, никто до него не былъ ближе къ истинѣ при оцѣнкѣ этихъ двухъ великихъ представителей русской поэзіи. Особенно въ Державинѣ подмѣтилъ онъ много сторонъ, которыхъ въ немъ никто прежде не подмѣчалъ, указалъ въ немъ на многое, на что́ прежде никто не смотрѣлъ, и прошелъ основательнымъ молчаніемъ многое, на что́ дотолѣ всѣ указывали (по привычкѣ и преданію), какъ на самыя могущественныя проявленія великаго генія Державина». Полевой первый «вѣрно подмѣтилъ въ Державинѣ сторону *народности*, которой до него не подозрѣвали въ этомъ поэтѣ. Это заслуга, и заслуга важная». Но, въ то же время, руководствуясь «непосредственнымъ чувствомъ», при «недоступности» мысли, Полевой не могъ «положительно опредѣлить цѣну и мѣру заслугъ Державина и Жуковскаго» и «указать ихъ настоящее мѣсто въ исторіи русскаго творчества». Потому то Полевой, отмѣчая въ Державинѣ «борьбу между понимавшимъ себя поэтомъ и мнимо дѣловымъ человѣкомъ», вредившую развитію его дарованій, не понялъ, что подобный фактъ, въ связи съ отсутствіемъ интереса къ Державину современнаго общества, прямо отрицаетъ его геніальность; потому то Полевой впадалъ иногда въ риторику при произнесеніи окончательнаго приговора «пѣвцу Екатерины». Въ статьѣ о Жуковскомъ, которая менѣе нравится Бѣлинскому, Полевой яко бы несправедливо ставитъ въ вину поэту отсутствіе народности, непониманіе «Гамлета» Шекспира и однообразіе колорита въ переводахъ изъ Шиллера, Гете и Байрона. По словамъ рецензента, «Полевой нашелъ въ поэзіи Жуковскаго недовольство земнымъ, стремленіе къ небесному, юношескую мечтательность, идеальную любовь и пр., и пр., что́ и другіе, больше или меньше, лучше или

[1]) Полное собраніе сочиненій. Спб. 1901, т. V, стр. 98.

:. находили въ ней» и что́, прибавимъ отъ себя, нашелъ въ самъ Бѣлинскій; «но онъ (Полевой), якобы, не сказалъ, что́ е это найденное имъ, и оно осталось для него искомымъ». Болѣе же не удалась Полевому статья о Пушкинѣ, этотъ «хакрутящихся понятій», гдѣ критикъ, не отдавая ни въ чемъ га, «судитъ по-шемякински», гдѣ онъ утверждаетъ, что каинизмъ «повредилъ» «Борису Годунову» (не за то ли и самъ инскій упрекалъ Пушкина?), что руссизмъ «Руслана и Людмилы» — щеголеватая «народность» флоріановскаго пошиба, что зказскій плѣнникъ» «блѣденъ и ничтоженъ», «Бахчисарайскій анъ» и «Цыганы» «нерѣшительны», а «Евгеній Онѣгинъ»— окъ»; гдѣ Полевой совѣтуетъ Пушкину выкинуть изъ собраего сочиненій «Дорожныя жалобы» и «Къ вельможѣ» и т. д. ензентъ подчеркиваетъ, что Полевой, нѣкогда восхищавшійся кинымъ, «поспѣшилъ взять назадъ свои критическіе пригоры», когда «геній поэта началъ мужать и возмужалъ».

Такимъ образомъ, въ приведенныхъ словахъ Бѣлинскаго окается и доля истины, и доля несправедливости, ибо если «Дорныя жалобы» — прекрасная піеса и «Евгеній Онѣгинъ» — езный романъ [1]), то поэмы Пушкина, дѣйствительно, не вполнѣ шительны», а народности въ «Русланѣ и Людмилѣ» — мало... очемъ, заключеніе критика объ «Очеркахъ» Полевого благотно для послѣдняго. — «Во всякомъ случаѣ», пишетъ онъ: ерки русской литературы» г. Полевого—книга въ высшей стеі интересная, достойная полнаго вниманія и стоющая оцѣнки ой и безпристрастной. Г. Полевой можетъ назваться предтелемъ мнѣній объ искусствѣ и наукѣ цѣлаго періода на литературы. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на свое время, проъ переворотъ въ мертвой журналистикѣ того времени, ожилитературу, далъ быстрое теченіе обмѣну мнѣній, сбавилъ і со многихъ авторитетовъ, не совсѣмъ по праву стоявшихъ комъ высоко, уничтожилъ множество знаменитостей по прео и на-кредитъ. Его дѣятельность была многостороння и неоцима; какъ понималъ, онъ передавалъ русской публикѣ все е въ Европѣ; ни одно примѣчательное явленіе не ускользнуло его недремлющаго вниманія».

) На 165-й страницѣ первой части „Очерковъ“ Полевой дѣлаетъ въ лей степени сочувственную оцѣнку „Евгенія Онѣгина“, въ которомъ тъ исторію развитія и постепеннаго расцвѣта дарованій Пушкина.

Эти выдающіяся заслуги побудили впослѣдствіи Бѣлинскаго поставить имя Полевого рядомъ съ именами Ломоносова и Карамзина, а самого автора «Очерковъ русской литературы» написать слѣдующія строки: «Отношеніе, время и мѣсто оцѣняютъ всякое дѣло. Всякому свое. И если мысль пережить себя есть мысль отрадная — пусть не гремитъ шумная молва потомства о какомъ-нибудь смиренномъ труженикѣ ученія, о томъ, кто безвѣстно погибъ, сражаясь въ рядахъ другихъ—будетъ и имъ память немногихъ, и ихъ дѣла также оцѣнитъ, узнаетъ избранный, и для нихъ также забьется сочувствіемъ сердце какого-нибудь потомка—исторія и имъ дастъ строчку на своихъ скрижаляхъ, если только истина была цѣлью скромнаго труда ихъ, если польза ближнихъ руководила ихъ, если совѣсть не упрекала ихъ за сдѣланное» [1]).

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. VII.

СУЖДЕНІЯ

о

КЛАССИЧЕСКОЙ И РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХЪ.

Теоретическія и историко-литературныя воззрѣнія Полевого и его современниковъ.

Въ исторіи русской литературы двадцатые и тридцатые годы истекшаго столѣтія являются эпохой броженія, неясныхъ стремеій, неопредѣленныхъ вожделѣній и исканія чего-то новаго замѣнъ отживающаго стараго. Жизнь бьетъ ключомъ и въ урнальныхъ критическихъ статьяхъ, и въ беллетристикѣ; можно азать, бьетъ черезъ край. Чувствуется сильное умственное и шевное напряженіе, нѣсколько судорожный порывъ вырваться ь міра колебаній и недоумѣній на широкую и торную дорогу, щую къ опредѣленной, строго намѣченной цѣли. Наплывъ гинальныхъ и глубокихъ идей, развиваемыхъ въ литературъ европейскихъ, ошеломляюще повліялъ на русское творчеіо и критику; надо было усвоить эти идеи, разобраться въ съ, взвѣсить и оцѣнить ихъ значеніе, кое-что отбросить, большествомъ воспользоваться. Въ выборѣ для перевода на русскій ыкъ иноземнаго матеріала проявились наши литературные вкусы взгляды, а въ усвоеніи этого матеріала, въ попыткахъ самоятельно продумать его, сказалась оригинальная работа ума. очереди стоялъ жгучій вопросъ о защитѣ принциповъ новой, и такъ называемой романтической школы отъ нареканій «ставѣровъ»—сторонниковъ классицизма. Нѣкоторая неясность и опредѣленность литературнаго кодекса романтиковъ служила шенью для тѣхъ, которые гордились ясностью положеній «L'art étique» Буало. Необходимость побуждала и выяснить теорію вой поэтики, и показать на литературныхъ образцахъ справедливость и законность новыхъ воззрѣній... Журналистика разалась на два враждебные лагеря; на сторонѣ новаторовъ стояли ыкъ *Отечества*, *Московскій Вѣстникъ*, *Литературная Газета*, елескопъ и *Московскій Телеграфъ*. Выдающіеся критики-журнасты, въ лицѣ Марлинскаго, князя Вяземскаго и Николая По-

левого, вложили въ эту борьбу всю свою энергію и лучшія сил въ этой же атмосферѣ сложились и сформировались таланты Н деждина и Бѣлинскаго, и неясно обнаружились зачатки позднѣ шихъ литературныхъ направленій. Посильному выясненію эт туманной и смутной эпохи, которой суждено было быть пре разсвѣтной зарей, предвѣщавшей наступленіе яснаго дня русск критики и поэзіи, посвящается нашъ очеркъ.

I.

Литературное броженіе и неустановленность критическ мнѣній двадцатыхъ годовъ отмѣчались современниками, пыта шимися иногда хладнокровно и объективно отнестись къ муч тельнымъ и жгучимъ вопросамъ — предмету ожесточенныхъ п демикъ. Приверженцы различныхъ лагерей и партій недур очерчены на страницахъ одного изъ журналовъ той эпох «Одни крѣпко держатся старофранцузской чопорной школы, готовы прокричать: «анаѳема, аще кто прибавитъ или убавитъ Другіе хотятъ произвести какую-то литературную революці полагая, что романтизмъ не долженъ имѣть ни правилъ, ни з коновъ; они думаютъ установить какое-то, въ отношеніи к изящному, равенство между частями, дѣйствіями, явленіями даже отправленіями природы, и, какъ бы въ отмщеніе добл стному самоотверженію героевъ и величію душъ сильныхъ, к торыя во всѣхъ вѣкахъ воспламеняли геніи пѣснопѣвцевъ, с бо́льшимъ жаромъ воспѣваютъ низкихъ бродягъ, головорѣзов бездушныхъ самоубійцъ, безжизненныхъ сластолюбцевъ, слад страстныхъ буяновъ, нежели великихъ людей. Третьи, бояс отступить отъ учительскихъ тетрадокъ, ищутъ въ поэзіи поло жительныхъ наставленій, и не отличаютъ поэмы отъ исторіи сатиры отъ проповѣди» [1]).

Сынъ Отечества, гдѣ помѣщена приведенная выше харак теристика, порицая крайности, былъ защитникомъ и даже про водникомъ воззрѣній нарождающейся новой школы. Имѣя со трудниковъ въ родѣ князя П. А. Вяземскаго, Д. В. Веневити нова, К. Ѳ. Рылѣева, В. Т. Плаксина, извѣстныхъ въ свое врем романтиковъ Ореста Сомова и Владиміра Бриммера, журнал

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1831, т. 20, ч. 142: „Замѣчанія на сочиненіе А. С Пушкина: „Борисъ Годуновъ", писанныя В. Т. Плаксинымъ.

слѣдилъ за текущей иностранной и русской литературой, затрагивалъ вопросы изъ теоріи поэзіи и дѣлалъ оцѣнки произведеній выдающихся писателей. Правда, многія статьи были не оригинальны, а переведены изъ *Edinburgh Review*, *Revue de Paris*, *Revue encyclopédique* и другихъ иностранныхъ періодическихъ изданій; но самый подборъ рецензій говорилъ за себя и опредѣлялъ направленіе переводчиковъ и редакціи; беллетристическій отдѣлъ состоялъ изъ переводныхъ произведеній французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ [1]).

Опредѣлить взаимныя отношенія классицизма къ романтизму, указать недостатки перваго и достоинства послѣдняго—обычная тема всѣхъ теоретическихъ разсужденій сотрудниковъ *Сына Отечества* о поэтическомъ творчествѣ.

Съ точки зрѣнія Д. В. Веневитинова [2]), старая піитика и условное число правилъ для опредѣленія степени изящныхъ произведеній, равно и Аристотель—отжили свое время, хотя греческій философъ оттого нисколько не теряетъ своихъ правъ на глубокомысліе.

Но и романтическая поэзія не заключается въ одномъ нео-

---

[1]) *В. Гюго*: Двѣ главы изъ романа „Notre Dame de Paris"; *А. Дюма*—повѣсти: „Красная Роза" и „Дѣти Мадонны"; *К. Нодье*: „Библіоманъ"; *Жакобъ Библіофилъ* (Поль Лакруа): „Поцѣлуй", „Двѣ матери", „Геній-Хранитель", оперная лѣтопись; *Е. Сю*: „Сцена на морѣ", „Вороной конь и бѣлая собака", „Счастливая жена", „Корсаръ"; *К. Делавинь*: отрывокъ изъ трагедіи „Людовикъ XI"; *О. Бальзакъ*: отрывокъ изъ романа „La peau de chagrin", отрывокъ изъ „Темныхъ повѣстей" (Кавалеръ Бовуаръ), глава изъ „Сарразина" (Два портрета), „Рекрутъ", „Г-жа Фирміани", „Палермскій монахъ", „Ростовщикъ Корнеліусъ", „Красный трактиръ"; *Ламартинъ*: „Восточныя воспоминанія"; *Жанлисъ*: „Монастырь Латранскій"; *Бульи*: „Муфта старушки", историч. анекдотъ; *Ав. Лафонтенъ*: „Сватовство наоборотъ"; *Поль де-Кокъ*: отрывокъ изъ романа „Монфермельская Молочница"; *Матюринъ*: „Мельмотъ, или скитающійся человѣкъ" (отрывокъ); *Морье*: „Изъ похожденій Хаджи-Бабы испаганскаго".

В. Скоттъ: отрывокъ изъ романа „Риѳмачъ Ѳома"; *Байронъ*: отрывокъ изъ дневника; *Куперъ*: отрывки изъ романовъ: „Le bravo", „Послѣдній изъ могиканъ", „Красный морской разбойникъ"; *Вашингтонъ Ирвингъ*: „Отрывокъ изъ разсказовъ одного путешественника".

Фанъ-деръ-Фельде: „Посольство въ Китай"; *Цшокке*: „Бобъ", „Старая львица", „Это возможно"; *К. Пихлеръ*: „Скрытная любовь".

[2]) *Сынъ Отечества*, 1825, ч. 100, № 8: „Разборъ статьи о Евгеніи Онѣгинѣ, помѣщенной въ № 5 *Московскаго Телеграфа*".

предѣленномъ состояніи сердца: современные поэты «не летаютъ безъ цѣли, исключительно на зло пiитикамъ». Поэзія въ себѣ самой имѣетъ постоянныя правила, которыя, какъ и основанія для критическихъ сужденій объ изящномъ, заимствуются изъ философіи, позволяющей справедливо оцѣнивать прошедшее и настоящее. При произнесеніи приговора какому-нибудь автору необходимо помнить, что талантъ въ себѣ самомъ является мѣриломъ своихъ чувствованій и впечатлѣній, что достоинство произведенія зависитъ отъ силы мыслей и чувствъ (идеалъ художника) и отъ колорита, необходимаго для гармоніи цѣлаго.

Вериги, накладываемыя на поэзію Аристотелемъ, и желаніе обезкрылить подражаніемъ генія поэзіи не нравятся и К. Ѳ. Рылѣеву [1]). Слѣпое подражаніе древнимъ и въ духѣ, и въ формахъ—несчастное предубѣжденіе, причина ничтожности произведеній новѣйшихъ поэтовъ.—Отсюда печальныя слѣдствія. Лишеніе себя оригинальности не даетъ въ результатѣ возможности сравниться съ образцами: подражаніе древнимъ замѣняетъ изученіе духа времени, просвѣщенія вѣка, гражданственности и народности страны, гдѣ происходитъ представляемое событіе; творенія, изображающія событія новѣйшей исторіи, будучи вылиты въ формахъ древнихъ,—естественно несовершенны: оригинальность автора смѣшивается съ подражаніемъ.

Возгорѣвшаяся полемика между классиками и романтиками показала, что ни тѣ, ни другіе не могутъ похвастаться побѣдой. Придается слишкомъ большое значеніе формамъ, и споръ идетъ больше изъ-за словъ, чѣмъ о существѣ предмета. Формы не играютъ особенно важной роли (напримѣръ, три единства): на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни романтической, ни классической поэзіи, такъ какъ именемъ первой называютъ творенія оригинальныя, не подражательныя, забывая, что въ такомъ случаѣ романтиками рискуютъ очутиться Гомеръ и Эсхилъ. Вѣрнѣе дѣлить поэзію на древнюю и новую, изъ которыхъ въ первой болѣе вещественности и частностей, а во второй—болѣе содержанія и общаго. Послѣдняя имѣетъ свои подраздѣленія, смотря по понятіямъ и духу вѣковъ, когда появились ея геніи. Отверганіе условій, стѣсняющихъ свободу поэта, налагаетъ на него обязанности труднѣйшія, чѣмъ у классиковъ (напримѣръ, единство цѣли въ драмѣ). Вообще, поэзія

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1825, ч. 104, стр. 145: „Нѣсколько мыслей о поэзіи“.

не можетъ быть опредѣлена, такъ какъ ея идеалъ—безконеченъ и недостижимъ. Поэтому, слѣдуетъ питать уваженіе, но не благоговѣніе къ твореніямъ древнихъ и новыхъ геніевъ и, уничтоживъ духъ рабскаго подражанія, оставить праздный вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ.

Поэзія древняя рѣзко отличается отъ новой, по мнѣнію Вл. Бриммера [1]), который пытается характеризовать обѣ. Въ греческой литературѣ налагалась узда на воображеніе, и преслѣдовалась одна цѣль—вѣрное и точное подражаніе природѣ; поэты новые, возвышая формы свои до идеала, освобождаютъ воображеніе отъ узъ, «природою на него налагаемыхъ», и переносятъ читателя въ міръ идеальный, уступая древнимъ въ опредѣленности формъ, но сильнѣе дѣйствуя на сердце. Творенія Петрарки, Шекспира, Руссо, Стерна, Шиллера и Гете заставляютъ читателя погрузиться въ себя и изслѣдовать свое сердце и идеи; выдвигается на первый планъ психологія и самосознаніе, чего нѣтъ у грековъ. Свобода, пріятная для молодыхъ авторовъ, но не лишенная опасности, тоже отличительная черта романтизма, получившаго свое наименованіе только потому, что слѣды его находятся у трубадуровъ, употреблявшихъ романскій языкъ. Понимая романтизмъ въ широкомъ смыслѣ слова, надо признать романтиками Расина и Вольтера, ибо «они дѣйствуютъ на душу посредствомъ идей и въ нихъ находится метафизика сердца». За послѣднее время романтизмъ немного извратился: появился, наряду съ истинной новой поэзіей, мистицизмъ, прилаженный къ изящнымъ искусствамъ, который проникнутъ отвратительной ганнственностью, соединенной съ ребяческимъ желаніемъ щегольять никогда и никѣмъ неслыханными словами. Подобное явленіе наблюдается у новѣйшихъ писателей Германіи и объясняется слѣдующимъ образомъ. Начала вещей скрыты отъ ума человѣка, и источникъ истины заключается въ его сердцѣ, которое требуетъ *вѣры* въ существующіе предметы. Тогда природа откроетъ слѣды премудрости и благости вѣчной, прибѣгнувъ къ которымъ, невольно узнаютъ, что существованіе *здѣсь*—для исполненія своихъ обязанностей, а назначеніе по смерти — вступленіе въ лучшую жизнь. Эти романтическія идеи однако недостаточны для воображенія необузданнаго, которому «хочется видѣть Божество,

---

[1]) *Сынъ Отечества,* 1830, ч. 132, стр. 168: „О истинномъ и ложномъ романтизмѣ“.

такъ сказать, глазами; вступить съ духовнымъ міромъ въ не-посредственное общеніе: и оно дѣйствительно видитъ — мечты, которыя самопроизвольно олицетворяетъ». Эта стадія въ развитіи романтизма заслуживаетъ осужденія; подобное изступленно-созерцаніе, таинственный бредъ, горячка умовъ «всегда слѣдуетъ за необыкновеннымъ напряженіемъ силъ душевныхъ, за истощеніемъ ихъ въ продолженіе великихъ переворотовъ».

«Кто идетъ по слѣдамъ другого, тотъ всегда остается позади», провозгласилъ неизвѣстный авторъ «Трехъ писемъ о словесности», скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ Трофима Романтикуса [1]). Подражаніе классическимъ писателямъ было неудачно. Критика, построившая теорію, обратила вниманіе лишь на «наружныя» формы *одной* греческой поэзіи и, не изслѣдуя великаго сходства между собой разбираемыхъ образцовъ, происходившаго отъ національности, сочла его закономъ изящнаго для всѣхъ народовъ. Наша словесность, въ силу господства этой теоріи, потеряла прежнюю оригинальность и обратилась въ подражаніе, принявъ неподходящія для нея правила безъ всякаго ограниченія. И всѣ талантливые люди, которыхъ «характеръ требовалъ свободы и разнообразія», не смѣя нарушить якобы непреложныхъ законовъ, противились внушеніямъ природы, обуздывали порывы благотворные — и вмѣсто «пламени поэзіи» являлся «удушливый дымъ прозы». Если бы варварство истребило древнюю словесность, то давно составилась бы новая теорія, сообразная съ новыми нравами и новымъ образомъ мыслей, которая въ настоящее время, послѣ «длинной цѣпи ошибокъ и заблужденій», наконецъ поддается нѣкоторому опредѣленію.

«Всѣ искусства, имѣя главною цѣлью — нравиться и трогать, состоятъ изъ двухъ частей: духовной и вещественной, т.-е. мысли (*идеала*) и формы, въ которую эта мысль облекается. Идеалъ, какъ существо духовное, неощутимъ безъ формы и на разныхъ людей производитъ различное дѣйствіе. Можно замѣтить, что излишнее и мелочное обнаруженіе идеала такъ же вредно, какъ и недостаточное». «Въ послѣднемъ случаѣ, идеалъ не произведетъ впечатлѣнія по слабости, или, лучше сказать, по неимѣнію приличной вещественности, дабы дѣйствовать на чувственные органы: а въ первомъ — будучи слишкомъ ощутимъ, слишкомъ

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1833, ч. 157, стр. 340: Письмо второе. Отвѣтъ Классикусу.

грубъ, чтобы проникнуть въ душу, — онъ обращается въ существо прозаическое. Слѣдовательно, приличіе формъ состоитъ въ умѣніи представить идеалъ очамъ зрителя, такъ сказать, издали и въ туманѣ таинственности, чтобы его можно было только видѣть, а не разсматривать, и чтобы воображеніе, стремясь къ нему на крыльяхъ любопытства, могло приближаться къ нему непрестанно, но достигнуть — никогда». Различныя опредѣленія прекраснаго и высокаго съ ложноклассической точки зрѣнія— слабы и непонятны, такъ какъ нельзя изъ словесности сдѣлать алхимію и метафизику и «разложить и взвѣсить всѣ человѣческія понятія, способности, страсти, склонности и ощущенія»; надо, просто, руководствоваться *природой* и помнить, что для возбужденія любопытства, вниманія и воображенія необходимо *разнообразіе*.

Въ статьяхъ В. Т. Плаксина, лица, немало заинтересованнаго судьбами русской литературы, говорится о поэзіи и художникѣ-геніи [1]). Геній—искра божества. Дѣла его—непрерывная борьба, споръ съ творящей природой. Его произведенія отличаются недосягаемой простотой; его свобода подчиняется лишь вѣчной идеѣ изящества, оживленной стройностью цѣлаго. Онъ возвышаетъ человѣчество, и, мало думая о читателѣ, осуществляетъ плѣняющую всѣхъ идею и увлекаетъ за собой вѣка и націи. «Духъ поэта, преобладая надъ природой, побуждаетъ его къ преобразованію сей послѣдней, къ произведенію существъ идеальныхъ». Въ его созданіяхъ отражается не только дѣйствительное, но и возможное. Потому неправильны многія опредѣленія поэзіи. Она— не стопомѣрная рѣчь, такъ какъ нельзя назвать живописью безцвѣтные очерки; она—не стремленіе подражать природѣ, такъ какъ тогда ничѣмъ не отличалась бы отъ прозы. Прозаикъ находится подъ вліяніемъ природы, идетъ по ея слѣдамъ, описываетъ и подражаетъ—и только; поэтъ творитъ, чувствуя несовершенство изящнѣйшихъ произведеній природы и ихъ необходимость для цѣлости вселенной.

Поэтъ обыкновенно—*народенъ*, и часто доставляетъ одинаковое удовольствіе вельможѣ и простолюдину. Подъ народностью же

[1]) *Сынъ Отечества*, 1831, чч. 142—143: „Замѣчанія на сочиненіе А. С. Пушкина: „Борисъ Годуновъ".

Тамъ же, 1835, ч. 169: „О народности въ изящныхъ искусствахъ и преимущественно въ словесности".

разумѣются черты и свойства, образовавшіяся у народа подъ вліяніемъ различныхъ условій: мѣстности, занятій, сосѣдства съ другими племенами и т. д. Когда у людей появляется сознаніе связующей ихъ силы, тогда появляются и общіе интересы, желанія; пробуждается первое чувство народности — и возникаетъ литература. Совокупность словесныхъ произведеній изображаетъ характеръ народа, а историческій ходъ ихъ—картину измѣненій народнаго духа. И чѣмъ выше талантъ писателя, тѣмъ ярче обнаруживаетъ послѣдній въ своемъ творчествѣ мнѣнія, нравы, обычаи, общіе съ его соотечественниками.

Соотвѣтствовали направленію *Сына Отечества* и переводныя статьи, трактующія о классицизмѣ и романтизмѣ; онѣ выбирались изъ вышеупомянутыхъ французскихъ журналовъ. Таковъ этюдъ «О духѣ поэзіи XIX вѣка» [1]), писанный критикомъ Арто (Artaud), любопытный въ томъ отношеніи, что споръ двухъ враждебныхъ литературныхъ партій на Западѣ «продолжался уже десять лѣтъ, а еще не дали яснаго опредѣленія романтизму, которымъ интересовались и академіи, и журналы, люди свѣтскіе и дѣловые» [2]). Арто формулировалъ свои мысли слѣдующимъ образомъ.

Подражаніе не произвело ничего великаго. Ложныя теоріи лишали писателя оригинальности и самобытности, создавали двойную зависимость, изгоняющую изъ литературы природу и народность, дали возможность не уважать имени Орлеанской дѣвы, тогда какъ каждый швейцарецъ трепещетъ при имени Вильгельма Телля: во Франціи не было народныхъ воспоминаній. Появлявшіяся произведенія, которыя подробно описывали *наружные* предметы и природу—подобіе поэзіи, безжизненный призракъ, «гдѣ природа лишена лучшей своей прелести, которая идетъ отъ души». Къ счастью, уже сбрасывается иго преданія; проясняется сознаніе, что правила тащатся вслѣдъ за геніемъ, руководствующимся лишь собственными силами. Въ сердцѣ человѣка остается невѣдомый кладъ страстей и чувствъ; область нашихъ понятій и нравственной природы—вотъ убѣжище поэзіи. Обращенію человѣка *въ себя* и къ своей домашней жизни способствуютъ духовная религія, отсутствіе публичной жизни и печальные результаты французскихъ переворотовъ. Отсюда характерная черта новой поэзіи—*личность*; произведенія являются исторіей сердца автора;

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1825, ч. 102, № 15 (изъ *Revue encyclopédique*).

[2]) Тамъ же, 1826, ч. 107, № 14, стр. 178.

тсюда неопредѣленность, задумчивость и мечтательность. Становится понятенъ циклъ элегій и философскихъ посланій; при всемъ разнообразіи дарованій, поэты сходятся, представляя «въ живой картинѣ безпокойство и тоску жизни однообразной, безъ внѣшней дѣятельности, но мятежной внутри». Разнообразіе и драматическое движеніе являются также непремѣнными свойствами новѣйшихъ произведеній.

«Самая лучшая сторона нашей эпохи есть всеобъемлющая сила, которая совокупляетъ воедино всѣ точки зрѣнія, вмѣщаетъ въ себѣ всѣ системы. Зачѣмъ жертвовать предразсудкамъ столь мелкимъ? Право, всему есть просторъ на свѣтѣ. Однимъ словомъ: если есть прекрасное, основанное на неизмѣнныхъ законахъ нашей природы, на неразрушимыхъ чувствахъ сердца человѣческаго, и если со всѣмъ тѣмъ его наружные виды, примѣненные къ климату, къ нравамъ, къ постановленіямъ, измѣняются сообразно времени и мѣсту—то будемъ удивляться оному въ твореніяхъ генія, подъ какою бы формою оно ни являлось».

Нѣкоторыя черты романтическихъ произведеній были яблокомъ раздора между самими новаторами въ литературной области. Заслуживающими особаго порицанія признавались необузданность воображенія, породившая чудесный элементъ, и безнравственность отдѣльныхъ картинъ и сюжетовъ [1]). Чудесность характеризуется очень непривлекательно. Въ теоріи это—презрѣніе всякихъ правилъ; въ практикѣ—подражаніе «скаредности и ужасамъ», стремленіе ко всему странному, неопредѣленному въ мысляхъ и чувствахъ; въ формѣ — умышленное коверканіе языка и введеніе искусственныхъ оборотовъ. Порча народнаго вкуса довела до жажды сильныхъ потрясеній, непріятныхъ ощущеній; слѣдствіемъ является болѣзненность (особенно послѣ театральныхъ представленій) и расположеніе къ самоубійствамъ. Чудесность бываетъ историческая, когда писатели переносятъ въ современное общество варварскія понятія дикихъ временъ; она—философическая, когда авторы-мизантропы, «объявившіе брань» негодному обществу, чертятъ картины кощунствъ, злодѣйствъ, убійствъ, стоновъ и плача человѣческихъ созданій. Не менѣе ужасно и отсутствіе

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1833, ч. 158: „О гигіеническомъ вліяніи чудесности въ литературѣ“ (съ франц.).

Тамъ же, 1834, ч. 163: „О началѣ упадка легкой литературы“ (изъ *Revue de Paris*, ст. Низара).

нравственныхъ принциповъ: описываются сокровенныя сцены въ спальняхъ, прелюбодѣйства, наложничества, обольщенія, похищенія супругъ. Все это—вспомогательныя средства для поддержки издыхающихъ романа и повѣсти и впадающей въ крайности драмы, средства, которыя уничтожаютъ всякое чувство нравственности.

Защитники романтизма, оправдывая его отъ взводимыхъ обвиненій, находятъ возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя возраженія [1]). Любовь къ чудесному находитъ оправданіе въ природѣ человѣка и въ религіи. Требуется только соблюденіе нѣкоторыхъ условій: сравнительно рѣдкое повтореніе чудесныхъ явленій, такъ какъ частое—ослабляетъ силу впечатлѣнія; смутность и неопредѣленность при представленіи сверхъестественныхъ событій. Допустимо и воскрешеніе романа временъ первобытныхъ (съ историческимъ элементомъ, какъ мы видимъ у ла-Мотта Фуке), и созданіе особаго рода фантастическихъ сочиненій, въ духѣ Гофмана, хотя осуждается, какъ выродокъ романтическаго воображенія, болѣзненный бредъ, въ которомъ «нѣтъ ничего могущаго просвѣтить разумъ и удовольствовать разсудительность». Упрекъ въ безнравственности можетъ быть отнесенъ только къ плохимъ подражаніямъ, чрезвычайно распространившимся и составившимъ «легкую литературу», а не къ оригинальнымъ произведеніямъ, чуждымъ грязныхъ цѣлей и отнюдь не свидѣтельствующимъ объ упадкѣ дарованій.

Теоретическія воззрѣнія сотрудниковъ *Сына Отечества* нашли себѣ практическое примѣненіе въ критическихъ, большей частью переводныхъ, очеркахъ, гдѣ указывалось историко-литературное значеніе тѣхъ писателей, которые вполнѣ отвѣчали измѣнившимся вкусамъ. Изъ европейскихъ литературъ, англійской было удѣлено болѣе вниманія, чѣмъ остальнымъ. Шекспиръ — вотъ геніальный поэтъ, анализируя произведенія котораго, надѣялись найти новыя откровенія и пролить свѣтъ на запутанные и темные вопросы [2]). «Драмы его—это зеркало, въ которомъ мы

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1829, ч. 129: „О чудесномъ въ романѣ" (ст. Вальтера Скотта).

Тамъ же, 1834, ч. 163: „Манифестъ юной литературы" (ст. Жюля Жанена).

[2]) Тамъ же, 1833, ч. 161: „Драматическая поэзія. Шекспиръ, какъ драматикъ" (пер. съ нѣмецкаго).

Тамъ же, 1833, ч. 159: „Жизнеописаніе Шекспира".

идимъ всегда вѣрное свое изображеніе. Мысли и дѣйствія лицъ го развиваются всегда изъ тѣхъ наклонностей, изъ тѣхъ побуж-еній, которыя составляютъ общее наслѣдіе нашей природы и словіе дѣятельности каждой души человѣческой. Посему-то его воренія производятъ сильное впечатлѣніе на сердце каждаго еловѣка: посему-то вымыслы его, перенося читателя на лоно стинной жизни людей, окружающихъ его, останутся навсегда не-зсякаемымъ источникомъ общественнаго благоразумія, вѣчно остойнымъ училищемъ мудрости». Онъ понялъ, что цѣль сцены— редставленіе вѣрной картины дѣйствительности въ свѣтлой деждѣ поэзіи при яркомъ освѣщеніи сокровенныхъ пружинъ нѣшнихъ явленій, позналъ человѣка, убѣдился во всеобщемъ равственномъ Провидѣніи, отличался изумительною естествен-остью, изображая все разнообразіе природы и жизни, создавалъ ивительно гармоническія по цѣльности впечатлѣнія піесы и обуждалъ читателя чувствованія героевъ считать своими и по-рять всякое представленіе о вымыслѣ.

Послѣ Шекспира, особенно интересной считается вторая поло-на XVIII-го вѣка, которая замѣчательна ослабленіемъ монотон-ихъ звуковъ классической лиры [1]). Тогда поэты объявили себя за-итниками воображенія, и душа вступила въ свои права. Домаш ія жизнь, удовольствія сельскія, чувствительность истинная, или нтиментализмъ отражались въ поэзіи. Выступали на литератур-е поприще Ричардсонъ, Фильдингъ; выпускала свои романы нна Радклифъ [2]).

Первые два—цари романа: одинъ, представитель пуританизма, ыдѣленный наклонностью поучать и подробно анализировать ду-евныя движенія, въ «Клариссѣ» изобразилъ мѣщанскую Англію, стную жизнь среднихъ классовъ съ набожностью, семейными обродѣтелями, наружной благопристойностью; другой, сторон-ікъ стараго веселаго общества, написалъ «Тома Джонса», гдѣ ритъ полная умственная свобода, гдѣ герой — человѣкъ без-утный, но добрый и великодушный малый, гдѣ встрѣчается знообразіе, уравновѣшенность насмѣшки и нѣжности, смѣха и

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1834, ч. 163: „Взглядъ на англійскую литера-уру“ (пер. съ франц.).

[2]) Тамъ же, 1826, чч. 105—106: „Анна Радклифъ“ (ст. В. Скотта).

Тамъ же, 1834, ч. 167: „Томъ Джонсъ Фильдинга и Кларисса Гар-овъ Ричардсона“ (ст. Шаля).

слезъ. Въ романахъ Фильдинга и Ричардсона обрисовано двойно общественное движеніе, чего совершенно не встрѣчается въ пр изведеніяхъ Радклифъ, создавшей особый литературный род исполненный сверхъестественности и таинственности. Здѣсь мір очарованій заслоняетъ міръ дѣйствительный; правда, знаніе стр стей сердца человѣческаго и наблюденіе нравовъ не очень сильн но зато любопытство возбуждено, описанія ужасны, характер отличаются чертами исполинскими, разительными, великолѣп живопись мѣстная, а таинственныя обстоятельства находятъ себ вполнѣ естественное объясненіе.

Но наибольшаго расцвѣта англійская литература достигает въ началѣ XIX вѣка: Байронъ и Вальтеръ Скоттъ заглуши славу предшественниковъ [1]). Поэтъ печали принадлежитъ къ чис тѣхъ писателей, которые «смѣло обращаются около самихъ себ какъ всегдашняго центра своихъ творенiй». Идея, возникшая в головѣ генія, развивается имъ до крайнихъ предѣловъ; гер отъ порока переходитъ къ преступленію, изъ шалуна превр щается въ отверженнаго обществомъ убійцу—наконецъ, въ сущ ство, проклятое Богомъ, и, не смотря на то, самый униженны сохраняетъ чувства благородныя. Характерная черта Байрона - любовь къ природѣ и уединенію; насмѣшливый умъ его разс пастъ шутки веселыя, забавныя, французскія, за которы кроется колкая, убійственная иронія, наклонность пародирова высокое. Самыя растянутыя мѣста, отступленія въ поэмахъ- прелестны. У автора «Гарольда» и «Жуана» — умъ Вольтера сердце Данта. «Чайльдъ-Гарольдъ болѣе прочихъ носитъ на себ отпечатокъ сего мечтательнаго и безпокойнаго духа, котора ничто удовлетворить не можетъ, который мучится желаніемъ ра гадать загадку нашей природы и выпытываетъ у жизни ея тайн И странная вещь! Онъ нравится, онъ привязываетъ къ себ хотя и вовсе лишенъ романической занимательности.... Пор сквозь черную ненависть къ людямъ и горькія чувства, которы онъ питаетъ себя, прорывается воспоминаніе души нѣжной; этот печальный оборотъ изумляетъ васъ; вамъ радостно узнать в немъ себѣ подобнаго, найти въ немъ чувства, согласныя

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1825, ч. 102: „О духѣ поэзіи XIX в.“; 1825, ч. 1(„Разборъ статьи о Евгеніи Онѣгинѣ, помѣщенной въ № 5 *Московск Телеграфа*“; 1834, ч. 168: „Объ историческомъ романѣ во Франціи и Англі 1835, ч. 169: „Лордъ Байронъ“ (съ французскаго).

своими». Вальтеръ Скоттъ, въ противоположность Байрону, обратился къ исторіи и внѣшней природѣ и, подобно Шекспиру, создавшему историческую драму, далъ образцы историческаго романа, произведя своеобразную революцію въ литературѣ. Его произведенія замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Въ нихъ нигдѣ нѣтъ оскорбленія истины: напротивъ, благодаря изученію историческихъ воспоминаній и народныхъ преданій, возстановляется частная жизнь націй: обычаи, повѣрья, костюмы минувшихъ вѣковъ: въ представляемыхъ событіяхъ и хорошо очерченныхъ характерахъ много движенія и разнообразія; личность автора совершенно исчезаетъ, сообщивъ роману оттѣнокъ чувствительности, заставляющей принимать участіе во всѣхъ надеждахъ и радостяхъ главнаго героя. Послѣдователи и подражатели обоихъ геніальныхъ поэтовъ далеко отстали отъ нихъ. Байронъ оказался блестящимъ первообразомъ дурной школы: подъ его вліяніемъ образовалась лживая литература, не освѣщающая гражданской жизни, не знакомящая насъ съ человѣчествомъ, не исправляющая насъ, порождающая недовольство судьбой, дающая наслажденіе живое, но пагубное. Романисты-историки также мало походили на своего представителя: они смотрѣли на свѣтъ сквозь собственный характеръ и придавали ему цвѣтъ своего воображенія. Въ числѣ немногихъ исключеній слѣдуетъ считать итальянца Манцони и американца Купера. «Обрученные»—образцовая попытка въ новой области, отличающаяся вѣрностью въ изображеніи многихъ историческихъ фактовъ, занимательная по разсказу, несмотря на «романическое» отношеніе къ природѣ автора, не умѣвшаго тѣсно соединить дарованія писателя-поэта и ученаго антикварія: романы Купера («Красный Корсаръ») выдаются по новости предметовъ, свѣжести красокъ, чародѣйству воображенія и возбуждаемому въ читателѣ участію къ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ [1]).

Французская литература разсматривается преимущественно въ новѣйшемъ періодѣ, начиная съ XIX вѣка, если исключить нѣсколько классическихъ произведеній, разобранныхъ въ *Сынѣ Отечества* до 1825 года. Подыскивая въ прошломъ зачатки настоящаго, критики отмѣчаютъ развитіе культуры и отличительныя свойства средневѣковой поэзіи: идею чистой любви, сенти-

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1828, ч. 121, стр. 185, 274. Тамъ же, 1834, ч. 168, стр. 546—552.

ментально-пламенное обожаніе Богоматери-первообраза женщины, обожаніе всего слабаго пола, благородство и героизмъ, словомъ всѣ источники рыцарскихъ романовъ [1]). Развитіе этихъ элементовъ и ихъ переработка подорвали французскій классицизмъ. Наклонность къ мечтательности показалась въ «Дельфинѣ» и «Коринѣ» г-жи Сталь, но «всего болѣе развернулась» она въ «Рене» Шатобріана и «Адольфѣ» Бенжамена Констана. Оба типичные героя, изображенные талантливыми поэтами, «уже разочарованы, уже испытали все, или, лучше сказать, почувствовали желанія, которыя никогда не могли осуществить, и остаются съ неизлѣчимымъ отвращеніемъ къ жизни. Рене мучится нелѣпыми страстями, неутолимою жаждою счастья и дѣятельности; ему тѣсно въ свѣтѣ отъ условій общества, и онъ падаетъ отъ пустоты души, подъ тяжестью безполезнаго бытія. Адольфъ всегда въ одномъ и томъ же положеніи, счастливо развернутомъ, болѣе показываетъ намъ человѣка въ схваткѣ со своимъ сердцемъ и съ своими предразсудками, чѣмъ съ обстоятельствами» [2]). Шарль Нодье продолжалъ дѣло своихъ современниковъ и соотечественниковъ. Онъ испыталъ вліяніе «Вертера» Гете, что отразилось на «Зальцбургскомъ живописцѣ»; на манеръ поэмъ Вальтеръ-Скоттовскихъ и Байроновскихъ [illegible] создалъ «Жана Сбогара», вспоминалъ дѣтство и первую любо[illegible] въ «Серафинѣ», написалъ «Дѣвицу де-Марсалъ», романъ шко[illegible] Радклифъ. Сочиненія эти отличаются «превосходными качества[illegible] слога» и «запечатлѣны глубокою индивидуальностью». «Всѣ [illegible] герои и героини—ботанисты, библіоманы, филологи, всѣ они [illegible] говорщики, всѣ изгнанники, всѣ поэты, всѣ люди съ душою [illegible] сторженною и мистическою; иногда мечтатели, они понемно[illegible] все, что есть или чѣмъ былъ творецъ ихъ» [3]). Лучше всего полнѣе романтическое направленіе проявилось въ поэзіи Викто[illegible] Гюго, этого великаго писателя и теоретика, поднявшаго мно[illegible] ство вопросовъ по искусству. Его оды прекрасны, какъ и рома[illegible] «Церковь Пресвятой Богородицы въ Парижѣ», гдѣ съ таки[illegible] вкусомъ «подлѣ самыхъ мрачныхъ красокъ наведены цвѣта нѣ[illegible] ные и веселые», «Бугъ Жаргаль» и «Ганъ Исландскій», хотя [illegible] меньшей степени, все же восхищаютъ читателя; въ драмѣ «Э[illegible]

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1834, ч. 168, стр. 537. „Объ историческомъ рома[illegible] во Франціи и въ Англіи".

[2]) Тамъ же, 1825, ч. 102: „О духѣ поэзіи XIX вѣка".

[3]) Тамъ же, 1832, ч. 154: „Сочиненія Карла Нодье" (ст. Фонтанея).

современные нравы очерчены съ большимъ правдоподобіемъ, ость замѣнена изысканностью, драматическое дѣйствіе разюлнѣе, безъ единствъ, забавное соединяется съ ужаснымъ, кественные, однообразные стихи уступили мѣсто разнообраз- Въ творчествѣ Гюго замѣтна оригинальность, самобытность, ь изрѣдка встрѣчается неудачная обрисовка характера и ота въ воспроизведеніи народности [1]). Альфредъ де Виньи ксандръ Дюма примыкаютъ къ той же школѣ. «Какая миленьига «Стелло», щеголеватая, жалобная, пламенная, насмѣш- литературная». «Въ «Сенъ-Марсѣ» много занимательнаго, бразія и краснорѣчія», но нѣтъ надлежащаго «искусства ать народные характеры, необходимаго при изображеніи -либо вѣка»: яркость мѣстныхъ красокъ въ значительной и зависитъ отъ описанія костюмовъ, оружія и утвари [2]). ихъ III», «Христина», «Нельская башня», «Ричардъ д'Арнъ», драмы необыкновенныя въ новой литературѣ, дѣлаютъ человѣкомъ, достойнымъ похвалы и подающимъ большія цы. Одновременно г. Скрибъ, убившій высокую комедію, ялъ публику «множествомъ прелестныхъ бездѣлокъ» [3]). poésies et pensées» Жозефа Делорма—образецъ лирическихъ еденій, замѣчательныхъ по «истинѣ чувствованій», раздий сердце: это—«исторія прелестнаго поэта, интереснаго и тнаго», вызывающая невольныя слезы на глазахъ лица, что ознакомившагося съ правдоподобною «выдумкой» [4]). оманистовъ слѣдуетъ еще назвать Библіофила Жакоба, за- Жоржъ Зандъ и О. Бальзака.

слѣдователь Вальтера Скотта «отличается чрезвычайно трудою и мелочною ученостью» и, сообразуясь съ публикой, аетъ свои глубокія разысканія въ легкія формы». «Индіана» ентина»—«двѣ прелестныя сестрицы», два превосходныхъ ; «Лелія»—твореніе «ужасное», но «обогащенное слогомъ

ынъ *Отечества*, 1830, чч. 137—136: „Гернани, или Кастильская ст. изъ *Revue encyclopédique*); 1831, ч. 146: „Классики и романтики" нц.); 1834, ч. 163: „Манифестъ юной литературы" (ст. Жюля Жа- 834, ч. 168: „Объ историческомъ романѣ во Франціи и въ Англіи". амъ же, 1834, ч. 168, стр. 552.

амъ же, 1834, ч. 163, стр. 277.

амъ же, 1831, ч. 146: „Классики и романтики" (изъ книги: „La en 1829 et 1830 par Lady Morgan").

великолѣпнымъ». Наконецъ, повѣсти Бальзака — «живы, хорошо начаты, хорошо ведены»; «Шагреневая кожа» — романъ, полный занимательности, остроумный, насмѣшливый. Иногда только, ко вреду своему, авторъ слишкомъ углубляется въ разрѣшеніе политико-экономическихъ вопросовъ и «обращаетъ въ романы главы Лабрюера и Мерсье». [1]) Французская критика также имѣетъ хорошихъ представителей. Таковъ Жюль Жаненъ, отъ природы надѣленный умомъ лучшей пробы, веселымъ чувствомъ смѣшного, наблюдательнымъ инстинктомъ, и выставившій уже въ настоящемъ свѣтѣ ложныя репутаціи. Со стороны идейной, заслуги его пока отрицательны, но его дарованіе найдетъ лучшую цѣль: онъ уже берется за біографію и исторію и пишетъ статьи, гдѣ видна мысль, выраженная гибкимъ, народнымъ слогомъ [2]).

Обзоръ нѣмецкой литературы начинается оцѣнкой писателей второй половины 18-го столѣтія, блистательной эпохи, золотого вѣка Германіи. Тогда «Виландъ перенесъ на нѣмецкую почву всю прелесть и игривость фернейскаго философа, хотя и не обладалъ ни живостью, ни остроуміемъ»; Гердеръ «слилъ философію и поэзію такъ, что сей послѣдней сообщилъ характеръ болѣе важный, а первую сдѣлалъ болѣе доступною для многихъ»; «Кантъ, Якоби, Фихте, Шеллингъ проникли въ мрачныя глубины философіи»; Бюргеръ, Маттисонъ, Шлегель «умножили число образцовыхъ произведеній». Шиллеръ, великій поэтъ и вмѣстѣ философъ, представилъ на сценѣ прекраснѣйшіе предметы новѣйшей исторіи; Гете, стремительный и пылкій въ своей юности, разсудительный, отчетливый и образцовый въ возрастѣ болѣе зрѣломъ, занялъ первое мѣсто на поприщѣ поэзіи эпической и лирической» [3]). Романъ «Вертеръ» заслуживаетъ особаго вниманія какъ по характеру выведеннаго героя, такъ и по вліянію на молодежь. Герой, «сперва полный надежды, безъ недовѣрчивости отдается мечтам юности: ему еще недостаетъ опыта жизни и свѣта, которые та

[1]) *Сынъ Отечества*, 1834, ч. 163: „Манифестъ юной литературы". Та же, 1834, ч. 168: „Объ историческомъ романѣ во Франціи и въ Англіи

[2]) Тамъ же, 1834, ч. 163: „О началѣ упадка легкой литературы" (*Revue de Paris*, ст. Низара).

[3]) Тамъ же, 1834, ч. 164: „Взглядъ на нѣмецкую литературу" (франц.). Ср. тамъ же, 1835, ч. 173: „Шиллеръ" (очень хорошо написанный нѣмецкимъ ученымъ критико-біографическій этюдъ о поэтѣ, массой выписокъ изъ писемъ послѣдняго, поясняющихъ крупнѣйшія

жестоко его отвергнутъ. Потомъ покоренный бурною страстью. онъ показываетъ всѣ мученія любви. Любовь дала цѣль его жизни, и онъ бросаетъ ее, когда цѣль эта исчезла». Печальные опыты доказали вредъ, приносимый чтеніемъ подобныхъ романовъ [1]). Выдающимся писателемъ этой эпохи является и Жанъ Поль Рихтеръ, авторъ «патетическихъ и забавныхъ» произведеній. Не вполнѣ доступный даже для соотечественниковъ, благодаря слогу, столь утонченному и необыкновенному, что требуется ключъ къ его уразумѣнію, авторъ «Титана» въ одно и то же время — поэтъ, философъ, натуралистъ, живописецъ нравовъ, обладаетъ силой и возвышенностью генія, чистотой души, добросердечіемъ; соединяя въ поэзіи простоту съ величіемъ. онъ несомнѣнно очищаетъ отъ дурного сердце человѣка, считается народнымъ и очень популярнымъ, хотя и вызываетъ иногда въ читателѣ болѣзненныя ощущенія [2]).

Съ 1814 года науки въ Германіи принимаютъ новое направленіе. «Жизнь индивидуальная, поглощенная размышленіемъ и науками, кажется, уже не удовлетворяетъ болѣе народа, отличавшагося преимущественно въ семъ отношеніи: умственная дѣятельность его получаетъ стремленіе болѣе практическое и нѣкоторымъ образомъ болѣе общественное, стремленіе, котораго прежде она никогда не знала». Между поэтами «первое мѣсто занялъ» Людвигъ Уландъ, выпустившій собраніе «одушевленныхъ патріотизмомъ» стихотвореній, въ которыхъ «онъ увлекаетъ простотою, подражаетъ природѣ и старается возсоздать ее въ картинахъ самыхъ живописныхъ». Эпическая поэзія играла не важную роль: «публика слишкомъ занята настоящимъ, чтобы трогаться великими событіями прошедшаго, и не довѣряетъ древнимъ преданіямъ». «Послѣ нѣкоторыхъ произведеній ла-Мотта-Фуке», проявившаго «терпѣливость ученаго и воображеніе поэта», «изображавшаго исторію, миѳологію и нравы древнихъ временъ въ оживленной картинѣ» и заглушавшаго иногда интересъ вымысла предметами своихъ историческихъ изысканій [3]), «не являлось ничего замѣчательнаго въ семъ родѣ» [4]).

Какъ романистъ, прославился Людвигъ Тикъ: повѣсть также

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1825, ч. 102: „О духѣ поэзіи XIX вѣка".
[2]) Тамъ же, 1829, ч. 126: „Жанъ Поль".
[3]) Тамъ же, 1829, ч. 129, стр. 243.
[4]) Тамъ же, 1834, ч. 164, стр. 115.

получила развитіе подъ искуснымъ перомъ немногихъ писателей. Цшокке, «разсказчикъ болѣе холодный и болѣе занятый новѣйшими идеями», пріятенъ, оживляетъ и заставляетъ дѣйствовать свои лица въ сферѣ вѣроподобной, но неглубокомысленъ и «примѣшиваетъ фантастическую идиллію къ дѣйствительности» [1]). Затѣмъ, Гофманъ, первый знаменитый авторъ, ввелъ фантастическіе и неестественные гротески, стѣснялъ разсудительность и давалъ иногда слишкомъ много воли воображенію, ослѣплялъ плодовитыми идеями, поразительными противоположностями, но не просвѣщалъ разума [2]). Кромѣ того, пользовались извѣстностью и любовью публики остроумная Каролина Пихлеръ, Шпиндлеръ, Вилибальдъ Алексисъ и нѣкоторые другіе. «Искусство драматическое, возведенное на столь высокую степень образцовыми твореніями Гете и Шиллера, искусство, не совсѣмъ слабое въ рукахъ Вернера, Мильнера, Грильпарцера, Гувальда, особенно подъ перомъ Клейста умножило съ тѣхъ поръ свои произведенія, хотя и не имѣло подобныхъ успѣховъ». «Вообще нѣмецкій театръ еще забавлялся наиболѣе переводами французскихъ піесъ или подражаніями онымъ», причемъ пересозданіе образцовыхъ твореній иностранныхъ писателей совершалось съ особенною гибкостью таланта [3]).

II.

Издаваемый М. П. Погодинымъ органъ московскихъ шеллингистовъ, столь интересовавшій изслѣдователей по близкимъ отношеніямъ къ нему Пушкина, преслѣдовалъ цѣли, однородныя съ цѣлями *Сына Отечества*. Имена С. П. Шевырева, А. С. Хомякова, С. Т. Аксакова, В. П. Титова, Н. М. Рожалина, И. В. Кирѣевскаго, П. Ср. Камашева, о. Іакинѳа Бичурина и Н. И. Надеждина, сотрудничавшихъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, сдѣлались извѣстными читающей публикѣ, которая находила въ журналѣ, помимо затрагиваемыхъ теоретическихъ вопросовъ по поэзіи и искусству, цѣлый рядъ беллетристическихъ произведеній преимущественно нѣмецкихъ и отчасти англійскихъ писателей [4]) и отзывы

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1834, ч. 168, стр. 551—2.

[2]) Тамъ же, 1829, ч. 129: „О чудесномъ въ романѣ“ (ст. В. Скотта).

[3]) Тамъ же, 1834, ч. 164, стр. 115.

[4]) *Жанъ-Поль Рихтеръ*: „Обѣты друга“, „Мечтанія на башнѣ“, „Описаніе Изолы-Беллы“ „Письмо къ Карлу Рокверолъ отъ Альбано Цезары„ (изъ

ъ или другомъ выдающемся явленіи въ литературной обла-
Конечно, многіе критическіе очерки были переводные; изъ
ранной прессы источниками между прочимъ служили *Journal*
ébats и *Le Globe*.

утихавшая борьба со старыми классическими традиціями
вала необходимость теоретически обосновать нѣкоторыя по-
ія, изъ которыхъ долженъ былъ создаться новый кодексъ ро-
ческой школы для замѣны прежней піитики. Нельзя сказать,
широта умственнаго кругозора и знаніе философскихъ си-
всегда обнаруживались въ разсужденіяхъ молодыхъ кри-
ъ, пытавшихся не въ частныхъ явленіяхъ, а въ самопозна-
айти «единый законъ для изящнаго» и писавшихъ о спо-
сти поэта примирять людей съ превратною жизнью, научая
дныхъ смотрѣть на мірскія противорѣчія съ высшей точки
я; но для своего времени нѣкоторыя изъ этихъ разсужденій
шены интереса и значенія [1]).

ассицизмъ, который отчетливо выразился во французскихъ
тическихъ произведеніяхъ, несостоятеленъ. По поводу этого
Шевыревъ въ статьѣ о «Гецѣ фонъ Берлихингенѣ» гово-
слѣдующее: «Французы, увлеченные правилами важной тео-
ще болѣе уронили поэзію драматическую. Заключивъ идеалъ

а"), „Луна днемъ"; *Шиллеръ*: „Изъ Валленштейна" (три отрывка),
бы Цереры", отрывки изъ трагедіи „Мессинская невѣста", „Дѣйствіе
изъ трагедіи „Вильгельмъ Телль", отрывокъ изъ трагедіи „Донъ
ъ", отрывки изъ трагедіи „Пикколомини" (два), отрывокъ изъ тра-
Марія Стюартъ"; *Гете*: „Характеръ Гамлета" (изъ „Вильгельма Мей-
), „Елена" (изъ „Фауста"), „Одна глава изъ жизни Вильгельма
ера"; *Кернеръ*: „Ночной стражъ"; *Тикъ*: „Піетро Апоне" (волшебная
ь), „Бѣлокурый Экбертъ"; *Гофманъ*: „Что пѣна въ винѣ, то сны въ
", „Езуитская церковь"; *Фанъ-деръ-Фельде*: „Смерть Карла XII" (изъ
а „Арведъ Гилленштирна"), „Яга-Баба", рыцарское сказаніе; *Цшокке*:
окъ изъ „Исторіи Швейцаріи для швейцарскаго народа".

льтеръ *Скоттъ*: „Г-жа Бельоль" (изъ Chronicle of the Canongate),
исторіи Шотландіи", отрывокъ изъ „Невериля"; *Шекспиръ*: „Отры-
изъ „Отелло"; *Байронъ*: „Манфредъ"; *Шатобріанъ*: „Приключенія
дняго Абенсеррага", „Рене" (отрывокъ); *Манцони*: „Отрывокъ изъ
итальянскаго романа"; *Мицкевичъ*: „Конрадъ Валленродъ" (всту-
); *Тегнеръ*: „Аксель, романсъ"; *Кальдеронъ*: „Трудно стеречь домъ о
дверяхъ" (комедія).

Московскій Вѣстникъ, 1827, № 1: „Разговоръ о возможности найти
й законъ для изящнаго" (статья С. П. Шевырева); № 7: „О до-
ствѣ поэта".

искусства въ подражаніи природѣ и не понявши значенія сего слова, взятаго ими у древнихъ, они стали ограничиваться однимъ правдоподобіемъ или видимымъ вѣроятіемъ—стали брать самыя простыя картины изъ дѣйствительной жизни, и высокое искусство низвели до обыкновенной дѣйствительности» [1]).

«Классицизмъ для насъ теперь румяна, которыми старыя кокетки вызываютъ на увядшія щеки свои цвѣтущіе годы юности», возражаетъ И. Сред. Камашевъ Надеждину, предлагавшему соединить классицизмъ съ романтизмомъ [2]). «Что́ произвела французско-классическая школа? Надутость—и только!.. Что́ же было причиною этой надутости? Неестественное, или лучше сказать, не прямое, не настоящее направленіе, болѣзнь утомленнаго духа, растерявшагося въ мечтаніяхъ». «Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы не отдавать должнаго классицизму, въ поэтическомъ отношеніи по всему праву онъ становится выше направленія романтическаго,—и мы первые отъ души готовы совѣтовать каждому со всевозможнымъ прилежаніемъ изучать писателей классическихъ, но совсѣмъ не для того, чтобы по образцу ихъ клеить что-нибудь.. Иное дѣло романтизмъ. Надеждинъ не правъ, говоря, что романтизмъ кончился и что у насъ нѣтъ совсѣмъ сходства со средними вѣками. Различіе, несомнѣнно, существуетъ, но есть и сходство. «Мы до сихъ поръ еще тѣ же европейцы, которые были за пять столѣтій тому назадъ: у насъ та же религія, несмотря на то, что реформація была причиною многихъ измѣненій; политическая жизнь наша есть непосредственное слѣдствіе феодализма—и мы до сихъ поръ не забыли еще графствъ и баронствъ съ ихъ замками и огромными титулами; наконецъ, самая философія наша вполнѣ еще носитъ на себѣ признаки происхожденія ея изъ формъ человѣческаго духа; мы до сихъ поръ тѣ же еще рыцари, но только охладѣвшіе; если у насъ и нѣтъ Дантовъ Тассовъ, Шекспировъ, то мы имѣемъ Байроновъ, Гете, хотя и представляющихъ романтизма въ цвѣтущемъ его состояніи, но крайней мѣрѣ носящихъ на себѣ признаки романтическаго происхожденія,—что́ осмѣливаемся сказать даже о самомъ Гете». Да болѣе того, «у народовъ европейскихъ и нельзя ожидать со

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, №№ 21 - 22.

[2]) Тамъ же, 1830, № 9: „Нѣсколько замѣчаній на разсужденіе г. Надеждина: „О происхожденіи, свойствахъ и судьбѣ поэзіи, такъ называемой романтической“.

шенно новыхъ формъ жизни, какой бы то ни было, нравственной, духовной или политической, точно также, какъ нельзя допускать перерожденій въ природѣ физической». Пусть еще «нѣтъ нашего Гомера, который, подобно Гомеру древнему, открывшему поприще классицизма, заключалъ бы въ XIX столѣтіи поприще романтизма», пусть мы не совсѣмъ «чистые классики» — но нельзя признать лучшія современныя творенія несамостоятельными и несамобытными, а ихъ авторовъ—обдѣленными душой, «образованной изъ началъ романтическихъ», и подражателями; нельзя также считать цѣлесообразной мысль поправлять наши недостатки классицизмомъ. «Мы не больны, а лѣчить можно только болѣзнь! Авторъ въ первомъ основномъ положеніи своемъ сказалъ: ubi vita, ibi poësis, гдѣ жизнь, тамъ и поэзія: какой же жизни хочетъ онъ отъ какого-то механическаго соединенія классицизма съ романтизмомъ? Повторяю механическаго, несмотря на оговорки сочинителя, потому что въ творческомъ духѣ нѣтъ ни классицизма, ни романтизма, потому что онъ въ каждое мгновеніе возсотворяетъ *новое*, сообразное вѣчно измѣняющимся условіямъ своего бытія». Не надо забывать только главнаго—именно, «изученія сущности человѣческаго духа, современнаго направленія, нравственнаго міра и той одежды идей, въ которую облекаются онѣ по потребностямъ вѣка, указующаго возрастъ человѣчества; иначе и классицизмъ, и романтизмъ, и всѣ возможныя соединенія ихъ останутся пустою игрушкою, забавою мелочныхъ умовъ, не согрѣтыхъ ни малѣйшею искрою истиннаго поэтическаго пламени, постигающаго внутренно то, что́ выше и классицизма, и романтизма—*природу*, или, что́ все равно, жизнь въ безчисленныхъ, могущественныхъ измѣненіяхъ ея, которыхъ классицизмъ и романтизмъ суть только утлые, немногіе остатки, выкинутые океаномъ бытія на берегъ историческихъ воспоминаній. Ubi vita, ibi poësis!»

Въ «Еленѣ», междудѣйствіи къ «Фаусту», «сей прозрачной фантасмагоріи, поэтъ-ясновидецъ раскрылъ многія тайны исторіи и поэзіи», читаемъ въ рецензіи на извѣстное произведеніе Гете [1]). «Здѣсь разрѣшена имъ загадка рожденія романтизма и звучной риѳмы. Вмѣстѣ съ торжественнымъ преображеніемъ красоты должно было духовно преобразиться и то искусство, которое ей служитъ—поэзія. Когда плѣненный рыцарь сталъ любить красоту

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1827, № 21 (статья писана С. П. Шевы-

не чувственно, но душевно, тогда любовь вылетѣла изъ тѣсныхъ предѣловъ земли, чтобы свободно носиться по небу и безконечно предаваться своимъ очищеннымъ наслажденіямъ—тогда и пѣснь огласила не землю, но небо,—и въ своихъ звукахъ выразила безпокойное стремленіе души безконечно-разнообразными размѣрами и гармонію чувства любящаго—гармоническимъ созвучіемъ, риѳмою. Въ бесѣдѣ любовниковъ какъ чувство отвѣчаетъ чувству, такъ и слово должно отвѣчать слову».

При оцѣнкѣ новѣйшей поэзіи важно выяснить два вопроса: объ истинѣ и правдоподобіи въ искусствѣ и о нравственномъ воздѣйствіи художественныхъ твореній [1]). Первое положеніе становится очевиднымъ, если обратить вниманіе на театральныя представленія, которыя не «кажутся намъ истинными, но имѣютъ одинъ видъ истины». Каждая «прекрасная опера заключаетъ въ себѣ свой малый міръ, гдѣ все совершается по особымъ законамъ, по которымъ и должно судить обо всѣхъ явленіяхъ этого особаго міра съ особыми свойствами». «Отсюда прямо слѣдуетъ, что истина въ искусствѣ и истина въ природѣ совершенно различны, что художникъ совсѣмъ не долженъ списывать своихъ произведеній съ произведеній природы». Искусство согласно съ природой человѣческой, которая выше обыкновенной, потому что оно само выше естества, хотя и не внѣ его. «Совершенное искусство есть твореніе человѣческаго духа, слѣдовательно также твореніе природы. Совокупите въ одно явленіе разсѣянные предметы,—самымъ простымъ изъ нихъ дайте значеніе и важность—и это явленіе станетъ выше естества. Какой умъ можетъ постигнуть его? — умъ гармонически образованный; все, что изящно, что совершенно въ самомъ себѣ, то ему сродно». Обладатель такого ума «не только смотритъ на естественность подражанія,—нѣтъ, онъ видитъ искусство въ выборѣ, постигаетъ мысль въ совокупленіи предметовъ, постигаетъ *сверхземное* въ маломъ мірѣ искусства. Онъ чувствуетъ, что для сего наслажденія надобно возвышаться вмѣстѣ съ художникомъ, надобно изъ разсѣянной жизни *собирать* самого себя, жить вмѣстѣ съ произведеніемъ, непрестанно созерцать его—и тѣмъ возвышать свое собственное

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1827, № 8: „Объ истинѣ и правдоподобіи въ искусствѣ" (изъ Гете).

Тамъ же, 1828, № 1: „Братья Разбойники" и др. произведенія Пушкина (ст. С. П. Шевырева).

существованіе». Не таковъ «необразованный зритель, думающій видѣть въ произведеніи искусства произведеніе природы. Онъ стоитъ на низшей ступени; художникъ его цѣнитъ и любитъ, но, къ сожалѣнію, тогда только его удовлетворяетъ, когда нисходитъ въ кругъ его понятій; лишь только предавшись порыву своего генія, пріемлетъ полетъ высшій и обнимаетъ свое произведеніе въ его цѣлости,—тогда бѣдный зритель остается на землѣ и не въ силахъ взнестись великимъ».

Что касается нравственнаго элемента художественнаго произведенія, то неправильно желаніе нѣкоторыхъ критиковъ, чтобы поэтъ «создавалъ существа чисто нравственныя, образцы добродѣтели». Не его дѣло преподавать уроки морали. «Онъ изображаетъ всякое сильное ощущеніе въ жизни, всякій характеръ, носящій на себѣ оригинальную печать или одной мысли, или одного чувства. Если поэзія есть живая картина необыкновенной человѣческой жизни, то не ангеловъ совершенныхъ должны представлять намъ поэты, но человѣковъ съ ихъ добромъ и зломъ, разумѣется, выходящихъ изъ тѣснаго круга свѣтской жизни, не вседневныхъ, но такихъ людей, которые сильнѣе мыслятъ, сильнѣе чувствуютъ и потому живѣе дѣйствуютъ. Если впечатлѣнія, произведенныя поэтомъ, привели душу въ желанное согласіе, они изящны, и поэтъ совершилъ свое дѣло. Если иногда таковыя впечатлѣнія производятъ дѣйствіе нравственно злое на душу человѣка,—не поэта обвиняйте, который воленъ, какъ сама природа, въ созданіи людей и, какъ судьба, въ созданіи происшествій, картинъ порока или добра,—но обвиняйте нечистую душу, нечисто принимающую сіи впечатлѣнія».

«Представителемъ образа жизни новѣйшихъ европейцевъ» является романъ, особый литературный видъ, созданный поэтами, выросшими въ иной, чѣмъ прежде, обстановкѣ и проникнутыми иными идеями [1]). «Два предмета», «постоянные производители романа — любовь и описаніе семейственной жизни». Преобладаніе общественнаго жизненнаго уклада надъ семейнымъ, возникшее, между прочимъ, и отъ климатическихъ условій, чувственная религія древнихъ, противящаяся понятію средневѣковой рыцарской любви къ женщинѣ—препятствія для развитія романа у древнихъ. Упадокъ римской имперіи превратилъ государство въ

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, № 2: „О романѣ, какъ представитель образа жизни новѣйшихъ европейцевъ“ (статья В. П. Титова).

нравственный хаосъ, неимѣніе возвышенныхъ религіозныхъ основъ побудило не имѣющихъ отчизны гражданъ обратиться къ частной жизни. Современное же общество внимательно относится къ семьѣ, среди которой живутъ люди, лишь временно для дѣлъ общественныхъ покидая родимый кровъ. Возвышенная вѣра способствуетъ одиночеству. Незначительныя семейныя обстоятельства имѣютъ важное значеніе по своимъ послѣдствіямъ. Любовь, «выставляющая всѣ благія и предосудительныя свойства» человѣка, знаменуетъ лучшую эпоху жизни.

Параллельно съ вышеприведенными статьями теоретическаго характера въ *Московскомъ Вѣстникѣ* печатались рецензіи, оригинальныя и переводныя, съ цѣлью ознакомить читателей съ выдающимися беллетристами западной Европы и тѣмъ способствовать повышенію ихъ образованности. Литературѣ англійской отведено видное мѣсто. Шекспиръ, этотъ «новый Прометей», «проникнувшій въ лабораторію человѣчества и похитившій оттолѣ первосозданныя формы онаго», «великій мыслитель» и «глубокій испытатель природы», провозглашается «свободнымъ гражданиномъ романтизма». Въ его твореніяхъ удивительны и искусная постепенность въ развитіи страсти, и высокая идея характеровъ, объясняемыхъ изъ свойствъ природы той или другой національности [1]). Послѣ него заслуживаютъ вниманія романисты XVIII вѣка. «Великаго уваженія достоинъ Ричардсонъ, хотя его творенія своею продолжительностью утомили не одного читателя»... «Въ «Клариссѣ» онъ постигъ чудесную тайну переселить насъ въ женское сердце»: «портретъ обольстителя» героини «отдѣланъ тонкими чертами», и «въ немъ съ удивительною точностью означены всѣ неприметныя ступени, какими человѣкъ отъ благородной страсти иногда доходитъ до злодѣйства». Въ романахъ Фильдинга жизнь является карикатурою: вся мелочь и ложь ея всплываетъ наверхъ. «Герои его, конечно, обнаруживаютъ чувства благороднѣйшія: но они странны, вѣтрены, забывчивы. Смѣешься и надъ ними, и надъ ихъ несчастіями» [2]). Наконецъ, появился геній, который соединилъ въ своихъ произведеніяхъ изображенія семейной и государственной жизни. Вальтеръ Скоттъ дополнилъ Шекспира, обрисовавшаго сряду всѣ эпохи борьбы между Ланкастерскимъ и Іоркскимъ

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, № 12: «Отелло, мавръ венеціанскій» (статья С. П. Шевырева).

[2]) Тамъ же, 1828, № 2, стр. 169—184.

имъ домами», «представивъ и господство Тюдоровъ, и борьбу юартовъ съ народомъ до самой революціи. Сверхъ того, онъ «Иваноѣ» воскресилъ древнюю борьбу саксовъ съ завоевателями норманнами» [1]). «Онъ избираетъ какую-нибудь историческую оху, какъ сцену, на которой дѣйствуютъ его лица; костюмы и кораціи, сообразныя со временемъ, довершаютъ очарованіе; но авный интересъ сосредоточенъ въ дѣйствующихъ лицахъ, основъ на постепенномъ развитіи интриги, на заманчивомъ и вмѣѣ правдоподобномъ сцѣпленіи частныхъ происшествій, на изоаженіи страстей, а больше всего на вѣрной обрисовкѣ харакровъ» [2]). Писатель несомнѣнно національный, Вальтеръ Скоттъ— ченъ съ исторической точки зрѣнія, отличается полнотой въ дожественной живописи, «разнообразенъ, неисчерпаемъ, какъ дьба, въ созданіи людей и характеровъ» и иногда бываетъ даже итрѣе судьбы въ сплетеніи происшествій, въ завязкѣ и разкѣ дѣйствія». «Онъ ввелъ въ область романа», восторженно шетъ Шевыревъ: «цѣлые народы, вмѣстивъ въ немъ цѣлыя олѣтія, перенесъ поэзію въ жизнь дѣйствительную,—и все чуное эпопеи, сокрытое въ тайныхъ судьбахъ, нами управляюихъ, все небо Гомерово раскрылъ въ самомъ человѣкѣ, въ его рактерѣ, свойствахъ, привычкахъ, которыхъ сущность остается е та же, но форма измѣняется по различію странъ и народовъ. альтеръ Скоттъ, преимущественно предъ другими поэтами, раздалъ множество тайнъ человѣка. Его романы могутъ замѣнить ста опыта, ибо они суть живое изображеніе міра дѣйствительго. Вальтера Скотта достойно можно назвать авторомъ *книги изни*. Онъ сталъ выше всего человѣчества и показалъ ему ное, вѣрное и вмѣстѣ необъятное зеркало, отражающее всю огатую сцену міра съ ея безконечно разнообразными лицами и вленіями»... [3]). Кромѣ историческаго романа, «изображающаго изнь человѣческую съ ея стихіями до малѣйшей подробности», ть другой родъ поэзіи, «употребляющей происшествіе однимъ редствомъ, одною рамкою для того только, чтобы вмѣстить въ емъ идею высокую или сильное чувство, или нѣсколько богатыхъ инутъ жизни, минутъ, въ которыя мы живемъ всѣми силами

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, № 2, стр. 181—182.

[2]) Тамъ же, 1830, № 6, стр. 175 - 176.

[3]) Тамъ же, 1827, № 20: „Веверлей, или шестьдесятъ лѣтъ назадъ" атья С. П. Шевырева).

души нашей. Эта поэзія не любитъ мелочей; ея черты огромны, возвышенны, смѣлы; колоритъ ея теменъ, туманенъ; предметы въ немъ теряютъ свою вещественность: все живое, сущее является однимъ призракомъ, тѣнью, облакомъ: все перемѣнно въ ней, все мгновенно, кромѣ одной мысли или чувства, надъ всѣмъ господствующаго и всему дающаго душу, согласіе, опредѣленность, единство» [1]). Подъ это опредѣленіе подходятъ поэмы Байрона, оригинальнаго поэта, таящаго въ душѣ глубокія мысли и надѣленнаго свободными чувствами. Его Манфредъ—лицо «генерическое», принадлежащее міру автора; не историческое, существующее въ дѣйствительности, а олицетвореніе эгоизма, злой половины души, желанія принадлежать одному себѣ, жить въ себѣ и для себя, съ ненавистью къ людямъ и любовью къ свободѣ; Джяуръ—человѣкъ съ ненасыщаемымъ душевнымъ голодомъ, сильный, не могущій существовать безъ радостей и горя; Шильонскій узникъ—типъ неудачника, отъ злополучій сдѣлавшагося равнодушнымъ къ блаженству и кручинѣ, неволѣ и полной самостоятельности въ дѣйствіяхъ. Въ поэмахъ отражается характеръ Байрона, видна отвлеченная мысль; а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, «Абидосская невѣста», «яркость изображенія» и «живость чувства» выкупаютъ даже существующіе недочеты въ «вымыслѣ»... [2]).

Нѣмецкая литература разсматривается сотрудниками *Московскаго Вѣстника* далеко не въ полномъ объемѣ; несмотря на симпатіи послѣднихъ къ поэтамъ этой національности, только эпох Шиллера и Гете подвергалась обсужденію. Въ концѣ XVIII ст лѣтія, по словамъ Шевырева, при полномъ господствѣ франц скаго классицизма, нѣмцы не подчинились его вліянію, такъ ка «еще не истощился обильный сокъ ихъ умственной жизни» «Германія уже зародила въ себѣ двухъ великихъ поэтовъ». «Вин кельманъ разгадалъ тайну древняго искусства, Клопштокъ, л лигіей одушевившій свою музу, развилъ въ своей поэзіи в великолѣпный міръ христіанскій, всѣ его возвышенныя мысли, небо, населенное милліонами херувимовъ, его адъ, кипящій тьм духовъ погибшихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ германца

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, № 13: „Манфредъ", драмат. поэма трехъ дѣйствіяхъ (статья С. П. Шевырева).

[2]) Тамъ же, 1827, № 22, стр. 211—212.

Тамъ же, 1828, № 4: „Паризина", истор. повѣсть (статья В. П. Титова

кой степени силы и величія можетъ достигнуть ихъ языкъ, отъ ироды грубый, но богатый. Почти въ то же самое время Виндъ воспользовался сокровищами миѳологіи сѣверной, успѣлъ стливо сочетать въ своей поэзіи готическія красоты романзма съ прелестями искусства древняго и усвоилъ языку германому другія свойства не менѣе важныя: легкость, свободу, сладкочіе. Многосторонній Гердеръ распространилъ свѣтъ чистой фиософіи, основанной на религіи, на исторію и поэзію. Преданія, хранившіяся въ легендахъ христіанскихъ, внушили ему много оизведеній поэтическихъ. Лессингъ внесъ свѣтильникъ критики словесность германскую, и съ помощью ея сталъ очищать вкусъ, слонять вредное вліяніе школы французской и возрождать чий духъ поэзіи романтической. Симъ-то двумъ мужамъ въ осоности обязана Германія присвоеніемъ великаго поэта Англіи експира», которому «назначено было оплодотворить поэзію нѣцкую, дать характеръ искусству XIX вѣка и образовать Гете Шиллера» [1]). Великій геній, творецъ «Фауста», проявилъ свои ишія дарованія въ области романа и драмы. «Какъ поэтъ мытель», онъ «полно и спокойно разсматриваетъ жизнь и назначіе человѣка. Ни въ слогѣ, ни въ представляемыхъ имъ ликъ вы не встрѣтите рѣзкихъ противоположностей; онъ во всемъ ѣетъ найти сторону хорошую; главное его правило, кажется, ь то, что въ мірѣ все къ лучшему, и всѣ житейскія превратти служать къ развитію способностей, слѣдовательно, къ сошенствованію нашему; сіе развитіе почитаетъ онъ благороднйшимъ назначеніемъ человѣка, любовь—однимъ изъ сильнѣйхъ къ тому способовъ. Нравственная истина, извлекаемая изъ ановъ Гете,—слѣдующая: человѣкъ, принимая отъ всѣхъ ближъ пособія для своего совершенствованія, обязанъ и имъ воздаъ тѣмъ же. Главное къ сему средство есть изящное въ искусахъ: и любовь къ изящному почитаетъ Гете матерью всѣхъ агородныхъ склонностей и порывовъ сердца; изящныя искуса, полагаетъ онъ, должны дѣйствовать благодѣтельно и на одушевленную природу, улучшая міръ, нами обитаемый, и тѣмъ ообствуя къ нашему счастію душевному. Все сказанное о Гете лечь можно изъ чтенія «Вильгельма Мейстера», совершеннѣйго изъ его романовъ; онъ написанъ съ цѣлью показать раз-

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, №№ 21–22: „Гецъ фонъ-Берлихингенъ", гедія Гете (статья С. П. Шевырева).

витіе способностей и любовь къ изящному, какъ послѣднюю цѣль жизни человѣческой. Сія истина, какъ убѣжденіе не одного разума, но сердца, въ разныхъ видахъ повторяется въ его «Wahlverwandschaften», въ «Страданіяхъ Вертера»—романахъ, которые онъ писалъ съ иною цѣлью» [1]). Шекспировское стремленіе сблизить искусство съ исторіей и съ глубиной жизни дѣйствительной, выражающееся въ точномъ отраженіи извѣстной эпохи и изображеніи человѣка со сложнымъ нравственнымъ міромъ, «повторилось черезъ два вѣка въ великомъ Гете», который простеръ это стремленіе еще далѣе и сдѣлалъ свою драму «Гецъ фонъ-Берлихингенъ» не только живой, одушевленной картиной важныхъ лицъ историческихъ, но «людей всякаго рода, во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни» [2]).

Возбуждаемые Гете философскіе вопросы о цѣли жизни не чужды поэзіи Жанъ-Поля Рихтера, который разрѣшаетъ ихъ только иначе: не при помощи «заключеній ума безпристрастнаго», а благодаря своей «живой фантазіи». «Если судить по его романамъ, человѣкъ сотворенъ любить въ обширномъ смыслѣ слова: все, что не только противорѣчитъ, но даже не раздѣляетъ сей склонности, низко, смѣшно, отвратительно. Оттого и въ характерахъ, и въ слогѣ романовъ Жанъ-Поля встрѣчается наряду ангельское и адское, лирическій восторгъ Руссо и карикатура Фильдинга. Герои и героини его соединяютъ въ себѣ все возвышенное, что есть и чего нѣтъ въ природѣ человѣка. Они слишкомъ хороши для нашего міра: потому неудивительно, если судьбы ихъ или представляетъ зрѣлище самыхъ трагическихъ переломовъ, какъ въ «Титанѣ», или исчезаетъ въ неопредѣленности, какъ въ «Невидимой ложѣ», которой Жанъ-Поль не кончилъ и едва могъ бы кончить. Скажемъ въ заключеніе, что всякій мыслящій, читая Жанъ-Поля, подивится неимовѣрному богатству картинъ, ѣдкости остроумія, огромности отдѣльныхъ мыслей; но повѣрьте его вымысламъ лишь фантазія влюбленнаго» [3]). Изъ нѣмецкихъ критиковъ, посвятившихъ себя выясненію литературныхъ явленій, пальма первенства отдается Августу-Вильгельму Шлегелю, «хотя должно сказать откровенно, что онъ не совсѣмъ былъ безпристрастенъ къ произведеніямъ эстетическимъ въ частности и рѣдко слишкомъ увлекался иными, а другія слишкомъ отвергалъ

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, № 2, стр. 183—184 (статья В. П. Титова).

[2]) Тамъ же, 1828, №№ 21—22.

[3]) Тамъ же, 1828, № 2, стр. 182.

«Будучи самъ одаренъ возвышеннымъ поэтическимъ чувствомъ, онъ всегда вѣрно умѣлъ чувствовать истинно прекрасное и геніальное, отличать ихъ отъ противнаго и представлять въ надлежащемъ свѣтѣ. Ни односторонній эмпиризмъ, ни умозрѣніе не помрачали его свободнаго взгляда, съ восторгомъ встрѣчавшаго все высокое, прекрасное, благородное; симъ же восторгомъ одушевленный, Шлегель пускался въ обширныя изученія, сопряженныя съ трудами великими, польза коихъ признана единогласно» [1]).

Французская словесность XVIII вѣка не могла нравиться критикамъ погодинскаго журнала. «Послѣ трагедій Вольтера осиротѣла сцена французская; но и самый Вольтеръ, несмотря на свое желаніе побороть могучаго Корнеля, въ ряду трехъ французскихъ трагиковъ занимаетъ то же мѣсто, какое Эврипидъ въ ряду трехъ греческихъ, если мощнаго и величественнаго Корнеля противопоставимъ мы Прометею—Эсхилу, съ неба похитившему трагедію, а благороднаго, совершеннѣйшаго въ отношеніи къ искусству, изящнаго Расина сравнимъ съ достойнымъ наслѣдникомъ Эсхила, творцомъ Эдипа. Вольтеръ, подобно Эврипиду, изнѣжилъ трагедію, сводя ее болѣе и болѣе въ предѣлы жизни обыкновенной». Слѣдствія увлеченія ложной теоріей видны въ произведеніяхъ Детуша, который, однако, несмотря на недостатокъ рода имъ избраннаго, еще отличается довольно рѣзкимъ изображеніемъ нравовъ и *даже нравился Гете* въ его ребячествѣ. Но болѣе жалкимъ результатомъ такого направленія французской поэзіи была такъ называемая *драма*, смѣсь чего-то слезно-смѣшного, выродокъ изъ трагедіи и комедіи, впослѣдствіи чудною метаморфозой переродившійся въ *мелодраму*, и доселѣ собирающую богатыя дани слезъ и денегъ на театрѣ Porte de St. Martin съ обожателей Пиксерикура, Дюканжа и проч.» [2]). Потоки крови и стоны зарѣзанныхъ, раздающіеся со сцены, вмѣсто звучныхъ стиховъ, злодѣи въ главныхъ роляхъ—все это производитъ впечатлѣніе ужасное; душа читателя или зрителя стѣсняется, она, конечно, не можетъ «раствориться къ добродѣтели» и скорѣе огрубѣетъ [3]). Несравненно выше Дюканжа стоитъ Шатобріанъ, произведенія котораго заслуживаютъ вниманія публики. Особенно замѣчателенъ герой одного изъ его рома-

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, №№ 19—20, стр. 360. (изъ *Morgenblatt*).

[2]) Тамъ же, 1828, №№ 21—22, стр. 110 (статья С. П. Шевырева).

[3]) Тамъ же, 1828, № 2: „Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока“, новая трилогія В. Дюканжа (статья С. П. Шевырева).

новъ—Рене, «энтузіастъ, недовольный внѣшнею жизнью, которая не удовлетворяетъ его внутреннимъ потребностямъ. Сей характеръ изображается многими великими современными писателями (каждымъ по своему), и напрасно думаютъ нѣкоторые находить у нихъ подражаніе другъ другу. Не говоря о Руссо, разительно представившемъ сей характеръ въ природѣ, надо указать, кромѣ Шатобріана, на сочиненія Гете (Фаустъ, Вильгельмъ Мейстеръ), Байрона (почти во всѣхъ поэмахъ) и Пушкина (Кавказскій плѣнникъ, Алеко)» [1]).

Отдѣльныя мелкія замѣтки, разсѣянныя въ разныхъ номерахъ *Московскаго Вѣстника*, касаются литературъ: итальянской, американской и шведской. Романы Манцони и Купера интересовали, какъ произведенія, написанныя въ духѣ Вальтера Скотта. «Обрученные» еще не были прочитаны рецензентомъ, помѣстившимъ о нихъ извѣщеніе на основаніи сообщенія *Journal des débats*; несмотря на то, отъ романа онъ ждетъ многаго: изображенія всей массы черни, всего высшаго общества, начиная съ феодаловъ и кончая благодѣтельнымъ духовенствомъ,—характеровъ новыхъ и сценъ живыхъ [2]). Ходъ дѣйствія въ «The Prairie» Купера, по словамъ В. П. Титова, «могъ бы быть живѣе. Но онъ оживляется искусствомъ, съ какимъ авторъ вводитъ въ разсказъ описанія явленій американской природы, юной, исполненной силами и производящей все по огромному мѣрилу. Въ какомъ, напримѣръ, европейскомъ романѣ пришлось бы герою доказать свое присутствіе духа при набѣгѣ стада почти взбѣшенныхъ буйволовъ? или испытать свое мужество, когда степи вокругъ зажжены пожаромъ, грозящимъ превратить и его въ пепелъ? Въ какомъ европейскомъ романѣ, кромѣ одного русскаго?» [3]). Исаія Тегнеръ прославился своей героической поэмой «Frithiofs saga», романсомъ «Аксель», военными пѣснями и патріотическими стихотвореніями. «Онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между шведскими литераторами, и *Гете называетъ его* новымъ метеоромъ, блистающимъ на горизонтѣ міра поэзіи». Языкъ въ его сочиненіяхъ «чистъ и богатъ прекрасными оригинальными выраженіями и оборотами» [4]).

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1827, № 17, стр. 10 (слова М. П. Погодина).

[2]) Тамъ же, 1827, № 22, стр. 219: „I promessi sposi“ и т. д.

[3]) Тамъ же, 1827, № 23, стр. 342: „The Prairie, послѣдній романъ Купера“.

Тамъ же, 1828, № 15: „Аксель, романсъ Исаіи Тегнера“ (примѣчаніе переводчика).

III.

Литературная Газета барона А. А. Дельвига, связаннаго узами самой тѣсной дружбы съ Пушкинымъ, была выразительницей мнѣній кружка писателей, получившаго прозвище отъ фамиліи нашего великаго поэта. Въ самомъ дѣлѣ, для сотрудничества въ изданіи собрались люди, ему близкіе и даже дорогіе: здѣсь былъ и самъ издатель, и князь П. А. Вяземскій, П. А. Плетневъ и П. А. Катенинъ, Е. А. Баратынскій и др. Въ направленіи газеты было что-то двойственное, благодаря классическимъ воззрѣніямъ Катенина, печатавшаго свои «Размышленія и разборы»; но, въ общемъ, преобладали такъ называемыя романтическія вѣянія. Помѣщаемыя статьи были переводныя и оригинальныя, какъ въ области беллетристики [1]), такъ и критики. Французская словесность преобладала; изъ иностранной прессы выбирались журналы, въ родѣ *Revue française*, изъ которыхъ можно было заимствовать дѣльные историко-литературные этюды для ознакомленія читателей съ пріемами европейской критики. Теоретическихъ сужденій по разнымъ вопросамъ, которые были бы поставлены для выясненія спора романтиковъ съ классиками или опредѣленія законовъ изящнаго, въ *Литературной Газетѣ* почти нѣтъ, если исключить очерки Катенина; а послѣдніе нельзя принимать въ расчетъ въ виду упорной приверженности ихъ автора къ старымъ литературнымъ традиціямъ. Лишь въ Дельвиговомъ разборѣ «Бориса Годунова» [2]) встрѣчается мысль, что правила поэтики Буало не вѣчны и должны уступить новымъ взглядамъ. По законамъ однихъ произведеній (поэмъ, драмъ и т. д.) немыс-

---

[1]) Беллетристическій отдѣлъ состоялъ изъ переводныхъ произведеній слѣдующихъ авторовъ: *В. Гюго*: „Бюгъ Жаргаль“, *К. Нодье*: „Пѣніе моряковъ“, „Маглановы рощи“; *Стендаль*: „Банкиръ Торлоніа“ (изъ прогулокъ по Риму); *Е. Сю*: „Наваринская битва“; *Поль де-Кокъ*: „Монтфермельская молочница“; *Бульи*: „Крестная мать“.

Фанъ-деръ-Фельде: „Богемская дѣвичья война“ (отрывокъ); *Тикъ*: „Незнакомецъ“; *Гофманъ*: „Пустой домъ“.

Вальтеръ Скоттъ: „Предвѣстіе“, „Зеркало“; *Байронъ*: „Отплытіе Чайльдъ-Гарольда“.

Вашингтонъ-Ирвингъ: „Приключенія маленькаго антикварія“; „Черный господинъ“.

Манцони: Введеніе къ „Обрученнымъ“.

[2]) *Литературная Газета*, 1831, №№ 1, 2.

лимо судить всѣ другія, послѣ написанныя. По этой причинѣ у писателей, вѣрившихъ въ правила французской драматургіи, не вышло ничего хорошаго. На самомъ дѣлѣ, по выраженію другого критика-автора статьи о Ламартинѣ [1]), «поэзія не терпитъ системы», и творцу художественнаго произведенія безспорно вредно ограничивать себя извѣстными условіями.

Въ обозрѣніи англійской литературы замѣтно преклоненіе передъ Шекспиромъ, который осыпается похвалами въ статьѣ П. А. Плетнева, подъ заглавіемъ: «Мысли о Макбетѣ» [2]). Упомянутая драма «поразитъ съ самаго начала всякаго: красоты ея большею частью таковы, что и простолюдинъ и ученый, и прозаикъ и поэтъ, и свободный романтикъ и даже подобострастный поклонникъ прежней французской школы должны ихъ признать, сколь бы тому ни противились ихъ предразсудки, должны ихъ почувствовать, хотя, конечно, и не въ равной степени, съ живостью не одинаковою». Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ одной рецензіи на «Эрнани», переведенной съ французскаго и вполнѣ соотвѣтствующей «образу мыслей» сотрудниковъ *Литературной Газеты*, Шекспиръ выставленъ образцомъ для современныхъ драматурговъ по развитію основной идеи и полнотѣ въ обрисовкѣ характеровъ [3]). Отъ эпохи Елисаветы дѣлается переходъ къ началу XIX столѣтія, когда на поэтическомъ поприщѣ подвизалась группа «озерныхъ поэтовъ»: Кольриджъ, Вордсвортъ, Соути.

«Изо всѣхъ лэкистовъ» Вордсвортъ признанъ «наиболѣе отвѣтствующимъ понятію, каковое воображеніе любитъ создавать себѣ о поэтѣ вдохновенномъ. Онъ привелъ поэзію къ ея началу; она для него религія: долго размышлялъ онъ въ уединеніи и стяжалъ новыя откровенія о жребіи человѣка». Одаренный душой созерцательной и способной «волноваться нуждою идеальнаго существованія», онъ «указываетъ слѣды перста Божія на самомъ мелкомъ предметѣ созданія»: «чувствованія человѣка не уничтожаются въ немъ высокими соображеніями философа». «Величайшая прелесть поэмъ Вордсвортовыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ обновляютъ сердце, возвращая ему всю

---

[1]) *Литературная Газета*, 1830, № 63, стр. 219.

[2]) Тамъ же, 1830, № 7.

[3]) Тамъ же, 1830, №№ 37, 38: Hernani, ou l'honneur castillan", drame par V. Hugo. Статья переведена сокращенно; въ прибавленіи редакціи заявлено: „Сужденія сего мы придерживаемся тѣмъ охотнѣе, что оно почти *во всемъ согласно* съ нашимъ образомъ мыслей о драмѣ г-на Гюго".

свѣжесть первыхъ ощущеній и независимость того возраста, въ которомъ каждое новое понятіе было завоеваніемъ, заставлявшимъ его прыгать отъ радости, тогда какъ міръ не налагалъ еще на насъ закона своихъ общихъ мѣстъ какъ въ нравственности, такъ и въ поэзіи. Вордсвортъ самъ объявляетъ намъ, что онъ старался при сочиненіи балладъ своихъ выбирать событія и положенія изъ жизни простонародной и разсказывать или описывать ихъ простодушно, не отказываясь однако жъ наводить ихъ нѣкоторою краскою въ такомъ случаѣ, когда предметъ отливался въ его умѣ необыкновенною формой» [1]).

Послѣ школы «лэкистовъ» указаны достоинства творчества Байрона и Томаса Мура. Объ авторѣ «Чайльдъ Гарольда» напечатаны очеркъ Виктора Гюго: «О Байронѣ и его отношеніяхъ къ новѣйшей литературѣ», характеристики Ш. Нодье и отрывки изъ «Записокъ», изданныхъ Т. Муромъ [2]). «Геній человѣка чаще всего есть только выраженіе духа времени, и сей духъ времени почти всегда зависитъ отъ обстоятельствъ самыхъ незамѣтныхъ»... «Безмѣрное распространеніе англійскихъ владѣній на Востокѣ открыло, быть можетъ, въ Англіи новый путь для поэзіи, и муза, вскормившая медомъ дѣтство Мура и Байрона, вѣроятно, есть Пери». Между упомянутыми поэтами нельзя не замѣтить умственнаго сродства. Они «суть геніи-близнецы, которыхъ нельзя было бы отличить другъ отъ друга, если бы не было одного изъ нихъ падшаго. Они припоминаютъ собою тѣхъ двухъ серафимовъ Клопштока, порожденныхъ единою мыслью Творца, которые разлучились однажды, но на вѣчность, въ день возмущенія сатаны».

Лордъ Байронъ «въ своихъ погребальныхъ жалобахъ выражалъ послѣднія судороги общества умирающаго.... Всѣ его творенія носятъ глубоко врѣзанную печать его личности. Въ каждой его поэмѣ передъ глазами читателя мелькаетъ, какъ сквозь траурный флеръ, какое-то мрачное и высокомѣрное лицо. Подверженный иногда, какъ всѣ глубокіе мыслители, неопредѣленности и темности, онъ издаетъ слова, которыя отзываются во всей душѣ, вздохи, которые повѣствуютъ цѣлое существованіе. Сердце его какъ-будто развертывается при каждой мысли, изъ

---

[1]) *Литературная Газета*, 1830, т. II, №№ 58—59, стр. 175, 183: Современная англійская литература. „Школа озерныхъ поэтовъ (Lakist)" [статья изъ соч. Амедея Пишо].

[2]) Тамъ же, 1830, № 34; 1830, т. I, стр. 104, 113; 1831, № 27, стр. 219.

него вырывающейся, подобно вулкану, который мещетъ молніи. Ни печали, ни радости, ни страсти не имѣютъ для него никакихъ таинствъ, и если онъ земные предметы выказываетъ только сквозь завѣсу, то области идеальныя являетъ во всей наготѣ. Можно его упрекнуть, что онъ совершенно не заботится объ устройствѣ своихъ плановъ,—недостатокъ важный, ибо поэма, не имѣющая плана, есть то же, что зданіе безъ балокъ или картина безъ перспективы. Равномѣрно онъ слишкомъ далеко простираетъ лирическую небрежность въ переходахъ, и желательно бы иногда было, чтобы сей столь вѣрный живописецъ внутреннихъ движеній души набрасывалъ менѣе фантастическій свѣтъ и оттѣнки не столь туманные на свои физическія описанія... Но какъ бы то ни было, въ тѣхъ самыхъ изъ его произведеній, кои менѣе всего заслуживаютъ похвалы, своенравное воображеніе возносится къ высотамъ, до которыхъ не достигнуть безъ крыльевъ.

Наиболѣе славнымъ современникомъ Байрона былъ шотландскій бардъ-романтикъ. «Поэзія есть добродѣтель, сказалъ извѣстный поэтъ нашъ. Эта добродѣтель, это спокойствіе души видны во всѣхъ произведеніяхъ Вальтера Скотта. Отъ нихъ-то его сочиненія нравственны безъ всякихъ предварительныхъ намѣреній автора, ибо въ душѣ хорошо созданной всѣ положенія жизни отражаются какъ-то наставительно и чисто: такъ очень обыкновенное мѣстоположеніе на поверхности зеркальнаго стекла представляется прекрасной картиной». Даже въ «Карлѣ Смѣломъ», менѣе разнообразномъ и любопытномъ, чѣмъ многіе другіе романы того же сочинителя», «видно одинаковое искусство». И въ немъ Вальтеръ Скоттъ, сверхъ обычной романтической занимательности, очаровываетъ читателей другою прелестью: онъ, такъ сказать, утоляетъ жажду нашего любопытства, рождающагося при чтеніи строгой исторіи. Онъ сближаетъ насъ съ оригинальными характерами, вскользь ею представленными и ихъ малому вліянію на человѣчество, и мы перестаемъ роптать на ея разборчивость и важность». Мы узнаемъ домашнимъ образомъ Карла Смѣлаго, Маргариту Анжуйскую и вдоволь наслаждаемся живымъ, безпечнымъ нравомъ добраго короля Рене, забывавшаго въ идеальномъ мірѣ всю бѣдность существенности.[1]

Среди французскихъ поэтовъ выдѣляется Викторъ Гюго

[1] «Литературная Газета», 1830, № 42: «Карлъ Смѣлый, или Анна Гейерштейнская, два мрака», соч. сира В. Скотта.

вторъ драмы «Эрнани», замѣчательной по удивительному слогу сохраненію во множествѣ мѣстъ испанскихъ красокъ, но имѣющей много погрѣшностей и въ историческомъ и въ общечеловѣческомъ отношеніяхъ, такъ какъ въ ней нѣтъ идеи, а слѣдовательно и единства, нѣтъ возсозданія испанскаго общества во всей полнотѣ, характеры лишены послѣдовательности и самобытности, а положенія героевъ—правдивости [1]). Огромнымъ успѣхомъ пользуется и Ламартинъ, который не признается однако великимъ поэтомъ [2]). «Родъ его высокая элегія въ полномъ смыслѣ слова. Это вѣчная жалоба, извлекаемая, если позволено такъ выразиться, изъ всѣхъ голосовъ міра. Это плачъ человѣка, который въ безконечности, въ стройности, въ красотѣ всемірной жизни видитъ только одно: скоротечность, нищету, несовершенство собственнаго бытія. Но Ламартинъ не одаренъ вымысломъ: въ немъ также нѣтъ той глубины мыслей, той неодолимой страсти, которыя однѣ могутъ искупать, прикрыть, пополнить отсутствіе вымысла. Однозвучность, односторонность — вотъ его недостатки. Въ Ламартинѣ постоянно господствуетъ влеченіе къ духовному міру. Событія, рѣшившія судьбу царей и царствъ, борьба новыхъ мнѣній не привлекли его къ участію въ дѣятельной жизни народовъ (исключеніемъ являются Наполеонъ и Байронъ, потрясшіе его лиру). Напротивъ того, какъ будто оглушенный нестерпимымъ шумомъ существенности, онъ непрерывно погружается болѣе и болѣе въ созерцательныя, уединенныя размышленія о тайнахъ природы, о величіи Творца, о ничтожествѣ всего земного». «Въ созданіяхъ идеальныхъ, въ выраженіи безнадѣльной любви, въ сѣтованіи безпредѣльной скорби, въ неизъяснимомъ стремленіи къ небеснымъ тайнамъ, вездѣ, гдѣ Ламартинъ могъ черпать изъ источника собственныхъ чувствъ, вездѣ, гдѣ нужно болѣе убѣжденія, чѣмъ проницательности, более вѣры, чѣмъ соображенія, онъ становится своеобразнымъ и плѣнительнымъ поэтомъ. Многихъ изъ его стихотвореній невозможно вспомнить безъ глубокаго умиленія, и есть минуты задумчивости, испытанныя нѣжными душами, въ которыя звуки Ламартина точно кажутся отголоскомъ серафимовой арфы. Подъ

---

[1]) *Литературная Газета*, 1830, №№ 37, 38.

[2]) Тамъ же, 1830, т. II, стр. 85: „О Ламартинѣ и современной французской поэзіи“; 1830, №№ 62, 63: „Harmonies poétiques et religieuses“, par de Lamartine, membre de l'Académie française.

его вдохновеніемъ самый французскій языкъ, обыкновенно слишкомъ положительный для поэзіи, пріобрѣтаетъ какую-то прелесть, какое-то простодушіе, какую-то гармоническую неопредѣленность, вполнѣ соотвѣтствующую его ощущеніямъ». Съ «Harmonies poétiques» Ламартина «имѣютъ мало общаго стихотворенія другого лирика—Сентъ-Бева, выступавшаго въ печати подъ именемъ Жозефа Делорма. Недочеты «Vie, poésies et pensées» заключаются въ томъ, что авторъ слишкомъ много придаетъ значенія нововведеніямъ романтической школы французскихъ писателей, полагающихъ большую важность въ формѣ стиха, въ цезурѣ и т. д.». Все это слишкомъ напоминаетъ «гремушки и пеленки младенчества», и «покушенія» нововводителей едва ли счастливы. Въ послѣднихъ «Consolations» Делормъ измѣнился благодаря совѣтамъ пріятелей, но не къ лучшему: онъ теперь не отвергаетъ, какъ было раньше, утѣшеній религіи, и только сомнѣвается, однако пересталъ быть искреннимъ во вдохновеніи, превратился въ систематика. Основные мотивы его поэзіи—болѣзненность, меланхолія, разочарованіе: «муза его харкаетъ кровью» [1]). Какъ романистъ, пользуется извѣстностью Бальзакъ. Цѣль его «Scènes de la vie privée» — доставить взрослымъ дѣвицамъ занимательное чтеніе, учить ихъ обязанностямъ супруги и женщины; это ученіе изложено въ «сценахъ», какъ названы повѣсти, завлекающія читателя вступленіемъ и подробностями и имѣющія одинъ недостатокъ—слабо обдуманный планъ. Повидимому, рецензентъ вполнѣ согласенъ со слѣдующими словами самого Бальзака: «Отличительный признакъ таланта состоитъ, безспорно, въ изобрѣтеніи. Нынѣ, когда всѣ возможныя соображенія, кажется, уже исчерпаны, когда всѣ положенія жизни истощены, когда невозможно даже было извѣдано, авторъ твердо увѣренъ, что однѣ только подробности будутъ впредь составлять собой достоинство сочиненій, неправильно называемыхъ романами... Онъ думаетъ, что предпринимать изображеніе эпохъ историческихъ и заниматься пріискиваніемъ новыхъ басенъ — значитъ придавать болѣе важности рамѣ, нежели картинѣ. Онъ будетъ удивляться тѣмъ, кто успѣютъ совокупить оба помянутыя выше достоинства, и отъ души желаетъ имъ чаще въ томъ успѣвать» [2]). Изъ французс-

[1]) *Литературная Газета*, 1831, № 32: „Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme".

[2]) Тамъ же, 1830, № 70: „Scènes de la vie privée, publiées par M. Balzac, auteur du Dernier Chouan, ou la Bretagne en 1800".

скихъ подражателей Вальтера Скотта замѣчателенъ А. де Виньи, который, впрочемъ, значительно уступаетъ Манцони, такъ какъ въ «Сенъ-Марсѣ» взялся быть «судьбой» историческаго лица и заранѣе обнаружилъ развязку [1]).

Въ исторіи нѣмецкой литературы указывается важное значеніе романа и повѣсти, наиболѣе усовершенствованныхъ новѣйшими писателями: ла-Моттъ-Фуке, Цшокке и Фанъ-деръ-Фельде. «Свѣжесть» волшебнаго разсказа «Ундина», фантастическіе образы мечтательнаго міра, богатство и роскошь описаній и трогающія душу положенія, по праву, заслужили сему созданію европейскую извѣстность [2]). Иного рода повѣсти Цшокке, «отличительная черта которыхъ состоитъ въ естественности вымысла, въ заманчивой завязкѣ и въ простодушномъ, часто веселомъ разсказѣ». «Если авторъ и вводитъ чудесное, то по большей части разрѣшаетъ его подъ конецъ вѣроятною, естественною развязкою»; творя въ духѣ Гольдсмита и Гофмана, онъ умѣетъ въ живомъ и прекрасномъ изложеніи передать правдоподобный ходъ событій и смѣшать «непринужденную веселость» съ «чувствомъ истиннымъ, почерпнутымъ изъ самой природы сердца человѣческаго» [3]). Фанъ-деръ-Фельде, написавшій рядъ историческихъ романовъ, совершенно несправедливо называется въ нѣкоторыхъ журналахъ бездарнымъ и стоитъ лучшаго отзыва. «Завязка» его произведенія «Патриціи» «ведена очень хорошо, и положенія дѣйствующихъ лицъ», «привлекающихъ вниманіе читателей своими вѣрными очерками и нравственными противоположностями», «пробуждаютъ участіе»; «историческія событія «Христины и двора ея» удачно перемѣшаны съ вымыслами романиста, и занимательность цѣлаго хорошо выдержана»... Но болѣе, нежели въ другихъ сочиненіяхъ, «далъ воли своему воображенію» Фанъ-деръ-Фельде въ «Богемской дѣвичьей войнѣ»: «волхованія, битвы, картины роскоши и наслажденій чувственныхъ, черты умоизступленія и буйства, сцены дѣтскихъ игръ и первой любви, зарождающейся въ невинномъ, неопытномъ сердцѣ — все это изображено вѣрно и живо въ быстрыхъ переходахъ, мѣняющихъ ощущенія читателя». «Замѣтимъ еще, что почти всѣ имена дѣй-

---

[1]) *Литературная Газета*, 1830, № 7: „Сенъ-Марсъ".

[2]) Тамъ же, 1831, № 23: „Ундина", волшебная повѣсть, соч. де-ла-Моттъ-Фуке.

[3]) Тамъ же, 1831, № 37: „Повѣсти" Генриха Цшокке.

ствующихъ въ семъ романѣ лицъ совершенно славянскія, что́ придаетъ ему какую-то особую занимательность для русскихъ, какъ преданія народа, одноплеменнаго съ нами» [1]).

Нѣмецкая ученая литературная критика проявилась въ трудахъ человѣка, «увѣковѣчившаго свои сочиненія», бывшаго представителемъ своей эпохи, отличавшагося «нравственной высотой — плодомъ общаго человѣческаго усовершенствованія». «Фридрихъ Шлегель, ученѣйшій филологъ, одаренъ былъ пылкою, боголюбивою душою. Способный къ поэтическимъ вдохновеніямъ, онъ жаждалъ еще высшихъ вдохновеній, восторговъ религіозныхъ, и не нашедъ ихъ въ протестантствѣ, лишенномъ всѣхъ обрядовъ, очаровывающихъ сердце и воображеніе, принялъ римско-католическую вѣру, которая почти столько же, какъ наша православная, готова во всѣ многоразличныя минуты треволненной жизни утѣшать и прощать насъ, всегда нуждающихся въ материнскомъ утѣшеніи и прощеніи. Высокъ и славенъ тотъ художникъ, который смиряетъ въ душѣ земную гордость и въ своихъ вдохновеніяхъ признаетъ вліяніе постороннее, едва ли имъ заслуженное, небесное»... «Познакомить душу съ радостями простыми», «предугадать блаженство духовъ безсмертныхъ и чистыхъ»—«вотъ чего желалъ Шлегель, вотъ что́ не нравится въ книгѣ его протестантамъ и нѣкоторымъ католикамъ, подозрѣвающимъ въ немъ агента іезуитскаго, но что́ не можетъ быть ни вредно, ни опасно для русскихъ»... «Поэзіи ли послѣ того чуждаться божественныхъ истинъ? Поэзіи ли, этому совершенному органу, кажется, созданному ангелами для прославленія Бога и творенія рукъ Его? У насъ ли не желать поэтической наклонности къ святому?... Словомъ, мы видимъ только хорошее въ образѣ воззрѣнія Фридриха Шлегеля и надѣемся, что его книга принесетъ существенную пользу молодымъ литераторамъ нашимъ» [2]).

IV.

Телескопъ, начавшій выходить въ то время, когда прекратилось изданіе *Московскаго Вѣстника* и *Литературной Газеты*, и уже въ силу однихъ этихъ обстоятельствъ занявшій видное

---

[1]) *Литературная Газета*, 1830, № 67: „Христина и дворъ ея"; 1831, № 6: „Богемская дѣвичья война"; 1831, № 24: „Патриціи".

[2]) Тамъ же, 1830, № 57: „Исторія древней и новой литературы", соч. Фридриха Шлегеля.

мѣсто въ тогдашней журналистикѣ, возбуждалъ интересъ читателей критическими очерками, переведенными преимущественно изъ *Revue des deux mondes*, беллетристическимъ отдѣломъ, состоящимъ изъ произведеній лучшихъ авторовъ [1]), и, наконецъ, сотрудничествомъ Бѣлинскаго. Статей по теоріи поэзіи здѣсь не встрѣчается, кромѣ отрывочныхъ замѣтокъ, попадающихся иногда въ переводныхъ этюдахъ, и разсужденія Виктора Гюго: «Объ изящныхъ искусствахъ и современной драмѣ» [2]).

Современность или общечеловѣческое значеніе, народность, свободная обработка, неподчиненіе чуждымъ образцамъ, отсутствіе бьющихъ на эффектъ картинъ, пониманіе духа исторіи, умѣніе уловить мѣстные оттѣнки, а не рабски тащиться за лѣтописью, сохраняя точность фактовъ и приводя старинныя имена, поговорки—все это непремѣнные принципы, согласно которымъ оцѣнивалось поэтическое твореніе [3]). Важно также знать, что по той причинѣ, по которой тѣло является какъ бы оболочкой души, «и форма есть не иное что, какъ тѣло мысли». «Не надо, чтобы утокъ поглощалъ основу; канва сдѣлана для шитья. Порядокъ есть не что иное, какъ отблескъ единства. Единство—свѣтъ; цвѣта, изъ коихъ оно составляется — вотъ разнообразіе. Разнообразіе въ единствѣ—вотъ міръ; великолѣпный планъ, вышедшій изъ руки величайшаго художника». Во всякомъ произведеніи, удовлетворяю-

---

[1]) *Бальзакъ*: „Человѣкъ не человѣкъ, или страсть художника", „Испанскій грандъ и переправа черезъ Березину", „Двѣ встрѣчи", „Графъ Шаберъ", „Одинъ изъ тринадцати", „Другой изъ тринадцати", „Дѣвушка съ золотыми волосами". „Дѣдъ Горіо", „Невѣста аристократка", „Совѣтъ", „Кошелекъ", „Эль Вердючо"; *В. Гюго*: отрывокъ изъ „Герпани", „Парижскій соборъ Богородицы" (нѣсколько главъ), стихотвореніе „Джинны"; *А. Дюма*: „Наполеонъ, или тридцать лѣтъ Франціи", „Медвѣжій окорокъ", Маскерадъ", „Фрибургъ" (изъ путевыхъ впечатлѣній), „Месть", „Гора Гемми" (изъ путевыхъ впечатл.), „Люэтскія ванны и Чортовъ мостъ" (изъ путевыхъ впечатл.), „Красная Роза"; *Е. Сю*: отрывокъ изъ романа „Атаръ Гюль", „Истинное повѣствованіе о похожденіяхъ Клавдія Белиссана, прокурорскаго писаря", „Другъ мой Вольфъ"; *Жакобъ Библіофилъ*: „Оборотень" (беррійское преданіе), „Башня лѣсной Богоматери" (отрывокъ изъ макабровой пляски), „Происхожденіе игорныхъ картъ"; *Жюль Жаненъ*: „Телеграфъ Ренсійскій"; *Поль де-Кокъ*: „Андалузская любовница".

Гофманъ: „Песочный человѣкъ", „Недобрый гость"; *Цшокке*: „Счастіе и несчастіе отъ малыхъ причинъ"; *Л. Берне*: „Романъ".

[2]) Исключаются статьи Н. И. Надеждина и В. Г. Бѣлинскаго, о которыхъ рѣчь будетъ далѣе.

[3]) *Телескопъ*, 1835, часть 26, стр. 440.

*

щемъ требованіямъ эстетическаго вкуса (въ частности, *драмѣ*), «человѣкъ есть пружина, центръ, конецъ созданія» [1]). При современной всеобщей склонности «находить веселость, сердце и душу въ семействѣ», герой, выводимый авторомъ, долженъ *иногда* «смѣшиваться съ дѣтьми настоящаго вѣка, съ мѣщанами-жителями долинъ общества». «Здѣсь, конечно, меньше величія, но за то больше интереса. Будутъ меньше удивляться, будутъ больше плакать. Басня выиграетъ въ чувствѣ то, что́ могла бы потерять въ мысли. Поэтъ будетъ изучать живыхъ послѣ мертвыхъ. Занимавшись анатоміею, онъ будетъ заниматься физіологіей. Вмѣсто того, чтобы воскрешать тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ, онъ будетъ изображать тѣхъ, кто есть: работа, безъ сомнѣнія, не столь величественная, не столь идеальная, но болѣе человѣческая, въ томъ смыслѣ, что всѣ могутъ ее испытывать, болѣе трудная, потому что всѣ могутъ судить о ней. Мало тѣхъ, кои умѣютъ читать въ прошедшемъ, но всѣ видятъ въ настоящемъ... Въ глазахъ толпы исторія похожа на твердь небесную, гдѣ великія имена образуютъ столько свѣтилъ, что ихъ нельзя иначе различить, какъ въ телескопъ критики. Но понизьте ваше небо и сойдите на землю; вставьте басню вашу въ одну изъ нынѣшнихъ гостиныхъ; дайте вашимъ персонажамъ нашъ языкъ и наши костюмы — и публика тотчасъ сдѣлается вашимъ ученымъ критикомъ, вашимъ законнымъ судьею» [2]).

Изъ англійскихъ писателей въ *Телескопѣ* упоминается, кажется, объ одномъ Вальтерѣ Скоттѣ. «Слушая его», пишетъ А. И. Герценъ: «совсѣмъ переносишься въ блаженной памяти феодальные вѣка. Въ послѣднее время сомнѣвались въ исторической вѣрности его картинъ: въ чемъ не сомнѣвались въ послѣднее время? Не могу рѣшить, справедливо ли это сомнѣніе; но знаю, что одинъ великій историкъ (Тьерри) совѣтуетъ изучать исторію Англіи въ романахъ Вальтера Скотта. По моему, въ Вальтерѣ

---

[1]) *Телескопъ*, 1834, ч. 23, стр. 427 (изъ *Revue des deux mondes*).

[2]) Тамъ же, 1834, ч. 23, стр. 257 (изъ *Revue des deux mondes*).

О *подражаніи* говорится слѣдующее: „Душа, равно какъ и тѣло, не питается сама собою. Подражаніе и усвоеніе суть два закона, которые равно предсѣдательствуютъ при отправленіяхъ желудка и мозга. Но смотрите, чтобы тотъ и другой непремѣнно разрушали, переваривали, претворяли пищу, которую употребляютъ. Воровство позволительно въ литературномъ мірѣ. Кто теперь знаетъ тѣхъ, которыхъ Мольеръ и Шекспиръ грабили“?

Скоттѣ другой недостатокъ; онъ аристократъ, а общій недостатокъ аристократическихъ росказней есть какая-то апатія». Онъ, походя на секретаря уголовной палаты, замѣчательно хладнокровно докладываетъ нехладнокровныя происшествія; его призваніе описывать... «Его психологія слаба, и все вниманіе сосредоточено на поверхности души»: у него нѣтъ «поэтическаго провидѣнія характера великаго человѣка»... [1]).

Французская литература романтическаго періода—предметъ особаго вниманія сотрудниковъ надеждинскаго журнала. Викторъ Гюго признается высоко-даровитымъ поэтомъ. Но яркое «пламя» его генія «смѣшивалось съ небольшимъ дымомъ». Гюго проводитъ «оригинальные, небывалые взгляды на художественное произведеніе» въ «Парижскомъ соборѣ Богоматери», «семъ таинственномъ лабиринтѣ», созданномъ какъ бы въ доказательство, что человѣку можетъ быть «доступна глубина божественной неисповѣдимости»; не такъ великъ французскій писатель въ драматическомъ искусствѣ. «Лукреція Борджіа» можетъ вызвать справедливыя осужденія критики. Авторъ, «усвоивъ себѣ психологическій способъ воззрѣнія» на судьбы знаменитой фамиліи, «вмѣсто того, чтобы, собравъ историческія данныя, извлечь изъ нихъ въ естественномъ результатѣ» извѣстное «рѣшеніе», «насильственно подобралъ факты» для выраженія предварительно намѣченной идеи—о «борьбѣ двухъ могущественнѣйшихъ чувствъ сердца человѣческаго: материнской любви и мести». Для поэтическаго оправданія отравленія Дженнаро и убіенія Лукреціи, «коимъ должна развязаться трагедія», «придуманы—ни много, ни мало—три узла драматическіе», и это «преизобиліе драматическихъ пружинъ» нельзя не назвать погрѣшностью такъ же, какъ и невыдержанность въ обрисовкѣ главныхъ героевъ: Лукреціи, Дженнаро и Альфонса д'Эсте. Все твореніе есть плодъ ума, а не сердца: «и дѣйствію, и характерамъ недостаетъ истины, недостаетъ естественности и жизни»; бросается въ глаза «особенное пристрастіе къ живописной сторонѣ предметовъ, постоянно предпочтительное вниманіе къ колориту, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ качествъ»—играетъ первостепенную роль внѣшній спектакль. Послѣдній не отходитъ на второй планъ въ «Маріонѣ Делормъ» и «Эрнани»; здѣсь, правда, «исключительно лирическая физіономія лицъ сохраняетъ еще печать истины абсолютной», но зато «сцены соединены не такъ

---

[1]) *Телескопъ*, 1836, ч. 33, стр. 149—150.

искусно», «эффектъ не такъ надеженъ», мало исторической точности [1]). Затѣмъ три большіе очерка трактуютъ о достоинствахъ и недостаткахъ драмъ и романовъ А. Дюма, А. де Виньи и О. Бальзака. Не всѣ піесы перваго заслуживаютъ одинаковаго одобренія: напримѣръ, въ историческихъ обнаруживаются и проблески несомнѣннаго дарованія, и крупные промахи. Драматическая картина «Наполеонъ, или тридцать лѣтъ Франціи», написанная весьма искуснымъ перомъ», производитъ эффектъ болѣе всего своими «декораціями, костюмами, стрѣльбой» и цѣлымъ «арсеналомъ французской риторики», и «если кто понадѣется при томъ, что нѣкогда Шекспиръ романтической школы образуетъ изъ сихъ эфемерныхъ паровъ драгоцѣнный кристаллъ полной наполеоновской драмы, тотъ будетъ надѣяться на то, чего пока еще ожидать нельзя и что́ теперь совершенно невозможно [2]). Въ «Христинѣ» -сильная идея и слабое выполненіе; чувствуется недостатокъ единства, медленность развитія, слабость интереса и грубость слога; «Генрихъ III», несмотря на искаженіе личности герцога Гиза, «медленность экспозиціи и фантасмагоріи» перваго акта, несмотря на слишкомъ ужъ рѣзкую новость исторической его части», «получилъ огромный успѣхъ участія и слезъ, благодаря драматической своей части, которая чередовалась съ исторіей, благодаря поэтической и раздирающей развязкѣ, которая вѣнчаетъ все. Какъ созданіе, какъ композиція, эта піеса достаточно показываетъ, что́ можетъ сдѣлать авторъ»: «все сцѣпляется, все связывается, все развертывается естественно и безъ усилій». «Если Дюма и насплуетъ иногда, умышленно или по невѣдѣнію, истину историческую, скоро проходящую, относительную, то ему никогда не случается итти вопреки истины вѣчной, всеобщей и абсолютной. Онъ точно искажаетъ лицо, но не человѣка» [3]) .. «Въ драмахъ Дюма не находишь того порыва души, той смѣлости добра, той полноты сердца, которыя восхищаютъ насъ при чтеніи Корнеля. Пусть чувство человѣчества, столь ощутительное въ Gaule et France, носится надъ его театромъ, подобно солнцу, и проницаетъ его, и освѣщаетъ, и живитъ. Движеніе и интересъ,

[1]) *Телескопъ*, 1832, № 1, стр. 133; 1833, ч. 13, стр. 409—426; 357.

[2]) Тамъ же, 1831, ч. 5, стр. 212.

[3]) „Дюма доказалъ, что умѣлъ понимать, или, вѣрнѣе, чувствовать людей настоящаго времени гораздо лучше, чѣмъ людей среднихъ вѣковъ. Свидѣтель тому „Антони“.

которые онъ сыплетъ полными горстями на всѣ свои творенія, сдѣлаются отъ того могущественнѣе и благороднѣе. Художникъ больше по исполненію, чѣмъ по изобрѣтенію, онъ возстановитъ въ себѣ равновѣсіе трудомъ и добросовѣстностью. Одаренный памятью неутомимою, онъ долженъ пользоваться ею, какъ другомъ, когда читаетъ, и не довѣрять ей, какъ врагу, когда пишетъ»... «Діалогъ Дюма живъ, рѣзокъ, одушевленъ; но онъ не слишкомъ изобиленъ, довольно тонъ. Его неисправный, необработанный стиль постепенно улучшается. Но надо пожелать больше широты его слову и больше глубины его мысли. Нѣтъ драматическаго автора, который бы лучше его понималъ механизмъ сцены. Почти всѣ его піесы архитектуры смѣлой, разнообразной, легкой и твердой; этимъ онъ скрадываетъ слабости, прикрываетъ невѣроятности, искусно справляется съ трудностями. Сцены, акты, драмы—онъ оканчиваетъ все съ рѣдкимъ счастіемъ. Это истинный геній на развязки; онъ былъ бы хорошимъ живописцемъ, превосходнымъ архитекторомъ; у него вездѣ проявляется истинный талантъ рисунка и геній композиціи» [1]).

О творчествѣ Альфреда де Виньи напечатанъ отзывъ г. Планша. «Если бы непремѣнно нужно было опредѣлить», пишетъ этотъ критикъ: «къ какой школѣ принадлежитъ драма «Чаттертонъ», по какимъ теоріямъ она составлена, какой пролагаетъ путь, какія вызоветъ подражанія, то безъ остановки можно бы отвѣтить, что она не принадлежитъ ни къ какой школѣ, не слѣдуетъ никакимъ теоріямъ, не пролагаетъ никакого пути и не будетъ имѣть подражателей. Проста и вѣрна въ ходѣ, она не имѣетъ надобности въ необыкновенныхъ средствахъ, чтобы достигнуть развязки: по стилю, прекрасному во всѣ времена и для всѣхъ, она не подлежитъ суду временному и особенному; индивидуальная, принадлежащая одному А. де Виньи, по мысли и по свойству развитія, она ни въ комъ не должна пробудить тщетнаго желанія подражать, да и самая *идея такъ нераздѣльно связана съ формою, такъ опредѣляетъ ее и опредѣляется ею*, что онѣ вмѣстѣ должны были явить и г. де Виньи; и когда вы видѣли драму «Чаттертонъ», прочитавъ эпизодъ изъ «Стелло», можете сказать, что авторъ сократилъ только размѣры своего разсказа, что онъ не имѣлъ надобности его перефразировать; наконецъ, дополненіе,

---

[1]) *Телескопъ*, 1834, ч. 23: „Знаменитые современники: А. Дюма“ (изъ *Revue des deux mondes*).

полученное имъ на сценѣ, таково, что вы его желали, угадывали. И результатъ всего этого неслыханъ; драма, сдѣланная изъ книги, не уничтожаетъ прежнихъ впечатлѣній,—напротивъ, они оживляются новыми». «Произведеніе де Виньи въ строгомъ смыслѣ не драма, ибо драма значитъ *дѣйствіе*; это прекрасная дума, богатая чистыми и святыми картинами, свѣжею живописью, вѣрными и пріятными подробностями и вмѣстѣ горькими откровеніями. Но приноровленная къ потребностямъ сцены, она облеклась легкостью разговора, оборотами быстрыми и живыми, къ которымъ мало привыкла публика и которые поддерживаютъ ея вниманіе... Въ драмѣ де Виньи анализъ ученъ, неистощимъ, бодръ, остроуменъ въ источникахъ; но, кромѣ его, нѣтъ ничего, а онъ не можетъ пополнить недостатокъ въ дѣйствіи» [1]).

Повѣсти и романы Бальзака, которымъ въ *Телескопѣ* отдавалось явное предпочтеніе передъ другими произведеніями французскихъ писателей, разобраны въ этюдѣ, переведенномъ изъ *Revue des deux Mondes*. Бальзакъ—«самый обильнѣйшій, самый извѣстнѣйшій изъ нынѣшнихъ романистовъ, романистъ настоящей минуты по преимуществу, въ коемъ соединяется столько достоинствъ и недостатковъ, скорости, плодовитости, занимательности, случайности и магическаго очарованія, нераздѣльныхъ съ титломъ писателя повѣстей и романовъ». «Бальзакъ имѣетъ весьма глубокое, весьма тонкое чувство домашней жизни, простирающейся часто до мелочной подробности, до суевѣрія. Онъ умѣетъ васъ тронуть и взволновать простымъ описаніемъ аллеи, столовой залы, мебели. У него множество бѣглыхъ замѣтокъ на счетъ старыхъ дѣвушекъ, старыхъ женщинъ, дѣвушекъ, обиженныхъ природою, молодыхъ женщинъ, увядшихъ и болѣзненныхъ, любовницъ преданныхъ и отвергнутыхъ, на счетъ холостяковъ, скупцовъ, ростовщиковъ; невольно спрашиваешь, гдѣ онъ могъ собрать, подмѣтить все это, съ своимъ дѣтски неугомоннымъ воображеніемъ. Правду сказать и то, что онъ не всегда попадаетъ вѣрно, и что въ безчисленныхъ его произведеніяхъ, изъ коихъ многія кажутся намъ удивительными, по крайней мѣрѣ весьма трогательными и плѣнительными, исполненными остроумія и тонкой наблюдательности, господствуетъ ужасный сбродъ всякой величины». «Безъ сомнѣнія, въ каждомъ его созданіи есть что-нибудь хорошенькое; но зато сколько должно быть и пустого, лишняго. Въ изобрѣ-

---

[1]) *Телескопъ*, 1835, ч. 26: „Чаттертонъ“, драма Альфреда де Виньи.

генія содержанія, равно какъ и въ подробностяхъ стиля, перо Бальзака очень бѣгло, и потому неровно, измѣнчиво; онъ отправляется, идетъ тихимъ шагомъ, скачетъ рысью, въ галопъ, и вдругъ падаетъ для того, чтобы встать и упасть снова. Начала у него большею частью очаровательны; но концы обыкновенно портятся или впадаютъ въ излишество. Выпадаютъ минуты, есть точки, гдѣ онъ невольно увлекается. Тогда онъ теряетъ хладнокровіе наблюдателя, мозгъ его какъ будто срывается съ курка и стрѣляетъ заключеніями на сотню миль»... «Въ «Послѣднемъ Шуанѣ» въ первый разъ у него встрѣчается живопись, драматическая занимательность, характеры истинные, діалогъ счастливый; но и здѣсь, по несчастью, слишкомъ очевидно подражаніе Вальтеру Скотту и Куперу» [1]).

Въ исторіи нѣмецкой поэзіи прежде всего оцѣниваются лучшія созданія Гете. «Гецъ-фонъ-Берлихингенъ» «есть не что иное, какъ хроника, обдѣланная въ сценахъ; онъ и написанъ былъ сначала въ формѣ хроники и послѣ уже изрубленъ на мелкіе куски, изъ которыхъ состоитъ теперь, когда авторъ передумалъ планъ его. Посему, это совсѣмъ не драма, въ полномъ и буквальномъ значеніи сего слова; въ ней собственно нѣтъ дѣйствія; это только живая и занимательная картина издыхающаго феодализма. Поэтъ и самъ не хотѣлъ ничего больше; принятая имъ рамка была совершенно достаточна для его плана» [2]). «Эгмонтъ», «несмотря на невѣрность исторіи главнаго характера, такъ же превосходенъ», какъ «цѣликомъ вынутый изъ жизни среднихъ вѣковъ» «Гецъ»; а «Фаустъ», въ которомъ «олицетворены два враждебные генія, коихъ вѣчная борьба составляетъ сущность германскаго народа: крайнее напряженіе размышленія и крайняя степень чистосердечія,» — «Фаустъ», «непохожій ни на одно изъ этихъ созданій, можетъ быть, выше обоихъ»... «Фантазія Шиллера, увлеченная греческою трагедіею, породила «Мессинскую Невѣсту»—и это чудное смѣшеніе германскаго генія съ древнимъ прекрасно и понятно, потому естественно, что совершилось въ душѣ». «Разумѣется, впрочемъ», эта піеса «не можетъ въ такой степени возбуждать общій интересъ, какъ «Гецъ» или «Виль

---

[1]) *Телескопъ*, 1834, ч. 24: „Знаменитые современники: Бальзакъ" (изъ *Revue des deux mondes*).

[2]) Тамъ же, 1834, ч. 24, стр. 155 и д. (изъ *Revue des deux mondes*).

гельмъ Телль», слѣдовательно, не можетъ имѣть и такого успѣха на театрѣ» [1]). Сосредоточившій въ одномъ себѣ «всѣ муки, всю лихорадочную тоску своего времени», вѣчно «объятый пожирающимъ, неукротимымъ безпокойствомъ», Шиллеръ, представляетъ рѣзкій контрастъ «жрецамъ вѣчнаго мира»: Виланду и Гердеру — «Ни одинъ изъ нихъ не носитъ на себѣ слѣда современныхъ печалей и бѣдствій: можно подумать, что они писали въ дни восточнаго покоя, въ тѣхъ мирныхъ странахъ, гдѣ не слышно ничего, кромѣ шороха листьевъ пальмы, кромѣ тихаго дыханія вѣтерковъ, шепчущихъ у вратъ священнаго града Дельты». Мало-по-малу въ Германіи «пробуждается» древнее поколѣніе менестрелей, молчавшихъ уже нѣсколько вѣковъ. «И вотъ воскресаетъ снова Арізль поэтовъ, рѣзвый духъ, выковывающій своимъ пигмейскимъ молотомъ алмазы ручейка, блестки песка, кудри солнца, цвѣты радуги, искры изъ подковъ утреннихъ коней, волшебный кристаллъ міра, гдѣ отражается весь міръ, земля, звѣзды и твердь безъ ада—не ту ужасную безбрежную, нераздѣльную природу, коей всѣ движенія сливаются въ одинъ грозный вопль—но природу въ ея безконечномъ разнообразіи, золотой лучъ, изливающійся въ сладкогласномъ пѣніи, цвѣтокъ бесѣдующій въ своемъ майскомъ благоуханіи!.. Это Тикъ»... Искусство отчуждается отъ «современныхъ условій человѣчества»; поэты не хотятъ слишкомъ привязываться къ «вещественности», быть «обремененными матеріей»: ихъ стремленіе отрѣшиться отъ тѣла и формы, не принадлежать ни къ настоящему, ни къ прошедшему. «Должна была явиться другая земля, другое солнце, другая луна: въ мечтахъ творческаго духа, изступленнаго до нѣкотораго рода неземного сумасшествія, міры новые, подобно фантомамъ, должны были возникать и наполнять собой безбрежный океанъ пустоты, упоенный своимъ собственнымъ эѳиромъ». Съ высоты невѣдомыхъ небесъ ангелы Жанъ Поля «простираютъ свои бѣлоснѣжныя крылья», чтобы «прикрыть дѣйствительную вселенную». «Отголоски общественной жизни замираютъ въ поэзіи... но не надолго. Напряженіе спиритуализма до самой крайней степени должно было, наконецъ, породить реакцію. Эта реакція была рѣшена въ тотъ день, когда Германія, бросившись въ отчаянную схватку съ Наполеономъ, въ 1813 и 1814 годахъ, приняла дѣятельное участіе

[1]) *Телескопъ*. 1835, ч. 26, стр. 439—440.

е въ политическомъ пересозданіи Европы». Исчезаетъ равно-
піе къ земнымъ событіямъ, и наступаетъ перерожденіе искус-
а, которое «поставило себѣ обязанностью сдѣлаться національ-
мъ». «Ученость братьевъ Гриммовъ начала раскапывать перво-
гную древность Германіи», и, «подъ вліяніемъ новой эпохи,
кдается рьяная, воинственная поэзія»; новые Тиртеи оглашаютъ
здухъ грозными героическими пѣснопѣніями и скачутъ сами въ
ідахъ священнаго ополченія»... Когда «смолкли громы», «мечъ
очилъ въ ножнахъ», «кончилась битва», «упоеніе народной гор-
ти облеклось въ душѣ» Уланда «скромною одеждою старинной
лады; онъ даетъ своимъ радостнымъ изліяніямъ напѣвъ и
остоту среднихъ временъ»... Не совсѣмъ заглохло и «спиритуа-
тическое» направленіе поэзіи, представителемъ котораго былъ
фманъ. Это—писатель «изступленный, съ разстроенною душою.
его твореніяхъ человѣкъ выставляется игрушкою разныхъ
івольскихъ силъ, кои таятся въ немъ безъ его вѣдома: сума-
ествія, фантасмагоріи, силъ магнетическихъ, симпатіи и анти-
іи. Впрочемъ какъ ни сумасбродно и нелѣпо его обращеніе съ
ими героями, у которыхъ онъ отнимаетъ совершенно умъ и
івственную свободу, заставляя ихъ кружиться, какъ одурѣвъ-
хъ барановъ, нельзя отказать ему въ удивительномъ талантѣ
бражать ужасное и особенно душевныя муки. Психологическая
ьба представляемыхъ имъ лицъ, колеблющихся между умомъ
безуміемъ, между упоеніемъ и страданіями, выражается пре-
ходно; и драматическіе поэты могутъ многому научиться у
о, такъ-же какъ у Гамлета. Сюда еще присоединяется музы-
ьный элементъ его генія; души его героевъ, волнуемыя силами
нственными и сверхъестественными, звучатъ въ бурѣ стра-
й, какъ Эолова арфа. Въ искусствѣ диссонансовъ и потрясаю-
хъ эффектовъ, Гофмана можно сравнить съ Моцартомъ»... Но-
ішая литературная школа, которая образуется на смѣну опи-
ной, еще не можетъ быть предметомъ обсужденія: пока еще
опредѣлились привязанности, нѣтъ еще дѣлъ; выяснились
жолько лишь антипатіи и намѣренія. Разочарованное настрое-
связывается съ сатирой. Вольфгангъ Менцель, корифей совре-
ной германской критики, исполненъ саркастической желчи: это
елировщикъ литературный, который первый поколебалъ все
ущество Гете. Гейне, въ своихъ картинахъ современной Гер-
іи, издѣвается, съ совершенно французскимъ легкомысліемъ,
ъ увядающимъ простодушіемъ своей родины: шутя и рѣзвясь,

подобно ребенку, онъ подливаетъ яду въ чашу, изъ коей пьетъ ветхій издыхающій вѣкъ» [1]).

Изъ итальянскихъ писателей крупнымъ и разностороннимъ талантомъ одаренъ А. Манцони, своими произведеніями оказавшій существенную поддержку романтикамъ въ ихъ упорной борьбѣ съ «классической дружиной». Драмы его, происходящія по прямой линіи отъ «Геца фонъ-Берлихингена» и «созданныя по одной системѣ, именно по закону послѣдовательности, а не по закону сосредоточенія», «грѣшатъ противъ двухъ основныхъ законовъ театра: патетизма и ужаса. Это ряды картинъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ концомъ, а не съ развязкою». Піесы «всегда такъ близко жмутся къ хроникѣ, что часто совпадаютъ и смѣшиваются съ нею»... «Манцони слишкомъ пренебрегалъ уже искусствомъ драматическихъ пружинъ. Его уваженіе къ исторіи переходитъ въ суевѣріе: онъ слишкомъ робокъ, и забываетъ, что можно быть неточнымъ отъ усилія быть точнымъ. Исторія и драма—двѣ вещи различныя»... [2]). «Другая погрѣшность, общая всѣмъ его характерамъ: Карманьолѣ и Адельки, Карлу Великому и Дидіеру, состоитъ въ недостаткѣ развитія, въ недостаткѣ полноты. Вмѣсто того, чтобы высѣкать ихъ статуями, подобно Софоклу или Гете, онъ вырѣзываетъ ихъ барельефами». Вообще Манцони «не имѣетъ драматическаго генія. У него нѣтъ ни той пламенной личности, которая невольно покоряетъ себѣ людей, ни той обширной емкости, которая все обхватываетъ, чтобы все заключить въ себѣ... Онъ не имѣетъ въ достаточной мѣрѣ тѣхъ горячихъ общественныхъ симпатій, безъ которыхъ надо отказаться отъ бурныхъ тріумфовъ театра. Сановитость его, холодная и строгая, бываетъ иногда ледяною». Его романъ «Обрученные» принадлежитъ къ школѣ Вальтера Скотта. «Но шотландская система, перешедшая съ сѣвера на югъ, подверглась счастливому преобразованію». «Манцони, будучи ниже Скотта въ отношеніи къ драматическому

---

[1]) *Телескопъ*, 1833, ч. 13, стр. 17—43: „Состояніе искусства въ Германіи" (статья Э. Кине); ч. 15, стр. 511—512: „Нѣмецкая словесность въ девятнадцатомъ вѣкѣ" (статья доктора О. Вольфа).—Біографія Гофмана, живо и обстоятельно изложенная Кс. Мармье, помѣщена въ 16-й части *Телескопа*.

[2]) „Тѣмъ менѣе постижима эта преувеличенная точность мелочей у Манцони, что онъ самъ, въ своемъ французскомъ письмѣ о театральныхъ единствахъ, сдѣлалъ остроумную и краснорѣчивую апологію въ пользу сей тяжбы драмы съ исторіей, теперь уже выигранной. Для чего же не быть вѣрнымъ своей собственной теоріи?"

ересу и ландшафтной живописи, превосходитъ его въ отноше-
къ идеѣ и особенно въ изображеніи чувства любви. Въ ро-
ѣ Манцони есть мысль; у Скотта нѣтъ ея никогда. Манцони
ѣетъ *ad probandum*, Скоттъ—*ad narrandum*». Цѣль «Обручен-
ъ»—«доказать, что гражданское и политическое общество Ита-
находится въ болѣзненномъ состояніи и что врачевствомъ для
ъ должна быть католическая вѣра («возстановленіе духовен-
ы»)... Въ семъ-то смыслѣ сіе твореніе имѣетъ философическое
тоинство и практическую цѣль». «Въ ограниченной, но эласти-
ой рамкѣ романа представлены всѣ состоянія общества. Это
родъ движущейся картины, на которой поочередно мель-
тъ передъ вами голодъ, мятежъ, нашествіе непріятелей, мо-
ая язва. Въ этой путаницѣ приключеній, среди столькихъ эпи-
ческихъ отступленій, нить иногда порывается», но, въ концѣ
довъ, «мысль высвобождается во всемъ блескѣ и чистотѣ изъ
о почти хаотическаго сцѣпленія лицъ и фактовъ». «Въ от-
еніи къ формѣ» романа замѣтно обычное впаденіе автора въ
очность отъ усилія быть точнымъ; Манцони «иногда уже слиш-
ъ описателенъ на манеръ Делиля», но «его главная замашка—
ажать внутреннія движенія души внѣшними явленіями тѣла»—
восходна. Его діалогъ страдаетъ растянутостью, не отличаясь
движеніемъ, ни живостью. «Романъ выкупаетъ этотъ недоста-
ъ какою-то сельскою простотою и идиллическою наивностью,
орыя не чужды прелести. Коварный, лукавый, хитрый и нѣ-
ько трусливый итальянскій крестьянинъ снятъ съ натуры и
раженъ чудесно. Манцони, умъ котораго, чѣмъ бы ни зани-
ся, всегда имѣетъ наклонность къ эпиграммѣ, и, что́ еще
е, къ сатирѣ, здѣсь былъ на просторѣ и издѣвался, сколько
ѣ угодно» [1]).

V.

Смѣлымъ борцомъ за романтическую школу выступилъ на ли-
тературное поприще князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Даро-

---

[1]) *Телескопъ*, 1834, ч. 24: „Знаменитые современники: А. Манцони“
тья Карла Дидье, изъ *Revue des deux mondes*).
Въ журналѣ Надеждина, кромѣ упомянутыхъ нами критическихъ
ей, были напечатаны еще слѣдующія: „Исторія литературы во Фран-
ію XII вѣка“, лекція Ампера; „Испанскій театръ“, очеркъ Ф. Шаля,
Донъ Жуанъ Австрійскій, или назначеніе“, драма Каз. Делавиня
оръ Жюля Жанена (см. части 32, 29, 27).

витый и образованный, полный свѣжихъ силъ и жизненной энергіи, молодой писатель быстро завоевалъ себѣ извѣстное положеніе въ описываемую нами эпоху. Не обладая способностью широкихъ логическихъ обобщеній, Вяземскій, безусловно, былъ надѣленъ отъ природы остроуміемъ и вкусомъ, столь необходимымъ въ области эстетической критики; онъ легко «закабаливалъ» себя журнальной работой, заполняя своими статьями періодическія изданія, и, по увѣреніямъ Пушкина и Мицкевича, былъ «рожденъ памфлетистомъ, открылось бы только поприще». Классицизмъ былъ ему не по душѣ, такъ какъ «порабощался добровольно цѣлому уголовному уложенію отдѣльныхъ областныхъ учрежденій, составленныхъ драконами литературы, которые готовы пожрать ослушниковъ своихъ за малѣйшее отступленіе отъ предписаній литературнаго благочинія». «Какъ не согласиться», добавлялъ онъ: «что соблюденіе правилъ стѣснительныхъ придаетъ новый блескъ творенію, когда стѣсненіе не отзывается въ немъ; но не оно же составляетъ его существенное достоинство?» [1]). Современная русская словесность напоминаетъ Вяземскому пустыню: «мы богаты именами поэтовъ, но бѣдны твореніями». «Явленіе произведеній, коими обязаны мы лучшимъ талантамъ нашего времени, означаетъ» «успѣхи посреди насъ поэзіи романтической» [2]); въ послѣдней виденъ залогъ лучшаго будущаго. Всѣ нападки классиковъ—несостоятельны. Ихъ «привязчивость» къ вводимымъ, якобы «новымъ», словамъ—вывѣска ничтожности. Можно отвергать названіе, но нельзя не признать сущности нарождающейся литературы. Нынѣшняя эпоха—эпоха преобразованія, такъ какъ все въ человѣчествѣ подвержено измѣненіямъ. Немыслимо отрицать романтизмъ исключительно въ силу того, что о немъ не упоминаетъ Аристотель, какъ немыслимо отрицать новооткрытую страну, разъ о ней не упоминали въ раньше изданныхъ землеописаніяхъ. Борьба съ «романтическимъ родомъ» имѣетъ смыслъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ народная гордость «ополчается на защиту славы, утвержденной отечественными писателями и угрожаемой нашествіемъ чужеземныхъ»; во Франціи были Расины, Вольтеры, Лагарпы, — у насъ же даже «образъ литературы еще не означился, не прорѣзался». «Намъ нужны опыты,

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1826, № 22, стр. 56: „Письмо изъ Парижа".

[2]) *Сынъ Отечества*, 1822, ч. 82: „О Кавказскомъ плѣнникѣ, повѣсти А. Пушкина".

›кушенія: опасны намъ не утраты, а опасенъ застой. И о чемъ жалѣютъ тѣлохранители писателей заслуженныхъ, которые въ момъ дѣлѣ достойны были бы сожалѣнія, когда бы слава ихъ ирадась единственно на подобныхъ защитниковъ? Несмотря на , что пора торжественныхъ одъ миновалась, польза, принесенная Ломоносовымъ и въ одномъ стихотворномъ отношеніи, не ратила правъ на уваженіе и признательность. Достоинства хо›шихъ писателей не затмятся ни раболѣпными и вялыми по›ѣдователями, ни отважными и пылкими указателями новыхъ тей» [1]).

Романтизмъ не опредѣленъ въ точности, нѣтъ еще законодате›й; опредѣленіе будетъ со временемъ, когда, быть можетъ, «цвѣ›ы яркой и свѣжей поэзіи потускнѣютъ отъ кабинетной пыли и ›коптятся отъ лампаднаго чада комментаторовъ, антикваріевъ, ›коластиковъ»; не выяснены и отношенія къ классицизму. Кое›то, впрочемъ, можно намѣтить и въ данный моментъ, благодаря рудамъ Шлегеля и Сталь; при этомъ, необходимо сознаться, что ›новѣйшіе теоретики не облечены въ латы свинцоваго педанттва, отъ нихъ не несетъ схоластическою важностію и правила ›ихъ для нѣкоторыхъ людей не имѣютъ вѣса, потому что не на›егаютъ съ важностію...» [2]). Отличіе романтизма отъ классицизма не можетъ ограничиться однѣми внѣшними формами и должно аиться глубже въ началахъ коренныхъ и независимыхъ. Опре›ѣленіе сего различія должно искать въ нравахъ, въ философи›ескомъ изслѣдованіи исторіи послѣдняго пятидесятилѣтія, въ ›бытіяхъ, столь плодовитыхъ послѣдствіями, а, короче и проще, › любимой поговоркѣ Прадта: *умъ человѣческій на походѣ*, или, ›ли хотите, въ русской пословицѣ: *умъ любитъ просторъ*. Нѣтъ ›мнѣнія, что такъ называемый романтизмъ даетъ болѣе свободы ›рованію: онъ покоряется однимъ законамъ природы и изящно›ти, отвергая насильство постановленій условныхъ» [3]). Поэтъ слѣ›етъ «независимымъ вдохновеніямъ», видя въ природѣ руково›дящее «начало»; долженъ быть убѣжденъ внутренно, а не говорить ›зыкомъ заказнымъ; долженъ никогда не изображать «мертво», › такъ сказать, «буквально» то, «что́ исполнено жизни и души»,

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1822, ч. 82, № 49.

[2]) „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской сто›оны или съ Васильевскаго острова".

[3]) *Московскій Телеграфъ*, 1826, № 22: „Письмо изъ Парижа".

такъ какъ въ подражательныхъ искусствахъ чѣмъ болѣе обмана, тѣмъ болѣе истины: долженъ приблизиться къ природнымъ русскимъ источникамъ вмѣсто того, чтобы почерпать въ посторонних родникахъ жизнь заемную [1]).

Народность, отпечатокъ мѣстности—характерная черта романтизма, таящаяся не въ правилахъ, но въ чувствахъ ... И Гомеръ, Горацій, Эсхилъ имѣютъ гораздо болѣе сродства и соотношеній съ главами новой школы, чѣмъ со своими холодными рабскими послѣдователями, кои силятся быть греками и римлянами заднимъ числомъ [2]). Современныя произведенія несправедливо осуждаются за то, что они представляютъ собою легкіе намеки, туманныя загадки, что романтическій зодчій оставляетъ на произволъ каждому распоряженіе и устройство зданія — сущаго воздушнаго замка, не имѣющаго ни плана, ни основанія ... Но развѣ не достаточно видѣть красивое зданіе? Требованіе, чтобы былъ замѣтенъ и остовъ его—излишнее. Въ изящныхъ твореніяхъ довольно одного дѣйствія общаго; что́ за охота видѣть производство? Твореніе искусства — обманъ. Чѣмъ менѣе выказывается прозаическая связь въ частяхъ, тѣмъ болѣе выгоды въ отношеніи къ цѣлому. Правдоподобіе вымысла — непремѣнное условіе поэзіи, опредѣляющее ея отношеніе къ исторіи, которая не легковѣрна и отвергаетъ съ презрѣніемъ то, чѣмъ часто дорожитъ первая, ничуть не обязанная воспроизводить только дѣйствительно бывшіе факты. Важно также дѣйствіе въ ходѣ событій, выдѣленіе главныхъ героевъ, поддержаніе интереса въ читателѣ... Многія слова, взятыя изъ словаря Россійской Академіи, могутъ быть возстановлены въ правахъ гражданства, похищенныхъ, неизвѣстно за какое преступленіе и безъ суда, ибо до сей поры мы руководствуемся болѣе употребленіемъ, которое свергнуто быть можетъ употребленіемъ новымъ» [3]).

Измѣнившіеся вкусы удовлетворяются эпическими произведеніями, выполненными иначе, чѣмъ прежде. Таковъ романъ—въ обработкѣ Бенжамена Констана и поэма, созданная Байрономъ, которые любопытны при разсмотрѣніи ихъ съ теоретической точки зрѣнія.

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1822, ч. 82, № 49.

[2]) „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова".

[3]) Тамъ же.

«Адольфъ»—новый образецъ психологическаго романа, «превосходнѣйшій въ своемъ родѣ». «Трудно въ такомъ тѣсномъ очеркѣ, въ такомъ ограниченномъ и, такъ сказать, одинокомъ дѣйствіи болѣе выказать сердце человѣческое, переворотить его на всѣ стороны, выворотить до дна и обнажить наголо во всей жалости и во всемъ ужасѣ холодной истины. Авторъ не прибѣгаетъ къ драматическимъ пружинамъ, къ многосложнымъ дѣйствіямъ, къ симъ вспомогательнымъ пособіямъ театральнаго или романическаго міра. Въ драмѣ его не видишь ни машиниста, ни декоратора. Вся драма въ человѣкѣ, все искусство въ истинѣ. Онъ только указываетъ, едва обозначаетъ поступки, движенія своихъ дѣйствующихъ лицъ. Все, что̀ въ другомъ романѣ было бы, такъ сказать, содержаніемъ, какъ-то: приключенія, неожиданные переломы, однимъ словомъ, вся кукольная комедія романовъ, здѣсь оно рядъ указаній, заглавій. Но между тѣмъ во всѣхъ наблюденіяхъ автора такъ много истины, проницательности, сердцевѣдѣнія глубокаго, что, мало заботясь о внѣшней жизни, углубляешься во внутреннюю жизнь сердца. Охотно отказываешься отъ требованій на волненіе въ переворотахъ первой, на пестроту въ краскахъ, довольствуясь, что вслѣдъ за авторомъ изучаешь глухое, потаенное дѣйствіе силы, которую болѣе чувствуешь, нежели видишь». Бенжаменъ Констанъ не хотѣлъ произносить приговора своимъ героямъ, «оправдывать одну сторону, обвиняя другую». «Какъ въ тяжбахъ сомнительныхъ, спорахъ обоюдно-неправыхъ, онъ предоставилъ обоимъ поламъ, по юридическому выраженію, *вѣдаться формою суда*. А сей судъ есть трибуналъ нравственности верховной, которая обвиняетъ того и другого»... «Но въ семъ романѣ должно искать не одной любовной біографіи сердца: тутъ вся исторія его. По тому, что̀ видишь, угадать можно то, что̀ не показано. Авторъ такъ вѣрно обозначилъ намъ съ одной точки зрѣнія характеристическія черты Адольфа, что, примѣняя ихъ къ другимъ обстоятельствамъ, къ другому возрасту, мы легко выкладываемъ мысленно весь жребій его, на какую сцену дѣйствія ни былъ бы онъ кинутъ. Вслѣдствіе того, можно бы написать еще нѣсколько Адольфовъ въ разныхъ періодахъ и соображеніяхъ жизни, подобно портретамъ одного же лица въ разныхъ лѣтахъ и костюмахъ» [1]).

---

[1]) Статья „Отъ переводчика“, предпосланная переводу романа Бенжамена Констана „Адольфъ“ (Спб. 1831 г.).

«Не будь Байрона, не было бы поэмъ» его послѣдователей «въ ихъ настоящемъ видѣ». Британскій поэтъ «не отъ лѣни, не отъ неумѣнія не спаялъ отдѣльныхъ частей цѣлаго (въ своемъ созданіи), но, напротивъ, вслѣдствіе мысли свѣтлой и вѣрнаго понятія о характерѣ эпохи своей. Единство мѣста и времени, спорная статья между классическими и романтическими драматургами, можетъ отвѣчать непрерывающемуся единству дѣйствія въ эпическомъ или въ повѣствовательномъ родѣ. Нужны ли воображенію и чувству, законнымъ судіямъ поэтическаго творенія, математическое послѣдствіе и прямолинейная выставка въ предметахъ, подлежащихъ ихъ зрѣнію? Нужно ли, чтобы мысли номерованныя слѣдовали предъ ними одна за другою, по очереди непрерывной, для сложенія итога полнаго и безошибочнаго? Кажется, довольно отмѣчать тысячи и сотни, а единицы подразумѣваются. Путешественникъ, любуясь съ высоты окрестною картиной, минуетъ низменные промежутки и объемлетъ однѣ живописныя выпуклости зрѣлища, предъ нимъ разбитаго. Живописецъ, изображая оную картину на холстѣ, слѣдуетъ тому же закону, и, повинуясь дѣйствіямъ перспективы, переноситъ въ свой списокъ одно то, что выдается изъ общей массы. Байронъ слѣдовалъ этому соображенію въ повѣсти своей. Изъ міра физическаго переходя въ міръ нравственный, онъ подвелъ къ этому правилу и другое. Байронъ, болѣе всѣхъ другихъ въ сочувствіи съ эпохою своею, не могъ не отразить въ твореніяхъ своихъ и этой значительной примѣты. Нельзя не согласиться, что въ историческомъ отношеніи не успѣли бы мы пережить то, что пережили на своемъ вѣку, если происшествія современныя развивались бы постепенно, какъ прежде, обтекая заведенный кругъ стараго циферблата: нынѣ и стрѣлка времени какъ-то перескакиваетъ минуты и считаетъ одними часами. Въ классической старинѣ войска осаждали городокъ десять лѣтъ, и пѣснопѣвцы въ поэмахъ своихъ вели поденно военный журналъ осады и дѣяній каждаго воина въ особенности; въ новѣйшей эпохѣ, романтической, минуютъ крѣпости на военной дорогѣ и прямо спѣшатъ къ развязкѣ, къ результату войны; а поэты, и того лучше: уже не поютъ ни осады, ни взятія городовъ. Вотъ одна изъ характеристическихъ примѣтъ нашего времени: стремленіе къ заключеніямъ... Мы вѣримъ на слово автору, что герой его или героиня ѣдятъ и пьютъ, какъ и мы грѣшные, и требуемъ отъ него, чтобы онъ намъ выказывалъ ихъ только въ рѣшительныя минуты, а впрочемъ не хотимъ вмѣшиваться

ъ домашнія дѣла. Между тѣмъ замѣтимъ, что уже и въ стаину Депрео, хотя Магометъ классицизма, но не менѣе того проокъ въ своемъ дѣлѣ, чувствовалъ выгоду такихъ скачковъ и оворилъ, что Лабрюеръ, свергнувъ иго переходовъ, освободился тъ одной изъ величайшихъ трудностей въ искусствѣ писать» [1]).

Романтическая поэзія занимала князя Вяземскаго, помимо проуждаемыхъ ею теоретическихъ соображеній, еще проводимыми ъ ней идеями и ярко очерченнымъ типомъ разочарованнаго недачника. «Характеръ Адольфа», писалъ онъ: «вѣрный отпечаокъ времени своего. Онъ прототипъ Чайльдъ Гарольда и многочисленныхъ его потомковъ... Говоря о жизни своей, Адольфъ огъ бы сказать справедливо: день мой—вѣкъ мой. Всѣ свойства го, хорошія и худыя, отливки совершенно современные. Онъ влюился, соблазнилъ, соскучился, страдалъ и мучилъ, былъ жертвою тираномъ, самоотверженцемъ и эгоистомъ, все не такъ, какъ ъ старину, когда общество движимо было какимъ-то совокупымъ, взаимнымъ эгоизмомъ, въ который сливались эгоизмы частые». Въ прежніе годы Адольфъ былъ бы непонятенъ: онъ могъ ли отречься отъ своихъ обязанностей, или повергнуть все къ огамъ женщины; «но, отлюбивъ однажды, не могъ бы и не олженъ онъ былъ приковать себя къ роковой необходимости». Нравственный недугъ, которымъ онъ одержимъ и погибаетъ, е могъ бы укорениться въ атмосферѣ прежняго общества. Тогда огли развиваться острыя болѣзни сердца; нынѣ же пора хроническихъ: самое выраженіе *недугъ сердца* есть потребность и наодка нашего времени. Нигдѣ не было выставлено такъ живо, акъ въ сей повѣсти, что жестокосердіе есть неминуемое слѣдгвіе малодушія, когда оно раздражено обстоятельствами или внуреннею борьбою; что есть надъ общежитіемъ какое-то тайное Іровидѣніе, которое допускаетъ уклоненія отъ законовъ, непреожно имъ поставленныхъ; но рано или поздно постигаетъ ихъ арою правосудія своего; что чувства—ничего безъ правилъ; что сли чувства могутъ быть благими вдохновеніями, то одни правила должны быть надежными руководителями; что человѣкъ, въ азногласіи съ обязанностями своими, живая *аномалія*, или выюдокъ въ системѣ общественной, которой онъ принадлежитъ: будь онъ даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и превосходнѣе ея: ю всегда будетъ не только несчастливъ, но и виноватъ, когда

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 10: „Цыганы", поэма А. С. Пушкина.

*

не подчинитъ себя общимъ условіямъ и не признаетъ власти большинства» [1]).

«Британскій поэтъ» такъ же, какъ Бенжаменъ Констанъ, «не воображенію обязанъ характеромъ, приданнымъ его героямъ. Не входя въ изслѣдованіе мнѣнія почти общаго, что Байронъ себя описывалъ въ изображеніи Child-Harold, утвердить можно, что подобныя лица часто встрѣчаются взору наблюдателя въ нынѣшнемъ положеніи общества. Преизбытокъ силы, жизни внутренней, которая въ честолюбивыхъ потребностяхъ своихъ не можетъ удовольствоваться уступками внѣшней жизни, щедрой для однихъ умѣренныхъ желаній такъ называемаго благоразумія: необходимыя послѣдствія подобной распри: волненіе безъ цѣли, дѣятельность, пожирающая, неприкладываемая къ существенному: упованія, никогда не совершаемыя и вѣчно возникающія съ новымъ стремленіемъ—должны неминуемо посѣять въ душѣ тотъ неистребимый зародышъ скуки, приторности, пресыщенія, которыя знаменуютъ характеръ Child-Harold, Кавказскаго плѣнника и имъ подобныхъ» [2]).

VI.

Пылкій и неуравновѣшенный умъ, упорное стремленіе отстоять свои идеи, обширная, но несистематическая начитанность проявились въ статьяхъ Марлинскаго о «Клятвѣ при гробѣ Господнемъ» этихъ страстныхъ апологіяхъ романтизма [3]). Широкій размахъ нѣкоторая стихійность, которые такъ и сквозятъ въ каждомъ словѣ критика, придаютъ особый отпечатокъ его разсужденіямъ несомнѣнно увлекавшимъ современниковъ. Установить опредѣленіе романтизма, показать его судьбы въ исторіи—цѣль, которую намѣтилъ Марлинскій.

Переводы со всѣхъ возможныхъ языковъ надоѣли землякамъ, писалъ онъ. «Разсѣянный ропотъ слился въ общій крикъ: «прозы, прозы», такъ какъ, при всей многочисленности романовъ, мы бѣдны, едва ль не нищи оригинальными произведеніями сего рода». «Исторія сдѣлалась страстью Европы» и русскаго общества. Кромѣ исторіи ухватились и за мораль. «Мы живемъ въ

---

[1]) Статья „Отъ переводчика", предпосланная „Адольфу".

[2]) *Сынъ Отечества*, 1822, ч. 82: О „Кавказскомъ плѣнникѣ", повѣсти А. Пушкина.

[3]) *Московскій Телеграфъ*, 1833, №№ 15—18.

ѣкѣ романтизма», который не «мода» и не «причуда», а «потребность» эпохи, «жажда ума народнаго» и представляетъ собою ѣчто новое. Кромѣ того, «мы живемъ въ вѣкѣ историческомъ». Теперь исторія не въ одномъ дѣлѣ, но и въ памяти, въ умѣ, а сердцѣ у народовъ». «Вотъ ключъ двойственнаго направленія овременной словесности: романтическо-историческаго». «Надобно казать однажды навсегда, что подъ именемъ романтизма» разуѣется «стремленіе безконечнаго духа человѣческаго выразиться ъ конечныхъ формахъ»; а потому «онъ считается ровесникомъ ушѣ человѣческой»... «По духу и сущности, есть только двѣ итературы: это литература до христіанства и литература со времени христіанства». Первая можетъ быть названа литературой *удьбы*, вторая—литературой *воли*. «Въ первой преобладали чувства вещественные образы; во второй царствуетъ душа, побѣждаютъ ысли. Первая—лобное мѣсто, гдѣ рокъ палачъ, а человѣкъ жертва: горая—поле битвы, на коемъ сражаются страсти съ волею, надъ имъ порой мелькаетъ тѣнь руки Провидѣнія. Ничтожныя случайности дали древней литературѣ имя классической, а новой—ия романтической»....

Начиная съ «яицъ Леды», съ «первобытной словесности», Марнскій указываетъ сначала на *гимнъ*, какъ на первоначальную оэзію, и ссылается въ этомъ случаѣ на авторитетъ Виктора Гюго. о онъ оспариваетъ это мнѣніе, какъ «ни на чемъ не основанное»: еззащитный человѣкъ не могъ въ борьбѣ съ суровой внѣшней природой изливаться въ соловьиныхъ пѣсняхъ. «Первобытная поэзія ародовъ непремѣнно зависитъ отъ климата». Въ знойныхъ и полярныхъ странахъ это—поэзія заклинанія грозныхъ силъ; у араовъ—пѣснь самохваленія, у «гордаго народною славою» грека—имнъ благодарности и торжества; въ Египтѣ и Индіи—молитва. Індія—колыбель рода человѣческаго и литературы: въ ней природа мать и мачеха въ одно время, и ея обитатели, съ сильно развитымъ воображеніемъ, молятся злымъ и хорошимъ богамъ. Но і въ ея литературѣ (Магабхарата и Рамайана) можно замѣтить попытку души вырваться изъ тѣсныхъ цѣпей тѣла», «изъ плѣна природы» и «пожить съ фантастическими существами». У персовъ мягчается «неумолимый фатализмъ Индіи».

«Вторая несомнѣнная степень поэзіи есть эпопея, т. е. народныя преданія о старинѣ, одѣтыя въ шумиху басни. Да, исторія всѣхъ племенъ всегда начинается баснею, точно такъ же, какъ исторія всѣхъ народовъ должна заключиться нагою лѣтописью, если вѣ-

рить, что родъ человѣческій совершенствуется». «Грецію избрало, кажется, Провидѣніе проявить мысль, до какой высоты изящества доступенъ былъ древній міръ, средою коего она была». Это сказалось въ наукахъ и художествахъ. «Грекъ пѣлъ природу и битвы, и выраженіе ихъ у него было въ совершенномъ соотвѣтствіи съ предметомъ». «Никто лучше не выражалъ чувственной природы», и «въ произведеніяхъ искусствъ мы находимъ идеалъ вещественно прекраснаго». «Въ драмахъ, въ одахъ сверкаютъ уже мысли, замѣтно уже стремленіе къ высокой, но неясной цѣли». «Впослѣдствіи философы высказали то, о чемъ намекали поэты. Романтизмъ оперялся понемногу; однако сколько вѣковъ протекло между Омиромъ и Платономъ». Эпопеи Гомера, «ставъ образцомъ тысячи другихъ эпопей», утратили свою свѣжесть. Каждый народъ имѣлъ *свой* возрастъ юношества, и потому «такъ неудачны были всѣ попытки, во времена разума, создать или повторить народную эпопею»...

Когда утрачена вѣра въ сказки, создается драма. Она беретъ какое-нибудь частное историческое событіе, переливаетъ въ огромную форму, «выхватываетъ изъ толпы царей нѣсколько лицъ», «путаетъ ихъ въ невидимыя цѣпи судьбы», «бросаетъ имъ молнію роковыхъ страстей въ грудь»... Трагедія Эсхила, Софокла, Эврипида, для большей свободы, выбираетъ героевъ, «удаленныхъ во мракѣ старины», и «всегда выводитъ на сцену царствованія злосчастія, какъ будто человѣкъ не имѣлъ въ себѣ достаточно величія». «Не такъ понималъ природу Шекспиръ, Шиллеръ, В. Гюго, и менѣе ль занимателенъ ихъ падшій ангелъ-человѣкъ, ихъ человѣкъ-мѣщанинъ, родня боговъ-атридовъ»... Комедія изображала народъ въ домашнемъ быту, но среди толковъ, «какъ разбить Ксеркса или Югурту». Она имѣла у грековъ и римлянъ цѣль политическую.

«Наконецъ, за драмою возникаетъ романъ», «который есть не что иное, какъ поэма и драма, лиризмъ и философія, и вся поэзія въ тысячѣ граней своихъ, весь свой вѣкъ на обѣ корки. Древніе не знали романа, ибо онъ есть разложеніе души, исторія сердца, а имъ некогда было заниматься подобнымъ анализомъ: они такъ были заняты физическою и политическою дѣятельностью, что нравственныя отвлеченности мало имѣли у нихъ мѣста»... «Между тѣмъ, важный переломъ міра вещественнаго отъ міра духовнаго тихо готовился въ Элладѣ и въ Римѣ, уже источенныхъ пороками». «Древній міръ палъ»...

Но долго потомъ, «въ поэзіи, въ художествахъ, въ обычаяхъ отзывались повѣрья язычества, равно готическаго и эллинскаго». «Фонарь исторіи» раскрываетъ «слѣдующій путь, по которому романтизмъ вторгся въ Европу». Палъ Римъ; не лучше его была и Византія, гдѣ процвѣтали схоластика, «надутая лесть», «богословскія сплетни». Вся жизнь «сосредоточилась на Западѣ», гдѣ «за развалины власти римской бились кочевые народы»: завоеватели раздѣлили землю побѣжденныхъ, Европа обросла феодальными замками, распространилась христіанская вѣра, возникло сословіе духовенства... Это былъ поэтическій «вѣкъ набожности и любви, рыцарства и разбоевъ»: процвѣтали аббатства, охоты, турниры, войны бароновъ, распѣвали свои пѣсни бродячіе пѣвцы... «Христіанство вывело женщинъ изъ-за рѣшетокъ», «рыцарство возвысило ихъ надъ собою», «обожало ихъ». Установлялись духовные ордена, «пролившіе мрачный мистицизмъ на поэзію». «Но всего болѣе на готическую литературу произвели впечатлѣніе вторженіе норманновъ во Францію, мавровъ — въ Испанію, и Крестовые походы»: «мысленность сѣвера въ соединеніи съ остроуміемъ и живостью» французовъ образовали англійскую литературу, произвели юморъ; появилась «восточная роскошь выраженій», «новость стиля въ архитектурѣ», а подвиги, совершенные для защиты гроба Господня, были «радугой Индустана, блеснувшей въ облакахъ Европы»... «Крестовые походы дали средство усилиться королямъ во время отсутствія непослушныхъ бароновъ»; «единовластіе и соединеніе бывали всегда благодѣтельны въ годы междоусобій», но они «пресытили духовенство окладами, возгордили его властію»: развратъ и богатство его пробудили чувство нетерпѣнія—«это было предтечею лютеранства». «Изъ тяжкихъ походовъ» вытекала вѣротерпимость; науки, благодаря имъ, «раздвинулись опытнымъ познаніемъ свѣта», «словесность разбогатѣла восточными сказками», гдѣ «простолюдины стали играть роли наравнѣ съ визирями и ханами»: народъ обратилъ на себя вниманіе. Европейскіе простолюдины имѣли свои обычаи... До насъ дошло мало старинныхъ пѣсенъ черни, но можно угадать простонародное происхожденіе многихъ вычурныхъ балладъ пѣвцовъ: «сказки fac-simile ума» древности, «бездонный рудникъ родной поэзіи»... Въ эту пору возникаетъ мѣщанство, или буржуазія, ибо купцы и ремесленники покупали право суда и расправы у владѣльца; появились города съ неограниченнымъ правленіемъ—настало время *третьяго сословія*. Это сословіе «дало жизнь писателямъ всякаго

рода», воспитавшимъ въ своей кастѣ и сохранившимъ въ своихъ сочиненіяхъ какую-то насмѣшливую досаду на вельможъ и дворянъ». Изобрѣтеніе пороха, грозившее опасностью со стороны вассаловъ, и книгопечатаніе, указавшее невѣжество дворянъ, добили послѣднихъ. Войны протестантовъ обнаружили духовность христіанской религіи: переведенныя книги Священнаго Писанія стали знакомы народу. Міръ Библіи ожилъ у Рафаэля и Мильтона. Реформаты отвергли католичество, впавшее въ вещественность. Сбрасывается классицизмъ, какъ «истлѣвшая одежда мертвеца», въ которую хотѣли нарядить насильно. «Для живыхъ надо живое».

Въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ видѣли въ произведеніяхъ древности—идеалъ изящнаго: подражали грекамъ и, особенно римлянамъ. Но и тогда «даровитые умы» «пробивали новыя тропы въ области прекраснаго». Одна Франція «замуравила свой умъ въ гробовыя плиты классицизма», когда «Италія владѣла уже Дантомъ», въ Испаніи были Кальдеронъ и Камоэнсъ, въ Англіи—Шекспиръ. «Пускай бы еще изображали древній міръ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ; но его не знали и еще менѣе понимали». Французы нарумянили старушку—древность краснымъ красно, облѣпили ее мушками, затянули въ китовые усы, научили танцовать менуэтъ, присядать по смычку. Бѣдняжка запиналась на каждомъ шагу своими высокими каблучками, путалась въ хвостѣ платья». «Малютку—природу, которая имѣла неисправимое несчастье быть не дворянкою, по приговору академіи, выгнали за заставу, какъ потаскушку. А здравый смыслъ, точно бѣдный проситель, съ трепетомъ держался за ручку дверей, между тѣмъ какъ швейцаръ-классикъ павлинился передъ нимъ своею ливреею и преважно говорилъ ему: «приди завтра!». И какъ долго не пришло это завтра: а все оттого, что французы нашли Божій свѣтъ слишкомъ площаднымъ для себя, живой разговоръ слишкомъ простонароднымъ, и вздумали украшать природу, облагородить, установить языкъ,—и стали нелѣпы отъ излишняго умничанья. «Мороженыя, подкрашенныя страсти», «барабанные стихи вѣстника»—неудачны. «Кромѣ того, Аристотелева піитика, растолкованная по-свойски, хватала васъ за воротъ у входа и ревѣла: «три единства или смерть! признавайтесь: исповѣдуете ль вы три единства»? И жалкіе мудрецы «еще увѣряли, что вѣроятность соблюдена у нихъ строго». Но вотъ смерть Людовика «выпустила на волю умы»: «матеріализмъ закабалилъ философію». Вольтеръ, «льстецъ

и насмѣшникъ», «скептикъ и остроумецъ», «научилъ вольнодумство наѣзднической стрѣльбѣ»; называемый, вмѣсто «жалкаго болтуна», «величайшимъ философомъ», онъ «не опередилъ вѣка»: копировалъ древнюю эпопею въ «Генріадѣ», смѣялся надъ мужикомъ Шекспиромъ и «набожно вѣрилъ въ преданія французскаго театра»... Но романтизмъ «имѣлъ представителя и въ эту пору вещественности»—то былъ Руссо.

До него «за утопіей рылись въ землѣ, а не въ небѣ». «Напротивъ, блестящій сонъ, увлекательный парадоксъ Руссо отвергъ не только всѣ обычаи общества, но извратилъ и самую природу человѣка, создалъ своего человѣка, выдумалъ свое общество. Правда, подобно Платону, онъ заблудился въ облакахъ: онъ не достигъ *истины—главнаго условія поэзіи*; но онъ искалъ ея, онъ первый, хотя и въ бреду, сказалъ, что міръ можетъ быть улучшенъ иначе, какъ есть, иначе, какъ было. Донъ Кихотъ утопіи, онъ ошибся въ приложеніи: но начала его были вѣрны. Поэтъ безъ риѳмъ, мыслитель безъ педантства, онъ составилъ звено между матеріализмомъ вѣка и духовностью вѣковъ», и его не оцѣнили...

Въ томъ же столѣтіи, въ Германіи, «исторія, философія, критика» «раздвинули умъ человѣка пытливостью воображенія», словесность «закипѣла»—блеснулъ геній Гете, собравъ всѣ лучи просвѣщенія своего отечества. Но въ немъ не было патріотизма, онъ разсматривалъ и анатомировалъ душу отдѣльно отъ народной жизни. Геній же Шиллера усвоилъ нѣмецкой поэзіи романтизмъ Шекспировъ... Потомъ, изъ всемірности Германія ударилась въ частности: затянула съ Уландомъ про *что-то* и заиграла на гудкѣ сельскую пѣсню.

Время шло впередъ... «Континентальная система, запиравшая Европу отъ Англіи, рухнула вмѣстѣ съ Наполеономъ и въ литературномъ отношеніи. По закону равновѣсія гидростатики, англійская и нѣмецкая мысленность пролились во Францію, какъ скоро опалъ вихорь, мѣшавшій имъ прійти въ уровень. Бурунъ отъ этого тройственнаго боренія былъ страшный, потому что подъ именемъ романтизма и классицизма тамъ сражались политическія и религіозныя партіи. Сила, соединенная съ убѣжденіемъ, рѣшила бой тамъ; въ этомъ наше дѣло сторона; но забудемъ ли, что мадамъ Сталь первая ввела въ гостиную Франціи германскую музу, а Вальтеръ Скоттъ заманилъ французовъ въ знакомство съ Шекспиромъ, разлакомилъ ихъ досказками къ исторіи и

внушилъ Баранту его романическую лѣтопись. Однимъ словомъ и наконецъ, Вальтеръ Скоттъ рѣшилъ наклонность вѣка къ историческимъ подробностямъ, создалъ историческій романъ, который сталъ теперь потребностью всего читающаго міра, отъ стѣнъ Москвы до Вашингтона, отъ кабинета вельможи до прилавка мелочного торгаша». Геній англійскаго писателя «угадалъ домашній бытъ и вседневный умъ рыцарскихъ временъ»... Вальтеръ Скоттъ «спрыснулъ ихъ живой водой своего воображенія, дунулъ имъ въ ноздри, сказалъ: живите»—и они ожили съ румянцемъ жизни на щекахъ, съ біеніемъ дѣйствительности въ груди». «Онъ не романтикъ по предмету, но романтикъ по изложенію, по формамъ, по стерновскому духу анализа всѣхъ движеній души, всѣхъ поступковъ воли».

Такова исторія европейскаго литературно-общественнаго движенія, непохожаго на умственное движеніе въ Россіи, которая примкнула къ жизни болѣе культурныхъ странъ, начиная съ восемнадцатаго вѣка [1]). «Матеріальная Европа хлынула въ нашу родину, когда Петръ Великій сломалъ стѣну, ихъ дѣлившую». Но эпохѣ Петра некогда было заниматься словесностью: ея поэзія проявлялась въ подвигахъ, не въ словахъ». «При Елисаветѣ французскіе нравы смѣнили обычаи Бирона—русскій баринъ не остался и тутъ позади, такъ что въ царствованіе Екатерины смѣшеніе языковъ гасконскаго съ нижегородскимъ не было уже дикою дикою». «Съ тѣхъ поръ французская литература завалила матушку Русь своими обломками и своими потомками». У насъ распространились также, кромѣ Адонисовъ, Оронтовъ, Селименъ, гибельныя для юношества гравюры и книги. «И не одна мода была причиною пристрастія русскихъ къ французскому, но и «потребность». Своего еще не было, англійское и нѣмецкое было невѣдомо, древность пѣла Лазаря, Тредьяковскій отпугнулъ всѣхъ гекзаметра хвалимаго Ломоносова не читали... И вотъ «Скюдери обновился для насъ въ Ѳедорѣ Эмилѣ, Реньяръ назвался Княжнинымъ, трагедія завыла Сумароковымъ, эпопея отпѣла себя въ Херасковѣ». Тогда явился Державинъ. «Философъ-поэтъ, онъ *первый по-*

[1]) Марлинскій, подобно многимъ современникамъ, начинаетъ обзоръ словесности съ восемнадцатаго вѣка; въ видѣ исключенія онъ останавливается немного на древней письменности и отъ „Слова о полку Игоревѣ“ непосредственно переходитъ ко временамъ Ѳеофана Прокоповича и Кантемира, минуя промежуточныя столѣтія. Ср. *Полярную Звѣзду на* 1823 годъ.

жилъ камень русскаго романтизма не только по духу, но и по дерзости образовъ, по новости формъ... Его восторгъ сплавленъ всегда съ грустною мечтательностью». Державина любили какъ тайнаго совѣтника, читали, но не понимали: самая *народность* его ускользнула отъ близорукихъ современниковъ. Затѣмъ слѣдовали Богдановичъ, Фонвизинъ съ типами провинціаловъ, Дмитріевъ съ легкимъ стихомъ, наконецъ образователь нашей прозы Карамзинъ, который «внушилъ русскимъ романтическую мечтательность и заставилъ ихъ полюбить родную исторію». Коцебу и Жанлисъ стали вводить ложную чувствительность... «Бѣдная Лиза» и «Путешествіе» (sic), въ которомъ Карамзинъ «такъ неумѣло подражалъ Стерну, вскружили всѣмъ головы». Одинъ Крыловъ только «обновлялъ повременно и умъ, и языкъ русскій во всей ихъ народности» [1])... Жуковскій пересадилъ романтизмъ на національную почву, но «пересадилъ только *одинъ цвѣтокъ его изъ необъятной природы*».

Въ это время выступилъ Пушкинъ, который, «заплативъ дань Лафару и Парни, раскланявшись съ Донъ-Жуаномъ, сбросилъ долой плащъ Байрона и въ послѣднихъ твореніяхъ явился гордъ и самобытенъ». И если Державинъ, изумивъ всѣхъ, подобно кометѣ «исчезъ въ пучинѣ воздуха безъ слѣда», два послѣдніе поэта были «двигателями нашей словесности». Расплодилась тьма пѣвцовъ Минваны и томности, развился гяуризмъ и донъ-жуанизмъ [2]), было произнесено слово «романтизмъ», и завязался бой защитниковъ новаго направленія съ классиками. «Одни задыхались подъ ржавыми латами, другіе не умѣли владѣть своимъ духовымъ ружьемъ», такъ какъ «старики не постигали древнихъ, молодежь толковала о новыхъ писателяхъ по-наслышкѣ». «Стыдно, грабо, упоминать, что писали тѣ и другіе въ обвиненіе другъ друга! Но молодежь между тѣмъ училась, кое-что вычитала». Время взяло свое и выручило романтизмъ—онъ побѣдилъ [3]).

---

[1]) Критикъ хорошо оцѣнилъ и „Горе отъ ума“, пророча ему свѣтлое будущее. См. *Полярную Звѣзду* на 1825-й годъ.

[2]) Есть упоминаніе также о Булгаринѣ и Загоскинѣ, которые были первыми авторами историческаго романа. Объ отношеніи Марлинскаго къ Н. А. Полевому см. нашъ очеркъ „Клятва при гробѣ Господнемъ“.

[3]) Въ заключеніе укажемъ, что Марлинскій отмѣчалъ слѣдующія отрицательныя стороны русской литературы: неудачное подражаніе, безличіе жизни и отсутствіе дѣльной критики. См. *Полярную Звѣзду* на 1824 и 1825-й годъ.

VII.

Есть писатели, по отзывчивости и воспріимчивости своей натуры всецѣло проникнутые вѣяніями эпохи, въ которую живутъ. Ихъ произведенія — чуткій барометръ, обозначающій малѣйшія уклоненія общественныхъ вкусовъ, симпатій и антипатій,—яркій показатель сложившагося міровоззрѣнія. Къ числу этихъ писателей принадлежитъ Николай Алексѣевичъ Полевой. Характеризуя его литературно-эстетическія воззрѣнія, можно какъ бы *подвести итогъ* критическимъ мнѣніямъ двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Тѣмъ интереснѣе знать, какъ смотрѣлъ онъ на составлявшую злобу дня — борьбу классиковъ съ романтиками и какой былъ у него взглядъ на поэта и художественное творчество.

По глубокому убѣжденію Полевого, только съ исторической точки зрѣнія можно выяснить и хотя немного освѣтить роковые литературные вопросы. «Среди тяжкихъ и великихъ движеній политическаго міра», писалъ онъ [1]): «человѣкъ увлекался идеями истины (науки) и идеями красоты (художества). Хотя сіи стремленія были отдѣльны, частны, но они не могли не быть въ то же время стихіями и общественнаго образованія, ибо каждый изъ насъ, будучи ученымъ, художникомъ, литераторомъ, въ то же время человѣкъ—слѣдственно принадлежитъ религіи и обществу». «Здѣсь явилось два измѣненія. Съ одной стороны, идеи истины и красоты начинались и зрѣли у каждаго народа отдѣльно; съ другой, увлекались народы стремленіемъ общимъ... Такимъ образомъ, въ послѣднемъ случаѣ явился порывъ возобновить и присвоить себѣ прешедшій міръ грековъ и римлянъ,—когда, въ то же время, каждый народъ развивалъ стихіи своего собственнаго образованія. Отсюда раздѣленіе классицизма и романтизма. То и другое было безотчетно; то и другое было подъ вліяніемъ религіи и политическаго образованія... Сперва обозримъ исторію классицизма».

«При дѣйствіи внѣшнихъ причинъ, одинаковомъ и для романтизма, сущность того, что́ впослѣдствіи названо классицизмомъ, была отлична. Въ самомъ основаніи мысль классицизма была лож-

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, №№ 1—3: „О романахъ Виктора Гюго и вообще о новѣйшихъ романахъ“.

и насильно, неестественно привитая къ новому порядку дѣлъ.
ца политическое волненіе общества позволило уму человѣче-
у заняться изящнымъ и философіею, люди естественно захо-
узнать, что́ прежде ихъ было дѣлано. Они нашли великія
енія грековъ и римлянъ, стали изучать ихъ и, восхищенные
думали, что надобно было только продолжать трудъ древ-
». Но они не замѣтили ни частнаго различія того, что́ они
и безъ разбора у древнихъ, ни несообразности сихъ пріо-
ченій съ своею религіею, политическимъ образованіемъ и сти-
и народности». «Одно слово «древніе» рѣшало для нихъ всѣ
ѣнія. Изумленный умъ ихъ безмолствовалъ и не смѣлъ раз-
цать. Несчастная мысль присоединилась еще къ этому. Когда
нія творенія были почтены *абсолютными образцами*, рѣши-
извлечь изъ нихъ *абсолютъ изящнаго*, захотѣли опредѣлить
систематически, привесть въ правила, раздробить аналитиче-
Отъ сего явилось школьное, риторское и ученое обезьянство,
ъ миѳологіи съ христіанствомъ, схоластическое опредѣленіе
каго и прекраснаго. Ссылались на Аристотеля, желая указать
ибо; призывали Феба и музъ въ христіанской эпопеѣ, ста-
трагедію на греческія ходули, и одѣвали въ римскую тогу
го героя; долго даже щеголяли презрѣніемъ народныхъ язы-
, какъ варварскихъ, и старались писать по-латыни, перени-
самый образъ латинскихъ выраженій у того или у другого
няго писателя». «Классики забыли, что изящное твореніе есть
одное явленіе духа каждаго человѣка, которое должно сообра-
ться только съ общностью рода творенія, но не подчиняться
безусловно, и что совершенство его опредѣляется силою во-
га и обширностью ума»; «стали математически разбирать
ное въ великихъ произведеніяхъ, составили уложеніе вкуса,
ному хотѣли заставить творить, и судили созданія». «Они
ли математически раздѣлить и самыя впечатлѣнія, и роды
цнаго. Комедія должна была непремѣнно смѣшить, трагедія—
ать, сатира—смѣяться, басня—заключать въ себѣ нравоучи-
ную мысль, идиллія—описывать пастуховъ. Вслѣдствіе сего
дѣлили не только формы каждаго рода, но даже предметы,
ъ должно касаться въ каждомъ родѣ, даже слова, которыя
но употреблять въ томъ или другомъ родѣ. Ничего не мо-
ъ быть забавнѣе раздѣленія слога на высокій, средній и низ-
и опредѣленій, что́ такое высокое, трогательное, страстное,
ное, и когда оно употребляется, гдѣ оно прилично и проч.,

и проч.». «Связавъ, такимъ образомъ, душу поэта, спутанные въ изысканномъ, ложномъ обществѣ своемъ тысячью мелкихъ обязанностей, приличій, условій, классики перенесли ограниченныя понятія о нравственныхъ приличіяхъ и на творенія изящныя. Давно замѣчено, что чѣмъ испорченнѣе нравы народа, тѣмъ скромнѣе языкъ его. Вѣтреный шалунъ открытъ, болтливъ; закоренѣлый развратникъ скрытенъ и молчаливъ. Такъ робка и неловка истинная любовь, свободна и мила прихоть сердца. Начали требовать, чтобы истина изящнаго была похожа на отдѣленную отъ абсолютной, условную истину; чтобы благое изящнаго выражалось опредѣленно и условно. Но это было невозможно, и, по ложной и частной системѣ нравоученія, поэзія сдѣлалась не поэтическимъ, не опредѣленнымъ опытомъ разгадать міръ и природу, но какимъ-то уголовнымъ и гражданскимъ судилищемъ ума и сердца; не изображеніемъ видимаго міра, гдѣ истина и добро не видны отдѣльно, но силлогизмомъ условныхъ понятій о добрѣ и истинѣ. Человѣкъ исчезъ: явились тираны и герои въ трагедіи, любовники и отцы въ комедіи, и непремѣнно надобно было тирану умереть, любовнику жениться, герою страдать и потомъ торжествовать, отцу говорить сентенціи, а шалуну исправляться. Вотъ піитика классицизма... Послѣ сочиненій германскихъ и новѣйшихъ французскихъ теоретиковъ, излишне было бы доказывать ложность основаній ограниченнаго вкуса классическаго и нелѣпость смѣшныхъ правилъ, имъ выведенныхъ. Можно замѣтить только одно: вся исторія классицизма есть доказательство, что умъ человѣческій или, слѣдуя правиламъ классическаго вкуса, творилъ пустяки и уродливости, или безпрестанно забывалъ сіи правила въ каждомъ почти твореніи, заслуживающемъ вниманія. Еще болѣе: едва ли можно сыскать истинно-изящное произведеніе, въ которомъ были бы вѣрно выполнены всѣ условія классическаго уложенія касательно вкуса и нравственности». Франція, руководительница Европы въ XVII вѣкѣ, способствовала развитію классицизма. «Всѣ идеи религіи, политики, философіи и искусствъ приняли ложную форму»... Но произошла революція, система монархіи была разрушена, а «зданіе французской учености и словесности» дало трещину и стало разваливаться. «Самовидцы и дѣятели прежняго, пережившіе дивную бурю, думали, что должно возстановить все въ прежнемъ видѣ. Но не такъ думало новое поколѣніе Франціи. Свободное отъ предразсудковъ, въ какихъ родились и жили отцы его», оно увидѣло ошибки послѣднихъ. «Въ

го же время, взоры его обратились на другіе народы и на собственную свою народность». «Открылось, что каждый народъ жилъ своею отдѣльною умственною жизнью, сообразно мѣстной природѣ и законамъ своей исторіи. Такъ неклассическая Испанія показала собой высочайшую степень, до которой религіозный и рыцарскій духъ и соперничество пришельцевъ съ Востока можетъ довести поэзію; Англія явила примѣръ независимой сѣверной народности, получившей отъ реформаціи, религіозной и политической, самобытную, дикую силу; Германія представила высшее стремленіе къ источникамъ философіи и образецъ глубокаго соединенія философіи съ поэзіею. Это заставило обратиться французовъ и къ другимъ народамъ; слѣдствія оказались одинакія; богатства поэзіи восточной, мужество горящей во льдахъ поэзіи Сѣвера изумили наблюдателей. Узнали, наконецъ, что удивляющіе величіемъ образцы происходили оттого, что *истина и поэзія извлечены были изъ свободнаго созерцанія природы и самобытнаго развитія духа каждаго народа*». «Робко рѣшилось новое французское поколѣніе представить свои открытія суду старыхъ классиковъ. Гордые офиціальными титулами на славу, не только отвергли они съ негодованіемъ мысль о нововведеніяхъ, но предали даже литературному проклятію новое ученіе». Къ несчастію, при самомъ началѣ, классицизмъ соединили съ идеями о прежнемъ порядкѣ политическомъ. Естественно было романтизму перейти къ порядку новыхъ политическихъ идей». Разгорѣлась война... Романтизмъ «подвергся гоненію и преслѣдованію», былъ признанъ «преходящимъ порывомъ моды», литературной анархіей, обвиненъ въ безвкусіи и безнравственности. «Противопоставляя авторитетъ авторитету», молодые писатели «перевели и показали своимъ противникамъ великія созданія англичанъ, нѣмцевъ, испанцевъ, Сѣвера и Востока»; «доказали, что только ложное пристрастіе заставляло прежде не признавать достоинства чужеземныхъ образцовъ»; «вникнули въ теорію наукъ, искусствъ и художествъ, освѣтили ихъ пламенникомъ истинной философіи и обнаружили ложность и зыбкость основаній классицизма». Голосъ публики значилъ правоту дѣла и отозвался рѣшительно за романтиковъ... Нельзя не сознаться, что «жестокое сопротивленіе классиковъ произвело излишнее ожесточеніе романтиковъ. Они не всегда были суть справедливы въ своихъ нападеніяхъ: стараніе уклониться отъ *всего прежняго* заводило и заводитъ ихъ въ другую крайность. Но во всемъ этомъ едва ли они сами виноваты». Оправдаться же

отъ взводимыхъ на нихъ классиками обвиненій—не трудно. Романтизмъ—не анархія и не прихоть публики, а насталъ моментъ «смѣны стараго новымъ», «перемѣнился весь міръ мышленія и знанія во Франціи», «вслѣдствіе чего преобразилось все въ литературѣ». «Прошедши черезъ властолюбіе гордаго Людовика XIV, черезъ волненія революціи, черезъ деспотизмъ Наполеона, французская публика видѣла властолюбіе классицизма въ Расинахъ и Бюффонахъ, революцію въ матеріализмѣ и своеволіи XVIII вѣка, деспотизмъ въ упрямомъ классицизмѣ своемъ, и сознаетъ нынѣшній романтизмъ именно тою стихіею, которая удовлетворяетъ опыту ума, умозрѣнію сердца, если можно такъ сказать, и всѣмъ потребностямъ новаго общественнаго образованія. Если же назовемъ это анархіею, то какъ не видать намъ, что не нынче только началась сія мнимая анархія: нѣтъ! Вольтеръ, обкрадывавшій Шекспира и Мильтона, Летурнеръ, восхищавшій французовъ передѣлкою Оссіана, Дидеро съ своею драмою, Монтескье съ новыми идеями своими въ исторіи, наконецъ Бомарше, заставлявшій хохотать парижанъ, Скрибъ, писатель всемірныхъ водевилей — все это были литературные анархисты, ломавшіе треножникъ классицизма. Въ наше время только вооружились противъ него дружно, разогнали защитниковъ его, систематически и нагло ободрали съ него полинялый бархатъ, изломали всѣ тяжелыя его украшенія. Но это совсѣмъ не анархія, не мгновенная тревога: это—правильная война прежняго съ новымъ, долголѣтній раздоръ, конченный побѣдою, которую оправдываетъ исторія человѣчества и теорія философическая. Публика должна была оправдать такую войну своимъ согласіемъ, и это согласіе должно быть долговѣчно». Нельзя же спорить противъ «драгоцѣнныхъ находокъ», принесенныхъ ей новыми литераторами и учеными. «Могла ли, напримѣръ, публика не видѣть разницы нынѣшнихъ французскихъ переводовъ Шекспира, Гете, Шиллера, Альфіери, Вико, Крейцера, Геерена, Кальдерона, Сервантеса, Гердера отъ того, что̀ переводили до нея прежде? Могла ли она не оцѣнить нынѣшнихъ свѣдѣній о Востокѣ въ сравненіи со старыми бреднями о семъ предметѣ? Могла ли она не замѣтить свѣтлой, глубокой критики прежнихъ издателей газеты *Le Globe* или журнала *Revue française* и старыхъ сужденій Лагарпа, Мармонтеля и даже остроумныхъ Дюссо, Гофмана, Релеца? Новая Франція создала много новаго, что бы ни говорили ея противники... Большой прогрессъ сдѣлала философія въ лицѣ «глубокомысленныхъ мистиковъ»: Ламенне, Экштейна,—

практической школы: Дюгальда, Стюарта и Роайе-Коллара, и школы сенсимонистовъ, наконецъ, въ эклектизмѣ Кузена и его учениковъ. «Какъ не видѣть разницы между философіей прежней, схоластической и матеріальной», и этой новой, которая «основывается на религіи» и «преклоняетъ колѣна свои предъ алтаремъ Вездѣсущаго»! Въ области исторіи прославились Тьерри, Барантъ, Минье, Гизо, Вильменъ, Мишле, Кине; кромѣ того, не менѣе замѣчательны: Тьеръ, Дюлоръ, Сегюръ, Пишо. «Оставивъ въ сторонѣ политическое краснорѣчіе, изученіе древностей, литературъ греческой и римской и знаній точныхъ», нельзя не обратить вниманія на словесность. «Замѣтимъ прежде всего и здѣсь много-и-удобопріемлимость, съ какою умъ французовъ отвсюду собираетъ произведенія литературныя: Китай и Англія, Индія и Германія, Аравія и Испанія, Африка и Италія, Россія и Сѣверная Америка—все платитъ дань труду и непонятной дѣятельности французовъ. Быстрота литературныхъ сношеній, количество разнородныхъ и разнонародныхъ произведеній истинно изумительны. Но, что́ означено вѣковою печатью изъ собственныхъ произведеній словесности нынѣшней Франціи? — спросятъ классики. Гдѣ эпопея, драма, лирика? Мы спросимъ ихъ, въ свой чередъ: гдѣ эпопея, гдѣ драма классическая? гдѣ лирика? что́ сдѣлали классики? *гдѣ преемники Расина и Лафонтена?* Не Мальво ли? Не Жуи ли? Не Арно ли? Не Дарю ли? Въ пятнадцать лѣтъ, когда надобно еще было очищать поле для торжества словесности,—поле, занятое непріятелемъ многочисленнымъ и упорнымъ, трудно было созидать вѣковое. Но пусть сообразятъ, давно ли началъ, чѣмъ началъ романтизмъ, что́ теперь дѣлаетъ и что́ успѣлъ уже создать, и тогда только самое упрямое ослѣпленіе откажетъ ему въ дани удивленія и хвалы». «Въ драмѣ, онъ нашелъ уже языкъ истинный, и въ опытахъ Вите, Мериме, Диттмера и Каве показалъ свои исполинскія силы; въ лирикѣ — пѣсенникъ Беранже, мечтатель Ламартинъ, смѣлый Делавинь, философъ А. де-Виньи, пламенный В. Гюго,—люди, явно отличенные вдохновеніемъ, и мы не знаемъ, какого Ж. Б. Руссо, какого Лебреня вытащитъ классицизмъ на состязаніе съ ними». «Прибавимъ, что эта литературная реформа развивается полно, стройно, величественно и объемлетъ всѣ части знаній человѣческихъ. Критика идетъ рядомъ съ философіей, теорія съ анализомъ, разработка внутреннихъ матеріаловъ съ пріобрѣтеніями внѣшнихъ»... Новѣйшая поэзія не можетъ быть обвинена въ безнравственности, если по-

нимать послѣднюю не «въ томъ близорукомъ объемѣ, какого требуетъ классицизмъ». «*Изящное есть прямая цѣль созданій изящныхъ. Не силлогизма нравственнаго ищемъ мы въ немъ. Если поэтъ будетъ изященъ и истиненъ, то благо, или нравственность непремѣнно освѣтитъ его твореніе. Но для этого онъ долженъ изобразить намъ человѣка вполнѣ, вѣрно, и если его созданіе будетъ таково, то оно будетъ изящно; а тогда истина и благо отразятся на его твореніи.* Они будутъ неопредѣленны, но глубоко проникнутъ душу зрителя или читателя». Новѣйшая поэзія не страдаетъ и безвкусіемъ, что́ можно вывести изъ подробной характеристики нынѣшняго литературнаго направленія, вполнѣ отвѣчающаго требованіямъ стараго вкуса. «Составленный стремленіемъ проявить творящую самобытность души человѣческой», романтизмъ «образовывался не только отдѣльно каждымъ народомъ, но даже отдѣльно каждымъ великимъ писателемъ. Мы не можемъ сказать, чтобы *современный намъ романтизмъ* былъ французскій, нѣмецкій, англійскій, испанскій: онъ — многообразенъ, всеміренъ, всеобъемлющъ; сообразуется съ истиною каждой формы; облекается же въ формы по времени, духу, мѣстности народа, въ которомъ явился тотъ или другой романтикъ: содержаніе его находится въ организаціи времени, общества и писателя. А потому, романтизмъ отвергаетъ всѣ классическія условія и формы, смѣшиваетъ драму съ романомъ, трагедію съ комедіею, исторію съ поэзіею, дѣлитъ творенія, какъ ему угодно, и свободно создаетъ по неизмѣннымъ законамъ духа человѣческаго». «Да не подумаетъ кто-либо, что романтизмъ есть послѣ сего рѣшительный безпорядокъ и безначаліе. Нѣтъ. Противоположный классицизму, отвергнувшій его ограниченный кругозоръ и сбросившій цѣпи его условій, романтизмъ гораздо правильнѣе классицизма, и *требуетъ системы болѣе и строже*». «Первое условіе его: *истина изображеній.* Вслѣдствіе сего романтизму потребны глубокое познаніе человѣка въ мірѣ дѣйствительномъ и высокая философія и всемірность въ мірѣ фантазіи. Посему-то романтизмъ такъ сильно дорожитъ *народностью*, и прощаетъ всѣ неровности высокихъ созданій Гофмана, Жанъ-Поля, Гете, Данта; посему-то не пугается онъ наготою истины въ изображеніяхъ Брокенскаго шабаша вѣдьмъ и буйныхъ пирушекъ Фальстафа, не смѣется надъ гиперболами араба, скандинава, индійца. Все это для него суть дополненія къ великому знанію природы и человѣка». «Оставивъ условныя

формы и выраженія классической трагедіи, комедіи, поэмы, классическаго романа, онъ *предписываетъ условій гораздо болѣе*: позволяетъ свободу въ родахъ и видахъ твореній, но *требуетъ глубины и полноты въ томъ, что́ писатель берется изобразить.* Отсюда происходитъ то благоговѣніе, съ которымъ романтизмъ въ одно время и одинаково смотритъ на творенія простонародныя и на созданія Шекспира, Байрона, Кальдерона». «Возьмите русскую простонародную пѣсню, германскую нибелунгу, скандинавскую сагу, арабскую моаллаку, итальянскую арлекинаду—словомъ, все то, что́ создаетъ народъ собственно, въ каждой странѣ. *Истина и полнота* бываютъ въ семъ случаѣ доведены до высочайшей степени: народъ, или тотъ, кто былъ его представителемъ, тутъ весь, вполнѣ, съ его жизнью, духомъ, умомъ, нравами, языкомъ». «Возьмите, съ другой стороны, трагедію Шекспира, поэму Байрона, мистерію Кальдерона, вспомните вѣкъ, въ которомъ творцы ихъ жили, положеніе, въ которомъ они находились, образъ воззрѣнія ихъ на міръ и человѣка, и вы совершенно удовлетворитесь истиною и полнотою Шекспирова «Отелло», Байронова «Каина», Кальдеронова «Послѣдняго поединка въ Испаніи». «Само собою разумѣется, что изъ сего уже *выводятся условія формъ, въ какія облекаются романтическія творенія, и если сіи формы удовлетворяютъ истинѣ и полнотѣ—мы ничего болѣе отъ нихъ не требуемъ. Въ романтизмѣ предметъ опредѣляетъ форму, а въ классицизмѣ форма опредѣляла предметъ*». «Прибавьте къ тому, что *степенью всеобщности, всемірности опредѣляется степень важности твореній.* Русская народная пѣсня станетъ послѣ сего въ надлежащемъ отношеніи къ Омировой «Иліадѣ», и Шекспировъ «Макбетъ» къ его «Ричарду III». «Вотъ всѣ основные законы, всѣ главныя положенія романтизма. Ими, по нашему мнѣнію, опредѣляется и будущая его исторія». «Романтизмъ никогда не приметъ характера *единообразно-общаго*, но, напротивъ, *разнообразіе самобытностей* доведетъ до высочайшей степени». «Онъ узнаетъ всѣ самыя мелкія черты различныхъ народностей, возсоздастъ прошедшее и оцѣнитъ все, ему современное, по условію мѣстности, философіи и исторіи. Онъ произведетъ великія творенія, проникнувъ до крайней степени познанія сердца человѣческаго и тайнъ природы, руководимый глубокою философіею и свободнымъ вдохновеніемъ». «*Въ наше время и думать еще нельзя о такихъ окончательныхъ дѣйствіяхъ романтизма.* Всѣ современныя намъ, наши,

такъ сказать, творенія необходимо должны носить на себѣ отпечатокъ волненія, неопредѣленности, какого-то разрушительнаго, дикаго порыва, который начнетъ утихать только послѣ совершенной побѣды. Почему Дантъ, Шекспиръ, Кальдеронъ не представляютъ намъ сего отпечатка въ своихъ твореніяхъ? Потому, что они создавали безъ борьбы духа, и удовлетворяли своими созданіями вѣкъ свой и самихъ себя. Байронъ, Гете, Шиллеръ не могли стать въ семъ отношеніи въ рядъ съ ними отъ противоположной причины»...

Анализъ романтическаго движенія указалъ на народность, какъ на коренное и важнѣйшее свойство современныхъ литературъ. Но что́ такое народность, это новое понятіе, играющее столь важную роль въ критическихъ сужденіяхъ? «Двоякая бываетъ она», писалъ Полевой [1]): «и въ поэзіи, и въ общественномъ образованіи. Всѣ народы испытываютъ первую—не всѣ достигаютъ до второй. Первая народность та, которую можно назвать дѣтскимъ возрастомъ каждаго народа. Климатъ, мѣстность, происхожденіе, обстоятельства придаютъ особенную физіономію самому дикому и первобытному обществу, и по нимъ создаются его нравы, законы, языкъ и поэзія, которая напѣваетъ уже свою пѣсню, качая колыбель общества-младенца. Такая пѣсня въ формахъ грубой лирики, драмы или эпопеи, дика, своевольна, разнообразна по времени и мѣсту, но всегда оригинальна, и, при большихъ поэтическихъ удобствахъ, изумительна красотою. Она свободна и шумна у варяга-скандинава, какъ море, которое внушило ее; буйна и кровожадна у жителя пустынь аравійскихъ; печальна, задумчива у земледѣльца-славянина; роскошна и нѣжна у испанца: суевѣрна и мрачна у германца. Между тѣмъ общество движется, растетъ; *измѣняется его народность*, и съ нею измѣняется его поэзія. Каждое общество непремѣнно испытываетъ потомъ два измѣненія: или образуется оно въ государство, которое укрѣпляется войною, законами, мѣстностью, поглощая въ себя сосѣдніе народы и дѣлаясь даже всемірнымъ, какъ Римъ, впослѣдствіи имперія Карла Великаго и Карла V, въ новѣйшее время Россія и Великобританія; или оно исчезаетъ въ составѣ другого народа, образующаго болѣе сильное государство. Такъ исчезли въ Римѣ всѣ его сосѣди; въ Австрію впали Венгрія и Богемія; въ Великобританію—Шотландія, Ирландія и Валлисъ; во Францію—Провансъ и Бре-

---

[1]) „Очерки русской литературы". Спб., 1839, ч. II, стр. 483 и слѣд.

тань; въ Испанію—Андалузія; въ нашу Россію —столько отдѣльныхъ племенъ: финны, тевтонскіе рыцари, татары, литва. Потомъ, народъ, пересилившій сосѣдей, вступаетъ во второй, высшій періодъ народности, которую можно назвать «государственностью». Его характеръ, языкъ, образованіе, законы суть *результаты его первобытнаго состоянія и вліянія слившихся съ нимъ народовъ.* Все раздвигается въ обширную раму, и народъ, составившій побѣдительное поколѣніе, живетъ пересозданною жизнью, которая такъ отлична отъ первобытной его жизни и народности, какъ бытъ младенца отъ быта юноши и потомъ мужа. Языкъ такого народа богатъ идеями; поэзія непремѣнно является и здѣсь, но также полная идеями, зрѣлая, сильная, могучая. Она образуетъ его правильную, болѣе или менѣе оригинальную драму, эпопею и лирику, которыя дѣлаются *народными въ высшемъ смыслѣ слова.* Такъ, словесности: латинская, французская, англійская, должны быть почитаемы столько же народными, какъ и первобытныя пѣсни сабина, франка и пикта. Вергилій и Тацитъ, Мольеръ и Расинъ, Шекспиръ, Куперъ, Байронъ и Вальтеръ Скоттъ—писатели въ высшей степени народные. Такая высшая народность не можетъ быть создана; она создается сама собою, какъ создаются сами собою, исторически, временемъ, изъ народовъ государство и изъ множества народныхъ жизней самобытная жизнь государственная. Стремясь къ сей цѣли, народы переходятъ періодъ подражанія чужеземцамъ—стараніе переработать въ свою самобытность хорошее чужое—и потомъ періодъ тщетныхъ усилій образовать систематически свою народность въ литературѣ. Но Римъ никогда не могъ воскресить Омира: изъ него вышелъ Вергилій, и напрасно Попы и Аддисоны думали передѣлать въ классицизмъ англійскую словесность, между тѣмъ какъ у французовъ изъ неловкаго подражанія древнимъ классицизмъ родился самъ собою, и произвелъ Корнелей, Расиновъ, Мольеровъ, создателей твореній безсмертныхъ... Мы, русскіе, если обратимъ взоръ на себя, мы дошли до эпохи государственной народности, и она создается у насъ трудами правительства и нашею исторіей, въ государственныхъ постановленіяхъ, нравахъ, обычаяхъ, законахъ, гдѣ всюду появляется русскій самобытный духъ, добрый, сильный, православный. Но словесность наша едва только касается сего періода. Она только что перешла періодъ подражанія, кипитъ, какъ ключъ подъ землею, новою самобытностью, но ключъ *еще не пробился на поверхность...* Между тѣмъ и первобытная поэзія

никогда не гибнетъ. Общество есть лицо собирательное. Если общество переходитъ возрасты: юношескій, мужескій, старческій, въ то же время въ немъ есть люди младенцы, юноши и мужи по образованію, даже при дряхлѣющемъ старчествѣ цѣлаго. Такъ, почти всегда, паденіе умирающаго государства ознаменовывается борьбою какого-нибудь сильнаго характера; такъ и при гробѣ народа раздается еще народная поэзія—лебединая пѣснь его прежней славы. Этого мало: у народовъ, которые потеряли свою самобытность и слились совершенно въ государственномъ составѣ съ народомъ сильнѣйшимъ, первобытная ихъ поэзія остается и живетъ. Горный шотландецъ поетъ свою унылую мелодію на гробахъ праотцовъ; венгерецъ задумывается при звукахъ своей маджарской пѣсни, хоть и постигаетъ красоту поэзіи Гете и Шиллера. Такъ у насъ, малороссіянинъ, вѣрный и благочестивый семьянинъ нашъ, напѣваетъ пѣсню о своей прошедшей гетманщинѣ и любитъ звуки своего казачка»...

Послѣ выясненія понятія о народности, общая характеристика романтизма можетъ считаться законченной. На очереди стоитъ другой вопросъ: въ чемъ сущность правильной эстетической критики, какова должна быть новѣйшая поэтика? Шеллингіанство, иногда понимаемое своеобразно, но всегда манившее къ себѣ русскихъ писателей разбираемой эпохи, оказало свое вліяніе при разрѣшеніи намѣченной задачи. «Вселенная, какъ твореніе Совершеннаго», читаемъ въ разборѣ книги А. И. Галича: «Опытъ науки изящнаго» [1]): «есть совершенная гармонія: въ ней нѣтъ ни *хуже*, ни *лучше*. Эти слова происходятъ оттого, что человѣкъ беретъ частныя понятія, или что на землѣ онъ не видитъ совершенія общей гармоніи. Но творенія человѣка суть порывы, не достигнувшіе даже и идеала своего, а самый идеалъ ихъ есть только порывъ представить *идеалъ всесовершенства*. Достиженіе идеала производится умомъ; но умъ связанъ вещественностью, у которой не достаетъ ни звуковъ, ни цвѣтовъ, ни пространства, ни времени для выполненія требованій ума, летящаго въ безконечность и вѣчность [2]). Человѣчество есть полное проявленіе идеи

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1826, №№ 6, 7, 8, 10.

[2]) Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 16, стр. 305—306: Произведенія изящной словесности представляютъ „совокупность конечныхъ формъ съ безконечностью духа“, содержащаго въ себѣ „первородное совершенство“, къ которому мы „только приближаемся, никогда не достигая онаго и не будучи въ состояніи съ нимъ сравниться“.

совершенства, но сіе проявленіе еще не кончено, слѣдовательно, общей идеи человѣчества мы еще не можемъ обнять, и судимъ о ней по частному. Видимъ возрасты человѣка, соображаемъ ихъ съ исторіею и находимъ, что частное сходно съ общимъ. Впрочемъ, наши посылки вѣрны. Кто хорошо понялъ тождество цѣлаго съ частнымъ, тотъ можетъ разсматривать и настоящее, и прошедшее состояніе человѣчества съ истинной точки зрѣнія. Такъ, кромѣ явленій генія, гдѣ независимо отражается общее, почти всегда преоборая условія частнаго, находимъ разныя степени народовъ, разность ихъ образованія и вкусовъ, и понимаемъ, что *истина*, разсматриваемая какъ соединеніе лѣпоты и блага, и *лѣпота*, созерцаемая какъ соединеніе истины и блага [1]), и *благо*, понимаемое какъ соединеніе истины и лѣпоты, могутъ насъ возвысить надъ *частными понятіями объ истинѣ, лѣпотѣ и благѣ*, и что умъ только долженъ измѣряться, какъ болѣе или менѣе одухотворитель вещественности. Здѣсь поймемъ мы *гармонію несовершенствъ частнаго въ общемъ*, изъ чего явственно будетъ намъ, что частныя разсмотрѣнія частнаго, будучи руководимы каждое своимъ Я, своимъ tout comme chez nous, вѣчно будутъ противорѣчить одно другому, и потому, какъ *въ произведеніи изящнаго единственнымъ правиломъ должна быть гармонія законовъ ума съ условіями вещества*, а не стремленіе творить по тому или другому *частному образцу*, или частному явленію, такъ и *въ сужденіи о произведеніяхъ изящнаго единственнымъ основаніемъ должно быть рѣшеніе вопроса: въ совершенной ли гармоніи находятся законы ума съ условіями вещества, въ томъ или другомъ изящномъ произведеніи?* Вотъ сущность высшей критики и рѣшеніе всѣхъ безконечныхъ споровъ о вкусѣ и проч.».

«Какія *условія* народовъ, *какъ частей человѣчества, вещественны?* Одни народы суть дѣти человѣческаго рода, другіе— отроки, третьи — юноши, мужи и т. п. Какія *условія* народовъ, *какъ частей цѣлаго въ постепенности образованія?* Одни народы состояли въ первомъ процессѣ, какъ природа неорганическая: другіе — во второмъ, какъ природа органическая и т. д. Какіе *законы* существовали *въ проявленіи у народовъ ума, какъ одухотворителя вещественности?* Необходимо, проявленіе сіе происходило въ постепенности, поставляя однихъ подъ преимущество

---

[1]) Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 16, стр. 303: „Соединеніе доброты съ истиною есть отличительное свойство изящнаго".

лѣпоты, другихъ—подъ преимущество блага и т. д. Разсмотримъ исторію изящнаго съ сей точки зрѣнія, и всѣ недоумѣнія прекращаются: вездѣ будетъ горѣть для васъ, какъ неугасимый свѣтильникъ, чистый умъ; вездѣ *истинно-изящное* заблистаетъ яркимъ свѣтомъ, *мнимо-изящное* помрачится, и *весь міръ изящнаго*, всѣ явленія его, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, явятся въ удивительной гармоніи».

«У древнихъ вездѣ преимуществовалъ *перевѣсъ вещественности надъ духомъ*. Религія ихъ была чувственная, понятія *пластическія*, то-есть вездѣ творящія *вещественные образы*, смотря по условіямъ организма своего и организма окружающей ихъ природы. Азія составляла въ семъ случаѣ одинъ полюсъ, Сѣверъ Европы—другой: это—двѣ противоположности (сообразите «Магабхарату» и «Эдду», Эрскія пѣснопѣнія и «Саконталу», религію Брамы и Одина). Въ мірѣ классической древности—совершенная *гармонія красоты*, подъ преимуществомъ вещественности, представляется у грековъ; въ римлянахъ виденъ уже переходъ къ духовному. Новѣйшіе народы должны были явиться подъ преимуществомъ духа. Борьба, или переходъ отъ вещественности явенъ на Востокѣ у арабовъ, на Сѣверѣ у готовъ. Германцы, провансалы, мавры приготовляли переходъ къ новѣйшей эпохѣ, гдѣ совершенно явенъ *перевѣсъ духа надъ вещественностью*, опредѣляемый чистою, духовною религіею, законами, нравами, понятіями. Шекспиръ, Лопецъ-де-Вега, Дантъ, французскіе классики вѣка Людовика XIV, новѣйшіе англійскіе, нѣмецкіе, итальянскіе поэты и художники, Востокъ и Западъ—вотъ черты, какими обрисовывается великая картина проявленія духа человѣческаго въ новой исторіи! Оно еще *не совершилось*, и мы не увидимъ сего совершенія; но картина и того, что́ уже было, ждетъ еще великаго живописца, хотя результатъ, какой извлечетъ философъ-дѣеписатель, намъ понятенъ: *онъ примиритъ классиковъ и романтиковъ*». «Кто, ограничась частнымъ, будетъ судить объ общемъ, тотъ ошибется. Пусть сниметъ онъ повязку предразсудковъ и предубѣжденій. *Пусть судитъ не какъ романтикъ или классикъ*, но какъ философъ-критикъ; не какъ французъ, нѣмецъ или итальянецъ, но какъ космополитъ изящнаго міра; пусть соображаетъ *условія*, въ какихъ, и законы, по какимъ проявляется умъ человѣка—онъ вездѣ найдетъ *изящное* и будетъ умѣть различить его отъ *не-изящнаго*, также вездѣ существующаго. Онъ не скажетъ: здѣсь все худо—тамъ все хорошо. Отдѣливъ заблужденія

и ошибки, въ которыя вещественность завлекла духъ, онъ покажетъ намъ гармоническую связь всѣхъ явленій, во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ и сущность истинныхъ законовъ, сколько вкусъ, одушевленный чистымъ умственнымъ созерцаніемъ, можетъ ихъ показать» [1]).

Полевой сходится съ Галичемъ въ разрѣшеніи слѣдующихъ «важныхъ положеній» по теоріи изящнаго.

А. «Есть ли изящное въ общей природѣ»?

«Художникъ творитъ по волѣ; въ природѣ законъ необходимости. Но сія необходимость только потому намъ кажется необходимостью, что мы видимъ условія явленій, а не законы Творца, не знаемъ Его высочайшей воли. Да и *воля художника* не есть ли необходимость высочайшая? И неполное, никогда неудовлетворяющее проявленіе лѣпоты не есть ли доказательство необходимости, управляющей *дѣйствіями* человѣческой воли? Итакъ: нѣтъ въ природѣ изящнаго нашего, но вся природа есть гармонія блага всесовершеннаго, истины вѣчной и лѣпоты непостижимой, слѣдственно—*изящества высочайшаго*, которое выражаетъ человѣкъ своею добродѣтелью, своимъ умомъ и своею лѣпотою—предметомъ своего изящнаго, искрою, которую небесный гость, геній, похищаетъ въ небесномъ восторгѣ, и яркою звѣздою зажигаетъ въ нашемъ мірѣ. Такъ—

„Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ:
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлетъ онъ порой;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду“.

В. «Но если полная *идея лѣпоты въ природѣ* намъ понятна только въ идеалѣ, нами созданномъ, если сей идеалъ въ области

---

[1]) Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 20, стр. 245: „Творческій умъ, оставляя внѣшнія явленія въ пространствѣ и времени, проникаетъ въ сокровенную сущность предметовъ и дѣяній человѣческихъ, открывая взаимную связь существъ въ природѣ и сцѣпленіе происшествій въ человѣчествѣ“.

изящнаго стремятся осуществить для насъ изящныя искусства, и если изящное «не ограничивается только тѣмъ, что́ представляетъ намъ видимая природа; если геній есть свободная и творческая сила и если, наконецъ, самая внутренняя жизнь человѣчества съ его характерами, мыслями, чувствованіями, дѣяніями и приключеніями, вообще съ его исторіей, представляетъ обширнѣйшее позорище нераскрытыхъ идеаловъ, то *началомъ* изящныхъ искусствъ не можетъ быть *подражаніе природѣ* (взятое въ обыкновенномъ смыслѣ)» [1]).

«Симъ же доказывается неосновательность и того мнѣнія эстетиковъ, что художникъ можетъ *украшать природу*: «Природа въ высшемъ смыслѣ, т. е. какъ единство неисчерпаемой жизни въ безконечныхъ явленіяхъ оной, есть со стороны *дѣятельности* высочайшее искусство такъ, какъ со стороны *бытія* всеобъятное его издѣліе, ибо *безусловная изящность*, начало свободныхъ искусствъ, подобно безусловной истинѣ и благости, вся излита во вселенную, какъ въ сосудъ Божественныхъ откровеній. Оттого искусство можетъ *способы и законы*, по коимъ она дѣйствуетъ, брать себѣ за образецъ и въ своихъ издѣліяхъ *возсозидать* ее [2]), т. е. на видимыхъ, самостоятельныхъ произведеніяхъ свободнаго духа, въ которомъ сосредоточены силы жизни, и которому врождены вѣчныя идеи—*являть символы, или второобразы невидимаго, совершеннѣйшаго бытія*».

С. «Итакъ совершенство изящной, услаждающей гармоніи между формою и духомъ есть основаніе изящества, и потому г. Галичъ *мастерски* оканчиваетъ первую часть своей книги опредѣленіемъ, что «прекрасное твореніе искусства происходитъ тамъ, гдѣ *свободный геній человѣка, какъ нравственно-совершенная сила, запечатлѣваетъ Божественную, вѣчную идею въ самостоятель-*

---

[1]) Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 16, стр. 304: „Есть умственныя созерцанія, которыя не могутъ вполнѣ выразиться вещественно: сіи умственныя формы, или образы называются *идеями*, или мыслями въ собственномъ значеніи; онѣ не происходятъ извнѣ, а всегда существуютъ и въ умѣ содержатся. Если сіи начала духовнаго міра *предшествуютъ представленіямъ предметовъ внѣшнихъ*, то возможно ли относить изящное произведеніе къ чувственности и называть оное подражаніемъ внѣшней природѣ“?

[2]) Ср. тамъ же, 1827, № 20, стр. 240: „Творенія, носящія на себѣ отпечатокъ духа, или *выраженныя способами, изъ природы заимствованными*—сіи творенія принадлежатъ къ искусству изящнаго“.

номъ, чувственно-совершенномъ, органическомъ образѣ, или призракѣ» [1]). Изъ сего необходимо слѣдуетъ, что «ясная и удовлетворительная *теорія явленій изящнаго есть теорія изящныхъ художествъ*». Что́ же такое будетъ собственно *изящное искусство*? Стремленіе человѣка—идеалъ изящнаго, понятный, въ раздѣльныхъ его частяхъ, въ видимой природѣ и приведенный въ условія законами ума, проявить въ пространствѣ и времени. Сіе проявленіе, слѣдовательно, должно отнестись къ *чувствамъ* и ихъ отношеніямъ. Какія чувства могутъ быть причастны проявленію изящнаго? Тѣ, которыя служатъ не къ физическому только наслажденію, но удовлетворяютъ человѣка въ его стремленіи къ безконечному и вѣчному, т. е. *слухъ* и *зрѣніе*. Въ нихъ сосредоточилась область изящныхъ искусствъ непосредственно».

Теоретическія воззрѣнія Полевого находятся въ тѣснѣйшей связи съ оцѣнками представителей литературы европейской: только тѣ изъ послѣднихъ выдерживали критику и заслуживали одобреніе, которые въ своемъ творчествѣ выполняли требованія, предъявляемыя къ нимъ новой поэтикой.

Изъ англійскихъ писателей наиболѣе восторженный отзывъ вызвалъ, конечно, Шекспиръ, этотъ «невѣжда и геній», незнакомый съ системами и піитиками. «Орлинымъ взоромъ проникаетъ онъ въ сущность идеи», скрытой иногда въ «курьезной сказкѣ» (о Гамлетѣ); «поэтическія подробности представляются ему сами собою, все освѣщается глубиною его мысли; тутъ есть—уродливости генія, великое и малое страстей, безобразное и прекрасное». Шекспиръ «выращиваетъ вѣковые дубы изъ самыхъ ничтожныхъ сѣмянъ», «поливаетъ ихъ волшебною водою своей поэзіи», «озаряетъ ихъ молніями великой думы своей... Его система въ душѣ, его философія въ сердцѣ, его тайна въ великой идеѣ, которую угадалъ его геній. Онъ писалъ, можетъ быть, на какомъ-нибудь обрубкѣ за кулисами; онъ не справлялся съ психологическимъ трактатомъ о душѣ человѣка». Міръ, раскрытый въ драмахъ Шекспира, безмѣренъ; заданныя имъ темы будутъ разыгрываться много вѣковъ. Историческія піесы, въ родѣ «Короля Ричарда II», должны поражать читателя. «Не знаете: чему болѣе удивляться

---

[1]) Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 20, стр. 238: „Художникъ соединяетъ безконечныя идеи съ конечными формами... Что́ представляютъ намъ произведенія Омира, Рафаэля, Моцарта? Безконечныя идеи истины и доброты, выраженныя или словомъ, или образами, или звуками“.

въ этомъ превосходномъ созданіи—искусству ли, съ какимъ извлечено единство дѣйствія драмы; связи ли подробностей, величественно, богато раскрытыхъ поэтомъ; вѣрности ли, съ какою слѣдовалъ поэтъ исторіи, или простотѣ его созданія и глубокому познанію характеровъ, угаданныхъ въ сухой лѣтописи?» Шекспира надо «любить безотчетно» и «вѣрить истинѣ его очарованія» [1])... Въ царствованія, слѣдующія за эпохой Елисаветы, въ Англіи царилъ долго классицизмъ, противъ котораго «крѣпко стала самобытность народа». «Напрасно Попе, Драйденъ, Аддисонъ затягивали въ корсетъ классицизма» свою родину—«она не забывала своего Шекспира, не вѣрила, что Мильтонъ—классикъ, и едва туманныя пѣснопѣнія Макферсона коснулись ея слуха, какъ она затрепетала отъ восторга, и вся Европа сочувствовала ей. Оставалось Англіи разорвать легкія оковы чужеземныя проявленіемъ новыхъ, самобытныхъ геніевъ» [2]). И «она явилась въ величіи поэтическаго обновленія, совершившагося уединенно, отдѣльно, среди всемірной войны материка и вѣчныхъ волнъ океана. Она явилась съ новыми созданіями Муровъ, Вордсвортовъ, Сутеевъ, Краббовъ, Монгоммери, Бёрнсовъ, Колериджей, съ практическою критикою своихъ *Обозрѣній*, съ своею политическою экономіею. Но всего громче сказались въ Европѣ два поэтическіе отзыва Британніи. Одинъ—весь современность, лира и эпопея современная, вопль безнадежности, кровавая комета новой поэзіи, потрясающій электрическій ударъ. Читатели угадываютъ имя—это Байрона. Другой—жилецъ среднихъ вѣковъ, полнота прозы, философія практики, обновитель жизни прошедшаго, гальваническая сила, отъ соединенія предметовъ, повидимому холодныхъ, разнородныхъ, соединеніе исторіи и сказки въ романѣ—это В. Скоттъ» [3])... Извѣстно, что «лирическая поэзія—мгновенный пылъ, огонь, вихрь, низшая степень поэтическихъ твореній, ибо она не столь всеобъемлюща, не столь продолжительна, не столь глубока, какъ чистая эпопея и полная драма. Байронъ безспорно ниже Данта и Шекспира. Чѣмъ? Онъ собственно лирикъ, а Дантъ—эпикъ, Шекспиръ—драматикъ. Байронъ—молнія, Шекспиръ—солнце» [4]). Авторъ

---

[1]) „Очерки русской литературы", ч. I, стр. 176, 180, 200, 203 и др. Ср. главу „Теорія драмы", II.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 102.

[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 153.

[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 175.

«Чайльдъ Гарольда» «самъ осудилъ свои драматическія произведенія. «Звѣзда Наполеона», говоритъ онъ: «померкла въ Москвѣ; моя звѣзда погасла въ «Донъ-Жуанѣ»: «Фаліеро» былъ для меня Лейпцигскою битвою; «Каинъ»—мое Ватерлоо». Въ самомъ дѣлѣ, существенныхъ качествъ драмы нѣтъ въ піесахъ Байрона. Въ «Сарданапалѣ», «Фаліеро» не видимъ ни дѣйствія, ни интереса, ни характеровъ. Блестящія по слогу, исполненныя описательныхъ мѣстъ и отрывковъ сильныхъ, трагедіи Байрона однозвучны, неглубоки въ живописи, невѣрны въ дѣйствующихъ лицахъ: говоритъ поэтъ, герои бездѣйствуютъ» [1])... «Было бы несправедливо отказать въ геніи» другому англійскому писателю — Вальтеру Скотту «за глубокую мысль, которую тотчасъ уразумѣли современники», «если бы слава романиста и не была подтверждена изумительнымъ обиліемъ его созданій». «Кажется, не ошибемся, сказавъ, что безъ Шекспира не существовалъ бы В. Скоттъ. Онъ понялъ тайну, какъ изображалъ Шекспиръ исторію въ драмѣ... Человѣкъ, какъ онъ есть; романъ, какъ изображеніе того, что́ допускаетъ исторія; вѣрное изображеніе народности; мѣстная декорація нравовъ и обычаевъ—вотъ основаніе романовъ В. Скотта». «Идея его была такъ вѣрна, что вѣкъ увлекся ею; многочисленная толпа пошла по слѣдамъ его... Извиняемъ его за недостатки, уже и потому, что онъ былъ первый, кромѣ того, что безчисленныя красоты искупаютъ его погрѣшности... Но три недостатка можно указать въ романѣ В. Скотта: они происходятъ оттого, что авторъ—англичанинъ, тори, и первый узналъ истинную идею» новаго литературнаго рода. «Вслѣдствіе перваго, не ищите у него соединенія всеобщности съ поэзіей. Кромѣ Шекспира, никто не умѣлъ глубоко проникать въ душу человѣка философіей, быть всеобщимъ, переходя во всѣ характеры вѣковъ и людей, и всемірно выражать все это своею поэзіей. И сіе очень естественно: практическое образованіе англичанъ такъ сильно, что никогда не допуститъ оно англичанина быть... человѣкомъ просто. В. Скоттъ—не философъ... и не поэтъ. Онъ умный человѣкъ, тщательно изучившій Шекспира, разсказчикъ необыкновенный, живописецъ искусный. Но въ то же время онъ — *баронетъ*, онъ — *адвокатъ*, онъ — *тори* по мнѣніямъ. Человѣкъ, за честь себѣ почитающій сдѣлать визитъ знатному, написавшій письма Павла, сочинившій такую исторію Наполеона, какую со-

---

[1]). *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 20, стр. 461.

чинилъ В. Скоттъ, могъ быть вѣрнымъ, но не безпристрастнымъ историкомъ. Видна честность, доброта, умъ, но на исторію вездѣ накинута у него прозрачная дымка. Льстивый живописецъ пишетъ портреты и непримѣтнымъ очеркомъ кисти придаетъ лицу особенную миловидность, пріятность: такова исторія, таковы лица, изображенныя В. Скоттомъ. Наконецъ, шотландскій романистъ не могъ совершенно отдѣлиться отъ того, что́ прежде называли собственно *романическимъ* Безпрестанно у него видимъ необходимость запутанной интриги, иногда подготовленную чудесность, театральную нечаянность и проч. Повторяемъ, что красоты и заслуги В. Скотта выкупаютъ все это; но, тѣмъ не менѣе, человѣкъ у него не весь, освѣщенъ льстиво, если это не простолюдинъ, и романъ иногда весьма рѣзко выказывается, не будучи, такъ сказать, спаянъ поэзіей дѣйствительною съ жизнью и исторіею» [1]).

Послѣ твореній великаго англійскаго драматурга, поэзія французская пользуется едва ли не наибольшими симпатіями Полевого, который любитъ слѣдить за ея развитіемъ и совершенствованіемъ. Печальнымъ представляется нашему критику ея состояніе при дворѣ Людовика XIV, когда были забыты великія искусства среднихъ вѣковъ и «замѣнены вылощенными формами классическихъ приличій». «Это не былъ золотой вѣкъ умственной дѣятельности человѣческой, но вѣкъ, такъ сказать, отчаянія умственнаго, когда общество, лишенное жизни и самобытнаго духа, устремлялось къ наукамъ и художествамъ, какъ единственному средству своего умственнаго развитія. Подобно лампадѣ, ярко вспыхивающей передъ потуханіемъ, подобно умирающему, который чувствуетъ удивительное возобновленіе тѣлесныхъ и душевныхъ способностей передъ минутою кончины, человѣкъ въ это время вспыхнулъ, ожилъ, чтобы погаснуть и умереть. Затѣмъ слѣдовало ничтожество и мелочничество ума» [2]). Въ «рѣшительномъ безплодіи ве-

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 2, стр. 233—235. Ср. тамъ же, 1831, № 21; 1832, № 14: отзывъ о романѣ „Робертъ, графъ Парижскій“.

[2]) „Очерки“, ч. I. стр. 101, 294, 296. Въ число классиковъ былъ включенъ тогда выбранный членомъ академіи, знаменитый Лафонтенъ. „Человѣкъ съ душою поэтическою, но не одаренный высшею творческою силою, мудрецъ, котораго физическое сложеніе и обстоятельства не допустили быть философомъ, онъ могъ сдѣлаться шутомъ — въ его время, къ сожалѣнію, этого званія уже не было—или французскимъ баснописцемъ. Онъ сдѣлался баснописцемъ. Тутъ онъ могъ удовольствовать неясное поэтическое стремленіе души своей, послѣ тщетныхъ покушеній на другіе роды поэзіи“... „Когда потомъ своевольныя, прихотливыя, самобыт-

ликаго» и «страшной, ужасающей плодовитости посредственнаго и мелкаго» выразились «сущность и слѣдствія французской словесности семидесяти пяти первыхъ лѣтъ XVIII-го вѣка, словесности вообще бѣдной, жалкой, смѣшной. Трудно представить себѣ пустоту ея, но не менѣе трудно вообразить, что въ ту пору глядѣли на эту словесность, какъ на верхъ совершенства; что въ ней были цѣлыя школы, отдѣленія поэтовъ; что они важничали, преподавали правила, давали примѣры, называли варварами англичанъ, нѣмцевъ, испанцевъ, и какой-нибудь знаменитый monsieur Дорать, маркизъ Лафаръ, конечно, не помѣнялись бы своею славою съ *мужикомъ* Шекспиромъ... Вообще, кромѣ *бездарности*, отличительную черту того времени составляли *подражаніе* и строгое соблюденіе установленныхъ, извѣстныхъ *правилъ*. Поэтъ долженъ былъ выбрать себѣ въ патроны какого-нибудь автора, опредѣлить родъ своихъ занятій—оду, эпопею, героиду, элегію, сатиру, комедію, трагедію, мелочь, анакреонтизмъ, тибуллизмъ, гораціонизмъ. Выходили томы, въ этихъ томахъ долженствовали быть, кромѣ свойственныхъ каждому автору, главныхъ, общіе всѣмъ роды стихотвореній. Такими считались: преложенія псалмовъ, переводы гораціевыхъ одъ, рѣчи въ стихахъ, стихотворенія философическія, элегіи, и—непремѣнно басни. Рѣдкій изъ самыхъ отчаянныхъ французскихъ пѣвуновъ Хлой, Делій и Амынтъ не представилъ образчиковъ во всѣхъ упомянутыхъ нами *общихъ* родахъ. Было множество и такихъ, которые только этими общими родами занимались, не опредѣляя себя особенно на оду, сатиру, эпопею»... «Водяная болѣзнь отъ авторовъ, которыхъ теперь и именъ не знаютъ», «простиралась тогда не на одну поэзію; вся литература

ныя басни доставили ему безспорное отличіе между современными поэтами, когда его приняли въ общество свое Буало, Расинъ и Мольеръ, онъ презабавно хотѣлъ увѣрить другихъ, что дѣйствительно басни его были плодъ предварительнаго ученія, размышленія, приложенія классическихъ правилъ. Прикидывался онъ или на самомъ дѣлѣ вѣрилъ тому, но, къ счастію, дѣйствовалъ иначе на практикѣ. Басня его была собственная, Лафонтеновская. Уча другихъ мудрости, онъ шалилъ до старости. Увѣряя, что изучаетъ теорію басни въ піитикахъ, онъ творилъ ее по своей поэтической фантазіи". „Но теперь уже и французскіе критики смѣются тому, что нѣкогда въ *Мольеръ и Лафонтенъ непремѣнно хотѣли видѣть классиковъ*. Теперь уже и они видятъ, въ чемъ состояли заслуги Лафонтена и сущность его дарованій: онъ былъ поэтомъ въ апологѣ; онъ далъ апологу самобытное развитіе, сообразное съ характеромъ его народа и его вѣка" („Очерки", ч. I, стр. 392—394).

французская терпѣла одинакую участь. Отъ сего умы писателей унизились, ослабѣли: не думали уже ни о славѣ, ни о вдохновеніи. Поэтъ, издавая книжку стихотвореній, клялся всѣми святыми, что онъ ищетъ только улыбки милой или воспоминанія друзей, хочетъ имъ оставить память о себѣ. Для чего пишутъ всякій вздоръ на стѣнахъ постоялыхъ дворовъ? Разгадайте, и вы поймете, для чего писали тогда во Франціи, поймете это жалкое желаніе оставить по себѣ чернильную память. Такъ думали поэты» [1])... Между тѣмъ готовился переворотъ... «Страшный раздоръ частей колебалъ въ основаніи все условное, все классическое, въ политикѣ, философіи, литературѣ. Философія обратилась въ насмѣшку ума надъ всѣми вѣрованіями человѣческими; науки сдѣлались достояніемъ всѣхъ, обнаженныя отъ схоластическихъ тайнъ своихъ въ энциклопедіи. Честолюбіе французовъ не признавало еще ничего изъ областей чужеземныхъ выше французскаго, но оно понимало слабость свою, похищало тихонько у сосѣдей, передѣлывало, и подсмѣивалось надъ обкраденными подлинниками. Когда Вольтеръ взялъ нѣчто у Шекспира, когда «Вертеръ» былъ переведенъ на французскій языкъ—періодъ Людовика XIV совершился. Стоило только Макферсону и Шекспиру явиться, хотя въ дурныхъ переводахъ, чтобы все обратилось на передѣлку ихъ [2]). Собственно классическое едва могло дышать, и давно жило только заимствованіями и суевѣрною привязанностью къ старымъ формамъ» [3]). Во Франціи стала «обобщаться» нѣмецкая философія и литература, воспринимались вѣянія «новой, самобытной англійской словесности», «уничтожались классическія теоріи и замѣнялись романтическими идеями», возникла «мысль о созданіи самобытной народной литературы и объ отысканіи для того національныхъ элементовъ», обнаружилось «общее направленіе къ лиризму, роману и драмѣ» [4]).

---

[1]) „Очерки“, ч. I, стр. 439—441.

[2]) Многіе изъ писателей „знакомили Францію съ иноземными богатствами; другіе осмѣливались передать ихъ соотечественникамъ въ своихъ сочиненіяхъ. Имена Летурнеровъ, Мильвуа, Сенъ-Пьеровъ, Бауръ-Лорміановъ, Дюсисовъ, Делилей, Крезе де-Лессе привлекали вниманіе публики и достойны нашей памяти. Слѣдствія ихъ трудовъ были прекрасны: Ламартины, Делавины, Гюго, Вите, Мериме, де-Виньи наслѣдовали Бернарамъ, Пезе, Сенъ-Марамъ и Кампенонамъ“ (Тамъ же, ч. I, стр. 442).

[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 103.

[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 148, 154.

«Викторъ Гюго [1]) есть полное и совершенное изображеніе французскаго романтизма. Рожденный съ душою глубоко-поэтическою, проникнутый идеей новаго литературнаго стремленія, онъ показалъ притомъ собою примѣръ неслыханнаго самоотверженія. Это — Куріацій, погибающій въ пропасти для спасенія общаго». «Дабы оцѣнить справедливо В. Гюго, надобно смотрѣть не на одни романы его», а переглядѣть стихи, драмы... «Все, что писалъ онъ до изданія своего послѣдняго романа «Notre Dame de Paris», не могло удовлетворить насъ». Здѣсь «видно дарованіе огромное», но нѣтъ еще «истины, глубины, познанія сердца человѣческаго», чувствуется отсутствіе самобытности и подчиненіе чуждымъ геніямъ. «Во всѣхъ трехъ первыхъ романахъ В. Гюго хотѣлъ испытать одно: успѣетъ ли искусство сосредоточить интересъ на лицѣ, которое лишено всѣхъ условій, коими можетъ оно возбуждать участіе въ обыкновенной жизни?.. Онъ создалъ своихъ героевъ выходящими изъ мѣры обыденной по внутреннему ихъ образованію и по обстоятельствамъ, въ какихъ они поставлены. Но за то онъ ставилъ ихъ ниже тѣхъ условій общественныхъ, по которымъ человѣкъ обыкновенный можетъ быть судимъ и осуждаемъ: они не возвышаются ни именемъ, ни героизмомъ, ни злодѣйствомъ. Мысль—достойная творца Макбета, Отелло, Лира, Гамлета, Ромео! Но чѣмъ же Шекспировы созданія превышаютъ созданія В. Гюго? Тѣмъ, что Шекспиръ дѣйствуетъ, какъ судьба, спокойно, невидимо и безъ особенной цѣли, не имѣя въ предметѣ ничего, кромѣ изображенія человѣка». «Гюго, напротивъ, въ «Бюгъ Жаргалѣ» хотѣлъ соединить интересъ мѣстности, и на историческомъ событіи очертить фантастическій свой рисунокъ; въ «Послѣднемъ днѣ осужденнаго» онъ думалъ соединить съ своею идеею вопросъ о смертной казни. Отсюда его ошибка, неконченность рисунка, частныя красоты и недостатки общаго, геніальный очеркъ и бѣдный колоритъ» [2]). «Испытанный въ борьбѣ на романическомъ поприщѣ, не подумалъ ли самъ В. Гюго, что формы частей и подробностей романа не могутъ быть свойственны его генію. По крайней мѣрѣ, онъ написалъ потомъ двѣ драмы, гдѣ опять видны ошибки его романовъ. Не будь героемъ одной изъ нихъ Кромвель, не думай

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, №№ 1—3: „О романахъ В. Гюго и вообще о новѣйшихъ романахъ".

[2]) Ср. Тамъ же, 1830, № 8; 1834, № 4 (о романахъ и лирикѣ).

авторъ «Эрнани» изобразить дворъ Карла V — и «Эрнани», и «Кромвель» его стали бы на высокую чреду» [1]). «Тутъ В. Гюго снова обратился къ роману, составилъ планъ творенія великаго, и облекъ въ формы романа огромную идею. Геній его сознаъ себя вполнѣ въ первый разъ»... Идея «Собора Парижской Богоматери» «заключена въ рѣшеніи вопроса: чѣмъ можетъ быть и что́ можетъ произвести любовь въ вѣкъ грубый, лишенный идеальнаго о ней понятія, въ сердцахъ людей, навѣки раздѣленныхъ неумолимою судьбою... Можно судить, какую силу слова, какую смѣлость воображенія, какую увѣренность въ себѣ надобно было имѣть, чтобы приняться за такую малосложную, однообразную по дѣйствію картину, умѣть оживить ее и выдержать съ начала до конца! В. Гюго выполнилъ всѣ требованія въ невоображаемой степени»... По характеру своему, произведеніе—«мрачно, какъ «Тьма» Байрона, гдѣ блеститъ огонь только для того, чтобы два врага могли увидѣть другъ друга и умереть отъ ужаса и ненависти; оно страшно, какъ Дантовъ «Адъ», гдѣ надъ входомъ написано: Lasciate ogni speranza... Такое позорище человѣческой жизни, гдѣ не свѣтитъ ни одинъ лучъ небесный, гдѣ человѣкъ является, какъ будто прекрасная страна, опустошенная ураганомъ—ужасно». Должно замѣтить, наконецъ, что романъ В. Гюго не есть собственно историческій. Здѣсь видно, какъ шагнулъ въ понятіи своемъ о частностяхъ авторъ. Очерки главной идеи надобно было обставить подробностями и оцвѣтить историческими красками. Въ первомъ изумляетъ насъ игра фантазіи, въ другомъ удивляетъ трудъ, какой должно было подъять для изученія вѣка въ историческихъ подробностяхъ, и умѣнье, какое потребно было, дабы не увлечься въ односторонность и частность. Исторія видна здѣсь, какъ богатая рама, выработанная геніальнымъ рѣзчикомъ». Что касается нравственности романа, то въ немъ много достоинствъ. «Поймите личное безпристрастіе В. Гюго, истину его созданія, оцѣните достоинство сценъ трогательныхъ, ужасъ сценъ трагическихъ, насмѣшливую тонкость сценъ комическихъ, и вы увидите, что романъ его нравственный въ высокой степени, нравоучительный, какъ природа и исторія. Сердце отвращается отъ

[1]) Ср. „Очерки", ч. I, стр. 179—180: „Стараніе итти наперекоръ старому, личныя отношенія, систематическая мысль смѣшивать смѣшное и высокое, излишній лиризмъ, желаніе странныхъ противоположностей—вотъ недостатки драмы Гюго". О немъ см. тамъ же, ч. I, стр. 155—156.

порока и преступленія, душа трепещетъ негодованіемъ добродѣтели, видя гибель страстей». Единственный недостатокъ В. Гюго—излишнее развитіе «подробностей предмета», что дѣлается, впрочемъ, въ его рукахъ «источникомъ красотъ безчисленныхъ».

Около В. Гюго группируются поэты новой школы. А. де Виньи—«одна изъ блестящихъ надеждъ французской литературы, не простой подражатель В. Скотта, но ученикъ, едва ли не превзошедшій своего учителя. Никогда и нигдѣ В. Скоттъ не изображалъ такъ вѣрно, такъ естественно ни лицъ, ни событій, какъ изобразилъ ихъ А. де Виньи. Умѣвъ выбрать одно изъ самыхъ странныхъ романическихъ происшествій съ неизмѣнною вѣрностью исторіи, онъ изумляетъ насъ поэтическою истиною». Но великій въ «Сенъ-Марсѣ», онъ, «какъ поэтъ-стихотворецъ—чуждъ божественной гармоніи стиха, и на лирѣ его играетъ не поэзія, а восторгъ ума» [1]). Въ драматическихъ твореніяхъ «перспектива у него вѣрна, и мелочи, можетъ быть, отчетливы, но простоты жизни нѣтъ, и въ огромномъ, правильномъ домѣ его живетъ система, а не человѣкъ» [2]). Дюма хотѣлъ пополнить пробѣлъ, и едва ли успѣшно. Вдохновеніе его—чужое, піесы Виньи—его основа; но жизнь исчезла, остались одни мертвые сколки. Дюма перековеркалъ всѣ событія, тогда какъ Виньи «умѣлъ помирить сухость исторической вѣрности съ идеальными цвѣтами поэзіи». Въ драмѣ «Генрихъ III и его дворъ» нѣтъ отраженія эпохи и соотвѣтственныхъ характеровъ: хитростей и замысловъ—масса. Это не новая историческая драма въ романтическомъ родѣ, а плохая мелодрама, которой недостаетъ только музыки. Въ «Терезѣ»—пылкость дарованія, безразсудная отвага въ завязкѣ и развязкѣ, намекъ характеровъ истинной драмы, тѣнь таинственной судьбы—все въ мелкихъ отношеніяхъ, «набросанныхъ безъ разбора»; многое излишне, многое недостаточно. Другая піеса «Наполеонъ Бонапартъ» есть явленіе «мгновенное»; но литературный родъ, къ которому она относится, занимаетъ извѣстное мѣсто въ исторіи [3]). На измѣненія въ новой французской литературѣ

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 15, стр. 427—429.

[2]) „Очерки", ч. I, стр. 179.

[3]) Приводимый отзывъ о Дюма, помѣщенный въ *Московскомъ Телеграфѣ*, въ главѣ „Теорія драмы" не разсматривался, какъ принадлежащій самому Н. А. Полевому, хотя журнальныя статьи, въ которыхъ отзывъ излагается, не подписаны ничьимъ именемъ. Въ настоящемъ очеркѣ, въ

*

оказалъ свое вліяніе, помимо Дюма, О. Бальзакъ. «Дарованіе его неоспоримо. Читатели цѣлой Европы отличили его ѣдкую насмѣшку, его сатирическій взглядъ въ «Физіологіи супружества» и признаки глубокой души, наблюдательности, негодованія къ злоупотребленіямъ образованности и просвѣщенія въ «Сценахъ изъ частной жизни». Его сочиненіе «Шуаны, или Бретань въ 1799 году» показало однако же вскорѣ, что къ твореніямъ продолжительнымъ, гдѣ недостаточно мимолетныхъ блестящихъ очерковъ, но надобно стройное, полное развитіе идеи въ соразмѣрныхъ подробностяхъ, Бальзакъ неспособенъ. Онъ выкупилъ свою ошибку «Философическими сказками». Здѣсь Бальзакъ показалъ себя въ полной силѣ. Его «Шагреневая кожа» и другія сказки, обнажая сердце и душу человѣка, блистая притомъ удивительною свѣжестью слога и яркостью мыслей, иногда отличаясь и обширностью воззрѣнія, заставляли ожидать весьма многаго. Правда, замѣтны были—нескладность изобрѣтеній, недостатокъ глубины, излишнее щегольство въ слогѣ, нерѣдко мишура, изысканность въ мысляхъ, но все это можно было простить за одну новость и самобытность созданій Бальзака [1]). Въ той же области романа, какъ послѣдователь В. Скотта, пользуется извѣстностью «писатель, скрывающійся подъ именемъ Якоба Библіофила». Онъ «облекъ занимательнымъ разсказомъ нѣсколько событій изъ французской исторіи и преобразилъ ихъ въ любопытныя и наставительныя повѣсти», причемъ «доводитъ вѣрность изображеній прежняго времени до того, что заставляетъ дѣйствующихъ лицъ даже говорить ихъ старинымъ языкомъ» [2]).

Разсматривая нѣмецкую словесность, Полевой начинаетъ съ изображенія освободительнаго движенія, направленнаго противъ классицизма. «Германіи, этой плавильной печи европейскихъ идей, надобно было вступиться за права истинной поэзіи европейцевъ. Когда Кантъ началъ разрушать ложную философію, Гердеръ воспитывалъ Гете, Виландъ, Клопштокъ развивались въ сво-

---

виду отсутствія какого-либо сужденія о Дюма въ рецензіяхъ, подписанныхъ инициалами Полевого, мы включаемъ данный отзывъ въ число его мнѣній, такъ какъ общее направленіе *Московскаго Телеграфа* должно быть солидарно со взглядами его издателя-редактора. Указаннаго метода мы будемъ придерживаться и впредь при характеристикѣ отношеній Полевого къ нѣкоторымъ изъ русскихъ писателей.

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 19, стр. 397—398.

[2]) Тамъ же, 1832, № 2, стр. 237; № 14, стр. 249; 1833, № 14, стр. 271.

ихъ отдѣльныхъ созданіяхъ, Лессингъ началъ опровергать самую теорію французовъ—и возсталъ Гете» [1]). «Имя Гердера не столь извѣстно въ Россіи, какъ имена славныхъ друзей его и современниковъ... Онъ можетъ почесться первоначальнымъ изъ тѣхъ поэтовъ германскихъ, кои, въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка, создали великій міръ новой германской поэзіи. Уступая другимъ, какъ поэтъ, онъ выше другихъ, какъ человѣкъ, споспѣшествовавшій развитію новѣйшей германской философіи, какъ мыслитель первостепенный. Разнообразныя поэтическія, философическія и историческія творенія Гердера особенно дышатъ тою небесною любовью, храмомъ коей воображалъ онъ цѣлый міръ и алтаремъ сердце человѣка» [2]). «Подъ хоругвью» воспитаннаго Гердеромъ Гете «возстала самобытная поэзія германская. Все объемлющій алтарь среднихъ вѣковъ, Шекспиръ былъ изученъ и понятъ», «явились Жанъ Поль, Шиллеръ, Вернеръ». «Кажется, можно безъ оговорокъ согласиться съ тѣмъ, что Гете не былъ только поэтъ, какъ были только поэтами Дантъ, Тассъ, Байронъ. Геній Гете вмѣщалъ въ себѣ что-то всеобщее, универсальное: вселенная была его символомъ. Онъ изумлялъ всеобщностью генія, въ которой нераздѣльно сливался въ немъ поэтъ, мыслитель, ученый человѣкъ. Потому ни одно изъ поэтическихъ созданій Гете, отдѣльно взятое, не удовлетворяетъ насъ вполнѣ: его романъ, трагедія, комедія, поэма показываютъ, что это суть созданія генія, столь великаго, что въ нихъ никакъ не могъ онъ весь выразиться; мимоходомъ, часть Гете видите вы въ нихъ; онъ не высказываетъ вамъ себя безотчетно, безъ всякой тайной, сокрытой во глубинѣ души его, недосягаемой для васъ мысли. Только въ «Фаустѣ» Гете сказался вполнѣ. Оттого «Фаустъ» его выражаетъ все, и ни къ какому роду частныхъ созданій причисленъ быть не можетъ. Посему романы и драмы Гете не были слѣдствіемъ безусловной восторженной мысли, идеи, воспламеняющей все бытіе поэта. Это суть поэтическія рѣшенія задачъ, предложенныхъ геніемъ Гете самому себѣ. При мелкомъ дарованіи, подобные опыты надъ собою будутъ смѣшны и жалки; при всеобъемлемости Гете изъ нихъ являлись созданія великія. Рядъ твореній, каковы: «Гецъ фонъ-Берлихингенъ», «Эгмонтъ», «Ифигенія», «Вертеръ», «Германъ и Доротея», «Виль-

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 102—103.

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 6 (примѣчаніе); 1829, № 17, стр. 93.

гельмъ Мейстеръ» — это не рядъ вдохновеній, насильственно колебавшихъ душу поэта, невольно увлекавшихъ его воображеніе, терзавшихъ его бытіе. Нѣтъ, это—опыты ничѣмъ непобѣдимой силы могучаго генія: Гете захотѣлъ сказать свою мысль о любви—пишетъ «Вертера»; рѣшился явить въ Германіи историческую драму Шекспира—пишетъ «Геца фонъ-Берлихингена»; вздумалъ показать примѣръ драмы древнихъ—создаетъ «Ифигенію». Такъ и драма его «Торквато Тассо» была однимъ изъ подобныхъ предпріятій. Это идея, спокойно принятая въ душу генія и воспроизведенная имъ въ изящной формѣ искусства [1]). Шиллеръ—полная противоположность Гете. «Прочтите» піесу «этого самаго драматическаго генія новой поэзіи»: при всѣхъ несовершенствахъ ея вы увлечены, вы ослѣплены. Чѣмъ? Тѣмъ, что поэтъ весь тутъ, весь душою и тѣломъ, безъ всякой сокрытой отъ васъ мысли; онъ показалъ вамъ всю свою душу. И это самоотверженіе, это приношеніе на жертву самого себя, сближающее человѣка съ безконечностью, невольно увлечетъ и васъ безъ отчета. Но съ Гете вы торгуетесь, такъ сказать; принуждены уступать ему, но и побѣжденные еще спорите за свое пораженіе. Гете—это философъ, убѣждающій васъ умомъ; Шиллеръ—это фанатикъ, увлекающій своею безграничною вѣрою въ свою фантазію» [2]). Піесы Шиллера — не одинаковы по достоинству. «Такъ идеальность Макса и германскій либерализмъ Донъ-Карлоса повредили симъ прекраснымъ созданіямъ... Напротивъ, какъ простъ, какъ хорошъ поэтъ въ «Вильгельмѣ Теллѣ»—это истинная жизнь, это живая исторія» [3]). И «разсматривая планъ «Димитрія Самозванца», неконченный, необработанный, едва набросанный, согласимся, что Шиллеръ «хотѣлъ создать нѣчто великое и превосходное, что онъ умѣлъ дать дѣятельную жизнь своему творенію. Его «Димитрій Самозванецъ» сталъ бы выше «Бориса Годунова», созданнаго Пушкинымъ» [4])... Говоря вообще, въ концѣ XVIII вѣка, «три слѣдующія обстоятельства замѣтны» въ нѣмецкой литературѣ. «Въ то время, когда началось движеніе умственнаго міра Германіи, послѣдовало и совершенное отдѣленіе его отъ міра дѣйствительнаго, практическаго. И всегда

---

[1]) «Очерки», ч. I, стр. 322—323; ср. стр. 177, 179, 283—284.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 323—324.
[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 179.
[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 210.

Германія была чужда практикѣ общественной жизни, и всегда не она обобщала въ Европѣ вѣковыя идеи»: «она была скалою умственнаго бытія, о которую разбивались всѣ волны неслыханныхъ политическихъ и общественныхъ переворотовъ. Жители сей скалы какъ будто вовсе не знали, что́ дѣлается въ остальной Европѣ». Во-вторыхъ, «умственное усиліе въ теченіе полустолѣтія должно было, наконецъ, истощить Германію, и отразивши умственную дѣятельность свою на Европу, Германія должна была впасть въ усыпленіе. Если всеобщность способствовала къ проявленію идеи о частной самобытности, въ то же время самобытность не могла явиться прежде, пока всеобщность не утомитъ духа, не доведетъ его до самаго величайшаго объема идеальности, гдѣ онъ долженъ погибнуть, совершенно отторгнутый отъ земли и дѣйствительности». Наконецъ, «смотря съ сей точки зрѣнія, нельзя не удивляться всеобщности, какою обладали германцы, великости трудовъ, дѣлимости, многообъемлемости знанія ихъ. Все великое сего времени есть что-то *универсальное*, всеобъемлющее»: выдающіеся писатели соединяютъ въ себѣ дарованія трагика, историка, философа, романиста и др. «Изъ сего міра высочайшей всеобщности, идеальности, *вселенности*, Германія впала въ совершенную частность, практику, народность. Геніи Германіи исчезли; философія распалась на части; поэзія запѣла старинную легенду; музыка заиграла народную пѣсню; изысканія обратились на древности отчизны» [1])... Нѣкоторые изъ поэтовъ новѣйшей эпохи еще сохранили кое-какую связь съ прошлымъ; другіе воспитывались всецѣло въ измѣнившихся жизненныхъ условіяхъ. Къ разряду первыхъ можно причислить Людвига Тика. Онъ—«писатель умный, ловкій, національный, сильно участвовавшій въ переворотѣ германской словесности съ половины XVIII вѣка; душѣ его не было чуждо ничто великое и изящное, и она отзывалась во многомъ сильно и глубоко. Но здѣсь кончится слава Тика. У него не найдете ни всемірности Гете, ни неземного возвышенія Шиллера, ни глубокаго соединенія поэзіи и философіи Гердера, ни горящаго хаоса души Жанъ-Поля. Онъ всегда летитъ въ виду земли, кокетствуетъ съ фантазіей, разсказываетъ сказки, и не забываетъ, что онъ нѣмецъ и совѣтникъ Тикъ. Его вдохновеніе, его знанія носятъ на себѣ отпечатокъ какого-то труда, усилія—еще болѣе:

---

[1]) „Очерки“, ч. I, стр. 151—152.

чего-то натянутаго, чопорнаго. Не въ томъ ли разгадка славы Тика, что онъ участвовалъ въ самыхъ первыхъ битвахъ германскаго литературнаго генія, что тогда онъ умѣлъ понять истину общаго дѣла, и записанъ былъ въ число воиновъ, наряду съ другими великими людьми?» [1]). Къ поэтамъ послѣдняго періода нѣмецкой литературы принадлежитъ Генрихъ Цшокке, «милый, очаровательный разсказчикъ». «Это—писатель не великій и образцовый, но пріятный для ума и сердца. Повѣсти его никогда не состарѣются, ибо въ нихъ человѣкъ изображенъ безъ прикрасъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности, но изображенъ кистью поэтическою. Цшокке можно также назвать нѣмцемъ съ французскимъ остроуміемъ. Во многихъ мѣстахъ онъ мастерски изображаетъ смѣшныя стороны своихъ соотечественниковъ. Вообще повѣсти его читаешь и перечитываешь съ большимъ удовольствіемъ» [2]). Но совершенно невозможно такъ отозваться о произведеніяхъ нѣмецкихъ послѣдователей Вальтера Скотта. Блюменгагенъ—совсѣмъ «не важный» романистъ. «Его сочиненія составляютъ постоянный запасъ альманаховъ и нѣкоторыхъ легкихъ журналовъ, потому что состоятъ почти исключительно изъ повѣстей». Въ Германіи «есть много такихъ подрядчиковъ-литераторовъ, которые пишутъ, какъ живутъ: ни хорошо, ни худо. Едва замѣтныя искорки чувства свѣтятъ въ ихъ сочиненіяхъ, забросанныхъ, переполненныхъ общими мѣстами, готовыми положеніями, извѣстными напередъ нечаянностями» [3]). Немного лучше Блюменгагена Фанъ-деръ-Фельде, «дарованіе котораго невелико, но было великолѣпно расхвалено благосклонными» рецензентами. «Романы его—мыльные пузыри, надутые въ пріятельскую соломинку». Онъ—«писатель умный», но обдѣленный поэтическимъ талантомъ. «А романъ безъ поэзіи—то же, что человѣкъ безъ души» [4]).

Полевой интересовался также литературами итальянской и польской: въ довольно пространномъ очеркѣ имъ пересказана жизнь Торквата Тасса, оцѣнены поэма «Освобожденный Іерусалимъ», пастушеская драма «Аминтъ», трагедія «Торрисмондо» [5]),

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 17, стр. 105—108.
[2]) Тамъ же, 1831, № 10, стр. 237—238.
[3]) Тамъ же, 1833, № 19, стр. 411.
[4]) Тамъ же, 1830, № 5, стр. 86; 1832, № 19, стр. 393—394.
[5]) „Очерки“, ч. I, стр. 284—320.

и во многихъ статьяхъ указываются высокія качества поэзіи Мицкевича и излагается исторія польскаго театра [1]).

Впрочемъ, по разсмотрѣніи *всѣхъ* критическихъ статей, разсѣянныхъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* за время его существованія, важнѣйшей заслугой Полевого должно признать составленіе перваго [2]) общаго обзора русской словесности съ древнѣйшаго періода до пушкинской эпохи включительно [3]).

Русская старина съ ея языческой поэзіей манила нашего критика, несмотря на полную неразработанность этого еще сырого матеріала въ началѣ прошлаго вѣка. «Замѣтимъ», писалъ онъ: «что изслѣдованіе происхожденія разныхъ суевѣрныхъ мнѣній и обрядовъ, донынѣ въ Россіи существующихъ, можетъ быть, объяснило бы намъ нѣчто въ словенской миѳологіи. Напримѣръ: у насъ въ Троицынъ день ставятъ березки и водятъ танки, т. е. пляшутъ хороводами; наканунѣ Рождества день называется *колядою*: тогда ѣдятъ *кутью* (вареную пшеницу съ медомъ) и разные сушеные плоды; наканунѣ Крещенья, въ день, именуемый *свѣчка*, зажигаютъ свѣчи и ѣдятъ кисель съ сытою; въ день сорока мучениковъ дѣлаютъ фигуры изъ тѣста, влѣзаютъ на крыши домовъ и поютъ *особенныя* пѣсни; въ *чистый четвергъ* жгутъ соль съ особенными приговорками; святый *Флоръ* почитается покровителемъ лошадей и проч. Наблюдательный умъ и постоянное изслѣдованіе, руководимые здравой критикой, могутъ успѣть во многомъ» [4]). «Народная поэзія русская, при соединеніи норманновъ съ славянами, образовалась въ видѣ *сагъ*, или поэмъ, которыя были пѣты русскими *боянами*, или *баюнами*. Славянскій образецъ такихъ поэмъ находимъ мы въ древнихъ пѣснопѣніяхъ сербовъ и чеховъ; норманскій — въ пѣснопѣніяхъ скандинавскихъ скальдовъ. Русскія *саги* есть именно среднее между тѣмъ и другимъ. Характеръ

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 2, стр. 233; № 17, стр. 3—5 (примѣчаніе); 1827, № 22, стр. 118—139: „Избранныя сочиненія изъ польскаго театра", ст. Н. П. См. тамъ же, 1826, №№ 15, 16: „О состояніи, духѣ и стремленіи новѣйшей польской поэзіи". Нѣкоторыя другія статьи о польской литературѣ, помѣщенныя въ *Московскомъ Телеграфѣ*, писаны кн. П. А. Вяземскимъ.

[2]) Мы исключаемъ *бѣглые* очерки А. А. Марлинскаго.

[3]) См. собственныя признанія Н. А. Полевого въ „Очеркахъ", ч. II, стр. 141.

[4]) *Вѣстникъ Европы*, 1819, № 21: „Замѣчанія на статью: „Нѣчто о Ведоѣ"

ихъ—какое-то добродушное, свирѣпое удальство, совершенное удаленіе отъ восточнаго многоглаголанія и витіеватости схоластической: простота образовъ: жаръ души; сила слова; повторенія одного и того же; повтореніе нѣсколькихъ извѣстныхъ выраженій, какъ будто пословицъ и поговорокъ. Все это совершенно въ духѣ русскомъ.

Со введеніемъ христіанской вѣры, миѳологическо-героическая поэзія руссовъ казалась неумѣстною [1]). Ее изгоняли вовсе, почитая язычествомъ, или она должна была облекаться въ формы христіанства: вотъ періодъ «Слова о полку Игоревомъ» — миѳогероической поэмы съ формами христіанства. Тутъ являются: Хорсъ, Даждь-Богъ и Пирогощая Богоматерь; герои—христіане, но ихъ окружаютъ сны, видѣнія, дивы; они взываютъ къ солнцу, рѣкамъ; море смерчами идетъ на нихъ [2]). Чѣмъ далѣе, тѣмъ бо-

[1]) Полевой любилъ заниматься изученіемъ памятниковъ древней письменности, предлагалъ издать сводъ лѣтописей съ варіантами и объясненіями, писалъ небольшія изслѣдованія о времени жизни Нестора, о хронологіи въ его лѣтописи, о волохахъ и др., напечатанныя въ „Исторіи русскаго народа“ (т. I. стр. 279, 306 и др. См. также *Московскій Телеграфъ*, 1825, №№ 1—3). Его занималъ вопросъ о „древнемъ языкѣ словенскомъ“. „Кириллъ и Меѳодій“, писалъ онъ: „переводили на одно изъ нарѣчій словенскихъ“, „держась, вѣроятно, древняго сербскаго“; но „не перевели собственно ни на какое, а составили новый, неслыханный до того времени, языкъ церковный“. „Всѣ (сохранившіеся) переводы (книгъ Св. Писанія) должно назвать сборомъ словъ словенскихъ, разставленныхъ по греческому синтаксису, по греческимъ формамъ, и слѣдовательно должно совершенно отдѣлить отъ прежняго народнаго языка словенскаго... Увѣрившись, что языкъ церковный есть языкъ искусственный, должно отыскать,—по крайней мѣрѣ, по возможности стараться отыскать коренныя правила языка собственно словенскаго, и составить грамматику нецерковнаго, или греко-словенскаго языка, появившагося съ переводомъ Библіи, но первобытнаго, древняго словенскаго языка, или того языка, которымъ говорили наши предки“ (*Труды общества любителей рос. словесности*. М. 1824. ч. IV, стр. 24—43).

[2]) Относительно „Слова“ Полевой утверждаетъ, что это „неподдѣльное твореніе древней русской словесности“. Причина его одиночества объясняется и гибельными для сохраненія памятниковъ бѣдствіями Руси при игѣ монгольскомъ, и религіознымъ направленіемъ, „отклонявшимъ отъ списыванія произведеній чисто-поэтическихъ“. „Слово“ было извѣстно до изданія его, о чемъ свидѣтельствуетъ приписка на харатейномъ апостолѣ, находящемся въ Москов. Синод. библіотекѣ, подъ № 19-мъ, и существуютъ „слѣды бытія другихъ подобныхъ поэмъ“. „Такъ, напримѣръ, въ „Волынской лѣтописи“ приводятся слова поэта Митуса. Въ

лѣе русскія саги принимали схоластическую и религіозную форму, въ какую облекалась тогда вся письменность русская. Когда Платонова греческая философія являлась у насъ въ видѣ благочестивыхъ посланій (см. «Исторію русскаго народа», т. II, стр. 256 и слѣд.), поэзія переходила въ религіозно-героическій характеръ и прозаическую форму. Рядъ поэмъ продолжался непрерывно. Такъ, напримѣръ, походъ Мстислава Удалого на Суздаль носитъ на себѣ всѣ признаки поэтическаго повѣствованія; «Сказаніе о житіи Александра Невскаго», внесенное въ наши лѣтописи, есть явная поэма, только въ прозѣ, а «Сказаніе о Задонской битвѣ Димитрія Іоанновича» есть образецъ совершеннаго упадка поэтическихъ разсказовъ, перешедшихъ въ прозу. Монголы и туга и тягота ихъ владычества подавили русскую поэзію въ письменности. Она является намъ только въ такихъ повѣствованіяхъ, каковы: «Умильная Повѣсть» о нашествіи Батыя, разсказы о кончинѣ Михаила Черниговскаго и Михаила Тверского, нашествіи Тохтамыша, чудесахъ, явленіяхъ. Духъ поэзіи могъ воскреснуть послѣ монголовъ въ письменности русской, ибо элементъ ея не погибалъ въ изустныхъ преданіяхъ и душѣ народа».

«Въ то время, какъ поэзію гнали изъ княжескихъ чертоговъ и боярскихъ теремовъ, она укрывалась въ хижины и шалаши. Здѣсь она являетъ намъ три видоизмѣненія. *Первое* смѣшанно, грубо, невѣжественно повторяетъ старинныя саги героическія, сбивая въ нихъ древнее съ новымъ и описывая кратко современныя событія: таковы поэмы о Владимірѣ и богатыряхъ русскихъ (извѣстныя подъ именемъ собирателя ихъ, Кирши Данилова, удалого пѣвца, горькаго гуляки, казака сибирскаго), баллады народныя о Гришкѣ Отрепьевѣ, о князѣ Романѣ, Стенькѣ Разинѣ, пѣсни о стрѣльцахъ, сатиры историческія, пѣсни о татарахъ, казакахъ и проч. *Второе*—сказки, самородно-русскія и перешедшія съ Востока и Запада. Таковы: взятая изъ «Тысячи одной ночи», о Акирѣ Премудромъ, и западныя сказки о Бовѣ, Еруланѣ и другія, а также русскія *сказочныя импровизаціи*, которыя обновляетъ въ наше время сочинитель сказокъ казака Луганскаго. *Третье*, наконецъ, простая пѣсня русская, народная, на

„Сказаніи о Задонской битвѣ“ упоминается пѣвецъ Уранъ. Многія описанія въ лѣтописяхъ, до XIII вѣка, носятъ на себѣ слѣды поэтическихъ разсказовъ. Таковы, напримѣръ: завоеваніе Кіева хозарами; смерть Аскольда и Дира; походъ Олега къ Царьграду; смерть Олега и др.“...

которой видны три отличительныя, характеристическія черты: постоянное уныніе, какъ снѣгъ русскій, какъ зима и холодъ сѣверный; разгульная забывчивость, радость съ горя, какъ ласточка, какъ журавли, прилетѣвшіе на мгновенное лѣто русское и вскорѣ стадами, вереницами летящіе къ теплому югу; насмѣшливость, облеченная въ образы, какую видимъ въ басняхъ Крылова или (беремъ безъ выбора примѣры) въ пѣснѣ о Чурильѣ Игуменьѣ, Попѣ Саввѣ, Гостѣ Терентьищѣ.—Весь этотъ негибнущій элементъ поэзіи могъ бы, говоримъ, возстать въ созданіяхъ болѣе великихъ, но схоластика, производившая при монголахъ «Сказанія о Задонской битвѣ» и «Умильныя Повѣсти», послѣ нихъ уже систематически укрѣплена новою *западною схоластикою*, перешедшею къ намъ изъ Польши, со своими варварскими *мистеріями*, *силлабическими стихами*, *виршею*, *поэматами*, *апологіями*, *казаньями*, *акростихами*. Тогда *народная* русская поэзія, сдѣлавшись *простонародною*, надолго отдѣлилась отъ испорченной, наносной поэзіи, чуждой по формѣ и духу. Чуждая поэзія, расцвѣтшая подъ ферулою кіевскихъ школъ, среди Калнофойскихъ, Барановичей, Галятовскихъ, Копыстенскихъ, Словеницкихъ, привѣтствовала царя Алексія въ Полоцкѣ и сына его въ Москвѣ и Кіевѣ, послѣ Азова и Полтавы, тѣшила царей «Комедіями о блудномъ сынѣ и Навуходоносорѣ»; хитрила словами съ Симеономъ Полоцкимъ; писала исторію въ стихахъ варварскихъ; подносила Софіи уставъ Славено-Греко-Латинской Академіи, и пѣла для народа псальмы и стихиры, когда въ то же время ложная ученость того вѣка выводила Іоанновъ и Гедиминовъ отъ Августа Цезаря и Палемона и заставляла славянъ переписываться съ Александромъ Македонскимъ *златопернатыми буквами*» [1]). «Комедіи представляли въ нашихъ духовныхъ училищахъ и во дворцѣ. Оды и кантаты подносили знатнымъ и пѣли передъ царями. Псальмы и пѣсни пошли въ народъ. Языкъ всего этого былъ книжный, варварскій, польско-русскій, которымъ народъ не говорилъ въ то время» [2]).

«Здѣсь съ любовью обращается взоръ нашъ на наше отечество. Лѣтописи его, украшенныя именами столькихъ великихъ людей, являютъ намъ примѣръ генія, едва объемлемаго понятіемъ Если по великости размѣра можемъ судить о назначеніи человѣка и великости судьбы народа, въ которомъ онъ явился—какое испо-

---

[1]) „Очерки", ч. II, стр. 136 - 141. См. также „Исторію русскаго народа".
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 362.

линское назначеніе было Петру: русскія сердца угадаютъ, что объ немъ хотѣли мы говорить—и что́ за громадная судьба открывается при имени Петра для Россіи! Сближеніе Европы и Азіи, Востока и Запада, явленіе новой стихіи въ мірѣ человѣчества — такова судьба Россіи. А провозвѣстникъ этой судьбы, это чудное знаменіе новаго мірового народа, новаго всемірнаго царства, этотъ русскій царь, плотникъ въ Саардамѣ, адмиралъ на Балтійскомъ морѣ, полководецъ подъ Полтавою, законодатель и токарь, преобразователь народа и хирургъ, этотъ сынъ судебъ... измѣрьте его»... [1]) «Петръ хотѣлъ новаго книжнаго языка, для котораго составилъ азбуку. Опять появился книжный языкъ, уже второй, и основаніемъ ему послужилъ приказный, или дѣловой, съ примѣсью части разговорнаго, множества новыхъ словъ для новыхъ идей и предметовъ, и щегольствомъ иностранными словами и фразами, болѣе всего нѣмецкими. Начало литературы новаго языка положили переводы гражданскихъ книгъ. Шафировъ написалъ едва ли не первую русскую книгу.—Пока Россія двигалась по всѣмъ направленіямъ своего новаго бытія, почувствована была потребность и литературнаго движенія. Тутъ рѣшался важный вопросъ о литературномъ языкѣ. Языка прежней литературы принять было невозможно. Русскіе, вмѣстѣ съ церковными буквами, отказались отъ него, предоставивъ его только духовному краснорѣчію. Взялись за языкъ новый, который начался съ Петра Великаго. — Но подъ какими формами могла проявиться тогдашняя литература? Не бывши слѣдствіемъ сильнаго внутренняго чувства необходимости выражать свои самобытныя идеи, но только заимствованіемъ, безъ котораго чего-то недоставало въ обществѣ, она опять принялась за то, что́ уже существовало въ прежней литературѣ и было ей знакомо—за комедію, оду, сатиру, пѣсню.—Вмѣсто прежнихъ кіевскихъ образцовъ, русскіе узнали при новомъ образованіи своемъ западные образцы, французскіе и отчасти классическіе, т. е. латинскіе и греческіе, разумѣется потому, что другихъ въ цѣлой Европѣ тогда не знали. Но болѣе вникая во французскіе образцы, какъ общедоступные, русскіе свѣдали и переняли ложное понятіе о подражаніи древнимъ, хотѣли изучать ихъ и подражать имъ, и въ томъ сошлись съ литераторами и учеными прежней образованности, которые изучали латынь и также хотѣли подра-

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 234—235.

жать древнимъ» [1]). Тогда «явился Кантемиръ и копировалъ сатиры Буало и Горація». «Ни по времени, когда онъ жилъ, ни по обстоятельствамъ, въ которыхъ находился, ни по свойству ума и характера, онъ не могъ быть литераторомъ, писателемъ, и еще менѣе поэтомъ». Его сатиры—«мозаика, составленная на досугѣ умнымъ человѣкомъ», изобилующая «остроуміемъ, ѣдкостью, насмѣшкою», заимствованными у Ювенала, Лукіана, Персія, Ренье, Попа, и чуждая поэзіи и русской самобытности. «Принявъ систему французовъ, которые передѣлывали древнихъ на французскіе нравы, Кантемиръ перенесъ эту систему въ русскій переводъ, или, лучше сказать, въ русскую передѣлку»: обрисованные имъ нравы и общій колоритъ «годятся ко всѣмъ странамъ въ мірѣ». Несмотря на старыя, еще бывшія въ употребленіи у Ѳеофана и Ильинскаго, формы, выраженія, стопосложеніе, его сатиры «были въ свое время смѣлою попыткою перевода Буало и Горація», въ чемъ заключается ихъ несомнѣнное достоинство [2]).—Несравненно хуже ихъ произведенія Тредьяковскаго, посившагося съ своимъ профессорствомъ элоквенціи, «Телемахидою» и «Ролленемъ» и «писавшаго пѣсни, оды, поэмы» [3]). «Побывавъ во Франціи, бездарный» піита, «по своему врожденному безвкусію, къ своей семинарской схоластикѣ, къ своему трудолюбію, неруководимому разсудкомъ, прибавилъ еще пошлую сентиментальность, чопорную затѣйливость, страсть заниматься пустяками, щегольскую хвастливость французовъ начала XVIII вѣка. Первымъ плодомъ этой смѣси семинариста съ франтомъ, пудры съ ферулою, варварской латыни съ французскимъ языкомъ былъ переводъ «Ѣзды въ островъ любви» [4])... Не менѣе Тредьяковскаго былъ гордъ и самодоволенъ Сумароковъ, «съ своею увѣренностью, что онъ «явилъ Россамъ Расиновъ театръ», съ директорствомъ этого театра, *Трудолюбивою Пчелою* и Аннинскою кавалеріею».—И «только однажды, тотчасъ послѣ Петра», было въ Россіи «явленіе генія многосложнаго, изумительнаго своимъ разнообразіемъ, брошеннаго судьбою въ самыя низшія званія народа, вышедшаго изъ нихъ своею непобѣдимою волею, блеснувшаго потомъ на самыхъ высшихъ ступеняхъ современной образованности—явле-

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 362—363. Ср. тамъ же, стр. 47.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 368—380.
[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 253, 363—364.
[4]) Рукописи Румянцевскаго музея, № 2604, лл. 7, 8.

ніе генія, боровшагося съ жизнью, съ людьми, съ природою, съ самимъ собою, вѣчно устремленнаго въ томительное многоразличіе, вѣчно недовольнаго собою: этимъ явленіемъ былъ Ломоносовъ, имя у насъ народное, имя типовое. — Что́ такое былъ Ломоносовъ? Онъ не только стихотворецъ, не только художникъ, не только ученый, не только писатель: въ его пламенной душѣ кипѣло все, и подъ сосредоточенными лучами впечатлѣній, отвсюду летѣвшихъ въ его душу, все сгорало въ ней, какъ алмазъ горитъ и углится подъ лучами соединенныхъ зеркалъ»... Его «назначеніемъ была смутная тревога, порывъ ко *всему*, начинаніе *всего*». «Ломоносовъ—не поэтъ, но онъ изобрѣтаетъ метръ, которымъ надо облечь русскій стихъ, и создаетъ нашу лирическую поэзію, и испытываетъ силы въ поэмѣ, дидактикѣ, пѣснѣ, трагедіи—не поэтъ, а какими яркими красками сыплетъ онъ перлы вдохновенія, даже въ стихахъ ex officio, въ кандалахъ классицизма... За сто лѣтъ до насъ, онъ умѣетъ передавать въ звучныхъ стихахъ красоты Библейскаго языка. Ораторскія творенія его теперь уже не образцы слога, но они всегда образцы мыслей, искусства необыкновеннаго, дарованія огромнаго, вдохновенія жаркаго. А между тѣмъ, Ломоносовъ творитъ и грамматику, и риторику. Смотрицкій могъ только дать ему заржавѣлый топоръ, которымъ Ломоносовъ прорубитъ дорогу сквозь дремучій лѣсъ русскаго языка... Но словесность—отдыхъ генія: его прямое назначеніе—познаніе природы. И онъ является сыномъ уже второй половины прошедшаго вѣка; онъ постигаетъ великую мысль, которая въ одно время вдохновляла его и Франклина; онъ споритъ съ Ньютономъ о теоріи свѣта, и если ошибся онъ—ошибся и Ньютонъ—борьба славна [1]). — Одинъ только великій человѣкъ умѣлъ понять и оцѣнить, умѣлъ одушевлять Ломоносова, и этотъ великій человѣкъ была Екатерина». Ея «вѣкъ былъ для Россіи блестящимъ вѣкомъ Людовика XIV и Медицисовъ». Императрица, «любя славу, видѣла необходимость роскоши просвѣщенія, и включила литературу русскую въ число потребностей образованнаго общества. Право на появленіе въ лучшемъ обществѣ составило упражненіе въ литературѣ, когда Екатерина сама писала русскія комедіи и пословицы, участвовала въ *Собесѣдникѣ*, сочиняла словари и наказывала стихами изъ «Телемахиды» тѣхъ, кто въ обществѣ эрмитажномъ говаривалъ не по-русски. И послѣ сего

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 230—259.

Петровъ долженъ былъ ѣздить въ обозѣ Потемкина, Херасковъ— писать поэмы, Княжнинъ—трагедіи, Богдановичъ—легкую поэму, Нелединскій—пѣсни, Капнистъ—сатиры, и всѣ — сочинять оды. За образцами, за восторгомъ ходить было недалеко — надобно было только читать французовъ, вѣрить Буало, кланяться Расину, видѣть въ Вольтерѣ образецъ генія, въ Энциклопедіи—магазинъ всѣхъ возможныхъ познаній. Все это составляло общность образованія, до котораго старались достигнуть молодые люди, желая быть допущенными къ меценатамъ, что́ было и выгодно, и пріятно, давало ходъ и занимало умъ [1].— Въ такомъ-то мірѣ жилъ поэтъ Державинъ. Онъ увлекся сначала другими, впалъ во всѣ тогдашнія ошибки и недостатки: переводилъ Горація и Овидія, не понимая духа древнихъ; надувалъ торжественную трубу; искалъ правилъ у Тредьяковскаго и Батте—такъ ошибался онъ въ поэзіи своей. Еще важнѣе была ошибка въ жизни»: «онъ служилъ и почиталъ поэзію мимолетнымъ занятіемъ»... «Въ торжественныхъ стихахъ Державина, писанныхъ въ первый періодъ дѣятельности, видитъ еще надутый подражатель Ломоносова. Но любовь, дружба, геній обитали съ поэтомъ, и онъ, недовольный ничѣмъ, мыслилъ уже *о совершенно особомъ пути*», благодаря «совѣтамъ Львова, Капниста и Хемницера». Лирикъ по характеру своего дарованія, Державинъ «жилъ въ идеяхъ, прообразуемыхъ веществомъ: вдохновлялся Екатериною, какъ изображеніемъ божества на землѣ, и видѣлъ въ ней богиню Сѣвера, какъ видѣли всѣ другіе». Въ его пѣснопѣніяхъ замѣтны самобытность и сила генія, которыя были причиною того, что даже всякое *подражаніе* его ознаменовывалось печатью величія и изящества»; въ нихъ можно найти дурные стихи, но никогда нельзя не удивляться мыслямъ и образамъ. «Восторгъ самодовольный, жаръ души, сила и живопись слова—вотъ отличительныя свойства созданій Державина», который всецѣло «проникается каждымъ предметомъ и возсоздаетъ сей предметъ въ самомъ себѣ и своемъ твореніи». «Какъ поэтъ-живописецъ, онъ станетъ на ряду съ величайшими поэтами міра. Онъ весь въ картинахъ: это русскій снѣгъ, горящій лучами солнца. Замѣтьте особенно повсюдную унылость души, это веселіе забывчивости, это разгулье русское, прорывающіяся сквозь восторгъ и радость, сквозь громы и бури геніи; это изъ русскаго сердца выхвачено! Въ торжественной пѣснѣ:

---

[1]) „Очерки", ч. II, стр. 461—462. Ср. ч. I, стр. 54—55.

въ эротической піесѣ Державина найдете вы сіи родныя сердцу черты. Найдете и добродушіе насмѣшки, и русскій гуморъ, и родную шутку въ образахъ» [1]).—«Къ разряду немногихъ прекрасныхъ и утѣшительныхъ явленій въ нашей словесности» можно причислить и современника Державина — Хемницера. То былъ «мудрецъ и поэтъ, забытый всѣми, неоцѣненный, который можетъ почесться достойнымъ соперникомъ Крылова и быть смѣло поставленъ наряду съ нимъ, хотя онъ предшественникъ его». Нѣмецъ по происхожденію, онъ «зналъ однакожъ русскій языкъ, какъ коренной православный. Державинъ былъ его другомъ и слушался его совѣтовъ. Россійская Академія избрала его въ члены при своемъ основаніи». «Его басни должны быть *народною* книгою... Нѣкоторыя изъ нихъ переведены изъ Лафонтена и Геллерта, но большая часть — оригинальныя». «Уже въ семидесятыхъ годахъ Хемницеръ постигъ тайну настоящаго перевода апологовъ»: какъ обойти молчаніемъ «языкъ и легкость стиховъ, живость разговора, искусство въ описаніяхъ» и «мастерскую выдержанность» почти каждой басни «съ начала до конца»! «Злое простодушіе и зацѣпка мимоходомъ, которую авторъ бросаетъ такъ легко, нечаянно, добродушно», заставляетъ «подивиться чудному искусству поэта»... Произведенія Хемницера—«драгоцѣнный алмазъ, заброшенный въ пыли, но достойный сіять въ вѣнцѣ русской словесности» [2]).—Помимо лирики и эпоса, въ Екатерининскую эпоху получила дальнѣйшее развитіе и драма. «Тогда, при графѣ Панинѣ, служилъ молодой человѣкъ съ талантомъ необыкновеннымъ: это былъ Фонвизинъ. На девятнадцатомъ году возраста, въ 1763 году, онъ вздумалъ написать оригинальную русскую комедію, и понялъ, что для этого надобно удалиться отъ избитой тропы, надобно облагородить комическій фарсъ, взять предметъ изъ русскихъ нравовъ, и выборъ его палъ на то, что́ было всего ближе къ нему: онъ рѣшился обратить на смѣхъ жалкую смѣсь русскаго аристократства съ невѣжествомъ и модною полуобразованностью, и написалъ «Бригадира», первую русскую комедію». «Послѣ восемнадцатилѣтняго молчанія», былъ созданъ «Недоросль», гдѣ Фонвизинъ «показалъ менѣе прежняго знанія комедіи и болѣе умѣнья списывать съ природы» [3]).—Съ неменьшимъ успѣхомъ началъ литера-

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 1—94. Ср. главу „Критическіе пріемы".

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 383—412.

[3]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 5, стр. 86—92; ср. 1830, № 13, стр. 72.

турную дѣятельность Аблесимовъ. «Комическая опера «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ», даже тысячу разъ представленная, не перестаетъ нравиться, и всегда нравиться будетъ». «Аблесимовъ писалъ ее, не думая о правилахъ; содержаніе извлекъ изъ души, а краски взялъ просто съ природы, даже подслушалъ для этого пѣсни народа: можно быть увѣреннымъ, что и основою содержанія «Мельника» было истинное происшествіе. Посмотрите на другія піесы Аблесимова, напримѣръ, «Пирушку подъячихъ». Это подражаніе фарсамъ Сумарокова и его собратій, тогдашнихъ *знаменитыхъ*. Если бы Аблесимовъ слушался только того вдохновенія, которое внушило ему «Мельника», быть можетъ, уже пятьдесятъ лѣтъ прежде Скриба и его товарищей, у насъ образовался бы свой, русскій водевиль» [1])...

«Замѣтимъ, что литература была тогда въ Россіи не исключительнымъ занятіемъ двора, духовныхъ училищъ и ученыхъ обществъ: она перешла вообще въ дворянское званіе. Сильнѣйшимъ дѣйствователемъ въ началѣ сего времени явился Новиковъ. Онъ воспиталъ, такъ сказать, Карамзина. Знакомый въ юности съ возрождавшеюся Германіей, другъ пламеннаго, несчастнаго Ленца, Карамзинъ, а за нимъ и его послѣдователи представили намъ однакожъ періодъ французской литературы XVIII столѣтія. Лишенная великихъ геніевъ первоначальныхъ, сія литература удивляла систематическою, условною правильностью формъ, занимала и передѣлывала по-своему чужое: это былъ свѣтскій, любезный человѣкъ, потомокъ грубаго, но славнаго предка, получившій свѣтское образованіе, имѣющій обо всемъ свои невѣрныя, но положительныя понятія, немножко философъ, немножко вольнодумецъ, остроумный насмѣшникъ, щегольски одѣтый, знающій множество пріятныхъ искусствъ, всегда напрысканный духами, довольно путешествовавшій, много видѣвшій и все по-своему понимающій». Тогда не было различія между переводомъ и сочиненіемъ: не было слова о народности: никто не прислушивался къ родному голосу: національное смѣшивали съ простонароднымъ, не позволяли русской повѣсти явиться, пока не завивали у нея локоновъ à la Флоріанъ или à la Мармонтель, и русской пѣснѣ, пока она не выучивалась дѣлать рулады итальянскія или французскія». «Литературный міръ этотъ слышалъ, напримѣръ, о Шекспирѣ, о Кантѣ, зналъ ихъ по Летурнеру и Виллерсу, но умѣлъ

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1831, № 8, стр. 552—553.

какъ-то приводить ихъ въ мелкій уровень своихъ понятій... Споръ жаркій завязался о русскомъ языкѣ, но ни та, ни другая сторона не опредѣлили надлежащимъ образомъ предмета, и не знали, чего хотятъ и о чемъ спорятъ. Прочтите возраженія противъ книги А. С. Шишкова, особливо возраженія Макарова, считавшагося великимъ остроумцемъ: намъ жалко читать ихъ! Подшиваловъ зналъ хорошо нѣмецкій языкъ, и что́ же онъ дѣлалъ? Переводилъ Мейснеровы сказки... Посмотрите на тогдашнія журнальныя извѣстія о важнѣйшихъ произведеніяхъ нѣмецкой словесности: не говоря уже о другихъ, это переводныя краткія статейки изъ иностранныхъ журналовъ. Самыя великія явленія Европы оставались неизвѣстными, и никто объ этомъ не безпокоился. Когда внѣдрилась на театрѣ романтическая драма—Коцебу игралъ первую роль. Романы его, А. Лафонтена, Радклифъ, Дюкре-Дюминиля и Коттень были лучшимъ чтеніемъ образованной публики, съ прибавкою «Фоблаза», «Орлеанской Дѣвственницы» и Гиго Лебреня» [1]). Сыномъ этой эпохи былъ Карамзинъ. «Рожденный съ пылкою, нѣжною и истинно поэтическою душою, онъ отказался отъ свѣта и обольщеній его, жаждалъ просвѣщенія, отдалъ всего себя литературѣ, жилъ поэтомъ, показалъ собою первый въ Россіи примѣръ человѣка, который литературу дѣлаетъ цѣлью своей жизни» [2]),— но, соединяя въ себѣ много достоинствъ, не избѣжалъ свойственныхъ современникамъ недостатковъ. «Прочитайте «Письма русскаго путешественника»: Карамзинъ говоритъ о Шекспирѣ, о Кантѣ, о Гете, но онъ видитъ только внѣшность ихъ, и собственно — онъ щеголеватый французъ душою. Переберите его *Московскій Журналъ*, его *Вѣстникъ Европы*: Картонъ, Сакунтала — онъ знаетъ ихъ и переводитъ, но онъ восхищается Херасковымъ, на колѣняхъ передъ Анахарсисомъ; онъ передѣлываетъ языкъ и впадаетъ въ нестерпимые галлицизмы» [3]). «Онъ не можетъ напереводиться Мармонтеля и Жанлисъ» и пишетъ «знаменитую» «Бѣдную Лизу» [4]). «Если бы надобно было сравнивать съ кѣмъ-либо Карамзина, мы сравнили бы его съ Ломоносовымъ: онъ шелъ съ того мѣста, на которомъ Ломоносовъ остановился, кончилъ то, что́ Ломоносовъ началъ. Подвигъ того и другого

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 104--105: 108--109.
[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 464.
[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 104.
[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 109, 142.

былъ равно великъ, важенъ, огроменъ въ отношеніи къ Россіи... Карамзинъ, образованный изученіемъ писателей французскихъ, проникнутый просвѣщеніемъ Европы», «перенесъ пріобрѣтенное имъ въ родную почву, и сильнымъ дѣятельнымъ умомъ своимъ двинулъ впередъ соотечественниковъ. Подобно Ломоносову, чрезвычайно разнообразный въ своихъ занятіяхъ, Карамзинъ былъ грамматикомъ, стихотворцемъ, романистомъ, историкомъ [1]), журналистомъ, политическимъ писателемъ... Едва ли найдемъ какую-либо отрасль современной ему литературы, на которую онъ не имѣлъ бы вліянія; самыя ошибки его были поучительны, заставляя умы другихъ шевелиться, производя недоумѣнія, споры, изъ коихъ являлась истина» [2]).—«Въ то время, когда Карамзинъ предпринялъ преобразованіе нашей прозы, Дмитріевъ оказалъ важную услугу реформѣ нашихъ стиховъ. Но поэзія не была у Дмитріева главнымъ занятіемъ, ни какъ искусство, ни какъ непреодолимое вдохновеніе. Это досуги умнаго человѣка, который съ равною легкостью пишетъ оду, пѣсню, эпиграмму, сцену комедіи, сказку. Потому Дмитріевъ болѣе переводилъ. Апологъ служилъ ему средствомъ слегка шутить, поостриться; въ немъ не весь Дмитріевъ, не весь поэтъ. Онъ только шутитъ и доволенъ, если читатель его улыбнулся. Но какъ переводчикъ Лафонтена, Дмитріевъ можетъ почесться образцовымъ, хоть самъ сказалъ: «Какъ мѣсяцъ ни свѣти, а все не солнца свѣтъ» [3]).—«Карамзинскими» стихами, «отзывающимися тяжелымъ трудомъ», «принужденными», но «вылощенными», «гладкими», «стройными», «разводилъ узоры мыслей, опредѣленныхъ квадратцами канвы» — другой Дмитріевъ (М. А.), родственникъ перваго [4]), безспорно, не имѣвшій таланта писателя того же періода Мерзлякова. — «Сынъ бѣднаго Пермскаго жителя», впослѣдствіи «отличный» профессоръ, Мерзляковъ былъ хорошимъ стихотворцемъ и прозаикомъ. «Оды его испол-

---

[1]) Мы намѣренно опускаемъ отзывы Полевого объ „Исторіи государства россійскаго", которую онъ высоко цѣнилъ, несмотря на указанные въ ней, съ его точки зрѣнія, большіе пробѣлы: выясненіе историческихъ взглядовъ автора „Исторіи русскаго народа" слишкомъ отвлекло бы насъ отъ развитія основной темы нашего очерка и, можетъ быть, даже излишне послѣ выхода въ свѣтъ труда г. *Милюкова*: Главныя теченія русской исторической мысли. М. 1898.

[2]) „Очерки", ч. II, стр. 6—7.

[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 401; ч. II, стр. 451—482.

[4]) Тамъ же, ч. I, стр. 439—446.

нены поэзіи гораздо болѣе одъ Ломоносова и Петрова. Глядя сквозь стекло французскаго классицизма, онъ передавалъ въ этомъ отношеніи превосходно и Омира, и Тасса, и Вергилія. Какъ послѣдователь Лагарпа, онъ былъ теоретикомъ умнымъ и краснорѣчивымъ, сражался съ предразсудками и нелѣпостями неустрашимо, указывалъ и на нескладицу Сумарокова, и громадную пустоту Хераскова»... Употребляя, правда, иногда «Фонтенелевское и Мармонтелевское аханье», онъ, однако, «первый почувствовалъ прелесть простыхъ русскихъ пѣсенъ. При голосѣ Сандуновой и мелодіяхъ Кашина, онъ очаровывалъ нѣкогда преложеніемъ русскихъ пѣсенъ, *преложеніемъ*, повторяемъ, ибо тогда не иначе слушали народныя пѣсни» [1]).—Въ роли русскаго Дюсиса выступилъ Озеровъ, который, будучи недоволенъ своей трагедіей «Ярополкъ и Олегъ», «и по содержанію, и по слогу принадлежавшей къ Сумароковской школѣ», спустя шесть лѣтъ сдѣлалъ «чрезвѣрный шагъ» впередъ въ «Эдипѣ» [2]); а «русскимъ Теньеромъ» можно назвать Измайлова, автора многихъ и разнородныхъ сочиненій. Изъ повѣстей его лучшей признается «Ибрагимъ»; другія не заслуживаютъ перепечатыванія. Басни его, «принадлежа вообще къ хорошимъ въ своемъ родѣ», слишкомъ обнаруживаютъ желаніе Измайлова быть оригинальнымъ, часто переходить границы русскихъ выраженій, выводить Пьянюшкиныхъ, Яшекъ-поваровъ, вообще подонки общества и списывать ихъ вѣрно. «Нѣкоторыя басни прекрасны и по вымыслу, и по изложенію»; въ большинствѣ же случаевъ, выводимыя нравоученія—«удивительно нескладны» [3]).—Достоинъ упоминанія и «подававшій большія надежды» Василій Нарѣжный. «Подражая Сумарокову», онъ написалъ «Димитрія Самозванца», «піесу не глупую, но пустую, безцвѣтную, замѣчательную только смѣлостью молодого человѣка, которому впослѣдствіи судьба не дозволила вполнѣ развить истиннаго дарованія въ комическихъ романахъ». «Бурсакъ» Нарѣжнаго, «заключая въ себѣ живыя картины старинной Малороссіи, много острыхъ мыслей и правдивыхъ описаній, принятъ былъ съ похвалою, несмотря на недостатки, какъ-то: грубость слога, невѣро-

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 431—438. См. главу „Критическіе пріемы" и *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 16, стр. 339.

[2]) „Очерки", ч. I, стр. 105; ч. II, стр. 453—454; *Московскій Телеграфъ*, 829, № 1, стр. 95; 1832, № 18, стр. 246.

[3]) „Очерки", ч. I, стр. 400; *Московскій Телеграфъ*. 1827, № 3, стр. 212.

ятность происшествій и низость нѣкоторыхъ описаній. «Два Ивана», подвергаясь симъ же порокамъ, хуже «Бурсака» замѣняютъ ихъ достоинствами»; рѣшительно всѣ произведенія превосходитъ «Русскій Жилблазъ» [1]).—Между тѣмъ русская литература постепенно прогрессировала... Переводы Мерзлякова замѣнялись переводами Гнѣдича, «душа котораго возвысилась надъ мелочами современности».—Гнѣдичъ «не былъ рожденъ прокладывать новые пути въ области поэзіи; однакожъ, чувствуя ничтожность и прозу направленія современной словесности, не могъ оставаться въ сей душной атмосферѣ. Отъ юныхъ дней знакомый съ самобытною, освѣжительною поэзіей грековъ, онъ совершенно посвятилъ себя ей, и провелъ много лѣтъ въ уединенной бесѣдѣ съ божественнымъ Омиромъ. Для насъ русскихъ «Иліада» и Гнѣдичъ сдѣлались именами нераздѣльными. Еще не время рѣшать, вполнѣ ли передалъ намъ поэтъ нашъ великое созданіе Омира, но нѣтъ сомнѣнія, что трудъ его останется навсегда подвигомъ, достойнымъ удивленія». «Гдѣ начинаютъ говорить чувства возвышенныя, гдѣ являются картины стройныя, величественныя, тамъ видите вы Гнѣдича всегда вѣрнымъ своему дарованію», «удѣломъ котораго не были обыкновенныя лирическія стихотворенія» [2]).—Басни Измайлова уступили пальму первенства баснямъ Крылова. «Апологъ Крылова не выдержитъ разбора, если судить его по уставу строгаго Буало. Переводовъ его изъ Лафонтена мы не смѣемъ сравнивать съ переводами Дмитріева». Крыловъ «весьма часто не думаетъ учить насъ нравственности; онъ только наблюдаетъ, дѣлаетъ отмѣтки для себя и не заботится о духовной пользѣ своего читателя». «Не соблюдаетъ» онъ во многихъ своихъ басняхъ и «вѣрности въ вымыслѣ». «Нерѣдко найдемъ мы и невѣрность въ разсказѣ. Что касается до удивительной точности языка, то почтенный Иванъ Андреевичъ не всегда согласенъ съ грамматическою братіею и порой ставитъ ей такія загадки, которыхъ она разгадать не можетъ. Скорѣе слѣдовало бы сказать —вмѣсто удивительная точность языка—удивительная обработка стиха. Крыловъ, какъ многіе великіе поэты, обработываетъ и гладитъ свои стихи долго, тщательно, мучительно. Отдѣлка ихъ превосходна, но это отдѣлка гранитныхъ колоннъ, которыя по-

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 16, стр. 346; № 22, стр. 182—183; 1830, № 15, стр. 385.

[2]) Тамъ же, 1832, № 18, стр. 245—252.

лированы, блестятъ, однакожъ не легки и не вездѣ безъ царапинъ. Но въ чемъ же прелесть, достоинство и заслуги Крылова? Въ томъ, что онъ въ отношеніи къ Россіи то же, что Лафонтенъ въ отношеніи къ Франціи. Онъ первый создалъ *русскій* апологъ, первый умѣлъ «повести побасенку» на русскій ладъ, русскимъ словомъ, русскимъ умомъ, русскимъ говоромъ, сдѣлалъ его для насъ роднымъ, какъ русская пѣсня. Заговоритъ Крыловъ—мы видимъ умнаго русака, который все смекнулъ, все знаетъ, только иного не хочетъ сказать, и вмѣсто отвѣта значительно почесываетъ голову. «Да это нашъ!» восклицаемъ мы издали, увидѣвъ такого человѣка» [1]). — Наконецъ, «какъ Карамзинъ составлялъ переходъ отъ латино-французской эпохи къ чисто-французской эпохѣ XVIII вѣка», такъ Жуковскій «обозначилъ собою въ Россіи *переходъ* отъ новѣйшаго классицизма *къ романтизму новѣйшему*». «Его сочиненія и переводы сначала были чисто Карамзинскаго времени, и вскорѣ явили отливъ другого неба». «Марьина роща», повѣсть русская, написанная Жуковскимъ въ молодости, теряетъ всю цѣну по несообразности формъ. Жуковскій хотѣлъ, кажется, написать нѣчто такое, «что «Марьиной рощѣ» придало бы знаменитость *Лизина пруда*, и изобразилъ мечтательнаго трубадура въ русскомъ пѣвцѣ небывалаго времени, написалъ что-то въ родѣ страшныхъ легендъ нѣмецкихъ»... «Въ семъ первомъ періодѣ жизни его видимъ сначала однообразные опыты», къ которымъ принадлежитъ «почти вся проза»: повѣсти, разборы, переводы. «Къ счастію Жуковскаго, онъ съ дѣтства узналъ новую нѣмецкую литературу», и «нѣмцы сблизили его съ англичанами». «Впрочемъ, не должно полагать, чтобы Жуковскій глубоко проникалъ тогда въ сущность германской и англійской поэзіи. Онъ самъ признается, что «Гамлета» почитаетъ чудовищнымъ, уродливымъ произведеніемъ. Также не могъ онъ постигнуть глубины Гете и даже вдохновителя и любимца своего Шиллера». Жуковскій не подозрѣвалъ, что пустился въ «океанъ безпредѣльный». «Оптическій обманъ представлялъ ему берега вблизи. Срывая вѣтки деревъ въ безмѣрномъ саду» величайшихъ нѣмецкихъ геніевъ, «онъ думалъ, что переноситъ въ русскую поэзію цѣлый садъ этотъ». «Но Жуковскій, по нашему мнѣнію, былъ представителемъ только одной изъ идей европейскаго романтизма», и «міръ» новаго направленія лите-

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 395—400.

ратурнаго «проходилъ и проходитъ мимо его такъ, что онъ едва успѣваетъ схватить и разложить одинъ изъ лучей, какими романтизмъ осіялъ Европу». Указанный лучъ—«безотчетная мечтательность Шиллера». «Значительную часть стихотвореній Жуковскаго составляютъ *переводы* нѣмецкихъ балладъ». «Переберите» ихъ, а также «романсы и пѣсни, тоже большею частью переведенные»— «одна и та же мечта». Это—«разныя варіаціи на одну тему — тоску любви, тихую радость, жертву любви, свиданіе за гробомъ». Но одностороннюю идею Жуковскій «возсоздалъ изъ души своей въ совершенной полнотѣ и довелъ до такого многообразія подробностей, что она кажется цѣлымъ всеобъемлющимъ міромъ души человѣческой». Переводы его—«прекрасны», но «вѣрны сущностью, а не выраженіемъ»: Байронъ «дикій, порывистый, вольный дѣлается «мрачнымъ, тихимъ, унылымъ пѣвцомъ въ переводѣ Жуковскаго». «Музыка языка навсегда запечатлѣла стихи его»: однообразіе мысли будто хочетъ замѣниться разнообразіемъ изящной формы: при этомъ нѣкоторыя «выраженія были взяты у нѣмцевъ». «Собственныя созданія Жуковскаго до такой степени *космополитны*», что «едва отличите вы ихъ отъ переводовъ»; въ нихъ нечего искать народности. «Касательно мнѣній его объ ученыхъ основаніяхъ критики должно замѣтить, что они принадлежали къ тогдашней французской школѣ Лагарпа и Батте» [1].— Кромѣ Батюшкова, кажется, не вспомнитъ литературная исторія наша ни объ одномъ товарищѣ и послѣдователѣ Жуковскаго». Батюшковъ вдохновлялся противоположностью своего бытія съ пламенными думами сердца и души: его сочиненія были какъ-будто желаніемъ забыть на время въ наслажденіяхъ поэзіи неисполненныя мечты жизни». Его нельзя «почитать однимъ изъ жалкихъ классиковъ, какіе являлись во Франціи со временъ революціи. Нѣтъ! Умирающій Тассъ доказываетъ, что Батюшковъ могъ глубоко чувствовать. Проза его показываетъ въ то же время, что онъ могъ быть отличнымъ прозаикомъ. Чего ему недоставало? Въ прозѣ: идей: въ стихахъ: глубины восторга. Звуки его были прелестны. Къ сожалѣнію, онъ слишкомъ увлеченъ былъ мелкою французскою школою и цвѣтистыми мелочами Италіи—и онъ понималъ это. Грустная участь души пламенной, чувствующей свое безсиліе! [2]).

---

[1]) „Очерки", ч. I. стр. 95—144.

[2]) Тамъ же, ч. I. стр. 36, 114, 118—119, 319, 379.

«Отъ начала XIX-го столѣтія существовали у насъ въ литературѣ двѣ главныя партіи», «ударявшіяся въ противоположныя крайности»: «карамзинисты и славянофилы». Обѣ онѣ, съ теченіемъ времени, претерпѣвали различныя измѣненія во взглядахъ и понятіяхъ. Къ школѣ славянофиловъ въ данный моментъ «принадлежатъ люди, прилежно изучавшіе иностранную словесность и убѣжденные, что прежде всего надобно быть чистымъ сыномъ своего отечества, заимствовать силу и краски у своего народа и воскрешать старинный и, если можно, то и древній бытъ, древній языкъ, древнія понятія, потому что все это въ нынѣшнемъ русскомъ мірѣ образовано слишкомъ ужъ по иностранному. Эти люди уже во многомъ убавили требованія славянофиловъ, и пристали къ нимъ потому только, что основная мысль сихъ послѣднихъ справедлива»; но «ошибка ихъ въ томъ, что они, по слѣдамъ предшественниковъ своихъ, почитаютъ русскихъ славянами и церковно-славянскій языкъ древнимъ-русскимъ. Впрочемъ, это люди, по большей части, основательно учившіеся, глубоко понимающіе романтизмъ, и готовые на все прекрасное—только подъ славянскимъ знаменемъ. Къ этому разряду писателей принадлежатъ почетныя имена русской литературы: Грибоѣдовъ, Жандръ, авторъ «Ижорскаго» и нѣкоторые другіе. Къ нимъ принадлежитъ и Катенинъ» [1]). Образцомъ его піесъ можетъ служить «Андромаха». Она «такое же оригинальное произведеніе, какъ трагедіи Княжнина, Висковатова, Грузинцова и достоинствомъ нимало не выше твореній упомянутыхъ нами трагиковъ, во всякомъ отношеніи. Основная мысль и подробности собраны изъ французскихъ и греческихъ трагедій: Эврипидъ, Сенека, Шатобріанъ были главными вдохновителями нашего автора. Все слабо, нестройно, скучно, выкроено по мѣркѣ французскихъ трагедій и изложено въ стихахъ старообразныхъ и неловкихъ» [2]). Драматическая шутка Кюхельбекера «Шекспировы духи», по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, выше «Андромахи». Вся піеса вообще наполнена какою-то непритворною веселостью; стихи, несмотря на нѣкоторыя негладкости, очень хороши. Завязка доставила сочинителю нѣсколько удачныхъ сценъ. Намъ кажется только, что характеръ поэта отдѣланъ не совсѣмъ отчетливо [3]).—Третій драматургъ, не менѣе попу-

[1]) *Московскій Телеграфъ*. 1833, № 8, стр. 563.
[2]) Тамъ же, 1828, № 24 стр. 491—492.
[3]) Тамъ же, 1825, № 22, стр. 197—199.

лярный, чѣмъ два первые, князь Шаховской выказалъ себя въ оригинальныхъ, романтическихъ трагедіяхъ съ отрицательной стороны. Его «Двумужница» — «піеса безсвязная по содержанію, составленная изъ сценъ изысканныхъ, между которыми разговоры безъ конца и скучны до смерти, піеса, гдѣ русскаго духа видомъ не видать, а выставлена только карикатура Руси, гдѣ нѣтъ страстей, ни характеровъ, ни слога, и все вертится на нищихъ, разбойникахъ, ножахъ, болтовствѣ» [1]). — Среди посредственныхъ писателей «вспыхнула», наконецъ, «божественнымъ огнемъ поэтическаго восторга» негодующая «муза Грибоѣдова». «Горе отъ ума» есть «произведеніе, въ своемъ родѣ, единственное на русскомъ языкѣ и замѣчательное для всѣхъ словесностей. Высокое вдохновеніе отразилось во всѣхъ частяхъ его. Но, кажется, никто не замѣтилъ до сихъ поръ главнаго, что́ составляетъ высшее его достоинство, даетъ ему народность и дѣлаетъ его произведеніемъ своего вѣка и народа. Это — самобытность, первообразность характеровъ... Грибоѣдовъ не списалъ ихъ, а создалъ. Онъ схватилъ множество разсѣянныхъ въ разныхъ лицахъ чертъ характера московскаго барина, облекъ ихъ истинными формами, далъ имъ жизнь и наименовалъ ихъ: Фамусовъ». «Это лицо такъ же истинно, какъ Фигаро, Фальстафъ, Гарпагонъ, Жилблазъ, прототипы своего рода, и въ созданіи характера Фамусова Грибоѣдовъ едва ли не сталъ рядомъ съ Бомарше, Шекспиромъ, Мольеромъ и Лесажемъ». Остальные типы—превосходны: «они не даютъ забыть о себѣ, они всѣ вокругъ насъ, посреди насъ, за нами и передъ нами. Это—члены свѣтскаго общества». Чацкій, одинъ изъ «нынѣшнихъ молодыхъ людей», «одушевленъ страстями огненными: онъ— пылокъ, гордъ, страстенъ ко всему прекрасному, высокому и родному. Но, по самому основанію своего характера, онъ не можетъ быть разителенъ, какъ Фамусовъ, ибо стремленіе безсильное не носитъ на себѣ характера самобытности и не имѣетъ имени. Онъ хочетъ всего хорошаго, но не достигаетъ ничего»... «И потому Чацкій не будетъ скученъ на нашей сценѣ, что это Мизантропъ нашего времени, т. е. существо самое естественное въ наши дни, и Мизантропъ точно наизнанку въ сравненіи съ Мольеровымъ: тотъ весь наружу, а этотъ весь въ глубинѣ души». «Таковы характеры «Горя отъ ума». Не менѣе оригинальна и превосходна вся связь піесы»: нельзя «въ драматическомъ объемѣ» «сильнѣе

---

[1]) „Очерки", ч. I. стр. 447—466.

и лучше» обрисовать современное общество. «Какъ во всякомъ произведеніи человѣческомъ», въ комедіи Грибоѣдова есть недостатки. «Такъ, напримѣръ, переходы у него вообще слишкомъ рѣзки; языкъ часто неправиленъ. Но кто станетъ замѣчать эти пылинки на блистающемъ золотѣ?... Грибоѣдовъ, по стихосложенію, принадлежалъ еще къ той эпохѣ, когда въ языкѣ нашемъ отзывались воспоминанія о Княжнинѣ и подобныхъ комикахъ восемнадцатаго столѣтія Россіи. Но за то у него все выкупаетъ естественность, живость, истина разговорнаго языка. Въ этомъ онъ не имѣетъ ни предшественниковъ, ни послѣдователей» [1]).

Какъ ни талантливъ Грибоѣдовъ, не онъ, а Пушкинъ, признанъ первымъ изъ русскихъ поэтовъ, «полнымъ представителемъ духа нашего времени». «Мысль объ Аріостовской эпопеѣ въ русскомъ духѣ, мысль создать поэму изъ народныхъ преданій, самое исполненіе сей мысли стихами плѣнительными, когда поэту не было и двадцати лѣтъ—какое начало блестящее, прекрасное, исполненное упованій! Безспорно: въ «Русланѣ и Людмилѣ» нѣтъ ни тѣни народности, и когда потомъ Пушкинъ издалъ сію поэму съ новымъ введеніемъ, то введеніе это рѣшительно убило все, что находили русскаго въ самой поэмѣ. Руссизмъ ея была та несчастная, щеголеватая народность, флоріановскій манеръ, по которому писалъ Карамзинъ» свои повѣсти; но все же она «показала весь блескъ дарованій» автора. Затѣмъ, «Байронъ возобладалъ совершенно поэтическою душою Пушкина, и это владычество надолго лишило его собственныхъ вдохновеній». «Юный подражатель пѣвца Британскаго» не имѣлъ самобытности своего кумира, былъ «ограниченъ во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно по образованію своему и по общественному своему мѣсту. Оттого блѣденъ и ничтоженъ его «Кавказскій плѣнникъ», нерѣшительны его «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Цыганы», и легокъ «Евгеній Онѣгинъ», русскій снимокъ съ лица Донъ-Жуанова, такъ же, какъ Кавказскій плѣнникъ и Алеко были снимками съ Чайльдъ-Гарольдова лица». «Но, несмотря на байронизмъ и чуждую идею, какими своими богатыми подробностями, какими собственными поэтическими частностями блестятъ и красуются творенія Пушкина», который становится все выше, самобытнѣе, разнообразнѣе, пиша сначала «простую элегію», потомъ «поэтическую картину», а, подъ конецъ,

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1831, № 5, стр. 129; 1833. № 18, стр. 248—254; „Очерки", ч. I, стр. 37.

развивая «мысли». «Всего лучше замѣтите вы все это въ «Онѣгинѣ», прочитавъ одну за другою, сряду всѣ восемь главъ его»... Сравненіе первой изъ нихъ съ восьмою и «послѣднее изображеніе Татьяны показываютъ вамъ, какъ измѣнился, какъ возмужалъ поэтъ семью годами, протекшими отъ изданія начала «Онѣгина». «Идея народности проявляется, наконецъ, въ «Полтавѣ», герои которой — «не тѣни, которыя можете переносить куда угодно, а созданія русскія, мѣстныя», хотя здѣсь «еще не вездѣ виденъ вѣрный очеркъ» и «не вѣренъ отчетъ въ главной идеѣ поэмы». «Не полонъ былъ бы объемъ сочиненій Пушкина, и потерялись бы для насъ примѣты его постепенно бо́льшей самобытности и безпрестанно возраставшей мѣстности и національности его поэзіи, если бы мы, кромѣ поэмъ, не пересмотрѣли его мелкихъ стихотвореній»: «Наполеонъ», «Къ морю», «Андрей Шенье», «Отрывокъ изъ Фауста», «Ангелъ», «Поэтъ», «Чернь», «Моцартъ и Сальери»—«отличительныя созданія «прекраснаго генія». «Нулинъ — «забавная шутка»: въ «Братьяхъ разбойникахъ» «отзывается Русь сквозь байроновскую оболочку»: въ «Женихѣ» и «Утопленникѣ»—«все наше русское, чисто народное». Но сказки Пушкина—«мнимо-русскія»: онѣ—«прелестны», а не «вѣрны». Въ «Повѣстяхъ Бѣлкина», «кажется, сочинителю хотѣлось испытать: можно ли увлечь читателя разсказами, въ которыхъ не было бы никакихъ фигурныхъ украшеній ни въ подробностяхъ разсказа, ни въ слогѣ, и никакого романизма въ содержаніи». «Но какъ «Евгеній Онѣгинъ» далекъ отъ «Донъ Жуана», такъ «Повѣсти Бѣлкина» далеки отъ созданій В. Ирвинга». «Лучшая» изъ всѣхъ повѣстей—«Станціонный смотритель». «Въ ней есть нѣсколько мѣстъ, показывающихъ знаніе сердца человѣческаго. Забавна и шутка, названная «Гробовщикъ». За то въ повѣстяхъ: «Выстрѣлъ», «Метель» и «Барышня-крестьянка», нѣтъ даже никакой вѣроятности, ни поэтической, ни романической. Это «фарсы, затянутые въ корсетѣ простоты, безъ всякаго милосердія ... «Самымъ окончательнымъ твореніемъ Пушкина должно почесть «Бориса Годунова»: «въ немъ соединены всѣ достоинства поэта и всѣ недостатки». При сопоставленіи піесы съ однородными произведеніями Шекспира и Шиллера, надо прійти къ заключенію, что Пушкинъ, «какъ русскій литераторъ, является въ ней съ новымъ блескомъ, но какъ европейскій писатель, какъ современный драматикъ XIX вѣка, онъ далеко не достигаетъ совершенства, коего могъ бы достиг-

нуть». «*Карамзинизмъ повредилъ этому совершеннѣйшему изъ его созданій*». «Забывъ истинную причину паденія Бориса и успѣховъ самозванца», Пушкинъ «естественно долженъ былъ *потеряться въ планѣ и развитіи его*». Поэтому, вмѣсто ужасной борьбы человѣка съ судьбою, «мы видимъ только приготовленія его къ казни и слышимъ стонъ умирающаго преступника». Характеры дѣйствующихъ лицъ очерчены неудачно (кромѣ Пимена и нѣкоторыхъ другихъ), но среди сценъ, *въ отдѣльности*, есть прекрасныя и мастерскія... Въ заключеніе, послѣ подробнаго разсмотрѣнія твореній Пушкина, можно сказать, что ему «не чуждо было все, что волновало, двигало, тревожило разнообразный XIX вѣкъ»: въ «смѣшанномъ направленіи лиризма», сливающагося съ эпопеею и драмою, обнаруживается несомнѣнный признакъ современности [1]).

Но объединяющей силой пушкинскаго дарованія не обладаютъ другіе поэты той же эпохи, заявившіе себя, по большей части, исключительно или лириками, или повѣствователями, или драматургами. Поэзія личнаго настроенія имѣетъ многихъ представителей. Значительно совершенствуется Баратынскій. «Смерть послѣдняго человѣка» и «Балъ» суть творенія, показывающія талантъ въ полной силѣ, совершенной оригинальности и зрѣлости. «Бѣшенство страстей, которыя тревожатъ отъ времени до времени стоячія воды тихаго и огромнаго озера, называемаго большимъ свѣтомъ, дало автору основаніе его творенія, а пестрота подробностей, однообразіе главныхъ формъ, противорѣчія свѣтской жизни съ природою дали ему краски блестящія, поразительныя». Но «Наложница» кажется созданіемъ холоднымъ и несовершеннымъ: въ немъ «ни основная мысль, ни подробности, ни даже стихи не удовлетворяютъ самаго снисходительнаго критика» [2]).—Въ стихотвореніяхъ Языкова сквозитъ «односторонность и какая-то холодность чувства»; «мало индивидуальности поэтической, но за то самобытность, или, лучше сказать, незаимственность картинъ; въ нихъ нельзя найти никакихъ глубокихъ, многообъемлющихъ идей, но замѣтны языкъ и выраженія истинно-поэтическіе. Достоинства Языкова опредѣляются тремя словами: онъ - поэтъ выраженія. Не у многихъ есть и это» [3]). —Козловъ, талантъ истинный, въ

---

[1]) „Очерки", ч. I, стр. 145—229, 429; ч. II, стр. 487; *Московскій Телеграфъ*, 1825, № 5; 1831, № 22.

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 24, стр. 475; 1831, № 6, стр. 238—239.

[3]) Тамъ же, 1833, № 6, стр. 228 и др.

«Чернецѣ» показалъ «высоту» своихъ способностей; слѣдующія его поэмы: «Наталья Долгорукая», «Безумная», «Венгерскій лѣсъ», «стоятъ не ниже въ храмѣ достоинства, но повторяютъ мотивы «Чернеца», т. е. развиваютъ «мысль человѣка, глубоко проникнутаго скорбью земною и въ уединеніи, въ отчужденіи отъ людей, ищущаго жизни, уже болѣе духовной, нежели земной». У Козлова есть и недочеты: блѣдность и холодность въ подробностяхъ, излишества въ описаніяхъ, «изысканность нѣкоторыхъ положеній и словъ, подновленіе современными чувствами дѣйствующихъ лицъ, которыя не могли имѣть ихъ», живя въ старину. Переводы его — «прекрасны», но переводчикъ иногда «много говоритъ отъ себя»; и «какой очарованный чертогъ образуютъ для васъ мелкія стихотворенія, когда вы вчитываетесь въ нихъ». Козловъ «пѣлъ вдохновенно; оттого не много найдетъ у него недостатковъ самый строгій критикъ, и много красотъ встрѣтитъ и сроднитъ съ душою своей всякій человѣкъ, чувствительный и образованный» [1]).—Способностью «понимать все великое и прекрасное» отличался Веневитиновъ. Въ его сочиненіяхъ «ясны порывы духа», обширный кругозоръ; «нетерпѣливое стремленіе *творить* трепещетъ, кажется, въ каждой струнѣ лиры поэта». Стихи его— «плѣнительные звуки». «Необыкновенную зрѣлость начали пріобрѣтать его дарованія въ 1826 и 1827 году». «Онъ зналъ человѣческую душу»... «Неисповѣдимы пути судебъ! Веневитинову все дала природа; жизнь обѣщала ему радости, счастье,—и могила была удѣломъ его, уносившаго во гробъ надежды отечества, радость родной семьи и всѣхъ знавшихъ его» [2]).—Первый опытъ Подолинскаго, поэма «Дивъ и Пери»—хороша, какъ «заря весенняго дня». «Положимъ, что мысль поэмы взята изъ перевода Жуковскаго; согласимся, что дѣйствіе слабо завязано» и «во многихъ мѣстахъ самый разсказъ растянутъ, неудовлетворителенъ»; «скажемъ, что у Подолинскаго замѣтны также недостатки, свойственные молодымъ поэтамъ: излишнее желаніе высказать все, что глубоко запало въ душу, обиліе эпитетовъ, общія мѣста»—но «все это выкупается красотами поэзіи высокой». «Появленіе «Борскаго рѣшительно доказываетъ, что авторъ владѣетъ поэтическимъ языкомъ въ совершенствѣ»... «Планъ новаго произве-

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1826, № 23, стр. 182; 1828, № 24, стр. 480; 1833, № 10, стр. 317. „Очерки", ч. I, стр. 413—430.

[2]) Тамъ же, 1829, № 2, стр. 223.

денія кажется «неудовлетворительнымъ», «завязка—не совсѣмъ естественною, части—не совсѣмъ соразмѣрными»: «прекрасные же стихи могутъ выкупить», пожалуй, «всѣ сіи пробѣлы», и «Борскаго», въ силу этого, «должно отнести къ числу радующихъ новостей нашей словесности» [1]). — «Неподдѣльнымъ» чувствомъ проникнуты стихотворенія Полежаева. Онъ «увлекался современнымъ направленіемъ поэзіи и подражалъ Байрону, Ламартину. Тамъ могъ онъ показать только гибкость своего дарованія. Переводы и подражанія его слабы въ сравненіи съ подлинниками, но хороши, какъ стихотворенія русскія». «У Полежаева есть другія, болѣе сильныя права на вѣнокъ поэта»—это «его собственные стихи, особенно послѣдніе, писанные на Кавказѣ». Обладатель «души пылкой, сильной и пламенной», «страдалецъ», «обреченецъ волненія» и внутренней борьбы съ самимъ собою, Полежаевъ, и «не достигши высоты, на которой стоятъ» литературные «исполины», «заслуживаетъ однакожъ вниманія, какъ поэтъ», «испытанный страстями и жизнью» [2]).—«Два свѣтлые ключа вьются независимо одинъ отъ другого» въ элегическихъ стихотвореніяхъ партизана 1812 года, Дениса Давыдова: «одинъ ключъ тихо катитъ воды свои, онъ ясенъ и чистъ, какъ глаза невинной дѣвы; другой стремится бурно и рокотомъ, громомъ своимъ будитъ странника, онъ блещетъ и сверкаетъ, какъ сабля наѣздника». «Въ этой поэзіи видите вы двухъ совершенно различныхъ пѣвцовъ. Одинъ—весь любовь, со всѣми нѣжными, очаровательными оттѣнками. Другой—полное выраженіе вакхической радости, которая мелькаетъ въ станѣ воинскомъ, между бивакомъ и смертью». «Элегія требуетъ много чувства, и кто не видитъ его въ Давыдовѣ», который «выше Мильвуа и, можетъ быть, ближе всего къ Андрею Шенье?»... И можно ли «предполагать, что рука того же поэта написала *залетныя* посланія и пѣсни, гдѣ первенствуетъ богъ веселія, и, еще больше, русскій богъ разгульности?». Давыдовъ не выражаетъ себя вполнѣ въ своихъ стихахъ; любовь и потѣхи были для него минутными, и онъ «всего болѣе поэтъ въ своемъ Дневникѣ, гдѣ описываетъ борьбу партизана съ богатырями Исполина» [3]).

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 21, стр. 83; 1829, № 3, стр. 407—408.

[2]) Тамъ же, 1832, № 11, стр. 355; № 16, стр. 566; 1833, № 18, стр. 254—256.

[3]) Тамъ же, 1832, № 13, стр. 77—84.—Въ числѣ отзывовъ о лирическихъ поэтахъ пушкинскаго періода, помѣщенныхъ въ *Московскомъ*

Эпическая поэзія распадается на нѣсколько отдѣловъ: романы историческіе, повѣсти съ сюжетами изъ народнаго быта, — подражательныя съ выведенными типами художниковъ и фантастической обстановкой и др. Очень заманчивымъ для русскихъ писателей было подражаніе Вальтеру Скотту. Булгаринъ, имѣвшій успѣхъ, какъ сатирикъ, въ «Выжигинѣ-отцѣ» заинтересовавшій читателей «забавными описаніями шалостей и проказъ всякаго рода и остроуміемъ вообще», выступилъ изобразителемъ «смутной эпохи» въ «Дмитріи Самозванцѣ», въ которомъ «вполнѣ отразился типъ нашего простонароднаго образованія»: «невѣрныя свѣдѣнія въ исторіи, невѣрныя изображенія характеровъ, невѣрное понятіе о сущности романа, какъ творенія эстетическаго». Думали, что Булгаринъ болѣе не примется за произведенія этого рода. Но вскорѣ былъ напечатанъ «П. И. Выжигинъ», «изумительная смѣсь» «романическихъ событій» съ происшествіями 1812-го года. Здѣсь «масса машинъ, натяжекъ, несообразностей: чудеса исторіи перепутаны съ приключеніями любовниковъ»; «Наполеонъ, французы, союзники ихъ, пожаръ Москвы списаны съ книжекъ, какія издавались у насъ въ 1813 и 1814-мъ годахъ». Въ «Мазепѣ» авторъ не искупилъ своихъ прежнихъ литературныхъ грѣховъ, такъ какъ отсутствіе «поэтическихъ картинъ», «безсвязность и безхарактерность» цѣлаго, «какой-то пошлый взглядъ на все и удивительное ничтожество воображенія» краснорѣчиво говорятъ сами за себя [1].—Въ одно время съ Булгаринымъ историческимъ повѣствователемъ былъ Загоскинъ, выпустившій въ свѣтъ «Юрія Милославскаго». «Нужды нѣтъ, что, обѣщавъ по полному названію романа изобразить русскихъ 1612 года, Загоскинъ вовсе не показалъ намъ ихъ, невѣрно изобразилъ даже главнѣйшія дѣйствующія лица, смѣшалъ подробности географическія и археологическія»,—но онъ «грѣшилъ противъ эстетической сущности романа», кое въ чемъ сходясь съ сочинителемъ «Дмитрія Самозванца». Въ «Рославлевѣ» также «неправильно представлена дѣйствительность», и «мелкая интрига плохо вяжется

Телеграфъ, нѣтъ отзыва самого Полевого о баронѣ А. А. Дельвигѣ. Должно замѣтить, что нашъ критикъ не высоко ставилъ русскія пѣсни этого писателя („Очерки", ч. II, стр. 487), но иногда печаталъ на страницахъ своего журнала благосклонныя рецензіи объ его творчествѣ вообще (см. *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 13, стр. 88).

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1827, № 24, стр. 314; 1831, № 6, стр. 231; № 8, стр. 234; 1834, № 4, стр. 647.

съ исторіей». Значительны пробѣлы и «Аскольдовой могилы» [1]). «Разбирать, до какой степени она вѣрна исторіи—не нужно», ибо въ ней «вы не узнаете ни Варяжской дружины, ни древней Руси, ни нравовъ, ни обычаевъ временъ Владиміра и русскаго язычества. Весь романъ—анахронизмъ совершенный». «Какъ произведеніе фантазіи, гдѣ авторъ не думаетъ о времени и вѣкѣ», «Аскольдову могилу» можно считать лучшимъ произведеніемъ Загоскина. «Несмотря на то, что ни одно лицо въ деталяхъ не выдержано, что интересъ цѣлаго разбивается ненужными вставками, что сложность нѣсколькихъ интригъ мѣшаетъ основанію; наконецъ, что всему роману приданъ слишкомъ шутливый тонъ, ибо Торанъ и Фрелафъ дѣйствуютъ въ немъ безпрестанно,—въ «Аскольдовой могилѣ» болѣе жизни, правды и поэзіи, нежели въ «Юріи Милославскомъ» и «Рославлевѣ»; въ ней есть «мѣста прекрасныя». «Намъ кажется, что если бы Загоскинъ рѣшительно удалилъ изъ своего романа все историческое, взялъ идею не столь огромную въ основаніе, постарался также удалиться отъ сценъ, пригодныхъ для мелодрамы, и взялъ событіе изъ современныхъ простонародныхъ нравовъ, онъ могъ бы создать нѣчто изящное» [2]). — Какъ послѣдователь Вальтера Скотта, пріобрѣлъ извѣстность и Лажечниковъ. «Главное лицо» въ «Послѣднемъ новикѣ, или завоеваніи Лифляндіи» «не совсѣмъ соотвѣтствуетъ своему вѣку. Въ немъ слишкомъ много рыцарскаго по духу, если не по дѣяніямъ, а это едва ли было возможно въ тотъ вѣкъ и у тѣхъ народовъ, гдѣ не было никакой посредствующей мысли между властителемъ и народомъ». «Катерина Раббе также представлена не очень вѣрно, ибо въ ней едва ли узнаетъ кто-нибудь плѣнительную любимицу Петра, бывшую императрицею Всероссійской». «Герои Лажечникова» «не вездѣ» удовлетворяютъ «общимъ идеаламъ», но за то они—«не куклы, вмѣсто которыхъ говоритъ авторъ», и «не скопированы съ созданій Манцони, В. Гюго» и др. Затѣмъ «самый невнимательный читатель замѣтитъ, что Фюренгофъ и Траутфеттеры, со всѣми своими приключеніями, не принадлежатъ собственно къ роману: такъ рѣзко отдѣлены они отъ главнаго узла происшествій. Новикъ и завоеваніе Лифляндіи

---

[1]) По явному уклоненію сдѣлать оцѣнку „Клятвы при гробѣ Господнемъ“, упоминаемой въ рецензіи на романъ Загоскина, очевидно, что рецензентомъ является Н. А. Полевой.

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1831. № 8, стр. 534; 1834. № 1, стр. 166 и д.

теряются изъ виду, какъ скоро на сценѣ—лифляндскіе помѣщики съ ихъ мелкими страстями и приключеніями». Но въ романѣ «есть жизнь, есть поэтическое одушевленіе», и иногда можно «увлечься и совершенно поддаться Лажечникову, умѣющему всегда сохранить правдоподобіе въ описаніяхъ» [1]).—«Русскіе повѣсти и разсказы Бестужева (Марлинскаго) были признаны сначала насиліемъ русскаго языка и какой-то мечтою неосуществимою. Надобно сказать, что это были первые шаги, еще робкіе, но уже предвѣщавшіе все, что осуществлено впослѣдствіи романистомъ. Дальнѣйшіе подвиги его на этомъ поприщѣ оковали все вниманіе публики, а послѣдніе, напримѣръ «Лейтенантъ Бѣлозоръ» и Аммалатъ Бекъ, довершили побѣду и даютъ ему мѣсто среди первостепенныхъ европейскихъ писателей». Бестужевъ умѣетъ придать живость разсказу и разговору», рисовать «вѣрныя картины, съ точностью отдѣлывать характеры». «Онъ оказалъ искусству услугу незабвенную тѣмъ, что нашелъ въ отечествѣ своемъ образы и языкъ для рода повѣствовательнаго... Не будемъ отвѣчать тѣмъ людямъ, которые скажутъ, что повѣсти его не русскія собственно, т. е. что въ нихъ не видимъ мы Руси древней и старинной. Эти люди могутъ вспомнить, что для поэта нѣтъ ни Руси, ни Рима, ни Германіи: онъ избираетъ тотъ предметъ, который пробудилъ его фантазію. Будь онъ изященъ, поэтиченъ въ новой Руси или старой—для искусства все равно» [2])...—Среди повѣстей не историческихъ существуютъ такія, мимо которыхъ нельзя пройти равнодушно. Примѣръ—«Странникъ» Вельтмана. Нельзя не поблагодарить автора «за всѣ наслажденія, доставляемыя его разсказомъ, за всѣ умныя остроты его, за всѣ краснорѣчивыя недоговорки, точки и восклицательные знаки, словомъ, за весь бѣглый огонь ума, сверкающій въ его твореніи». Книга его достойна занять мѣсто «между Свифтомъ и Стерномъ, такъ какъ русскій умъ и русскій упрямецъ—языкъ выдержали борьбу съ самыми славными изъ остроумныхъ путешественниковъ въ области воображенія». «Кощей Безсмертный» еще лучше «Странника». Объ этой былинѣ стараго времени» нельзя говорить, какъ о явленіи обыкновенномъ. «Это явленіе рѣдкое, чудное, фантастическое и вмѣстѣ вѣрное истинѣ до такой степени, что, читая, вы дѣйствительно присутствуете всему (sic.)», о чемъ

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1833, № 10, стр. 324.

[2]) Тамъ же, 1825, № 8, стр. 334—335; 1833, № 2, стр. 329 и д.

говорится здѣсь. «Какой-то чародѣй переноситъ» васъ «въ міръ древней Руси, въ міръ плѣнительный, наполненный живыми поэтическими образами. Старина, драгоцѣнная, милая сердцу, русская старина» возстаетъ «со своими обычаями и вѣрованіями». «Въ общности этого произведенія, условія искусства выполнены превосходно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, оно до такой степени оригинально, до того не походитъ ни на одинъ изъ всѣхъ явившихся донынѣ романовъ русскихъ, что можетъ означать совсѣмъ особый родъ. Дѣйствительно, это нѣчто среднее между Аріостовской поэмой и самымъ степеннымъ видомъ сочиненій того же рода: Вальтеръ-Скоттовымъ романомъ» [1]). — Въ художественномъ отношеніи «Были и небылицы» казака Луганскаго слабѣе произведеній Вельтмана. Даль, «кажется, не дорожитъ своими вымыслами: его дѣло разсказъ, и надобно сказать, что разсказъ у него, даже въ уродливомъ «Нападеніи врасплохъ», прекрасенъ. Характеры офицеровъ и семьи Жабруцкаго схвачены съ природы». «Сверхъ того, весь разсказъ усѣянъ шутками, острыми словами и на дѣлѣ подмѣченными анекдотами, такъ что онъ прочитывается съ удовольствіемъ, и только при развязкѣ остается въ душѣ читателя невольная досада на автора», который пренебрегаетъ прелестью вымысла... «Доказательствомъ, что онъ могъ бы избѣгнуть сего недостатка, служитъ другая повѣсть его— «Цыганка». Тамъ превосходный разсказъ соединенъ съ изяществомъ основной идеи. Эта бѣдная, покрытая рубищемъ Кассандра—какое поэтическое лицо! И какъ хороши всѣ подробности, всѣ лица, всѣ оттѣнки въ этой повѣсти! Какое знаніе сердца человѣческаго! Это заставляетъ думать, что Даль не хочетъ слѣдовать прямому направленію своего дарованія, или думаетъ, что онъ становится оригинальнѣе, простѣе, называясь казакомъ Луганскимъ и вмѣшивая въ свои произведенія слишкомъ много казацкаго» [2]). — Иное впечатлѣніе, чѣмъ творенія въ народномъ духѣ, производятъ сочиненія князя В. Ѳ. Одоевскаго. «Пестрыя сказки съ краснымъ словцомъ, собранныя Иринеемъ Модестовичемъ Гомозейкой»—«холодны и по вымыслу, и по разсказу. Ни одной смѣлой молніеносной истины, ни одного поэтическаго юз-

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1831, № 6, стр. 243; 1832, № 21, стр. 89; 1833, № 12, стр. 612. Ср. „Очерки", ч. II, стр. 132 (похвальный отзывъ о переводѣ „Слова о Полку Игоревѣ").

[2]) Тамъ же, 1833, № 6, стр. 241; „Очерки", ч. II, стр. 487.

*

зрѣнія нѣтъ въ нихъ. Всѣ мысли автора проникнуты презрѣніемъ къ людямъ, но презрѣніемъ несамобытнымъ, близорукимъ и неприличнымъ для того, кто самъ не умѣетъ уносить насъ изъ міра обыкновеннаго, кто, обѣщая великолѣпный спектакль, забавляетъ кукольною комедіею. Думая летать въ мірѣ фантазіи, авторъ не отдѣляется отъ земли и вводитъ насъ въ обыкновенный правильный садъ, гдѣ, вмѣсто мраморныхъ статуй, наставилъ онъ фантастическихъ уродцевъ. Мы въ мірѣ аллегоріи. Но что́ значитъ аллегорія безъ мысли? Непонятный сборъ словъ, образовъ, лицъ и намековъ. Этотъ недочетъ особенно замѣтенъ въ трехъ первыхъ сказкахъ». Если вообще эти сказки «не оживлены ни новостью мыслей, ни живостью разсказа, ни остроуміемъ», то пульсъ сердца бьется довольно сильно въ повѣсти «Импровизаторъ»: «однако жъ и тутъ есть нѣчто несообразное съ истиною поэзіи. Представленъ человѣкъ, получившій способность *все знать, все видѣть, все понимать*. Это или полубогъ, или человѣкъ такой же, какъ и всѣ. Разъ способность его разумѣнія выше человѣческой, онъ не будетъ ужасаться того, что́ не ужасаетъ и насъ обыкновенныхъ людей, ибо мы также знаемъ, что въ насъ красная кровь и не очень прелестные соки, что въ травѣ движется цѣлый міръ насѣкомыхъ, и что стихотворцы часто ломаютъ голову надъ риѳмою. Право, это знаніе неогромное! Отчего же приходитъ въ отчаяніе Кипріано? Выходитъ, что лишь чувства его утончились, а умъ остался прежній, или, можетъ быть, сталъ хуже прежняго». Кажется, Кипріано — «просто сумасшедшій». «За всѣмъ тѣмъ», эта повѣсть «достойна вниманія» [1]).

Русская драма начала тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, подъ вліяніемъ новыхъ теоретическихъ взглядовъ, подверглась преобразованію въ своемъ основаніи и стала брать сюжеты изъ историческаго прошлаго. Первые опыты въ этомъ родѣ Хомякова и Кукольника не были, конечно, безъ недостатковъ. Замѣна органическаго вывода случайной развязкой составляетъ крупный пробѣлъ трагедіи «Димитрій Самозванецъ»; въ драмѣ «Торквато Тассо» — много отступленій отъ исторіи и лишнихъ дѣйствій, не служащихъ къ развитію цѣлаго; «Рука Всевышняго отечество спасла» сбивается на мелодраму благодаря бьющимъ на эффектъ сценамъ, къ которымъ имѣетъ пристрастіе авторъ. Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить и положительныхъ свойствъ

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1833, № 1, стр. 152; № 8, стр. 572.

разбираемыхъ піесъ: удачной обрисовки характеровъ, хорошихъ мыслей и недурныхъ стиховъ [1]).

Въ пушкинскую же эпоху стали появляться поэтическія произведенія, обратившія на себя вниманіе Полевого, который заинтересовался ихъ авторомъ и даже впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ, зорко слѣдилъ за дальнѣйшимъ творчествомъ послѣдняго. Своеобразный талантъ Гоголя непріятно поразилъ издателя *Московскаго Телеграфа*. Не только совершенно забракованная идиллія въ картинахъ «Ганцъ Кюхельгартенъ», но даже первая книжка «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» вызвала недоброжелательную рецензію нашего критика. По его словамъ, надо поблагодарить Гоголя за то, что онъ «разрылъ кладъ малороссійскихъ преданій»; но пользованіе этимъ кладомъ не было «искусно». «Во-первыхъ, всѣ сказки такъ несвязны, что, несмотря на *многія прелестныя подробности*, которыя принадлежатъ явно народу, съ трудомъ дочитываешь каждую изъ этихъ сказокъ. Желаніе поддѣлаться подъ малоруссизмъ спутало до такой степени языкъ и все изложеніе, что въ иныхъ мѣстахъ и толку не доберешься. Во-вторыхъ, видно, что Гоголь много читалъ и можетъ писать, но сковалъ себя ролью, которая ему не подъ силу. Должно было разсказывать сказки или просто, какъ онѣ хранятся въ народномъ преданіи, или пересоздавать ихъ смѣло, творчески, на что́ большой мастеръ старикъ В. Скоттъ. Далѣе, при недостаткахъ слога, при несвойственной роли, при бѣдности воображенія», авторъ «Вечеровъ» «еще вовсе не умѣетъ сражаться съ читателемъ на всякой строчкѣ, не умѣетъ увлекать его подробностями, не умѣетъ быть ловкимъ въ смѣшномъ, и всего менѣе умѣетъ шутить». «Вторая книжка» повѣстей «превосходнѣе первой». Гоголь «во многихъ мѣстахъ *очень хорошо воспользовался юморомъ своихъ земляковъ и многое представилъ въ живописномъ, истинномъ видѣ. Его неистощимая веселость дала ему средство оживить свои разсказы.* Но здѣсь и кончается похвала»... «Малороссіянинъ не бываетъ глубокъ въ своихъ замѣчаніяхъ: это ярко отражается» въ «Вечерахъ на хуторѣ». «Шутки—минутны, сближенія, изображенія, главныя мысли не оставляютъ въ душѣ читателя никакого слѣда». «Кто не знаетъ также, что и въ напѣвахъ и въ преданіяхъ каждаго народа есть многое, что́ переживаетъ столѣтія? Этого-

---

[1]) Ср. главу: „Теорія драмы", II.

то вообще недостаетъ» разбираемому сочиненію. «Неопытность, шаткость въ языкѣ» здѣсь такія же, какъ и въ первой части. Послѣ выхода въ свѣтъ «Миргорода» и «Ревизора» сдѣлалось возможнымъ вполнѣ оцѣнить «литературныя достоинства» Гоголя. «Никто не сомнѣвается въ его дарованіи и въ томъ, что у него есть свой участокъ въ области поэтическихъ созданій. Его участокъ — добродушная шутка, малороссійскій *жартъ*, похожій нѣсколько на дарованіе Основьяненки, но отдѣльный и самобытный, хотя и заключающійся въ свойствахъ малороссіянъ. *Въ шуткѣ своего рода, въ добродушномъ разсказѣ о Малороссіи, въ хитрой простотѣ взгляда на міръ и людей, Гоголь превосходенъ, неподражаемъ. Какая прелесть его описаніе ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, его старосвѣтскіе помѣщики, его исторія о носѣ, о продажѣ коляски!* Такъ и «Ревизоръ» его фарсъ, который нравится именно тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни развязки, ни опредѣленныхъ характеровъ. Языкъ въ немъ неправильный, лица уродливые гротески, характеры — китайскія тѣни, происшествіе несбыточное и нелѣпое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уморительно смѣшное, какъ русская сказка о тяжбѣ ерша съ лещемъ, какъ малороссійская пѣсня: «Танцовала рыба съ ракомъ». «Съ чего началъ *Ревизоръ*, то кончилъ *Чичиковъ*». «Мертвыя души» — любопытная замѣтка для исторіи литературы и человѣческаго сердца. Здѣсь видимъ, до какой степени можетъ увлечься съ прямой дороги дарованіе, и какія уродливости создаетъ оно, идя путемъ превратнымъ». «Изъ всего, что́ пишетъ и что́ о самомъ себѣ говоритъ Гоголь, можно заключить», что онъ неправильно смотритъ на свои способности. «Покупая созданія свои тяжкимъ трудомъ, онъ не думаетъ шутить, видитъ въ нихъ какія-то *философическо*-гуморическія творенія, *почитаетъ себя философомъ и дидактикомъ, составляетъ себѣ какую-то ложную теорію искусства*, и очень понятно, что почитая себя геніемъ универсальнымъ, онъ считаетъ самый способъ выраженія, или языкъ свой оригинальнымъ и самобытнымъ». «Начнемъ съ содержанія поэмы» Гоголя—«какая бѣдность»! «Мертвыя души»—сколокъ съ «Ревизора»—опять какой-то мошенникъ пріѣзжаетъ въ городъ, населенный плутами и дураками, мошенничаетъ съ ними, обманываетъ ихъ, боясь преслѣдованія, уѣзжаетъ тихонько, и—конецъ поэмѣ». «Многіе защитники» автора «и не спорятъ за художническую отдѣлку, и не ищутъ цѣли

искусства въ «Мертвыхъ душахъ», но они спорятъ за естественность изображеній, за вѣрность природы, въ нихъ очерченной. Ни слова о томъ, достойны ли вниманія истиннаго дарованія, истиннаго художника отвратительные предметы кабаковъ, остроговъ, игорныхъ домовъ, картины позора, бѣдности, гибели человѣчества, если ихъ самихъ, безъ эстетической цѣли при изображеніи ихъ, будетъ имѣть цѣлью художникъ. Кто станетъ утверждать противное, мы возразимъ ему, что послѣ сего восковое изображеніе гніющаго трупа, картина пьяницы, котораго рветъ и дергаютъ судороги съ похмѣлья, могутъ быть предметами искусства. Говорятъ, что ошибка прежняго искусства состояла именно въ томъ, что оно румянило природу и становило жизнь на ходули. Пусть такъ, но, избирая изъ природы и жизни только темную сторону, выбирая изъ нихъ грязь, навозъ, развратъ и порокъ, не впадаютъ ли въ другую крайность и изображаютъ ли вѣрно природу и жизнь? Природа и жизнь такъ, какъ они есть, представляютъ намъ рядомъ жизнь и смерть, добро и зло, свѣтъ и тѣнь, небо и землю. Избирая въ картину свою только смерть, зло, тѣнь, землю, вѣрно ли описываютъ природу и жизнь»? Если «скучны прежніе *герои* искусства», необходимо «показать намъ *человѣка* и *людей*, да *человѣка*, а не мерзавца, не чудовище, *людей*, а не толпу мошенниковъ и негодяевъ. Иначе лучше примемся мы за прежнихъ героевъ, которые иногда скучны, но не возмущаютъ, по крайней мѣрѣ, нашей души, не оскорбляютъ нашего чувства». Утвержденіе, что существуютъ русскіе города, въ которыхъ «ни одно свѣтлое чувство не мелькнетъ ни у одного обитателя», гдѣ «добродѣтель, умъ, честь, всѣ общественныя связи всѣми забыты и попраны»— клевета на нашу родину. «Въ самыхъ дикихъ, варварскихъ племенахъ, у кафровъ, чукчей, эскимосовъ есть добро, есть чувство, въ *своихъ* формахъ, въ *своихъ* условіяхъ, но *есть они*, ибо таковъ человѣкъ»! «Кто противъ того, что есть у насъ, какъ и вездѣ, Собакевичи, Плюшкины, Ноздревы, но *не такіе они*, да если бы и такіе попались намъ, они исключенія, уроды. Какъ же по собранію уродовъ возможно изображать человѣка, и гдѣ *естественность* и *вѣрность* изображеній, за которыя превозносятъ «Мертвыя души»? Наконецъ, Гоголь «*худо знаетъ русскій языкъ*», «хотя и наслушался словъ, которыхъ не говорятъ въ порядочномъ обществѣ»: «первое доказываютъ безпрестанные промахи и ошибки противъ этимологіи и синтаксиса,

такъ что рѣдкая запятая стоитъ на мѣстѣ, и несвязность идей, которыя не вяжутся одна съ другою, а второе — безпрестанные галлицизмы, барбаризмы и неслыханное на Руси употребленіе словъ» [1]).

VIII.

Съ именемъ Надеждина связывается представленіе объ извѣстномъ профессорѣ, этнографѣ, издателѣ *Телескопа* и ученомъ литературномъ критикѣ, много потрудившемся надъ разрѣшеніемъ спорныхъ положеній въ области теоріи поэзіи. «Выступившій противникомъ романтизма и его теоретическаго защитника Полевого», Надеждинъ «дѣйствовалъ однако вовсе не въ смыслѣ защиты литературной старины, а въ томъ смыслѣ преобразованія и расширенія литературы, въ какомъ раньше дѣйствовалъ самъ Полевой и романтическая школа» [2]). Смѣна однихъ воззрѣній другими, обветшалость прежнихъ и неясность, неустановленность новыхъ побудили Надеждина пересмотрѣть заново и подвергнуть разбору вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ.

Обозрѣніе историческаго прошлаго европейской поэзіи служитъ исходнымъ пунктомъ въ его разсужденіяхъ. «Духъ человѣческій», «гражданинъ двухъ противоположныхъ міровъ», есть «духъ чистый», какъ «свободная сила разумѣнія», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «обитатель дольней видимой вселенной». Въ первую эпоху своей жизни духъ человѣческій едва только предощущаетъ двойственность, и ему все представляется въ единомъ, чистомъ свѣтѣ (такова древняя индійская поэзія). «Чѣмъ болѣе возрасталъ онъ и мужалъ, тѣмъ ощутительнѣе становилась для него собственная двойственность. «Отсюда должны были произойти два различныя стремленія, коихъ взаимнымъ противоположеніемъ держится вся жизнь мужающагося духа человѣческаго: стремленіе *внѣ* себя, расширительное, средобѣжное, и стремленіе *внутрь* себя, самовозвратное, средостремительное». Вслѣдствіе этого духъ «или проторгается *внѣ* себя столь необузданно, что растекается какъ бы весь по безбрежному океану внѣшней природы; или, напротивъ, устремляется *внутрь* себя съ толикою силою, что весь видимый міръ

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 12; 1831, № 17; 1832, № 6. *Русскій Вѣстникъ*, 1842, №№ 5—6.

[2]) *А. Пыпинъ*. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Спб. 1876, т. I, стр. 97.

увлекаетъ вмѣстѣ съ собою и поглощаетъ въ бездонной пучинѣ внутренняго своего бытія». Эти два направленія отразились на изящномъ, которое само по себѣ «недоступно ни для какого сотвореннаго ока» и обнаруживается только отчасти въ *явленіяхъ природы* и въ *святилищѣ духа* человѣческаго. «И здѣсь то должно находить свое изъясненіе различіе между «поэзіею классическою» древняго и «романтическою» средняго міра». «Тамъ преобладалъ процессъ жизни, проторгающейся *извнутри* внѣ; здѣсь процессъ жизни, сосредоточивающейся *извнѣ* внутрь». Сначала природа внѣшняя была «поприщемъ мысли»; затѣмъ духъ человѣческій составлялъ для себя предметъ изслѣдованія. «Такимъ образомъ, классическая поэзія воплощала преизбыточествующую полноту восторженнаго духа въ твореніяхъ, сооруженныхъ по величественному образцу *видимаго міра*; тогда какъ *романтическая поэзія* какъ бы подслушивала внутреннюю гармонію *міра незримаго*, сокрывающуюся въ глубинѣ души человѣческой» [1]).

«Разсматривая всѣ изящныя произведенія древняго греческаго генія, нельзя не замѣтить въ нихъ опредѣленнаго *единства идей и формъ*, ощутительно указывающаго на одинъ положительный первообразъ изящества, въ нихъ выражавшійся. Художественное одушевленіе временъ первобытныхъ не знало границъ и предѣловъ»... «Но въ созданіяхъ эллинскаго искусства обнаруживается добровольное самообузданіе, подчиняющее всѣ свои движенія разочтенной мѣрѣ, укладывающееся въ ограниченныя пропорціи, соображающееся съ опредѣленнымъ типомъ совершенства». «И сей опредѣленный типъ, сей положительный первообразъ изящества, очевидно, составляла для нихъ внѣшняя, матеріальная сторона бытія, чувственная гармонія физической природы». «И чѣмъ самобытнѣе, чѣмъ полнѣе, чѣмъ отрѣшеннѣе и чище развивалось творческое одушевленіе древнихъ грековъ, тѣмъ ощутительнѣе выражалось въ нихъ торжество матеріи надъ духомъ, формъ надъ идеями». Но геній греческій, съ приближеніемъ къ апогею развитія, ударился въ крайность, и «тогда въ его произведеніяхъ чувственная красота внѣшней природы разоблачилась до сладострастной нескромности»... Творчество совсѣмъ замирало, когда «Римъ вздумалъ отогрѣть художественную жизнь Эллады въ своихъ исполинскихъ объятіяхъ». «Исключительное пристрастіе

---

[1]) *Атеней*, 1830, № 1: „Различіе между классическою и романтическою поэзіею, объясняемое изъ ихъ происхожденія“.

къ внѣшней, матеріальной природѣ» погубило поэтическое одушевленіе; это пристрастіе «изъ чистой дѣвственной любви, освящавшей первые его порывы, превратилось въ грубыя, соблазнительныя оргіи» [1]).

Греко-римскій міръ палъ, и на развалинахъ его создался другой міръ христіанскій. Ихъ отличіе другъ отъ друга обусловлено разницей въ состояніи естественномъ, гражданскомъ и религіозномъ. Сначала человѣкъ нашелъ все дѣвственнымъ, видѣлъ одну природу, безпредѣльную дщерь безпредѣльной жизни»: онъ тѣсно привязанъ къ отечеству, любовь къ которому—единственное начало гражданскаго устройства—была инстинктивна, какъ любовь птицы къ гнѣзду, не отдающая себѣ отчета. Въ мірѣ средневѣковомъ человѣкъ находилъ уже вездѣ слѣды собственныхъ рукъ, ибо поля были не дѣвственны, а вскопаны плугомъ; пришлецъ, боящійся другихъ себѣ подобныхъ, на обломкахъ Римской имперіи создалъ феодальную систему, отличительное свойство романтической эпохи, и не имѣлъ своего отечества, такъ какъ не было *своего* уголка. «Человѣкъ былъ привязанъ не къ землѣ, а къ человѣку», котораго онъ долженъ былъ защищать, получивъ отъ него все. Основаніемъ существующаго было внутреннее чувство вѣрнаго сердца. Отсюда понятіе о довѣренности, различіе героизма древняго міра и рыцарскаго, иное, чѣмъ прежде, положеніе женщины: въ романтическій періодъ «животное побужденіе воспріемлетъ черты небеснаго величія» [2]). Подъ вліяніемъ сложныхъ историческихъ условій появилась поэзія менестрелей и трубадуровъ, художественная жизнь среднихъ вѣковъ получила органическую сосредоточенность въ поэтическомъ одушевленіи крестовыхъ походовъ, и «прекрасное утро новаго дня разсвѣло» въ Италіи. Въ новомъ творчествѣ выражается «самоуглубленіе духа внутрь себя, обращеніе къ незримому, безтѣлесному міру, гдѣ почиваетъ таинственный первообразъ вещественной красоты, владычествуетъ безплотная гармонія идей». Это направленіе было «выраженіемъ общаго характера жизни, пробужденной въ Европѣ подъ вліяніемъ христіанской религіи, коей сущность, по выраженію божественнаго ея Основателя, состояла въ *отрожденіи духа*. Такъ христіанство, проповѣдуя безусловное

---

[1]) *Ученыя Записки Императорскаго Московскаго университета*, 1833, ч. I: „О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ".

[2]) „Различіе между классическою и романтическою поэзіею" и т. д.

торжество внутренняго, безплотнаго человѣка надъ тѣлеснымъ и внѣшнимъ, должно было сосредоточить всѣ движенія обновленной имъ жизни за предѣлами чувственнаго міра, въ незримой безднѣ духовнаго бытія». Отличительный характеръ готической архитектуры состоитъ въ возможномъ приближеніи строеній къ небесамъ. Даже тогда, когда въ эпоху возрожденія возникло увлеченіе прелестными формами классическаго искусства, эти послѣднія «не затмевали духа, въ нихъ облекающагося». «Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что направленіе новаго европейскаго искусства» заключается «въ стремленіи къ одухотворенію вещественной жизни, къ просвѣтлѣнію внѣшней красоты формъ незримымъ, идеальнымъ изяществомъ».

Художественное одушевленіе, имѣющее два теченія: внѣшнее, матеріальное, и внутреннее, идеальное, истощило ихъ въ эпоху классицизма и среднихъ вѣковъ. Но желаніе воскресить какое-нибудь изъ прежнихъ литературныхъ теченій долгое время давало себя чувствовать. Возвращеніе къ простому классицизму греко-римской древности было неудачно. «Блистательный вѣкъ Людовика XIV въ исторіи новаго европейскаго генія имѣетъ то же значеніе, что вѣкъ Антониновъ въ лѣтописяхъ древняго классическаго искусства. Это была эпоха дряхлости, тщетно силившейся восполнить угасшее одушевленіе изысканными манерами. Наилучшіе художники обнаруживали въ себѣ холодную напыщенность, слѣдствіе внутренняго оскудѣнія жизни: и въ рукахъ ихъ творческая изящная дѣятельность, отягощаемая излишествами наружныхъ украшеній, отдалялась болѣе и болѣе отъ своего высокаго идеала, теряла свое достоинство». Она «унизилась до постыднаго рабства бездушнымъ прихотямъ, мертвой суетности», и дала въ результатѣ «лживый», «поддѣльный» классицизмъ французской школы, или «нео-классицизмъ» XVIII вѣка, въ которомъ священныя воспоминанія Греціи и Рима представляли собою жалкія, смѣшныя карикатуры. «Безпрестанно усиливающееся разочарованіе въ поддѣльной классической односторонности возбудило другія покушенія обновить искусство чрезъ возведеніе къ ближайшимъ образцамъ, завѣщаннымъ средними вѣками. Отсюда произошло новое, такъ называемое романтическое, броженіе». «Броженіе сіе первоначально открылось въ Англіи, гдѣ воспоминаніе о Шекспирѣ, послѣднемъ могучемъ представителѣ идеальнаго генія среднихъ вѣковъ, по своей близкой свѣжести, не могло быть задавлено классическими усиліями Поповъ и Драйденовъ, Акенсидовъ

и Греевъ. Здѣсь въ порывахъ своевольныхъ и часто дикихъ, тщетно обуздываемыхъ школьнымъ педантизмомъ Блеровъ и Джонсоновъ, еще въ глубинѣ XVIII столѣтія, обнаруживалось возвращеніе къ готической фантасмагоріи среднихъ вѣковъ, кипящей силою мыслей и нестройностью формъ, выразившееся, наконецъ, съ исполинскимъ могуществомъ въ мрачномъ геніи Байрона. Изъ Англіи, по ближайшему сродству духа, направленіе сіе перешло въ Германію, гдѣ, одолѣвъ ветхій классицизмъ, тщетно поддерживаемый блистательнымъ талантомъ Виланда, породило великолѣпный міръ поэзіи, освященный именами Клопштоковъ и Гердеровъ, Шиллеровъ и Жанъ Полей. Наконецъ, въ началѣ XIX вѣка, чрезъ посредство знаменитой жены, сообщившись Франціи, оно развилось въ сей странѣ вѣчнаго кипѣнія до фанатическаго неистовства, возмутившаго царство изящныхъ искусствъ отчаянною битвою классиковъ и романтиковъ. Битва сія теперь почти кончилась, но не въ пользу искусства. Романтическое направленіе, торжествуя свою побѣду, предается буйнымъ сатурналіямъ, посрамляющимъ высокое достоинство поэзіи: свидѣтельство тому настоящее состояніе французской литературы» [1]). «Нынѣшніе романтики чуждаются общественной жизни, считая ее стѣсненіемъ свободы духа; стремясь живописать природу, поборники лжеромантическаго раскола уничтожаютъ въ своихъ произведеніяхъ всесовершеннѣйшую гармонію, непремѣнное условіе изящнаго». Настоящая романтическая поэзія обличила бы современное искусство, представители котораго «однимъ взмахомъ проливаютъ нынѣ болѣе крови, чѣмъ грозная муза Шекспира во всѣхъ своихъ произведеніяхъ». «Нео-романтизму», состоящему изъ подонковъ средневѣкового духа, «лучше несравненно оставаться по прежнему въ работномъ подражаніи классицизму, чѣмъ предаваться столь безпутному своеволію». Примѣромъ того, «въ какую бездонную пучину ужасныхъ мраковъ можетъ низвергнуться даже великій геній, попустившій овладѣть собою такому лже-романтическому неистовству», служитъ Байронъ, видящій кругомъ «печальную юдоль вѣчной ночи», считающій жизнь «кровавымъ пиршествомъ», ненавидящій землю, отверженный небомъ и сатанински ожесточенный. Сильнаго порицанія достойны и тѣ фигляры, которые, «не умѣя иначе зазвать на себя вниманіе», «укутываются

[1]) „О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ".

ночными мраками, заводятъ знакомство съ колдунами и вѣдьмами, шарятъ на кладбищахъ», и думаютъ воскресить романтическую поэзію въ «китайскихъ тѣняхъ мертвецовъ и привидѣній», возбуждающихъ довѣріе исключительно въ дѣтяхъ. Упомянутыя вздорныя картины безобразны и нелѣпы, и возможно, пожалуй, снисходительнѣе отнестись къ чему угодно, чѣмъ къ лже-романтической ипохондріи. Темнымъ пятномъ было бы менѣе въ драмѣ Шиллера «Орлеанская Дѣвственница», если бы не вторгся внезапно черный рыцарь, омрачившій святое таинство искупленія Франціи; Фаустъ мало бы потерялъ, если бы поступился нѣсколько своею излишнею короткостью съ чертями и вѣдьмами»... Становится «явно, что всѣ затѣи поэтическихъ мятежниковъ нашихъ временъ, прикрываемыя именемъ романтизма, клонятся къ искаженію добраго вкуса и развращенію силы творческой». Что́ же надо дѣлать, чтобы избѣжать грозящей бѣды?—«Прежде, нежели приниматься за письмо, должно учиться! учиться... непремѣнно учиться»! «Противоядіемъ» можетъ служить «возвращеніе къ тщательному изученію священныхъ памятниковъ классической древности—не въ поддѣльныхъ французскихъ слѣпкахъ, но изъ самыхъ чистѣйшихъ, оригинальныхъ источниковъ». Хотя знаніе классической древности пріобрѣтается съ трудомъ, но оно всегда и вездѣ «поставлялось во главу угла умственнаго и нравственнаго образованія юношества, какъ первоначальная стихія питанія развиваемой духовной жизни». «Само собою разумѣется, что изъ круга ученія, необходимаго для пріуготовленія къ служенію музамъ, не должна и не можетъ быть исключена и романтическая поэзія». И только «испытавши тщательно всѣ таинства маститой классической древности» и средневѣковья, «любознательное вниманіе естественно должно будетъ перейти на *новое поле*». Какіе же горизонты раскрываются для просвѣщеннаго человѣка, вступившаго на это *поле*? «Предъ нимъ распростираются два великіе міра, изобилующіе всѣми богатствами дѣятельности и творчества». Онъ понимаетъ, что «односторонній романтизмъ, исключительно направленный къ выраженію идей, безъ должнаго вниманія къ вещественнымъ условіямъ формъ, есть точно такой же анахронизмъ для настоящаго времени, какъ и школьное пристрастіе къ классическимъ приличіямъ наружности безъ уваженія къ внутренней силѣ мысли. Вѣкъ рыцарскаго удальства, вѣкъ готической фантасмагоріи, погибшій для жизни, не можетъ воскреснуть и въ искусствѣ». «Нѣтъ сомнѣнія, что настоящій вѣкъ, принадлежа къ

новой эпохѣ жизни, долженъ имѣть новые потребности и виды. покориться новому особому направленію». «Куда же клонится современное направленіе изящныхъ искусствъ»? — «Въ современныхъ движеніяхъ творческой дѣятельности ощутительно» стремленіе къ *всеобщности*, какъ «слѣдствіе многихъ безуспѣшныхъ покушеній возстановить» «одно изъ двухъ предшествовавшихъ направленій». «Итакъ, что́ же должно оставаться для генія? Соединить идеальное одушевленіе среднихъ вѣковъ съ изящнымъ благообразіемъ классической древности, уравновѣсить душу съ тѣломъ, идею съ формою, просвѣтить мрачную глубину Шекспира лучезарнымъ изяществомъ Гомера. Задача великая, требующая совокупнаго дѣйствія геніевъ—исполиновъ, разсѣянныхъ по лицу Европы. Соединеніе сіе отнюдь не должно быть механическое: не должно состоять въ мелкомъ крохоборномъ эклектизмѣ. проповѣдуемомъ во Франціи для ума и для воли. Нѣтъ! Это должно быть внутреннее, живое сліяніе обоихъ полюсовъ бытія, обоихъ элементовъ творчества. И сіе живое сліяніе уже предображается съ большею или меньшею ясностью» въ различныхъ отрасляхъ нынѣшней «художественной дѣятельности»! «Не отсюда ли господствующее поглощеніе всѣхъ родовъ поэзіи во всеобъемлющемъ единствѣ *романа*, гдѣ эпическая изобразительность проникается лирическимъ одушевленіемъ, гдѣ жизнь представляется во всей полнотѣ живой драмы»? Нашъ вѣкъ не хочетъ быть ни «невольникомъ вещественной необходимости», ни «игралищемъ призраковъ собственнаго своего воображенія»; онъ хочетъ совокупить «двѣ крайности, чрезъ упроченіе, просвѣтлѣніе и торжественное, на алтарѣ истинной мудрости освященіе узъ *общественныхъ*»— «быть *рабомъ самого себя*»: «и сіе-то рабство есть безусловное владычество, коего ничто возвышеннѣе, ничто изящнѣе, ничто святѣе измышлено быть не можетъ. Такимъ образомъ стремленіе къ установленію, возвышенію и просвѣтлѣнію гражданственности составляетъ существенный характеръ періода, въ которомъ живемъ мы».

«Во времена первобытныя человѣчество образовало собою семейство: во времена классическія—мірской сходъ; во времена романтическія—станъ воинскій; въ наши дни хочетъ быть *истиннымъ гражданскимъ обществомъ*». А въ такомъ обществѣ царитъ *свобода, управляемая разумомъ*, и существуютъ *извѣстные предѣлы, за которые нельзя заходить*. «Порабощать силу генія какому-нибудь кодексу, хотя бы онъ былъ освященъ авторитетомъ многихъ столѣтій—Фебъ

да сохранитъ насъ [1])! Тѣмъ не менѣе однако мы не можемъ позволить ей и блуждать по распутьямъ своевольства безъ всякаго вниманія и уваженія къ кореннымъ законамъ поэтическаго благоустройства!.. Странное дѣло! Искусство, коего отличительное характеристическое свойство состоитъ въ *гармоническомъ сочетаніи звуковъ по законамъ соразмѣрности*, можетъ ли позволить *внутреннему своему духу обходиться безъ того, что̀ такъ строго соблюдаетъ во внѣшнихъ формахъ?*.. Позволительно ли тѣмъ, кои мастерски умѣютъ оковывать звуки мелодической мѣрой —не умѣть внести стройный *порядокъ умственной связи* въ составъ своихъ мыслей?» Великій Гете злоупотребляетъ поэтической свободой, изображая въ эпизодическихъ частяхъ «Фауста» такія вещи, для которыхъ нѣтъ пристойныхъ наименованій; Байронъ, оставивъ Донъ Жуана въ Кадиксѣ, неожиданно обращается къ Парнасу, ибо, слагая стихи, онъ случайно увидѣлъ эту гору. «*Здравый вкусъ* долженъ быть стражемъ и учредителемъ генія, если онъ не хочетъ обратиться въ мощь слѣпую и дикую; но вкусъ есть не что иное, какъ *верховный строитель поэтическаго правосудія, долженствующаго основываться на законахъ твердыхъ и непреложныхъ*. Его власти не отрицала и романтическая поэзія, во имя коей ниспровергается нынѣ вся эсоетическая управа. Напрасно какой-нибудь Викторъ Гюго съ гордымъ самодовольствіемъ побрякиваетъ словами Лопе-де-Веги, говорившаго о себѣ, что онъ запираетъ правила за шесть ключей, когда сбирается писать комедію». Каковы же «твердые» и «непреложные» законы изящнаго? Оказывается, духъ нашъ не можетъ «существовать самъ чрезъ себя и дѣйствовать изъ самого себя», не тяготѣя къ «неподвижному средоточію»—Безконечному, поскольку оно «проявляется въ дивномъ зданіи внѣшней природы». *Предощущеніе Безконечнаго, какъ сущности изящнаго, и есть основаніе «эсоетической религіи»* [2]). «Искусство, будучи живымъ зер-

---

[1]) Ср. *Вѣстникъ Европы*, 1828, №№ 21—22: „Литературныя опасенія за будущій годъ". Изящное произведеніе „должно имѣть единственную цѣль въ самомъ себѣ, не подчиняясь никакимъ внѣшнимъ постороннимъ видамъ. Піитическія произведенія должны быть свободными изліяніями свободнаго духа".

[2]) *Вѣстникъ Европы*, 1828, №№ 21—22: „Но что̀ значитъ самый эсоетическій интересъ, какъ не гармоническое сліяніе нравственнаго и умственнаго интереса? Что̀ значитъ красота, какъ не истина, растворенная добротою? Изящное неудобомыслимо безъ отношенія къ существеннымъ

каломъ природы», отражаетъ и «пороки, свойственные человѣчеству»; но, отражая ихъ, въ силу тяготѣнія къ Безконечному, оно указываетъ, что «частныя разногласія и перекоры спасаются во всеобщей гармоніи великой драмы судебъ человѣческихъ» [1]. Послѣднимъ условіямъ искусство удовлетворяетъ лишь при соблюденіи *естественности* и *народности*. Современное эстетическое направленіе требуетъ отъ художественныхъ созданій *полнаго сходства съ природою*, равно чуждаясь поддѣльнаго излишества какъ въ наружныхъ матеріальныхъ формахъ, такъ и во внутренней, идеальной выразительности. Оно спрашиваетъ у *образа*: гдѣ твой *духъ*? у *мысли*: гдѣ твое *тѣло*? Отсюда нисхожденіе изящныхъ искусствъ въ сокровеннѣйшіе изгибы бытія, въ мельчайшія подробности жизни, соединенное со строгимъ соблюденіемъ всѣхъ вещественныхъ условій дѣйствительности, съ географическою и хронологическою истиною физіономіи, костюмовъ, аксессуаровъ. Тотъ всеобъемлющій взглядъ на жизнь, къ коему очевидно стремленіе современнаго генія, уравниваетъ въ глазахъ его всѣ черты, изъ коихъ слагается физіономія бытія, внушаетъ ему нелицепріятное безпристрастіе ко всѣмъ формамъ, коими оно облекается». «Нынѣ сія миніатюрная живопись дѣйствительности (нидерландская) превращается въ господствующую потребность генія. И между тѣмъ жизнь не подавляется ея мелкою дробностью: она просіяваетъ въ каждой чертѣ, выражается въ каждомъ звукѣ». «Перо Бальзака нашло тайну излагать философію современной исторіи въ мелкихъ сценахъ домашняго быта»; «дарованіе Скриба отважилось свести поэтическую исторію сердца съ трагическаго котурна и заключить ея трогательнѣйшія сцены въ тѣсныхъ рамкахъ водевиля». Какъ слѣдствіе *естественности*, является *народность*. «Подъ народностью разумѣется то патріотическое одушевленіе изящныхъ искусствъ, которое, питаясь родными впечатлѣніями и воспоминаніями, отражаетъ въ своихъ произведеніяхъ родное, благодатное небо, родную святую землю, родныя драгоцѣнныя преданія, родные обычаи и нравы, родную

потребностямъ духа нашего: истинному и доброму". Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1826, № 8, стр. 327: „Лѣпота, созерцаемая какъ соединеніе истины и блага". Тамъ же, 1827, № 16, стр. 303, и *Московскій Вѣстникъ*, 1827, № 7: „О достоинствѣ поэта", гдѣ говорится, что поэзія нераздѣльна съ философіей и добродѣтелью.

[1] Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1826, № 8, стр. 327: „Гармонія несовершенствъ частнаго въ общемъ".

жизнь, родную славу, родное величіе». «Сіе одушевленіе есть слѣдствіе направленія къ естественности, ибо по существенной, внутренней связи духа нашего съ природою, въ лонѣ коей онъ возлелѣянъ, на всѣхъ произведеніяхъ его дѣятельности, изливающейся *свободно*, безъ вліянія предубѣжденій и страстей, должна лежать печать его родины, которую стереть могутъ только умышленныя, неестественныя усилія»... Греческое искусство было зеркаломъ отчизны по нуждѣ, по недостатку развлеченія, что́ обнаружилось ясно, когда предѣлы Греціи расширились. Въ Римѣ была холодность къ національности; въ средніе вѣка не было на землѣ отечества, и царилъ космополитизмъ. «Нынѣ каждая нація, подвизающаяся на поприщѣ изящнаго творчества, хочетъ любоваться сама собою въ искусственныхъ твореніяхъ». «Узы чужеземнаго вліянія всюду разрываются». «Геній чувствуетъ, что онъ можетъ жить и дышать свободно только въ своей родной атмосферѣ, своимъ воздухомъ. И дѣйствительно, здравый смыслъ и очевидные опыты удостовѣряютъ, что изящныя формы, переносимыя подъ иное небо, на чужую землю, подобно пересаженнымъ растеніямъ, вянутъ и умираютъ»... [1]).

Въ подтвержденіе положенія, что «неумѣстное подражаніе» должно вызывать осужденіе, а «искусство—быть полнымъ, свѣтлымъ отраженіемъ народовъ, среди коихъ процвѣтаетъ», можно сослаться на печальныя историческія судьбы русской поэзіи. Литературныя лѣтописи наши изумляютъ необыкновенною скудостью; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, временами возникаютъ прекрасные цвѣты, «живые показатели внутренней жизни», среди сравнительно пустыннаго пространства. Здѣсь противорѣчіе: налицо чудное совмѣщеніе «немладенческой нищеты» съ «немладенческою роскошью». Въ области словесности юность наша отзывается хилостью. У насъ не было «дружнаго соединенія силъ и трудовъ на одно общее дѣло». Причина этого — могущество чуждаго вліянія со временъ Петра Великаго, эпохи нашего пробужденія. Западное вліяніе имѣетъ свои положительныя и отрицательныя стороны: оно принесло пользу, вдвинувъ Россію въ «составъ просвѣщеннаго міра»: оно «ослѣпило нашу неопытность», пробудило желаніе немедленно наслаждаться роскошью просвѣщенія, забывъ, что Европа заплатила за нее вѣковыми усиліями и трудами. Желанія «при-

[1]) См. passim диссертацію Надеждина и его рѣчь: „О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ".

способить» западную образованность къ «русскому духу» и «возрастить» изъ «внутреннихъ соковъ русской жизни» — не было: вмѣсто воздѣлыванія своей почвы, было отдано предпочтеніе легчайшему: пересаживались къ намъ цвѣты европейскаго просвѣщенія безъ всякой заботы, «глубоко ль они пустятъ корни». Иногда это «удавалось»: отсюда «блестящія, необыкновенныя явленія: переводы и подражанія, не самородные русскіе, хотя часто имѣющіе «русское содержаніе».

Наша словесность — «барщина европейская», обрабатываемая не по-русски русскими руками. Нѣтъ ничего своего: метръ «выкованъ на германской наковальнѣ»; проза — «вавилонское смѣшеніе» всѣхъ иноземныхъ «идіотизмовъ»; въ томъ же родѣ театръ, эпопеи, баллады. Можно утѣшаться лишь тѣмъ, что литературы, которыя старше и зрѣлѣе русской, напримѣръ, шведская, датская, голландская, «обречены въ жертву рабскому подражанію», и что «насильственные наросты не могли глубоко укорениться въ нашей почвѣ»: «возникали и увядали по минутнымъ прихотямъ». «Отсюда та *непостоянная внутренность* и *измѣнчивость вкуса*, въ коей нельзя не упрекнуть» русскихъ писателей. «Ломоносовъ пристрастилъ словесность къ классической древности», на изученіи которой вскормленъ былъ его собственный геній, проявившійся въ «свѣтлости ума и воображенія»: «и вслѣдъ за нимъ явились переводы «Иліады» и «Энеиды», Горація и Платона, Ксенофонта и Овидія: греко-римскіе классики были господствующею страстью нашей словесности во все продолженіе восемнадцатаго столѣтія». Но эта страсть, въ большинствѣ случаевъ, была подогрѣта «подновленнымъ французскимъ классицизмомъ временъ Людовика XIV». «Кто въ «Россіадѣ» или «Владимірѣ» Хераскова, образованныхъ по корану Буало и Батте, видитъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ достопочтенные памятники неусыпнаго трудолюбія, которое никогда не можетъ замѣнить скудость генія? Кому нравится рабская подражательность въ трагедіяхъ Сумарокова и Княжнина, если бъ даже она не столь уродливо скрипѣла подъ тяжестью языка ржаваго, обветшавшаго? Самому Озерову рукоплещутъ больше по снисхожденію». Среди посредственностей рѣзко замѣтенъ Державинъ, — «второе», послѣ Ломоносова, «око нашего поэтическаго міра»; имъ, безъ сомнѣнія, «ни одна страна и ни одинъ вѣкъ не посовѣстились бы хвалиться ... Но явился Карамзинъ — и страсть къ античной литературѣ получила другое направленіе». «Онъ подружилъ насъ съ французскою любезностью, пріучилъ къ ея тону и фор-

мамъ: и вдругъ во всѣхъ концахъ нашей словесности зацвѣли незабудки и розы, запорхали горленки и мотыльки, раздались нѣжные вздохи, полились ручьи перловыхъ слезъ, коихъ изсякающія капли собираются въ полинявшую урну *Дамскаго Журнала.* Зазвучали серебряныя струны арфы Жуковскаго, настроенной нѣмецкою мечтательною музою, и все бросилось подстраиваться подъ тонъ, имъ заданный: фантазія переселилась на кладбище, мертвецы и вѣдьмы потянулись страшною вереницею, и литература наша огласилась дикими завываніями, коихъ запоздалое эхо отдается по временамъ въ мрачныхъ руинахъ *Московскаго Телеграфа.* Новое броженіе, пробужденное своенравными капризами Пушкина, метавшагося изъ угла въ уголъ, угрожало также всеобщею эпидеміею, которая развѣялась собственной вѣтротлѣнностью». «Для генія не довольно смастерить Евгенія», рисовать фламандскія картинки или «безпутно скитаться по цыганскимъ таборамъ». «Такъ все кружилось въ неудержимомъ вихрѣ превратности! Кончилось тѣмъ, чѣмъ обыкновенно оканчивается всякое круженіе—утомленіемъ, охладѣніемъ, усыпленіемъ. Пустота, естественное слѣдствіе безразсуднаго расточенія силъ, обнаружила сама себя повсюду. Война между классицизмомъ и романтизмомъ, свирѣпствовавшая въ послѣднія времена на поляхъ нашей словесности истинною *ватрахомiомахiею*, довершила разочарованіе самоувѣренности, не хотѣвшей дотолѣ признаваться въ своей внутренней ничтожности. Взаимное ожесточеніе партій ниспровергло всѣ репутаціи, оборвало всѣ хоругви, запятнало всѣ имена, коими гордилась и красилась наша литература». «Между искусственно выращенными» за послѣднее время «махровыми цвѣтами» подражательной словесности «и указать не на что». «Заморскій юморизмъ, разскакавшійся лихимъ наѣздникомъ въ «Странникѣ» (Вельтмана), сломилъ себѣ голову», а «Наложница» (Баратынскаго), отлитая, по предпослѣдней модѣ, въ лиро-эпическую форму, могла бы вовсе не вставать съ типографическаго ложа»... Несмотря на печальное состояніе нашей литературы, на цѣлый рядъ «отвратительныхъ явленій», нельзя не отмѣтить также одного *утѣшительнаго предзнаменованія.* Мрачныя картины настоящаго не мѣшаютъ однако предчувствовать, что «близокъ долженъ быть поворотъ искусственнаго рабства и принужденія», въ которомъ нельзя «дышать свободно», къ естественности, къ народности». «Національнымъ характеромъ», отличающимся любовью къ отечеству, «объясняется та высокая степень совершенства, на какую возведена» басня

*

Хемницера, Дмитріева, Крылова. «Она ознаменована печатью высочайшей народности: всматривается въ бытъ русскій, подслушиваетъ рѣчь русскую». «Романы Загоскина, въ коихъ русская народность выработана до идеальнаго изящества, безъ малѣйшей утраты своей естественности, не суть случайныя забавы воображенія, а результаты и указатели внутренняго кровообращенія въ нѣдрахъ русскаго духа. Они пускаютъ уже отъ себя многочисленные отпрыски. Между собственно поэтическими произведеніями «Борисъ Годуновъ» Пушкина и «Марѳа Посадница» (изданная Погодинымъ) отличаются также глубокою народностью». «Послѣднее произведеніе» «любопытно особенно потому, что представляетъ сраженіе чистѣйшей національности содержанія съ строжайшею покорностью искусственной сценической формѣ». Но «блистательнѣйшимъ разсвѣтомъ» поэзіи «радуютъ прекрасныя сказки Жуковскаго, еще и раньше *стяжавшаго себѣ неотъемлемое право на славное безсмертіе» «чудеснымъ» «Пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ»*... Надежды на лучшее будущее возрастаютъ все болѣе. «Родъ человѣческій, уже дважды жившій и отживавшій полную жизнь мужества, по всѣмъ примѣтамъ вступаетъ нынѣ въ новый третій періодъ существованія. И никакъ невозможно подавить въ себѣ тайной пріятной увѣренности, что святая мать Русь, дщерь и представительница великаго славянскаго племени, назначается маніемъ неисповѣдимаго Промысла разыгрывать первую роль въ новомъ дѣйствіи великой драмы судебъ человѣческихъ; и что, можетъ быть, она будетъ для *временъ грядущихъ* тѣмъ же, чѣмъ нѣкогда были пелазги для классическаго міра и тевтоны для міра романтическаго». «Если Россія обратится къ сокровищамъ обоихъ міровъ, кои суждено пережить ей, и, набогатившись ихъ неистощимымъ богатствомъ, воспрянетъ къ живой и бодрой самодѣятельности: тогда на что́ дерзнуть, чего достигнуть не возможетъ» [1])?

Разсмотрѣвъ взгляды Надеждина, можно задать вопросъ: что́ же общаго у этого критика, стоящаго какъ-то особнякомъ, не примкнувшаго ни къ какой группѣ литераторовъ пушкинской эпохи, съ представителями романтической школы? Чѣмъ вызваны нападки на него Полевого, теоретическія мнѣнія котораго въ области поэзіи могутъ служить прекраснымъ показателемъ вкусовъ

---

[1]) *Телескопъ*, 1832, № 1: „Лѣтописи отечественной литературы". Ср. диссертацію passim.

новаторовъ его времени? Сравненіе взглядовъ Надеждина со взглядами Полевого и его современниковъ дастъ средство разрѣшить этотъ вопросъ и, быть можетъ, нѣсколько иначе, чѣмъ разрѣшилъ его въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка извѣстный авторъ «Очерковъ гоголевскаго періода». Сходство въ литературныхъ воззрѣніяхъ издателя *Московскаго Телеграфа* и московскаго профессора—несомнѣнно; но первый не былъ ученикомъ послѣдняго: общность русскихъ и, главное, иностранныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствовали нѣкоторыя положенія оба критика, выясняетъ все дѣло. Мысль о поэзіи, какъ воплощеніи идеи, и о взаимныхъ отношеніяхъ идеи съ формою, о художественномъ единствѣ, мысль, сближающая Полевого съ Надеждинымъ, была высказана въ европейской журналистикѣ и не осталась неизвѣстной въ Россіи. По этому поводу еще въ 1828 году была напечатана въ *Московскомъ Телеграфѣ* статья Пиктета, помѣщенная предварительно въ *Bibliothèque universelle* [1]). Признаніе народности важнымъ элементомъ, заслуживающимъ особаго вниманія при оцѣнкѣ того или другого произведенія, встрѣчается въ рецензіяхъ Рылѣева, Вяземскаго, писавшихъ за нѣсколько лѣтъ до появленія статей Надоумки и его диссертаціи. Указаніе на «направленіе къ всеобщности» было сдѣлано Полевымъ въ его этюдѣ «О романахъ В. Гюго и вообще о новѣйшихъ романахъ»; но всеобщность толковалась не въ смыслѣ соединенія классицизма съ романтизмомъ, а вытекала изъ философскаго разсужденія, подсказаннаго Кузеномъ [2]). Отрицательное отношеніе къ русской литературѣ, проскальзывавшее въ очеркахъ Марлинскаго и Вяземскаго, достаточно ясно выражено въ первомъ номерѣ *Московскаго Телеграфа* за 1825 г.: «У насъ, едва начавшихъ писать и учиться, дѣтей въ литературѣ, возможно ли помѣщеніе исключительно русскихъ сочиненій»? Были и другіе общіе пункты во взглядахъ Полевого и Надеждина [3]); но существовало

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 17: „Классицизмъ и Романтизмъ". О соотношеніи между идеей и формою писалъ также М. П. Розбергъ въ своемъ очеркѣ: „О главныхъ отличительныхъ чертахъ греческой и римской словесности". Тамъ же, 1825, № 21, стр. 30, 34.

[2]) См. главу: „О шеллингизмѣ Полевого и его критическихъ пріемахъ". Отмѣченный этюдъ Полевого былъ напечатанъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*, 1832, №№ 1—3. Самое слово „всеобщность" Надеждинъ сталъ употреблять въ 1833 году.

[3]) Укажемъ, что рецензія на трудъ Галича: „Опытъ науки изящнаго", въ которой Полевой высказалъ бо́льшую часть своихъ сужденій

и разногласіе. Думать, что романтизмъ окончилъ свое существованіе и можетъ воскреснуть только благодаря поддержкѣ классицизма, непочтительно отзываться о Жанъ-Полѣ, Байронѣ, Ламартинѣ, хвалить иныхъ ложноклассиковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ рѣзко осуждать Пушкина, наконецъ, позволять себѣ дерзкія выходки противъ издаваемаго Полевымъ журнала—все это было свойственно Надеждину; здѣсь безспорно кроется причина вышучиванья книги: «О началѣ, сущности и участи поэзіи, романтическою называемой», и сопоставленіи ея съ произведеніемъ Белебѣевскаго уѣзднаго землемѣра, Виктора-Ѳомы Товарницкаго.

IX.

Въ *Молвѣ* Надеждина печатались первые литературные опыты молодого критика, котораго ожидало впереди славное и завидное будущее. Пытливость ума и глубокое уваженіе къ истинѣ не разъ склоняли Бѣлинскаго къ перемѣнѣ основныхъ мнѣній: мысль его пережила нѣсколько фазисовъ развитія. Не задаваясь цѣлью характеризовать эти фазисы, такъ какъ они уже были предметомъ обстоятельнаго разсмотрѣнія, не лишнимъ будетъ выяснить ту связь, которая соединяетъ Бѣлинскаго съ его предшественниками—собратьями по роду дѣятельности и замѣтно бросается въ глаза въ тѣхъ статьяхъ его, гдѣ идетъ рѣчь о спорѣ литературныхъ старовѣровъ съ реформаторами двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ или дѣлается историческій обзоръ русской словесности.

«Всемірную исторію искусства», писалъ Бѣлинскій: «раздѣляютъ на два великіе періода, обозначая ихъ именами классическаго и романтическаго. Собственно классическое искусство существовало только у грековъ—этого народа, который своею жизнью отпировалъ праздникъ древняго міра. Всѣ народы Азіи и Африки выразили собою какую-нибудь одну сторону духа;—въ лицѣ грековъ всѣ эти односторонности явились въ живомъ и слитномъ единствѣ. Всѣ народы сѣяли на нивѣ развитія слезами и кровью; греки пожали только роскошные плоды, развивъ ихъ изъ своего многосторонняго, универсальнаго, абсолютнаго духа. Истина откры-

---

объ эстетическихъ основаніяхъ критики, появилась въ 1826 г., т. е. за два, приблизительно, года до выхода въ свѣтъ „Литературныхъ опасеній за будущій годъ“.

лась человѣчеству впервые—въ искусствѣ, которое есть истина въ созерцаніи, т. е. не въ отвлеченной мысли, а въ образѣ, и въ образѣ не какъ условномъ символѣ (что́ было на Востокѣ), а какъ въ воплотившейся идеѣ, какъ полномъ, органическомъ и непосредственномъ ея явленіи въ красотѣ формъ, съ которыми она такъ нераздѣльно слита, какъ душа съ тѣломъ. Поэтому самая религія грековъ вышла изъ творящей фантазіи, и мысль о божествѣ явилась въ очаровательныхъ созданіяхъ искусства. Греческое творчество было освобожденіемъ человѣка изъ-подъ ига природы, *прекраснымъ примиреніемъ духа и природы*, дотолѣ враждовавшихъ между собою. И потому греческое искусство *облагородило, просвѣтлило и одухотворило всѣ естественныя склонности и стремленія человѣка*, которыя дотолѣ являлись въ отвратительномъ безобразіи своей животности». «Посмотрите: сколько красокъ, сколько *пластики* въ описаніяхъ наружности и разнообразныхъ положеній человѣческаго стана въ пѣсняхъ пѣвца «Иліады», съ какимъ наслажденіемъ останавливается онъ на этихъ *пластическихъ* картинахъ, съ какою любовью, съ какою неистощимою роскошью творчества отдѣлываетъ ихъ своимъ волшебнымъ рѣзцомъ». «У грековъ родилось ваяніе—съ ними и умерло оно, потому что только у нихъ совершенство человѣческой фигуры могло имѣть такое міровое значеніе. Вотъ почему характеръ самой поэзіи грековъ есть *пластичность образовъ*, такъ что хочется ощупать рукою этотъ волнистый мраморный гекзаметръ, который, излетѣвъ изъ устъ, становится передъ глазами вашими отдѣльною статуею или движущеюся картиною. Причина этого явленія—*уравновѣшеніе идеи съ формою, изъ которыхъ каждая потеряла свою особность и которыя слились въ неразрывномъ тожествѣ уже, а не единствѣ только*». Содержаніе искусства грековъ, «какъ лишенныхъ христіанскаго откровенія», заключалось въ одной величественной идеѣ - гордой борьбѣ съ неотразимою силой судьбы. Кромѣ того, дѣйствующія лица въ ихъ поэзіи—полубоги, цари и герои, ибо у нихъ «все значило общество и ничего не значилъ человѣкъ»...

Проходили вѣка, и сталъ дряхлѣть античный міръ вслѣдствіе истощенія содержанія его жизни. Нравственное изнеможеніе и пресыщеніе вызвали жажду обновленія или смерти. Древній Римъ «зѣвалъ отъ скуки и кормилъ рабами чудовищныхъ рыбъ»... Тогда «пришелъ часъ—народы познали гласъ Пастыря, положившаго душу за свои овцы», новыя, кипящія избыткомъ силъ,

племена «обновили» старѣющій міръ, и «насталъ новый періодъ человѣчества, періодъ религіозный, періодъ романтическій. Справедливо называютъ его періодомъ юношества человѣчества: это безпрестанное стремленіе куда-то, въ какую-то неопредѣленную даль, эта безпрерывная жажда дѣятельности—что́ все это, какъ не кипѣніе молодой крови, какъ не тревога юнаго духа, мучимаго избыткомъ силъ своихъ»? Гражданское устройство среднихъ вѣковъ всецѣло обусловливается христіанской религіей. Изъ евангелія вытекала мысль о равенствѣ людей передъ Богомъ и «*уваженіи къ внутреннему человѣку*»; отсюда же заимствовали возвышенныя понятія о благородствѣ рыцари—«защитники вдовъ и сиротъ, поборники религіи, воины Христовы», съ ихъ благоговѣніемъ къ достоинству женщины», такъ какъ «родшая Бога была Матерь и Дѣва — сочетаніе материнской любви съ дѣвственною чистотою». «Эта эпоха была *пробужденіемъ духа*. Чтобы сознать себя, ему надобно было *отрѣшиться отъ природы*, которая есть его же собственная сторона, но которая единствомъ съ нимъ (въ смыслѣ древнихъ), такъ сказать, затемняла его, поглощая собою его невидимую жизнь и прелестью формъ отводя бренныя очи отъ его таинственной сущности. Духу надо было явиться только духомъ, отвлеченно отъ слитнаго явленія. И онъ возсталъ въ своемъ страшномъ величіи, онъ *отвергся природы*, какъ врага своего, какъ діавола». «Отсюда и романтическій характеръ искусства. Живопись сдѣлалась орудіемъ религіи, ея служительницею; возникла музыка — искусство романтическое по самой своей сущности, какъ выраженіе внутренней жизни субъективнаго духа, и ея гармонія гремѣла гимномъ Богу. Поэзія воспѣвала подвиги и любовь храбрыхъ рыцарей и прекрасныхъ дамъ, и ея *формы улетучивались въ туманной мистикѣ содержанія*. Не спрашивали: *какъ* выполнено художественное произведеніе, но спрашивали: *что́* выражаетъ оно: *содержаніе отдѣлилось отъ формы и стало выше ея*. Это не значитъ, чтобы произведенія романтическаго искусства были аллегоріями или символами: въ истинныхъ художникахъ общая страсть времени къ аллегоріямъ и символамъ побѣждалась, болѣе или менѣе, полнотою ихъ художественной натуры, и идея становилась ощутительною только черезъ форму; но какъ въ древнемъ мірѣ красота формы, обязанная своимъ явленіемъ скрытой въ ней идеѣ, довольствовала собою духъ и не производила въ немъ страстнаго порыва проникнуть въ ея сущность, такъ въ

романтическомъ мірѣ идея, поглощая собою вниманіе и удовлетворяя духъ, дѣлала форму вопросомъ второстепеннымъ».

Если *уравновѣшеніе идеи съ формою* — основа классическаго искусства, а *перевѣсъ идеи надъ формою* — романтическаго, то заимствованіе однѣхъ внѣшнихъ формъ, безъ всякаго стремленія «проникнуть въ сущность свѣтлаго міра древнихъ грековъ» — отличительная черта французскаго псевдоклассицизма XVIII вѣка. Quasi-цари, наперсники и вѣстники не сдѣлали новыхъ трагедій естественными, «реторическая шумиха» замѣнила поэтическій языкъ, и только чистой формальностью объясняется простота и опредѣленность теоріи изящнаго по системѣ Буало. «Но и *такъ называемые романтики* [1]) ушли не дальше псевдоклассиковъ, и только впали въ другую крайность», восхваляя «безформенность и дикое неистовство». «*Дикость* и *мрачность* они провозгласили характеромъ поэзіи Шекспира, смѣшавъ съ ними его глубокость и безконечность и не понявъ, что формы Шекспировыхъ драмъ совсѣмъ не случайности, но условливаются идеею, которая въ нихъ воплотилась». «Романтическое неистовство» позднѣйшей формаціи было важно не само по себѣ, такъ какъ не постигло сущности искусства, но какъ отрицаніе классицизма. Оба направленія сошли со сцены и смѣшны какъ крайности. Не лучше и образовавшійся за послѣднее время *романтическій классицизмъ*, представители котораго *эклектически* примиряютъ діаметрально-противоположныя литературныя теченія. Каково же должно быть истинное искусство нашего вѣка? — Оно можетъ быть мыслимо въ видѣ *примиренія христіанскаго содержанія съ пластицизмомъ классической формы, какъ новый моментъ уравновѣшенія идеи съ формою.*

«Романтическое искусство переносило землю на небо, его стремленіе было вѣчно туда, по ту сторону дѣйствительности и жизни; наше новѣйшее искусство переноситъ небо на землю и земное просвѣтляетъ небеснымъ». Теперь «только слабыя и болѣзненныя души видятъ въ дѣйствительности юдоль страданія и бѣдствій и въ туманную сторону идеаловъ переносятся своею фантазіей, на жизнь и радость въ мечтѣ; души нормальныя и крѣпкія находятъ свое блаженство въ *живомъ сознаніи живой дѣйствительности*, и для нихъ прекрасенъ Божій міръ, и само страданіе есть только форма блаженства, а блаженство — жизнь въ

[1]) Представители *новѣйшаго* романтизма.

безконечномъ. Мечтательность была высшею дѣйствительностью только въ періодѣ юношества человѣческаго рода; тогда и формы поэзіи улетучивались въ оиміамъ молитвы, во вздохъ блаженствующей любви или тоскующей разлуки. Поэзія же мужественнаго возраста человѣчества, наша новѣйшая поэзія осязаемо - изящную форму просвѣтляетъ эѳиромъ мысли, и *наяву дѣйствительности*, а не во снѣ мечтаній, отворяетъ таинственныя врата священнаго храма духа. Короче: какъ романтическая поэзія была поэзіею мечты и безотчетнымъ порывомъ въ область идеаловъ, такъ новѣйшая поэзія есть *поэзія дѣйствительности*, *поэзія жизни*». Она имѣетъ свои особенныя свойства: представляетъ собою *истину* въ формѣ *созерцанія*, воплощая идеи въ художественныхъ созданіяхъ [1]); не имѣетъ цѣли внѣ себя [2]); не украшаетъ существующихъ явленій, «не изображаетъ людей, какими они должны быть, но *каковы они суть*» [3]). Такой поэзіи надлежитъ быть выраженіемъ *духа того или другого народа*, живущаго *самобытною* жизнью и имѣющаго свою характерную «физіономію», которая проявляется въ своеобразномъ взглядѣ на предметы, въ религіи, языкѣ и, всего болѣе, въ обычаяхъ, происходящихъ изъ одного источника: *климата* и *мѣстности* [4]). Въ Россіи масса народа и общество «пошли врозь»: первая осталась при своихъ прежнихъ «грубыхъ» и «полудикихъ» нравахъ, второе «забыло все русское». Благодаря подражательности, состояніе нашей литературы печально; возможно даже *отрицать* существованіе послѣдней, что, впрочемъ, не уничтожаетъ надеждъ на будущее: «придетъ время, просвѣщеніе разольется въ Россіи широкимъ потокомъ, умственная физіономія народа выяснится, и тогда наши художники и писатели

---

[1]) Ср. „Литературныя мечтанія“: „Искусство есть выраженіе великой идеи Вселенной въ ея безконечно-разнообразныхъ явленіяхъ“.

[2]) Ср. тамъ же: „Поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя. Доколѣ поэтъ слѣдуетъ безотчетно мгновенной вспышкѣ своего воображенія, *дотолѣ онъ нравственъ, дотолѣ онъ и поэтъ*; но какъ скоро онъ предположилъ себѣ цѣль, задалъ тему, онъ уже философъ, мыслитель, моралистъ, онъ теряетъ надо мной свою чародѣйскую власть, разрушаетъ очарованіе и заставляетъ меня сожалѣть о себѣ, если при истинномъ талантѣ, имѣетъ похвальную цѣль, и презирать себя, если силится опутать мою душу тенетами вредныхъ мыслей“.

[3]) Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова. Спб. 1901. т. V, стр. 25—36.

[4]) Ср. прекрасное изслѣдованіе *П. Н. Жданова*: Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Спб. 1899.

будутъ на всѣ свои произведенія налагать печать русскаго духа. Но теперь намъ нужно ученье, ученье, ученье»!

Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» данъ обзоръ русской словесности, начиная съ эпохи Петра Великаго. По справедливому выраженію современнаго изслѣдователя, въ этой статьѣ «безспорную, личную собственность Бѣлинскаго составляетъ одна блестящая характеристика Марлинскаго. Все остальное—часто вплоть до отдѣльныхъ фразъ и выраженій—заимствовано» у Полевого, Станкевича, шеллингистовъ *Московскаго Вѣстника*, Надеждина [1])... Мы только коснемся сужденій Бѣлинскаго о Пушкинѣ и Гоголѣ, и большею частью тѣхъ, которыя высказаны имъ въ позднѣйшій періодъ его дѣятельности. Разборъ пушкинскихъ поэмъ начинается съ оцѣнки достоинствъ «Руслана и Людмилы». Незначительная, какъ художественное произведеніе, эта поэма была навѣяна Аріостомъ; кромѣ именъ, въ ней нѣтъ ничего русскаго; народный духъ, столь сильный въ былинахъ и пѣсняхъ, сказывается только въ прологѣ. Достоинствомъ является стихъ, который верхъ изящества. Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» замѣтна незрѣлость таланта (особенно въ изображеніи черкешенки): авторъ — ученикъ, а не мастеръ поэзіи; несмотря на то, многія картины Кавказа поэтичны, а способъ изложенія—исполненъ жизни, движенія. «Бахчисарайскій фонтанъ»—шагъ впередъ со стороны формы; обрисовка крымской природы и «роскошно-сладострастныхъ» сценъ—увлекательна; но поэтъ не совладалъ съ развитіемъ основной мысли и склоненъ иногда къ аффектаціи и мелодраматизму. «Цыганы»—выше первыхъ поэмъ Пушкина по идеѣ, по развитію дѣйствія, по «концепировкѣ характеровъ» и художественной отдѣлкѣ. Изъ «всего хода» творенія видно, что Пушкинъ «думалъ сказать не то, что́ сказалъ на самомъ дѣлѣ»: «творческій элементъ» былъ въ немъ «несравненно сильнѣе мыслительнаго»; кое-гдѣ попадаются слѣды недозрѣлости. «Черезъ два года послѣ «Цыганъ» вышла новая поэма «Полтава», въ которой рѣзко выразилось усиліе поэта оторваться отъ прежней дороги и твердою ногою стать на новый путь творчества». Усиліе не привело однако къ желаннымъ результатамъ. Въ «Полтавѣ» есть какая-то нерѣшительность; она—нѣчто великое, но нестройное, странное, неполное; въ ней нѣтъ единства, нѣтъ главнаго героя, но поражаетъ богатство «народности

---

[1]) См. примѣчанія къ „Литературнымъ мечтаніямъ“, писанныя С. А. Венгеровымъ.

въ выраженіи», замѣчательны многія поэтическія частности. «Нулинъ»—легкій сатирическій очеркъ, сдѣланный мастерскою и искусною рукою: все дышитъ русскою природою: картина фламандской школы!.. Но самымъ серьезнымъ національнымъ произведеніемъ надо считать «Евгенія Онѣгина»; здѣсь картина фламандской школы замѣнилась другою, изумительно «вѣрною дѣйствительности картиною русскаго общества въ извѣстную эпоху». Хорошъ и свѣтскій человѣкъ—герой романа, хорошъ и романтикъ Ленскій; «но едва ли не выше подвигъ Пушкина въ томъ, что онъ первый поэтически воспроизвелъ, въ лицѣ Татьяны, русскую женщину». «Онѣгинъ» былъ писанъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ—и потому самъ поэтъ росъ вмѣстѣ съ нимъ, и каждая новая глава была интереснѣе и зрѣлѣе. Но послѣднія двѣ главы рѣзко отдѣляются отъ первыхъ шести»: онѣ явно принадлежатъ уже къ высшей порѣ художественнаго развитія. Другое, важнѣйшее, послѣ «Онѣгина», созданіе Пушкина—«Борисъ Годуновъ». Это—не драма, а эпическая поэма въ разговорной формѣ. Отсутствіе драматизма—вина исторіи, изъ которой взято содержаніе. Пушкинъ избѣжалъ бы недостатковъ, если бы самостоятельно проникнулъ въ тайну личности Годунова; но онъ «рабски во всемъ послѣдовалъ Карамзину, и изъ его драмы вышло что-то похожее на мелодраму», а главное дѣйствующее лицо стало «мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучитъ совѣсть и который въ своемъ злодѣйствѣ нашелъ себѣ кару». Но отдѣльныя мѣста произведенія заслуживаютъ полнаго одобренія: «тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ (напр., монологъ Пимена)»!.. Изъ остальныхъ сочиненій Пушкина выдѣляется «Моцартъ и Сальери»—«цѣлая трагедія, глубокая, великая, ознаменованная печатью мощнаго генія, хотя и небольшая по объему». Сказки нашего поэта были «плодомъ довольно ложнаго стремленія къ народности», а «Повѣсти Бѣлкина»—нѣчто «въ родѣ повѣстей Карамзина», съ тою только разницею, что повѣсти Карамзина не были ниже своего времени [1])...

Бѣлинскаго справедливо называютъ критикомъ гоголевскаго періода: онъ воспитался на произведеніяхъ великаго реалиста, раскрывшихъ ему важное значеніе «простоты вымысла, совершенной истины жизни, оригинальности и народности» [2]). Восторженно были встрѣчены Бѣлинскимъ «Миргородъ» и «Вечера на хуторѣ

[1]) См. passim VIII т. соч. В. Г. Бѣлинскаго.

[2]) *П. Н. Ждановъ.* Памяти В. Г. Бѣлинскаго, стр. 40, 50—51.

близъ Диканьки». «Майская ночь» напоминаетъ «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира, «Тарасъ Бульба»—настоящая «Иліада» Гомера «въ отношеніи къ Малороссіи XVI вѣка», «Старосвѣтскіе помѣщики»—«слезная комедія во всемъ смыслѣ этого слова». Расширеніе «сцены дѣйствія» обнаружилось въ повѣстяхъ петербургскихъ, творецъ которыхъ «пошелъ искать поэзіи въ нравахъ средняго сословія Россіи». Только «Портретъ»—«неудачная попытка въ фантастическомъ родѣ»; за то исполнены глубокой философіи «Записки сумасшедшаго», представляющія «психическую исторію болѣзни», «удивительную по своей *истинѣ*»: «вы еще смѣетесь надъ простакомъ, но уже вашъ смѣхъ растворенъ горечью; это смѣхъ надъ сумасшедшимъ, котораго бредъ и смѣшитъ, и возбуждаетъ состраданіе»; въ «Невскомъ проспектѣ», «созданіи очаровательномъ», передъ нами «двѣ полярныя стороны одной и той же жизни», «высокое и смѣшное о бокъ другъ къ другу». Такъ постепенно видоизмѣняется сначала «спокойный» и «простодушный» юморъ Гоголя, поэта правдивой дѣйствительности. Его построенный на «мірѣ призраковъ» «Ревизоръ»—строго художественное произведеніе; сюжетъ замкнутъ въ извѣстномъ моментѣ, заключающемъ въ себѣ идею, начало и конецъ. Ожиданіе и пріемъ петербургскаго чиновника—вотъ пунктъ, около котораго вращается все дѣйствіе; и нѣтъ ничего лишняго. Всѣ событія развертываются естественно: вполнѣ вѣроятенъ, даже необходимъ фактъ признанія Хлестакова за ревизора. «Высоко стоятъ» и «Мертвыя души», ибо въ нихъ серьезная «общественная мысль неразрывно сочеталась» съ прекрасными образами, и «этотъ романъ, почему-то названный поэмой, представляетъ собою твореніе, столь же національное, сколько и высокохудожественное. Въ немъ есть свои недостатки важные и неважные. Къ послѣднимъ относится *неправильность въ языкѣ*, который вообще составляетъ столь же слабую сторону таланта Гоголя, сколько его *стиль* составляетъ сильную сторону его таланта. Важные же недостатки романа «Мертвыя души» находятся почти вездѣ, гдѣ изъ поэта, *изъ художника силится авторъ стать какимъ-то прорицателемъ* и впадаетъ въ нѣсколько надутый и напыщенный лиризмъ... Къ счастію, число такихъ лирическихъ мѣстъ незначительно въ отношеніи ко всему роману, и ихъ можно пропускать при чтеніи, ничего не теряя отъ наслажденія, доставляемаго самимъ романомъ. Но, къ несчастію, эти мистико-лирическія выходки въ «Мертвыхъ душахъ» были не простыми случайными ошибками со стороны

ихъ автора, но зерномъ, можетъ быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы. Все болѣе и болѣе забывая свое значеніе художника, принимаетъ онъ тонъ глашатая какихъ-то великихъ истинъ, которыя, въ сущности, отзываются ничѣмъ инымъ, какъ парадоксами человѣка, сбившагося со своего настоящаго пути, ложными теоріями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта» [1]). Таковы отношенія Бѣлинскаго къ творчеству Гоголя. «Когда же стали появляться произведенія писателей такъ называемой натуральной школы», критикъ «сочувственно привѣтствовалъ эти произведенія, такъ какъ видѣлъ въ нихъ прямое продолженіе того литературнаго дѣла, которое начато было Гоголемъ. «Въ лицѣ писателей натуральной школы», писалъ онъ: наша литература «обратилась къ самобытнымъ источникамъ вдохновенія и идеаловъ, и черезъ это сдѣлалась и современною, и русскою» [2]).

Приглядываясь къ вышеприведеннымъ сужденіямъ Бѣлинскаго, нельзя не признать въ нихъ переработки матеріала, подготовленнаго Полевымъ, Надеждинымъ и нѣкоторыми изъ теоретиковъ романтизма. Стоитъ только припомнить мнѣнія послѣднихъ. Какъ опредѣляли они классицизмъ? Онъ представлялся «гармоніей красоты подъ преимуществомъ вещественности», «единствомъ идей и формъ», «перевѣсомъ матеріи надъ духомъ» [3]). Средневѣковая поэзія казалась, наоборотъ, «перевѣсомъ духа надъ вещественностью», «отрожденіемъ духа», «одухотвореніемъ матеріальной жизни». Въ псевдоклассицизмѣ усматривали ходульность, риторичность, обращеніе въ жалкую карикатуру «священныхъ воспоминаній Греціи и Рима». Существованіе крайностей, какъ результатовъ старанія уклониться отъ всего прежняго, не отрицалось въ самомъ нео-романтизмѣ, получившемъ отъ своихъ противниковъ бранную кличку «подонковъ средневѣковаго духа», «безпутнаго своеволія». Возникала смутная мечта о «философѣ-дѣеписателѣ, примирителѣ классиковъ и ро-

---

[1]) См. passim сочиненія В. Г. Бѣлинскаго.

[2]) Цитованное сочиненіе И. Н. Жданова, стр. 51.

[3]) Хотя впослѣдствіи Бѣлинскій и ратовалъ противъ толкованія античнаго искусства, какъ преобладанія формы надъ идеею, но здѣсь рѣчь идетъ о „*единствѣ* идей и формъ", о „*гармоніи* красоты", а выраженіе „перевѣсъ матеріи" должно быть понято лишь въ видѣ указанія на общее характерное свойство греческой литературы, рѣзко отличающейся отъ поэзіи христіанской эпохи. Ср. ч. 12 соч. В. Г. Бѣлинскаго, гдѣ помѣщенъ некрологъ Полевого (М. 1862, стр. 171).

мантиковъ, и вполнѣ ясная мысль о соединеніи «идеальнаго одушевленія» временъ рыцарскихъ съ «изящнымъ благообразіемъ классической древности» [1]). Размышляли также о вѣроятности поэтическаго изображенія, объ «искусствѣ—живомъ зеркалѣ природы», о сліяніи красоты съ благомъ и истиною [2]), о народности, о цѣли «созданій изящнаго»; доходили до отрицанія русской словесности. Много толковъ было и по поводу произведеній Пушкина, Гоголя. Въ поэмѣ «Русланъ и Людмила», написанной подъ вліяніемъ аріостовской эпопеи, не видѣли народности, указанной въ прологѣ: незрѣлость чуялась въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», «Цыганахъ» и народность въ «Полтавѣ»; замѣченъ былъ постепенный ростъ поэта въ «Онѣгинѣ» и прекрасный образъ Татьяны; полагали, что «карамзинизмъ» повредилъ «совершеннѣйшему» творенію—«Борису Годунову», что «Повѣсти Бѣлкина» лишены вѣроятности и не что иное, какъ «фарсы, затянутые въ корсетѣ простоты»: что сказки Пушкина—прелестны, но не вѣрны. Думали, наконецъ, что Гоголь «превосходенъ, неподражаемъ» въ «шуткѣ своего рода, въ добродушномъ разсказѣ о Малороссіи, въ хитрой простотѣ взгляда на міръ и людей», что онъ напрасно «почитаетъ себя философомъ и дидактикомъ, составляетъ себѣ какую-то теорію искусства», что онъ допускаетъ неправильности въ языкѣ... Этимъ-то наслѣдіемъ, доставшимся отъ предшественниковъ, пользовался въ своихъ статьяхъ Бѣлинскій.

Нашъ очеркъ законченъ. Къ какому же выводу можно прійти, ознакомившись съ историческимъ развитіемъ литературныхъ мнѣній русскихъ романтиковъ? Бурный потокъ западно-европейскихъ идей въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія нахлынулъ на нашу словесность. Выборъ и усваиваніе чужого и жажда воспитать свои собственные вкусы и взгляды поражаютъ порываніемъ впередъ и лихорадочностью. Среди смѣны настроеній, среди безпрестаннаго сплетенія и скрещиванія оригинальнаго и заимствованнаго не можетъ не обратить на себя вниманія цѣлый рядъ положеній, которыя сначала были разсѣяны въ различныхъ статьяхъ и журналахъ, а приведены въ строгую систему лишь впослѣдствіи. Подражаніе, подчиненіе чуждымъ формамъ было

---

[1]) Ср. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова. Спб. 1900, т. I, стр. 413.

[2]) Ср. тамъ же, т. II, стр. 379—380.

предано осужденію: на первомъ планѣ стоитъ самобытность. Провозглашается смѣлая независимость вдохновенія, уничтоженіе педантическихъ правилъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ творчество должно удовлетворять вѣчнымъ законамъ изящнаго. Въ чемъ заключаются эти законы? Прежде всего, искусство беретъ себѣ за образецъ явленія природы и отражаетъ въ себѣ жизнь въ ея безчисленныхъ измѣненіяхъ. Изображенія чего бы то ни было должны быть естественны и правдоподобны; они отвѣчаютъ не только наличной дѣйствительности, но и возможности. Въ ограниченномъ, преходящемъ и конечномъ отыскивается сверхземное, «нераскрытый идеалъ». «Изящное есть прямая цѣль созданій изящнаго», въ которыхъ не стараются найти «нравственный силлогизмъ»: не какъ намѣченная цѣль автора, а какъ непосредственное слѣдствіе, вытекающее изъ красоты и истины, является «раствореніе сердца къ добродѣтели». Отдѣльныя части произведенія, тѣсно связанныя между собою, даютъ гармоническое цѣлое; лучшая композиція разнообразіе въ единствѣ. Необходимо, чтобы на всѣхъ воспроизводимыхъ фактахъ и лицахъ лежалъ отпечатокъ духа времени, просвѣщенія вѣка, мѣстности страны, т. е. народности. Главнымъ центромъ считается человѣкъ съ его сложнымъ характеромъ и страстями: міръ психическій, заслоняя міръ внѣшній, описывается съ полнымъ безпристрастіемъ. Пока еще и мечтать нельзя объ окончательныхъ дѣйствіяхъ поэзіи, которая выполнитъ всѣ предъявляемыя къ ней требованія только въ будущемъ. Романтическія сужденія обращаются въ теоретическое предчувствіе позднѣйшаго реализма.

Эти основы русской критики, плоды томительнаго исканія истины, именно смутно чувствовались, а не отчетливо сознавались: они и не могли быть умѣло примѣнены на практикѣ, примѣромъ чего служитъ неудачная оцѣнка Гоголя. Но эпохѣ неясныхъ предощущеній приходилъ конецъ. Рѣдѣлъ утренній туманъ: силуэты предметовъ, еще недавно подернутыхъ его дымкой, начали постепенно обрисовываться; занималась заря; еще немного времени—взошло солнце, ярко освѣтивъ тотъ путь, по которому когда-то, въ полумракѣ, съ большой опасностью сбиться въ сторону, шли люди, руководимые мучительно-страстнымъ стремленіемъ разгадать загадку своего призванія...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Изъ исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ.

(Н. А. Полевой и А. И. Герценъ).

Святое мѣсто!.. помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить: съ водой, иль просто голый ромъ,—
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки, висящіе клочками.
Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... пришли, шумятъ... профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяяся чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ,—шумятъ;
Уходитъ—втрое хуже...

Такую картину жизни московскаго студенчества тридцатыхъ годовъ рисовалъ Лермонтовъ въ поэмѣ «Сашка», вспоминая свои университетскіе годы. Тургеневъ почтилъ это время высокохудожественной страницей романа «Рудинъ» и въ повѣсти «Несчастная» вывелъ Станкевича въ «студентѣ-поэтѣ» [1]). «Въ глазахъ у каждаго восторгъ», разсказываетъ Тургеневъ отъ имени Лежнева: «и щеки пылаютъ, и сердце бьется, и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи,—говоримъ мы иногда вздоръ, восхищаемся пустяками; но что́ за бѣда...» [2]). Эти восторженныя рѣчи молодыхъ мечтателей воспламеняли и

---

[1]) Сочиненія Н. С. Тихонравова. М. 1898, т. III, ч. I, стр. 601.

[2]) Полное собраніе сочиненій. Спб. 1883, т. III, стр. 76.

вдохновили скромную лиру Кольцова, посвятившаго имъ одно изъ своихъ стихотвореній:

Могучая сила
Въ душѣ ихъ кипитъ;
На блѣдныхъ ланитахъ
Румянецъ горитъ:
Ихъ очи, какъ звѣзды
По небу, блестятъ;
Ихъ думы—какъ тучи;
Ихъ рѣчи горятъ [1]).

И едва ли не одинъ только Гончаровъ, не примкнувшій къ кружку Станкевича, въ младшемъ Адуевѣ выразилъ «всю праздную, мечтательную и аффектаціонную сторону старыхъ нравовъ съ обычными порывами юности къ высокому, великому, изящному, къ аффектамъ, съ жаждою высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ...» [2]). Въ этихъ словахъ объ аффектаціи чувствуется, быть можетъ, излишняя трезвость равнодушнаго сторонняго зрителя, а не участника горячихъ и пылкихъ преній молодыхъ идеалистовъ...

Московскій университетъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ еще «наканунѣ возрожденія»: комментированіе какой-либо пѣсни «Энеиды» или книги Тита Ливія, выставленіе образцами краснорѣчія Дмитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго, съ исключеніемъ Жуковскаго, чтеніе курса всеобщей исторіи по сухому и краткому нѣмецкому учебнику—все это не выходило изъ рамокъ гимназическаго преподаванія, мало привлекало вниманіе молодежи, находившей себѣ удовлетвореніе или на живыхъ лекціяхъ Павлова съ Надеждинымъ, бывшихъ исключеніемъ среди профессорскаго персонала, или въ своемъ личномъ стремленіи къ самообразованію и «выработкѣ въ себѣ человѣка...» [3]). Въ ту пору, когда отъ профессоровъ не требовались спеціальныя занятія, не могло быть и рѣчи о спеціальныхъ темахъ студенческихъ бесѣдъ, отличавшихся обще-гуманитарнымъ характеромъ; но въ этихъ бесѣдахъ, несмотря на ихъ крайности и увлеченія, «жилъ не духъ празднаго безпокойства», а «горѣлъ огонь любви къ истинѣ».

---

[1]) „Поминки".

[2]) Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. I, стр. 600; сочиненія И. А. Гончарова, Спб. 1896, т, VIII, стр. 213.

[3]) *Н. С. Тихонравовъ.* Сочиненія, т. III, ч. I, стр. 595—9; *А. Пыпинъ:* Бѣлинскій, его жизнь и переписка, ч. I, стр. 61—69.

Въ такихъ бесѣдахъ проходила жизнь двухъ сложившихся при университетѣ кружковъ: Станкевича и Герцена. Кружки, какъ извѣстно, были противоположныхъ направленій и не сходились во взглядахъ.

Отвлеченныя занятія философіей, увлеченіе Шеллинговымъ пантеизмомъ, стремленіе къ обладанію полной, абсолютной истиной и выясненію общаго «мірового закона», интересъ къ нѣмецкой эстетикѣ и поэзіи—царили въ первомъ кружкѣ, мысль котораго парила въ идеальныхъ сферахъ, чуждыхъ реальной основы. Другія задачи намѣтилъ себѣ кружокъ Герцена. Общественные, политическіе вопросы и затрагивавшая злобу дня французская литература подвергались здѣсь обсужденію.

Великимъ откровеніемъ являлось для приверженцевъ Герцена ученіе школы сенсимонистовъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно встрѣчается, начиная съ 1829 года, когда заправилами школы были Базардъ и Анфантенъ, значительно уклонившіеся отъ завѣтовъ самого Сенъ-Симона [1]). Установившіеся взгляды на собственность, семью и религію подвергались значительной ломкѣ; въ новыхъ взглядахъ видѣли залогъ прекраснаго, блаженнаго будущаго. Громко было провозглашено, что эксплоатація человѣкомъ человѣка окончилась, и наступаетъ время эксплоатаціи земного шара; что надо освободить вещи, начать съ реформы собственности. Девизъ новой школы: A chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres, возстановлялъ, повидимому, принципъ идеальной справедливости; такимъ образомъ, уничтожалось преимущество рожденія: праздный не можетъ пользоваться плодами трудовъ отца своего... Для освобожденія отъ угнетеннаго состоянія пролетаріата казалось необходимымъ уничтоженіе права наслѣдованія: l'abolition de l'héritage. Капиталы или имѣнія считались лишь средствами для труда; распредѣленіе средствъ—дѣло общества...[2]).

Наряду съ реформой собственности возникла и новая религія—синтезъ всѣхъ предыдущихъ. Братство осуществляется не только на небесахъ; оно—соціальный догматъ, и должно быть не во Христѣ только, но въ уничтоженіи рабства и угнетенія бѣдныхъ богатыми; должно существовать неравенство не по силѣ, а по заслугамъ. Церковь не права, разъ имѣетъ цѣлью исключительно

---

[1]) *Paul Janet*. Saint-Simon et le Saint-Simonisme. Paris. 1878, pp. 75—77.
[2]) Тамъ же, pp. 86—96.

духъ и унижаетъ матерію и плоть. Богу-матеріи и Богу-духу противопоставляется Богъ-духъ-матерія въ единствѣ субстанціи. Новый догматъ состоитъ въ *оправданіи* плоти: міръ не былъ осужденъ, жизнь—не долина слезъ, плоть—не зло... [1]).

Понятіе семьи видоизмѣняется въ зависимости отъ измѣненнаго взгляда на женщину. Соціальный индивидуумъ, принятый всей школой, есть пара: мужчина и женщина. Одновременно поднимается вопросъ о равноправности женщины; отрицается подчиненность послѣдней, и утверждается ея эмансипація [2]) Появившіеся въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ романы Жоржъ-Зандъ: «Индіана» (1832) и «Валентина» (1832), хотя еще не стояли въ прямой связи съ соціализмомъ, но уже до нѣкоторой степени гармонировали съ распространившимися теоріями сенсимонистовъ, въ отношеніи семьи, женщины и брака.

Нѣкоторые французскіе журналы, принявшіе подъ конецъ ихъ изданія сенсимоническое направленіе: *Revue encyclopédique* (1819 — 1833) и *Le Globe* (1824 — 1831), а быть можетъ, даже *L'Organisateur* (1829 — 1831) [3]), служили проводниками новыхъ идей въ русскомъ обществѣ. Что касается романовъ Зандъ, то они, по крайней мѣрѣ, въ оригиналѣ, могли быть еще въ 1832 году извѣстны въ Россіи. Такъ въ 1833 году въ Петербургѣ былъ уже отпечатанъ въ четырехъ частяхъ переводъ «Индіаны», сдѣланный какими-то А. и П. Лазаревыми; въ слѣдующемъ году имя знаменитой писательницы находимъ на страницахъ «Аббадоны» Полевого, гдѣ выставленъ новый типъ женщины, названной Бѣлинскимъ «femme émancipée», и въ *Библіотекѣ для Чтенія* печатается рядъ статей, предпринимающихъ крестовый походъ противъ современныхъ французскихъ романовъ.

«Проповѣди» Жоржъ Зандъ въ «Индіанѣ», «Валентинѣ» и «Леліи» называются «безнравственными»; ея произведеніе «Жакъ»— «страшное происшествіе для ума и нравственности». Вообще ея «статьи» «могли бъ удивлять читателя страстною своею діалек-

---

[1]) *Paul Janet*, pp. 111—124 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 131—136. Объ ученіи послѣдователей Сенъ-Симона см. также статью Рейбо въ *Revue des deux mondes*, 1836, tome 7: „Socialistes modernes"; книгу Г. Вейля: „L'école Saint-Simonienne, son histoire, son influence jusqu'à nos jours", Paris, 1896, и недавно вышедшее въ свѣтъ изслѣдованіе Ив. Иванова: „Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ", М. 1901.

[3]) *L'Organisateur, journal des progrès de la science générale*—главный органъ сенсимонистовъ.

тикою, если бъ не заставляли сожалѣть о ней и даже о народѣ, въ которомъ узы, самыя священныя и необходимыя для человѣческаго счастья, такъ гибельно начинаютъ расторгаться». Какъ лучшее средство для предотвращенія зла употребляется сатира, въ родѣ статьи Ѳ. В. Булгарина «Петербургская чухонская кухарка, или женщина на всѣхъ правахъ мужчины. La femme émancipée des st. simoniens. Эпилогъ къ философическимъ глупостямъ XIX вѣка» [1]).

Полемическая запальчивость и раздраженный тонъ рецензій *Библіотеки* указываютъ, что ей надо было бороться съ постепенно укоренявшимся въ обществѣ вліяніемъ Жоржъ Зандъ. Не даромъ нѣсколько времени спустя даже русскія барыни, не имѣющія, повидимому, ничего общаго съ литературой, увлеченныя чтеніемъ ея романовъ, принимались за переводы. «Ты мнѣ прислала записку отъ m-me K...», писалъ Пушкинъ женѣ отъ 29 апрѣля 1835 г.: «дура вздумала переводить Занда и проситъ, чтобъ я сосводничалъ ее со Смирдинымъ. Чортъ побери ихъ обоихъ! Я поручилъ Ан. Ник. (Вульфъ) отвѣчать ей за меня, что, если переводъ ея будетъ такъ же вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Sand, то успѣхъ ея несомнителенъ, а что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю» [2]).

Описанныя выше теченія общественной мысли отразились на воззрѣніяхъ молодыхъ сочленовъ кружка автора «Былого и думъ», который даетъ живую характеристику интересовъ московскаго студенчества своего времени.

«Время, слѣдовавшее за усмиреніемъ польскаго возстанія»,

---

[1]) *Библіотека для Чтенія*, 1834, т. 3, смѣсь, стр. 129—130; т. 6, смѣсь, стр. 75; проза, стр. 88; т. 2, смѣсь, стр. 83; См. также *А. Пятковскаго.* Изъ исторіи нашего литер. и общ. развитія. Спб. 1888, ч. II, стр. 231, 214.

[2]) Мы имѣемъ цѣлью указать на самое раннее знакомство русскаго общества съ Жоржъ Зандъ. Отмѣтимъ, что въ тридцатыхъ же годахъ переведены слѣдующія произведенія: „Письма путешественника“ (*Московскій Наблюдатель*, 1835, ч. III, стр. 36), „Симонъ“ (тамъ же, 1836, чч. 6, 7), та же повѣсть отдѣльнымъ изданіемъ (Спб. 1837), „Квинтилія“ (Спб. 1837), „Мопра“ (М. 1839), „Леоне де Леони“ (М. 1840). Въ первую книжку *Сына Отечества*, вышедшую въ январѣ 1838 года, Полевой, по собственному желанію, „бухнулъ“ „двѣ повѣсти—Ж. Зандъ и Жакоба Библіофила—премилыя“ („Записки“ Кс. Полевого, стр. 402). Сороковые годы—уже время наиболѣе сильнаго интереса къ Ж. Зандъ; рядъ переводовъ помѣщенъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* и т. д.

пишетъ онъ: «быстро воспитывало. Мы начали съ внутреннимъ ужасомъ разглядывать, что и въ Европѣ, и особенно во Франціи, откуда ждали пароль политическій и лозунгъ, дѣла идутъ не ладно; теоріи наши становились намъ подозрительны».

«Дѣтскій либерализмъ 1826 года, сложившійся мало-по-малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдывали Лафайеты и Бенжамены Констаны, пѣлъ Беранже—терялъ для насъ, послѣ гибели Польши, свою чарующую силу».

«Тогда-то часть молодежи, и въ ея числѣ Вадимъ (Пассекъ), бросилась на глубокое и серьезное изученіе русской исторіи. Другая—въ изученіе нѣмецкой философіи. Мы съ Огаревымъ не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Мы слишкомъ сжились съ иными идеями, чтобъ скоро поступиться ими. Вѣра въ беранжеровскую застольную революцію была потрясена, но мы искали чего-то другого, чего не могли найти ни въ несторовской лѣтописи, ни въ трансцендентальномъ идеализмѣ Шеллинга».

«Середь этого броженія, середь догадокъ, усилій понять сомнѣнія, пугавшія насъ, попались въ наши руки сенсимонистскія брошюры и проповѣди, и ихъ процессъ. Они поразили насъ».

«Поверхностные и неповерхностные люди довольно смѣялись надъ отцомъ Енфантенъ и надъ его апостолами; время иного признанія наступаетъ для этихъ предтечъ соціализма».

«Торжественно и поэтически являлись середь мѣщанскаго міра эти восторженные юноши съ своими неразрѣзными жилетами, съ отрощенными бородами. Они возвѣстили новую вѣру, имъ было, что́ сказать, и было, во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ вещей, хотѣвшій ихъ судить по кодексу Наполеона и по орлеанской религіи».

«Съ одной стороны *освобожденіе женщины*, призваніе ее на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею какъ съ равнымъ. Съ другой—оправданіе, *искупленіе плоти*, réhabilitation de la chair!»

«Великія слова, заключающія въ себѣ цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья, міръ духа, міръ красоты, міръ естественно-нравственный и потому нравственно-чистый. Много издѣвались надъ свободой женщины, надъ признаніемъ правъ плоти, придавая словамъ этимъ смыслъ грязный и пошлый; наше монашески-развратное воображеніе боится плоти, боится женщины. Добрые люди поняли, что очистительное крещеніе плоти есть отходная христіанства; религія жизни шла на смѣну религіи

смерти, религія красоты на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы. Распятое тѣло воскресало въ свою очередь, и не стыдилось больше себя; человѣкъ достигалъ созвучнаго единства, догадывался, что онъ—существо цѣлое, а не составленъ, какъ маятникъ, изъ двухъ разныхъ металловъ, удерживающихъ другъ друга, что врагъ, спаянный съ нимъ, исчезъ».

«Какое мужество надо было имѣть, чтобъ произнести всенародно во Франціи эти слова освобожденія отъ спиритуализма, который такъ силенъ въ понятіяхъ французовъ и такъ вовсе не существуетъ въ ихъ поведеніи. Старый міръ, осмѣянный Вольтеромъ, подшибленный революціей, но закрѣпленный, перешитый и упроченный мѣщанствомъ для своего обихода, этого еще не испыталъ. Онъ хотѣлъ судить отщепенцевъ на основаніи своего только соглашеннаго лицемѣрія, а люди эти обличили его. Ихъ обвиняли въ отступничествѣ отъ христіанства, а они указали надъ головой судьи завѣшанную икону послѣ революціи 1830 года. Ихъ обвиняли въ оправданіи чувственности, а они спросили у судьи, цѣломудренно ли онъ живетъ».

«Новый міръ толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сенсимонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ. Удобовпечатлительные, искренно-молодые, мы легко были подхвачены мощной волной его и рано переплыли тотъ рубежъ, на которомъ останавливаются цѣлые ряды людей, складываютъ руки, идутъ назадъ или ищутъ по сторонамъ броду—черезъ море!» [1]).

Личность автора «Былого и думъ», оставившаго столь живыя воспоминанія о дняхъ своей юности, не менѣе интересна, чѣмъ его произведеніе. По мнѣнію современниковъ, лично знавшихъ Герцена, онъ съ «мягкимъ, добродушнымъ, почти женственнымъ характеромъ» соединялъ въ себѣ «гордый, энергическій умъ», склонный къ критицизму и «обличенью темныхъ сторонъ существованія». Многихъ ошеломлялъ «этотъ необычайно подвижной умъ, переходившій съ неистощимымъ остроуміемъ, блескомъ и непонятной быстротой отъ предмета къ предмету, умѣвшій схватить и въ складѣ простой рѣчи, и въ простомъ случаѣ изъ текущей жизни, и въ любой отвлеченной идеѣ ту яркую черту, которая даетъ имъ физіономію и живое выраженіе. Способность къ поминутнымъ, неожиданнымъ сближеніямъ разнородныхъ предме-

---

[1]) „Былое и думы". Лондонъ. 1861, часть I, стр. 210—214.

товъ, которая питалась, во-первыхъ, тонкой наблюдательностью, а во-вторыхъ, и весьма значительнымъ капиталомъ энциклопедическихъ свѣдѣній, была развита у Герцена въ необычайной степени»...[1]).

Положимъ, въ студенческую пору «капиталъ свѣдѣній» еще не могъ быть такъ великъ, какъ въ позднѣйшее время, но при его постоянной высокой оцѣнкѣ благородныхъ увлеченій и неутихавшей никогда жаждѣ знанія, даже на университетской скамьѣ Герценъ долженъ былъ съ необыкновенной чуткостью присматриваться ко всякому явленію, способствовавшему умственному и нравственному совершенствованію общества...

Какъ разъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ (Герценъ кончилъ курсъ въ 1833 г.) самымъ выдающимся московскимъ, и даже, можно сказать, вообще русскимъ періодическимъ изданіемъ былъ знаменитый *Московскій Телеграфъ*, поддерживавшій славу тогдашней журналистики. Хорошія оригинальныя статьи, а, главное, масса переводныхъ статей лучшихъ европейскихъ писателей, трактовавшихъ о литературѣ, исторіи; наконецъ, большое число беллетристическихъ произведеній, русскихъ и иностранныхъ, и стремленіе ознакомить москвичей съ лучшими произведеніями западной цивилизаціи — все это создало необычайный успѣхъ журнала. Еще Пушкинъ откровенно признавался, что при современныхъ ему общественныхъ условіяхъ журналъ литературный едва-едва могъ разсчитывать на 500 подписчиковъ [2]), а у *Телеграфа* на второмъ году его существованія ихъ было до 1.000; впослѣдствіи же это число доросло и до 2000 [3]). Заранѣе можно предвидѣть, что подобный журналъ привлечетъ вниманіе любознательнаго студента. Такъ и случилось.

Студентъ послѣдняго курса Александръ Герценъ даже ищетъ случая познакомиться съ издателемъ *Телеграфа*. Это ему удается; онъ начинаетъ посѣщать домъ обоихъ братьевъ, Ксенофонта и Николая Полевыхъ, и между нимъ и послѣднимъ начинается рядъ бесѣдъ, касающихся самыхъ жгучихъ современныхъ вопросовъ;

---

[1]) *П. В. Анненковъ*. Воспоминанія и критическіе очерки. Спб. 1881, отд. III, стр. 78—79 и д.

[2]) *А. С. Пушкинъ*. Сочиненія. Спб. 1887, т. VII, стр. 279; *Н. Г. Чернышевскій*. Очерки гоголевскаго періода. Спб. 1893, стр. 56.

[3]) Письмо Полевого къ П. П. Свиньину отъ 22 января 1826 года (рукопись П. Н. Полевого); *А. Н. Пыпинъ*. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. I, стр. 260; „Записки“ Ксенофонта Полевого. Спб. 1888, стр. 112.

бесѣды эти часто кончались жаркими спорами, что́ и было естественно, если принять во вниманіе рѣзко расходившіеся между собою характеры и воззрѣнія обоихъ собесѣдниковъ.

Николай Полевой переживалъ тогда время своей «пущей славы», «время, предшествовавшее запрещенію *Телеграфа*»; онъ представлялъ собой человѣка съ прочно уже установившимися взглядами на развитіе общественной жизни, просвѣщенія, литературы.

Выдающійся журналистъ, серьезный и талантливый критикъ, авторъ популярныхъ въ свое время повѣстей и романовъ, Полевой не былъ рожденъ философомъ. Главная цѣль его дѣятельности заключалась въ ознакомленіи русскаго общества съ лучшими произведеніями и развитіемъ мысли представителей западно-европейской науки и литературы, въ сверженіи съ пьедесталовъ многихъ мнимыхъ корифеевъ поэзіи и въ установленіи принциповъ новой осмысленной критики. Но, благодаря своей замѣчательной разносторонности, поддаваясь духу времени, онъ не могъ не «усвоить себѣ нѣкоторыхъ идей трансцендентальной философіи, сталъ (еще въ 1823 г.) читать книги, написанныя въ духѣ ея, и былъ уже приверженцемъ новыхъ взглядовъ, когда судьба сблизила его со многими молодыми людьми, изучавшими нѣмецкую философію» [1]). Онъ называлъ Германію «плавильной печью европейскихъ идей», открыто заявлялъ, что «новая философія германская» «является для насъ не нелѣпостью, не бредомъ, но важной и великой задачей», что германская реформа въ половинѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣковъ коснулась очень многаго и что съ «идеализма» Канта началось «новое умственное движеніе»...

«Въ философіи»—писалъ онъ: «реализмъ Локка и матеріализмъ энциклопедистовъ замѣнили разрушающій ихъ трансцендентализмъ Канта, неясный, но высокій идеализмъ Фихте и умиряющій, новоплатоническій идентитетъ Шеллинга» [2]).

Шеллингъ привлекалъ особое вниманіе Полевого, который, впрочемъ, довольно безпристрастно отнесся къ позднѣйшимъ воззрѣніямъ германскаго философа. «Шеллингъ не выдумывалъ своей философіи»—напечатано въ *Московскомъ Телеграфѣ* [3]) — «она суще-

---

[1]) „Записки" Кс. Полевого. Спб. 1888, стр. 89; см. также стр. 157—158.

[2]) „Очерки русской литературы". Спб. 1839, ч. I, стр. 149; см. стр. 102, 293; ч. II, стр. 295.

[3]) *Московскій Телеграфъ*, 1832, № 17, стр. 108.

ствовала съ того времени, какъ существуетъ человѣкъ: она была философіею восточною, греческою, александрійскою. Шеллингъ— заключительный періодъ ея, начатый Кантомъ и Фихте. Послѣ изумленія, какое слѣдовало за *великимъ подвигомъ Шеллинга*, естественно было встрѣтить ей противоборство, ибо человѣчество не кончилось съ Шеллингомъ, а если не кончилось, то и надобно было ему итти впередъ, а Шеллингу остановиться. Во время самаго великаго могущества Шеллинга можно было предвидѣть, чѣмъ кончитъ онъ самъ: *онъ впалъ въ мистицизмъ*, сколько можемъ мы понять изъ всего, что́ объ немъ слышимъ. Кажется, что именно это направленіе называютъ намъ теперь многіе истинною философіей нашего времени. Но должно ли вѣрить: мрачный мистицизмъ есть частное уклоненіе ума человѣческаго, такъ же какъ и чистый матеріализмъ. Это двѣ крайности человѣческаго мышленія: синтезъ бываетъ началомъ одной, анализъ началомъ другой».

Какъ ни былъ великъ, по понятію Полевого, подвигъ Шеллинга, однако нашъ писатель, какъ извѣстно, избралъ себѣ въ руководители Кузена. Двѣ лекціи знаменитаго эклектика переведены въ *Московскомъ Телеграфѣ*, самъ онъ называется «человѣкомъ необыкновеннымъ», благодаря которому философія французовъ достигла наивысшей степени развитія [1]). «Философъ Кузенъ»—писалъ Полевой: «никогда не перестанетъ быть великимъ въ исторіи своей страны и своего вѣка. Люди, *уличающіе Кузена въ присвоеніи нѣмецкихъ идей* и опровергающіе его *эклектизмъ*—кажется, не понимаютъ того, что́ онъ писалъ, и въ чемъ заключается его философія, великая, мудрая, приноровленная къ вѣку, въ которомъ жилъ, и къ народу, съ которымъ говорилъ Кузенъ» [2]). Извѣстное чувство мѣры, не позволявшее Полевому ударяться въ крайности, дало ему возможность точнѣе опредѣлить мѣсто своего любимца въ исторіи философіи: такъ Кузенъ не признается «философомъ самобытнымъ», «не сопоставляется съ исполинами философіи нѣмецкой», или «всеобщей»; его заслуга главнымъ образомъ въ томъ, что онъ былъ «первый профессоръ истинной философіи во Франціи» [3]).

Очевидно, что Кузена не только цѣнили въ *Московскомъ Те-*

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 17, стр. 97.
[2]) Тамъ же, 1832, № 17, стр. 109.
[3]) Тамъ же, 1832, № 16, стр. 560.

леграфъ, но даже отдавали ему предпочтеніе передъ многими другими философами. Особенное вниманіе, оказываемое Кузену, объясняется увлеченіемъ, съ которымъ относился Полевой къ любимой имъ французской наукѣ и литературѣ: вѣдь, въ то время слава основателя эклектизма была не менѣе славы Гизо и Вильмена, его сотоварищей по чтенію знаменитыхъ лекцій, покорявшихъ умы и сердца слушателей. Была еще одна причина, возвышавшая въ глазахъ Полевого цѣнность кузеновой системы— это ея шеллингіанскій оттѣнокъ. Ипполитъ Тэнъ въ своей прекрасной книгѣ: «Les philosophes classiques du XIX siècle en France» удачно подмѣтилъ характерныя черты въ «Fragments philosophiques», родняцій ихъ съ Шеллинговой теоріей тожества, и подчеркнулъ тотъ фактъ, что Кузенъ, излагая воззрѣнія германскаго философа, называетъ ихъ «истинными» [1]); кромѣ того, въ томъ же сочиненіи Кузена есть любопытныя мѣста, напоминающія положенія Гегеля: о тезисѣ, антитезисѣ и синтезѣ, о народахъ— выразителяхъ того или иного момента въ развитіи идеи и т. д. [2]).

Потому-то многіе журналы конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ, такъ или иначе интересовавшіеся злобой дня, должны были поговорить о Кузенѣ: въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, *Телескопѣ* и *Библіотекѣ для Чтенія* помѣщались статьи, посвященныя разбору его взглядовъ.

Органъ московскихъ шеллингистовъ первый былъ заинтересованъ появленіемъ «Fragments philosophiques» [3]). Рецензія о новомъ философскомъ изслѣдованіи отличается довольно большимъ объемомъ и написана со вниманіемъ, такъ какъ Кузенъ обладаетъ «глубокомысліемъ, обширностью знаній», способенъ проливать «новый свѣтъ въ мышленіи», въ виду чего «всякое произведеніе» его «имѣетъ право на изслѣдованіе». Впрочемъ, рецензентъ иногда склоненъ критически отнестись ко взглядамъ Кузена, «не признавать справедливой его мысль касательно исторіи философіи», и способенъ отрицать оригинальность эклектизма. Афоризмы, по мнѣнію его, «убѣждаютъ въ томъ, что Кузенъ почерпалъ ученіе

---

[1]) См. русскій переводъ книги Тэна, подъ заглавіемъ: „Французская философія XIX вѣка". Спб. 1896, стр. 86—89.

[2]) См. спеціальный трудъ *Поля Жанэ*: Victor Cousin et son oeuvre. Paris. 1885, chp. XI, pp. 249, 252, 260—261. „Кузенъ у меня похитилъ нѣсколько рыбокъ, но облилъ ихъ собственнымъ соусомъ", сказалъ Гегель (*Тэнъ*, стр. 89).

[3]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, №№ 21—22.

свое изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ, именно изъ ученій нѣмецкихъ философовъ. Замѣтимъ однако, что *мы (русскіе) въ этомъ упредили французовъ*, которые до сихъ поръ не могутъ разстаться съ Кондильякомъ. Нельзя также пройти молчаніемъ, что *мы не осмѣливаемся приписывать себѣ чужихъ основныхъ выводовъ, всегда показывая писателей, изъ которыхъ что-либо заимствовали; но въ Кузенѣ этого сознанія не находимъ*».

Отрицая правильность отдѣльныхъ частей Кузенова ученія, рецензентъ, въ общемъ, относится къ нему благосклонно.

«Мы въ нѣкоторыхъ положеніяхъ»—пишетъ онъ: «съ нимъ не согласны, въ иныхъ статьяхъ ожидали бо́льшаго; но это не уменьшаетъ нашего уваженія къ писателю, котораго вліяніе на своихъ соотечественниковъ весьма ощутительно; напротивъ, замѣчанія наши да послужатъ доказательствомъ вниманія, съ какимъ смотрятъ на людей первоклассныхъ, отъ коихъ ожидаютъ совершенства. Кузенъ, говоря его словами, съ ученостью столь обширною, какъ мысль, соединяетъ даръ слова, столь блестящій, какъ надежда, и, прибавимъ, мышленіе столь глубокое, какъ сердце человѣка».

Статья о Кузенѣ, напечатанная въ *Библіотекѣ для Чтенія* [1]), была заимствована изъ *Edinburgh Review*. Она представляла собой мѣткую и вполнѣ безпристрастную критику системы Кузеновой, изложенную со знаніемъ дѣла, свойственнымъ большинству сотрудниковъ англійскихъ *Обозрѣній*. Въ началѣ ея указывается рѣзкая разница въ методахъ изслѣдованія психологовъ и онтологовъ, изъ которыхъ первые, или послѣдователи такъ называемой философіи ощущенія, господствовали во Франціи, а послѣдніе—въ Германіи въ началѣ нынѣшняго вѣка. А «Кузенъ предпринялъ согласить эти двѣ философіи, слить ихъ въ одно цѣлое, примирить осторожное сомнѣніе съ положительностью, предположенною безусловно. Это было логически невозможно. Однако жъ онъ надѣялся вывести нѣчто самобытное и вѣрное изъ двухъ враждебныхъ началъ, и для этого старался сообщить психологіи положительность онтологическую. Онъ начинаетъ разборъ человѣка психологіею, и съ помощью ея восходитъ до идеальнаго *я*; но однажды дошедъ до началъ этого философическаго существа, онъ бросаетъ психологію, вооружается одной онтологіей, и, обо-

[1]) *Библіотека для Чтенія*, 1834, т. VII, статья: „Философія и философическая критика Кузена".

ротясь назадъ, посредствомъ новой своей союзницы, быстро истребляетъ всѣ сомнѣнія и противорѣчія, оставшіяся нерѣшенными въ психологіи при первомъ его движеніи. Конечно, эта стратегическая хитрость чрезвычайно замысловата: мы не думаемъ, чтобъ она была въ состояніи доставить философу полную побѣду надъ упрямою истиною; но посредствомъ ея можно невзначай разбить истину на голову, и нѣкоторое время блистать кажущеюся поверхностью надъ вѣчнымъ врагомъ нашего любопытства». Есть еще недостатокъ у Кузена, его «системолюбіе» и «наклонность жертвовать ему историческою истиной», что́ и случилось въ отношеніи философа въ Локковой системѣ. Но даже съ наиболѣе взыскательной и суровой точки зрѣнія, Кузенъ оказался достойнымъ далеко не одного осужденія: сотрудникъ *Обозрѣнія* призналъ за нимъ немалыя достоинства.

«Этотъ *отличный писатель* выдаетъ систему свою за безпристрастный, всеобъемлющій эклектизмъ; но умъ его получилъ главное побужденіе и направленіе отъ философскихъ системъ Германіи, особенно Шеллинговой и Гегелевой. Заслуга его въ томъ, что онъ *сдѣлалъ понятными и общедоступными во Франціи эти obscura reperta*, мрачные затворы двухъ глубокихъ и восторженныхъ мыслителей, изложивъ ихъ соотвѣтственно своему ясному и блестящему разумѣнію. Публичныя его лекціи приняты были съ особенною и заслуженною благосклонностью, и *чрезвычайно способствовали къ оживленію общаго участія въ области метафизическихъ изслѣдованій. Одаренный богатымъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, Кузенъ умѣлъ одушевить отвлеченность жаромъ и роскошью слова, не жертвуя притомъ существенными качествами метода и логическаго порядка*».

Статья *Телескопа* [1]), посвященная разбору французскаго эклектизма, — особенно любопытна. Она — русскій переводъ критическаго очерка Шеллинга, помѣщеннаго въ *Baierische Annalen* 1833 года (№ 135). Въ примѣчаніи переводчика значится слѣдующее: «Шеллингъ, глава германскихъ философовъ, послѣ долгаго молчанія напечаталъ наконецъ весьма замѣчательную статью о Кузенѣ, по случаю новаго изданія его «Fragments philosophiques». Спѣшимъ передать нашимъ читателямъ сію статью, замѣчательную по двумъ отношеніямъ: во-первыхъ, изъ нея увидятъ они

---

[1]) *Телескопъ*, 1835, ч 25, стр. 88. Ср. тамъ же, 1832, ч. 8, стр. 137: „Эклектизмъ Кузена“, ст. Лерминье.

образъ сужденія Шеллингова; во-вторыхъ, она дастъ имъ довольно вѣрное понятіе объ отношеніяхъ и степени сродства между эклектизмомъ Кузена и германской философіей, въ особенности же философіей знаменитаго творца системы тожества».

«Первая услуга, оказанная Кузеномъ своей націи», пишетъ Шеллингъ: «состоитъ въ томъ, что онъ ниспровергъ безусловный сенсуализмъ, который въ мысли и во всѣхъ возвышеннѣйшихъ произведеніяхъ умственной дѣятельности видѣлъ только преображенную чувственность. Дабы вполнѣ оцѣнить то, что онъ сдѣлалъ, не надо терять изъ виду точки, съ которой ему было должно отправиться. Чтобъ быть понятнымъ для своихъ соотечественниковъ, онъ долженъ былъ начать въ философіи съ того, на чемъ ее засталъ между нами. Въ самой Германіи, гдѣ, уже со временъ Лейбница, интеллектуализмъ не переставалъ бороться съ Локкомъ, Кондильякомъ и потокомъ французской философіи XVIII вѣка, въ самой Германіи невозможенъ былъ слишкомъ рѣзкій переходъ въ послѣдовательности философическихъ системъ со временъ Канта». Шеллингъ защищаетъ далѣе автора «Fragments» отъ нападокъ разныхъ неблагопріятелей. Кузенъ несправедливо «сдѣлался добычею неблагодарности», какъ благодаря удачной полемикѣ противъ философіи сенсуализма, такъ и по нѣкоторымъ политическимъ обстоятельствамъ. «Упрекъ болѣе важный и болѣе личный сдѣланъ былъ Кузену и, по мнѣнію Шеллинга, совершенно неосновательно, что будто онъ пользовался чужестранцами, не признаваясь въ томъ. При семъ случаѣ авторъ излагаетъ исторію своего философическаго воспитанія; онъ называетъ первыми своими наставниками Ларомигьера, Ройе-Колара, Менъ-Бирана. Призванный рано для преподаванія въ Нормальной школѣ и въ словесномъ факультетѣ, онъ скоро почувствовалъ, что ему нужны другіе учители, и сталъ искать ихъ въ Германіи». Кузенъ откровенно говорилъ о личномъ знакомствѣ съ Гегелемъ и Шеллингомъ, что занимательно для нѣмецкихъ читателей. «Скажемъ только»—добавляетъ германскій мыслитель: «что если во Франціи могли упрекать почтеннаго автора въ неблагодарности къ людямъ, коихъ называютъ его наставниками, то сіи люди, съ своей стороны, никогда не дѣлали ему подобнаго упрека: напротивъ, они всегда воздавали должное почтеніе добросовѣстности его нравственнаго характера, равно какъ и его таланту». «Притомъ, кромѣ исторической важности трудовъ Кузена, если справедливо, какъ онъ самъ говоритъ съ такою осно-

вательностью, что метода и анализъ, потребность чистоты, точности и совершенной гармоніи, составляетъ par excellence духъ французовъ, то авторъ нашъ, обладающій сими качествами въ столь высокой степени и употребившій, какъ и всѣ истинные философы, первыя и лучшія силы свои на изслѣдованіе методы, можетъ въ свою очередь служить примѣромъ и образцомъ для тѣхъ самыхъ нѣмцевъ, коими онъ пользовался, по его собственному признанію. И мы желаемъ, чтобы предисловіе его, коего всѣхъ достоинствъ не могло показать вполнѣ это извѣстіе, было въ скоромъ времени переведено на нашъ (нѣмецкій) языкъ».

Такимъ образомъ основные принципы французскаго электизма обсуждались, даже съ нѣкоторою горячностью, нашими періодическими изданіями; имя Кузена, какъ основателя новаго философскаго направленія, пользовалось солидной популярностью. Благосклонные въ общемъ отзывы о Кузенѣ русской журналистики, какъ оригинальные (*Московскій Вѣстникъ*), такъ и переводные, съ которыми, очевидно, были согласны переводчики, удостоившіе ихъ своего вниманія, показываютъ, что въ лицѣ Полевого Герценъ натолкнулся на представителя извѣстнаго направленія въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, направленія, близкаго къ шеллингіанству.

По воспоминаніямъ современниковъ, Полевой, во время разговора на интересующія его темы, высказывалъ «сужденія смѣлыя», облеченныя во «вдохновенную» и «отрывистую» форму. Герценъ, обладавшій живостью характера, проницательностью и остротою ума, а также даромъ слова, оставилъ любопытнѣйшія воспоминанія о своихъ бесѣдахъ съ издателемъ *Телеграфа*. «Этотъ-то человѣкъ», пишетъ онъ про Полевого: «жившій послѣднимъ открытіемъ, вчерашнимъ вопросомъ, новой новостью въ теоріи и событіяхъ, мѣнявшійся, какъ хамелеонъ, при всей живости ума не могъ понять сенсимонизма. Для насъ сенсимонизмъ былъ откровеніемъ— для него безуміемъ, пустой утопіей, мѣшающей гражданскому развитію. Сколько я ни ораторствовалъ, ни развивалъ, ни доказывалъ, Полевой былъ глухъ, сердился, становился желченъ. Ему была особенно досадна оппозиція, дѣлаемая студентомъ; онъ очень дорожилъ своимъ вліяніемъ на молодежь, и въ этомъ преніи видѣлъ, что оно ускользаетъ отъ него».

Одинъ разъ, оскорбленный нелѣпостью его возраженій, я ему замѣтилъ, что онъ такой же отсталый консерваторъ, какъ тѣ,

противъ которыхъ онъ всю жизнь сражался. Полевой глубоко обидѣлся моими словами и, качая головой, сказалъ мнѣ: «Придетъ время, и вамъ, въ награду за цѣлую жизнь усилій и трудовъ, какой-нибудь молодой человѣкъ, улыбаясь, скажетъ: «Ступайте прочь, вы—отсталый человѣкъ». Мнѣ было жаль его, мнѣ было стыдно, что я его огорчилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ, что въ его грустныхъ словахъ звучалъ его приговоръ. Въ нихъ слышался уже не сильный боецъ, а отжившій, усталый гладіаторъ. Я понялъ тогда, что впередъ онъ не двинется, а на мѣстѣ устоять не сумѣетъ съ такимъ дѣятельнымъ умомъ и съ такимъ непрочнымъ грунтомъ».

«Вы знаете, что́ съ нимъ было потомъ — онъ принялся за «Парашу Сибирячку» [1]).

Велика была разница въ убѣжденіяхъ обоихъ собесѣдниковъ, горячи были ихъ споры, но личныя отношенія ни мало не пострадали отъ этого. Талантливый критикъ-журналистъ не обращалъ вниманія на юный возрастъ пылкаго студента, замѣчая приближающійся расцвѣтъ его сильныхъ умственныхъ дарованій: въ свою очередь, молодой человѣкъ, склонный счесть Полевого «отсталымъ консерваторомъ», цѣнилъ его разносторонній талантъ и его значеніе для своего времени.

Между тѣмъ мрачныя тучи постепенно нависли надъ головами увлекающихся членовъ кружка Герцена, и разразилась грозовая буря, которая разнесла мечтателей изъ Первопрестольной въ отдаленнѣйшія окраины Россіи. Самъ глава кружка очутился въ Вяткѣ. Скучно и монотонно проходило время вдали отъ умственнаго центра, но живой интересъ къ просвѣщенію и наукѣ сохранился и здѣсь, въ этой неприглядной обстановкѣ. Герценъ пишетъ статьи и по поводу нихъ входитъ въ сношенія со своимъ бывшимъ противникомъ по московскимъ спорамъ — Полевымъ, надѣясь при его посредствѣ помѣщать предполагаемые труды въ періодическихъ изданіяхъ обѣихъ столицъ.

Первой статьей Герцена, написанной въ 1835 году, былъ критическій очеркъ о Гофманѣ—фактъ любопытный, указывающій на ту особенную благосклонность, съ которой относились къ нѣмецкому романисту люди разныхъ партій и противоположныхъ воззрѣній: и любители отвлеченнаго мышленія, и сторонники соціальныхъ вопросовъ.

---

[1]) „Былое и думы". Лондонъ, 1861, т. I, стр. 213—214.

Имя Гофмана сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи не въ половинѣ тридцатыхъ, а въ половинѣ двадцатыхъ годовъ. Сотрудники *Московскаго Телеграфа* едва ли не первые, три года спустя послѣ смерти писателя, стали переводить нѣкоторыя его произведенія для своего журнала: *Московскій Вѣстникъ*, отчасти *Литературная Газета*, наконецъ *Телескопъ* [1]), вмѣстѣ съ беллетристами, въ родѣ Одоевскаго и Полевого, поддержали указанное литературное направленіе. «Пламенная, почти горячечная любовь къ искусству, отличавшая Гофмана», свидѣтельствуетъ Анненковъ: «приходилась въ уровень съ необычайно возбужденною критическою пытливостью его русскихъ поклонниковъ. Въ немъ обрѣтали они страстную, почти идеальную привязанность къ дѣлу, которое сами считали чуть ли не единственнымъ *дѣломъ* въ мірѣ, достойнымъ этого имени. Гофманъ почти никогда не ошибался въ значеніи предмета, принадлежащаго искусству; но онъ не иначе изображалъ его, какъ въ огненномъ, нестерпимомъ блескѣ, въ сверхъ-естественныхъ фантастическихъ размѣрахъ. Исполнивъ задачу, онъ самъ падалъ ницъ передъ собственнымъ представленіемъ, въ благоговѣйномъ ужасѣ... Электрически дѣйствовалъ онъ на молодые серьезные умы, считавшіе слова его поэтическимъ прозрѣніемъ въ самую глубь творчества... Самыя повѣсти и фантастическія сказки его находили симпатическій отголосокъ въ кругѣ Станкевича: онѣ такъ хорошо соотвѣтствовали господствовавшей философской системѣ своимъ могущественнымъ олицетвореніемъ безжизненной природы. Тутъ еще была своего рода истина, понятная сердцамъ, поэтически или мечтательно настроеннымъ. Юморъ Гофмана и его картины будничной, пошловатой нѣмецкой жизни тоже нравились людямъ, не имѣвшимъ понятія о ея тупой правильности и чисто внѣшней серьезности» [2]).

Сказанное Анненковымъ о кружкѣ Станкевича распространяется и на кружокъ молодыхъ сенсимонистовъ. Подтвержденіемъ мнѣнія, что «на Гофманѣ сошлись вкусы» [3]) противниковъ,

---

[1]) Позже повѣсти Гофмана переводились въ *Московскомъ Наблюдателѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ*; см. *А. Пыпина*. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. I, стр. 105, 247; т. II, стр. 13—14, 36.

[2]) *П. В. Анненковъ*. Воспоминанія и критическіе очерки. Спб. 1881, отд. III, стр. 301—302.

[3]) *А. Н. Пыпинъ*. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. I, стр. 105.

*

служитъ статья Герцена, посвященная Николаю Платоновичу Огареву: въ ней находимъ біографическія данныя о нѣмецкомъ романистѣ и оцѣнку его твореній.

Отношеніе автора статьи къ Гофману—въ высшей степени симпатичное; значеніе послѣдняго въ исторіи литературы признается достаточно важнымъ, талантъ его—сильнымъ.

«Въ началѣ нынѣшняго вѣка», пишетъ Герценъ: «явился въ нѣмецкой литературѣ *писатель самобытный*, Теодоръ Амедей Гофманъ: покоренный необузданной фантазіей, съ душою сильной и глубокой, *художникъ въ полномъ значеніи слова*, онъ смѣлымъ перомъ чертилъ какія-то тѣни, какіе-то призраки, то страшные, то смѣшные, но *всегда изящные;* и эти-то неопредѣленныя, набросанныя тѣни—его повѣсти. Обыкновенный, скучный порядокъ вещей слишкомъ тѣснилъ Гофмана; онъ пренебрегъ жалкимъ пластическимъ правдоподобіемъ. Его фантазія предѣловъ не знаетъ; онъ пишетъ въ горячкѣ, блѣдный отъ страха, трепещущій передъ своими вымыслами, съ всклокоченными волосами; онъ самъ отъ чистаго сердца вѣритъ во все, и въ «песочнаго человѣка», и въ колдовство, и въ привидѣнія, и этой-то вѣрою подчиняетъ читателя своему авторитету, поражаетъ его воображеніе и надолго оставляетъ слѣды. Три элемента жизни человѣческой служатъ основою бо́льшей части сочиненій Гофмана, и эти же элементы составляютъ душу самого автора: внутренняя жизнь артиста, дивныя психическія явленія и дѣйствія сверхъ-естественныя. Все это, съ одной стороны, погружено въ черныя волны мистицизма, съ другой—растворено юморомъ живымъ, острымъ, жгучимъ. Юморъ Гофмана весьма отличенъ и отъ страшнаго, разрушающаго юмора Байрона, подобнаго смѣху ангела, ниспровергающагося въ преисподнюю, и отъ ядовитой, адской, змѣиной насмѣшки Вольтера, этой улыбки самодовольствія, съ сжатыми губами. У него юморъ артиста, падающаго вдругъ изъ своего Эльдорадо на землю, артиста, который среди мечтаній замѣчаетъ, что его Галатея—кусокъ камня, артиста, у котораго, въ минуту восторга, жена проситъ денегъ дѣтямъ на башмаки. Этимъ-то юморомъ растворилъ Гофманъ всѣ свои сочиненія и безпрестанно перебѣгаетъ отъ самаго пылкаго паѳоса къ самой злой ироніи. Этотъ юморъ натураленъ Гофману, ибо *онъ больше всего художникъ истинный, совершенный. Посмотрите на его статьи о музыкѣ; назову двѣ: «Разборъ Бетховена» и «Разборъ Донъ-Жуана». Тамъ вы увидите, что́ для него звуки,*

увидите, какъ они облекаются въ формы, оставаясь безтѣлесными» [1]).

Этотъ критико-біографическій очеркъ Герценъ захотѣлъ напечатать въ какомъ-нибудь періодическомъ изданіи, и изъ мѣста своей ссылки послалъ его въ Москву, Николаю Алексѣевичу Полевому, прося его содѣйствія. Со свойственной ему отзывчивостью и готовностью служить, чѣмъ только можно, всѣмъ, а тѣмъ болѣе старому знакомому, Полевой радушно откликнулся на письмо Герцена [2]).

«Зная, какъ всегда любилъ и уважалъ я васъ», писалъ онъ: «вы повѣрите искренности словъ моихъ, когда я скажу, что я сердечно обрадовался, получивъ письмо ваше. Добрая вѣсть эта была подаркомъ для меня; слава Богу, что вы уцѣлѣли, что вы не упали духомъ, что вы продолжаете занятія ваши, что можно иногда перекликнуться съ вами. Бодрствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Время драгоцѣнное лѣкарство на все. Будемъ же опять вмѣстѣ, будемъ опять философствовать, съ тою же безкорыстною любовью къ человѣчеству, съ какою философствовали нѣкогда. Напередъ всего вы простите меня и не причтите мнѣ въ вину долговременное медленіе мое отвѣтомъ на увѣдомленіе ваше. Причиною была полуожиданная, полунечаянная поѣздка моя въ Петербургъ, отнявшая у меня почти мѣсяцъ, а потомъ тьма мелкихъ заботъ и нездоровье мое по возвращеніи; не повѣрите, сколько различныхъ досадъ и непріятностей перенесъ я съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, моральныхъ и физическихъ. Москва такъ надоѣла мнѣ, что, можетъ быть, я рѣшусь совершенно оставить ее; по крайней мѣрѣ, нынѣшнее лѣто, съ іюня мѣсяца я провожу въ Петербургѣ. Если ужъ надобно, неволя велитъ продолжать мнѣ мою дѣятельность, то надобно продолжать ее въ Петербургѣ, который, какъ молодой красавецъ, растетъ и величится на счетъ Москвы, старѣющей и дряхлѣющей во всѣхъ отношеніяхъ [3]). Но что́ въ будущемъ, вѣдомо только

---

[1]) *Телескопъ*, 1836. ч. 33, № 10, стр. 139—168: статья „Гофманъ".

[2]) Письмо Н. А. Полевого къ Герцену отъ 25 февраля 1836 года напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* на 1859 г., стр. 196—198; см. *Русскую Мысль*, 1892, № 7, стр. 88.

[3]) Полевой смогъ однако осуществить свое намѣреніе только въ октябрѣ 1837 года, когда покинулъ Москву и перенесъ свою дѣятельность въ Петербургъ (см. „Записки" Кс. Полевого. Спб., 1888, стр. 377). До этого времени онъ навѣщалъ „молодого красавца", вѣроятно, съ цѣлію предварительнаго ознакомленія съ условіями будущей жизни и дѣятельности.

Богу, а пока я въ Москвѣ, прошу васъ писать ко мнѣ, когда вздумаете и что́ вздумаете. *Мнѣ пріятно сдѣлаться и посредникомъ вашимъ съ журналами и публикою, если вы захотите входить въ какія-нибудь съ ними сношенія.*

Статью вашу о Гофманѣ я получилъ. Мнѣ кажется, вы судите объ немъ хорошо и вѣрно, но, если вы хотите дать публичность этой статьѣ, то примите мой дружескій совѣтъ: ее надобно поисправить въ слогѣ, весьма небрежномъ, и необходимо, прежде цензуры, исключить нѣкоторыя выраженія. Кромѣ того, что безъ этихъ поправокъ статья можетъ навлечь на насъ непріятности, положимъ хоть *журнальныя*, спрашиваю: къ чему эти выраженія? Дѣло въ дѣлѣ, а не въ нихъ. Если вы довѣрите мнѣ, я охотно приму на себя обязанность продержать надъ статьею вашею политическо-литературную корректуру и потомъ отдать ее въ какой угодно журналъ. Безъ вашего позволенія, приступить ни къ чему не смѣю, и право, не совѣтую безъ поправокъ посылать къ другому. Повѣрьте, что я желаю вамъ всякаго добра, какъ родному, увѣренный притомъ, что настоящее положеніе ваше продолжаться долго не можетъ, если вы будете сколько возможно осторожнѣе, во всѣхъ отношеніяхъ. Вѣрю, что вы можете быть въ состояніи оскорбленнаго и раздраженнаго человѣка, но кто изъ насъ переходилъ путь жизни безъ горя и безъ страданій? Слава Богу, если они постигаютъ насъ тяжелымъ опытомъ въ юности. А какъ измѣняются потомъ въ глазахъ нашихъ взгляды и отношенія на все насъ окружающее. Великій Боже! я самъ испытывалъ и испытываю все это, а мнѣ только еще *сорокъ* лѣтъ. Разстояніе между мнѣніями и понятіями двадцати и сорокалѣтняго человѣка дѣлитъ бездна.—Братецъ вашъ [1]) разсказывалъ мнѣ, что вы принялись за географію, за статистику, дѣло доброе! Жаль, что по исторической части сторона ваша совершенно безплодна, объ ней можно сказать одно: жили, а кто жилъ, и зачѣмъ жили, Богъ вѣсть; *впрочемъ если бы что́ открылось любопытное, пожалуйста, сообщите мнѣ.* Русская Исторія сдѣлалась моею страстью. *Я охотно готовъ*

---

[1]) Егоръ Ивановичъ Герценъ (род. въ 1803 г.)—воспитанникъ Ивана Алексѣевича Яковлева. Онъ былъ человѣкъ больной, вѣчно возившійся съ докторами; по своимъ лѣтамъ, онъ не могъ быть товарищемъ Александра Ивановича, но пользовался любовью и уваженіемъ послѣдняго. См. кн. *А. Б. Лобанова-Ростовскаго.* Русская родословная книга, т. 2, изд. 2-е, стр. 446; „Былое и думы", ч. I, стр. 17.

сообщить вамъ исторической пыли, сколько хотите. Исторія теперь и кстати. Кажется, что вся литература наша сбивается на заднія числа. Адресъ мой теперь: въ *Москвѣ*, подъ *Новинскимъ, въ Кудринѣ, въ проходѣ девяти мучениковъ въ домѣ Сафонова.* Буду ждать писемъ вашихъ, а въ ожиданіи всегда сохраню къ вамъ чувства совершеннаго почтенья и преданности».

Но искреннимъ пожеланіямъ Полевого, высказаннымъ въ приведенномъ письмѣ не суждено было осуществиться: случайное обстоятельство воспрепятствовало ему войти въ близкія сношенія съ Герценомъ, пристраивать его статьи въ журналахъ и обмѣниваться съ нимъ мыслями и новыми свѣдѣніями касательно русской исторіи. Одинъ близкій знакомый Герцена, — повидимому, Николай Христофоровичъ Кетчеръ, извѣстный въ свое время литераторъ получилъ для прочтенія рукописный очеркъ о Гофманѣ и, не зная, что онъ отданъ уже Полевому, напечаталъ его въ *Телескопѣ*, подъ псевдонимомъ «Искандеръ», который Герценъ «шутя употребилъ въ одной статьѣ, назначенной не для печати». Полевой разсердился и написалъ «записочку» Александру Ивановичу, въ которой нѣсколько рѣзко говорилъ, что «серьезные люди не даютъ одну и ту же статью въ два журнала». — «Они имѣютъ еще и другія привычки, напр., сперва узнать дѣло и потомъ браниться», съ обычнымъ остроуміемъ отвѣчалъ задѣтый за живое и то же ни въ чемъ неповинный Герценъ... Злосчастное недоразумѣніе испортило отношенія, бывшія до тѣхъ поръ самыми лучшими и искренними [1]).

Прошло около пяти лѣтъ. Многое измѣнилось въ русской литературѣ и журналистикѣ, и еще болѣе въ жизни Полевого. Неудачи его, начавшіяся въ Москвѣ съ появленія рецензіи на «Исторію государства россійскаго», послужившей поводомъ къ разрыву съ пушкинскимъ кружкомъ; враждебное отношеніе Уварова, ярко выразившееся въ закрытіи *Телеграфа*; запрещеніе выставлять имя на обложкахъ издаваемыхъ имъ журналовъ— все это были удары, тяжелые удары, надломившіе Полевого. Въ Петербургѣ положеніе его не улучшилось, а скорѣе ухудшилось

---

[1]) Объ указанномъ происшествіи разсказываетъ самъ Герценъ въ *Полярной Звѣздѣ* на 1859 г., скрывая имя своего знакомаго подъ буквою *К.* Знакомство и дружба его съ Кетчеромъ начались съ 1831 года; см. „Былое и думы", ч. I, стр. 176—177; „Литературныя воспоминанія" Ив. Панаева. Спб. 1888, стр. 177.

въ томъ смыслѣ, что ко всѣмъ нравственнымъ страданіямъ присоединились окончательный подрывъ здоровья и постоянныя денежныя затрудненія... Угнетенный, нервно настроенный и дрожащій за судьбу своей семьи, истомленный непосильной работой, Полевой урывками отъ обязательныхъ занятій писалъ свои послѣднія беллетристическія произведенія—драмы...

Отдаленіе отъ умственнаго центра, необходимость сближенія съ людьми, въ родѣ Булгарина, съ которымъ онъ не могъ ладить до конца своей жизни [1]), и вѣчно лихорадочная журнальная спѣшка пагубно вліяли на характеръ произведеній Полевого, въ которыхъ, по его собственному мнѣнію, обнаруживалось иногда «жалкое безсиліе противъ великихъ образцовъ...» [2]). Наиболѣе оригинальныя и наиболѣе удачныя піесы воспроизводили сцены русскаго быта, выхваченныя изъ русской исторіи, и замѣчательныя событія былыхъ временъ; при этомъ въ нихъ выводились очень часто положительные, идеальные русскіе типы, годные въ образцы обществу. Эти піесы, дѣйствительно, подчасъ страдали излишними «патріотическими пророчествами», но онѣ весьма совпадали съ господствующимъ общественнымъ тяготѣніемъ къ возсозданію русской народности [3]). Совпаденіе общественнаго настроенія съ идеями, проводимыми Полевымъ, создали славу его драматическихъ опытовъ. Самъ императоръ Николай Павловичъ поощрялъ автора, пожаловалъ ему брильянтовый перстень за «Дѣдушку русскаго флота» и одобрилъ къ представленію «Парашу Сибирячку», которая имѣла громадный успѣхъ [4]). Въ бенефисъ Асенковой, взявшей главную роль въ піесѣ, нельзя было достать билетовъ отъ большого наплыва желающихъ. Государь, посѣтивъ театръ, остался доволенъ; великая княгиня Марія Николаевна была растрогана до глубины души; рукоплесканія потрясали залу, Полевого вызывали нѣсколько разъ [5])... Даже отзывы строгихъ судей клонились къ тому, что «піеса сложена

---

[1]) „Записки" Кс. Полевого, стр. 426, 446, 509; также *Литературная Газета*, 1846, №№ 4, 5: „Полевотинъ, или нѣчто о воспоминаніяхъ Ѳ. В. Булгарина".

[2]) „Записки" Кс. Полевого, стр. 411.

[3]) *Ежегодникъ Императорскихъ театровъ*, сезонъ 1894—95 г., приложеніе 3-е: «Полевой, какъ драматургъ», ст. В. Боцяновскаго, стр. 68, 73—74.

[4]) „Записки" Кс. Полевого, стр. 446; *Русская Старина*, 1873, стр. 324 (изъ „Записокъ" Каратыгина).

[5]) „Записки" Кс. Полевого, стр. 491; *Ежегодникъ*, стр. 69—70.

ловко», что «многія положенія въ ней, по сущности самаго содержанія, въ высшей степени поразительны, трогательны и чувствительны» [1]); переведенная на нѣмецкій языкъ, «Параша» была поставлена въ нѣмецкомъ театрѣ въ Петербургѣ и отослана въ Берлинъ; осенью 1840 года ее хотѣли сыграть и на французскомъ языкѣ [2]).

Но шумныя оваціи, устраиваемыя Полевому, не были для него особенно отрадны, такъ какъ возбуждали подозрѣнія нѣкоторыхъ изъ его знакомыхъ, которые, забывая свойственное ему всегда, вполнѣ искреннее, но нѣсколько сентиментально-приподнятое патріотическое настроеніе, проскальзывавшее еще въ *Московскомъ Телеграфѣ* [3]), обвиняли его въ излишней гибкости характера, заискиваніи и перемѣнѣ прежнихъ убѣжденій на болѣе удобныя въ данный моментъ.

«Партія, къ которой принадлежали Бѣлинскій, Герценъ и подобные имъ», пишетъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Ксенофонтъ Полевой: «порицали Николая Алексѣевича за его патріотическія піесы, какъ называли они — «Дѣдушку русскаго флота», «Иголкина», «Парашу Сибирячку» и подобныя имъ драматическія сочиненія, основанныя на истинныхъ событіяхъ русскаго міра, и видѣли въ нихъ, или хотѣли, чтобы видѣли другіе, какую-то хвалу настоящему; но самыя піесы и письма моего брата показываютъ, что онъ просто писалъ по одушевленію, какое обладало имъ непритворно, и сначала даже не думалъ о громкомъ успѣхѣ, а хотѣлъ создать что-нибудь лучше того, что́ загромождало русскую сцену» [4]).

«Повѣришь ли, Боткинъ, что Полевой сдѣлался гнуснѣе Булгарина», откровенничалъ съ пріятелемъ Бѣлинскій въ 1840 году, черезъ двѣ-три недѣли послѣ представленія «Параши Сибирячки» [5]); не менѣе ясно обнаружился и взглядъ на Полевого Герцена, въ томъ же году прибывшаго въ Петербургъ.

Желая вновь сойтись съ авторомъ «Былого и думъ» и со-

---

[1]) *В. Бѣлинскій.* Сочиненія. М. 1862, т. 12, стр. 25.

[2]) „Записки" Кс. Полевого, стр. 499, 501.

[3]) Эта мысль убѣдительно развита В. Ѳ. Боцяновскимъ; см. цитованный *Ежегодникъ*, стр. 52—53.

[4]) „Записки" Кс. Полевого, стр. 459.

[5]) *А. Н. Пыпинъ.* Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. II. стр. 22; піеса Полевого поставлена на сцену въ первый разъ 17 января 1840 года („Записки" Кс. Полевого, стр. 491).

знавая въ душѣ, что размолвка изъ-за статьи о Гофманѣ была вызвана простымъ недоразумѣніемъ, Полевой просилъ Вадима Васильевича Пассека передать своему бывшему хорошему знакомому, что «стыдно сердиться»... Но посредничество не привело ни къ какимъ результатамъ.

Герценъ сухо уклонился отъ сближенія съ Полевымъ. «Я вовсе не за Гофмана сердился тогда», признался онъ впослѣдствіи: «это было время «Параши Сибирячки» [1]).

Обвиненія въ недобросовѣстности убѣжденій тяжелымъ камнемъ ложились на душѣ человѣка, которому, только десять лѣтъ спустя послѣ смерти, нашелся защитникъ, считавшій долгомъ «снять пятно съ его памяти» и признать его «честнымъ и желавшимъ добра литературѣ» [2]).

Здѣсь прерываются свѣдѣнія о сношеніяхъ Герцена съ Полевымъ. Приверженцы противоположныхъ воззрѣній, они разошлись по противоположнымъ жизненнымъ дорогамъ: одного ожидала впереди кипучая, полная интереса дѣятельность; другой съ ужасомъ видѣлъ развертывающуюся передъ нимъ и постепенно засасывающую его тину «житейской пошлости и прозы», въ глубинѣ которой онъ похоронилъ возможность осуществить свои лучшія стремленія, свои излюбленные идеалы...

---

[1]) *Полярная Звѣзда* на 1859, стр. 198.

[2]) Въ статьѣ Бѣлинскаго о Полевомъ, написанной въ 1846 году, выясняются исключительно его литературныя заслуги и не говорится о нравственныхъ свойствахъ его личности.

II.

Николай Полевой и его отношенія къ цензурѣ.

Въ жизни всегда есть свои удачники и неудачники; также и на литературномъ поприщѣ. Къ числу литературныхъ неудачниковъ принадлежалъ Николай Алексѣевичъ Полевой. Выросшій въ крайне неблагопріятной обстановкѣ для образованія ума, онъ, съ величайшими усиліями выйдя на широкую и видную дорогу, сталъ подвергаться всевозможнымъ невзгодамъ, какія только могли выпасть на долю современнаго ему писателя и журналиста. Эти невзгоды уже были предметомъ весьма обстоятельной, на архивныхъ данныхъ основанной, статьи академика М. И. Сухомлинова; мы имѣемъ намѣреніе, съ своей стороны, сдѣлать нѣсколько добавленій къ упомянутымъ разысканіямъ.

Еще въ началѣ своей журнальной дѣятельности Полевой навлекъ на себя неудовольствіе разныхъ лицъ. И близость 14-го декабря, и зависть журналистовъ, раздраженныхъ успѣхомъ издаваемаго Полевымъ *Московскаго Телеграфа*, благопріятствовали неудачамъ издателя. Главный же враждебный центръ представляло, повидимому, министерство народнаго просвѣщенія, на обязанности котораго въ то время лежало разсмотрѣніе цензурныхъ дѣлъ. Непріязненно относился къ Полевому и графъ С. С. Уваровъ. «Не льстя никому»—читаемъ въ «Запискахъ» Кс. Ал. Полевого—«честно исполняя обязанности журналиста, Николай Алексѣевичъ безпрестанно увеличивалъ число своихъ непріятелей. Въ толпѣ ихъ надобно отмѣтить одного замѣчательнаго по разнымъ отношеніямъ человѣка Сергѣя Семеновича Уварова, который, наконецъ, былъ побудителемъ къ запрещенію *Московскаго Телеграфа*. Непріязненное расположеніе его къ издателю этого журнала началось съ того, что онъ признавалъ неслыханною дерзостью многія и иногда колкія замѣчанія Н. А. Полевого на разныя изда-

нія Академіи наукъ, гдѣ Уваровъ былъ президентомъ. Особенно сердили его безпощадные разборы календаря или мѣсяцеслова, искони издававшагося Академіею [1]). Между тѣмъ Полевой успѣлъ плохо зарекомендовать себя въ глазахъ Шишкова и Бенкендорфа, почему и не могъ противостоять нападкамъ Уварова. Статья «Взглядъ на русскую литературу 1825 и 1826 годовъ. Письмо въ Нью-Іоркъ, къ С. Д. П.» [2]), гдѣ усматривали сочувствіе декабристамъ, рядъ обвинительныхъ записокъ, полученныхъ Бенкендорфомъ и заключающихъ въ себѣ обвиненія Полевого въ излишнемъ либерализмѣ и распущенности [3]), не только побудили Шишкова отказать ему въ изданіи политической (что представлялось особенно опаснымъ) газеты «Компасъ» и другихъ, просимыхъ имъ, журналовъ, но даже «подтвердить г. Полевому, касательно издаваемаго имъ журнала, чтобы онъ, при выборѣ помѣщаемыхъ въ ономъ статей, дѣйствовалъ съ величайшею осмотрительностью». Проектъ «начертанія *Московскаго Телеграфа*» на 1832 г., не прошедшій въ Петербургѣ, былъ препровожденъ туда съ такимъ мнѣніемъ князя С. М. Голицына, чтобы программа журнала была ограничена одной литературой, ибо «неоднократно въ ономъ (журналѣ) помѣщались такія статьи, которыя не совсѣмъ то были одобряемы высшимъ начальствомъ», а «издатель онаго, купецъ Николай Полевой, не пользуется совершенно довѣренностью правительства» [4]).

При той немилости, въ которой находился Полевой у высшаго начальства и журналистовъ, представляютъ особый интересъ касающіяся его цензурныя дѣла, возникшія какъ благодаря проискамъ частныхъ, стороннихъ лицъ, такъ и благодаря его собственной неосмотрительности, прорывавшейся въ кое-какихъ слишкомъ смѣлыхъ для тогдашней поры мысляхъ или даже выраженіяхъ... Не проходило, кажется, года безъ возбужденія въ главномъ или московскомъ цензурныхъ комитетахъ сомнительныхъ вопросовъ относительно московскаго второй гильдіи купца Николая Полевого...

Еще въ цвѣтущее время изданія *Телеграфа*, когда его издатель былъ въ мирныхъ сношеніяхъ съ Вяземскимъ и карамзи-

[1]) „Записки". Спб., 1888, стр. 319.

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1827, ч. XIII, стр. 5. *М. И. Сухомлиновъ*. „Изслѣдованія и статьи". Спб. 1889, томъ II, стр. 392.

[3]) *М. И. Сухомлиновъ*, стр. 382—391.

[4]) Тамъ же, стр. 393 и 398.

нистами, въ редакцію *Сѣверной Пчелы* было прислано любопытное письмо, помѣченное февралемъ 1827 года. Нѣкая тамбовская и рязанская помѣщица Иванова «жаловалась на московскаго книгопродавца Ширяева за то, что онъ въ теченіе двухъ лѣтъ, вмѣсто требованныхъ ею: *Моднаго Журнала* и *Московскаго Вѣстника*, присылалъ къ ней *Московскій Телеграфъ*, и просила господъ издателей обнародовать о такой усильной распродажѣ *Московскаго Телеграфа*. Главный цензурный комитетъ не разрѣшилъ печатаніе письма, какъ относящагося до личной чести Ширяева, но этотъ фактъ, повидимому, очень пришелся по вкусу тайнымъ недоброжелателямъ Полевого... Ошибка книгопродавца, имѣвшаго большія торговыя дѣла, легко могла быть истолкована какъ дерзкое навязываніе издателемъ его собственнаго журнала. Положимъ, дѣло не было открыто предано гласности; но нельзя не признать, что цензоры, въ числѣ которыхъ былъ и С. Т. Аксаковъ, спеціально слѣдившій за *Московскимъ Телеграфомъ* и недружелюбно глядѣвшій на успѣхи Полевого, могли разгласить дѣло въ обществѣ [1])...

Съ 1829 года, со времени появленія рецензіи на «Исторію государства россійскаго», Полевой нажилъ себѣ много новыхъ враговъ... Отношенія къ Вяземскому охладились, всѣ поклонники исторіографа перешли во враждебный Полевому лагерь, увеличивая собой число его литературныхъ недоброжелателей... Въ редакцію *Славянина* было препровождено кѣмъ-то слѣдующее «Литературное извѣстіе», не пропущенное въ цензурѣ, но едва ли оставшееся въ тайнѣ. Оно гласило: «г. Всезнайкинъ, извѣстный своими разсужденіями о санскритскомъ языкѣ, и проч., и проч., и проч., намѣренъ на сихъ дняхъ приступить къ изданію Россійской исторіи — для гостинаго ряда, въ 10-ти томахъ. Подписка будетъ вскорѣ приниматься на Апраксиномъ дворѣ, въ мѣняльной лавочкѣ. Г. Всезнайкинъ предварительно хочетъ помѣстить въ *Московскомъ Телеграфѣ* или въ другомъ подобномъ журналѣ рецензію на Карамзина, чтобъ доказать ничтожество исторіи Карамзина и заохотить къ подпискѣ на россійскую исторію для гостинаго ряда. Въ сочиненіи сей исторіи участвуетъ Ксенофонтъ Ничтовичъ, извѣстный знатокъ халдейскаго языка, преподающій теорію романтизма въ заведеніи для умалишенныхъ». Грубая насмѣшка надъ занятіями Полевого востокомъ, надъ его

---

[1]) Дѣла цензурнаго комитета, 1827, № 19.

«Исторіей русскаго народа» и его званіемъ, слишкомъ прозрачный и безцеремонный отзывъ о Ксенофонтѣ Полевомъ — указываютъ на высшую степень раздраженія и полный, необузданный произволъ въ журналистикѣ [1]). И это былъ далеко не единственный случай... Въ томъ же 1829 году была помѣщена въ *Московскомъ Телеграфѣ* [2]) рецензія на альманахъ, издаваемый однимъ изъ мелкихъ современныхъ литераторовъ М. А. Бестужевымъ-Рюминымъ [3])—*Сѣверная Звѣзда*. Рецензія была не безъ колкостей. Въ ней говорилось, что по поводу альманаха можно пародировать начало «Эмиля» Руссо: «Все прекрасно въ рукахъ писателя искуснаго, все плохо, попавшись въ когти писателю бездарному». «По праву береговому, кулачному или какому бы то ни было праву издатель *Сѣверной Звѣзды* навербовалъ себѣ довольно піесъ весьма хорошихъ; но онъ обставилъ ихъ такъ дурно, что названіе сей книжки совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ея достоинству, и *Сѣверная Звѣзда* едва ли будетъ звѣздою незаходимою». Сомнѣнія въ достоинствахъ альманаха и указаніе на то, что въ немъ «слишкомъ изобильно балласту» и что лучшіе авторы «какъ-будто скупятся и не охотно вступаютъ на поприще *Сѣверной Звѣзды*», задѣли за живое самолюбіе издателя, написавшаго для того же Воейковскаго *Славянина* невозможную отвѣтную статью, оскорблявшую личность Полевого. «Я сердечно радъ», писалъ онъ: «если издатель *Московскаго Телеграфа* дѣйствительно убѣжденъ въ бездарности моей: это обстоятельство нѣкоторымъ образомъ льститъ моему самолюбію, ибо побуждаетъ думать, не имѣю ли я и въ самомъ дѣлѣ дарованій хорошаго писателя. Что же касается до упоминаемаго издателемъ *Московскаго Телеграфа* кулачнаго права, то, безъ сомнѣнія, каждый изъ читателей рецензіи увѣренъ, что слова сіи не должны ко мнѣ относиться, и что я въ семъ правѣ не имѣю ни теоретическихъ, ни практическихъ свѣдѣній. Но если бы вздумалось мнѣ измѣнить своимъ правиламъ, пренебречь своими обязанностями и забыть приличія свѣта, то есть, если бы вздумалось мнѣ брать лекціи въ семъ правѣ, то, безъ сомнѣнія, я обратился бы

---

[1]) Дѣла цензурнаго комитета, 1829, № 125.

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 14, стр. 218—220.

[3]) Этотъ же Бестужевъ издавалъ альманахъ: *Майскій листокъ*, *Сиріусъ* и журналъ *Сѣверный Меркурій*. Онъ вписывалъ стихи, впрочемъ, незамѣчательные, и умеръ молодымъ въ 1832 году. См. „Критико-біографическій словарь“ С. А. Венгерова, ч. III, стр. 207.

въ томъ случаѣ къ издателю *Московскаго Телеграфа*, какъ къ человѣку, вѣроятно, имѣющему и практическія свѣдѣнія въ семъ правѣ, если только онъ, купецъ второй гильдіи Полевой, при свойственномъ ему образѣ мыслей и понятій о чести (если издатель *Московскаго Телеграфа* не имѣетъ опредѣленнаго понятія о словѣ: честь, то онъ можетъ о семъ справиться въ словарѣ Академіи россійской, т. VI, стр. 1282), одаренъ необходимыми для сего и тѣлесными способностями». «Я молю Феба объ одномъ только»—продолжаетъ Бестужевъ — «не расхвалилъ бы издатель *Московскаго Телеграфа* въ послѣдствіи времени какую-нибудь изъ издаваемыхъ мною книгъ, ибо въ семъ случаѣ я самъ невольно долженъ буду полагать, что расхваленная имъ книга вѣрно не заслуживаетъ вниманія. Что же касается до личностей, обращаемыхъ на меня изд. *Московскаго Телеграфа*, то я, изъ христіанской любви къ ближнему, вынужденъ наконецъ посовѣтовать ему быть на будущее время осторожнѣе. Онъ можетъ искать себѣ по плечу литераторовъ, равныхъ ему и въ свѣдѣніяхъ, и въ дарованіяхъ, и въ образѣ мыслей, и въ образѣ воспитанія, и въ знаніи вышеупомянутаго кулачнаго права. Всякій благомыслящій человѣкъ можетъ согласиться, что на личности за 727 верстъ [1]) отвѣчать невозможно, ибо подобныя наглости требуютъ отвѣта собственноручнаго, а не печатнаго».

Цензурный комитетъ запретилъ печатаніе приведеннаго отвѣта Бестужева, руководствуясь тѣмъ, что нельзя «оскорблять честь какого-либо лица непристойными выраженіями» [2]).

Но не допуская иногда въ печать злобные крики противниковъ Полевого, цензурный комитетъ руководствовался исключительно своими оффиціальными правилами, нисколько, быть можетъ, не стараясь стать на сторону безпощадно гонимаго журналиста... Этотъ журналистъ не внушалъ особаго довѣрія: только къ началу 1829 года кончилось неблаговидное, съ тогдашней точки зрѣнія, дѣло о переводѣ на русскій языкъ сочиненія Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта». Еще въ мартѣ 1828 года было помѣщено въ *Московскомъ Телеграфѣ* письмо изъ Парижа, подписанное буквами Я. Т. [3]). Въ этомъ письмѣ, въ числѣ прочихъ

---

[1]) Статья писана въ С.-Петербургѣ.

[2]) Дѣла цензурнаго комитета, 1829, № 125.

[3]) Яковъ Николаевичъ Толстой, сотрудникъ *Московскаго Телеграфа*, доставлявшій свѣдѣнія о заграничной жизни и литературѣ. *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 5.

новостей, сообщалось: «Исторія Наполеона», сочиненіе Вальтера Скотта, надѣлала много шуму; противъ нея кричали, писали, бранились»... «Мы читали—свидѣтельствуетъ Ксенофонтъ Полевой—разборы ея и кое-какіе отрывки изъ нея въ иностранныхъ журналахъ, даже переводили ихъ и печатали въ *Московскомъ Телеграфѣ*, и съ понятнымъ любопытствомъ принялись читать ее вполнѣ» [1]). Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ [2]) на десяти съ лишнимъ страницахъ изложены хлопоты, благодаря которымъ министръ А. С. Шишковъ дозволилъ цензору В. Г. Анастасевичу разсмотрѣть рукопись, содержащую переводъ перваго тома «Исторіи Наполеона», а этотъ послѣдній не нашелъ въ ней ничего подлежащаго запрещенію. Первый томъ былъ представленъ на разсмотрѣніе главнаго цензурнаго комитета, и дѣло разрѣшилось благополучно... Когда же былъ оконченъ переводъ второго и третьяго томовъ, то рѣшено было, въ виду допущенія къ печати начала сочиненія, представить ихъ на разсмотрѣніе московскихъ цензоровъ, которые сурово отнеслись къ задуманному Полевыми предпріятію... Они забили въ набатъ, крича о запрещеніи книги.—и добились своего, ибо какъ разъ въ этотъ моментъ Шишкова смѣнилъ князь К. А. Ливенъ. Строгій новый министръ, узнавъ, что книга изъ числа запрещенныхъ, приказалъ: «во-первыхъ, потребовать отъ цензора Анастасевича объясненія противъ таковаго его поступка (одобренія книги); во-вторыхъ, снестись съ комитетомъ иностранной цензуры о мѣстахъ сочиненія, служившихъ поводомъ къ запрещенію онаго, и потомъ сличить оныя съ одобренною къ напечатанію рукописью; въ-третьихъ, разыскать, какимъ образомъ дошла до рукъ г. Полевого книга, коея обращеніе въ Россіи воспрещено цензурою».

На грозное распоряженіе министра Анастасевичъ отвѣчалъ, что онъ одобрилъ къ напечатанію только ту часть сочиненія, которая ему казалась невинною, руководствуясь тѣмъ предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія, гдѣ говорится, что цензура не имѣетъ никакихъ основательныхъ причинъ запрещать печатаніе «отрывковъ изъ книгъ запрещенныхъ или разсужденій объ оныхъ, переводимыхъ съ иностранныхъ журналовъ, въ Россіи пропущенныхъ, если въ нихъ ничего не заключается противнаго высочайше утвержденнымъ для руководства ея правиламъ; ибо небезъ-

---

[1]) „Записки“ Кс. Полевого, стр. 220.

[2]) Тамъ же, стр. 220—230.

извѣстно, что въ книгахъ, подвергшихся запрещенію, могутъ, однако, находиться статьи, вовсе запрещенію не подлежащія».

Въ бумагѣ, присланной изъ комитета иностранной цензуры, было сказано: «сочиненіе, о коемъ дѣло настоитъ, цензурою иностранною, на основаніи устава о цензурѣ 10-го іюня 1826 года, запрещено главнѣйше за разныя сужденія, неумѣренно благопріятствующія представительному правленію; за сильныя мѣста насчетъ раздѣла Польши; за предосудительныя выраженія о покойномъ государѣ Александрѣ I, при семъ случаѣ, и другихъ высокихъ особъ, также о царствованіи и кончинѣ Павла I-го, за опасныя разсужденія автора въ оправданіе революціи французской и за многія мысли, противныя духу самодержавнаго правленія». Нѣкоторыя, повидимому, вліятельныя лица пожелали имѣть это сочиненіе, на что́ и послѣдовало высочайшее соизволеніе, «чтобы, за выдачею 9-ти экземпляровъ поименованнымъ въ отношеніи мѣстамъ и особамъ съ подписками онаго сочиненія другимъ не передавать, всѣ прочіе затѣмъ были высланы за границу по принятіи, вслѣдствіе заведеннаго порядка, надлежащихъ мѣръ осторожности».

Положеніе Полевого было самое щекотливое... Нелюбимый властями и многими товарищами-журналистами, онъ не рѣшился признаться, что получилъ книгу «отъ одного изъ своихъ петербургскихъ корреспондентовъ» [1]). «Имѣю честь объяснить—доносилъ онъ въ московскій цензурный комитетъ — что запрещеніе сей книги цензурою донынѣ мнѣ было совершенно неизвѣстно. Экземпляръ французскаго перевода оной, подержанный и не полный, купленъ былъ мною, въ началѣ сего 1828 года, у неизвѣстнаго мнѣ человѣка, котораго нечаянно встрѣтилъ я на Тверскомъ бульварѣ, продающаго разныя старыя и новыя книги, и у котораго, вмѣстѣ съ другими русскими и иностранными книгами и эстампами, былъ и означенный экземпляръ; не находя любопытными другихъ книгъ, которыя продавалъ онъ, я купилъ у него только «Исторію Наполеона», 16 томовъ, парижскаго изданія in 12 (вмѣсто 18-ти, полный экземпляръ составляющихъ), и оные томы всѣ имѣю у себя». При этомъ Полевой просилъ позволить ему продолжать изданіе книги, «законнымъ порядкомъ цензурою одобренной»,—въ случаѣ же запрещенія «учинить удовлетвореніе за наносимый ему убытокъ». Цензору Анастасевичу, согласно его

[1]) „Записки“ Кс. Полевого, стр. 219.

желанію, предоставлено было комитетомъ право, въ виду ходатайства Полевого о вознагражденіи, «самому сдѣлаться съ издателемъ касательно удовлетворенія въ случаѣ запрещенія сей книги». Всѣ собранныя свѣдѣнія по дѣлу, всѣ справки и объясненія были представлены министру Ливену, «начальническому благоусмотрѣнію котораго предоставлялось окончательное рѣшеніе» [1]). Князь Ливенъ воспретилъ печатаніе перевода; Полевые же не рѣшились даже требовать вознагражденія, ибо «такое взысканіе— по словамъ Ксенофонта Алексѣевича—пало бы на невиноватаго цензора». Такого вознагражденія нельзя было допустить, и они принуждены были только вздохнуть о трудѣ, совершенно потерянномъ, о неудовольствіяхъ и убыткахъ, имъ причиненныхъ ихъ предпріятіемъ [2]). Между тѣмъ, немного времени спустя «Жизнь Наполеона» появилась въ печати въ переводѣ де-Шаплета.

Видя, на какомъ счету находился Полевой у людей, власть имущихъ, враги его не дремали и становились болѣе и болѣе дерзкими. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что въ декабрѣ 1829 года была запрещена цензурнымъ комитетомъ статья, подъ заглавіемъ: «Извѣстіе объ издателѣ *Московскаго Телеграфа*» [3]), въ которой говорилось, «будто бы у Полевого повредилась мозговая оболочка и разлилась желчь по сердцу».

Между тѣмъ, курсъ Полевого, какъ журналиста, все понижался и понижался. Въ 1830-мъ году князь Ливенъ неблагопріятно отзывался объ «образѣ мыслей его о высшемъ сословіи», а въ слѣдующемъ году возникло большое дѣло относительно одной изъ статей С. В. Руссова [4]), касающейся Полевого; это дѣло бросало тѣнь на послѣдняго за его яко бы неумѣренныя либеральныя мысли.

Поводомъ къ появленію статей Руссова былъ разборъ «Исторіи Малой Россіи» Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, помѣщенный въ №№ 17 и 18 *Московскаго Телеграфа* 1830 г. и писанный Полевымъ. Въ разборѣ, между прочимъ, были напечатаны слѣдующіе

---

[1]) Дѣла цензурнаго комитета 1828 г.

[2]) „Записки" Кс. Полевого, стр. 230.

[3]) Она принадлежала журналу В. Н. Олина: *Карманная книжка для любителей русской старины и словесности.* Дѣла цензурнаго комитета, 1829, № 161.

[4]) О С. В. Руссовѣ см. *Русскую Старину*, 1892, № 4.

отрывки: «Идите отъ Москвы на югъ, и вы увидите, что, постепенно находя измѣненія, за Десною и Семью вы перешли къ народу, совершенно отличному отъ насъ, чистыхъ руссовъ. Языкъ, одежда, обликъ лица, бытъ, жилища, мнѣнія, повѣрья — совершенно не наши! Скажемъ болѣе: на насъ смотрятъ тамъ донынѣ непріязненно. Имя: москвитянинъ (москаль), показываетъ отчужденіе наше отъ туземцевъ. Имя: казакъ, которымъ гордится туземецъ, говоритъ вамъ, что онъ не считаетъ васъ своимъ землякомъ. Это Малороссія». Далѣе высказывается слѣдующее мнѣніе о Малороссіи и казакахъ: «Пойдемъ далѣе, и скажемъ, что Малороссія, не сдѣлавшись донынѣ Русью, никогда и не была частью древней Руси, точно такъ же, какъ Сибирь и Крымъ». Или: «Замѣтимъ одно: всѣ казаки были русскіе, но какіе русскіе? Они говорили русскимъ языкомъ и назывались христіанами: два характеристическія и единственныя отличія, въ коихъ заключалась самобытность древнихъ руссовъ, и которыя передали своимъ потомкамъ, убѣжавшіе отъ поганыхъ въ Лукоморье, переселенцы русскихъ областей. Только этимъ принадлежали они къ другимъ руссамъ, имѣя начало, образованіе, бытъ, понятіе о власти, преданія, поэзію свои, новыя и отдѣльныя. Не будемъ смѣшивать ни идей, ни событій. Все сказанное нами показываетъ, что почитать казаковъ донскихъ частью древней Руси—не должно. Только языкъ и вѣра сближали ихъ съ Россіею, и, наконецъ, покорили Россіи». Нѣсколько далѣе читаемъ слѣдующія строки: «Но не должно обольщаться ложною мыслью, воображая себѣ предметы не тѣмъ, что́ они на самомъ дѣлѣ были. Ни швейцаровъ временъ Вильгельма Телля, ни малороссіянъ временъ Наливайки и Хмѣльницкаго, не должно представлять себѣ людьми, похожими на жителей Парижа, которые, съ трехъ-цвѣтною кокардою на шляпахъ, брали Бастилію въ 1789-мъ и Лувръ—въ 1830 году, ни даже воинами Вашингтона, умиравшими за гражданскую свободу на Бюркенъ-Гильскомъ полѣ. Шиллеръ, заставивъ своего Макса Пикколомини, своего Позу говорить такъ, какъ говорили юные братья Тугендъ-Бундовъ Германскихъ XVIII-го вѣка, ошибся и обезобразилъ свои прекрасныя созданія. Только въ Вильгельмѣ Теллѣ онъ понялъ, наконецъ, истину событій и поэзію сей истины. Телль, убившій Гейслера, провозгласившій свободу Швейцаріи и съ ужасомъ отступающій отъ Іоанна-цареубійцы—вотъ, гдѣ мы удивляемся поэту, и вотъ, что́ долженъ понять и историкъ Малороссіи, и поэтъ, который захотѣлъ бы изобразить казаковъ, ихъ Наливайку, ихъ Сагай-

дачнаго, ихъ Хмѣльницкаго. И не обезображивая истины, они найдутъ въ мѣстныхъ, народныхъ чертахъ величайшее богатство; поэзія истинныхъ событій неистощима, и никогда ложные вымыслы не сравнятся съ нею!»

С. В. Руссовъ, совершенно расходясь во взглядахъ съ Полевымъ, оспаривалъ его мнѣнія, изложенныя въ цитированной статьѣ, и приводилъ выдержки изъ послѣдней. «Замѣчанія» Руссова вызвали недоумѣніе цензурнаго комитета. «Какъ антикритика», статья, по мнѣнію комитета, «изложена въ самомъ благопріятномъ духѣ»; но дозволить ее напечатать было затруднительно по слѣдующей причинѣ. «Г. Руссовъ, оспаривая мнѣнія *Московскаго Телеграфа*, приводитъ подлинными словами многія мѣста изъ опровергаемой имъ статьи, и мѣста сіи, не столько сами по себѣ, но и вся означенная статья, по духу своему, можетъ имѣть вредное вліяніе на умъ читателей многихъ областей, съ XVII вѣка возвращенныхъ Россіи. Авторъ утверждаетъ, что малороссіяне, бѣлорусцы, казаки и прочіе — не русскіе! Видитъ въ нихъ какую-то особенную народность и мѣстность: называетъ Разина и Пугачева страшными, но тщетными усиліями казачьей свободы. Говоритъ о парижанахъ, подъ трехъ-цвѣтною кокардою бравшихъ, въ 1789 г. Бастилію и въ 1830—Лувръ; а тотчасъ послѣ сего о сѣверныхъ американскихъ штатахъ, сражавшихся за гражданскую свободу, какъ-бы сравнивая первыхъ съ послѣдними»...

Послѣ долгаго засѣданія, посвященнаго разрѣшенію возникшаго вопроса, комитетомъ постановлено было обратиться къ министру Ливену, отвѣтившему, что «въ виду желанія Руссова опровергнуть мѣста, не согласныя съ правилами о цензурѣ», и «показать несправедливость оныхъ», «рукопись г. Руссова можетъ быть дозволена къ напечатанію» [1]).

Таково было положеніе Н. А. Полевого, когда онъ задумалъ собрать всѣ статьи «Новаго Живописца Общества и Литературы», помѣщавшагося въ *Московскомъ Телеграфѣ*, съ № 13-го 1829 г. по № 24-й 1831 г., и выпустить ихъ въ свѣтъ особымъ изданіемъ. «Новый Живописецъ» представлялъ собою рядъ сатирическихъ картинъ, выхваченныхъ изъ самой жизни. Эти картины въ драматической формѣ «давали урокъ шутя», по выраженію ихъ издателя. Сцены изъ жизни вельможъ, чиновниковъ, купцовъ

---

[1]) Дѣла цензурнаго комитета, 1831, № 39.

и т. д., указывали на темныя стороны этихъ сословій. «Не знаю, исполнилъ ли «Живописецъ» свое обѣщаніе передъ публикой?— писалъ Н. А. Полевой,—но изъ всѣхъ статей и статеекъ его замѣтно, что онъ не думалъ подражать Жуи и Аддисону, дѣйствовалъ по-своему и хотѣлъ угождать людямъ добрымъ и благонамѣреннымъ, не страшась въ то же время ни порока, ни глупости. Онъ былъ довольно безстрашенъ, поражая зло и въ кабинетахъ вельможъ, и въ гостиныхъ барскихъ; довольно разнообразенъ въ выборѣ предметовъ, говоря и о литературныхъ нелѣпостяхъ, и о томъ, что̀ дѣлается въ свѣтскихъ обществахъ; довольно изобрѣтателенъ и въ изложеніи, употребляя всѣ формы отъ стихотворныхъ гремушекъ до слога приказныхъ. Маленькое желаніе философствовать оказывалось у него по временамъ, то въ мечтаніяхъ по Москвѣ, то совѣтахъ отъ отцовъ дѣтямъ. Наконецъ, практическое знаніе быта общественнаго и литературнаго замѣтно было въ описаніяхъ подъяческихъ уловокъ, пансіонскихъ спекуляцій, и проч. и проч. Вообще «Живописецъ» можно, кажется, помянуть добромъ, ибо онъ желалъ добра [1]).

Но «Живописецъ» причинилъ Полевому, повидимому, много непріятностей. Хотя «Живописецъ» и обѣщалъ «не касаться личности, не сказывать именъ, не говорить ничего такого, по чему можно бы было узнать подлинники его портретовъ» [2]), однако «то г-нъ А хмурился, то г-нъ Б бранился, то г-нъ NN кричалъ, что «Живописецъ» пишетъ пасквили. Литературное его зеркало заставило даже самыхъ знаменитыхъ литераторовъ торжественно и печатно отпираться отъ сходства, и увѣрять, что образчики стихотворной галиматьи «Живописца» нисколько не походятъ на ихъ галиматью» [3]). Такъ «Утро въ кабинетѣ знатнаго барина» (*Московскій Телеграфъ* 1830 г., № 10) вызвано, на нашъ взглядъ, двумя фактами: стихотвореніемъ А. С. Пушкина «Къ вельможѣ» (князю Н. Б. Юсупову) [4]) и дѣйствіями московскаго магната (см. «Записки» Кс. Полевого, стр. 310).

Князь Д. В. Голицынъ, которому жаловался принявшій на свой счетъ упомянутую сцену вельможа, сказалъ тогда Н. А. Полевому: «Надобно избѣгать такого соблазна. Знатныхъ вельможъ въ Москвѣ

---

[1]) „Новый Живописецъ Общества и Литературы". М. 1832, ч. I, стр. XXV.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. XVIII.
[3]) Тамъ же, ч. I, стр. XXVI.
[4]) *А. Скабичевскій.* Очерки исторіи русской цензуры. Спб. 1892, стр. 237.

всего двое—трое; и если вы напишете что-нибудь оскорбительное о знатныхъ московскихъ вельможахъ, то кто-нибудь изъ насъ долженъ принять это на свой счетъ». Кромѣ того, въ 1832 году главное управленіе цензуры признало, что статью подъ названіемъ: «Утро въ кабинетѣ знатнаго барина» не слѣдуетъ вторично дозволять печатать, такъ какъ она легко можетъ быть примѣнена къ извѣстному лицу, что́ и дѣйствительно случилось при первомъ изданіи ея въ Москвѣ [1]).

Пушкина же касается слѣдующій отрывокъ, изображающій бесѣду разнѣжившагося сибарита-сластолюбца со своимъ подчиненнымъ. Вельможѣ подаютъ стихи поэта.

Князь. Какъ! стихи мнѣ? А! это того стихотворца... Что́ онъ вретъ тамъ?

Подлецовъ. Да, что-то много. Стихотворецъ хвалитъ васъ; говоритъ, что вы мудрецъ: умѣете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствамъ, ѣздили въ какую-то землю только за тѣмъ, чтобы взглянуть на хорошенькихъ женщинъ; что вы пили кофе съ Вольтеромъ и играли въ шашки съ какимъ-то Бомарше...

Князь. Нѣтъ! такъ онъ не даромъ у меня обѣдалъ (беретъ листокъ). Какъ жаль, что по-русски (читаетъ). Не дурно, но что-то много, скучно читать. Вели перевесть это по-французски и переписать экземпляровъ пять, я пошлю кое къ кому, а стихотворцу скажи, что по четвергамъ я приглашаю его всегда обѣдать у себя. Только не слишкомъ вѣжливо обходись съ нимъ; вѣдь эти люди забывчивы; ихъ надобно держать въ черномъ тѣлѣ [2]).

Такой сатирическій сборникъ, какъ «Новый Живописецъ», не могъ понравиться С. С. Уварову, хотя и отличался многими незаурядными достоинствами.

Между тѣмъ Полевой хотѣлъ поднести его императору Николаю Павловичу.

30-го апрѣля 1832 года А. Х. Бенкендорфъ послалъ отношеніе къ министру народнаго просвѣщенія князю К. А. Ливену, прилагая экземпляръ книги «Новый Живописецъ» для поднесенія государю. Министръ переслалъ книгу на разсмотрѣніе Сергѣю Семеновичу Уварову, который 6-го мая далъ слѣдующій о ней отзывъ:

«Во исполненіе желанія вашей свѣтлости, въ отношеніи вашемъ ко мнѣ отъ 2-го сего мая изъясненнаго, разсматривалъ я

---

[1]) Дѣла цензурнаго комитета, 1832, № 37.

[2]) *Московскій Телеграфъ*, 1830, № 10, „Новый Живописецъ“, стр. 171.

книгу подъ заглавіемъ: «Новый Живописецъ», при семъ къ вамъ обращаемую. Я нахожу, что она составлена преимущественно изъ статей, помѣщаемыхъ въ журналѣ *Московскій Телеграфъ*. Я не знаю, будетъ ли сіе перепечатанное изданіе имѣть благотворное вліяніе на нравы общіе, но полагаю, что оно никакой пользы ни языку, ни словесности принести не можетъ. Вообще сію книгу нельзя почитать за сочиненіе новое, а болѣе за спекуляцію книгопродавца; а такъ какъ, по моему мнѣнію, представленіе книги его императорскому величеству должно уважено быть наравнѣ съ высшей наградой для каждаго писателя, а къ сему должно служить поводомъ или важность предмета, или особенное достоинство сочиненія, или имя сочинителя, то я съ моей стороны думаю, что книга «Новый Живописецъ» не имѣетъ никакого права на высочайшее воззрѣніе».

«Вслѣдствіе такого отзыва», писалъ князь Ливенъ Бенкендорфу: «я не могу представить сію книгу государю императору, и потому препровождаю оную къ вамъ, милостивый государь, обратно» [1]).

Въ серединѣ 1832 года Полевой рѣшилъ принять участникомъ по редакціи *Московскаго Телеграфа* брата своего Ксенофонта Алексѣевича. Московскій цензурный комитетъ 14-го іюля 1832 года донесъ главному управленію цензуры: «Издатель *Московскаго Телеграфа*, купецъ Николай Алексѣевъ Полевой, подалъ въ комитетъ прошеніе, въ коемъ прописываетъ, что, предполагая продолжать изданіе *Московскаго Телеграфа* и въ будущемъ 1833 году, безъ всякой въ планѣ онаго перемѣны, имѣетъ онъ, г. Полевой, желаніе съ начала будущаго 1833 года принять въ участіе по редакціи журнала брата своего родного Ксенофонта Алексѣева Полевого, московскаго 2-й гильдіи купеческаго брата, съ полною во всѣхъ отношеніяхъ обязанностію наравнѣ съ нимъ, Николаемъ Полевымъ, такъ, чтобы въ объявленіяхъ публикѣ и въ заглавіи *Телеграфъ* могъ уже означаться: «издаваемый Николаемъ и Ксенофонтомъ Полевыми»; а въ случаѣ смерти его, Николая Полевого, переходилъ бы вполнѣ въ управленіе и собственность означеннаго брата Ксенофонта».

На представленіе комитета послѣдовало предложеніе помощнику попечителя московскаго учебнаго округа, гдѣ говорилось,

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла канцеляріи министра, № 754 (127, 793).

что о всякомъ новомъ издателѣ журнала цензурные комитеты обязаны представить обстоятельныя свѣдѣнія о способности издателя выполнять принимаемую имъ на себя обязанность: также и о нравственной благонадежности его къ тому.

Помощникъ попечителя сталъ собирать свѣдѣнія о Кс. Полевомъ. Свѣдѣнія доставили городской голова и полицеймейстеръ. Первый извѣщалъ, что «по наведеніи нужныхъ справокъ, оказалось: упомянутый Полевой ни въ какихъ предосудительныхъ для нравственности поступкахъ не замѣченъ». По донесенію второго, «Полевой замѣченъ въ весьма хорошемъ поведеніи, кротости и трезвости». Эти отзывы и были препровождены начальству. Но отвѣтъ помощника попечителя (Д. П. Голохвастова) былъ найденъ въ Петербургѣ неудовлетворительнымъ. За первымъ запросомъ былъ сдѣланъ второй, такъ какъ «сверхъ удостовѣреній въ отношеніи образа жизни и нравственной благонадежности ищущихъ позволенія издавать журналъ, потребны доказательства способности ихъ издавать повременное сочиненіе».

Тогда московскій цензурной комитетъ увѣдомилъ главное управленіе цензуры о правоспособности Ксенофонта Алексѣевича Полевого. «Московскій цензурный комитетъ читаемъ въ бумагахъ архива—имѣетъ честь донести, что оный, по разсмотрѣніи представленныхъ г. цензоромъ Цвѣтаевымъ документовъ, свидѣтельствующихъ о занимательности многихъ статей, помѣщаемыхъ Кс. Полевымъ въ журналѣ *Телеграфъ*, издаваемомъ братомъ Николаемъ Полевымъ, нашелъ, что статьи сіи доказываютъ способность его, Ксенофонта Полевого, къ изданію повременнаго сочиненія».

По представленіи всѣхъ требуемыхъ главнымъ управленіемъ данныхъ, дѣло о принятіи въ редакторы Ксенофонта Полевого, тянувшееся съ 25 іюля 1832 г., окончилось благодаря слѣдующей резолюціи С. С. Уварова, отъ 13-го ноября 1833 года:

«Разсматривавъ за симъ отложенныя до сего времени прошенія разныхъ лицъ относительно изданія журналовъ, главное управленіе цензуры признало невозможнымъ согласиться на принятіе издателемъ *Московскаго Телеграфа* Николаемъ Полевымъ въ участіе по изданію сего журнала брата своего Ксенофонта Полевого, потому что первоначально дозволеніе на сіе повременное сочиненіе дано было одному Николаю Полевому, на коемъ одномъ должна и впредь оставаться отвѣтственность за редакцію сего журнала» [1]).

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло № 537 (147, 196).

Появившаяся за время теченія дѣла въ № 9 *Московскаго Телеграфа* 1833 года статья о сочиненіи В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта», а также и назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уварова могли косвенно вліять на печальный результатъ ходатайствъ Н. А. Полевого. Третьяго апрѣля 1834 года послѣдовало высочайшее повелѣніе прекратить изданіе *Московскаго Телеграфа*: статья о драмѣ Кукольника и обвинительный актъ новаго министра послужили тому причиной. На Полевого начали смотрѣть, какъ на неблагонамѣреннаго человѣка. Высшее начальство стало къ нему прямо во враждебныя отношенія. И вотъ въ это-то время появилось въ *Библіотекѣ для Чтенія*, въ отдѣлѣ «Литературная лѣтопись», слѣдующее объявленіе отъ редакціи [1]): «Н. А. Полевой, препровождая въ *Библіотеку для Чтенія* статью, напечатанную въ нынѣшней книжкѣ, пишетъ къ намъ обширно о своихъ литературныхъ занятіяхъ, и мы не можемъ не удѣлить любопытству публики нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его письма. «Я продолжаю неусыпно труды свои; не знаю однако же, успѣю ли въ нынѣшнемъ году издать осьмой томъ моей «Исторіи русскаго народа», хотя пятый совсѣмъ уже отпечатанъ, шестой печатается, седьмой приготовленъ къ печати. Чѣмъ далѣе иду по пути исторіи отечественной, тѣмъ безмѣрнѣе является мнѣ поприще ея. Я давно извѣстилъ публику, и вы, конечно, читали мое объявленіе, что, вмѣсто 12 обширныхъ томовъ, трудъ мой уже распространился на четырнадцать томовъ, а между тѣмъ, благодаря содѣйствію многихъ почтенныхъ любителей русской исторіи, объемъ матеріаловъ у меня безпрерывно увеличивается... Статья, нынѣ посылаемая мною для *Библіотеки для Чтенія* о принятіи Михаиломъ царскаго престола и коронованіи его въ Москвѣ,—есть отрывокъ изъ VIII тома «Исторіи русскаго народа», и томъ этотъ начинается съ освобожденія Москвы Мининымъ и Пожарскимъ и заключается 1645 годомъ, кончиною царя Михаила Ѳеодоровича. Здѣсь началось для меня поприще, еще никѣмъ донынѣ не обработанное. Донынѣ не имѣли мы ни одного описанія событій послѣ 1611 года, гдѣ остановился Карамзинъ. Событія съ 1611 до 1645 года занимаютъ въ «Дополненіяхъ» Голикова 221 страницу; въ сочиненіи В. Н. Берха 263 страницы; въ исторіи С. Н. Глинки 108 страницъ. Самый объемъ ихъ твореній показываетъ, что все это краткія повѣствованія, а другихъ,

---

[1]) *Библіотека для Чтенія*, 1834, кн. 4, „Литературная лѣтопись“.

кромѣ сихъ трехъ, исключая учебныя книги, у насъ вовсе нѣтъ... Счастливымъ себя почту, если Провидѣніе позволитъ мнѣ издать первый опытъ полной исторіи благословеннаго дома Романовыхъ, и если изъ приложеннаго здѣсь отрывка читатели ваши заключатъ, что трудъ мой не совсѣмъ лишенъ достоинствъ историческаго повѣствованія».

Обѣщаніе новыхъ сочиненій со стороны Н. А. Полевого внушало опасенія министерству, откуда отъ имени министра тотчасъ послано было слѣдующее предписаніе московскому цензурному комитету:

«Усмотрѣвъ изъ четвертой книжки журнала *Библіотека для Чтенія* извѣстіе объ издаваемыхъ г. Полевымъ новыхъ сочиненіяхъ своихъ, считаю нужнымъ предложить московскому цензурному комитету поставить цензору, который будетъ разсматривать вышеозначенныя книги, въ обязанность обращать особенное вниманіе на оныя» [1]).

Немного спустя послѣ вышеупомянутыхъ происшествій возникло новое дѣло Полевого съ цензурой. Еще во второмъ номерѣ *Московскаго Телеграфа* за 1834 годъ было напечатано извѣщеніе о скоромъ выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Русской Вивліоѳики». «Нѣкоторые изъ почтенныхъ подписчиковъ *Телеграфа*— напечатано въ извѣщеніи—спрашивали издателя: когда выйдетъ первый томъ «Русской Вивліоѳики», слѣдующій къ *Телеграфу* 1833 года? Издатель можетъ повторить только то, что сей томъ печатается; около 20-ти листовъ его напечатано, остальные кончатся въ непродолжительномъ времени (всего будетъ 28 листовъ); содержаніе сего тома, полагаемъ, будетъ довольно любопытно и разнообразно». Слѣдуетъ перечень документовъ, долженствующихъ войти въ него. «Второй томъ «Вивліоѳики», который будетъ (также безъ всякой особенной платы) разосланъ г-мъ подписчикамъ на *Телеграфъ* 1834 г., заключитъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ драгоцѣнностей. Но дабы разнообразить содержаніе его противъ перваго, въ немъ не будутъ печатаны грамоты и акты: онъ составится изъ разныхъ особенныхъ статей, донынѣ вовсе неизвѣстныхъ русской публикѣ, или находящихся въ рукописи у немногихъ». Въ числѣ древнихъ памятниковъ упоминается: «Путешествіе Даніила Паломника», «Житіе св. Бориса и Глѣба», «Путешествіе Никона митрополита за мощами св. Фи-

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло № 798 (147, 636)

липпа въ Соловецкій монастырь», «Описаніе событій въ Россіи, составленное гетманомъ Жолкѣвскимъ», «Дневникъ Сапѣги», переводъ книги «The Russian Imposter» и др. Въ заключеніе говорится: «каждый томъ «Вивліоѳики» будетъ продаваться и отдѣльно отъ *Телеграфа*, по самой умѣренной цѣнѣ, ибо цѣль издателя *Телеграфа* при составленіи «Вивліоѳики» состоитъ только въ томъ, чтобы доставить всѣмъ любителямъ древностей отечественныхъ средство имѣть въ рукахъ рѣдкіе и любопытные памятники отечественной старины, оставшіеся донынѣ неизвѣстными, изъ числа коихъ нѣкоторые и совершенно могли погибнуть, сохраняясь въ немногихъ ветхихъ спискахъ, по архивамъ и въ частныхъ рукахъ» [1]).

Къ маю мѣсяцу намѣреніе Полевого осуществилось: «Вивліоѳика» была отпечатана. Это былъ небольшой томъ, носящій заглавіе «Русская Вивліоѳика, или собраніе матеріаловъ для отечественной исторіи, географіи, статистики и древней русской литературы». Здѣсь были помѣщены: дѣла изъ Албазинскаго архива; грамоты, собранныя въ Курскѣ, грамоты Грознаго, царя Михаила, самозванца, Петра Великаго, грамоты литовскія, выписки изъ Варшавскаго короннаго архива, грамоты и наказы Сахаровскіе, письмо Суворова и т. д.

Въ «пояснительныхъ замѣчаніяхъ издателя» Полевой толковалъ о цѣли изданія. «Цѣль сего изданія: сохранять отъ погибели древніе и старинные письменные памятники, касающіеся русской исторіи, географіи, статистики, археографіи и литературы; доставлять любителямъ русской исторіи и старины средство печатать и дѣлать извѣстными современникамъ и потомству хранящіеся у разныхъ особъ и въ разныхъ мѣстахъ памятники, могущіе погибнуть и потеряться». «Цѣлью изданія не былъ выборъ замѣчательнѣйшихъ и важнѣйшихъ актовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе находятся въ собраніи государственныхъ грамотъ, а все, что только касается старины, предположилъ издатель печатать для того, дабы симъ побудить почтенныхъ соотечественниковъ къ присылкѣ матеріаловъ. При томъ—читаемъ далѣе—для историка все любопытно, а для любящаго свое отечество все драгоцѣнно» [2]). «Русскую Вивліоѳику» предполагалось выдать при *Московскомъ Телеграфѣ* безденежно, какъ уже указано выше, а отдѣльной продажей По-

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1834, № 2, стр. 339—341.

[2]) „Русская Вивліоѳика". Пояснительныя замѣчанія, стр. 408, 413.

левой хотѣлъ только «выручить издержки на бумагу и на печатаніе оной».

Но запрещеніе въ апрѣлѣ *Телеграфа*, приложеніемъ къ которому считался этотъ сборникъ, бросило тѣнь и на послѣдній. Изданіе невинныхъ грамотъ и актовъ смутило нѣсколько цензора И. М. Снегирева, и онъ донесъ комитету, «что такъ какъ изданіе *Московскаго Телеграфа* по высочайшему повелѣнію запрещено—то онъ, затрудняясь пропустить продолженіе издаваемой при ономъ журналѣ «Древней Вивліоѳики», содержащей въ себѣ древнія грамоты и документы, представляя листъ сего изданія, проситъ комитетъ разрѣшить его въ семъ случаѣ». Московскій цензурный комитетъ, имѣя въ виду съ одной стороны, что сочиненіе, подъ заглавіемъ «Древняя Вивліоѳика» (какъ выражается самъ авторъ онаго на стр. 339 и 349 № 2-го *Телеграфа* за сей 1834 годъ), будетъ издаваться при *Телеграфѣ* и гг. подписчикамъ на *Телеграфъ* сего 1834 года будетъ разослано безъ всякой особенной платы, слѣдовательно, оно составляетъ часть *Телеграфа*, а посему съ запрещеніемъ *Телеграфа* надлежало бы остановить и цензурованіе «Древней Вивліоѳики», какъ части цѣлаго, уже запрещеннаго сочиненія; но поелику, съ другой стороны, «Древняя Вивліоѳика», по словамъ издателя (на стр. 341 журнала *Телеграфъ*, № 2, 1834 г.), будетъ продаваться и отдѣльно отъ *Телеграфа* и дѣйствительно можетъ составить отдѣльное сочиненіе, заключающее въ себѣ любопытные памятники отечественной старины посему Московскій цензурный комитетъ сіе обстоятельство, касательно выпуска въ свѣтъ вышеупомянутаго сочиненія «Древняя Вивліоѳика», на основаніи предписанія господина министра народнаго просвѣщенія отъ 22-го марта 1833 года, за № 91, честь имѣетъ представить на благоусмотрѣніе главнаго управленія цензуры, испрашивая по оному разрѣшенія».

Но невинность содержанія древнихъ памятниковъ побѣдила даже непріязнь Уварова, рѣшившаго, что «изданіе «Древней Вивліоѳики» можетъ быть позволено г. Полевому въ видѣ періодическаго изданія; но въ формѣ сочиненія отдѣльнаго, книга сія, подлежа общимъ узаконеніямъ, требуетъ соблюденія цензурныхъ правилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ особой осмотрительности со стороны цензора» [1]).

Уваровъ, тотчасъ по запрещеніи *Московскаго Телеграфа* пред-

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло № 821 (147, 659).

писавшій цензурнымъ комитетамъ не пропускать безъ тщательнаго разсмотрѣнія ничего, написаннаго Полевымъ, воспрепятствовалъ въ іюлѣ 1835 года появиться въ свѣтъ съ именемъ Николая Алексѣевича иллюстрированному изданію, подъ заглавіемъ *Живописное Обозрѣніе*. То же самое повторилось, когда, два года спустя, Полевой сдѣлался негласнымъ редакторомъ *Сѣверной Пчелы* и *Сына Отечества*. «Уваровъ объявилъ мнѣ явное гоненіе», писалъ Н. А. своему брату изъ Петербурга отъ 5-го ноября 1837 г.: не принялъ меня, сказалъ, что не позволитъ объявлять имени моего въ журналѣ, какъ сотрудника, не позволитъ даже мнѣ подписывать имени подъ статьями» [1]). «Уваровъ и еще кое-кто»— читаемъ въ другомъ письмѣ отъ 1-го января 1838 г.—торжествовали, когда полученъ былъ отказъ изъ Москвы (отъ графа Бенкендорфа, котораго Полевой просилъ о объявленіи его редакторомъ). Если вѣрить Булгарину, порядочному лжецу, Уваровъ сказалъ ему: «Вы не знаете Полевого: если онъ напишетъ «Отче Нашъ», то и это будетъ возмутительно» [2]). Пожалованный императоромъ Николаемъ (вскорѣ послѣ описанныхъ событій) брильянтовый перстень за «Дѣдушку русскаго флота» и благосклонный отзывъ о «Гамлетѣ», повидимому, нѣсколько охладили вражду Уварова къ Полевому. «Скажу еще, мой милый», писалъ Н. А. брату: «что послѣднія событія помирили со мной Уварова. Онъ обласкалъ меня, объявилъ другомъ и любимымъ писателемъ своимъ» [3]).

Но это расположеніе министра къ опальному писателю было очень кратковременно. Извѣстно, что графъ Бенкендорфъ, въ противоположность Уварову, относился къ Полевому довольно дружелюбно. Онъ отстаивалъ его во время рокового объясненія съ Уваровымъ по поводу драмы Кукольника, передавалъ ему благоволенія императора Николая, вручалъ высочайше пожалованные перстни и испрашивалъ пособія [4]). И вотъ 13-го сентября 1840 г., графъ обратился къ Уварову со слѣдующимъ письмомъ:

«Литераторъ Николай Полевой, изъявивъ мнѣ желаніе читать публично лекціи о россійской словесности, просилъ исходатайствовать ему на сіе дозволеніе. Предоставивъ г. Полевому обратиться

[1]) „Записки“ Кс. Полевого, стр. 389.
[2]) Тамъ же, стр. 400—401.
[3]) Тамъ же, стр. 451.
[4]) Тамъ же, стр. 341, 360, 446, 510.

по сему предмету по принадлежности къ вашему высокопревосходительству, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, прежде чѣмъ изволите дать г. Полевому по просьбѣ его какое-либо разрѣшеніе, почтить меня на счетъ оной словеснымъ объясненіемъ».

Отвѣтъ министра былъ уклончивъ и неблагопріятенъ для Полевого:

«Вслѣдствіе отношенія вашего сіятельства отъ 13-го прошлаго сентября № 4620, по просьбѣ литератора Николая Полевого, о дозволеніи ему читать публичныя лекціи о россійской словесности, я считаю долгомъ предварительно увѣдомить васъ, милостивый государь, что г. Полевой извѣстенъ по изданію въ прошедшемъ десятилѣтіи журнала *Телеграфъ*, на неблагонамѣренное направленіе коего обращено было особое вниманіе и дальнѣйшее изданіе котораго, вслѣдствіе высочайшаго соизволенія, было прекращено».

«Изъ сего, ваше сіятельство, изволите усмотрѣть, что едва ли удобно дозволить нынѣ г. Полевому чтеніе публичныхъ лекцій, и въ особенности лекцій о русской словесности, долженствующихъ привлечь значительное число слушателей, безъ полнаго убѣжденія въ совершенной благонадежности его образа мыслей. Впрочемъ, если ваше сіятельство имѣете положительныя свѣдѣнія, что г. Полевой перемѣнилъ прежнее свое направленіе и въ хорошемъ образѣ мыслей его нельзя болѣе сомнѣваться, то, на основаніи вашего мнѣнія, можно бы было дозволить ему безпрепятственно просимое чтеніе лекцій».

Не увѣренный въ исчезновеніи либерализма Полевого, графъ Бенкендорфъ не рѣшился поручиться за Полевого и принялъ сторону Уварова. Онъ писалъ ему:

«На отношеніе вашего высокопревосходительства отъ 15-го сего ноября, № 1286 [1]), имѣю честь отвѣтствовать вамъ, милостивый государь, что, по изложеннымъ въ ономъ причинамъ, и я согласно съ вашимъ мнѣніемъ полагаю, что литератору Полевому неудобно дозволять читать публичныя лекціи о россійской словесности» [2]).

Въ такихъ условіяхъ общественной жизни протекла литера-

---

[1]) Отвѣтъ С. С. Уварова помѣченъ 15-мъ ноября, письмо же Бенкендорфа относится къ 20-му того же мѣсяца.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло канцеляріи министра, № 90 (128, 609). Ср. Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Спб. 1896, т. I, стр. 259.

турная дѣятельность Полевого. Почти каждое благое предпріятіе неудачника-журналиста встрѣчало если не рѣшительный отпоръ, то хотя косвенное противодѣйствіе со стороны иногда черезчуръ строгихъ и не въ мѣру ретивыхъ представленій цензурной власти, а злоба враговъ, торжествовавшихъ побѣду и радовавшихся малѣйшей неудачѣ, проявлялась въ рѣзкой и непристойной формѣ. Все чаще и чаще слышались горькія ноты, какъ въ письмахъ Полевого за послѣдніе годы, такъ и въ его дневникѣ, и тяжело читать эти жалобныя строки, вылившіяся изъ-подъ пера нравственно и физически изнуреннаго человѣка.

СПС. ... ГИМНАЗІИ.

III.

Изъ переписки Н. А. Полевого.

Воспоминанія, дневники, переписка, вообще все литературное наслѣдіе, которое достается потомству отъ болѣе или менѣе выдающихся предковъ, у насъ не пользуется должнымъ вниманіемъ. Разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ рукописи теряются, портятся, и очень часто изъ богатаго собранія только жалкіе и скудные остатки переходятъ въ руки изслѣдователя. Случается и такъ, что самъ владѣлецъ бумагъ, въ порывѣ раздраженія или болѣзненной мнительности, предаетъ уничтоженію даже тѣ изъ нихъ, которыя могутъ пролить свѣтъ на цѣлый періодъ его дѣятельности. Повидимому, оба эти обстоятельства имѣли мѣсто въ судьбѣ писемъ Н. А. Полевого; только незначительное число ихъ сохранилось, несмотря на его обширныя знакомства и продолжительную литературную дѣятельность.

Первыя письма Полевого, еще при жизни его, напечатаны на страницахъ *Отечественныхъ Записокъ* [1]), издаваемыхъ его пріятелемъ П. П. Свиньинымъ; это было еще до возникновенія *Московскаго Телеграфа*. Затѣмъ, въ *Полярной Звѣздѣ* [2]) появилось письмо Полевого къ А. И. Герцену; въ *Русскомъ Вѣстникѣ* [3]) помѣщена переписка А. А. Бестужева съ Николаемъ и Ксенофонтомъ Алексѣевичами; въ *Чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ* [4]) и *Сборникѣ историческаго общества* [5]) есть письма Полевого къ князю Н. Н. Голицыну и къ А. А. Закревскому; въ *Историческомъ Вѣстникѣ* [6]) изданы

---

[1]) 1824, ч. 17, стр. 296.

[2]) 1859, книга 5, стр. 196—198.

[3]) 1861, №№ 3, 4.

[4]) 1863, т. I, отд. V, стр. 212.

[5]) Т. II, стр. 415—416.

[6]) 1888, №№ 3, 4; 1896, № 3.

отрывки изъ дневника Полевого [1]) и письмо его къ Н. А. Брянцеву; въ «Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки» за 1895 годъ находятся два письма къ нему князя П. А. Вяземскаго, въ *Русскомъ Обозрѣніи*—письма къ нему А. А. Бестужева [2]), а въ *Вѣстникѣ Всемірной Исторіи* напечатана [3]) переписка Полевого съ И. М. Снегиревымъ, В. Г. Анастасевичемъ и А. А. Краевскимъ.

Въ трудѣ А. Н. Пыпина «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» обнародована переписка съ Полевымъ Бѣлинскаго [4]); изъ извѣстныхъ писемъ Пушкина три, изъ писемъ А. А. Дельвига—одно адресовано на имя Полевого [5]).

Остальной матеріалъ распредѣляется въ *Русской Старинѣ* и *Русскомъ Архивѣ* слѣдующимъ образомъ. Въ первой встрѣчаются письма Полевого къ женѣ [6]), къ барону А. Бюлеру [7]), къ П. И. Даль [8]), къ М. Н. Загоскину [9]) и письма къ нему Н. И. Греча, Ѳ. В. Булгарина, отца Іакинѳа (Бичурина) [10]), Д. П. Рунича [11]); во второмъ — письма Полевого къ Пушкину [12]), и письма къ нему графа А. Х. Бенкендорфа [13]), Е. А. Баратынскаго [14]).

Если, наконецъ, къ указанному перечню присоединить письма Н. А. Полевого, приведенныя въ «Запискахъ» брата его и *Литературномъ Вѣстникѣ* [15]), то этотъ перечень будетъ, по всей вѣроятности, полный.

Собирая матеріалы для біографіи Полевого, мы имѣли случай найти часть переписки его съ современными ему литераторами. Напечатанныя ниже письма частью хранятся въ Императорской

---

[1]) Хотя дневникъ не имѣетъ отношенія къ перепискѣ, но упомянутъ, какъ рукопись самого Полевого.

[2]) 1894, № 10, стр. 815.

[3]) 1900, № 9, стр. 168—178.

[4]) Т. I, стр. 144, 213.

[5]) Т. VII, стр. 143, 219, 253 (Спб. 1887), Сочиненія барона А. А. Дельвига. Спб. 1895, стр. 165.

[6]) 1870, т. I, стр. 572.

[7]) 1871, № 4.

[8]) 1893, № 4, стр. 59.

[9]) 1902, № 9, стр. 627.

[10]) 1871, № 4.

[11]) 1893, т. 80, стр. 326.

[12]) 1880, т. III, стр. 448.

[13]) 1866, стр. 1753; 1874, т. I, стр. 1050.

[14]) 1872, № 2, стр. 351.

[15]) 1902, т. IV, кн. 8, стр. 350—351.

Публичной Библіотекѣ и Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ. частью находятся въ рукахъ частныхъ лицъ, которыя любезно не отказали намъ въ ихъ сообщеніи.

1.

Н. А. Полевой—П. П. Свиньину.

22-го января 1826 г. Москва [1]).

Послѣ разлуки нашей въ Москвѣ, гдѣ, къ сердечному моему прискорбію, не успѣлъ я даже и проститься съ вами, столь долго не получая обо мнѣ извѣстій, вы могли подумать, что я или переселился уже къ отцемъ нашимъ, или—но я не думаю, что почтете вы, почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ, молчаніе мое знакомъ забывчивости, или охлажденія того почтенія и дружбы. которыя привыкъ я питать къ вамъ въ сердцѣ моемъ. Нѣтъ! совсѣмъ не то, но безконечныя хлопоты, досады, огорченія и горести, преслѣдовавшія меня съ половины прошедшаго года. вотъ что́ единственно не допускало меня до пріятности побесѣдовать съ вами. Когда грустно, не хочется ни за что приняться— по крайней мѣрѣ проклятый сплинъ мой, мѣшая многому въ жизни, всегда препятствуетъ и дружескимъ сношеніямъ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я ни строчки не написалъ никуда, хотя увѣренъ, что многіе даже сердятся на меня за это. Въ васъ, по крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что вы снисходите слабостямъ ближняго, особливо когда знаете, что этотъ ближній безъ перемѣны васъ любитъ и уважаетъ.

Со сколькими вещами мнѣ надобно бы васъ поздравить! Съ благополучнымъ пріѣздомъ, съ положеніемъ страннического посоха у подножія домашняго пената, съ возвращеніемъ въ вашъ прелестный, незабвенный для меня кабинетъ, да наконецъ съ новымъ годомъ.

Не исчисляя подробно, оптомъ поздравляю васъ, желая здоровья и счастія въ новомъ годѣ и прося васъ продолжить ваше дружеское ко мнѣ расположеніе.

Какъ знакъ моего почтенія спѣшу препроводить къ вамъ билетъ на *Телеграфъ*, вмѣстѣ съ 1-ою книжкою [2]). Запоздалъ я

---

[1]) Изъ собранія рукописей П. Н. Полевого.

[2]) Чрезъ А. Ф. Смирдина.

на-ряду со всѣми, но нѣчего (sic) дѣлать, за то поспѣшу слѣдующими книжками, и аще Богъ поможетъ, къ марту надѣюсь управиться, выдавать книжки постоянно въ началѣ и половинѣ каждаго мѣсяца. Прошу васъ увѣдомить, любезнѣйшій Павелъ Петровичъ, понравится ли вамъ новое расположеніе и характеръ *Телеграфа*. Я рѣшился раздѣлить ученую часть отъ чисто литературной [1]). Желалъ бы освободить себя отъ послѣдней, ибо много вздору принужденъ помѣщать поневолѣ, но нѣчего дѣлать: публика хочетъ легкаго. Спасибо ей, она славно награждаетъ меня за стараніе услужить ей, и я никакъ не думалъ заслужить отъ читателей моихъ такого почтенія или чтенія.

Представьте, что по сіе время у меня уже 700 подписчиковъ (sic) и, кажется, до 1.000 доберется. По крайней мѣрѣ книгопродавцы увѣряютъ, что примѣровъ этому не видали. Вы знаете, что я не употребляю никакихъ постороннихъ средствъ,—просто объявилъ подписку, и кому угодно—бери. Какъ-то у васъ въ Петербургѣ, а здѣсь съ упадкомъ торговли вообще упала и книжная торговля, а журналы особенно. Каченовскій бѣсится, что у него нѣтъ и половины, даже противъ прошлаго года [2]); другихъ журналовъ и 300 экз. не печатается каждаго. Такъ ужъ *Телеграфу* счастье выпало. Увѣдомьте о вашихъ *Отечественныхъ* (или, какъ говорятъ французы, отеческихъ) *Запискахъ*, которымъ искренно желаю тысячей пренумерантовъ, надѣясь, что теперь, будучи на мѣстѣ, вы увеличите ихъ достоинство болѣе и болѣе. Число предметовъ у васъ такъ увеличилось, что теперь, я думаю, вы должны будете умножить и число листовъ. Я ужъ чѣмъ другимъ не отличаюсь, какъ толщиной книжекъ: хочу пустить по 10 листовъ книжку, 36 картинокъ модъ и съ дюжину картинокъ сверхъ того. Дѣло въ томъ, что есть изъ чего, ибо хотя издержки и составятъ почти 20.000 въ годъ, но все за труды останется. Я думаю, что главное хорошо дѣлать, а потомъ уже думать о барышахъ.

Что́ сказать вамъ о Москвѣ? все по-старому—литература здѣшняя есть существо относительное къ вашему Петербургу и страхъ какъ идетъ тихо. Мы все ждемъ отъ васъ новостей, и вотъ уже

---

[1]) Такое расположеніе статей, дѣйствительно, принято въ *Московскомъ Телеграфѣ* съ 1826 года.

[2]) Говорится о *Вѣстникѣ Европы*, издателемъ котораго М. Т. Каченовскій былъ съ 1803 по 1830 годъ.

*

здѣсь появились разные петербургскіе гостинцы. Я не начитаюсь Пушкина! Что́ за прелесть! какой талантъ огромный! Альманахи нынѣшній годъ что-то оплошали. Если *Сѣверные Цвѣты* [1]) не вывезутъ, признаться, не много выиграемъ мы отъ многаго числа ихъ. Не говоря о *Невскомъ Альманахѣ* [2]), какъ не совѣстно Ал. Еф. Измайлову выдавать, подъ своимъ шифромъ, такой вздоръ? [3]). *Уранія* [4]) наша, разумѣется, лучше покойницы *Калужской Уранiи* [5]), но плоха. Завтра явится сборникъ пресловутаго Писарева [6]), который рѣжетъ водевилями журналистовъ, а самъ ничего до сихъ поръ не сдѣлалъ, даже порядочнаго—посмотримъ! Но странно мнѣ, что у вашихъ петербургскихъ откупщиковъ достало духу хвалить мерзость, изданную Глинкою, подъ названіемъ Московской [7]), и сравнивать *Календарь Музъ* и *Уранію* съ двумя солнцами. Кажется, что съ новаго года *Пчелка* забыла весь стыдъ и вретъ безъ стыда и безъ совѣсти, льститъ, ползаетъ передъ каждымъ могущимъ снабдить статейкой, и это литераторы!.. И это критика!.. Впрочемъ, все это рѣшило меня рѣшительно не вступать съ ними ни въ какіе споры,—буду иногда щелкать ихъ мимоходомъ—а впрочемъ пусть говорятъ, что́ имъ угодно и какъ угодно. Я жалѣю, что прошлаго года связывался съ ними. Въ прилагаемомъ письмѣ, которое покорно прошу передать Б. М. Ѳ. [8]), благодарю его за предложеніе участвовать въ литературной битвѣ и отказываюсь отъ всякихъ полемическихъ статеекъ, т. е. битвенныхъ битвъ, по переводу кн. П. И. Шаликова [9]). A propos, видѣли ли вы его въ новомъ желтомъ мундирѣ? Милъ, да и только.

---

[1]) Одинъ изъ лучшихъ русскихъ альманаховъ, издававшійся барономъ А. А. Дельвигомъ (8 кн. 1825—1832 гг., съ картинками).

[2]) *Невскій Альманахъ* на 1825—1833 гг.—изданіе Е. В. Аладьина.

[3]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ альманахѣ *Календарь музъ*, изданномъ на 1826 и 1827 гг.

[4]) *Уранія*—карманная книжка на 1826-й годъ, изд. М. Погодинымъ.

[5]) Мѣсто въ оригиналѣ непонятно.

[6]) Писаревъ, А. И. (ум. въ 1828 г.) — водевилистъ, врагъ Полевого, издалъ *Драматическій сборникъ для любителей театра и музыки* (1826).

[7]) Можетъ быть, *Московскій Альманахъ*, изд. С. Н. Глинкой.

[8]) Вѣроятно, Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ (род. въ 1798 г., ум. въ 1875 г.)—литераторъ и цензоръ.

[9]) Шаликовъ, Петръ Ивановичъ (род. въ 1768 г., ум. въ 1852 г.), князь изъ грузинцевъ, „слезливый стихотворецъ", издатель *Дамскаго Журнала*, служилъ въ гусарахъ.

Боюсь, не обременилъ ли я васъ моимъ болтаньемъ; но простите говорливости и вѣрьте, почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ, что я съ неизмѣннымъ чувствомъ почтенія есмь вашъ усердный и преданный вамъ Н. Полевой.

2.

М. П. Вронченко [1])—*Н. А. Полевому.*

13-го ноября 1827 г. Дерптъ [2]).

Неожиданныя обстоятельства воспрепятствовали мнѣ исполнить скорѣе обѣщаніе свое: доставить вамъ отрывокъ изъ «Гамлета». Теперь, окончивъ переводъ, я занимаюсь разсматриваніемъ его и поправками, также сличеніемъ мнѣній различныхъ комментаторовъ. Всякій, кто читалъ Шекспира, знаетъ, какія при переводѣ его должны встрѣчаться трудности: должно или отказаться отъ намѣренія выдержать духъ и тонъ автора, или, рѣшительно преодолѣвъ боязнь показаться страннымъ, удержать сколько возможно необыкновенный его способъ выраженія мыслей, часто столь же необыкновенныхъ. Я избралъ послѣднее, и переводилъ, говоря вообще, стихъ въ стихъ, часто даже, гдѣ сходство языковъ то позволяло, слово въ слово, но отступалъ индѣ отъ точности выраженій, умѣряя слишкомъ рѣзкія для нашего вѣка картины. Разумѣется, что, переводя такимъ образомъ, я гладкости стиховъ не считалъ предмѣтомъ (sic) главнымъ, употреблялъ слова некрасивыя, но вѣрно выражающія мысль автора; несообразности въ мысляхъ поправлять я не почиталъ себя въ правѣ. Посему я долженъ просить васъ, если вы напечатаете прилагаемый отрывокъ, оставить его такимъ, каковъ онъ есть, безъ всякихъ поправокъ. Желательно бы мнѣ также было, чтобы въ немъ не нашлось такихъ опечатокъ, какъ въ отрывкѣ изъ «Манфреда», гдѣ отъ ошибочныхъ знаковъ препинанія, отъ перестановки и

---

[1]) М. П. Вронченко (род. въ 1801 г., ум. въ 1855 г.) воспитанникъ Могилевской гимназіи, а затѣмъ Московскаго университета, перешелъ въ военную службу, участвовалъ въ походахъ 1828 г. и умеръ въ чинѣ генералъ-маіора. Онъ извѣстенъ, какъ переводчикъ Шекспира („Гамлетъ“ и „Макбетъ“), Байрона („Манфредъ“), Гете („Фаустъ“) и Мицкевича (2 часть „Дзядовъ“)

[2]) Румянцевскій музей.

пропуска словъ (одно пропущено и одно переставлено) потерпѣли и мѣра, и смыслъ.

О, если бъ могъ я быть незримымъ духомъ,
Сихъ стройныхъ звуковъ музыкой живой,—

не то, что

О, если бъ я могъ быть незримымъ духомъ
Сихъ стройныхъ звуковъ, музыкой живой.

Запятая не на мѣстѣ совершенно измѣняетъ мысль, и переводъ дѣлается невѣренъ.

Простите мнѣ сіи замѣчанія: за что́ жъ доставить кому-либо право говорить, что я не понялъ того, что́ переводилъ?

Совершенно отдѣлавъ «Гамлета», я намѣренъ переводить «Макбета» или «Отелло»—еще не рѣшилъ, что́ именно, и вообще предполагаю употребить на переводы Шекспира время, остающееся у меня отъ занятій по службѣ. Если вы охотно будете принимать въ вашъ журналъ отрывки сихъ переводовъ, то я готовъ вамъ сообщать ихъ отъ времени до времени.

Еще—посмѣйтесь—одно слово: нельзя ли пощадить тире? Они собственность Шекспира и не могутъ быть иногда замѣнены ни запятыми, ни двоеточіями.

3.

Н. А. Полевой—В. Г. Анастасевичу [1]).

Марта 15-го 1828 г. Москва [2]).

Мицкевичъ становится высоко надъ всѣми современными поэтами, и ему—повторяю, что́ сказалъ уже въ *Телеграфѣ*—только 30 лѣтъ. Какого сильнаго полета нельзя намъ ждать отъ Мицкевича! Не знаю, какъ вы, а я въ восторгѣ безпримѣрномъ критика. Величіе предмета, превосходное изложеніе, выраженія изумляютъ меня!

Книга барона Г. А. [3]) почти напечатана и, вѣроятно, скоро будетъ издана. Отличное произведеніе! Даруй вамъ Богъ время

---

[1]) В. Г. Анастасевичъ (род. въ 1775 г., ум. въ 1845 г.)—цензоръ и литераторъ.

[2]) Рукописи П. Н. Полевого.

[3]) „Обозрѣніе Кормчей книги“, барона Г. А. Розенкампфа, которое вышло въ Москвѣ въ 1829 г.

кончить вашъ трудъ. У меня касательно Несторовой лѣтописи уже приводятся къ концу три диссертаціи, и помнится, что я писалъ къ вамъ объ этомъ. Въ 1-й доказываю я невѣрность положенія, что Несторъ кончилъ 1110 годомъ; во 2-й говорю о послѣдовательности въ его лѣтописи, и какъ должно (по моему мнѣнію) разсматривать начало его исторіи; въ 3-й объясняю его хронологіи по лѣтописцу Никифора патріарха. Приготовилъ матеріалы и для 4-й, гдѣ говорю о Волохахъ и обращаю вниманіе на Валлонскую или Валлійскую землю? Но Богъ знаетъ, когда успѣю все это кончить. Истинно, времени моего часы изочтены, а подобныя сочиненія требуютъ усидки. При этомъ, весьма нуждаюсь въ справкахъ; здѣсь ничего сыскать не возможно. Не могу судить, правильны ли будутъ мои историческіе выводы; но если бы я [illegible] былъ, что они нехороши и ничего вновь не выяснятъ, [illegible] ѣется, и не начиналъ бы писать [1]). Вы слышали уже, [illegible], о несчастіи К. Ѳ. Калайдовича. Онъ впутался въ дѣло вес[illegible] затруднительное, и, кажется, что помѣшался или, по крайней мѣрѣ, находится въ такомъ раздраженіи, что оно походитъ на сумасшествіе. *Зрителя* его напечатано листа съ три. Не повѣрите, какъ горько видѣть этого съ большими достоинствами и семейнаго человѣка въ бѣдственномъ его состояніи [2]).

Вамъ кланяется добрый нашъ Мицкевичъ, а жена моя, благодаря за доставленный поклонъ и память отъ старыхъ ея подругъ, покорно проситъ отъ нея также засвидѣтельствовать, что, несмотря на измѣненіе обстоятельствъ, на то, что она уже мать 4-хъ дѣтей и далеко отъ Спб., подругъ своихъ не забываетъ.

Сдѣлайте одолженіе, засвидѣтельствуйте глубокое мое почтеніе многоуважаемому барону Г. А. и супругѣ его; простите меня за мое молчаніе, повѣрьте, что всегда съ истинно душевнымъ почтеніемъ я есть вашъ, м. г., покорный слуга Н. Полевой.

---

[1]) Въ *Трудахъ и лѣтописяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ* за 1827 г., ч. III, кн. II, стр. 114, есть упоминаніе о предложеніи Полевого издавать лѣтописный сводъ съ варіантами и объясненіями. См. „Исторію русскаго народа“, т. I, стр. 279, 306.

[2]) *Русскій Зритель,* журналъ, предпринятый извѣстнымъ археологомъ и филологомъ К. Ѳ. Калайдовичемъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1832 г.) въ 1828 г., оконченъ его знакомыми по причинѣ психическаго разстройства издателя.

4.

Н. А. Полевой—В. Г. Анастасевичу.

30-го іюля 1828 г. Москва [1]).

Почтеннѣйшій и отъ души уважаемый Василій Григорьевичъ!

Получивъ вчера послѣ обѣда письмо ваше отъ 24-го іюля, немедленно спѣшу отвѣтить...

Мнѣ прискорбно и грустно думать, если я моимъ предпріятіемъ: издать «Исторію Наполеона» причинилъ вамъ, хотя и неумышленно, какое-нибудь неудовольствіе.

Если цензура должна смотрѣть на духъ и содержаніе книги, то никто не можетъ обвинять ни меня, ни васъ. Духъ сочинителя вышеупомянутой книги самый благонамѣренный—духъ христіанина, друга порядка общественнаго и нравственнаго философа. Въ содержаніи могли встрѣчаться мѣста, гдѣ мнѣнія его, какъ гражданина Британніи, имѣющей свои нравы, обычаи и законы, не могли быть совмѣстны съ нашими мнѣніями, но какая же книга выходила въ Россіи безъ того, чтобы изъ нея чего-нибудь не исключили? Но черезъ это вся книга не должна быть осуждаема на вѣчное изгнаніе. Встрѣчаются еще мѣста, гдѣ авторъ не вѣрно говоритъ о Россіи: ихъ стоило исключить или оговориться примѣчаніями. Послѣ всего этого не понимаю я, за что́ В. Скоттъ подвергся столь сильному гоненію. Если не полагать различія между запрещенными книгами, то мы впадемъ въ величайшія нелѣпости... Есть книги вредныя, негодныя; есть другія, въ коихъ одна страница можетъ быть негодная, и сіи оба рода книгъ возможно ли подводить подъ одинъ уровень?

Удивляюсь безумію человѣка, который перевелъ и подалъ въ цензуру «Les Ruines» Вольнея [2]), и всегда почту себя правымъ, что я рѣшился переводить и представить въ цензуру В. Скоттову «Исторію Наполеона». Не знаю, что́ и какъ будутъ у меня спрашивать по поводу сей книги, но я намѣренъ написать къ министру письмо, въ которомъ объясню ему просто и откровенно свои мысли, надѣясь, что въ немъ найду человѣка, благомыслящаго и неспособнаго къ утѣсненію людей невинныхъ. Но впрочемъ,

---

[1]) Рукописи П. Н. Полевого.

[2]) Книга Вольнея „Ruines ou méditations sur les révolutions des empires“ (1791); русскій переводъ этого произведенія намъ неизвѣстенъ.

неуспѣхъ книги для меня малозначителенъ. Единственно жаль о томъ, что мое предпріятіе причинило вамъ неудовольствіе. Никогда еще не былъ я такъ занятъ разными хлопотами, какъ нынѣ. Мнѣ должно благодарить почтенныхъ моихъ согражданъ, что имъ угодно почитать меня гражданиномъ, достойнымъ ихъ вниманія. Я не смѣю по долгу совѣсти отказаться отъ трудной должности, какую они на меня возложили, но при изочтенныхъ часахъ досуга отъ занятій журналомъ, другими литературными предпріятіями и разными семейственными обстоятельствами, не считая торговыхъ моихъ дѣлъ, самъ не знаю, какъ могу успѣвать что-нибудь порядочно сдѣлать. Но воля человѣческая сильна, и доброе желаніе сдѣлать, что́ можно и какъ можно лучше, бываетъ причиною многаго. Это испытываю на себѣ. Спѣша успокоить себя отвѣтомъ на письмо ваше, не распространяюсь ни о чемъ болѣе. Я послалъ къ вамъ брошюрку, изданную мною по части политической экономіи [1]). Не знаю, понравилась ли она вамъ и почтенному барону.

5.

Князь В. Ѳ. Одоевскій—Н. А. Полевому.

1828 г. Спб. [2]).

Одолжите меня, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, напечатайте прилагаемое объявленіе въ послѣднихъ книжкахъ *Телеграфа* 1828 и въ первыхъ 1829 гг. Это изданіе моего добраго пріятеля Врасскаго [3]) (впрочемъ объ имени его прошу не разсказывать)—но это въ сторону, и вамъ его рекомендую не въ этомъ званіи, но въ качествѣ человѣка, по мнѣнію моему, принимающагося за полезное и въ своей сферѣ могущаго хорошо дѣлать свое дѣло.

На нашу журналистику нашло какое-то бѣснованіе. Вы надъ симъ насмѣхаетесь, ибо мало новые журналы обѣщаютъ хорошаго; но я съ тѣхъ поръ какъ отдѣлился отъ литературы и сдѣлался карикатурою на И. И. Дмитріева, я на это все смотрю съ восхищеніемъ. Забываю о томъ, кто пишетъ и что́ пишутъ, вижу только,

---

[1]) Не разумѣлъ ли здѣсь Полевой брошюру: „Рѣчь о невещественномъ капиталѣ“, вышедшую въ 1828 году.

[2]) Румянцевскій музей.

[3]) Личность мало извѣстная.

что чернила изводятся, бумага истребляется, станки типографскіе стонутъ, въ лучшихъ обществахъ интересуются русскою литературою и читаютъ, по крайней мѣрѣ, объявленія о русскихъ журналахъ; вижу, что школы умножаются, возникаетъ Педагогическій институтъ [1]) и въ немъ каѳедра философіи, что первая мысль о томъ была самого государя, какъ равно и о выставкѣ произведеній русской промышленности, и съ восторгомъ повторяю себѣ, что все это вмѣстѣ называется дѣятельностію! Въ моей сферѣ, въ которую бросила меня судьба [2]), я часто скучаю и, измученный работою, часто принужденною, почти всегда сухою и нерѣдко безплодною, я съ грустію вспоминаю о томъ времени, когда я душевную дѣятельность посвящалъ искусствамъ.

6.

Н. А. Полевой—П. М. Строеву.

17-го іюля 1828 г. [3])

Чрезмѣрно удивляюсь, что желаніе оправдать себя въ глазахъ начальства заставило васъ написать ругательную статью на человѣка, который въ теченіе пяти или шести лѣтъ старался доказать вамъ свое доброе расположеніе и дружбу. Вамъ угодно вразумлять меня въ тайны исторической хронологіи: буду благодаренъ за такую услугу, умѣя въ то же время награждать презрѣніемъ всякую литературную и домашнюю сплетню, и сожалѣть о людяхъ робкаго, ничтожнаго характера, которые за одинъ взглядъ своего милостивца не пощадятъ ни друга, ни пріятеля.

Я удивляюсь вашей дерзости, что вы бумагу, мнѣ принадле-

---

[1]) Педагогическій институтъ, учрежденный для приготовленія учителей и профессоровъ, былъ преобразованъ въ 1828 году и существовалъ до 1858 г.

[2]) Въ 1826 году Одоевскій поступилъ на службу въ вѣдомство иностранныхъ исповѣданій.

[3]) Рукописи П. Н. Полевого. Отрывокъ изъ этого письма былъ напечатанъ въ трудѣ Н. П. Барсукова „Жизнь и труды П. М. Строева". Спб., 1878 (стр. 146). Поводомъ къ ссорѣ Н. А. Полевого съ П. М. Строевымъ послужила рецензія на книгу Ѳ. Аделунга „Баронъ Мейерберг и его путешествіе по Россіи" (Спб., 1827), напечатанная въ *Московскомъ Телеграфѣ*. — Объ отношеніяхъ Полевого къ Строеву до 1828 г. см. „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію" М. И. Сухомлинова. Спб. 1889, т. II, стр. 386.

жащую и взятую вами изъ рукъ посторонняго человѣка, безъ согласія моего, передали въ третьи руки и осмѣливаетесь у меня спрашивать: отъ кого я получилъ ее? Не только не подумаю вамъ и всякому другому давать отчетъ въ этомъ, но требую, чтобы вы немедленно возвратили мнѣ означенную бумагу. Прошу исполнить это безъ всякихъ проволочекъ и отсрочекъ.

7.

А. Ѳ. Вельтманъ—Н. А. Полевому.

(Начало 1830 г. Москва) [1]).

Любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, пожалоста (sic) пришлите мнѣ 10-й номеръ прошлогодняго *Телеграфа*. Его меня просили непремѣнно достать.

Вчерась съ удовольствіемъ слышалъ я повторяемыя слова одного ученаго, умнѣйшаго и извѣстнаго человѣка, нащетъ (sic) «Исторіи русскаго народа» [2]); а именно Николая Николаевича Муравьева [3]); онъ говоритъ, что эта книга полна истинной философіи исторіи и оцѣнится Европою.

Извините, что мнѣ пріятно быть эхомъ справедливыхъ словъ, преданный душевно Вельтманъ.

8.

Н. А. Полевой—И. М. Снегиреву.

4-го августа 1832 г. Москва [4]).

Почтеннѣйшій сосѣдъ и цензоръ, душевно уважаемый Иванъ Михайловичъ!

Се! Повергаю предъ стопы ваши «Клятву» [5]), — не въ томъ,

---

[1]) Румянцевскій музей.

[2]) Первый томъ, изданный въ концѣ 1829 года.

[3]) Н. Н. Муравьевъ (1768—1840), основатель учебнаго заведенія для колонновожатыхъ.

[4]) Рукописи П. Н. Полевого.—И. М. Снегиревъ (род. въ 1793 г., ум. въ 1868 г.)—извѣстный археологъ, „собиратель обычаевъ и преданій“, служилъ цензоромъ въ Москвѣ съ 1828 года.

[5]) Романъ Н. А. Полевого: „Клятва при гробѣ Господнемъ“.

что васъ люблю и уважаю, ибо въ этомъ, надѣюсь, вы безъ клятвъ, вѣрите—но клятву, за которую Ширяевъ [1]) моетъ мнѣ голову, а Соборъ Недоумокъ и Темиръ Аксаковъ [2]) просто ругаетъ меня. Благоволите возобновить надзоръ за сею «Клятвою». Я полагаю посылать ее къ вамъ ежедневно по тетрадкѣ, и покорно прошу васъ позволить за тетрадкою каждою посылать по прошествіи сутокъ. Такъ, за сею тетрадкою, надѣясь на дружбу вашу, прислать завтра. Позволите? Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ недѣль, аще Богъ грѣхамъ потерпитъ, обѣ книжки могутъ быть кинуты въ глотку Недоумки, который осипъ, кричавши, что я обманываю публику! Дерзкое невѣжество этого мерзавца доказывается новымъ нападеніемъ на васъ за Сандунова [3]). Онъ не знаетъ различія между Коммиссіею и Канцеляріею составленія Законовъ (которая утверждена была 1769 года, мая 16 дня, два года спустя послѣ коммиссіи, отдѣльно см. въ собр. Законовъ, т. XVIII, стр. 889 и т. LXV, стр. 114), не знаетъ и мѣднолобно укоряетъ васъ [4]). Таковъ онъ всюду и во всемъ.

Не стыдно ли было Перевощикову повторить въ отчетѣ, что онъ издаетъ *журналъ современнаго просвѣщенія*? Вѣдь надъ этимъ смѣются [5]).

Жаль, что вы не застали меня, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ. Мы пилигримствовали. Касательно дѣла [6]), я согласенъ, и при первомъ свиданіи можно объ этомъ покончить. Постараюсь видѣться. Теперь говѣю, а ту недѣлю былъ очень нездоровъ—зубы замучали меня.

Съ истиннымъ почтеніемъ всегда есмь и буду вашъ усердный Н. Полевой.

---

[1]) Книгопродавецъ.

[2]) Н. И. Надеждинъ и С. Т. Аксаковъ—заклятые враги Н. А. Полевого.

[3]) Н. Н. Сандуновъ (ум. въ 1832 г.)—профессоръ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Московскомъ университетѣ.

[4]) Рѣчь идетъ объ Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія.

[5]) Секретарь совѣта Московскаго университета, профессоръ астрономіи и математики Д. М. Перевощиковъ въ университетскомъ отчетѣ за 1832 годъ напечаталъ, что Надеждинъ издаетъ журналъ современнаго просвѣщенія, т. е. *Телескопъ* („Рѣчи Московскаго университета", 8-го іюля 1832 года, стр. 29).

[6]) Мѣсто въ рукописи непонятно.

9.

Н. А. Полевой—И. М. Снегиреву.

(Начало 1834 г. Москва) [1]).

Могу увѣрить васъ, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ, *честнымъ словомъ*, что въ лицахъ романа [2]), который занимаетъ у меня часы отдыха, никого не имѣю въ виду *лично*. Характеры, лица, все вымышлено. Цѣль моя: показать, что безумныя мечты поэтовъ не годятся для міра вещественнаго, что въ наше время исчезъ уже отдѣльный поэтическій міръ, какой воображаемъ мы себѣ у грековъ (да и у нихъ его не было, ибо онъ не сбыточенъ); что только соединеніе добра съ поэзіей будетъ совершенство — вслѣдствіе сего роль актрисы, падшаго ангела, *Аббадоны*, которая никакъ не можетъ помириться съ святою душою поэта Вильгельма, и погибаетъ. Но и поэту, когда онъ хочетъ развиться вполнѣ, ему мѣшаетъ міръ условій, приличій, отвычки людей.

Вотъ цѣль, а не сатирическія картины, которыя служатъ только оправою главной идеѣ. Теперь позвольте поблагодарить васъ за лестный отзывъ (о) исполненіи, и сдѣлайте милость, вѣрьте, что на уничтоженіе всего, что́ наводитъ малѣйшее *перетолкованіе*—я подписываю бланкетъ предварительно. Берегите насъ любезнѣйшій цензоръ, и вѣрьте что каждый знающій литературныя тайны, не поскорбитъ на вашу строгость.

Вы упоминаете о г-нѣ Сахаровѣ [3]). Это благородный, трудолюбивый и отлично свѣдущій человѣкъ. Полюбите его. Онъ удивляетъ меня своею скромностью. Я познакомился еще съ г-мъ Пассекомъ, читалъ его книгу и чрезвычайно доволенъ [4]). Мысль свѣжа, сильна, блеститъ юностью, но основательна. Михаилъ Трофимовичъ [5]), говорятъ, въ отчаяніи, что пропустили эту книгу. Если бы онъ зналъ, что за такую точно мысль, какъ у г-на Пассека, мнѣ сдѣланъ былъ выговоръ во *время оно*, то еще болѣе

---

[1]) Рукописи П. Н. Полевого.

[2]) „Аббадона", произведеніе, вышедшее въ свѣтъ въ 1834 г.

[3]) Извѣстный этнографъ И. П. Сахаровъ (1807—1863) былъ сотрудникомъ *Московскаго Телеграфа*.

[4]) Романтикъ-этнографъ В. В. Пассекъ (1807—1842) напечаталъ въ 1834 году сочиненіе, подъ заглавіемъ „Путевыя записки".

[5]) М. Т. Каченовскій, разсматривавшій книгу В. В. Пассека.

испугался бы. Но, прибавлю: послѣ личнаго объясненія съ графомъ Бенкендорфомъ выговоръ названъ былъ недѣльнымъ. Все произошло отъ перетолкованій; но графъ всегда былъ и будетъ лично благороднымъ и добрымъ человѣкомъ [1]).

Каталогъ синодальный я уже возвратилъ Александру Сергѣевичу [2]). Онъ любопытенъ, показывая элементы, изъ коихъ составлена была сущность ученія Академіи Духовной въ XVII вѣкѣ. Смотрите: Западъ и Польша. Все шло оттуда. Вообще чѣмъ болѣе соображаю, тѣмъ болѣе вижу силу нравственнаго вліянія Литвы и Польши съ XV вѣка. Этотъ предметъ еще необработанъ. О вашемъ предметѣ, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ, пожалуйста, если мои замѣтки могутъ хоть немного быть полезны для справокъ, присылайте ко мнѣ. Да будетъ лепта и съ моей стороны. Пора образовать союзъ людей, безкорыстно преданныхъ занятіямъ наукою. Вотъ кстати, о Плаксинѣ, котораго книги впрочемъ я не имѣю теперь подъ рукою [3]). Приводимаго имъ я не встрѣчалъ нигдѣ. Не по преданію ли онъ говоритъ? Человѣкъ онъ такой, что ему повѣрить можно. Значеніе слова: *баловать*, прямое, извѣстно: *потворствовать*, *шалить*. Прежде значило также шалуна, негодяя, кажется, разбойника небольшого. Царь Іоаннъ, отговариваясь отъ донскихъ казаковъ, писалъ къ Ногаямъ, что въ степи придонской ходятъ не его люди, но *баловни*, ордынскіе, крымскіе, русскіе, и ихъ никто на лихо не учитъ. И такъ: *обалгую, какъ грека*, можетъ быть, древнее, и значитъ: ощиплю, ограблю, какъ грека. Я слыхалъ самъ: *стоитъ какъ грѣшникъ за порогомъ*, и думаю, что это значитъ: «какъ гречникъ за порогомъ»,—т. е. напоминаетъ время, когда *гречники* (торгующіе въ Греціи) дожидались охранной стражи, стоя за порогами Днѣпра. Это есть въ лѣтописяхъ, и если понадобится вамъ, то я пріищу [4]).

Извините, что записался и задержалъ вашего посланнаго. О Сенковскомъ не слыхалъ, преданный вамъ Н. Полевой.

---

[1]) Упоминаемыя событія намъ неизвѣстны.

[2]) А. С. Ширяевъ, купецъ (ум. въ 1841 г.) Каталогъ — вѣроятно, „Реестръ старопечатныхъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ А. С. Ширяева“ (М. 1834).

[3]) В. Т. Плаксинъ (1796 –1869), питомецъ педагогическаго института, педагогъ, издалъ „Краткій курсъ словесности“ (Спб. 1832) и „Исторію русской литературы“ (Спб. 1835). Полевой упоминаетъ, повидимому, о первомъ изъ указанныхъ сочиненій.

[4]) Рѣчь идетъ о трудахъ И. М. Снегирева, который могъ иногда пользоваться указаніями и совѣтами Николая Алексѣевича.

10.

Н. А. Полевой—И. М. Снегиреву.

19-го іюня 1834 г. Москва [1]).

Излишне было бы, почтеннѣйшій сосѣдушка, говорить, что я съ истиннымъ удовольствіемъ просмотрѣлъ ваши листочки и тетрадку [2]). Прилагаю при семъ мои придирки... Можетъ быть, иныя вамъ пригодятся. Гдѣ собираете вы такую бездну фактовъ? Трудъ, истинно—достойный уваженія, хоть бы и не освѣщался брильянтовыми перстнями. Опытъ научилъ меня оцѣнять подобные труды. Продолжите, продолжите его! При семъ листокъ и изъ моего неблестящаго труда—«Вивліоѳики», который благоволите благословить къ печатанію. Благодарю васъ за ласковое вниманіе ко мнѣ, за сораздѣленіе скорбей и непріятностей. Вы сами отецъ и родственникъ добрый. Но у меня есть, и, пока не потеряю ума, будетъ всегда помощь крѣпкая: вѣра и терпѣніе. Бѣдствія должны устать, наконецъ, если ихъ твердо переносятъ; но сломятъ они человѣка—передъ нимъ небо и свѣтлая вѣра съ жизнью за гробомъ! Въ обоихъ случаяхъ проигрыша нѣтъ. Къ сожалѣнію, мы ослабѣваемъ, забываемся, горюемъ. И всему основаніемъ эгоизмъ: почему же не мнѣ, а другимъ хорошо? Вѣрьте усердному почтенію Н. Полевого.

11.

Н. А. Полевой—А. О. Вельтману.

20-го декабря 1837 г. С.-Петербургъ [3]).

Два, три дня пропустилъ я безъ отвѣта на ваше милое письмо, любезнѣйшій Александръ Ѳомичъ, пока переговорилъ съ Смирдинымъ о дѣлѣ, и спѣшу имъ начать мое посланіе. Онъ находитъ цѣну нѣсколько дорогою, но главное въ деньгахъ. Множество печатаемыхъ имъ книгъ (болѣе двадцати), устройство въ бо́льшемъ видѣ типографіи, гдѣ печатаетъ теперь онъ *Сынъ Отечества*, и новыя журнальныя его предпріятія, коихъ успѣхъ

[1]) Рукописи П. Н. Полевого.

[2]) Вѣроятно, отрывки изъ труда Снегирева: „Русскіе въ своихъ пословицахъ". М 1831—1834.

[3]) Румянцевскій музей.

еще въ руцѣ Божіей, и которыя расходовъ влекутъ за собой бездну—вотъ все это заставляетъ его отказаться отъ покупки книги, о которой вы пишете. Мнѣ крайне жаль, что мое посредство тутъ было безуспѣшно, хотя и искренно.

Теперь, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ другою просьбою. Извѣстно уже вамъ, что съ новаго года пускаюсь я опять во вся тяжкая журнальная—широкими листами хочу двигать *Сѣверную Пчелу* и толще *Библіотеки* выдавать *Сынъ Отечества* (первая книжка тридцать листовъ) [1]). Радушно и пріязненно готовы мнѣ помогать многіе—ужели вы откажетесь? Вспомните стараго пріятеля, напишите, что́ вамъ угодно положить honorarium, а между тѣмъ пришлите мнѣ что-нибудь ваше милое, игривое—мы въ этомъ сочтемся, если и не сойдемся потомъ. Главное, что редакція ужасно теперь обременена расходами—2.400 подписчиковъ только что окупаютъ ее, полагая по 100 рублей за листъ платежа участникамъ, пока maximum; а между тѣмъ *Сынъ Отечества* былъ почти мертвъ. Надобно воскрешать, поднимать его, и я не буду щадить платы, хоть при малой надеждѣ на успѣхъ, а теперь всего потребнѣе намъ, желающимъ добра русской литературѣ, подкрѣпить его, по возможности, безкорыстнѣе. Долго ли властвовать Брамбеусу? Quousque tandem? Онъ сѣлъ и ѣздитъ на насъ, и если *Сынъ Отечества* теперь не подобьетъ глиняныхъ ногъ этого Ватиканскаго кумира, то, пеняйте на себя, русскіе литераторы! Я приложу всѣ силы дѣлать, сколько могу, лучше, берусь за работу руками и ногами. Это будетъ мой послѣдній литературный подвигъ, при чемъ, или сдѣлаю что-нибудь хорошее и спасу Русь православную отъ нашествія ляха, или паду и не возстану! Надѣюсь, что все это останется строжайше между нами, о чемъ я покорно васъ прошу, надѣясь, что послѣ моего искренняго объясненія, вы, съ своей стороны, не откажетесь помочь, мой любезнѣйшій поэтъ. О себѣ скажу, что несмотря на то, что переѣздъ мой въ С.-Петербургъ сопровождался тысячью всяческихъ досадъ и неудовольствій, я здоровъ. Работа губитъ и спасаетъ меня въ одно время. А работы у меня теперь—даже смѣшно, какая бездна! Увы—лѣта даютъ при томъ знать себя—жизнь ложится на плечи горбомъ, но—пока живы, будемъ думать о живомъ! Вы, конечно, слышали уже о здѣшнемъ бѣдствіи.

---

[1]) Съ 1838 года Полевой сдѣлался негласнымъ редакторомъ не только *Сына Отечества*, но и *Сѣверной Пчелы*.

Зрѣлище было прискорбное—я не могъ удержать слезъ, видя огонь, пожиравшій эти великолѣпные чертоги русскаго царя, отъ которыхъ теперь стоятъ однѣ обгорѣлыя стѣны. Весь главный корпусъ выгорѣлъ до тла, но огонь не прошелъ къ Эрмитажу и далѣе—все это уцѣлѣло. Пожаръ продолжался почти трое сутокъ, начавшись, какъ говорятъ, съ аптеки [1]).

Простите, и вѣрьте совершенной преданности, съ коей есть и всегда будетъ къ вамъ Н. Полевой.

12.

Н. А. Полевой—Н. И. Гречу.

5-го марта 1841 г. С.-Петербургъ [2]).

Скажите, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, будетъ ли у насъ къ пятницу журнальное засѣданіе, и гдѣ: у меня, или у Н. В. Кукольника?

Я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою—докончить нашъ маленькій расчетъ по *Русскому Вѣстнику* отдачею мнѣ остальныхъ 500 рублей, какъ говорено. Вѣдь это бездѣлка, а мнѣ великое пособіе, да уже и конецъ дѣлу. Весьма обяжете. Чувствую, что надоѣдаю вамъ и уподобляюсь Глинкѣ [3]). Что́ дѣлать! Не думалъ было до того дожить и въ старину не зналъ и не терпѣлъ счета въ деньгахъ. Впрочемъ, надѣюсь скоро разбогатѣть и вѣрю пословицѣ, что денегъ нѣтъ передъ деньгами. Мнѣ надобно при свиданіи сообщить вамъ любопытныя извѣстія о себѣ. Надеждъ впереди гора, да только жаль, не спрашиваютъ у гуся, не зябнутъ ли у него ноги. До тѣхъ поръ, пока надежды перейдутъ въ дѣйствительность, простите моей докукѣ и не сердитесь на того, кто душевно преданъ вамъ, есть и пребудетъ, вашъ усердный Н. Полевой.

При семъ прилагаю счетъ и расписку въ полной суммѣ.

---

[1]) Объ этомъ пожарѣ есть особая брошюра князя П. А. Вяземскаго: „Incendie du Palais d'hiver à Saint Pétersbourg". P. 1838 и статья В. А. Жуковскаго: „Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 г." Ср. „Записки" Кс. А. Полевого. Спб. 1888, стр. 405.

[2]) Рукописи П. Я. Дашкова.

[3]) Глинка, Сергѣй Николаевичъ (род. въ 1775 г., ум. въ 1847 г.).

13.

Н. А. Полевой — А. Н. Гречу.

16-го января 1842 г. С.-Петербургъ [1]).

Сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ, пришлите рукопись «Елены Глинской»[2]), ибо она вамъ теперь не нужна, а ее просятъ для скорѣйшей монтировки на сцену,—пьесу, и еще экземпляръ 2-й книжки *Репертуара*, для передачи Мауреру: вчера посылалъ я къ Ратькову [3]), но онъ сказалъ, что еще книжка не выходила. Весьма всѣмъ этимъ обяжете.

Прилагаемую записку передайте папенькѣ, при засвидѣтельствованіи моего глубокаго почтенія, коимъ къ нему и къ вамъ преисполненъ. Преданный Н. Полевой.

Что́ это за злодѣй такой Ѳаддей Венедиктовичъ! Берется защищать Ламбина [4]) и находитъ его гадкую компиляцію написанною умно и съ европейскимъ взглядомъ на событія! Досадно, что сердиться то на него нельзя: точно кокетка, то прибить, то цѣловать хочется!

14.

Н. А. Полевой—князю (Н. Н. Голицыну) [5]).

27-го іюля 1842 г. С.-Петербургъ [6]).

Мнѣ надлежало бы начать просьбою простить меня въ долговременномъ молчаніи, даже послѣ вашего обязательнаго письма. Но совѣсть запрещаетъ оправдываться противъ вины непрости-

---

[1]) Рукописи П. Я. Дашкова.—А. Н. Гречъ—сынъ Николая Ивановича.

[2]) „Елена Глинская"—драматическое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ, которое было напечатано Полевымъ во II книжкѣ *Репертуара и Пантеона театровъ* за 1842 г.

[3]) Мауреръ—скрипачъ-композиторъ (*Славянинъ*, 1828, т. 7, стр. 263).—Ратьковъ, П. А.—книгопродавецъ, управлявшій конторой *Московскаго Телеграфа*.

[4]) См. *Сѣверную Пчелу*, № 12 за 1842 годъ. Рѣчь идетъ объ „Исторіи Петра Великаго", написанной Н. П. Ламбинымъ.

[5]) Не къ князю ли Николаю Николаевичу Голицыну, бывшему предсѣдателю Московскаго цензурнаго комитета (ум. въ 1860 г.)?

[6]) Румянцевскій музей.

тельной, а исчислять вамъ причины не стану. Судьба и люди тормошатъ меня безъ милосердія—терплю, молюсь, работаю и уповаю, что наконецъ и люди и судьба утомятся. Тогда оправдаюсь во всемъ. Я надѣялся съ самой Пасхи лично васъ видѣть въ Москвѣ, но не было возможности ѣхать изъ болотъ финскихъ, и вотъ—кладу мою повинную голову—рубите, но только простите!

Между тѣмъ необходимость принуждаетъ меня быть безстыднымъ, когда могу опасаться вашего на меня гнѣва; я осмѣливаюсь обременить васъ моею покорнѣйшею просьбою — простите еще разъ и вины мои и просьбу!

Вчера встревожило Смирдина и меня представленное къ намъ обоимъ требованіе. Вексель мой въ тысячу рублей, которыхъ до сихъ поръ я не заплатилъ вамъ, присланъ почтеннымъ родственникомъ вашимъ, на имя коего писанъ, и по оному требуютъ отъ насъ немедленнаго платежа, угрожая подать его ко взысканію. Въ страхѣ прибѣгаю при сей крайности къ великодушію вашему. Довершите обязательность вашу, ваше сіятельство, малымъ терпѣніемъ и снисхожденіемъ. Ни Смирдинъ, ни я не имѣемъ никакой возможности заплатить. Даю честное слово, что платежъ будетъ вполнѣ учиненъ, и даже не далѣе новаго года, если Богъ поможетъ мнѣ въ нѣкоторыхъ трудахъ моихъ; но теперь подача ко взысканію только угнѣтетъ (sic) меня, и я смѣю надѣяться, что вы не захотите обременить меня, полубольного отца семейства, когда я помню мою обязанность, и въ душѣ моей сохраняю чувство всѣхъ вашихъ вниманій, всей вашей пріязни. Можетъ быть, даже и вамъ я на что-нибудь гожусь.

Могу ли надѣяться, что вы не отвергнете моей покорнѣйшей просьбы? Въ такомъ случаѣ благоволите сказать почтенному родственнику вашему, чтобы онъ велѣлъ пріостановить требованіе, а паче взысканіе. Безъ того, коммиссіонеръ его, дѣйствуя какъ купецъ, не уважитъ моихъ просьбъ. Онъ исполняетъ свою обязанность.

Сегодня день св. Цѣлителя Пантелеймона—исцѣлите меня отрадою снисхожденія, и тѣмъ докажите, сіятельный князь, что вами не забытъ, какъ человѣкъ искренно васъ любящій, преданный вамъ, и пребывающій съ истиннымъ, глубокимъ почтеніемъ, вашего сіятельства, милостиваго государя, покорный слуга П. Полевой.

*

15.

Н. А. Полевой—И. П. Сахарову.

25 января 1845 г. С.-Петербургъ [1]).

Изъ препровождаемаго Вами ко мнѣ письма почтеннаго и добраго Гаврила Степановича [2]) одно могу вывести, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, что Гаврило Степановичъ истинно добродѣтельный человѣкъ. Да благословитъ его Богъ! Вотъ все, но что касается самого предпріятія—простите—я не могу согласиться, и если бы кто исполнилъ его безъ моего согласія, тотъ—еще разъ простите—оскорбилъ бы меня! Иное дѣло принять пособіе Царя, и, признаться Вамъ, я считаю даже себя въ правѣ просить его, ибо не я былъ причиною моего раззоренія, десятилѣтнихъ страданій, болѣзней, которыя, какъ я предчувствую, скоро сведутъ меня въ гробъ. Ихъ причинили мерзавцы, употребившіе во зло имя Государя, всегда для меня священное. Но пока я живъ и имѣю силы трудиться, не приму, ни прямо, ни косвенно, никакихъ и ничьихъ пособій, даже и потому, что если есть благотворительные люди, есть и бѣдняки, страдальцы, передъ состояніемъ которыхъ мое положеніе есть положеніе богача и счастливца. Если бы я искалъ милосердія и жалости, я нашелъ бы, но я умираю надъ работою, но ни у кого милости не прошу и ни отъ кого не приму. Это не гордость, такъ, какъ не расточительность была, когда прежде я не жалѣлъ денегъ ни на что́ доброе, не высокомѣріе было, что я не принималъ предложеній о поступленіи въ службу, никогда не искалъ *ничего* и *ни у кого*. Живи я иначе,—даже начни я *теперь* жить иначе, я скоро сдѣлался бы богатъ, и всѣ мои обстоятельства перевернулись бы иначе... Не могу, да и не стоитъ: мнѣ уже около 50 лѣтъ—годъ, два, три—десять лѣтъ, крайній срокъ, и передѣлывать себя не стоитъ. До тѣхъ поръ съ голоду я не умру, а послѣ смерти моей ребятишкамъ Богъ помощникъ! Они не дураки и честные люди—прокормятъ себя и сестеръ... Вотъ все—простите искренности, и при изъявленіи моей глубокой благодарности Гаврилу Степановичу

---

[1]) Императорская Публичная Библіотека.

[2]) О Г. С. Поповѣ и его участіи въ устройствѣ дѣлъ Полевого см. *Русскую Старину*, 1897, іюль.

передайте ему мои мысли. Если что-нибудь согласится сдѣлать въ пособіе мнѣ Царь, чтя память добродѣтельнаго *друга* своего, какъ называлъ онъ князя Александра Николаевича [1]), поблагодарю Бога. Но и здѣсь, если ходатайство за меня можетъ причинить кому-нибудь малѣйшее затрудненіе, я прошу оставить его, ибо и у Царя, до сихъ поръ, я не просилъ никогда и ничего. Но отказаться отъ заступленія за меня покойнаго общаго нашего благодѣтеля было бы непростительною гордостью—и я соглашаюсь предстать смиреннымъ просителемъ.

Простите моему многословію и вѣрьте душевной преданности, съ коею я всегда есмь и пребуду, вашъ усердный Н. Полевой.

Сколько разъ, когда у меня не было копѣйки, мнѣ предлагали посвятить что-нибудь кому-нибудь—и я не могъ, не могу! Такъ созданъ — браните, вините, осуждайте, но не могу. Еще болѣе требовать пособія, какъ отецъ семейства, *на дѣтей*—не въ силахъ!

16.

Н. А. Полевой—А. Ѳ. Вельтману.

9-го іюля 1845 г. С.-Петербургъ [2]).

Вотъ, любезнѣйшій поэтъ, явленіе любопытное: французскій художникъ, который воспламенился мыслью написать битву Куликовскую, пріѣхалъ въ Россію, ѣдетъ въ Москву — вглядѣться въ Святую Русь, и хочетъ посѣтить поле Куликовское! Не откажите ему совѣтомъ и руководствомъ, тѣмъ болѣе, что найдете въ немъ любезнаго, образованнаго художника. Вы теперь у источника драгоцѣнностей, которыя И....у надобно изучить; вы при томъ поэтъ, и моя просьба можетъ быть что-нибудь значить въ глазахъ вашихъ, а я, право, не измѣняюсь въ моихъ чувствахъ, люблю васъ, какъ человѣка и поэта. Увы! Моя проза еще жива; но безпрестанно хворастъ, и только чухонское лѣто поставило меня на ноги. На долго ли, не знаю, но во всякомъ случаѣ знаю за достовѣрное, что живой и мертвый я не перестану любить и уважать васъ, и въ Элизіи буду вашъ преданный Н. Полевой.

---

[1]) А. Н. Голицынъ (1773—1844), бывшій министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія,—лицо, пользовавшееся расположеніемъ императора Николая Павловича и сочувствовавшее Полевому.

[2]) Румянцевскій музей.

IV.

Къ біографіи Н. А. Полевого.

Обширная переписка Николая Алексѣевича Полевого съ его братомъ Ксенофонтомъ, помѣщенная въ «Запискахъ» послѣдняго, автобіографія, напечатанная въ «Очеркахъ русской литературы», и отрывочныя воспоминанія, разсѣянныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, вмѣстѣ съ немногими сохранившимися письмами къ Полевому литераторовъ первой половины истекшаго столѣтія, составляютъ тотъ матеріалъ, который находится въ распоряженіи біографа Н. А. Полевого. Къ числу документовъ, освѣщающихъ послѣдніе годы жизни Полевого и его личность, относятся печатающіяся ниже воспоминанія неизвѣстнаго, лично знавшаго Николая Алексѣевича. Они, очевидно, предназначались для печати, написаны писарскимъ почеркомъ довольно безграмотно, съ авторскими поправками. До 1836 года, когда авторъ познакомился съ Полевымъ, воспоминанія излагаютъ событія, уже извѣстныя изъ автобіографіи, приложенной къ «Очеркамъ русской литературы»; начиная съ 1836 г., идетъ оживленный и, на нашъ взглядъ, не лишенный интереса разсказъ лица, бывшаго свидѣтелемъ тяжкихъ моментовъ въ жизни Полевого и его не менѣе тяжкой кончины. По нѣкоторымъ соображеніямъ, можно думать, что неизвѣстный авторъ воспоминаній — морякъ, жившій въ Кронштадтѣ и находившійся въ лучшихъ отношеніяхъ съ издателемъ *Московскаго Телеграфа*. Воспоминанія эти, въ числѣ разныхъ рукописныхъ матеріаловъ, были переданы въ наше распоряженіе покойнымъ Петромъ Николаевичемъ Полевымъ.

Воспоминанія неизвѣстнаго.

Въ 1836 году посѣтивъ Москву, я познакомился съ Полевымъ; любя роскошь, даже привыкши къ ней, онъ, по стѣсненнымъ

обстоятельствамъ, долженъ былъ отказывать себѣ во всемъ [1]). Н. А. былъ всегда привѣтливъ, но когда разговоръ принималъ серьезный оборотъ, лицо его вдругъ измѣнялось; принимаясь разсуждать, онъ обыкновенно проводилъ рукою по нижней части лица. Сужденія его были смѣлы, разговоры вдохновенны; касаясь до предметовъ, гдѣ воображеніе должно было помогать слушателю, онъ обыкновенно выражался отрывисто, сопровождая свои выраженія движеніемъ всего тѣла. Посреди своего многочисленнаго семейства Н. А. являлся всегда гордымъ, непреклоннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжнымъ и чувствительнымъ родителемъ. Онъ умѣлъ наэлектризовать всѣхъ его окружающихъ благородствомъ, руководившимъ всѣ его мысли и чувства. Кромѣ жены [2]), раздѣлявшей всѣ душевныя скорби мужа и его ужасное стѣсненное положеніе, почитавшей за счастіе поддерживать и успокоивать человѣка, на котораго она смотрѣла, какъ на необыкновенное высшее существо, въ его семействѣ находилась молодая дѣвушка, его свояченица; все, что природа вмѣстѣ съ воспитаніемъ могла изобрѣсти прекраснаго, заключалось въ ней [3]). Н. А. любилъ ее, какъ свое созданіе, какъ друга; она отвѣчала ему самымъ нѣжнымъ участіемъ; и точно было что-то поразительное и трогательное въ сношеніяхъ человѣка, убитаго горемъ, обстоятельствами, и молодой красавицы, которая старалась своею улыбкою, своимъ нѣжнымъ вниманіемъ облегчать страданія. Невинность имѣетъ сильное и великое участіе въ нашихъ испытаніяхъ,

---

[1]) Послѣ запрещенія издавать *Московскій Телеграфъ* Н. А. Полевой находился въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, занималъ деньги у московскихъ ростовщиковъ и при отъѣздѣ въ Петербургъ (1837 г.) оставилъ своему брату Ксенофонту „нѣсколько скучныхъ дѣлъ и заботъ“, состоящихъ въ „платежѣ долговъ по срочнымъ векселямъ, которыхъ скопилось въ это время довольно много“ („Записки“ Кс. Ал. Полевого. Спб. 1888, стр. 372, 378 и др.).

[2]) Наталья Францовна Терренбергъ (о женитьбѣ на ней Полевого см. „Записки“ Кс. Полевого, стр. 80; письма къ ней помѣщены въ *Русской Старинѣ*, 1870, т. I, стр. 572—574). Ея положеніе бывало очень тягостное: она не разъ и впослѣдствіи закладывала въ ломбардѣ разныя вещи, чтобы облегчить всю тяжесть постигшей Николая Алексѣевича нужды (см. *Историческій Вѣстникъ*, 1888, №№ 3, 4, дневникъ Н. А. за 2-е декабря 1838 г. и др.).

[3]) Это была младшая сестра жены Николая Алексѣевича; миловидная, бѣлокурая, довольно мечтательная, она получила отъ зятя характерное прозвище „нѣмочки“.

и когда земля со своими ковами, нуждами преслѣдуетъ насъ, она говоритъ намъ о небѣ, о чемъ-то высшемъ, заставляетъ забывать всѣ переходныя сіраданія. Н. А. вполнѣ цѣнилъ это участіе своей свояченицы, и когда нужно было представлять что-нибудь вдохновенное, то она являлась моделью его воображенію; такимъ образомъ, въ счастливые годы изданія *Телеграфа*, въ «Эммѣ»[1]) или «Блаженствѣ безумія», онъ изобразилъ ея портретъ.

Въ 1837 году Полевой переселился въ Петербургъ. Разъ утромъ, посѣтивъ его, я нашелъ на столѣ лежащею свояченицу. Ужасно было видѣть положеніе бѣднаго Н. А. Ко всѣмъ прискорбіямъ присоединилась потеря существа, которое любило его, какъ мы можемъ любить въ нашемъ воображеніи. Какъ мертвецъ, сидѣлъ Полевой; его лицо было изрыто морщинами, онъ былъ страшенъ, но по обыкновенію спокоенъ и привѣтливъ.

Въ сильномъ волненіи, но твердымъ голосомъ разсказывалъ онъ о послѣднихъ минутахъ покойницы, о ея благодарности за всѣ попеченія о ней, сиротѣ [2]). «Не на долго мы разстаемся»,— говорилъ Н. А.: «много что лѣтъ на 8». Тогда былъ 36-ой годъ [3]), и сбылись его пророчества...

Но Полевой не могъ даже страдать, какъ страдаютъ всѣ, въ тишинѣ, отстраняясь отъ ежедневныхъ занятій, спокойно предаваясь печали; въ то время, какъ покойница лежала въ сосѣдней комнатѣ, онъ долженъ былъ заниматься срочными изданіями, держать корректуры, изготовлять статьи для выходящихъ журна-

---

[1]) Въ упомянутой повѣсти, помѣщенной въ №№ 1—4 *Московскаго Телеграфа*, за 1834 г., излагается печальная судьба одной самоотверженной нѣмки Эммы, которая жертвовала собой для исцѣленія одного помѣшаннаго князя. Князь выздоровѣлъ благодаря ея уходу, но, по непостоянству и легкомыслію, слишкомъ холодно отвѣтилъ на чувство любви къ нему Эммы: послѣдняя не выдержала нравственныхъ потрясеній и умерла.

Полевой не разъ включалъ автобіографическія черты въ свои беллетристическія произведенія; такъ своего отца онъ изобразилъ въ послѣдней главѣ романа „Аббадона" (см. *Ив. Крыловъ*. Очеркъ жизни и литературныхъ трудовъ Н. А. Полевого. М. 1849, стр. 15).

[2]) „За три дня она знала уже свою участь", пишетъ Николай Алексѣевичъ брату Ксенофонту: „и въ перемежки страданій призывала насъ къ себѣ, говорила съ нами о жизни за гробомъ, какъ о веселомъ гуляньи, говорила, что прежде ей хотѣлось жить; она любила меня, обожала, умерла почти на рукахъ моихъ, разговаривала еще минуты за двѣ до кончины, когда уже только въ груди ея оставалась жизнь, а все остальное принадлежало могилѣ" („Записки" Кс. Полевого, стр. 388).

[3]) Описка: годъ былъ 1837-й.

ловъ, отъ которыхъ требуютъ читатели развлеченія. Но когда эти занятія кончились, и Н. А., наконецъ, могъ предаться или отдохновенію или употреблять свое время по своему произволу, онъ долго прислушивался къ надгробному чтенію въ сосѣдней комнатѣ, взглянулъ на покойницу и написалъ романсъ Вероники изъ «Уголино».

О милый, изъ-за могилы
Прими мой голосъ, мой привѣтъ.
Есть жизнь за гробомъ, другъ мой милый,
И для сердецъ разлуки нѣтъ [1]).

Вероника было имя, выбранное покойницею для драмы «Уголино», начатой при ея жизни и которую писалъ Н. А. въ то время, когда убитый горемъ отъ предстоящей потери, удерживая себя отъ жалобъ и отъ рыданій, онъ этимъ моральнымъ средствомъ поддерживалъ свой упадающій духъ и въ «Уголино» выразилъ свои страданія [2]).

Да! «Уголино» служило ему моральнымъ средствомъ облегченія. Литературные труды, несмотря (на то), что составляли единственное средство къ поддержкѣ огромнаго семейства, увлекали Н. А. со всею страстію; онъ, такъ сказать, зарабатывался. По необходимости принимая на себя форменныя и срочныя занятія, онъ урывалъ для своего развлеченія время, чтобы писать драмы. Обыкновенно начиная заниматься съ 4 часовъ утра, онъ сидѣлъ до 3 час., потомъ обѣдалъ, отдыхалъ и снова садился въ 9 и оканчивалъ иногда за полночь. Но всѣ эти труды не могли нисколько обезпечить его положенія; три года, которые онъ долженъ былъ жить въ долгъ и платить огромные проценты, совершенно его разстроили [3]). Но, несмотря на все это, находясь въ столь

---

[1]) Пѣснь Вероники, которая летитъ воздушной тѣнью и манитъ Нино (Ср. „Уголино“, драм. пред. Спб. 1838, стр. 185). Въ цитованный отрывокъ закрались двѣ неточности: въ первомъ стихѣ пропущено слово „другъ“ послѣ „милый“; во второмъ—вмѣсто „прими“ надо читать „узнай“.

[2]) Въ „Уголино“ „отзовется немножко моя душа“,—говорилъ Полевой („Записки“ Кс. Полевого, стр. 391), заранѣе предугадывавшій кончину своячениицы (тамъ же, стр. 387).

[3]) Одно изъ писемъ Н. А. отъ 5-го ноября 1837 г. наполнено жалобами на ростовщиковъ, которыхъ онъ называлъ „стариками“: „Боже мой! на какую каторгу не согласился бы я, если бы только избавиться отъ этихъ мелкихъ змѣй, заботъ о хлѣбѣ и старикахъ, что́ столько лѣтъ отравляетъ жизнь, да и когда не отравляло“ („Записки“ Кс. Полевого, стр. 393).

стѣсненномъ положеніи, Н. А. получаетъ вексель изъ Сибири, данный его покойнымъ отцомъ за 25 лѣтъ и лишившійся права на всякую уплату, вексель, о которомъ онъ даже и не зналъ. «Да, это подпись отца», сказалъ покойникъ: «я узнаю ее. Долгъ отца—священный для меня долгъ». И онъ не только далъ обязательство уплатить, но въ то же время перевелъ этотъ вексель на свое имя, съ причетомъ огромной суммы. Но несмотря, что (sic) онъ доходилъ часто до ужасной крайности, никто изъ посѣщавшихъ его никогда не встрѣчалъ его унылымъ; онъ только скорбѣлъ, когда видѣлъ, что люди дѣлаютъ явныя подлости. Наконецъ, годъ тому назадъ Полевому объявили, что государь императоръ, цѣня его литературныя заслуги и уважая ходатайство покойнаго Александра Николаевича Голицына, назначаетъ ему ежегодный пенсіонъ 1000 р. серебр. [1]).

Эта милость монарха оживила упадающія силы Полевого; нужно было видѣть его радость, и въ первый разъ блеснула ему мысль: возможность покоя на старости лѣтъ. Онъ имѣлъ въ виду проработать еще три года, работать неутомимо, издавать журналъ, которому онъ даже хотѣлъ дать новый форматъ, и явиться снова на литературномъ поприщѣ тѣмъ же безпристрастнымъ судьей и потомъ, выплативъ долги, окончить изданіе «Русской исторіи», остановившейся точно также, по независящимъ отъ покойника обстоятельствамъ; окончить изданіе «Русской исторіи» онъ всегда почиталъ священнымъ долгомъ [2]). Первый день, въ который получилъ Полевой увѣдомленіе о пенсіонѣ, былъ точно свѣтлымъ днемъ посреди его мрачной жизни; и что́ же, вы думаете, онъ дѣлалъ? Полный высокихъ чувствъ—онъ собралъ всѣ письма, въ которыхъ люди, часто ему обязанные, выражали себя съ черной стороны—велѣлъ затопить печку и бросилъ всѣ эти письма въ огонь, чтобы уничтожить и память о всѣхъ непріятностяхъ. Полевой былъ въ продолженіе всей жизни энтузіастъ до всего, что́ выходило изъ рамокъ вседневной жизни; любя страстно искус-

---

[1]) Объ исходатайствованіи Полевому пенсіи при посредствѣ князя А. Н. Голицына см. *Русскую Старину*, 1897, № 7, стр. 103—107. Здѣсь между прочимъ говорится отъ лица неизвѣстнаго, сообщившаго Полевому о монаршей милости: „Полевой долго не вѣрилъ моимъ словамъ, побѣжалъ въ комнату къ женѣ и вышелъ съ нею, съ заплаканными глазами“. См. „Записки“ Кс. Полевого, стр. 576.

[2]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ „Исторіи русскаго народа“. См. „Записки“ Кс. Полевого, стр. 439, 561.

ство, музыку, онъ любилъ природу и вполнѣ увлекался красотами міра; нужно было видѣть, съ какимъ восторгомъ онъ посѣщалъ нашу эскадру, приглашаемый въ Кронштадтъ [1]). Катанье на шлюпкѣ приводило его въ радость, какъ ребенка; дѣйствіе артиллеріи—дѣлало его серьезнымъ—важнымъ; а когда люди бѣжали по мачтамъ, разсыпались по реямъ и отдавали паруса, извлекали крики неподдѣльнаго восторга,—«Да!»—говорилъ онъ: «я вполнѣ теперь понимаю слова Великаго Петра, который, смотря на маневры англійской эскадры, говорилъ, что если бы онъ не былъ русскій императоръ, то желалъ бы быть англійскимъ адмираломъ».

Пріѣзжая на нѣсколько часовъ на эскадру, онъ обыкновенно оставался ночевать на корабляхъ и, просидѣвъ въ кругу моряковъ до поздней ночи, онъ почти съ восхожденіемъ солнца являлся уже на палубѣ и бродилъ на ней нѣсколько часовъ сряду.

Теперь приступаю къ концу его жизни. За нѣсколько недѣль до своей кончины, онъ почти былъ здоровъ, только жаловался на ужасную боль въ правой рукѣ, боль, еще сильнѣйшую тѣмъ, что онъ долженъ былъ заниматься, писать... Въ предпослѣднемъ номерѣ его журнала [2]), прочитавъ окончаніе жизни Вальтера Скотта, когда онъ умеръ отъ истощенія, всѣ удивились, какимъ образомъ Англія могла допустить своего знаменитаго романиста до такой крайности, когда ея лорды истрачивали огромныя суммы на собакъ и на лошадей; когда часть этихъ денегъ могла бы обезпечить и продлить жизнь знаменитаго человѣка, для славы его родины. Эти слова глубоко запали мнѣ въ душу; въ тотъ вечеръ я отправился къ Н. А. По обыкновенію его семейство сидѣло, собравшись около чайнаго стола, на концѣ котораго возсѣдалъ онъ—глава, обложенный вышедшими въ тотъ день газетами. Его не было... онъ не привѣтствовалъ своими радостными криками, не протягивалъ на встрѣчу рукъ, не отпускалъ нѣсколько частыхъ и низкихъ поклоновъ, не придвигалъ стула, не начиналъ, по обыкновенію понюхавъ табаку—свой дружескій разговоръ.

Мнѣ сказали, что онъ около недѣли лежитъ... Черезъ нѣ-

---

[1]) Мѣсто, подающее поводъ къ заключенію, что авторъ записокъ—морской офицеръ, жившій въ Кронштадтѣ. См. „Записки“ Кс. Полевого, стр. 439—440.

[2]) Въ *Литературной Газетѣ* 1846 г. были напечатаны „Записки В. Скотта“ (№№ 2—5).

сколько времени я былъ введенъ въ кабинетъ его почтенною супругою. Грустно было видѣть его, изнеможеннаго, съ желтымъ, опавшимъ лицомъ, съ тяжелымъ дыханіемъ. Н. А. собралъ силы, началъ было говорить: «одинъ человѣкъ, который»... и не могъ договорить; прошептавъ что-то, онъ застоналъ. Нѣсколько дней еще думали, что послѣдуетъ кризисъ, даже выступалъ потъ на его лбу; но природа, изнеможенная страданіями, убитая горемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ тяжкихъ испытаній, противилась всѣмъ искусствамъ знаменитаго доктора Франка [1]), спасавшаго его жизнь нѣсколько разъ. Въ пятницу, 21-го февраля [2]), привѣтливо свѣтило солнце въ окна его квартиры, весенняя природа пробудилась отъ зимняго усыпленія; но въ то время, какъ въ природѣ все оживало, смерть уже стояла надъ изголовьемъ Н. А. Семейство молилось, просило облегченія страдальцу, но уже приговоръ смерти былъ рѣшенъ; въ послѣднія минуты страдалецъ тихо стоналъ и охалъ, прислушиваясь съ погасающимъ вниманіемъ къ псалму Давида. Его послѣднее слово къ старшему сыну было: «возьми, вонъ тамъ, 150 руб.; это проценты по векселю; извини меня, что по болѣзни не уплатилъ, и попроси отсрочки». Потомъ, обратясь къ женѣ, взялъ ее за руку, крѣпко пожалъ и сказалъ: «Наташа, ты меня понимаешь».

Въ одиннадцать часовъ онъ скончался; было тихо въ комнатѣ, но никто не замѣтилъ его предсмертнаго вздоха [3]).

По завѣщанію, его положили въ гробъ въ халатѣ [4]); семейство не одѣвалось въ трауръ, слѣдуя словамъ отца, говорившаго, что трауръ не облегчаетъ и не выражаетъ душевной потери, и что онъ самъ послѣ смерти своего отца, хотя и скорбѣлъ душою, но, за неимѣніемъ денегъ, не могъ себѣ сшить траурнаго платья.

Въ заключеніе Н. А. завѣщалъ положить его въ простой некрашеный гробъ, на дроги, безъ украшеній и запряженныя парою лошадей, не нанимать факельщиковъ, не сыпать можже

---

[1]) О Франкѣ см. „Записки“ Кс. Полевого, стр. 578.

[2]) 22-го февраля.

[3]) О послѣднихъ дняхъ жизни Н. А. Полевого см. *Иллюстрацію*, 1846, т. II, № 8, стр. 121, и *Репертуаръ и Пантеонъ*, 1846, т. 13, № 3, стр 690.

[4]) Князь П. А. Вяземскій пишетъ: „Я не подходилъ ко гробу: но мнѣ сказывали, что онъ лежалъ въ халатѣ и съ небритой бородою. Такова была его послѣдняя воля“. (Полн. собр. соч., т. IX, стр. 210—211).

вельниковъ по дорогѣ [1]). Любя простоту, онъ хотѣлъ, чтобы со всею простотою похоронили. Стараніемъ его высокопревосходительства адмирала Рикорда [2]), позволено было тѣло покойника отпѣть въ Никольскомъ соборѣ; вся церковь была полна народомъ, нѣсколько сотъ тѣснились въ оградѣ и на площади [3]). Въ то время, какъ нужно было закрывать гробъ, болѣе четверти часа толпился народъ, чтобы проститься или взглянуть на покойника. Когда вынесли гробъ изъ ограды, столько явилось желающихъ нести его, что общій голосъ рѣшилъ нести его до самой могилы [4]). Дорога по разнымъ улицамъ, на протяженіи четырехъ верстъ до Волкова кладбища, была почти непроходима; день былъ самый ненастный, но, несмотря на всѣ эти неудобства, гробъ несли люди всѣхъ званій и всѣхъ сословій; многіе приставали со стороны и, какъ бы отдавъ долгъ покойнику, возвращались къ своимъ занятіямъ; въ это время кругомъ громко, подлѣ самаго гроба, разсуждали о его заслугахъ, приводили лучшія мѣста его сочиненій.

Невольно приходили на память похороны дѣдушки Крылова. Идя за богатою катафалкою, Н. А., любившій и всегда уважавшій Крылова, говорилъ: «какъ не позавидовать покойнику! Онъ всегда пользовался славою, богатствомъ, умеръ—и тысячи людей идутъ за его гробомъ». Тогда уже Полевой часто поговаривалъ о своей смерти и, можетъ быть, боялся, что умретъ тѣмъ же неоцѣненнымъ, какимъ жилъ въ послѣдніе годы своей жизни [5]).

---

[1]) Очевидецъ такъ описываетъ похороны: „Гробъ покоился на печальныхъ безъ верха дрогахъ, запряженныхъ парою исхудалыхъ одровъ, ребра которыхъ проглядывали сквозь дырявыя покрывала. Мальчикъ-возница въ шляпѣ съ громаднѣйшими полями поминутно ихъ подстегивалъ". (*Русская Старина*, 1895, № 8).

[2]) Лицо, очень сочувствовавшее Полевому и высоко цѣнившее его литературныя заслуги. (Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. IX, стр. 213).

[3]) „Когда гробъ внесли въ церковь, то даже ограда ея переполнилась" (*Русская Старина*, 1895, № 8).

[4]) „Народъ не далъ поставить гробъ на дроги и несъ на рукахъ до Волкова кладбища". Тамъ же.

[5]) Кончина Полевого вызвала различныя чувства среди лицъ, знавшихъ его: литературныхъ друзей и противниковъ. Князь Вяземскій, Погодинъ и Плетневъ—враги Н. А. за послѣднее время, не могли отнестись къ его смерти вполнѣ сочувственно, хотя и они на время сдержали свои враждебные порывы. „Полевой заслуживаетъ участія и уваженія", пишетъ первый: „жаль все-таки", лаконично отмѣчаетъ въ дневникѣ второй: искреннее чувство недовольства собою за враждебное отношеніе къ по-

Но къ чести нашего времени, о похоронахъ Н. А. всегда съ уваженіемъ вспомнитъ будущее поколѣніе. Эти похороны были народныя нашему знаменитому литератору, который издалъ до 40 томовъ *Телеграфа*, 4 части повѣстей, 6 романовъ, до 16 разныхъ комедій, большею частію въ дѣйствіи, написанныхъ безъ всякаго возмездія, по просьбѣ нашихъ актеровъ, 8 частей «Русской исторіи», «Исторію Суворова», 3 части неоконченной «Исторіи Наполеона», отличающейся особеннымъ взглядомъ, взглядомъ русскаго человѣка, «Столѣтіе Россіи», два года издавалъ *Сѣверную Пчелу* и *Сынъ Отечества*, нѣсколько лѣтъ сотрудничалъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* и разныхъ повременныхъ изданіяхъ, въ которыхъ принималъ болѣе или менѣе живое участіе [1]).

койнику видно въ письмѣ третьяго къ Я. К. Гроту отъ 27-го февраля 1846 г. (см. „Переписку", т. II, стр. 687). Иного характера извѣстная статья Бѣлинскаго, безпристрастно оцѣнившаго заслуги Полевого и оставившаго въ сторонѣ личныя чувства и литературныя распри.

[1]) Перечень изданій и сочиненій Полевого не отличается точностью; напр., извѣстно, что одного *Телеграфа* онъ выпустилъ не до 40, а болѣе 50 томовъ.

V.

Библіографическій указатель произведеній Н. А. Полевого и литературы о немъ

(1817—1903).

Матеріалъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ. Заглавія произведеній, принадлежащихъ перу Н. А. Полевого, отмѣчены курсивомъ, причемъ изъ статей «Московскаго Телеграфа» перечислены лишь тѣ, которыя подписаны полной фамиліей автора или инициалами «Н. П.» Если настоящій указатель не безусловно полонъ, то, по крайней мѣрѣ, въ немъ приведено все наиболѣе существенное.

1817. *Воспоминанія о трехъ достопамятныхъ годахъ, по случаю торжества сего 1817 г. о взятіи Парижа* (стихотвореніе изъ Курска).—«Русскій Вѣстникъ», 1817, №№ 7, 8, стр. 113—119.

Чувства курскихъ жителей по случаю прибытія въ Курскъ графа Барклая де-Толли.—1817, въ іюнѣ.—«Русскій Вѣстникъ», 1817, №№ 15, 16, стр. 91.

Хоръ во славу Императора Александра. Переводъ съ французскаго.—«Русскій Вѣстникъ», 1817, №№ 15, 16.

Отрывки изъ писемъ къ другу изъ Курска.—«Русскій Вѣстникъ», 1817, №№ 19, 20.

1819. *Замѣчанія на статью: Нѣчто о Велесѣ.*—«Вѣстникъ Европы», 1819, № 21, стр. 38—48.

1820. Стихотвореніе: *Вдохновеніе поэта.*—«Труды общества любителей россійской словесности», 1820, ч. 18, стр. 76 и слѣд.

Анаграммы (стих.).—«Вѣстникъ Европы», 1820, № 5, стр. 70.

Шарады.—«Вѣстникъ Европы», 1820, № 6, стр. 141—142; № 7, стр. 230—231.

Стихотворенія: *Умирающій воинъ; Три слова.*—«Вѣстникъ Европы», 1820, № 9, стр. 35—36.

Урокъ любви, изъ новыхъ повѣстей г-жи Монтолье (съ французскаго).—«Вѣстникъ Европы», 1820, №№ 9, 10, 11.

Мысли изъ Шатобріана (съ французскаго).—«Вѣстникъ Европы», 1820, № 11.

Вильгельмъ Пеннъ. Повѣсть, соч. г-жи Монтолье (съ французскаго).—«Вѣстникъ Европы», 1820, №№ 15, 16.

Шарады.—«Вѣстникъ Европы», 1820, № 17, стр. 69.

Въ альбомъ Софіи (стих.).—«Вѣстникъ Европы», 1820, ч. 114, № 23, стр. 167.

1821. *Чудный мальчикъ-живописецъ*. — «Отечественныя Записки», 1821, ч. 8, стр. 42.

1822. *Воспоминанія о происшествіяхъ, бывшихъ въ Курскѣ въ 1812 году*.—«Отечественныя Записки», 1822, ч. 9, № 23, стр. 396.

Анекдоты сибирской храбрости.—«Отечественныя Записки». 1822, ч. 9, № 22, стр. 282.

Память доброму другу (курскому поэту А. Ѳ. Раевскому).—«Отечественныя Записки», 1822, ч. 10, № 24.

1823. *Рецензія на Краткое всеобщее землеописаніе, по новому раздѣленію изданное Т. Каменецкимъ*.—«Отечественныя Записки», 1823, ч. 15, стр. 81, 275.

Курганы (стих.).—«Новости литературы», изд. А. Воейковымъ и В. Козловымъ. Книжка III, 1823, стр. 109.

«Извѣстія Россійской Академіи», 1823, кн. 11-ая, стр. 7.

«Отечественныя Записки», 1823, ч. 13, стр. 156—157.

1824. *О древнемъ языкѣ словенскомъ*.—«Труды общества любителей россійской словесности». М. 1824, ч. 4, стр. 24—43.

Письмо къ П. П. Свиньину отъ 27 декабря.—«Отечественныя Записки», 1824, ч. 17, стр. 296—297.

Письмо къ издателю «Сына Отечества».—«Сынъ Отечества», 1824, № 25, стр. 215.

Письмо къ издателю.—«Сынъ Отечества», 1824, № 44, стр. 169; № 45, стр. 213.

Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку мниха Лаврентія.—«Сѣверный Архивъ», 1824, №№ 13, 14, стр. 65.

Эпиграмма: «Дамонъ стихи въ печать отдалъ» и т. д.—«Мнемозина», 1824, ч. II, стр. 44.

Объявленіе о «Московскомъ Телеграфѣ».—«Сѣверный Архивъ», 1824, № 20, стр. 103.

Объявленіе о «Московскомъ Телеграфѣ».—«Сынъ Отечества», 1824, № 45, стр. 237.

Извѣщеніе объ изданіи «Московскаго Телеграфа».—«Благонамѣренный», 1824, т. 28, стр. 64.

«Мнемозина», 1824, ч. III, стр. 185.

«Дамскій Журналъ», 1824, № 24, стр. 223—226.

1825. *Спутники жизни.*—«Мнемозина», 1825, ч. 4, стр. 56—62.

Элегія (стихи). — «Невскій Альманахъ на 1825 г.», стр. 105.

Письмо издателя къ NN.—«Московскій Телеграфъ», 1825, № 1.

Отрывокъ изъ писемъ о Финляндіи.—Тамъ же, 1825, № 8.

Особенное прибавленіе къ «Московскому Телеграфу».—Тамъ же, 1825, №№ 13, 15, 16, 17.

Объявленіе.—Тамъ же, 1825, № 22.

«Полярная Звѣзда на 1825 г.», стр. 22.

«Сынъ Отечества», 1825, ч. 100, №№ 6, 8; ч. 101, № 10, стр. 202; ч. 102, № 14, стр. 190; ч. 103, № 17, стр. 84; ч. 104, № 22, стр. 186 и Прибавленія къ 101, 103—104 чч.

«Сѣверная Пчела», 1825, № 132.

1826. *Опытъ науки изящнаго А. Галича.*—«Московскій Телеграфъ», 1826, №№ 2, 7, 8, 10.

Интегральное исчисленіе, соч. Франкера; Изслѣдованіе Густава Эверса; Басни Крылова; Антителеграфъ, А. И. Писарева.—Тамъ же, 1826, № 6.

Прибавленіе къ систематической росписи россійскимъ книгамъ.—Тамъ же, 1826, № 9.

Новая теорія баланса торговли. Сочиненіе Н. Демидова. Тамъ же, 1826, № 14.

Критика (о Погодинѣ).—Тамъ же, 1826, № 16.

Гоа-Тзіанъ, китайская поэма.—Тамъ же, 1826, № 18.

Библіографія.—Тамъ же, 1826, № 18.

Святочные разсказы.—Тамъ же, 1826, №№ 23, 24.

А. И. Писаревъ. Анти-телеграфъ, или отраженіе несправедливыхъ нападеній г-на Полевого. Москва. 1826.

«Сынъ Отечества», 1826, чч. 105, 106, стр. 63, 161, 272, 351; ч. 110, стр. 343.

1827. *Сущность политической экономіи.*—«Московскій Телеграфъ», 1827, №№ 1, 2.

Записки о поѣздкѣ Н. Тярина.—Тамъ же, 1827, № 4.

Завоеваніе Азова въ 1637 г.—Тамъ же, 1827, №№ 4, 5.

Замѣчанія на статью Coup d'oeil sur l'histoire de la langue slave etc.—Тамъ же, 1827, №№ 17, 18.

О Revue encyclopédique.—Тамъ же, 1827, № 19.

Хозяйственная статистика Россіи. В. Андросова.—Тамъ же, 1827, № 20

Дивъ и Пери. А. Подолинскаго.—Тамъ же, 1827, № 21.

Избранныя сочиненія изъ польскаго театра.—Тамъ же, 1827, № 22, стр. 118—139.

Грамматика Н. Греча.—Тамъ же, 1827, № 22.

Пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ.—Тамъ же, 1827, № 23.

Отъ издателя «Телеграфа».—Тамъ же, 1827, № 24.

«Дамскій Журналъ», 1827, ч. 17, № 3, стр. 127; № 4, стр. 189; № 6, стр. 319; ч. 18, № 7, стр. 32—39; 54; № 8, стр. 109; № 9, стр. 171—178; № 10, стр. 211; № 11, стр. 253—261; № 12, стр. 318—323; ч. 19, № 13, стр. 29; ч. 20, № 19, стр. 38.

1828. *Симеонъ Кирдяпа.* Русская быль XIV в.—«Московскій Телеграфъ», 1828, №№ 1, 2, 3.

Баронъ Мейербергъ.—Тамъ же, 1828, № 3.

Грамматика славянская.—Тамъ же, 1828, № 4.

Княгиня Наталья Долгорукая, Ив. Козлова.—Тамъ же, 1828, № 4.

Списокъ печатнымъ книгамъ и т. д.—Тамъ же, 1828, № 6.

Досуги сельскаго жителя.—Тамъ же, 1828, № 7.

Историческія таблицы.—Тамъ же, 1828, № 8.

Русская библіографія (о Н. И. Гречѣ).—Тамъ же, 1828, № 12.

Литературныя опасенія кое за что.—Тамъ же, 1828, № 23; ср. № 20.

Рѣчь о невещественномъ капиталѣ и т. д. М. 1828.

«Дамскій Журналъ», 1828, № 5, стр. 262; № 8, стр. 67; № 9; № 11, стр. 204; № 13, стр. 29, 40; № 17, стр. 192.

«Атеней», 1828, ч. IV, стр. 206.

«Славянинъ», 1828, т. 6, стр. 72—78; т. 7, стр. 68—72.

«Московскій Вѣстникъ», 1828, ч. 2, № 5.

1829. *Д. В. Веневитиновъ и др. книги.*—«Московскій Телеграфъ», 1829, № 2.

Антикритика противъ «Галатеи».—Тамъ же, 1829, № 2.

Supplément ou catalogue du cabinet littéraire de feu J. Bauvet.—Тамъ же, 1829, № 4.

Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана.—Тамъ же, 1829, № 4.

Мѣшокъ съ золотомъ. Повѣсть.—Тамъ же, 1829, №№ 10, 11.

Исторія государства россійскаго. Соч. Н. М. Карамзина.— Тамъ же, 1829, № 12.

Новый живописецъ общества и литературы. — Тамъ же, 1829, № 13.

Сокращенный памятникъ Россійскаго Законодательства.— Тамъ же, 1829, № 15.

Древніе и нынѣшніе болгаре. Соч. Юрія Венелина.—Тамъ же, 1829, № 16.

Введеніе во всеобщую исторію для дѣтей. Соч. А. Л. Шлецера, Геттингенскаго профессора (пер. съ нѣмецкаго).—Тамъ же, 1829, № 18.

Предположеніе о заведеніи коммерческаго пансіона и т. д.— Тамъ же, 1829, №№ 18, 19.

М. П. Погодину.—Тамъ же, 1829, № 19.

Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ. Соч. барона Розенкампфа.—Тамъ же, 1829, № 21.

Начертаніе Исторіи государства россійскаго. Ив. Кайданова.—Тамъ же, 1829, № 22.

Отзывъ издателя «Телеграфа».—Тамъ же, 1829, № 23.

Мои мысли о критикѣ сочинителя Исторіи русскаго народа на Исторію государства россійскаго. Тамъ же, 1829, № 24.

Исторія русскаго народа.—Тамъ же, 1829, № 24.

Юрій Милославскій. М. Н. Загоскина. — Тамъ же, 1829, № 24.

Повѣсти и литературные отрывки, 6 частей. М. 1829—1830.

Исторія русскаго народа, 6 т. М. 1829—1833.

«Дамскій Журналъ», 1829, т. I, ч. 25, № 2, стр. 27, 30; т. I, ч. 25, № 12, стр. 186; т. II, ч. 26, № 15, стр. 25; т. II, ч. 26, № 19, стр. 86; т. II, ч. 27, № 27, стр. 5; т. III, ч. 27, № 28, стр. 23.

«Сынъ Отечества», 1829, ч. 123, стр. 402.

«Сѣверная Пчела», 1829, №№ 129—130.

«Славянинъ», 1829, ч. 10, стр. 388—404; 436—445; ч. II, стр. 53—64.

«Вѣстникъ Европы», 1829, чч. 164, 165, № 7, стр. 250—251.

1830. *Nouveau dictionnaire de poche français-russe.*—«Московскій Телеграфъ», 1830, № 3.

Литературныя извѣстія.—Тамъ же, 1830, № 9.

О диссертаціи Надеждина: «De origine, natura et fatis poeseos».—Тамъ же, 1830, № 10.

*

Исторія государства польскаго. С. Бандтке; *Исторія Малой Россіи.* Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. Тамъ же, 1830, №№ 12, 17, 18.

Сочиненія Д. И. Фонъ-Визина.—Тамъ же, 1830, № 13.

Государственная внѣшняя торговля 1828—1829 гг.—Тамъ же, 1830, № 14.

Купеческій сынокъ, сатирическій романъ (рецензія).—Тамъ же, 1830, № 14.

Состояніе Россійской державы и великаго княжества Московскаго.—Тамъ же, 1830, № 18.

Нынѣшняя Италія (переводъ съ французскаго).—Тамъ же, 1830, №№ 18, 19, 20.

Исторія русскаго народа.—Тамъ же, 1830, № 14.

Краковскій замокъ, быль.—«Радуга» альманахъ, на 1830-й годъ, стр. 84.

Сохатый. Сибирское преданіе. — «Денница», альманахъ на 1830-й годъ.

«Вѣстникъ Европы», 1830, № 1, стр. 37—72; №№ 15, 16.

«Сѣверная Пчела», 1830, № 4.

«Славянинъ», 1830, ч. 13, стр. 367, 461; ч. 14, стр. 548; ч. 15, стр. 233—237; ч. 16, стр. 49, 141.

«Московскій Вѣстникъ», 1830, ч. I, стр. 165; ч. II, стр. 265; ч. V, стр. 209—221; ч. VI, стр. 165.

«Литературная Газета», 1830, тт. I и II (passim).

«Галатея», 1830, т. 13, № 15, стр. 175—187; №№ 39, 40.

«Купеческій сынокъ, или слѣдствіе неблагоразумнаго воспитанія» (романъ). М. 1830.

1831. *Постоялый дворъ* (глава изъ романа).—«Денница», альманахъ на 1831-й годъ.

Пѣсни и романсы А. Мерзлякова.—«Московскій Телеграфъ», 1831, № 3.

Стихотворенія Михаила Дмитріева.—Тамъ же, 1831, № 4.

Отчетъ о книгахъ о. Іакинва Бичурина касательно Исторіи монголовъ и т. д. (переводъ съ французскаго). — Тамъ же, 1831, №№ 7, 8.

Исторія русскаго народа, т. III.—Тамъ же, 1831, № 8.

Историческое обозрѣніе пятой части свѣта. Соч. Юлія Блоссевиля (переводъ съ французскаго).—Тамъ же, 1831, №№ 16, 17.

Отъ издателя «Телеграфа».—Тамъ-же, 1831, № 24.

С. Руссовъ. «Замѣчанія на Исторію русскаго народа». 3 части. 1830—1831.

С. Руссовъ. «Замѣчанія на бранчивую статью въ 17 и 18 кн. «Телеграфа» на 1830 г., помѣщенную по случаю изданія г. Бантышъ-Каменскимъ Малороссійской исторіи». С.-Пб. 1831.

«Сынъ Отечества», 1831, № 18, стр. 211—216.

«Телескопъ», 1831, т. 4, № 15, стр. 361.

«Литературная Газета», 1831, ч. III (passim).

1832. *О романѣ Виктора Гюго и вообще о новѣйшихъ романахъ.*—«Московскій Телеграфъ», 1832, №№ 1, 2, 3.

О политикѣ, сношеніяхъ и торговлѣ древнихъ народовъ. Соч. Геерена.—Тамъ же, 1832, №№ 4, 5, 9.

Пѣснь о «Колоколѣ» Шиллера (переводъ А. П. Глинки).—Тамъ же, 1832, № 10.

Путешествіе по святымъ мѣстамъ въ 1830 г.—Тамъ же, 1832, №№ 12, 14.

Андрей Безыменный (рецензія).—Тамъ же, 1832, № 14.

Сочиненія Державина.—Тамъ же, 1832, №№ 15, 16, 18.

Объ умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста. Сочиненіе доктора Ястребцова.—Тамъ же, 1832, № 17.

Разговоръ на святкахъ.—Тамъ же, 1832, №№ 17, 18.

Вадимъ, или пробужденіе двѣнадцати спящихъ дѣвъ, опера.—Тамъ же, 1832, № 18.

Баллады и повѣсти В. А. Жуковскаго.—Тамъ же, 1832, №№ 19, 20.

О духоборцахъ. Сочиненіе студента Ореста Новицкаго.—Тамъ же 1832, № 21.

Древнія русскія сказанія о походѣ Александра Македонскаго въ Индію и на Востокъ.—Тамъ же, 1832, №№ 11, 24.

Опытъ русской исторіи для дѣтей.—Тамъ же, 1832, № 24.

Размышленія объ изученіи языковъ азіатскихъ и т. д. Сочиненіе А. В. Шлегеля.—Тамъ же, 1832, № 24.

Новый живописецъ общества и литературы, 6 ч. М. 1832.

Рѣчь о купеческомъ званіи и особенно въ Россіи. М. 1832.

Клятва при гробѣ Господнемъ, 4 ч. М. 1832.

«Воспоминанія на 1832-й г., издаваемыя С. Руссовымъ». Августъ, книжка VIII, стр. 57.

«Сынъ Отечества», 1832, ч. 148, № 8, стр. 33; № 10, стр. 166; ч. 152, № 39, стр. 342 и др.

«Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1832, № 18, стр. 137; № 31.

Глинка, С. Н. «Два посланія». М. 1832.

«Телескопъ», 1832, ч. 9, стр. 374; ч. 10, отд. 5, стр. 233—246.

1833. *Блаженство безумія*, повѣсть.—«Московскій Телеграфъ», 1833, №№ 1, 2.

Борисъ Годуновъ, А. Пушкина (разборъ).—Тамъ же, 1833, №№ 1, 2.

О трудахъ Устрялова для русской исторіи.—Тамъ же, 1833, № 3, стр. 429—457.

Двумужница, драма. Сочиненіе кн. А. А. Шаховского.—Тамъ же, 1833, № 3.

Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины. Сочиненіе П. Сумарокова.—Тамъ же, 1833, № 7, стр. 378—412.

Пѣснь ополченія Игоря Святославовича, А. Вельтмана.—Тамъ же, 1833, № 7.

Древнѣйшая великокняжеская гробница въ Кремлѣ Московскомъ.—Тамъ же, 1833, № 9.

Письмо Тушинскаго самозванца къ Яну Сапѣгѣ, въ 1609 году.—Тамъ же, 1833, № 9.

Повѣсти и разсказы В. Карлгофа.—Тамъ же, 1833, № 9.

Живописецъ (повѣсть).—Тамъ же, 1833, №№ 9, 10, 11, 12.

Поѣздка къ Ледовитому морю, Фр. Бѣлявскаго. Поѣздка въ Якутскъ.—Тамъ же, 1833, №№ 13, 14.

Объ изданіи собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ Д. Н. Кашинымъ.—Тамъ же, 1833, № 18.

Сонъ въ лѣтнюю ночь. Комедія Шекспира.—Тамъ же, 1833, № 19.

Козьма Миничъ Сухорукой, избранный человѣкъ отъ всея земли Русскія. М. 1833.

Мечты и жизнь (были и повѣсти). 4 ч. М. 1833—1834.

«*Русская Вивліоѳика, или собраніе матеріаловъ для отечественной исторіи, географіи, статистики и древней русской литературы, издаваемое Н. Полевымъ.* Томъ I-й, М. 1833.

«Альціона», 1833, стр. 55.

«Московскій Телеграфъ», 1833, ч. 52, стр. 399—420; 541—555; ч. 53, стр. 85—107; 216—244.

«Сынъ Отечества», 1833, ч. 160, стр. 356 и др.

1834. *Повѣрка замѣчаній о. Іакинѳа на IV т. Исторіи русскаго народа.*—«Московскій Телеграфъ», 1834, №№ 1, 2.

Эмма.—Тамъ же, 1834, №№ 1, 2, 3, 4.

Тарквато Тассо. Драматическая фантазія въ стихахъ Н. Кукольника.—Тамъ же, 1834, №№ 3, 4.

Взглядъ на исторію Россіи отъ кончины Іоанна Калиты до кончины Іоанна III.—«Библіотека для Чтенія», 1834, т. I, стр. 78.

Аббадона. 4 ч. М. 1834.

«Библіотека для Чтенія», 1834, т. 5, отд. 6, стр. 12—14.

«Сѣверная Пчела», 1834, № 281.

1835. *Пиръ Святослава* (отрывокъ).—«Московскій Наблюдатель», 1835, ч. IV, стр. 329.

Исторія Таитскаго архипелага, переводъ изъ Voyage pittoresque Дюмонъ-Дюрвиля.—«Московскій Наблюдатель», 1835, ч. III, стр. 392, 514.

Христофоръ Колумбъ, ч. I. Москва, 1835.

Русская исторія для первоначальнаго чтенія, 4 ч. С.-Пб. 1835—1841.

Памятникъ Петра Великаго. — «Живописное Обозрѣніе», 1835, т. I, стр. 105.

«Молва», 1835, № 11.

«Сѣверная Пчела», 1835, № 8.

«Телескопъ», 1835, т. 25, стр. 290, 443.

«Библіотека для Чтенія», 1835, т. VIII, отд. VI, стр. 6—11; стр. 18.

«Сынъ Отечества», 1835, ч. 169, стр. 488—491.

1836. *Новый годъ въ Москвѣ въ 1636, 1736, 1836 гг.*—«Библіотека для Чтенія», 1836, т. XIV.

Колумбъ въ Испаніи.—Тамъ же, 1836, т. XV.

М. В. Ломоносовъ. Сочиненіе Кс. Полевого.—Тамъ же, 1836, т. XVI.

1837. *Пушкинъ.*—Тамъ же, 1837, т. 21.

Басни Хемницера.—Тамъ же, 1837, т. 24.

Сочиненія князя Антіоха Кантемира.—Тамъ же, 1837, т. 24.

«Библіотека для Чтенія», 1837, т. 20, отд. V, стр. 1—48.

«Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду». 1837, № 44, стр. 433.

1838. *О духовной поэзіи.*—«Библіотека для Чтенія». 1838, т. 26, стр. 93.

Очерки русской литературы за 1837 и 1838 гг.—«Сынъ Отечества», 1838, т. I.

Чтеніе о словесности. Курсъ 1-й и 2-й.—Тамъ же, 1838, т. I.

Матеріалы изъ исторіи Козьмы Минина.—Тамъ же, 1838 т. I.

Очеркъ русской литературы за 1838 г.—Тамъ же, 1838, тт. II, III.

Византійскія легенды (отрывокъ).—Тамъ же, 1838, т. III.

Дѣянія Петра Великаго. Сочиненіе И. Голикова.—Тамъ же, 1838, т. III.

К. Т. Хлѣбниковъ.—Тамъ же, 1838, т. IV.

Китайская грамматика о. Іакинова.—Тамъ же, 1838, т. IV.

Аббадона (эпилогъ).—Тамъ же, 1838, т. IV, стр. 17; т. V, стр. 101.

Состояніе Россіи при началѣ царствованія Бориса Годунова.—Тамъ же, 1838, т. IV, стр. 121.

Открытіе Америки.—Тамъ же, 1838, т. IV, стр. 180.

И мои бездѣлки. Сочиненія И. И. Дмитріева.—Тамъ же, 1838, т. V, стр. 77.

Черезполосныя владѣнія. Комедія. С.-Пб. 1838.

Уголино. Драматическое представленіе. С.-Пб. 1838.

Дѣдушка русскаго флота. Русская быль. С.-Пб. 1838.

«Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду». 1838, № 11, стр. 212—218; № 26, стр. 508—515.

«Библіотека для Чтенія», 1838, т. 28, отд. 6, стр. 57.

«Московскій Наблюдатель», 1838, ч. 17, стр. 100—117.

1839. *Иголкинъ, купецъ новогородскій.* Историческая быль. — «Сынъ Отечества», 1839, т. 7, стр. 43.

Критическія изслѣдованія касательно современной русской литературы.—Тамъ же, 1839, т. 7, стр. 75.

Вредитъ ли критика современной русской словесности?

Нѣсколько словъ о русской драматической словесности.—Тамъ же, 1839, т. 8, отд. 4.

Записка о жизни З. Я. Доленга-Ходаковскаго, съ примѣчаніями Н. А. Полевого.—Тамъ же, 1839, т. 8, отд. 6, стр. 89—90.

Ода премудрой царевнѣ Киргизъ-Кайсацкой Фелицѣ, историческія сцены.—Тамъ же, 1839, т. 10, стр. 11.

Елена Глинская (отрывокъ).—Тамъ же, 1839, т. 11, стр. 5.

Дѣдушка русскаго флота. русская быль.—«Репертуаръ русскаго театра», 1839.

Первое представленіе Мельника, колдуна, обманщика и свата, комедія въ одномъ дѣйствіи.—Тамъ же, 1839.

Иголкинъ, купецъ новогородскій.—Тамъ же, 1839.

Русскій человѣкъ добро помнитъ, драматическая быль въ одномъ дѣйствіи.—Тамъ же, 1839.

Смерть или честь! драма въ 5 дѣйствіяхъ.—Тамъ же, 1839.

Очерки русской литературы, 2 ч. С.-Пб. 1839.

«Московскій Наблюдатель», 1839, ч. I, отд. 5, стр. 25—26.

«Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду». 1839, № 5, стр. 106—107.

1840. *Листки и очерки изъ записной книжки.*—«Сынъ Отечества», 1840, т. I, стр. 145; т. II, стр. 379.

Взглядъ на русскую литературу 1838—1839 гг.—Тамъ же, 1840, т. I, стр. 153, 429; т. II, стр. 169.

Колыбель и гробъ. Отрывокъ изъ записокъ старика.—Тамъ же, 1840, т. I, стр. 556.

Елена Глинская (отрывокъ).—«Маякъ», 1840, т. 3, стр. 123.

Гамлетъ, принцъ датскій. Драматическое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ (переводъ съ англійскаго).—«Репертуаръ русскаго театра», 1840, т. I.

Параша Сибирячка, русская быль.—Тамъ же, 1840, т. I.

Мои воспоминанія о русскомъ театрѣ и русской драматургіи (посвящается Ѳ. В. Булгарину).—Тамъ же, 1840, т. I, кн. 2.

Иванъ Ивановичъ Недотрога. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Вольный переводъ съ французскаго.—Тамъ же, 1840, т. II, кн. 9.

Солдатское сердце, или биваки въ Саволаксѣ. Военный анекдотъ.—Тамъ же, 1840, т. II.

Параша Сибирячка, русская быль въ 2-хъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ. С.-Пб. 1840.

Аббадона. 2-е изданіе. С.-Пб. 1840.

«Сѣверная Пчела», 1840, №№ 26, 32, 48, 65.

«Репертуаръ», 1840, т. II, № 12, стр. 23; № 15, стр. 30—31.

«Маякъ», 1840, ч. IV, стр. 195; т. I, ч. 2, гл. 4, стр. 16—19.

«Литературная Газета», 1840, № 8; № 17, стр. 394—400; № 49, стр. 1116; № 50, стр. 1140.

«Современникъ», 1840, т. 18, стр. 154—155.

«Отечественныя Записки», 1840, т. 8, № 1, отд. 6, стр. 36—54.

Н. Гречъ. «Чтенія о русскомъ языкѣ». С.-Пб. 1840, стр. 394—395.

1841. *Сказка о семи Симеонахъ, родныхъ братьяхъ и великихъ удальцахъ.*— Русскій Вѣстникъ», 1841, т. I, кн. 1.

Путешествіе по Египту и Нубіи. Соч. А. Норова. — Тамъ же, 1841, т. I, кн. 1.

Европа, Россія и Петръ Великій. — Тамъ же, 1841, т. I, кн. 1.

Précis de l'histoire de la littérature française. Соч. **Низара.** — Тамъ же, 1841, т. I, кн. 2.

Свадьба въ селѣ Коломенскомъ.—Тамъ же, 1841, т. I, кн. 3.

Geschichte der goldenen Horde, von Hommer-Purgstal. — Тамъ же, 1841, т. I, кн. 3.

О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича и т. д. — Тамъ же, 1841, т. II.

Завоеваніе Азова.—Тамъ же, 1841, т. IV.

Исторія Петра Великаго. Соч. Ламбина. — Тамъ же, 1841, т. IV.

Отецъ и откупщикъ, дочь и откупъ. Нѣсколько сценъ въ родѣ драмы.—«Репертуаръ русскаго театра», 1841, т. II.

Костромскіе люса, русская быль въ 2-хъ дѣйствіяхъ. — Тамъ же, 1841, т. II.

Византійскія легенды. Іоаннъ Цимисхій, быль X-го вѣка. Москва, 1841.

«Пантеонъ русскихъ и европейскихъ театровъ», 1841, № 2, стр. 57; № 6, стр. 103.

«Отечественныя Записки», 1841, т. 15, № 3, отд. 6, стр. 7—10; стр. 36—38.

«Литературная Газета», 1841, № 28, стр. 112; № 40; № 122, стр. 485—486.

«Москвитянинъ», 1841, № 4, стр. 467—478.

«Русскій Вѣстникъ», 1841, т. II, кн. 4, стр. 251; III, стр. 16—18.

1842. *Сочиненія А. Пушкина,* тт. I и XI. — «Русскій Вѣстникъ», 1842, кн. 1.

La Russie etc. Соч. А. Феррье. Брюссель, 1841. — Тамъ же, 1842, кн. 1.

Нѣсколько словъ о русской современной критикѣ. Тамъ же, 1842, кн. 1.

Оберъ-шутъ, русская быль.—Тамъ же, 1842, кн. 1.

Ревизоръ. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. Гоголя. — Тамъ же, 1842, кн. 1, отд. III.

Памятники московской древности. Соч. И. М. Снегирева. — Тамъ же, 1842, кн. 2.

Астрологическія предвѣщанія при рожденіи Петра Великаго.—Тамъ же, 1842, кн. 2.

Mathilde. Mémoires d'une jeune femme. Соч. Евгенія Сю. — Тамъ же, 1842, кн. 3 и 4.

Жилблазъ нашего времени. Глава I. *Дилижансъ на станціи.*—Тамъ же, 1842, кн. 4.

Похожденія Чичикова, или Мертвыя души. Поэма Гоголя.—Тамъ же, 1842, кн. 5 и 6.

Мать-Испанка. Драматическое представленіе.—Тамъ же, 1842, кн. 5 и 6.

Прокофій Ляпуновъ, историческій очеркъ.—«Русская Бесѣда», 1842, т. III, стр. 3.

Елена Глинская. Драматическое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ.—«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ», 1842, кн. II.

«Литературная Газета», 1842, № 43, стр. 881—882.

«Отечественныя Записки», 1842, т. 25, № 11, отд. 6, стр. 1—6.

«Библіотека для Чтенія», 1842, т. 55, отд. 6, стр. 19—21.

«Москвитянинъ», 1842, ч. II, № 3, стр. 186—187.

«Репертуаръ», 1842, т. I, № 5, стр. 42; т. 2, № 15, стр. 28—31.

«Маякъ», 1842, т. I, стр. 143—178; т. 5, кн. 10, гл. 4, стр. 55—155.

«Сѣверная Пчела», 1842, № 42, стр. 166; № 45, стр. 177—178; № 218.

1843. *Драматическія сочиненія и переводы, 4 части.* С.-Пб. 1842—1843.

Ломоносовъ, или жизнь и поэзія. Драматическая повѣсть.—«Библіотека для Чтенія», 1843, т. 56, стр. 60.

Проектъ (говорятъ, будто не совсѣмъ сказка).—Тамъ же, 1843, т. 60, стр. 95.

Страшная тайна. Если не драма, то комедія.—«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ», 1843, т. I, кн. 3, стр. 87.

Полчаса за кулисами. Комедія.—Тамъ же, 1843, т. 4, кн. 10.

Волшебный боченокъ, или сонъ наяву. Старинная нѣмецкая сказка въ 2 дѣйствіяхъ (передѣлка съ нѣмецкаго).—Тамъ же, 1843, т. 4, кн. 10.

Повѣсти Ив. Гудошника. С.-Пб. 1843.

Жизнь князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, С.-Пб. 1843.

Исторія Петра Великаго, 4 ч. С.-Пб. 1843.

«Москвитянинъ», 1843, кн. I, стр. 295.

«Литературная Газета», 1843, № 7, стр. 137—143; № 14, стр. 279.

«Отечественныя Записки», 1843, т. 26, № 2, отд. 6, стр.

58—64; т. 27, № 4, отд. 6, стр. 29—30; т. 29, № 7, отд. 6, стр. 8—10.

«Библіотека для Чтенія», 1843, т. 57, отд. 6, стр. 64—68; т. 59, отд. 6, стр. 11—12.

1844. *Паденіе и кончина Меншикова.* — «Сѣверная Пчела», 1844, №№ 61—63.

Итальянскій походъ Наполеона въ 1796 г. — Тамъ же, 1844, №№ 210—220.

Фелица. Отрывокъ изъ біографіи Державина. — Тамъ же, 1844, №№ 133, 134.

Польская и турецкая войны въ царств. Анны Іоанновны. — «Библіотека для Чтенія», 1844, т. 64.

Русскій морякъ. Историческая быль въ 1-мъ дѣйствіи. — Тамъ же, 1844, т. 62.

Походъ Наполеона въ Египетъ.—Тамъ же, 1844, т. 67.

Старинная сказка объ Иванушкѣ-дурачкѣ. С.-Пб. 1844.

Повѣсть о великой битвѣ Бородинской, бывшей 26-го августа 1812 г. С.-Пб. 1844.

Исторія Наполеона, 5 т. С.-Пб. 1844—1848 гг.

«Репертуаръ», 1844, т. 5, № 2, стр. 77; т. 6, стр. 122.

1845 *Счастье лучше богатства* (романъ). Сочиненіе Ѳ. В. Булгарина.—«Библіотека для Чтенія», 1845, тт. 68, 69.

Русскіе полководцы. С.-Пб. 1845.

Ермакъ Тимоѳеевичъ, или Волга и Сибирь. Драматическое представленіе въ 5 д. С.-Пб. 1845.

Столѣтіе Россіи, съ 1745 до 1845 гг. 2 части. С.-Пб. 1845—1846.

«Сѣверная Пчела», 1845, № 50.

«Русскій Инвалидъ», 1845, № 50.

«Репертуаръ», 1845, т. 9, стр. 705.

1846. *Полевотинъ, или нѣчто о воспоминаніяхъ О. В. Булгарина.* – «Литературная Газета», 1846, №№ 4, 5.

Обозрѣніе Русской Исторіи до единодержавія Петра, т. I, С.-Пб. 1846.

«Одесскій Вѣстникъ», 1846, № 28.

«Финскій Вѣстникъ», 1846, т. 10, стр. 71—76; т. 9, стр. 41—43.

«Саратовскія Губернскія Вѣдомости», 1846, № 12, стр. 86—87.

«Московскія Вѣдомости», 1846, № 29.

«Кіевскія Губернскія Вѣдомости», 1846, № 17, стр. 149—153.

«Вологодскія Губернскія Вѣдомости», 1846, № 48, стр. 500—502.

«Курскія Губернскія Вѣдомости», 1846, № 12, стр. 180—181; № 23, стр. 281—284.

«Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1846, № 3, ч. 49, стр. 52—58.

«Библіотека для Чтенія», 1846, т. 76, стр. 50—54.

«Иллюстрація», 1846, т. II, № 8, стр. 121; № 9, стр. 138; № 19; № 46, стр. 729.

«Сѣверная Пчела», 1846, №№ 44, 49, 59.

«Отечественныя Записки», 1846, т. 46, № 6, стр. 61—62; т. 46, стр. 130.

«Современникъ», 1846, т. 42, стр. 348—349.

«Москвитянинъ», 1846, ч. 3, № 5, стр. 164—175.

«Репертуаръ и Пантеонъ», 1846, т. 13, № 3, стр. 690—693.

1848. «Пантеонъ и Репертуаръ», 1848, т. 4, № 10, стр. 1—11.

1849. «Очеркъ жизни и литературныхъ трудовъ Н. А. Полевого». Соч. И. З. Крылова. М. 1849.

1850. «Отечественныя Записки», 1850, т. 68, отд. 6, стр. 71.

1852. *Разсказы русскаго солдата*, въ 2-хъ ч. С.-Пб. 1852.

«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1852, № 281.

1853. «Отечественныя Записки», 1853, т. 86, № 2, отд. 5, стр. 83—84.

«Русскій Инвалидъ», 1853, № 46.

«Военный Журналъ», 1853, т. I, № 2, отд. 3, стр. 104—113.

1854. «Раутъ», кн. 3-я, стр. 285—287. М. 1854.

1856. *Сказка объ Иванушкѣ-дурачкѣ.* С.-Пб. 1856 г.

Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Царь-дѣвицѣ и т. д. С.-Пб. 1856.

Сказка объ Емелѣ-дурачкѣ и т. д. С.-Пб. 1856.

«Сѣверная Пчела», 1856, № 182.

«Современникъ», 1856, т. 58, стр. 16—19.

1858. *Жизнь князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго.* С.-Пб. 1858 (Изд. 2-е).

«Литературныя и театральныя воспоминанія». С. Т. Аксакова. М. 1858.

«Библіографическія Записки», 1858, стр. 21, 186; т. I, стр. 305—306.

1859. *Царствованіе Іоанна Грознаго.* Берлинъ, 1859.

Письмо къ А. И. Герцену.—«Полярная Звѣзда», 1859, кн. V, стр. 196.

«Библіографическія Записки», 1859, стр. 117, 256, 614—615.

«Московское Обозрѣніе», 1859, кн. I, стр. 30 и слѣд.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. М. 1859—1862, чч. I—XII.

1860. «Русское Слово», 1860, № 8, стр. 76—79.

Д. В. Григоровичъ. Русскіе знаменитые простолюдины. Народныя бесѣды. С.-Пб. 1860, выпускъ 1—5.

«Русскій Вѣстникъ», 1860, № 11, стр. 205.

1861. Былое и думы. Лондонъ, 1861, ч. I, стр. 210—214.

«Русскій Вѣстникъ», 1861. №№ 3, 4.

1862 «Петербургскій Вѣстникъ», 1862, № 1, стр. 14—17.

Кенигъ. «Очерки русской литературы». С.-Пб. 1862, стр. 204—221.

1863. П. Тихменевъ. «Историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской кампаніи». 1863, т. II, стр. 67, 77 (2-ой части приложеній).

Письмо князю Н. Н. Голицыну.—«Чтенія общества исторіи и древностей россійскихъ», 1863, т. I, отд. 5, стр. 212.

1864. «Эпоха», 1864, т. II. № 3.

«Русскій Архивъ», 1864, №№ 7, 12, стр. 845.

«Сѣверная Пчела», 1864, № 103, стр. 333.

Н. Некрасовъ. Стихотворенія. С.-Пб. 1864, т. III, стр. 194.

1866. «Русскій Архивъ», 1866, стр. 1199, 1718—1719, 1724, 1753.

1867. «Русскій Архивъ», 1867, стр. 741.

1868. *Письмо къ А. А. Закревскому.*—Сборникъ русскаго историческаго общества, 1868, т. II, стр. 415—416.

«Русскій Архивъ», 1868, стр. 605, 627.

«Русскій», 1868, №№ 114—116.

1869. «Русскій Архивъ», 1869, стр. 2007; № 10, стр. 2092—2094.

«Портретная галлерея» Мюнстера. 1869, II, стр. 18—20.

М. А. Дмитріевъ. «Мелочи изъ запаса моей памяти». С.-Пб., 1869, стр. 55, 108, 111, 188, 195.

1870. «Русская Старина», 1870, т. I, стр. 550, 572—574.

«Русскій Архивъ», 1870, стр. 1696.

1871. «Русскій Архивъ», 1871, стр. 992.

«Русская Старина», 1871, № 4, стр. 498, 679.

1872. «Русскій Архивъ», 1872, № 2, стр. 351.

«Русская Старина», 1872, т. V, стр. 299.

1873. «Русская Старина», 1873, т. VII, стр. 171, 324, 727.

«Русскій Архивъ», 1873, стр. 907, 942, 946, 952, 1060, 2147.

П. В. Анненковъ. «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній». С.-Пб. 1873.

1874. «Русская Старина», 1874, № 3, стр. 604; № 9, стр. 82; т. 9, стр. 595—602, 609, 619.

«Русскій Архивъ», 1874, т. I, № 4, стр. 1050.

1875. «Русская Старина», 1875, т. 12, стр. 660 — 662; № 4, стр. 821; т. 13, стр. 505 – 506; т. XIV, № 10, стр. 302.

«Дѣло», 1875, №№ 5, 7.

«Histoire de la littérature contemporaine en Russie» par C. Courrière. Paris. 1875, p. 140 etc.

1876. «Русская Старина», 1876, № 1, стр. 99; т. 15, № 3, стр. 681, 684.

И. И. Панаевъ. «Литературныя воспоминанія». С.-Пб. 1876 (passim).

Л. П. Весинъ. «Обзоръ учебниковъ географіи». С.-Пб. 1876, стр. 144, 145, 147, 448.

А. Н. Пыпинъ. «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». С.-Пб. 1876, тт. I, II (passim).

1877. «Хроника петербургскихъ театровъ» Вольфа. С.-Пб. 1877, тт. I, II (passim).

«Русская Старина», 1877, № 7, стр. 433.

1878. «Русскій Архивъ», 1878, III, стр. 397; № 5, стр. 48—49, 50.

П. Вяземскій. Полное собраніе сочиненій, С.-Пб. 1878—1879 и позднѣе; тт. I, II, IX (passim).

1879. «Русскій Архивъ», 1879, № 8 (passim).

«Русская Старина», 1879, № 2, стр. 352.

1880. М. И. Сухомлиновъ. «Исторія Россійской Академіи», 1880, т. V, стр. 330—331.

«Древняя и Новая Россія», 1880, т. 18, стр. 549.

П. А. Каратыгинъ. «Записки». С.-Пб. 1880 (passim).

«Русскій Архивъ», 1880, III, стр. 448.

«Русская Старина», 1880, № 3; № 10, стр. 314; ч. 28, стр. 806.

1881. С. Весинъ. «Очерки исторіи русской журналистики 20-хъ и 30-хъ гг.». С.-Пб. 1881 (passim).

П. В. Анненковъ. «Воспоминанія и критическіе очерки». С.-Пб. 1881, т. III.

«Русскій Вѣстникъ», 1881, № 9, стр. 140—150.

1882. «Русскій Архивъ», 1882 (passim).

«Русская Старина», 1882, т. 34, стр. 444—447.

«Историческій Вѣстникъ», 1882, т. X, стр. 165—171.

К. Бестужевъ-Рюминъ. «Біографіи и характеристики». С.-Пб. 1882, стр. 243—245; 262.

1883. «Русская Старина», 1883, № 8, стр. 254—267.

Щегловъ. «Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири». 1883, стр. 524—525.

1884. «Русскій Архивъ», 1884, № 1.

«Русская Старина», 1884, № 10, стр. 148—149.

1885. *Письма къ А. И. Михайловскому-Данилевскому.*—Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки, 1885, стр. 11.

Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 1885.

П. А. Плетневъ. Сочиненія и переписка. С.-Пб. 1885, т. I, стр. 299—302.

«Русскій Архивъ», 1885, т. I, стр. 649.

1886. *Клятва при гробѣ Господнемъ.* Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 1886.

«Историческій Вѣстникъ», 1886, № 11, стр. 312 — 313, 316, 324, 370.

Н. И. Гречъ. «Записки о моей жизни». С.-Пб. 1886, стр. 495, 499—501.

1887. *В. Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина.* М. 1887, ч. II, стр. 11, 23.

«Русскій Архивъ», 1887, № 2, стр. 231; № 3, стр. 383—388.

С. Тимоѳеевъ. «Вліяніе Шекспира на русскую драму». М. 1887, стр. 87.

«Русская Старина», 1887, № 4, стр. 131—134; № 11, стр. 482, 485.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. С.-Пб. 1887, тт. I—VII (passim).

Систематическая опись дѣламъ бывшаго V-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 1824—1856. С.-Пб. 1887, стр. 46.

1888. *В. Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина.* М. 1888, ч. III, стр. 171.

Дѣдушка русскаго флота.—Параша Сибирячка. С.-Пб. 1888.

Н. П. Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина». С.-Пб. 1888—1894, тт. I—VIII (passim).

«Библіографъ», 1888, кн. 4, стр. 117.

«Историческій Вѣстникъ», 1888, №№ 3, 4.

Кс. Ал. Полевой. «Записки». С.-Пб. 1888.

А. П. Пятковскій. «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія». С.-Пб. 1888, ч. II, стр. 336—347; 223—224 (2-е изданіе).

1889. *В. Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя.* М. 1889, ч. I, стр. 95.

«Русская Старина», 1889, № 8, стр. 278—282; № 10, стр. 115—119; № 11, стр. 104, 115.

М. И. Сухомлиновъ. «Изслѣдованія и статьи». С.-Пб. 1889, т. II, стр. 367.

С. Трубачевъ. «Пушкинъ въ русской критикѣ». С.-Пб. 1889 (passim)..

1890. *Жизнь князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго.* Москва. 1890.

Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Дешевая библіотека А. С. Суворина. С.-Пб. 1890 (2-е изданіе).

«Русская Старина», 1890, т. LXVI, стр. 706.

А. Скабичевскій. Сочиненія. С.-Пб. 1890, т. I, стр. 315—332.

А. Н. Пыпинъ. «Исторія русской этнографіи». С.-Пб. 1890—1892, тт. I, II, III (passim).

Онъ же. «Характеристики литературныхъ мнѣній». С.-Пб. 1890, стр. 206 и др.

1891. «Русскій Архивъ», 1891, № 2, стр. 185—186.

«Русская Старина», 1891, № 11, стр. 472.

1892. А. М. Скабичевскій. «Очерки исторіи русской цензуры». С.-Пб. 1892, стр. 231—244.

В. И. Шенрокъ. «Матеріалы для біографіи Гоголя». М. 1892—1898, 4 тома (passim).

Ф. Вигель. «Записки». М. 1892, ч. II, стр. 165, 187.

«Русская Старина», 1892, № 5, стр. 236—238.

«Русскій Архивъ», 1892, № 2, стр. 236.

1893. *В. Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя.* М. 1893, ч. II, стр. 175.

«Русская Старина», 1893, т. LXXX, стр. 326—327; № 4, стр. 59.

А. В. Никитенко. «Моя повѣсть о себѣ самомъ». С.-Пб. 1893, т. I (passim).

Н. Г. Чернышевскій. «Очерки гоголевскаго періода». С.-Пб. 1893 (passim).

1894. «Русское Обозрѣніе», 1894, № 10, стр. 815.

1895. «Русская Старина», 1895, № 8.

«Русскій Архивъ», 1895, № 2, стр. 110.

С. Н. Глинка. «Записки». С.-Пб. 1895, стр. 310—311.

И. И. Дмитріевъ. Сочиненія. С.-Пб. 1895, т. II, стр. 154—159.

«Русская Мысль», 1895, № 12, стр. 111.

Сочиненія барона А. А. Дельвига. С.-Пб. 1895, стр. 165.

1896. «Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ», сезонъ 1894—1895, кн. 3 (приложеніе).

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. С.-Пб. 1896. 3 тома (passim).

А. Веселовскій. «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ». М. 1896, стр. 167, 169.

«Русскій Архивъ», 1896, № 2, стр. 317.

Д. В. Григоровичъ. Полное собраніе сочиненій. С.-Пб. 1896, т. XII, стр. 263.

«Историческій Вѣстникъ», 1896, № 3.

1897. «Русская Старина», 1897, № 7, стр. 103—107.

«Русскій Архивъ», 1897, № 4, стр. 656.

1898. Н. М. Языковъ. Стихотворенія. С.-Пб. 1898, стр. 167—168.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1895 г. С.-Пб. 1898. Приложеніе, стр. 53

П. Милюковъ. «Главныя теченія русской исторической мысли». М. 1898, т. I, стр. 340—359.

«Новое Время», 1898, № 7847.

А. Н. Пыпинъ. «Исторія русской литературы». С.-Пб. 1898—1899. тт. I—IV (passim).

Ив. Ивановъ. «Исторія русской критики». С.-Пб. 1898. Часть II, стр. 460—509.

1899. *Аббадона*. С.-Пб. 1899.

Клятва при гробѣ Господнемъ. М. 1899. (Изд. М. В. Клюкина).

Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. С.-Пб. 1899. (Изд. М. В. Клюкина).

Дѣдушка русскаго флота, русская быль. М. 1899. (Изд. М. В. Клюкина).

Драматическое сочиненіе изъ русской исторіи. С.-Пб. 1899.

«Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ». С.-Пб. 1899, тт. III—IV (passim).

«Памяти Пушкина». Сборникъ университета св. Владиміра. Кіевъ, 1899, стр. 10—13.

1900. *Клятва при гробѣ Господнемъ*. М. 1900. (Изд. И. А. Морозова).

«Памяти Пушкина». Сборникъ С.-Петербургскаго университета. Спб. 1900, стр. 267.

«Вѣстникъ Всемірной Исторіи», 1900, № 9, стр. 168.

В. Г. Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій. Редакція С. А. Венгерова. С.-Пб. 1900—1902, тт. I—VI (passim).

П. Полевой. «Исторія русской словесности». Спб. 1900.

1901. П. В. Владиміровъ «Древняя русская литература». Кіевъ, 1901, стр. 287.

Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. С.-Пб. 1901, 4 тома (passim).

«Вѣстникъ Всемірной Исторіи», 1901, № 2.

1902. *Письмо къ М. Н. Загоскину*.—«Русская Старина», 1902, № 9, стр. 627.

Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Дешевая Библіотека А. С. Суворина. С.-Пб. 1902 (3-е изданіе).

П. Милюковъ. «Изъ исторіи русской интеллигенціи». С.-Пб. 1902, стр. 66—67.

«Литературный Вѣстникъ», 1902, т. IV, кн. 8, стр. 350—361.

«Русскій Архивъ», 1902, № 1, стр. 80—81.

1903. *Полное собраніе романовъ*. М. 1903. Приложеніе къ журналу «Родная Рѣчь».

«Русская Старина», 1903, № 2, стр. 259—270 (перепечатка матеріаловъ, обнародованныхъ М. И. Сухомлиновымъ); также стр. 308—313, 325.

«Міръ Божій», 1903, № 1, стр. 273—277; № 3, стр. 215—217.

А. К. Бороздинъ. «Литературныя характеристики». С.-Пб. 1903, стр. 220.

Н. Котляревскій. «Н. В. Гоголь». С.-Пб. 1903 (passim).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Аблесимовъ, А. О.—418.
Аделунгъ, Ѳ. П.—522.
Аддисонъ—389, 396, 501.
Азеліо—70.
Акенсидъ—443.
Аксаковъ, С. Т.—49, 334, 493, 524.
Аладьинъ, Е. В.—516.
Александръ I—42, 497.
Алексисъ, Вилибальдъ—70, 334.
Алексѣй Михайловичъ, царь—412.
Альфіери—278, 301, 384.
Амперъ—16, 225, 365.
Амфитеатровъ, С. Е.—37—39, 266.
Анастасевичъ, В. Г. — 496, 497, 513, 518, 520.
Андреевъ, Н. А.—51, 55.
Андросовъ, В. П.—62, 267.
Анненковъ, П. В.—474, 483.
Анфантенъ—469, 472.
Апулей—171.
Аристотель—206—208, 214, 229, 319, 320, 366, 381.
Аристофанъ—207.
Аріостъ—435, 459.
Арно-отецъ—16, 24, 197, 198, 225, 385.
Арно—сынъ—16, 24, 197, 200, 201, 225, 229, 385.
Арто (Artaud)—324.
Арцыбашевъ, Н. С.—76.
Асенкова, артистка—488.
Афремовъ, И. Ѳ.—51.

Базардъ—469.
Bazin—95.
Байронъ—4, 5, 12, 13, 21, 25, 26, 42, 160, 193, 196, 266, 301, 312, 319, 328, 329, 335, 336, 342, 346, 347, 349—351, 368, 370, 372, 379, 387—389, 396, 402, 405, 424, 427, 431, 444, 447, 454, 484, 517.
Бальзакъ — 24, 72, 88, 160, 319, 331, 332, 352, 355, 358, 360, 361, 404, 448.
Бантышъ-Каменскій, Д. Н. — 80, 498.
Барановичъ—412.
Барантъ—27, 29, 88, 91, 186, 378, 385.
Баратынскій, Е. А.—42, 48, 347, 429, 451, 513.
Барбье—25.
Барковъ, И. С.—292.
Барсуковъ, Н. П.—522.
Бартеневъ, П. И.—44.
Батте — 124, 145, 277, 285, 304, 305, 416, 424, 450.
Батюшковъ, К. Н.—28, 58, 76, 77, 293, 424.
Бауръ-Лорміанъ—400.
Башиловъ, А.—45.
Безсомыкинъ, Ив. Ив.—266.
Бейль, Генрихъ—194, 195, 219.
Бенкендорфъ, гр. А. Х.—492, 502, 503, 509, 510, 513, 526.
Бентамъ—5.
Беранже—385, 472.
Бернаръ—400.
Берне, Л.—355.
Бёрнсъ—28, 160, 196, 396.
Берхъ, В. Н.—51, 505.
Беръ—50.
Бестужевъ, А. А. — 45, 48, 77, 80, 85, 87, 227, 317, 372, 373, 378, 379, 409, 434, 453, 459, 512, 513.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.—96, 494, 495.

Библіофилъ, Якобъ—см. Лакруа, Поль.
Благовѣщенскій, Н. М.—143.
Блеквудъ—20.
Блеръ—444.
Блюменгагенъ—28, 70, 74, 87, 408.
Бобровъ, С. С.—306.
Богдановичъ, И. Ѳ.—48, 49, 291, 304, 379, 416.
Бомарше—184, 232, 384, 426.
Бональдъ—16, 204.
Bonnelier—71.
Бопланъ—80.
Бороздна, И. П.—27.
Борхардтъ, Н. И.—37.
Боткинъ, В. П.—489.
Боурингъ—5, 6.
Боцяновскій, В. Ѳ.—488, 489.
Брамбеусъ—см. Сенковскій.
Брандесъ, Г.—96, 195.
Бриммеръ, В. К.—318, 321.
Брольи—6, 11, 12, 202, 203, 225.
Брумъ—4.
Брянцевъ, Н. А.—513.
Буало — 183, 196, 212, 217, 220, 231, 255, 285, 286, 301, 304, 317, 347, 371, 399, 414, 416, 422, 450, 457.
Булгаринъ, Ѳ. В.—11, 32, 49, 59, 77—80, 122, 126, 154, 309, 310, 379, 432, 471, 488, 489, 509, 513, 530.
Бульи—224, 319, 347.
Бурачекъ, С. О.—311.
Бѣлинскій, В. Гр.—8, 11, 40, 116, 150—156, 161, 168, 289, 295, 312—314, 355, 440, 454, 458—460, 462, 463, 470, 489, 490, 513, 542.
Бѣлозерская, Н. А.—76.
Бѣляевъ, Д. Ѳ.—144.
Бэйлли, М.—57.
Бэконъ—280.
Бюлеръ, бар. А.—513.
Бюллокъ—9.
Бюргеръ—332.
Бюффонъ—384.

Вальполь, Горасъ—69,
Варвинскій, І. И.—56.
Василій, архіепископъ новгородскій—103.
Василій Македонянинъ—142.
Веберъ—24.
Вейль—470.
Велланскій, Д. М.—56.
Вельтманъ, А. Ѳ.—43, 45, 54, 55, 126, 127, 434, 435, 451, 523, 527, 533.
Венгеровъ, С. А.—458, 459, 463, 494.
Веневитиновъ, Д. В.—26, 59, 167, 318, 319, 430.
Вергилій—207, 277, 389, 421.
Вернеръ—308, 334, 405.
Верстовскій, А. Н.—44, 48.
Вико—384.
Виландъ—70, 184, 332, 343, 362, 404, 444.
Виллель—7.
Виллерсъ—418.
Вильменъ, Абель-Франсуа—19, 27, 53, 186, 281—283, 285, 477.
Винкельманъ—342.
Виньи, Альфредъ—11, 24, 25, 71, 74, 75, 80, 88—91, 93—97, 106, 110, 119, 124, 160, 171, 172, 178, 196, 201, 203, 212, 215, 217, 220, 221, 225, 226, 232, 233, 235, 248, 249, 256, 331, 353, 358—360, 385, 400, 403.
Висковатовъ, С. И.—260, 261, 425.
Вите, Луи — 16, 72, 88, 92, 196, 197, 200, 211, 212, 220, 231, 385, 400.
Владиміръ Святой—46, 433.
Воейковъ, А. Ѳ.—36, 58, 309.
Волковъ, А. Г.—45.
Волконская, кн. З. А.—42, 44.
Вольней—520.
Вольтеръ—143, 183, 184, 203, 208, 218, 231, 255, 260, 278, 280, 304, 321, 328, 345, 366, 376, 384, 400, 416, 473, 484.
Вольфъ, О.—364.
Вордсвортъ—348, 349, 396.
Вороновъ, И.—52.
Воскресенскій, М. И.—127.
Врасскій, Б. А.—521.
Вронченко, М. П.—25—27, 261, 517.
Вульфъ, Анна Николаевна—471.
Высоцкій, П. Г.—56.
Вяземскій, кн. П. А.—10, 41, 42, 47, 48, 83, 280, 291, 292, 294, 296, 298, 306, 317, 318, 347, 365, 366, 371, 409, 453, 492, 493, 513, 529, 540, 541.

Габбе, П.—27, 54, 55.
Гагедорнъ—304.
Газе—137.
Газлиттъ—26.
Галаховъ, А. Д.—56, 57, 278, 294.
Галеви, Леонъ—24, 197, 198, 225.
Галичъ, А. И.—275, 390, 393, 394, 453.
Галлеръ—304.
Галятовскій—412.
Гандуринъ, О.—55.
Гатенъ (Hatin)—7, 12, 17.
Гаухъ, І.—70.
Гегель (Hegel)—268—270, 477, 480.
Гееренъ—29, 384.
Гезіодъ—274.
Гейманъ, Р. Гр.—56.
Гейне—363.
Геллертъ—417.
Гено (Hénault)—211.
Гераковъ—76.
Гердеръ — 28, 70, 250, 332, 343, 362, 384, 404, 405, 407, 444.
Геро, Е.—10, 35, 37.
Герценъ, А. И. — 356, 467, 469, 473, 474, 481, 482, 484—487, 489, 490, 512.
Герценъ, Е. И.—486.
Гессъ, Г. И.—56.
Гете—9, 17, 25, 27, 28, 42, 49, 50, 70, 160, 163—166, 169, 170, 172, 179, 184, 185, 193, 196, 200, 203, 208, 210, 224—226, 230, 231, 237, 239, 240, 254, 256, 266, 274, 308, 309, 312, 321, 330, 331, 334 — 338, 342—346, 361, 363, 364, 377, 384, 386, 388, 390, 404—407, 419, 423, 447, 517.
Геттнеръ—184.
Гиббонъ, Э.—139, 144.
Гизо—6, 7, 12, 21, 193, 194, 219, 221, 227, 281, 385, 477.
Гильденштедтъ, А.—54.
Глинка, М. И.—44.
Глинка, С. Н.—76, 129, 254, 505, 529.
Глинка, Ѳ. Н.—43.
Глхрвъ—78.
Гнѣбовъ, Д. И.—47.
Гнѣдичъ, Н. И.—277, 422.
Гоголь, Н. В.—126, 159, 167, 262, 437—439, 459, 461—464.
Голиковъ, Ив. Ив.—120.
Голицынъ, кн. А. Н.—533, 538.
Голицынъ, кн. Д. В.—501.
Голицынъ, кн. Н. Н.—45, 512, 530.
Голицынъ, кн. С. М.—492.
Голохвастовъ, Д. П.—504.
Гольдсмитъ—353.
Гомеръ (Омиръ)—16, 24, 28, 29, 207, 274, 277, 320, 337, 368, 374, 389, 395, 421, 422, 446, 461.
Гончаровъ, И. А.—468.
Горацій — 28, 29, 277, 278, 304, 368, 414, 416, 450.
Горстъ, К.—14.
Готшедъ—304.
Гофманъ, Франсуа-Бенуа — 278, 279, 384.
Гофманъ, Эрнстъ-Теодоръ — 28, 155, 160, 163, 165, 166, 178, 326, 334, 335, 347, 353, 355, 363, 364, 386, 482—484, 486, 487, 490.
Гощинскій, С.—49.
Горяниновъ, П.—57.
Гребенка, Е. П.—46.
Грей—444.
Гречъ, А. Н.—530.
Гречъ, Н. И. — 48, 59, 122, 126, 154, 241, 293, 309, 513, 529, 530.
Грибоѣдовъ, А. С. — 42, 49, 260, 302, 425—427.
Griesebach—143.
Грильпарцеръ—334.
Гриммы, братья—363.
Гринъ, Р.—209.
Гросси—70.
Гротъ, Я. К.—300, 301, 510, 542.
Грузинцовъ, А. Н.—425.
Гувальдъ—334.
Гульяновъ, И. А.—18.
Гурьяновъ, Ив.—77.
Гюго, В.—11, 16, 23—26, 72, 74, 75, 88, 90, 124, 160, 165, 173, 174, 189, 195—197, 201, 202, 212—214, 217, 218, 220, 225, 226, 229, 232, 233, 235, 249, 256, 258, 271, 285, 319, 330, 331, 346, 348—350, 355, 357, 373, 374, 380, 385, 400—403, 433, 447.
Гюмъ—см. Юмъ.

Давидъ, царь—43, 540.
Давыдовъ, Д. В.—42, 431.
Давыдовъ, И. И.—49, 50, 266.
Даль, В. И.—45, 411, 435.
Даль, П. И.—513.
Дамиронъ—16.
Даніилъ Паломникъ—102.
Дано—18.
Дантъ—29, 46, 223, 274, 328, 336, 376, 386, 388, 390, 396, 402, 405.
Дарю—385.
Дашковъ, Д. В.—42.
Дашковъ, П. Я.—529, 530.
Двигубскій, И. А.—57.
Де-Во-Бертенъ—21.
Дежерандо—8.
Дезульеръ—277.
Декандоль—57.
Декартъ - 280.
Делавинь, К.—227, 232, 233, 319, 365, 385, 400.
Делапласъ—184.
Делиль—365, 400.
Делормъ, Жозефъ—см. Сентъ-Бевъ.
Дельвигъ, бар. А. А.—48, 49, 83, 125, 244, 245, 247, 347, 432, 513, 516.
Державинъ, Г. Р.—286, 289, 293—307, 310—312, 378, 379, 416, 417, 450.
Детушъ—345.
Дефоконпре—12.
Джеффри—4.
Джиффордъ—4, 5.
Джонсонъ—444.
Дидро—183, 184, 232, 286, 301, 384.
Дидье, Карлъ—224, 365.
Димитрій, митрополитъ Ростовскій—468.
Dinocourt—71.
Диттмеръ—88, 232, 385.
Дмитріевъ, И. И.—44, 45, 291, 292, 302, 379, 420, 422, 452, 521.
Дмитріевъ, М. А.—58, 420.
Дмитрюковъ—55.
Добель, П. В.—52.
Доратъ—399.
Драйденъ—443.
Д. Р. К.—59.
Дюгальдъ—385.
Дюканжъ, Викторъ—24, 237, 240, 345.
Дюкре-Дюминиль, Франсуа—419.
Дюлоръ—385.
Дюма-отецъ—16, 24, 72, 197, 198, 200, 212, 217, 218, 220, 227, 229, 231—235, 249, 261, 319, 331, 355, 358, 359, 403, 404.
Дюма-сынъ—173.
Дюпенъ-старшій—21.
Дюсисъ—24, 210, 218, 237, 239, 261, 292, 400, 421.
Дюссо (Dussault, Jean - Joseph)—278, 279, 384.
Дюшатель—16.

Екатерина II—415, 416.
Елагинъ, И. П.—120.
Елагинъ—46.
Елизавета Алексѣевна, императрица—42.
Енфантенъ—см. Анфантенъ.
Ертовъ, И. Д.—60.

Жандръ, А. А.—260, 425.
Жаненъ, Жюль—19, 24, 217—220, 226, 227, 326, 331, 332, 355, 365.
Жанлисъ—24, 224, 280, 319, 379, 419.
Жанэ, Поль (Paul Janet)—268, 270, 469, 477.
Ждановъ, Ив. Н.—458, 460, 462.
Жирарденъ—19.
Жолкѣвскій—507.
Жуи—385, 501.
Жуковскій, В. А.—42, 45, 47, 48, 52, 76, 167, 171, 276—278, 292, 293, 302, 304, 310—312, 379, 423, 424, 430, 451, 452, 468, 529.
Жуффруа—16, 285.
Жюльенъ—8, 18.

Забѣла, Я.—53.
Загоскинъ, М. Н.—77—80, 118, 260, 261, 379, 432, 433, 452, 513.
Закревскій, А. А.—512.
Зандъ, Жоржъ — 160, 161, 167, 170, 174—177, 331, 470, 471.
Захарія—304.
Зейфартъ—22.

Зотовъ, Р. М.—127.
Зюпфле (Süpfle)—184, 185, 188.

Ивановъ, Ив. Ив.—295, 470.
Иванчинъ-Писаревъ, Н. Д.—44.
Измайловъ, А. Е.—62, 421, 422, 516.
Илличевскій, А. Д.—42.
Ильинскій, М. И.—414.
Ирвингъ, Вашингтонъ—27, 319, 347, 428.
Исіодъ—см. Гезіодъ.
Иффландъ—223, 260.

Іоаннъ, митрополитъ Мелитинскій—139, 145.
Іакинѳъ (Бичуринъ, Никита)—52, 334, 513.
Іовскій, А.—57.

Каваньякъ (Cavagnac)- 185.
Каве—88, 232, 385.
Кайсаровъ, А. С.—77.
Калайдовичъ, К. Ѳ.—519.
Калашниковъ, И. Т.—46.
Калнофойскій—412.
Кальдеронъ—179, 188, 203, 205, 223, 230, 335, 376, 384, 386, 388.
Камашевъ-Средній, Ив. Н.—266, 334, 336.
Камоэнсъ—29, 284, 376.
Кампенонъ—400.
Каннингъ—5.
Кантемиръ, кн. А. Д.—276—278, 293, 302, 303, 378, 414.
Канту—70.
Кантъ—332, 404, 418, 419, 475, 476, 480.
Капнистъ, В. В.—305, 416.
Карамзинъ, Н. М.—35, 44, 48, 76, 77, 79—81, 83, 85, 96, 104—107, 241, 252, 278, 286, 289, 292, 304, 305, 314, 379, 418—420, 423, 427, 429, 450, 460, 488, 493, 505.
Каратыгинъ, В. А.—261, 488.
Карлгофъ, В. И.—43, 46.
Карлейль—184.
Каррель, Арманъ—20, 21.
Катенинъ, П. А.—49, 223, 244—247, 258, 260, 347, 425.
Каченовскій, М. Т.—44, 58, 146, 309, 515, 525.
Кашинъ, Д. Н.—421.
Кедринъ (Cedrenus, G.)—139—141, 144. 145.
Кеппенъ, П. И. 50.
Кернеръ—335.
Кетчеръ, Н. Х.—163, 487.
Кине—29, 385.
Кирпичниковъ, А. И.—90.
Кирша Даниловъ—411.
Кирѣевскій, Ив. В.—3, 267, 334.
Клапротъ, Г. Ю.—19, 52.
Клариньи—4, 5, 20.
Клейстъ—304, 334.
Клопштокъ—171, 304, 342, 349, 404, 444.
Княжнинъ, А. Я.—425.
Княжнинъ, Я. Б.—261, 292, 304, 378, 416, 427, 450.
Козловъ, И. И.—26, 42, 47, 49, 429, 430.
Кокошкинъ, Ѳ. Ѳ.—240, 260.
Колачевскій—28, 45.
Кольриджъ—5, 348, 396.
Кольцовъ, А. В.—468.
Колядинъ, С.—57.
Комаровъ, А.—56.
Комовскій, В. Д.—279.
Кондильякъ—478, 480.
Копи, Ѳ. А.—125.
Константинъ Багрянородный (Constantinus Porphyrogenitus)—141, 142, 145.
Констанъ. Бенжаменъ—24, 27, 160, 170, 174—176, 190—192, 219, 330, 368, 369, 372, 472.
Копыстенскій—412.
Корнель—206—208, 218, 220, 223, 231, 285, 286, 304, 345, 389.
Корсаковъ, П. А.—260.
Костомаровъ, Н. А.—57.
Коттень—419.
Коцебу—223, 260, 379, 419.
Краббъ—396.
Краевскій, А. А.—123, 513.
Кребильонъ—240, 278.
Крезе-де-Лессе—400.
Крейцеръ—384.

Кречетовъ—75.
Крокеръ—5.
Кронебергъ, И. Я.—49, 50.
Крыловъ, Ив. А.—9, 32, 47, 276—278, 292, 293, 302, 379, 412, 417, 422, 423, 452, 541.
Крыловъ, Ив. Зах.—536.
Крюковской, М. В.—254.
Ксенофонтъ—450.
Кузенъ, В.—12, 18, 267—270, 272, 274, 385, 453, 477—481, 505.
Кукольникъ, Н. В.—167, 168, 178, 253—255, 261, 308, 309, 436, 505, 509, 529.
Куперъ, Джемсъ Фениморъ—27, 89, 118, 319, 329, 346, 361, 389.
Кэмбелль—27.
Кюхельбекеръ, В. К—42, 425.

Лабрюеръ—332, 371.
Lavisse—95.
Лагарпъ—124, 145, 203, 240, 255, 277, 278, 285, 366, 384, 421, 424.
Ladvocat—185.
Лажечниковъ, И. И.—55, 77, 78, 80, 126, 433, 434.
Лазаревичъ—76.
Лазаревы, А. и И.—470.
Лакруа, Поль—25, 72, 75, 87, 88, 319, 331, 355, 404, 471.
Ламартинъ—25, 195, 319, 348, 351, 352, 385, 400, 431, 454.
Ламбинъ, Н. П.—530.
Ламенне—285, 384.
Ла-Моттъ-Фуке—184, 326, 333, 353.
Лансонъ, Г.—195, 281.
Ларомигьеръ—480.
Ларуссъ, П.—12, 301.
Ласепедъ—8.
Лафайетъ—472.
Лафаръ—379, 399.
Лафонтенъ—32, 171, 277, 285, 286, 304, 319, 385, 398, 399, 417, 419, 420, 422, 423.
Лебо (Lebeau)—137, 138.
Лебрень—286, 385, 419.
Левашевъ, А.—54.
Левъ, Діаконъ Калойскій — 136, 137, 145.
Легуве, Эрнестъ—301.
Лейбницъ—480.
Лемерсье, Непомюсенъ—8, 25.
Лемонте—9, 47.
Ленцъ—418.
Лерминье—479.
Лермонтовъ, М. Ю.—167, 467.
Лесажъ—426.
Лессингъ—70, 184, 188, 343, 405.
Летурнеръ—184, 227, 384, 400, 418.
Ливенъ, кн. К. А.—496, 498, 500, 502, 503.
Ливій, Титъ—468.
Линней—57.
Лихонинъ, М. Н.—28, 44, 49, 266.
Лобановъ-Ростовскій, кн. А. Б.—486.
Ловецкій, А. Л.—57.
Локкардъ—5, 20.
Локкъ—280, 475, 480.
Ломоносовъ, М. В. — 47, 51, 60, 286, 294 — 296, 302 — 304, 310, 314, 367, 378, 415, 416, 419—421, 450.
Лопе-де-Вега—447.
Луитпрандъ—140, 145.
Лукіанъ—414.
Львовъ, Н. А.—305, 416.
Львовъ, Ф. П.—300.
Людовикъ XIV—443, 450.

Майковъ, В. И.—292.
Майковъ, Л. Н.—76.
Макаровъ, М. Н.—50—52.
Макаровъ, П. И.—419.
Макинтошъ—4.
Макіавель—14, 287, 288.
Маколей—14, 287, 288, 292.
Максимовичъ, М. А.—56, 57.
Макферсонъ—396, 400.
Макъ-Колокъ—4.
Мальво—385.
Мансуровъ—45.
Манцони, А. — 70, 73, 123, 124, 186, 188 — 190, 193, 194, 219, 224, 227, 329, 335, 346, 347, 353, 364, 365, 433.
Marguerié—185.
Маржеретъ—80.
Марія Николаевна, великая княгиня—488.

Маркевичъ, Н. А.—26, 43.
Маркусъ, Д. М.—57.
Марлинскій, А. А.—см. Бестужевъ, А. А.
Марло—209.
Марль—21.
Мармонтель—73, 278, 384, 418, 419, 421.
Мармье, Кс.—364.
Мартыновъ, И. И.—57.
Марцеллинъ—144.
Масальскій, К. П.—43, 44, 46, 78.
Маскевичъ—79.
Масловичъ—56.
Маттисонъ—332.
Матюринъ—319.
Мауреръ—530.
Мейеръ—6.
Мейснеръ, А.—70, 419.
Менцель, Вольфгангъ—363.
Менъ-Биранъ—480.
Мерзляковъ, А. Ф.—44, 268, 276—278, 294—296, 309, 420, 422, 492.
Мериме, Просперъ—24, 72, 196, 197, 217, 232, 385, 400.
Мерсье, Себастіанъ—184, 232, 332.
Местръ—16, 204.
Меѳодій Патарскій—103.
Милль—5.
Милорадовичъ, гр. М. А.—43.
Мильвуа—400, 431.
Мильмансъ—5.
Мильнеръ—334.
Мильтонъ—27, 284, 376, 384, 396.
Милюковъ, П. Н.—265, 266, 269, 275, 420.
Минье—20, 385.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь—505.
Мицкевичъ, Адамъ—29, 47, 49, 160, 336, 366, 409, 517—519.
Мишле—29, 385.
Мишо—29.
Мольеръ—49, 52, 126, 255, 258, 260, 356, 389, 399, 426.
Монгоммери—396.
Montaigne—69.
Монтескье—280, 384.
Morgan, Lady—331.
Морозовъ, П. О.—281.
Морье—319.
Муравьевъ, А. Н.—46, 48.
Муравьевъ, М. Н.—76.
Муравьевъ, Н. Н.—523.
Муръ, Томасъ—27, 160, 171, 196, 266, 282, 349, 396.
Мухановъ, П. А.—54.
Мэгронъ Maigron, L.)—69, 71, 185.
Musset-Pathay—71.

Надеждинъ, Н. И.—248—250, 318, 334, 336, 355, 365, 440, 449, 452—454, 459, 462, 468, 524.
Нарѣжный, В. Т.—76, 236, 421.
Nebout, P. (Небу)—174, 184, 221.
Невѣдомскій, В.—39, 44.
Necker de Saussure, M-me—186.
Нелединскій-Мелецкій, Ю. А.—416.
Несторъ, лѣтописецъ—80, 410, 519.
Нечаевъ, С. Д.—9, 33, 43, 44, 47, 55.
Нибуръ—14, 120.
Низаръ—325, 332.
Николай I—488, 502, 509, 533.
Новалисъ—28, 166.
Новиковъ, Н. И.—418.
Новосельскій, І. Г.—56.
Ноде—8.
Нодье, Шарль—19, 24, 26, 160, 165, 166, 175, 319, 330, 347, 349.
Нѣмцевичъ—80.
Ньютонъ—415.

Оберманъ—285.
Овидій—304, 416, 450.
Огаревъ, Н. П.—472, 484.
Одоевскій, кн. В. Ѳ.—48, 167, 178, 266, 435, 483, 521, 522.
Озеровъ, В. А.—260, 261, 277, 291, 292, 421, 450.
Олеарій—79, 80.
Олинъ, В. Н.—37, 45, 498.
Омиръ—см. Гомеръ.
Орловъ, В. И.—29.
Орловъ, гр. Г. В.—32.
Основьяненко-Квитка, Г. Ф.—438.
Оссіанъ—260, 292, 294, 384.
Остолоповъ, Н. Ф.—298—300.
Очкинъ, А.—75.

Павелъ I—497.
Павловъ, М. Г.—57, 266, 468.
Павловъ, Н. Ф.—44, 178.
Палицынъ, Авраамій—52, 78, 79.
Панаевъ, И. И.—23, 75, 487.
Панинъ, гр. Н. И.—417.
Парни—379.
Парри—22.
Пассекъ, В. В.—472, 490, 525.
Пезе—400.
Пеккіо, графъ—20.
Пелисье, Ж.—94, 96, 195.
Перевощиковъ, Д. М.—524.
Перелыгинъ, П.—57.
Персій—414.
Пестовъ, И. П.—53.
Петрарка—321.
Петрей—80.
Петровъ, В. П.—296, 416, 421.
Петровъ, К.—53.
Петроній—143.
Петръ I—413, 414, 449, 459, 539.
Пецъ-Галуховскій, Н.—55.
Пикаръ—25.
Пиксерикуръ—345.
Пиктетъ, А.—18, 453.
Пиндаръ—287, 294.
П(инскій)—59.
Писаревъ, А. И.—65, 516.
Пихлеръ, Каролина—70, 74, 319, 334.
Пишо, Амедей—12, 349, 385.
Плаксинъ, В. Т.—49, 151, 242, 318, 323, 526.
Планшъ, Густавъ—248, 249, 359.
Пласъ—5.
Платонъ, философъ—171, 374, 377, 411, 450.
Племянниковъ, В.—53.
Плетневъ, П. А.—292—294, 296, 297, 301, 347, 348, 510, 541.
Плиній—304.
Погодинъ, М. П.—3, 22, 48, 50, 63, 127, 237, 241, 242, 261, 334, 346, 452, 516, 541.
Подолинскій, А. И.—430.
Подшиваловъ, В. С.—419.
Полевой, Кс. А.—48, 121, 129, 146, 266, 267, 471, 474, 475, 484, 488, 489, 491, 494, 496—498, 501, 503, 504, 509, 512, 529, 534—540.
Полевой, Н. А.—7, 8, 11—13, 15—21 23—31, 34—43, 47, 48, 53, 57—60, 62—66, 75, 77, 80, 81, 83—89, 91—93, 96, 97, 104—107, 116—129, 131, 133, 135—155, 157, 159, 160, 163, 164, 170, 171, 174, 178—180, 222, 227, 251, 253—257, 259, 262, 265—272, 273, 275—281, 283, 286, 287, 289—294, 296—304, 305—314, 317, 318, 379, 380, 388, 393, 395, 398, 403, 404, 408—410, 420, 432, 433, 437, 440, 452—454, 459, 462, 467, 470, 474—477, 481—483, 485, 487—498, 500—514, 517—542.
Полевой, П. Н.—96, 148, 474, 514, 518 520, 522, 523, 525, 527, 534.
Полежаевъ, А. И.—431.
Полторацкій, С. Д.—31, 50, 268, 492.
Поль-де-Кокъ—319, 347, 355.
Поморскій—49.
Поповъ, Г. С.—532.
Попъ—389, 396, 414, 443.
Потемкинъ, кн. Г. А.—416.
Прадтъ—367.
Прево—73, 286.
Проперцій—28, 29.
Пушкинъ, А. С.—3, 9, 22, 26, 41, 46—48, 52, 59, 78, 79, 126, 167, 178, 186, 222, 224, 235, 236, 242—244, 248, 250—253, 260, 261, 276, 293, 295, 302, 304, 310, 312, 313, 318, 323, 338, 346, 347, 366, 371, 372, 379, 406, 427—429, 451, 452, 454, 459, 460, 463, 471, 474, 501, 513, 516.
Пушкинъ, В. Л.—42.
Пыпинъ, А. Н.—77, 440, 468, 474, 483, 489, 513.
Пѣтуховъ, Е. В.—246.
Пятковскій, А. П.—471.

Радищевъ, А. Н.—3.
Радклифъ, Анна—69, 73, 327, 328, 330, 419.
Раичъ, С. Е.—см. Амфитеатровъ, С. Е.
Rambaud—95.
Расинъ—194, 195, 198, 200, 202, 203,

207, 208, 216, 217, 223, 231, 240, 255, 258, 260, 274, 285, 286, 304, 321, 345, 366, 384, 385, 389, 399, 414, 416.
Ратьковъ, П. А.—122, 530.
Рединг ъ—6.
Рейбо—470.
Рейнаръ—18.
Ремюза—6, 9, 16, 18, 19, 196, 197.
Ренье—286, 414.
Реньяръ—378.
Рефусъ, Ф.—70.
Ривинусъ—6.
Рикордъ, П. И.—541.
Рихтеръ, Жанъ-Поль—14, 28, 160, 163, 164, 168—170, 177, 333, 334, 344, 362, 386, 405, 407, 444, 454.
Ричардсонъ—169, 282, 327, 328, 340.
Роайе-Колларъ—385, 480.
Рожалинъ, Н. М.—334.
Розбергъ, М. П.—49, 50, 266, 267, 453.
Розенкампфъ, Г. А.—518, 519.
Розенъ, бар. Е. Ф.—44, 261.
Розини—70, 254, 309.
Ролленъ—414.
Роско, Вилліамъ—14, 287.
Россъ—22.
Ротчевъ, А. Г.—25, 28, 45.
Рошетъ—18.
Руничъ, Д. П.—513.
Руссо, Ж. Б.—286, 385.
Руссо, Ж. Ж.—280, 321, 344, 346, 377, 494.
Руссовъ, С. В.—81—85, 498, 500.
Рылѣевъ, К. Ѳ.—318, 320, 453.

Сальфи, Ф.—32.
Сангленъ, Я. И.—52.
Сандунова, пѣвица—421.
Сандуновъ, Н. Н.—524.
Сапѣга—507.
Саси, Сильвестръ—18, 19.
Сахаровъ, И. П.—51, 525, 532.
Свиньинъ, П. П.—50, 474, 512, 514, 515, 517.
Свифтъ—434.
Севинье—285, 286.
Сегюръ—11, 385.
Семеновъ, Ѳ. А.—55.
Семенъ, книгопродавецъ—122.
Сенека—205, 208, 425.
Сенковскій, О. И.—80, 528.
Сентъ-Бевъ—186, 219, 220, 227, 283—287, 292, 301, 331, 352.
Сенъ-Маръ—400.
Сенъ-Пьеръ—400.
Сенъ-Симонъ—469, 470.
Сенъ-Сиръ, маршалъ—11.
Сервантесъ—384.
Симеонъ Полоцкій—412.
Симъ—20.
Sismondi—71.
Скабичевскій, А. М.—501.
Скилитцъ (Скилицій)—145.
Скоттъ, Вальтеръ—5, 12—14, 19, 20, 25—27, 29, 48, 49, 69—71, 73, 75—78, 80, 81, 87, 88, 118, 141, 142, 160, 184—186, 195, 196, 250, 260, 261, 266, 319, 326—329, 331, 334, 335, 340, 341, 346, 347, 350, 356, 357, 360, 364, 365, 377, 378, 389, 396—398, 403, 404, 408, 432, 433, 435, 437, 495, 496, 505, 520, 539.
Скрибъ—24, 25, 331, 384, 418.
Скюдери—378.
Словеницкій—412.
Словцовъ, П. А.—54.
Смирдинъ, А. Ф.—293, 298—300, 471, 514, 527, 531.
Смитъ, Горасъ—27.
Смотрицкій, Мелетій—55, 415.
Снегиревъ, И. М.—148, 149, 508, 513, 523—527.
Соболевскій, С. А.—31.
Соковнинъ, Н.—53.
Соколовъ, профессоръ—56.
Соллогубъ, гр. С. И.—297.
Соловьевъ, С. М.—104—106.
Сомовъ, О. М.—59, 318.
Соути—5, 27, 348, 396.
Софоклъ—206, 207, 278, 292, 364, 374.
Ставринъ, С.—269, 276.
Сталь, баронесса—24, 47, 54, 160, 161, 165, 167—169, 172, 175, 191—193, 219, 224, 232, 280, 281, 330, 367, 377.
Станкевичъ, Н. В.—467—469, 483.
Stapfer—185.

Стендаль—347.
Стернъ—321, 379, 434.
Стефанъ Яворскій—468.
Строевъ, П. М.—50, 64, 522.
Струйскій, Д.—47.
Стюартъ—385.
Суворовъ, писатель—46.
Сулье, Ф.—72.
Сульцеръ—277.
Сумароковъ, А. П.—236, 261, 277, 292, 294, 303, 304, 378, 414, 418, 421, 450.
Сумароковъ, П. П.—46, 47, 78.
Souriau, M. (Syріо, M.)—184, 190, 195, 212, 217, 221.
Сутей—см. Соути.
Сухомлиновъ, М. И. — 301, 491, 492, 522.
Сю, Евгеній—24, 72, 160, 319, 347, 355.

Т—ъ, Ив.—78.
Тальма, актеръ—16, 47.
Тассъ—274, 304, 336, 405, 408, 421.
Татищевъ, В. Н.—79.
Тегнеръ, Исаія—29, 336, 346.
Тенаръ—56.
Теньеръ—421.
Тепляковъ, В. Г.—44.
Терренбергъ, Н. Ф. (Полевая) — 535, 540.
Тибуллъ—29.
Тикъ, Людвигъ—28, 160, 165, 166, 177, 333, 335, 347, 362, 407, 408.
Тимоѳеевъ, К. А.—178.
Тиртей—363.
Титовъ, В. П.—334, 339, 342, 344, 346.
Тихонравовъ, Н. С.—467, 468.
Товарницкій, В. Ѳ.—454.
Толстой, Я. Н.—31, 52, 495.
Толстой, гр. Ѳ. А.—51.
Тредьяковскій, В. К.—303, 304, 378, 414, 416.
Троцкій, П.—57.
Тургеневъ, А. И. — 10, 12, 16, 31, 48, 268.
Тургеневъ, И. С.—467.
Тьерри, О.—186, 356, 385.
Тьеръ—20, 21, 385.
Тэнъ, Ипполитъ—477.

Уваровъ, гр. С. С.—149, 487, 491, 492, 502, 504, 505, 508—510.
Уландъ, Людвигъ—333, 363, 377.
Усовъ, С.—59.
Устряловъ, Н. Г.—50.
Ушаковъ, В. А.—45, 49.

Фагэ, Э. (Faguet, E.)—96.
Фалькенбергъ—272.
Фанъ-деръ-Фельде — 28, 70, 74, 87, 319, 335, 347, 353, 408.
Фарси—285.
Федоровъ, В. М.—45, 516.
Фелецъ (Féletz, Charles-Marie) — 278, 279, 384.
Ферюссакъ—17, 31.
Фильдингъ—327, 328, 340, 344.
Фихте—332, 475, 476.
Флетчеръ—80.
Флоріанъ—73, 418.
Фонвизинъ, Д. И. — 49, 302, 379, 417.
Фонтаней—330.
Фонтенель—421.
Франклинъ—22, 415.
Франкъ, И. И.—540.
Френъ—22.
Фреронъ—285.

Хемницеръ, И. И.—292, 305, 416, 417, 452.
Херасковъ, М. М.—76, 254, 277, 292, 304, 306, 378, 416, 419, 421, 450.
Hetzel—издатель—177.
Хмѣльницкій, Н. И.—260.
Хомяковъ, А. С.—49, 229, 235, 236, 261, 334, 436.
Хоніатъ, Никита—141.

Цвѣтаевъ, Л. А.—504.
Ziesing, Th.—184, 186, 189, 195.
Цицеронъ—304.
Цшокке—28, 70, 74, 319, 334, 335, 353, 355, 408.
Цыхъ, В.—49.

Чебышевъ, А. А.—184.
Чернышевскій, Н. Г.—161, 453, 474.

Шаликовъ, кн. П. И.—60, 516.
Шаль, Ф.—327, 365.
Шамбрэ, маркизъ—9.
Шамполліонъ—18, 29.
Шаплетъ—498.
Шатобріанъ—19, 24, 31, 160, 185, 280, 330, 335, 345, 346, 425.
Шафировъ, бар. П. П.—413.
Шаховской кн. А. А.—49, 249, 254, 426.
Шаховъ, А. А.—164, 165.
Шварцъ, П.—57.
Шевыревъ, С. П.—3, 28, 56, 127, 128, 131, 237, 240, 262, 334, 335, 337, 338, 340—343, 345.
Шези—9.
Шекспиръ—12, 17, 25, 26, 44, 50, 126, 155, 179, 183—188, 192—196, 200—205, 208—210, 213, 215 — 221, 223, 225—231, 233, 235—238, 244, 246, 251, 257, 260, 261, 274, 285, 304, 308, 312, 321, 326, 327, 335, 336, 340, 343, 348, 356, 358, 374, 376, 377, 384, 387—390, 395—397, 399 — 401, 406, 418, 419, 426, 428, 443, 444, 446, 457, 461, 517, 518.
Шелеховъ, Д. П.—57.
Шеллингъ—28, 266, 268, 269, 332, 472, 475, 476, 479, 480.
Шенье, А.—25, 285—287, 431.
Шерръ, І.—74.
Шиллеръ—27—29, 38, 44, 49, 160, 161, 163, 170, 175, 184, 185, 190, 193, 196, 200, 203, 210, 224, 229 — 231, 249, 251, 256, 261, 274, 308, 309, 312, 321, 332, 334, 335, 342, 343, 361, 362, 377, 384, 388, 390, 405—407, 423, 424, 428, 444, 445, 499.
Ширяевъ, книгопродавецъ—493, 524, 526.
Шишковъ, А. С.—42, 419, 492, 496.
Шлегель, А. В.—9, 17, 19, 28, 160, 165, 185—191, 194, 203, 205, 210, 219, 223, 224, 230, 232, 235, 244—246, 279, 344, 345, 367.
Шлегель, Ф.—166, 188, 205, 232, 279, 280, 332, 354.
Шове—189.
Шпиндлеръ—70, 74, 334.
Шредеръ—223.
Штриттеръ (Стриттеръ)—120, 145.

Щегловъ, Н.—56, 57.

Эврипидъ—206—208, 246, 278, 345, 374, 425.
Экземплярскій, А. В.—104, 105.
Экштейнъ, баронъ—16, 19, 204—206, 208—210, 225, 226, 232, 235, 384.
Эминъ, Ѳ. А.—76, 378.
Энсвортъ—20.
Эртель—77.
Эсхилъ—206, 278, 320, 345, 368, 374.
Эшенбургъ—277.

Ювеналъ—278, 414.
Юмъ—239.
Юнгъ—27.
Юсуповъ, кн. Н. Б.—501.

Языковъ, Н. М.—42, 429.
Якимовъ, В.—25.
Якоби—332.
Яковенко, И. П.—53.
Яковлевъ, И. А.—486.
Ястребцовъ, И. И.—56.

Ѳедоровъ, Б. М.—см. Федоровъ, Б. М.
Ѳеофанъ Прокоповичъ—378, 414.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
25	12 сверху	нынѣшняго	прошлаго
30	24 „	нынѣшняго·	прошлаго
57	14 снизу	Ц. Костомарова	И. Костомарова
62	8 сверху	В. П. Андреевъ	В. П. Андросовъ
63	9 „	изданія". Несмотря	изданія. „Несмотря
74	6 снизу	„Гусрситы"	„Гусситы"
74	5 „	„Пеекрещенцы"	„Перекрещенцы"
89	5 „	„Шпіонъ"	„Шпіонъ";
131	13 сверху	толпы,	толпы
137	1 снизу	) Хроника	[9]) Хроника
140	16 „	царствованія·	царствованія:
143	7 „	Frerès	Frères
153	17 „	читаетъ далѣе	читаемъ далѣе
172	2 „	Natonal-Litteratur	National-Litteratur
183	1 „	нашей статьи	нашего очерка
196	2 „	стихъ	стихъ,
198	17 „	надутъ	надутъ,
232	12 „	Борьба классицизма	Борьба съ классицизмомъ
288	2 „	вѣкъ	вѣкъ,
331	2 „	) Тамъ же	[4]) Тамъ же
363	18 „	колеблющихси	колеблющихся
398	8 сверху	*романическимъ*	*романическимъ.*
550	12 снизу	*„Русская*	*Русская*

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
GRADUATE LIBRARY

DATE DUE

JUL 13 1972

DEC 3 1973

JAN 7 1976

JAN 20 1976

MAY 31 1977

Мк. 3289
UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02836 647

Книжная лавка
писателей
Цена 2-50
№ 3600
X. 1920.

BOOK CARD
DO NOT REMOVE
A Charge will be made
if this card is mutilated
or not returned
with the book
GRADUATE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ANN ARBOR, MICHIGAN
KOZMIN, N. K.
GL
DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD